

1941 год ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ

РОБЕРТ КЕРШОУ

БЕРЕЗОВЫЕ
КРЕСТЫ ВМЕСТО
ЖЕЛЕЗНЫХ

Annotation

Уникальная книга британского историка, созданная на основе многочисленных интервью с уцелевшими ветеранами Вермахта, участниками вторжения в СССР. История блицкрига и его провала глазами простых немецких солдат и офицеров, которые на собственной шкуре испытали, что такое война с русским народом, и с ужасом наблюдали, как их поход за победными венками превратился в марш за березовыми крестами.

- [Роберт Кершоу](#)

- [Введение](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
  - [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
  - [61](#)
  - [62](#)
  - [63](#)
  - [64](#)
  - [65](#)
  - [66](#)
  - [67](#)
  - [68](#)
  - [69](#)
  - [70](#)
  - [71](#)
  - [72](#)
  - [73](#)
  - [74](#)
  - [75](#)
  - [76](#)
  - [77](#)
-

Роберт Кершоу

1941 год глазами немцев

Березовые кресты вместо Железных

Введение

До сих пор об операции «Барбаросса» никто так и не опубликовал воспоминаний, сделанных ее непосредственными участниками — простыми солдатами. Историки и оставшиеся в живых участники русско-германской войны 1941–1945 гг., как правило, сосредотачивались на ходе военных операций и тут же сталкивались с крайне неудобными вопросами морально-этического характера, либо обращали внимание лишь на какой-то один аспект войны, начисто забывая о других. Я с интересом прочитал заметки Пауля Коля, который, решив повторить путь частей наступавшей группы армий «Центр», в 80-е годы совершил паломничество в Россию. Из 35 ветеранов, которых Коль решил привлечь к своей акции, лишь трое признались в том, что допускали превышение служебных полномочий в ходе боевых действий. Однако, с другой стороны, практически во всех городах сегодняшней Германии недавно прошла передвижная выставка под названием «*Vernichtungskrieg*» («война на уничтожение»), целью которой было обнародовать и заклеить позором вермахт, возложив на него вину за эту войну. Не стоит забывать о том, что нынешний бундесвер (Вооруженные силы ФРГ) — прямой наследник вермахта. И те из немцев, кому почти не выпало столкнуться с военными преступлениями в период войны, не скупятся на героико-эпические легенды о том времени. В столь же некритичной риторике выдержаны и сказания о героической «Великой Отечественной войне», распространенные в России, где она рассматривается исключительно в идеологической перспективе. Скорее всего, наиболее честно о войне сказал один бывший солдат вермахта, заявивший во время телеинтервью следующее: «Если кто-то утверждает, что большинство немцев были невиновны, то я назвал бы их сообщниками тех, кто совершал преступления».

Война предполагает различные степени ответственности, и они подлежат всестороннему рассмотрению. Тема военных преступлений с болезненной дотошностью изучалась социал-демократически настроенными учеными, в свое время оценивавшими степень виновности американских солдат во Вьетнаме, французских — за постколониальные конфликты в Алжире и британских — за Фолклендские острова. Но проблемы военной морали нельзя рассматривать в черно-белом свете, как полагают упомянутые авторы. Даже солдаты миротворческих сил ООН и НАТО в последнее время имели возможность убедиться на Балканах, что

моральная ответственность в период военного конфликта — понятие растяжимое. Война Германии против Советского Союза была войной между двумя тоталитарными государствами, войной двух идеологий, и степень идеологического давления, оказывавшегося на ее участников, недооценивается современными, возвращенными на демократических ценностях, историками, поскольку последние просто не представляют себе жизни в тех условиях. Гельмут Шмидт, участник Второй мировой войны, а впоследствии федеральный канцлер Германии, в интервью одной из газет бросил камень в огород военных историков, заявив, что не следует воспринимать каждый документ, в котором говорится о военных преступлениях, как неоспоримое доказательство. Не всем немцам, побывавшим на фронте, пришлось столкнуться на войне с творимыми жестокостями, заявил он в подтверждение сказанному.

Документы — очень важные источники. Но и пережитое — тоже истина, поскольку побуждает нас к действию. Именно поэтому предлагаемая книга — есть попытка, изучить, понять и объяснить с помощью солдатских писем с фронта и дневниковых записей, во что верили участники боев, какими мотивами они руководствовались.

Как же все-таки, с точки зрения христианских ценностей, объяснить или, более того, как совместить с этими ценностями систематические зверства, которые творили солдаты вермахта, на первый взгляд люди вполне цивилизованные, в отношении советских военнопленных и гражданского населения? Война — жестокая вещь, и она не щадит никого из тех, кто в ней участвует, одного такого объяснения явно недостаточно. Есть, видимо, какие-то неявные эмоции, последствия пережитого, превращающие героев в заурядных уголовников. И лишь познав эти «слепки» личного опыта, становится возможным верно и объективно оценить чувства, переживания и мотивы солдат, ведущих безжалостную войну на чужой территории. Название книги продиктовано выражением, бытовавшим среди немецких солдат — *«Kein Blumenkrieg»* — «война, где тебя не осыпают цветами». Вряд ли те, кто тогда воевал на Восточном фронте, тешили себя надеждами, что их забросают цветами на этой войне, как забрасывали на берлинских парадах после свершившегося на Западе блицкрига.

Книга признает, что война — это еще и глубоко личное. Воспоминания о ней — сотни и тысячи элементов мозаики, мгновений, запечатлевшихся в памяти подобно фотоснимкам, именно такова и авторская концепция книги. Пять чувств, свойственных человеку, и определили форму, в которой фиксировались изучаемые события. Остается добавить, что душевное

состояние солдат надлежит оценивать, исходя из того, что им довелось испытать, и учитывая идеологическое воздействие, которое на них оказывалось. Отсюда бесчисленные обращения автора к дневникам и письмам.

Важно не забывать о значимости описываемых событий, ибо из 20 миллионов солдат вермахта, участвовавших во Второй мировой войне, 17–19 миллионов воевали в России. Именно им выпало закладывать основу будущего государства, сегодняшней Германии, одной из самых просвещенных и демократичных стран мира. Предлагаемая вниманию читателя книга — это попытка исследования сурового испытания, выпавшего на долю этих людей, ставшего исходным пунктом их становления и определившего их дальнейшую жизнь.

Автор безгранично благодарен супруге Линн, взявшей на себя перепечатку рукописи и ее редакторскую правку. Если в книге и присутствуют ошибки, то они исключительно на совести самого автора, поскольку он отказался их исправлять!

Без Линн эта книга никогда не увидела бы свет.

Сослсбери, 2000 год

Глава 1

«Мир затаит дыхание»

«Представляю, как вы все удивитесь и перепугаетесь. Но бояться нечего, здесь все предусмотрено, никаких сбоев не будет».

Ефрейтор артиллерийского полка.

Суббота. 21 июня 1941 года

Молодой унтер-офицер оторвал взгляд от исписанного листка, ощутив на лице теплый ветерок, прилетевший с литовской равнины. День простоял душный и жаркий. Затем он продолжил писать прерванное письмо:

«У меня такое чувство, что завтра утром, быть может, не завтра, а послезавтра, произойдет нечто, что заставит мир призадуматься. Более того, я не сомневаюсь, что не останусь в стороне от этих событий. Хочется надеяться, что ближайшее будущее еще на шаг приблизит нашу окончательную победу».

Его часть, 6-я пехотная дивизия, была одной из 120 дивизий, сосредоточенных вдоль демаркационной линии, протянувшейся от Финского залива и до Черного моря. Огромная масса людей, три миллиона солдат и офицеров, жила предчувствием чрезвычайных событий.

Лейтенант Герман Витцман, 26-летний командир взвода, сидел вместе с подчиненными в палаточном лагере, замаскированном в лесу неподалеку от реки Буг и в непосредственной близости от советской крепости Брест-Литовск. Погожий июньский день клонился к закату. Верхушки сосен едва заметно колыхались под свежим вечерним ветерком. Сквозь ветви проникали лучи заходящего солнца. «Небо над нами похоже на голубой шатер, — записал Витцман. — Мы стоим на пороге великих событий, — продолжал он исповедь на странице письма, — в которых и мне лично отведена роль». Неизвестность тревожила. «Никому из нас не дано знать, уцелеет ли он в грядущих событиях». Война казалась неизбежной. Вот-вот предстояло начаться новой кампании, но никто не знал, где именно это произойдет. Неуверенностью перед битвой были охвачены все. «После

долгих споров, бесед, вопросов и сомнений мы, наконец, успокоились и расслабились. Как всегда в таких случаях, последнее слово, которое могло разъяснить ситуацию, было сказано».

В этот же день севернее Бреста Итал Гельцер находился в «размалеванной разноцветной палатке, одной из многих в этом лагере, укрытом под высокими соснами». Он чувствовал себя счастливым. Придя в гости к командиру разведывательного взвода, он даже получил возможность встать во весь рост в этой палатке. «Очень удобно, когда одеваешься», — заметил он. Под потолком висит лампа, даже пол имеется, здесь хорошо спать, если только холод по ночам не донимает. Все дело в том, что он был допущен к картам. Они-то и объяснили суть момента. Осведомленность, информированность — дело престижное в кругу однополчан. «Вся карта по краям была усеяна стрелками — направление на Львов», — так Гельцер и написал в своем письме. Больше, чем стрелки, вряд ли скажешь. По вечерам он усаживался под сосны и наигрывал на губной гармошке швейцарские народные мотивы. Перед битвой его, как и многих других, занимали мысли о близких и родных. «Думаю о вас, о тех, кто разбросан по миру, — писал он, — хочется верить, что кончится война и настанет день, когда все мы сможем зажечь жизнью, какой не довелось пожить нашим родителям». Вынужденное безделье и томительное ожидание изматывало. «Разве мне приходилось раньше столько сидеть и ждать?» — вопрошал он в письме. Слухи — один краше другого. «Пришло известие о каком-то соглашении с Турцией; если это говорилось о России, я поверил бы в него по принципу *«credo quia absurdum»* (верую, потому что абсурдно)». Гельцер завершает свое эпистолярное произведение интригующе-цветистым выражением: «Когда вы будете читать эти строки, нам уже все будет известно. Как раз сейчас, в этот вечер, мы находимся на марше». Ему вообще-то знать об этом не полагалось, но стрелки на карте без обиняков указывали пункт назначения его части: местечко Борисычой, севернее Львова. Четыре дня спустя Гельцер погибнет в бою^[1].

Лейтенант Витцман старался ожесточить себя накануне предстоящих сражений. Строки из его письма выдают в нем романтика, глубоко верующего человека:

«Бог-Отец, даруй мне силу, веру и отвагу не склонить головы под свистящими пулями, под грохотом артиллерийских залпов и разрывами бомб, помоги мне не дрогнуть перед танками противника и ужасами газовых атак. Да воздастся Тебе доброта Твоя».

Лейтенант Витцман не переживет и суток.

Перед началом операции предпринимались совершенно

беспрецедентные меры секретности. Без этого было не обойтись. На 800-километровом участке польской территории у демаркационной линии были сосредоточены 7 полевых армий вермахта. Четыре танковых группы и три воздушных флота люфтваффе находились в полной боевой готовности: 600 000 автомобилей, 750 000 лошадей, 3580 танков и самоходных орудий, 7184 артиллерийских орудия и 1830 самолетов. Активность немцев в районе аэродрома Маринглен в Польше привлекла внимание двух польских рабочих, оба примерно догадывались, чем она вызвана. В 1940 году евреев и поляков согнали на принудительные работы по сооружению взлетных полос. Ян Щепаник рассказывает: «Я выполнял все приказы. Если меня посылали в лес таскать оттуда дрова — я их таскал. Надо было доставить стройматериалы для возведения бараков, я занимался этим». И меры, принимаемые для маскировки объекта, не могли не броситься в глаза.

«Когда немцы закончили взлетную полосу, они позволили ей зарастить травой, и даже пасли на ней скот. Она и на аэродром не походила, посмотришь — пастбище и пастбище. Тем более что вся была покрыта белым клевером. Стенами для ангаров служили стволы деревьев, сверху покрытые зеленой маскировочной сетью. Когда листва увяла, ее заменили на свежую».

В одной только Восточной Польше было построено 100 основных аэродромов и 50 полевых. Щепаник и его приятель Доминик Струг прекрасно догадывались, к чему вся эта подготовка. «Все кругом знали и понимали, — в один голос заявили оба поляка, — что речь идет о войне с Россией».

К началу июня месяца артиллерийская батарея обер-лейтенанта Зигфрида Кнаппе была перебросена в Восточную Пруссию. На учениях в районе Просткена, вблизи границы с СССР, Кнаппе вместе с другими командирами батарей был вызван на совещание, где обсуждались вопросы «выбора наиболее удобных артиллерийских позиций с учетом обстрела территории СССР». Командир дивизиона предупредил их об «особой осторожности» при проведении подготовки. В ответ на его слова офицеры сослались на советско-германский пакт о ненападении, но их поспешили заверить, что речь идет «всего лишь об учениях». Позиции были выбраны идеально. После этого командирам батарей приказали выслать солдат, переодетых в гражданскую одежду, для погрузки и транспортировки на позиции снарядов. «Так ваши люди будут выглядеть, как крестьяне, занятые рутинной работой, а боеприпасы необходимо по прибытии на место сразу же разгрузить и замаскировать», — велел командир дивизиона. Смысл дошел до командиров батарей. Один из них поинтересовался: «На

кого мы собрались нападать, герр майор?» Вопрос напрямик явно застал командира батальона врасплох. Смутившись, он попытался отделаться отговоркой: «Это чисто гипотетическая ситуация. Но нужно быть готовыми ко всему». В близлежащих крестьянских 12 хозяйствах срочно реквизировали гражданскую одежду, и переодетые под крестьян солдаты, погрузив 300 снарядов на телеги, перевезли их на подготовленные позиции.

Под покровом темноты на исходные рубежи выдвигались и танки. Передовые части 1-й танковой дивизии покинули места постоянной дислокации в Цинтене под Кенигсбергом 17 июня. Командиры получили приказ передвигаться только в темное время суток. Переодетые в гражданскую одежду и высланные вперед офицеры разведывательных подразделений проводили рекогносцировку участков германо-советской границы на ее литовском участке. Как только дивизия в полном составе выдвинулась в район сосредоточения, всякое передвижение бронетехники было воспрещено. Рядовой Альбрехт Линзен, подразделение которого размещалось в замаскированном палаточном лагере близ Владовой^[2] на высоком западном берегу Буга, вспоминал, что «любые передвижения и занятия вне стен бараков должны были осуществляться с соблюдением мер маскировки». Размеренно, но без особого энтузиазма выполнялись обязанности, «но напряжение с каждым днем росло». Все до единого чувствовали приближение грозных событий, но ни характера их, ни конкретного содержания предугадать никто не мог. Еще один пехотинец, Герхард Гёртц, рассуждал:

«К 20 июня мы поняли, что война с Россией весьма вероятна. Это чувствовалось буквально во всем. Запрещалось раскладывать костры, разгуливать с фонарями и вообще шуметь. Единственное, в чем не сомневался никто, — в том, что нам вскоре предстояла очередная кампания!»

Нежные послания из дома — еще лучшее свидетельство непонимания происходящего. Вот письмо одной любящей супруги своему мужу по имени Хайнц:

«Ты что, на больших маневрах? Бедненький. Ладно, будем надеяться, все сложится так, что, наконец, настанет долгожданный мир, и мы с тобой будем мужем и женой, а еще лучше папочкой и мамочкой».

В полдень 21 июня ефрейтор Эрих Куби, связист, записывает в своем дневнике: «Я на дежурстве, ничего интересного». А в его недельной давности газете «Ди Франкфуртер цайтунг», тоже новостей негусто. Куби предполагал, что должно произойти, но не находил подтверждений своим догадкам. Любопытно лишь, что в тот же полдень капеллан стал

отправлять службу.

«Позабудьте о чувстве товарищества»

За одиннадцать месяцев до описываемых событий генерал Франц Гальдер, начальник Генерального штаба Вооруженных сил Германии, бегло изложил содержание совещания высшего генералитета вермахта, прошедшего в ставке фюрера Бергхоф. Вторжение на Британские острова маловероятно. «Сама по себе война выиграна», — писал Гальдер. И у Британии нет возможности каким-то образом изменить сложившуюся ситуацию. «Надежда Англии — Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка тоже отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии». И в заключение Гальдер нацарапал на листке бумаги: «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия.

Вывод: В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года».

На заседании Имперской кинопалаты. Штурмбаннфюрер СС Фриц Гипплер — постановщик пропагандистского фильма «Вечный Жид»

Решение Гитлера напасть на Россию диктовалось не только, и даже не столько, стремлением исключить из войны Британию. Главенствующими в

этом случае были идеологические соображения. Их будущий фюрер довольно путано и напыщенно изложил в «Майн кампф» еще в 1925 году. За митинговой терминологией, по части которой Гитлер не имел себе равных, скрывалась незамысловатая правда, суть которой сводилась к необходимости войны с Советским Союзом. Раса — вот что, по мнению фюрера, было решающим фактором развития человеческой цивилизации. Германская нация являет собой олицетворение и несокрушимый бастион арийской расы на одном полюсе, а на другом находятся иудеи, евреи, чье «паразитическое и дегенеративное» влияние грозит похоронить цивилизацию. Германского превосходства можно было достичь сначала устранением внутренних политических противников и затем в решающей битве сокрушить державы-победительницы в Первой мировой войне. Для того чтобы в полной мере развернуть потенциал, германским арийцам необходимо расширить границы рейха на восток, обрести «*Lebensraum*»(жизненное пространство). Дальнейшей целью является создание германской империи с границами от Урала до Гибралтара, свободной от евреев, славян и прочих «*Untermenschen*»(«недочеловеков»).

Имперский министр народного просвещения и пропаганды, рейхсляйтер, гауляйтер Берлина, доктор философии Пауль Йозеф Геббельс поздравляет с днем рождения рейхсмаршала, главнокомандующего люфтваффе, имперского уполномоченного по выполнению 4-летнего плана, постоянного заместителя фюрера в совете обороны рейха, главного имперского лесничего Германа Вильгельма Геринга

К 1941 году подавляющее большинство населения Германии, в особенности офицерство, безоговорочно принимало эту теорию.

Сохранились заметки Гальдера о более чем двухчасовом совещании высших офицеров и генералов у Гитлера, где обсуждались вопросы «колониальной политики», связанные со скорым захватом восточных территорий. России грозила участь оказаться расчлененной: север отходил Финляндии, республики Прибалтики планировалось превратить в протектораты, та же перспектива предусматривалась для Украины и Белоруссии. Гальдер писал:

«Столкновение двух идеологий. Мы должны позабыть о духе товарищества и солдатской солидарности. Коммунист никогда не был и никогда не станет нашим товарищем. Речь идет о войне на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, через тридцать лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего противника».

Далее мы читаем написанные рукой Гальдера директивы, воплощение жестокости. «Эта война будет резко отличаться от войны на Западе». Война с Россией будет включать в себя «устранение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции».

Принципы, которыми предстояло руководствоваться штабным офицерам, вскоре нашли отражение в директивах верховного командования. «Командиры, — писал Гальдер, — должны пожертвовать многим, чтобы преодолеть свои колебания». Впредь именно так многие и поступали.

Два месяца спустя генерал-фельдмаршал фон Браухич, в то время Верховный главнокомандующий силами вермахта, издал серию директив, определявших свободу действий командиров в будущей войне. Приказ *«Обращение с гражданским населением на оперативных участках в ходе осуществления плана «Барбаросса»*, подписанный фон Браухичем в мае месяце 1941 года, был снабжен грифом секретности, доступ к документу имел лишь офицерский состав. В основном в этой директиве речь шла об акциях «умиротворения» на занятых территориях, дабы воспрепятствовать всякого рода сопротивлению против представителей оккупационного режима. «Всякое сопротивление, — предписывал фон Браухич, — должно пресекаться решительно, жестко, всеми имеющимися средствами». Войскам «предоставлялось право и вменялось в обязанность ликвидировать саботажников», как «в бою, так и при их отступлении». В случаях проявления акций саботажа предписывалось принимать меры коллективного воздействия по отношению к жителям населенного пункта, в котором такие акции имели место. Позорный «приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 г. был снабжен введением, где говорилось о том, что «в войне

против большевизма принципы Женевской конвенции неприменимы». Таким образом, коммунисты, по мнению немецкого командования, не являлись военнопленными в общепринятом смысле, «следовательно, их надлежит расстреливать на месте». Определять комиссаров следовало по нарукавной нашивке красного цвета «с красной звездой и с серпом и молотом».

Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) и Верховное главнокомандование сухопутных войск (ОКХ) издавали директивы, освобождавшие офицеров и солдат вермахта от ответственности за несоблюдение международных норм. И эти распоряжения, следует отметить, исходили от армейских штабов, а не эсэсовских функционеров. Представители высшего генералитета — Эрих фон Манштейн, Вальтер фон Рейхенау и Эрих Гёпнер — издавали свои, параллельные директивы. Гёпнер напоминал своим подчиненным из 4-й танковой группы о том, что «это извечная битва германских народов со славянскими, имеющая целью защиту европейской культуры от нашествия москвитов и азиатов и еврейского большевизма». И в предстоящей великой битве не должно быть никакого сострадания:

«Целью этой битвы должно стать уничтожение нынешней России, и в связи с этим она должна осуществляться с невиданной до сих пор жестокостью. При планировании и осуществлении любой военной акции следует руководствоваться железной решимостью, беспощадно и окончательно уничтожать врага.

В особенности следует подчеркнуть, что при устранении существующей в России большевистской системы не следует избегать никаких мер».

И носителями этой концепции мирового порядка были солдаты, в первую очередь те, кого взрастил гитлеризм и нацистское мировоззрение. Для них подписание с непримиримым идеологическим противником пакта о ненападении в августе 1939 года являлось фактом положительным, несмотря на имевшиеся оговорки. Фюрер проявил себя искушенным и лукавым политиком, не желавшим для Германии войны на два фронта и повторения катастрофы 1914–1918 гг. И кадры «Дойче вохеншау» (еженедельного документального кинообозрения), где изображался Риббентроп и его историческая миссия в Москву, зрители встречали с таким же восторгом, с каким год назад англичане встречали Чемберлена, размахивавшего листом бумаги по возвращении из Мюнхена. Казалось, Адольф Гитлер обрел способность управлять событиями в мире по своему усмотрению. «Фюрер все держит в руках», — такова была простая и

утешительная истина для малообразованных и политически наивных солдат, когда это касалось внешнеполитической сферы. И, если судить здраво, никакой особой нужды нападать на Советский Союз не было.

Германо-российские отношения с 1918 года в большой степени определялись совпадением национальных интересов обеих стран, временами даже сводившим на нет идеологические разногласия. Обе страны пострадали в Первой мировой войне, потерпев в ней поражение. Обе страны с крайним раздражением воспринимали рождение нового независимого польского государства. Секретный обмен на военном уровне, начавшийся даже до заключения Рапалльского договора в 1922 году, позволил германским фирмам под вывеской берлинских фиктивных компаний производить на территории СССР аэропланы, подводные лодки и оружие всех видов, включая танки и ядовитые газы. Однако германским коммунистам приходилось у себя дома не сладко — в Веймарской республике с ними особенно не церемонились. Возникновение нацистской партии углубило идеологическую пропасть, и налаженные связи оборвались. Интересы России и Германии определили новую тенденцию — к компромиссу, которого желали и Гитлер, и Сталин. Если даже оставить за скобками дипломатический и военный аспекты, в рамках существовавшего соглашения Советский Союз экспортировал значительное количество сырья и сельскохозяйственной продукции в Германию — зерно, нефтепродукты, фосфаты, хлопок, лес, марганец, платина — вот далеко не полный перечень продуктов, регулярно отправлявшихся в рейх. Крайне важна была для Германии и возможность транзитных перевозок из Индии каучука и сои. К 22 июня 1941 года в Германию было доставлено около миллиона тонн минеральных масел. Зондерфюрер Тео Шарф из 97-й пехотной дивизии, входившей в состав группы армий «Юг», отметил:

«Вдоль согласованной в 1939 году демаркационной линии наблюдалась невиданная концентрация войск. На эту тему циркулировала масса слухов. С одной стороны, всем было ясно, что против Советов что-то затевается. С другой стороны, в Германию из СССР исправно следовали нефтеналивные составы с бакинской нефтью».

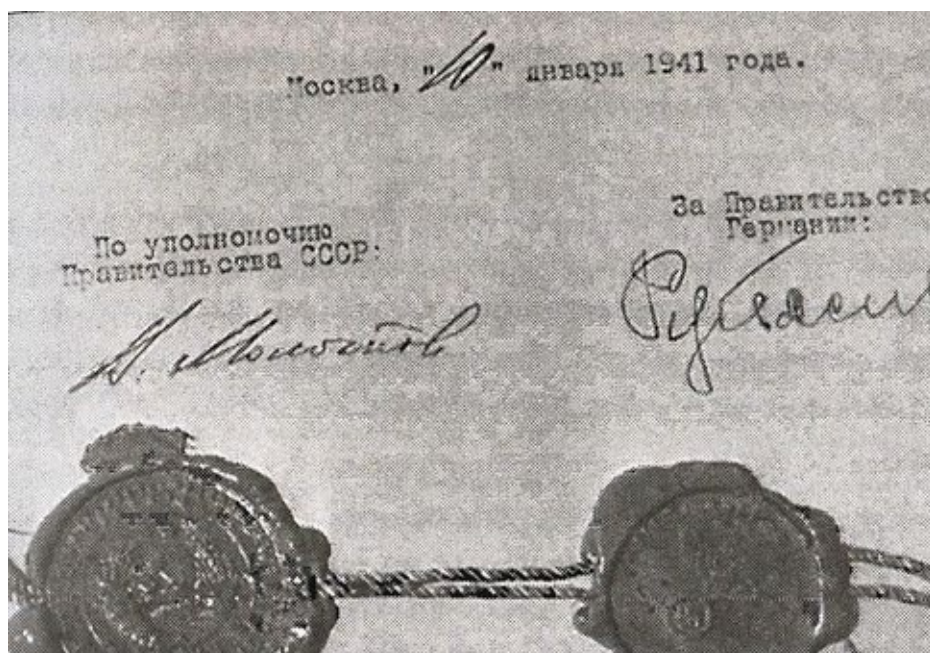
В этой связи всякие мотивы нападения Германии на СССР, несмотря на явные признаки возможности такого развития событий, представлялись абсурдными. Шарф горестно признает: «Я, значит, проспорю тогда одному безвестному советскому лейтенанту бутылку шампанского. Я еще доказывал ему, что мы никогда не нападем на СССР».

Министр иностранных дел СССР Молотов в середине ноября 1940 года нанес официальный визит в Берлин. Это событие с большой помпой

освещалось в германских средствах массовой информации и, в частности, заняло солидное место в выпусках еженедельной хроники «Дойче вохеншау». Простые немцы, знай они, как обстоят дела в действительности, наверняка призадумались бы. За месяц до визита Молотова в Германию планирование предстоящей операции «Отто» (лишь позже ей было присвоено другое кодовое название — «Барбаросса») осуществлялось полным ходом. Гальдер патетически заметил, что, дескать, расчеты России на войну Германии с Англией «явно не оправдаются».

«Мы уже на русской границе — 40 дивизий. Позже будем иметь там 100 дивизий. Россия наткнется на гранитную стену. Однако невероятно, чтобы Россия сама начала с нами конфликт».

«В России управляют разумные люди», — начертал Гальдер комментарий по поводу прогнозов Гитлера о возможном сопротивлении русских в ходе войны. Молотов был не знающим жалости, прожженным дипломатом масштаба Бисмарка. Поэтому когда Румыния и Венгрия присоединились к странам «оси», это заставило Молотова поверить в то, что Германия нарушает дух договора августа 1939 года. Заверения в том, что трехстороннее соглашение (Германия — Италия — Япония) направлено против США и Англии и ничуть не затрагивает интересов России, не убедили советское руководство. Поэтому, в полном противоречии с тем, что говорилось в средствах массовой информации, но вовсе не удивительно для тех, кто наблюдал переговорный процесс вблизи, визит Молотова едва не похоронил германо-советские отношения. Пауль Шмидт, личный переводчик Гитлера, так описывает этот пронизанный едким сарказмом диалог Молотова с Гитлером, который, естественно, не был обнародован. Молотов, по словам Шмидта «... не церемонился в выражениях и вообще не щадил самолюбие Гитлера. Без тени улыбки на лице, бескомпромиссный, злобно посверкивающий очками, он страшно напомнил мне учителя математики, когда, смерив Гитлера презрительным взглядом, точно тот был его учеником, заявил: «Так как же, наше прошлогоднее соглашение еще в силе?»»

10 января 1941 года. Подписи и печати Наркоминдел Молотова и посла Третьего рейха в СССР графа фон Шуленбурга под дополнительным советско-германским соглашением о Литве

Гитлер, кому вдруг показалось, что перевод неадекватен, ответил: «Разумеется, а почему оно должно утратить силу?» На что Молотов ответил: «Да потому что я задал этот вопрос в связи с финнами. Вы ведь очень дружите с финнами. Приглашаете их к себе в Германию, свои миссии к ним высылаете, а финны, между тем, люди очень опасные. Они подрывают нашу безопасность, и нам предстоит что-то решать по этому поводу».

На что Гитлер, разъярившись, ответил: «Я вас прекрасно понимаю. Вам нужна война с финнами, а вот об этом и речи быть не может. Послушайте, вы меня понимаете? — так вот — это невозможно! В таком случае я окажусь отрезанным от никеля, железа и другого необходимого сырья».

Шмидт делает заключение: «Это был очень нелегкий диалог, поединок двух тяжеловесов». Как бы это ни воспринималось, это мало напоминало идеологическое противостояние, речь шла исключительно об узконациональных интересах. Обе страны не доверяли друг другу. Гитлер и приглашенные им на обед муссировали вздорные слухи, распространяемые личным врачом Гитлера д-ром Карлом Брандтом о том, что якобы Молотов велел прокипятить посуду, с которой предстояло есть, дабы уберечься от германских бацилл. Тем не менее, как будут восприняты итоги

переговоров, очень заботило Гитлера, пусть ради этого ему пришлось пойти даже на фальсификацию их итогов. После встречи Гальдер сделал следующую запись: «Результаты: Конструктивный тон. Россия не хочет разрывать отношений с нами. Это должно повлиять на остальной мир». Еженедельная хроника «Дойче вохеншау» информировала аудиторию так:

«Состоявшиеся в Берлине переговоры прошли в атмосфере взаимного доверия и обнаружили полное взаимопонимание по всем вопросам, представляющим взаимный интерес».

«У фюрера всё под контролем»

Солдаты сосредоточенных на востоке дивизий не могли не почувствовать перемену во взаимоотношениях обеих стран. Один лейтенант писал домой в начале марта:

«Знаете, что я отметил? Что сейчас впервые с тех пор, как у нас улучшились отношения с Россией, русские не принимали участия в Лейпцигской ярмарке. Прошлой осенью и летом они были широко представлены и в Лейпциге и в Кенигсберге на Балтийской ярмарке. И если проследить то, что пишется в нашей прессе по поводу нашего вторжения в Болгарию, можно заметить, что на сей раз Москва не упоминается. Сейчас мы ведем переговоры с Турцией о том, чтобы войти в Сирию, где «томми» сосредоточили свои самые сильные армии. И вы думаете, русские будут сидеть сложа руки? Как бы не так!»

Несмотря на все эти «любопытные признаки», младший офицер пришел к заключению, что «нет смысла ломать надо всем этим голову, главного все равно не избежать. Окончательная победа будет за нами». Другой солдат сделал в том же месяце в своем письме такое признание:

«Один русский генерал в нетрезвом состоянии хвалился, если, мол, с Польшей за 18 дней разделались, то с нами [то есть с Германией] и восьми за глаза хватит. Вот такое приходится сегодня слышать! Все это, конечно, очень интересно, но мы не так уж много и знаем о России (что касается территории, армии, казарм, аэродромов и так далее), о Польше, Голландии, Бельгии, Франции, а теперь — и об Англии мы знали куда больше. Но — как бы то ни было — унывать не стоит — у фюрера все под контролем».

Естественно, подобные высказывания — результат размышлений рядового состава. Вся сеть коммуникаций все сильнее растягивалась в восточном направлении. «Барбаросса», такое кодовое название имел план вторжения в Россию, разрабатывался с воистину тевтонской

обстоятельностью. К 14 марта на восток уже были отправлены 2500 грузовых поездов первого эшелона войск. Развертывание войск продолжалось: в период с 8 апреля по 20 мая 1941 года из Германии и Западной Европы на восток было переброшено в общей сложности 17 дивизий, включая их штабы. В течение следующей декады прибыли еще девять дивизий. С 3 по 23 июня из южной и юго-западной Германии прибыли еще 12 танковых и 12 мотопехотных дивизий. Таким образом, общее число сосредоточенных у границ с СССР дивизий достигло 120. «Впечатляет бесконечность пространства, где будут наступать наши войска», — писал Гальдер 9 июня 1941 года. Офицер танковых войск гауптман Александр Штальберг вспоминает:

«В июне поступил приказ, ясно дававший понять, чего нам следует ожидать... Каждый солдат, от простого рядового до командира соединения, должен был освоить русский алфавит. Каждый обязан был уметь читать надписи на картах и дорожных указателях на русском языке. Это, разумеется, говорило само за себя, но разве не подписывали Гитлер со Сталиным пакт о ненападении два года тому назад? Разве не Гитлер лично принимал Молотова в ноябре месяце прошлого года в Берлине, чтобы обсудить с ним — как стало известно впоследствии — вопрос о расчленении Британской империи?»

Лейтенант Ф.-В. Кристианс был твердо убежден, что предстоящая миссия связана с намерением Германии защитить нефтеносные районы Баку от вероятного вторжения англичан. Поскольку между двумя странами существовал пакт о ненападении, то лейтенант не сомневался, что они беспрепятственно проследуют по территории «дружественной страны», и старательно уложил в чемодан свою летнюю форму и кавалерийскую саблю. «Ходили слухи о том, что нам, дескать, предстоит через территорию России передислоцироваться в Пакистан», — так считал Эдуард Янке, стрелок-мотоциклист из 2-й дивизии СС «Дас рейх». Впрочем, никто ничего не мог сказать с определенностью.

«Вроде бы Россия попросила у Германии помощи, но все это были лишь слухи, никто толком в это не верил. Мы поинтересовались у нашего командира взвода: «Так все же, куда теперь?» — «Понятия не имею», — ответил тот».

«Куда мы собрались? — поинтересовался Гётц из танкового разведвзвода. — Уж, не в Турцию ли? Или в Африку?» Ответов на эти вопросы не последовало. Колонны грузовиков тянулись на восток. «Нам ничего не было известно о том, когда выступать», — объяснял он. Вот позади уже остался Берлин, а их гнали дальше. Более-менее что-то начало

проясняться только в Восточной Пруссии. 12-я танковая дивизия начала сосредоточение в лесном массиве близ Сувалок. «Чем ближе к русской границе, тем выше была плотность войск. Никогда прежде мне не доводилось видеть столько техники», — вспоминает бывший солдат этой дивизии Штальберг. Все понемногу стали понимать, в чем дело. Полк Тернера Хельзмана «располагался в 70–80 км западнее Варшавы. Там мы простояли около месяца, и все это время проводились интенсивные учения», — добавил он. «До этого нам раздали карманного формата словари — хоть немного получить русскому. Но я так его толком и не освоил, — признался Хельзман, — разве что «Руки вверх!»»

В сосредоточенных вдоль всей советско-германской границы войсках росла уверенность в скором начале новой кампании. «Здесь столько войск, — писал домой один ефрейтор еще в апреле месяце, — которых пригнали сюда, как и нас, и число их с каждым днем растет». Другой солдат утверждает: «Здесь не соскучишься — все дороги забиты военными транспортом. Что же все-таки ждет нас в ближайшие дни?» Судя по всему, солдат явно не в восторге от предстоящего, это явствует из тона его послания:

«Неужели еще одна война, вторая по счету за этот год? Я уже сыт ею по горло и предпочел бы заняться чем-нибудь поинтереснее, чем еще год таскать эту форму».

Планирование операции «Барбаросса» происходило выборочно, со строгим соблюдением принципа необходимого знания^[3].

Гитлер объявил о своем намерении напасть на Советский Союз 31 июля 1940 года, тогда и началась подготовка плана вторжения. Майор Карл Вильгельм Тило, молодой офицер-штабист, сотрудник оперативного отдела штаба ОКХ, записал в своем дневнике 21 сентября 1940 года в Фонтенбло, где тогда размещался штаб:

«Согласно распоряжению фюрера над территорией России надлежит провести аэрофотосъемку на глубину до 300 км в рамках подготовки вторжения. Мне в составе миссии военного атташе в Москве предстоит проработать задачи воздушной разведки и маршруты полетов разведывательных самолетов на трех направлениях наступления».

Через 11 дней Тило записал, что, по утверждениям военного атташе Германии, посетившего осенние маневры Красной Армии, «там все ждут начала советско-германской войны в 1941 году и считают, что после того, как будет сокрушена Англия, настанет черед России». Согласно утверждению генерала Блюментригга, начальника штаба 4-й армии, ни командующий армией — генерал-фельдмаршал фон Клюге, — ни его штаб

до самого января месяца 1941 года не располагали информацией, указывавшей на скорое начало войны с Советским Союзом. Тем временем планирование продолжалось лихорадочными темпами до самого начала войны 22 июня 1941 года. Гальдер в январе того же 1941 года в двух словах сформулировал задачу предстоящей кампании:

«А. Использовать все имеющиеся соединения (тогда, 29 января, он считал необходимым иметь 144 дивизии)^[4].

Б. Разгромить Россию в ходе быстротечной военной кампании».

Зима 1941 года в Европе была очень снежной

Он изложил главные отличительные черты и основные требования к этой кампании. Расстояние до Днепра, который намечался в качестве рубежа, на который требовалось выйти в первую очередь, — примерно равно расстоянию от Люксембурга до устья Луары. «Быстрота. Никаких задержек!» — отметил Гальдер. Важная роль отводилась транспорту и его организации, причем автотранспорту, а не железнодорожному. По оценкам немецкого военачальника, на тот период была достигнута «высокая степень моторизации» (по сравнению с 1940 годом); кроме того, Гальдер предусматривал создание еще 33 моторизованных соединений^[5].

В течение весны 1941 года на восток перебрасывались все новые и новые дивизии, подготовка стала еще более напряженной по мере того, как в районы стратегического развертывания войск поэтапно стали направляться и штабы соединений, хоть пока и не в полном составе. «Эти месяцы отличались беспокойной атмосферой», — комментировал генерал

Блюментритт. Многим из офицеров высшего командования выпало участвовать в боевых действиях на территории России в период Первой мировой войны тогда еще на младших командных должностях. «Так что мы в общих чертах представляли себе, что нас ожидает», — добавил он.

«И среди офицеров штаба, и среди командного состава дивизий росло чувство неуверенности. С другой стороны, долг требовал от них вдумчивой и упорядоченной работы. С прилавков магазинов вскоре исчезли все книги, так или иначе связанные с Россией».

Сохранились наглядные свидетельства тщательной и кропотливой работы по подготовке плана «Барбаросса». Это оперативная документация и многочисленные карты. Выпускались и доработанные карты-справочники, где указывалось расстояние до Москвы, где были нанесены места дислокации частей Красной Армии, важные промышленные объекты, железнодорожные магистрали, энергообъекты, военные госпитали и местоположение органов административного управления. Информация тактического характера, касающаяся рельефа местности, изотерм января и июля и иных метеорологических данных, была представлена как в форме таблиц, так и карт. Подготовка плана включала и данные фотометрической разведки, фотокарты, в частности, Москвы, с отмеченными на них зданиями, которые надлежало уничтожить в первую очередь. Блюментритт продолжает:

«На самом деле, приходилось изучать и изучать все материалы, связанные с русской кампанией Наполеона в 1812 году. Клюге внимательнейшим образом штудировал описания упомянутой кампании, сделанные генералом де Коленкур, — в них описывалась специфика боевых действий и особенности жизни в России... мы понимали, что скоро и нам предстоит повторить путь Наполеона».

В истории имеется два впечатляющих примера вторжений в Россию: короля Швеции Карла XII, разбитого в 1709 году под Полтавой, и Наполеона в 1812 году. Последний пример был наиболее ценным, поскольку Бонапарт наступал на Москву тем же путем, каким собирался двигаться и Гитлер, — через Смоленск. Отчеты и воспоминания об этой кампании читались запоем. «Письменный стол Клюге в его ставке в Варшаве был буквально завален публикациями на эту тематику», — вспоминает начальник штаба 4-й армии. Предыдущие вторжения потерпели неудачу вследствие огромного растяжения коммуникаций, недостатка провианта и боеприпасов, вызванного перебоями в войсковом снабжении. К фатальному результату для армий Наполеона и Карла привело также отчаянное сопротивление местного населения и ужасающе холодная

русская зима. Все это давало пищу для размышлений, не всегда оптимистичных. Швед Нисбет Байн описал в 1895 году зимние холода 1708 года, сыгравшие роковую роль для армии Карла XII, когда «на бескрайних степных просторах Украины... птицы падали замертво с ветвей деревьев, сраженные морозом, когда замерзло даже вино, да и напитки покрепче обращались в ледяной ком». Беллок описывает погодные условия во время кампании Наполеона 1812 года глазами тех, кому приходилось стоять на посту в мороз:

«Стоя на посту глубокой ночью, эти люди испытывали то, что не шло ни в какое сравнение с выпадавшим на их долю прежде... Европейец просто не представляет себе подобных холодов, надвигавшихся с продуваемых ледяными ветрами азиатских степей... Дыхание замерзло в этом шелестящем от мороза воздухе, дышать можно было лишь сквозь закрывавшую рот повязку из теплой ткани».

Многие из офицеров, сражавшихся в России в период Первой мировой войны, а теперь командовавшие крупными соединениями, имели все основания подивиться стойкости и выносливости русского солдата.

Но те, на кого возлагалось планирование данной операции, были твердо убеждены, что все эти сложности вполне преодолимы техническими и идеологическими средствами. Положенные в основу плана «Барбаросса» расистские концепции нацистов в конечном итоге вели к просчетам в подготовке. И степень потенциального сопротивления населения России, и ее экономический потенциал, и боеспособность Красной Армии — все рассматривалось сквозь призму гитлеровской догмы о «расовой неполноценности славян».

Все втискивалось в прокрустово ложе утверждения Гитлера, что, мол, стоит лишь «поддать, как следует, и режим разлетится, словно карточный домик». «Русский человек — неполноценен, — писал Гальдер на совещании у Гитлера 5 декабря 1940 года. — Армия не имеет настоящих командиров». И непродолжительная кампания, «блицкриг», наверняка станет успешной. «Если по такой армии нанести мощный удар, ее разгром неминуем», — предвещал он.

Первоначально Гитлер принимал Красную Армию всерьез, однако после ужасных потерь в советско-финской войне в 1939 год его отношение к ней круто изменилось. Советские потери объяснялись, прежде всего, внутренними причинами и, в первую очередь, сталинскими чистками предыдущих лет, которые нанесли невосполнимый урон офицерскому корпусу. Разведка указывала на отсутствие в Красной Армии опытных командных кадров. Германский военный атташе оценивал советский

генералитет как «никуда не годный» и отмечал, что, «если сравнивать его с 1933 годом, России потребуется самое малое 20 лет, чтобы выйти на прежний уровень». Более того, так называемый «освободительный поход» Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину во время польской кампании вермахта еще больше уронил авторитет советской военной машины. Молодой унтер-офицер, артиллерист, принимавший участие в «прощальном параде» в Бресте 22 сентября 1939 года, прокомментировал проход советских моторизованных частей перед Гудерианом и русским генералом^[6] такой репликой:

«Советы выглядели убого. И автомобили, и танки допотопные, должен признаться, все это не больше, чем отживший свой век хлам».

Таким образом, планирование операции «Барбаросса» свелось к чисто оперативному аспекту, а вопрос о том, как организовать снабжение войск, наступающих по трем расходящимся направлениям, остался за скобками. Генерал-лейтенант Паулюс, начиная с сентября 1940 года, также участвовал в разработке плана. Предполагалось, что Советы попытаются удержаться вдоль линии Днепр — Березина — Полоцк и в прибалтийских республиках — севернее Риги. Немецкое командование сформировало три группы армий: одну на юге и две севернее Припятских болот. Однако желание немецких генштабистов окружить и уничтожить Красную Армию в западной части России, не дав ей отступить, вступило в противоречие со стремлением Гитлера обеспечить «жизненное пространство» для арийской расы. В полном соответствии со своими теориями фюрер потребовал первым делом овладеть Украиной с ее богатыми сельскохозяйственными ресурсами, а также промышленным районом Донбасса, а далее обеспечить доступ к нефтяным месторождениям Кавказа. Главнокомандующий силами вермахта фон Браухич и начальник Генерального штаба Гальдер, в отличие от него, руководствовались чисто оперативными соображениями — разгромить Красную Армию, а уж потом извлекать экономическую выгоду.

Группе армий «Центр» в составе примерно 51 дивизии под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока отводилась главная роль. Будучи самой мощной из двух армейских группировок, сосредоточенных севернее Припятских болот, она должна была окружить неприятеля в верховьях Днепра и Двины в районе Минска, лишив его возможности отхода в восточном направлении. Кроме крупных сил пехоты, группа армий «Центр» располагала и мощным кулаком мобильных частей: девять танковых, шесть моторизованных дивизий, одна кавалерийская, входивших в состав 3-й и 2-й танковых групп под командованием генералов Гота и Гудериана соответственно. Группе армий «Север», куда менее

многочисленной (26 дивизий), под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба ставилась задача нанести удар в направлении Ленинграда и, соединившись с финскими частями, разгромить силы русских в районе Балтийского моря. Танковые удары осуществлялись тремя танковыми и двумя моторизованными дивизиями, входившими в состав 4-й танковой группы под командованием генерала Гёпнера. Группа армий «Юг» насчитывала 40 дивизий, и командовал ею генерал-фельдмаршал фон Рундштедт. При поддержке 14 румынских дивизий и венгерского корпуса этой группе предстояло наносить удар из Польши во взаимодействии с пятью танковыми и двумя моторизованными дивизиями 1-й танковой группы под командованием генерала фон Клейста. Ее целью было окружить неприятельские силы восточнее Киева. Примерно 22 дивизии, включая две танковых, находились в резерве. Кулак из трех групп армий, несмотря на добавленные к ним мобильные танковые группировки, состоял, главным образом, из пехотных соединений. Именно бронированному кулаку предстояло задавать темп наступления, в противном случае войска передвигались бы по территории России со скоростью армии Наполеона 130 лет назад.

Из плана видно, что в нем не уделялось должного внимания материально-техническому снабжению войск. Возобладала точка зрения Гитлера об упадке «еврейско-большевистской» системы, что, в свою очередь, привело к абсолютно неверным обобщениям относительно уязвимости и слабости СССР. К ноябрю 1940 года специалисты по войсковому снабжению исходили из возможности бесперебойного войскового подвоза в 600 км от исходных рубежей. Специалисты же по вопросам оперативного планирования ставили задачи достичь целей, расположенных в 1750 км от исходных рубежей, причем на всю кампанию отводилось от 6 до 17 недель. И те, кто планировал операцию, и Гитлер исходили из показателей, достигнутых в ходе кампаний в Польше, Нидерландах и Франции. Немецкий солдат представлялся им способным на все, и в принципе это было не так уж и далеко от истины. Ошибкой было отсутствие обобщенного практического опыта ведения боевых действий такого масштаба. Тем не менее в узком кругу Гитлер уверенно заявил: «Когда план «Барбаросса» будет введен в действие, мир затаит дыхание».

«Завтра нам предстоит вступить в битву с мировым большевизмом»

«Вся подготовка свидетельствовала о скором нападении на Советский

Союз, — заявил рядовой пехоты Вальтер Штолль. — Мы с трудом верили в это, но факты говорили сами за себя». И перспектива была не из радужных. «Мы продолжали надеяться, что все это не всерьез», — продолжал он. Ранним утром 21 июня офицеров вызвали на совещание. Обычно это предвещало что-то серьезное. Именно так случилось и на этот раз.

«В 14 часов рота выстроилась. Лейтенант Хельмштедт, командир роты, с мрачным видом появился перед нами. Он зачитал приказ фюрера вермахту, — теперь нам стала понятна цель нашего пребывания здесь и всей тайной подготовки последних недель».

Унтер-офицер Гельмут Колаковски, еще один пехотинец, узнал обо всем примерно таким же образом.

«Поздним вечером наш взвод собрали в сараях и объявили: «Завтра нам предстоит вступить в битву с мировым большевизмом». Лично я был просто поражен, это было как снег на голову, а как же пакт о ненападении между Германией и Россией? Я все время вспоминал тот выпуск «Дойче вохеншау», который видел дома и в котором сообщалось о заключенном договоре. Я не мог и представить, как это мы пойдем войной на Советский Союз».

Как и предполагалось, приказ фюрера вызвал удивление и недоумение рядового состава. «Можно сказать, мы были огорошены услышанным, — признавался Лотар Фромм, офицер-корректировщик. — Мы все, я подчеркиваю это, были изумлены и никак не готовы к подобному». Зигфрид Лауэрвассер, прикомандированный к люфтваффе и следовавший к месту назначения поездом, тот вообще ни о чем не подозревал. «Нам никто не сообщил, куда и зачем мы едем, — заявил он и рассказал, как пытался сориентироваться по местности, глядя из окна вагона. — Подъехали к какой-то станции, название было написано по-польски». В ту же ночь они прибыли на место, где их разместили в только что сооруженных бараках на 100 человек. Один из офицеров показал им, где разместиться. Как только Лауэрвассер вместе со своими товарищами собрались, офицер, по-видимому, уже не в состоянии молчать, признался им:

«Мне не положено об этом говорить, ребята, но в 4 часа утра все и начнется!» Мы были в шоке. Что должно начаться? Потом, уже к вечеру, мы понемногу стали понимать, кого нам предстоит атаковать. Мы столько тогда передумали!»

«Об операции «Барбаросса» и о том, что нам предстоит выступить, мы узнали всего за несколько часов до ее начала», — так вспоминал тот день Эдуард Янке из 2-й дивизии СС «Дас рейх».

Узнав о том, что все-таки их ожидает, все почувствовали облегчение.

На смену неизвестности пришло волнение. «Это томительное ожидание измотало всех», — сокрушался один ефрейтор.

«Теперь уж поскорее бы», — думали все. В конце концов, чем раньше эта война начнется, тем раньше закончится. Нервозность пронизывает строчки писем домой. «Мы все здесь просто измучились от ожидания», — писал один солдат.

«Обо всем напишу потом. Трудно, очень трудно все это осознать. Сейчас, конечно, нервы на пределе, но зато потом нас ждет победоносное завершение!»

Многие, вероятно, даже большинство смотрели на все хладнокровно. В конце концов, они ведь солдаты. Для офицеров и унтер-офицеров война была уже не в новинку, кое-каким опытом они располагали. Те и восприняли новость гораздо спокойнее. Предыдущие кампании оказались недолгими и победоносными. «Мы были непоколебимо уверены, что и эта тоже не затянется», — заявил ефрейтор Эрих Шютковски из горнопехотного полка.

«Лично я, бросив взгляд на карту, на все эти просторы, задумался, мне вспомнилась участь Наполеона, постигшая его в России. Но я вскоре об этом позабыл. Позади было столько побед, что никто из нас всерьез не задумывался о поражении».

«Почему вам всем кажется, что это затянется надолго? — допытывался один ефрейтор в своем ответном письме домой. — С Россией дело в шляпе, как говорится, я теперь не сомневаюсь, что наша победа не за горами». Для гауптштурмфюрера Клинтера, командира роты из 3-й дивизии СС «Мертвая голова», новость о предстоящей войне с Россией вряд ли была сюрпризом — типичная реакция выдавшего виды солдата. «Утром начинается война с Россией. В 4.00», — будничным голосом объявил он подчиненным. Ничего не попишешь — приказ есть приказ, и мы обязаны ему подчиниться. Ведь было столько примеров, когда фюрер, опираясь на присущий ему дар предвидения, оказывался прав.

И фаталистическое восприятие вполне отвечало духу офицера СС: «никаких сомнений и размышлений быть не должно». Чаще всего на смену изумлению приходили холодная решимость и вера в победу. Бенно Цайзер, проходивший в тот период обучение на военного водителя в одном из учебных подразделений вермахта, демонстрировал типичный для тыловика восторг.

«Все это кончится через каких-нибудь три недели, нам было сказано, другие были осторожнее в прогнозах — они считали, что через 2–3 месяца. Нашелся один, кто считал, что это продлится целый год, но мы его на смех

подняли: «А сколько потребовалось, чтобы разделаться с поляками? А с Францией? Ты что, забыл?»

Впоследствии все очень часто вспоминали тот последний мирный вечер у демаркационной линии в Польше. Обер-лейтенант Зигфрид Кнаппе, артиллерист, видел «безмятежно спящую и освещаемую луной деревню в нескольких километрах, которой суждено было стать нашей первой целью». Кнаппе еще подумал, какой прекрасный ночной пейзаж для картины. «Вдыхая пряный аромат хвои, я обошел свое подразделение, еще раз проверив, все ли в порядке». Ожидание боя обостряет чувства, подобно сильнодействующему лекарству, все виделось как-то обостренно, четче обычного.

«Теперь я уже задумывался о каждом из них в отдельности, чего раньше я за собой не замечал. Одни робкие, застенчивые, другие дерзкие; одни угрюмые, другие смешливые; одни честолюбивы, другие безмятежны; одни расточительны, другие скопидомы. Самые разные мысли роились в этих головах под стальными касками... Один солдат что-то бурчал про себя, будто в полудреме. На лицах читалось предчувствие неизвестного, другие вспоминали дом и своих любимых».

Кнаппе в своих людях не сомневался. «Они сильные, умелые и уверенные в себе». Конечно, ветеранов тоже одолевали сомнения, но они держали эмоции на замке. Гауптман Ганс фон Лук, прошедший кампанию во Франции, следовал нехитрому правилу солдата — «думай о хорошем, не позволяй себе думать о плохом». В конце концов, разве кампания во Франции не была образцовой? А ведь тоже боялись. «Но теперь эйфорию минувших месяцев сменяли более трезвые размышления». Кнаппе сознавал, что «даже молодые, возвращенные на национал-социализме солдаты не считали, что Россию можно одолеть одним только идеализмом». И на следующее утро эти солдаты, по примеру своих предшественников незапамятных времен, «сосредоточатся на настоящем, на выполнении своего «долга».

Мотоциклетные части германской мотопехоты придавали ударам вермахта особую стремительность

Именно о выполнении долга сейчас и следовало подумать. 88-мм зенитное орудие Генриха Айкмайера было размещено у самого берега Буга, по центру батареи.

«В последний мирный вечер к нашему орудю проложили множество новых телефонных линий; а утром появилась целая толпа офицеров, большинство незнакомых и даже несколько генералов. Нам было сказано, что наше орудие первым выстрелом подаст сигнал к открытию огня. Все осуществлялось под контролем секундомера, первый выстрел должен быть произведен в строго определенное время. Мы первыми открываем огонь, затем орудия справа и слева от нас, вот так и начнется война».

Много позже Айкмайер признался: «но действительно ли наш выстрел стал первым, я имею в виду всю группу армий «Центр» — этого я утверждать не могу!»

Лейтенант Ганс-Йохен Шмидт вместе с подчиненным ему подразделением должен был выйти к месту сбора в низине на рассвете. «Каждый боец получил по 60 боевых патронов, — сообщил он, — и приказ зарядить оружие. Напряжение достигло пика, нечего и думать было о сне». Шмидт с невыразимой отчетливостью вспоминал о доме. По радио передавали веселую музыку.

«В рейхе никто не подозревал о том, что затевается, по радио звучали бодрые танцевальные ритмы, музыка проникала в самую душу».

Реальность происходящего заставила вновь переключить внимание. «Колонна пришла в движение, автомобили потянулись друг за другом».

В Германии погода была знойной. Берлин мирно спал, хотя во всех

войсковых штабах царила суматоха. Гражданское население не знало и не ведало о происходящем. «В добавление к уже циркулирующим слухам поползли новые, постепенно обраставшие все новыми и новыми деталями», — такие строки содержались в секретном отчете СС о политической ситуации в рейхе. В отчете, среди прочего, упоминалась даже предполагаемая дата вторжения в Советский Союз — 20 мая, а также о якобы готовящемся визите Гитлера в Данциг для второй встречи с Молотовым «на высшем уровне, с целью урегулировать разногласия между Германией и Россией дипломатическим путем, как это было в 1939 году». Поговаривали и о том, что в Берлине якобы формировались добровольческие отряды из латышей, эстонцев и литовцев. Слухи, как утверждалось в отчете, «в основном основывались на письмах солдат, дислоцированных у границ с СССР». 17 июня одна супруга отправила своему мужу полное безудержного оптимизма послание:

«Дорогой, надеюсь, ты получил мое письмо. Судя по твоему тону, письма к тебе не доходят. Ненаглядный мой, я не могу понять, почему. Как только я вернулась в Рейдт, так села написать тебе письмо. Это было 8 июня. Надеюсь, что оно все же дойдет до тебя. Но, Йозеф, тебе нечего печалиться, наше время еще придет. Я буду терпеливо ждать тебя».

Другая жена трагично восприняла отправку мужа на восток и теперь сокрушается, что не сможет его увидеть в желанные выходные. Она жалостливо извиняется перед ним 36 за свое неправильное, как она полагает, поведение, она просто опустошена:

«Когда я попыталась дозвониться до тебя, женский голос сказал мне, что ты утром в половине девятого уехал. И тут у меня внутри все словно оборвалось, все это куда хуже, чем я могла себе представить. Скажи мне, с тобой тоже так, и извини за кляксы — это мои слезы!»

В письмах преобладали бытовые темы: воздушные налеты «томми», одежда, продуктовые карточки. В большинстве писем присутствовали вполне объяснимые опасения:

«Любимый мой, я все время держу пальцы крестом, чтобы ты вернулся к своей дорогой женушке и деткам. Дорогой мой, надеюсь, ты здоров, как там твои ноги? Дорогой, я днями и ночами думаю о тебе, потому что знаю, каково тебе приходится, если ты на марше... Ты сражаешься и должен сражаться, чтобы защитить свою женушку и деток; если бомбы летят мимо, это значит, мы тебя должны за это благодарить... Никогда тебя не забуду и всегда буду тебе верна...»

Норберт Шультце, берлинский композитор, вернулся домой после утомительной гастрольной поездки в полдень 21 июня. И тут его

неожиданно вызвали на радио к директору. Он и еще один музыкант, Гермс Ниль, получили приказ участвовать в конкурсе «по сочинению музыкальной заставки к сводкам германского радио о ходе восточной кампании». Им дали два часа, после этого министр пропаганды Геббельс, который правил какой-то текст, должен был выбрать мелодию. Обоих композиторов провели в комнату, где стоял рояль. В конце концов, конкурс выиграл Шультце; Геббельс остановил выбор именно на его мелодии, сказав: «А теперь мне хотелось бы, чтобы вы сочинили и завершающую мелодию для русских фанфар». — «Не понимаю?» — пробормотал Шультце. «Разве вы не знаете?» — в свою очередь удивился Геббельс. Шультце на самом деле ничего не знал: «Нет, я за последние несколько дней ничего не слышал. У меня не было ни минуты свободной из-за гастролей». Министр пропаганды поставил пластинку «Прелюдий» Листа. Ее, оказывается, уже раза три передавали по радио, но Шультце не слышал. «Сочините концовку, — распорядился Геббельс, — ею будут открываться все сообщения по радио». Это была мелодия, которой начинались выпуски кинохроники «Дойче вохеншау», и она же превратилась в мелодию, предваряющую выпуски сообщений ОКВ. Ей суждено было стать увертюрой к сообщениям о ходе военной кампании против Советского Союза. Один унтер-офицер, артиллерист писал домой:

«А теперь о том, как тут дела. Через три часа мы передадим по радио приказ об открытии огня по позициям русских, и огонь этот сметет все живое. Вы будете спокойно спать, а мы с первой волной вторгнемся на территорию противника. Но уже утром вы узнаете, что пробил час, вспомните обо мне, пусть даже это письмо не успеет дойти до вас. Представляю, как вы все удивитесь и перепугаетесь. Но бояться нечего, здесь все предусмотрено, никаких сбоев не будет...»

Вдоль всей границы с Советским Союзом германские войска выдвигались на исходные рубежи. «Я находился в составе частей первой волны», — заявил Гельмут Пабст, унтер-офицер артиллерии, действовавшей в составе группы армий «Центр». В его дневнике с фотографической отчетливостью запечатлен последний этап подготовки. «Части стали бесшумно выдвигаться на исходные рубежи, все разговоры велись шепотом. Скрипели колеса, передвигались штурмовые орудия». Все эти образы навечно остались в памяти тех, кто смог уцелеть. Пехота начала развертывание. «Они шли в темноте призрачными колоннами по полям, на которых росла капуста и рожь». Достигнув исходных рубежей, они перестроились для атаки. Солдаты лежали, вжавшись в землю, слушая, как шевелятся в траве жуки и прочая живность, как квакают в Буге лягушки, и

пытаясь разобрать доносившиеся с противоположного берега реки звуки. Все, затаив дыхание, ждали первого орудийного залпа.

А в тылу, на взлетной полосе полевого аэродрома Маринглен, сооруженного на территории оккупированной Польши, по воспоминаниям польского рабочего Доминика Струга, «в два часа ночи запустили двигатели. Аэродром ожил, в воздухе резко запахло авиационным бензином, все вокруг заволокло дымом от выхлопов двигателей». Рабочий продолжает: «Мы сразу же сообразили, что происходит. Потом мы узнали, что немцы начали войну с русскими». Самолеты, разбежавшись по полосе, поднимались в воздух и брали курс на восток. «Все до единой машины направлялись на восток, на Брест...»

Глава 2

«Простые служаки» — германский солдат накануне начала «Барбароссы»

«Эта муштра — да, временами бесчеловечная — была необходима, чтобы сломить нашу гордость, уничтожить чувство собственного достоинства и превратить молодых солдат в податливую массу, которая, не задумываясь, выполнит любой приказ».

Германский солдат

«Бесконечное давление на личность»

Каждая армия, комплектуемая на основе всеобщей воинской повинности, есть отражение общества, ее создавшего. Однако вермахт образца 1941 года не являлся точной копией нацистского государства: в конце концов, он образовался из рейхсвера времен Веймарской республики. Но Вооруженные силы Германии переживали стадию перемен. Процесс этот, начавшийся в 1933 году, осуществлялся по мере экономического подъема Третьего рейха и военных успехов. Блицкриг в Польше, Нидерландах и Франции ознаменовал собой невиданный триумф армии. В кадрах еженедельного кинообозрения «Дойче вохеншау» все могли видеть Гитлера и его триумфальное возвращение из Франции. Он — на пике могущества и славы. Отбрасывая тени, поезд мчится в Берлин. Крестьяне вытягивают руки в нацистском приветствии, истерически рукоплещущие толпы, прибытие в столицу рейха, обставленное с воистину вагнеровской торжественностью. Дети в форме гитлерюгенда забираются на фонарные столбы — радость на лицах. Кордоны эсэсовцев едва сдерживают толпы обезумевших от восторга фрау. Геринг, вышедший к Гитлеру на балкон рейхсканцелярии, судя по выражению лица, поражен зрелищем несметной толпы, восторженные вопли которой не утихают на протяжении всего выпуска хроники.

Начало 1941 года. Член экипажа тяжелого бомбардировщика FW-200 «Konдор» наносит на хвост машины очередную отметку победы

Боевой дух вермахта в ту пору переживал кульминационный взлет. Кадры «Дойче вохеншау» с торжественным парадом победы в Берлине, показанные крупным планом, озаренные радостью женские лица, даже одинокая женская туфля на высоком каблуке на усыпанной цветами мостовой, запечатленная оператором после того, как схлынула толпа, полны патетики. Победителей Берлин встречал с подобающими им почестями. Организации и частные лица спешили выразить «благодарность нашим беспримерным солдатам», захлебывались в восторге средства массовой информации. Раненых осыпали подарками и пригласительными билетами на торжества. Это было лучшее время. В мае 1941 года рядовой Бенно Цайзер вспоминает о том, как его забирали в армию:

«Это были славные дни фанфар, парадов и «специальных сообщений» о «наших славных победах», они следовали одно за другим, именно это и обусловило приток добровольцев. Все казалось бесконечным праздником. Мы все ужасно гордились собой».

Успехи на фронте породили невиданный всплеск идеализма, подпитывавший нацистское мировоззрение, которое в нашем основанном на демократических ценностях, куда более трезвом и даже циничном обществе выглядело бы странно и нелепо. Лейтенант Герман Витцман, в прошлом студент теологического факультета, маршировавший на восток с пехотными частями от Атлантического побережья Франции, сделал в своем дневнике высокопарную запись:

«Мы выступили утром! Маршировали по знакомым дорогам, останавливались на постой в знакомых деревнях. Снова на дорогах

Франции пехотинцы, в дождь и слякоть, пехотинцы минуют кривые улочки французских городов, непрестанно думая о доме. Пехотинцы рейха! Германские пехотинцы! Я — во главе первого взвода! Именем Господа нашего!»

Послевоенное поколение приложило немало усилий в попытках примирить столь разные понятия, как солдаты, искренне верующие в Бога и вполне добропорядочные члены общества, и расистскую философию, позволявшую им идти на вопиющие нарушения международных законов ведения войны. После войны один немецкий солдат, уже будучи вне влияния факторов, воспитавших его, дал гневную и отчасти гротескную характеристику типичного «вояки» той поры:

«Что касается меня, стать солдатом было чем-то само собой разумеющимся. Пойти добровольно — только добровольно, но никак не по принуждению! И я пошел в тридцать девятом, но не из патриотизма, нет, и не из-за криков «ура!» — тогда вопили все, кому не лень. Не поэтому. Военщина у нас в крови. Отец был строгим, но справедливым».

Расизм являлся неотъемлемой частью общества, зародившегося еще в имперский период, в какой-то степени сохранившегося в Веймарской республике и своего пика достигшего после 1933 года. Он продолжает:

«Я был убежден, что большевизм необходимо искоренить. Пусть для этого и потребовалось две мировых войны! Только в мирное время большевики уничтожили восемь миллионов человек. А вы говорите! И меня возмущает [тут он повысил голос], что немецких солдат записали в людоедов!»

Чтобы осмыслить подобное утверждение, необходимо проникнуть вглубь, попытаться понять для себя ту атмосферу, которая была характерна для нацистской «фабрики манекенов». Внешне это проявлялось в стремлении воздействовать на характер будущего солдата, сформировать из него нерассуждающую машину. На него оказывалось давление, заставляя его подчиниться, усвоить образ мышления, поступки и предрассудки его товарищей, более того, закрепить их. В письме, отправленном за месяц до нападения на Россию, солдат признается родителям:

«За обедом опять всплыла тема евреев. К моему удивлению, все непоколебимо уверены, что евреям делать на этой планете нечего».

Те, кто с подобной точкой зрения не соглашался, обрекались на то, чтобы стать изгоями, оказаться отринутыми стадом, осмеянными и униженными. Испокон веку кодексом любой армии являлось подчинение большинству. Подобное беспрекословное подчинение возводилось в норму и нацистским государством, которому этот солдат служил. Таким образом,

речь идет о личном выборе морали в окружении, предписывающем мораль корпоративную. И человеку приходилось молчаливо покоряться перевернутым с ног на голову ценностям. Актриса Маргот Хильшер вспоминает:

«Я жила на Фридрихштрассе, неподалеку от Курфюрстендамм, в этом районе проживало много евреев, и мне не раз приходилось своими глазами видеть, как наши сограждане — владельцы магазинов и покупатели — обходились с ними. Стыд и позор! И еще больший позор, что мы-то боялись. Трусливо отворачивались, будто нас это не касается. Мол, ничего не вижу, ничего не слышу».

Национал-социализм поставил себе на службу все средства, чтобы упрочить свои социальные институты и перемены, в первую очередь радио и кино. И то, и другое было общедоступным. Нацисты организовали массовое производство дешевых радиоприемников с фиксированной настройкой на станции, кино также пользовалось всеобщей популярностью вследствие опять-таки дешевизны и общедоступности. После 1933 года перемены пошли семимильными шагами. Новая идеология внедрялась повсеместно. В особенности в молодежной среде, откуда и предстояло рекрутировать пушечное мясо будущих войн за «жизненное пространство». «Не успеешь и оглянуться, не говоря уже о том, чтобы все, как следует, обдумать, как за тебя уже все решено».

И вот 22 июня 1941 года почти три миллиона немцев и их союзников ждали сигнала к нападению на Советский Союз. Понимали ли они, что предстоит подвергнуть испытанию выбранные ими, хоть и не добровольно, ценности? Все эти 17–19 миллионов немцев, которым предстояло пройти ужасы Восточного фронта? И хотя они успели постичь науку убивать на поле брани, в политическом отношении представляли собой людей крайне наивных. Многие и повзрослели-то на войне, но что за опыт политической борьбы может быть у граждан тоталитарного государства? Впоследствии они не раз становились объектом осуждения ученых-историков, выпестованных на конституционных принципах и ценностях демократического общества. Макс Кунерт, кавалерист, вспоминает о травмирующем переходе от гражданской жизни к военной. Даже будучи закален полугодовым опытом отбывания «трудовой повинности», где преобладала атмосфера «товарищества, взаимопомощи и дисциплины», он испытал шок, столкнувшись с армейским бытом:

«Первые шесть месяцев все казалось физически невыносимым, мы все чувствовали, что утрачиваем свое Я, медленно, но неуклонно превращаясь в безликую солдатскую массу. Политике там места не было, — разве кому-

нибудь в армии позволялось голосовать?»

Любимец Германии, экс-чемпион мира по боксу в тяжелом весе Макс Шмелинг, добровольно вступивший в парашютные войска и участвовавший в высадке на Крите

Политический выбор в тоталитарном государстве — вещь абсурдная, ибо подавляющее большинство населения понятия не имеет, что такое выбор. История доказывает нам, что кровавые диктатуры порождают в людях определенные поведенческие стереотипы, которые в нормальном обществе воспринимаются как неадекватные и даже отталкивающие. Зигфрид Кнаппе, в 1938 году молодой офицер, вспоминает о резонансе, вызванном «хрустальной ночью» (общегерманским еврейским погромом) среди его личного окружения. «Мы в казармах об этом не рассуждали, — говорит он, — потому что нам было стыдно за наше правительство, за то, что оно позволило подобные вещи». Кнаппе признает: «антисемитизм всегда достаточно отчетливо проявлялся среди населения Германии, но никто не считал, что он должен принимать такие формы». Столь откровенное заявление показательно для большинства немцев, а также немецких солдат и офицеров той поры. Вообще, антисемитизм в его крайних формах не был характерен для большинства военных. Гельмут Шмидт, молодой офицер ПВО, побывавший в составе 1-й танковой дивизии в России, решил эту проблему очень быстро. Его поколение, как он высказался уже после войны, не обладало никакими стандартами для самооценки:

«Ни мое поколение, ни следующее [призывники] и понятия не имело о какой-то там шкале самооценок. Вот поэтому нас и отдали на съедение

[Гитлеру]».

Личные моральные установки и предпочтения оказывались в противоречии с общепринятыми. Нацистские стандарты при всей их распространенности охватывали не все население Германии; имелось много и таких немцев, кто просто предпочел пойти по пути наименьшего сопротивления. И часто подобная позиция не вызывала угрызений совести. Все, что от них требовалось, это «принять участие», «приобщиться к большинству», к чему и призывало нацистское учение, его идеология. По мысли Кнаппе, «мы не разделяли ненависти Гитлера к евреям и просто старались дистанцироваться от малосимпатичных его черт». Куда ведь легче, да и куда безопаснее было просто плыть по течению. Это вполне вписывалось в универсальную, общемировую солдатскую философию, главный постулат которой — «не высовывайся». Инге Айхер-Шолль на себе почувствовала, что значит «идти не в ногу» со всеми. Ее брат и сестра были казнены за участие в группе антигитлеровского Сопротивления «Белая роза». И, подвергнувшись аресту гестапо и допросу, Инге поняла, куда может завести такая позиция:

«Мне было всего 19 лет, все это так подействовало на меня, что я больше не смогла избавиться от страха вновь оказаться в тюремной камере, а именно это они и сделали бы со мной».

Ее вынудили подписать бумагу о том, что она никогда и ни при каких обстоятельствах не станет обсуждать детали ее допроса, в противном случае это может стать причиной ее повторного ареста. Это обстоятельство породило перманентный страх. «С того дня, — вспоминала она, — я страшилась тюрьмы, и этот ужас окончательно добил меня, превратив в совершенно пассивное существо».

Гауптман Клаус фон Бисмарк, адъютант командира батальона 4-го пехотного полка, вспоминает, какой шок вызвал у него пресловутый «приказ о комиссарах».

«Все мое существо воспротивилось этому, и я сказал: «Нет, я этот приказ выполнять не буду». Многие из моих друзей разделяли мое мнение, о чем я и доложил своему непосредственному начальнику. Он лишь угрюмо взглянул на меня. Мы считали его порядочным человеком до мозга костей».

4-й пехотный полк, как и другие подразделения, дожидавшийся сигнала к выступлению дивизии, по словам Бисмарка, представлял собой «хоть и довольно консервативный полк, но все же традиции рейхсвера периода Веймарской республики не окончательно умерли в нем». Гауптман Александр Штальберг из 12-й танковой дивизии услышал о «приказе о комиссарах» от своего двоюродного брата, Хеннинга фон Трескова,

офицера Генерального штаба группы армий «Центр». «Это же убийство!» — так оценил он его. Его двоюродный брат придерживался того же мнения:

«Вот таков этот приказ, именно поэтому нам не позволено доводить его до личного состава в письменном виде, но зато предписано устно передавать его по команде в ротах перед каждым боем».

Потрясенный Штальберг спросил, от кого исходит упомянутый приказ. «От того, кому все мы приносили присягу [от Адольфа Гитлера]. В том числе и я», — ответил фон Тресков, многозначительно посмотрев на своего брата. Подполковник Генрих Бекер, его начальник, как и подобало, зачитал этот приказ своим подчиненным, услышав в ответ лишь «ледяное молчание». Перед тем, как разрешить офицерам уйти, Бекер предостерег:

«Считаю необходимым напомнить вам о Гаагской конвенции о ведении боевых действий. Я имею в виду обращение с военнопленными и ранеными. Все те, кто будет замечен в дурном обращении с военнопленными и ранеными, будет отдан под суд. Вы понимаете меня, господа?»

«Господа» были не из непонятливых. Фон Бисмарк из 4-го пехотного принял решение не расстреливать комиссаров, поскольку и как солдат, и как христианин не мог осознать, почему вермахт должен физически устранять тех, кто исповедовал иное мировоззрение. Все они были офицерами и посему куда внимательнее прислушивались к голосу собственной совести, нежели ко всякого рода коллективным решениям, определяя для себя способ действий в грядущей кампании.

Но имелись и те, кто столь же решительно проповедовал и другую точку зрения. Унтер-офицер Вильгельм Прюллер из группы армий «Юг» занес в дневник следующую мысль:

«Близится битва национал-социализма с коммунизмом, повинным в гибели стольких людей. И нам всеми средствами нужно стремиться к тому, чтобы как можно скорее выиграть ее».

Антисемитизм, конечно, успел укорениться среди большинства военных. Прюллер пишет о том, что видел, как в Ченстохове и других городах «евреев сгоняли в стада, как скот», что все они были обязаны носить белую повязку с синей звездой Давида. «И так должно быть во всем мире!» — признавал он. Но в высказываниях служащих вермахта проскальзывает подобие сочувствия к полякам, оказавшимся в зоне немецкой оккупации. «Люди в основном подавлены. Ходят, опустив голову. Везде за продуктами огромные очереди. Полякам здорово достается!» — к такому выводу приходит унтер-офицер Вильгельм Прюллер. А русским придется и того хуже.

Почитание долга и неукоснительное выполнение приказов считались жизненно необходимыми качествами для каждого германского солдата. С понятиями «долг и порядок» он знакомился с детства, ибо они являлись неотъемлемой частью германского духа. И нацистское государство до самого своего конца использовало эти исконные прусские добродетели. И речь в данном случае идет не просто о бездумном и безусловном подчинении. Эти понятия означали железную самодисциплину и самовоспитание: готовность ответить перед Богом и начальством за свои деяния, какими бы последствиями это ни грозило. Такую философию ничего не стоит обратить во вред, и ее цинично эксплуатировали. Все начиналось с юных лет. Генри Метельман, который проходил призывную подготовку в момент начала кампании в России, размышляет:

«И хотя все, что было связано с нацистами, вызывало у моего отца отвращение, мне в гитлерюгенде нравилось. Форма казалась мне просто великолепной, этот темно-коричневый цвет, да и черный, свастика, и эта блестящая черная кожа. Красота!»

Роланд Кимиг, которому тогда исполнилось 14 лет, вспоминает: «все кругом было регламентировано и втиснуто в рамки. Тебе не позволялось просто болтаться без дела, ты маршировал». Все делалось с определенной целью. Метельман считал, что в гитлерюгенде «нас готовили к армии» и что в армии «нас всему научат куда быстрее». Впоследствии, «когда нас пустили на танки — мы уже знали, что делать». В ходе начальной допризывной подготовки Кимиг подчинился этому суровому и беспощадному режиму, который сместил все его ценности. Им на смену пришли другие, желательные и полезные для армии.

«Нас заставляли бегать, гоняли, как лошадей, заставляли ползать по земле, мучили нас всеми способами. И мы тогда не понимали, что все это для того, чтобы сломить нас, подавить волю у чтобы мы потом слепо следовали приказам, не утруждая себя вопросами типа «А для чего это? А зачем то?»

Акты сопротивления подобному обращению были редкостью. Гётц Регер, танкист, считал его «обычной армейской боевой подготовкой». Естественно, что у любого штатского подобные, зачастую бесчеловечные методы вызовут шок. «Конечно, — заметил Регер, — если кто-нибудь, скажем, вел себя неподобающе, то приходилось считаться и с последствиями подобного поведения». Немецкие солдаты-новобранцы

бегали, прыгали на корточках, прыгали на месте, совершали марш-броски с полной выкладкой — их заставляли падать на землю, снова вскакивать и так по много раз. «Теперь, если я вижу кого-нибудь в военной форме, — признается танкист Ганс Бекер, — я тут же представляю его лежащим мордой в грязи, ожидающим, пока командир милостиво позволит ему подняться». Целью такого обращения было довести новобранца до такого состояния, когда он уже чисто механически исполняет то, что ему в этот момент велят. И срабатывало. Вот что рассказывает Кимиг:

«Эта муштра — да, временами бесчеловечная — была необходима для того, чтобы сломить нашу гордость, уничтожить чувство собственного достоинства и превратить молодых 48 солдат в податливую массу, которая, не задумываясь, выполнит любой приказ».

Вследствие этого известие о вторжении в Россию, похоже, не вызвало у солдат никаких эмоций, кроме поверхностных разговоров, и не заставило их задуматься о целях предстоящей кампании. Лейтенант Хуберт Бекер поясняет:

«Мы не понимали задач этой кампании в России, изначально не понимали. Но это был приказ, а приказы надлежит исполнять не за страх, а за совесть — вот девиз солдата. Я — орудие в руках государства и обязан исполнять свой долг».

Дисциплина вошла в плоть и кровь солдат вермахта. Сдвиг ценностей в результате безоговорочного принятия «приказа о комиссарах» не был темой открытых обсуждений. Многие солдаты согласились бы с мнением Хуберта Бекера, высказанным им уже в послевоенные годы. Понятие альтернативы было им неведомо.

«Мы никогда не считали, что солдатом злоупотребляют. Мы ощущали себя германскими солдатами, которые служат своей стране, защищают ее, неважно где. Никто не хотел ни боев, ни этой кампании, потому что наши родители много рассказывали нам о Первой мировой войне и об ее последствиях. Они нам говорили так: «Если случится еще одна война, это будет конец». А потом в один прекрасный день нам приказывают выступить. И кто-нибудь возразил? Да никто!»

Часовой Лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» у казармы

Вера в фюрера заставляла солдат быть готовыми к вторжению в Россию. Военная присяга, «*Ich schwöre...*» предписывала поклясться в верности сначала Адольфу Гитлеру, затем Богу и фатерланду. Генри Метельман вспоминает, что, произнеся слова этой присяги, «мы стали настоящими солдатами, солдатами в полном смысле этого слова». Мнение и опыт Метельмана были типичны для всех тех миллионов немецких солдат, которые ожидали сигнала к началу действий согласно плану «Барбаросса». «В нас воспитали любовь к фюреру, он стал для меня вторым богом, и когда нас убеждали в его великой любви к нам, к германской нации, мне иногда хотелось расплакаться», — писал он. Крах иллюзий еще последует, но в 1941 году Гитлер находился на пике славы и могущества. Идеализм и чувство благодарности за, как тогда казалось, позитивные перемены поддерживали эту славу, хотя прозрение было уже не за горами. Метельман с восторгом вспоминает о том, что дал ему нацизм:

«Раньше единственное, что мы могли себе позволить, так это погонять в футбол, а гитлерюгенд предоставил нам в распоряжение настоящий спортивный инвентарь и возможность посещать недоступные раньше спортивные залы, бассейны и даже стадионы. Я никогда в жизни не мог поехать куда-нибудь на каникулах — у отца гроша за душой не было. А теперь, при Гитлере за пустяковые деньги я мог отправиться в прекрасный лагерь где-нибудь в горах, на берегу реки или даже у моря».

Веймарская республика, провозглашенная в 1918 году, возложила на свои плечи бремя проигранной войны. И это государственное устройство явилось для очень и очень многих немцев лишь «промежуточной станцией» на пути в лучшее будущее. Традиционные ценности, такие, как

упорный и добросовестный труд и бережливость, оказались обесцененными вместе с маркой. Мартин Коллер, пилот люфтваффе, вспоминал: «Моя мать рассказывала мне, что в тот год, когда я родился [1923-й], бутылочка молока стоила миллиард марок». Экономика, отличительными чертами которой в двадцатые годы были высокая безработица, низкие прибыли и дефицит госбюджета, казалось, начинала процветать с приходом фюрера. Бернارد Шмитт, уроженец Эльзаса, выразил мнение всех немцев, проголосовавших за НСДАП:

«В 1933–1934 году Гитлер пришел к власти как избавитель. Мы не могли желать лучшего правителя для Германии — мы видели, как он разделался с безработицей, коррупцией и подобными негативными явлениями».

Даже Инге Айхер-Шолль, у которой нацизм отнял брата и сестру, утверждает:

«Гитлер, как все в один голос утверждали, стремился к величию нашего отечества, его процветанию и благу для него. Он мечтал у чтобы у каждого была работа и свой кусок хлеба, чтобы каждому немцу жилось свободно. Мы считали, что это прекрасно, и также стремились внести свой посильный вклад».

Даже когда все пошло наперекосяк, немецкие солдаты продолжали верить Гитлеру. Отто Кумм, служивший в войсках СС, признавался: «Естественно, все мы недоумевали в конце кампании 1940 года, когда было решено не выступать против англичан, но все это длилось недолго». Никто не задавал вопросов высшему руководству, напротив, солдаты ему доверяли. Колебания Кумма «носили поверхностный характер и не подвергали сомнению гений вождя».

Накануне начала операции «Барбаросса» немецкий солдат верил в себя и своего фюрера. Пехотинец Георг Бухвальд считает: «Мы хорошо проявили себя во Франции», такого же мнения придерживался и гауптман Клаус фон Бисмарк: «Мы гордились собой — своей жизнестойкостью, выдержкой и дисциплиной». Победа над Францией изменила умонастроения и в тылу. Хериберт Миттельштадт, которому в ту пору минуло 14 лет, поразился, когда услышал из уст матери слова «наш чудесный фюрер». Это случилось после победы над Францией. Миттельштадт считает, что «вопреки ее религиозным верованиям, какое-то время она была свято убеждена, что все обернется к лучшему и войну мы выиграем». Его отец три года провел в окопах Первой мировой войны и, как казалось Миттельштадту, «так и не сумел до конца смириться с горечью поражения».

Штефан Томас, врач и социал-демократ, как-то разговорился с одним пожилым ветераном политических кампаний, и тот признался, что начинает порой сомневаться, «а в той ли партии мы состоим». Томас тоже имел все основания задуматься: «Мой отец три долгих года просидел в грязи под Верденом в Первую мировую, а теперь в 1940 году на его глазах Франция перестала существовать за три недели. Блицкриг».

Доверие к высшему руководству имело своим следствием укрепление духа товарищества и даже отражалось на поведении солдат. Как и во всех армиях мира, в вермахте темой номер один были женщины. Победоносные итоги западной кампании в этом смысле явно приносили бойцам выгоду. Унтер-офицер танковых войск Ганс Бекер вспоминает о том, какой воистину магический эффект оказывали наградные планки и медали на представительниц слабого пола.

«Они были не прочь показаться под ручку с увешанным наградами военным, пусть даже раз в неделю сходить с ним на танцы или в кино».

Военный люд охотно применял терминологию боевых действий к амурным делам. «Подходы к позициям», «решительное наступление», «круговая оборона», «вынужденная посадка» — все это была новая стилистика, рожденная на свет милитаризованным обществом.

Никогда вермахт еще не пользовался такой популярностью. Один унтер-офицер танковых войск в черной форме, как-то потеряв в кино кольцо своей возлюбленной, без труда добился выплаты ему соответствующей суммы от дирекции кинотеатра. Юрген Э., познакомившийся с одной симпатичной девушкой во время увольнения, удостоился приглашения на квартиру уже в первый вечер. Молодой человек не мог поверить свалившемуся на него счастью. Оказавшись у нее в гостях, он сообразил, что его просто-напросто «взяли в плен», выражаясь военным языком. Счастье длилось целых три недели, а потом девушка стала его женой.

Два связиста, Карл Хайнц Краузе и Ганс Карл Кубяк, части которых дислоцировались в Восточной Пруссии, были направлены в Берлин для приобретения дефицитных 52 радиодеталей, — командование решило запастись ими впрок на период русской кампании. В столице Краузе познакомился с поварихой по имени Берта. Кубяку было поручено писать душещипательные любовные послания — малограмотный Краузе сам ни за что не осилил бы их, а в награду автору писем полагалась доля продуктовой посылки, которую регулярно направляла повариха своему возлюбленному. Даже после ранения в России Краузе поддерживал связь со своей воздыхательницей ради солидной прибавки к солдатскому пайку,

ссылаясь на раны обеих рук. Берта выражала сочувствие. Солдаты, как мы видим, своего не упускали, витая между жизнью и смертью.

«Готовы... к тому, что должно случиться!» Германская армия. Июнь 1941 года

Победа над Францией, достигнутая всего за полтора месяца, несомненно, принадлежала к числу военных достижений, но в некоторых аспектах она оказалась и вовсе уникальной. Многие дивизии стран-союзников получили боевое крещение, сталкиваясь с мобильными частями вермахта. К такого рода сражениям они оказались совершенно не готовы. Командующий 4-й армией генерал фон Клюге оценивает кампанию во Франции хладнокровно, аналитически, признавая, что победе в немалой степени способствовал ряд специфических факторов. Низкий боевой дух французской армии, полное превосходство в воздухе сил люфтваффе, исключительно благоприятные погодные условия и комбинированное применение авиации и танковых частей — все это и привело к столь ошеломляющему успеху.

Тактические принципы германской армии особенно славились среди военных и очень хорошо себя зарекомендовали. Их суть состояла в предоставлении командирам максимальной свободы при выполнении четко поставленных задач, развитии инициативы у штабных работников всех уровней. Генерал Эрих фон Манштейн, командующий корпусом, также считал, что победа во Франции целиком и полностью зависела от неспособности неприятеля противостоять немецким танковым силам. Уроком этой кампании стало то, что и в армиях других стран начали переходить к нанесению массированных ударов танковыми клиньями, активно использовать авиацию для поддержки наземных сил. И времена легких побед канули в Лету. После серьезных поражений начального этапа кампании французские дивизии героически сражались под Дюнкерком, оказываясь даже в безвыходных ситуациях. Ко времени окончания боев на Западе германские войска потеряли четверть своих танковых сил — 683 танка, а также убитыми — 26 455 человек, ранеными — 111 640 и пропавшими без вести — 16 659. Так что не такой уж веселой и безоблачной оказалась эта «прогулка» по Франции.

Германские пехотинцы тренируются преодолевать водную преграду

Офицерский корпус германской армии, следует отметить, вполне всерьез и с уважением воспринимал Красную Армию. Если подходить к будущей кампании с мерками Первой мировой войны, то, судя по всему, она будет куда серьезнее предыдущих. Русские солдаты всегда отличались выносливостью, способностью выполнять поставленную задачу даже в нечеловеческих условиях. Тактическая доктрина русских мало отличалась от германской и также имела ярко выраженный наступательный характер. Фон Клюге считал, что, несмотря на несомненный успех моторизованных частей его 4-й армии во Франции, она все же недостаточно сильна для боев на просторах России. Там немецким войскам надо будет действовать еще более решительно и энергично.

20 марта 1941 года фон Клюге распорядился уделять на учениях больше внимания развитию у солдат выносливости, — в России нечего рассчитывать даже на минимальный комфорт. И людям, и гужевому транспорту предстоит совершать продолжительные марши, не исключается возможность применения противником химического и биологического оружия. Войскам наверняка придется отражать контратаки больших сил пехоты, которую будут поддерживать артиллерия и танки. Германский солдат должен быть готов к рукопашным схваткам, ему необходимо освоить тактику ночного боя. Русские, эти «дети природы», такой тактикой владеют отменно. Несмотря на острую нехватку всего необходимого, Красная Армия экипирована куда лучше, чем прежние противники вермахта. Германскому солдату следует взять на вооружение опыт финнов и испанцев — в частности, это касается борьбы с танками. Сражения

будущей войны будут разворачиваться не на хороших дорогах Западной Европы, а на бескрайних степных просторах, в огромных лесных массивах со всеми вытекающими отсюда проблемами. В ходе предстоящей кампании штабы частей окажутся крайне уязвимы. Обычных мер безопасности в России явно будет недостаточно. Поэтому штабным офицерам необходимо прекрасно владеть личным оружием и быть готовыми применять его, если потребуется. Подобные перспективы для многих казались устрашающими.

Как ни странно, но поразительные успехи германской армии особенно рельефно выявили целый ряд организационных проблем и просчетов в боевой подготовке личного состава. Это выразилось прежде всего в снижении меткости стрельбы, отсутствии навыков ведения рукопашного боя, в неумении вести боевые действия ночью и в лесистой местности. Немецкие пехотинцы стали крайне неохотно относиться к учениям, они не уделяли достаточного внимания фортификационным работам. Гитлеровская политика выделять огромные суммы на строительство казарм привела к тому, что немецкий солдат стал более изнеженным в сравнении с 1914 годом.

А между тем именно пехотные части, так не поспевшие за требованиями, предъявляемыми грядущей кампанией, и составляли основную массу германской армии. Именно им предстояло заниматься уничтожением окруженных частей противника, которые, как предполагалось, окажутся в «котлах» в результате действий подвижных моторизованных соединений вермахта. Германским пехотным частям требовалось время на переформирование и доукомплектование после серии проведенных демобилизаций. Уроки кампании во Франции были ясны. Вермахту как воздух нужны были моторизованные части и разведывательные подразделения. Скорость проведения операций во многом зависела от того, с какой скоростью передвигалась пехота. Поэтому во Франции наступающим пехотным частям пришлось спешно создавать моторизованные батальоны, усаживая личный состав на трофейный транспорт, включая и гражданские автомобили.

Войскам требовалось и куда более эффективное противотанковое орудие, чем «колотушка» — такого названия удостоилась 38-мм противотанковая пушка, которая не могла пробить броню даже устаревших танков. Появилась острая необходимость усовершенствования методов боевого применения артиллерии и формирования подразделений корректировщиков артиллерийского огня. Теперь, после захвата во Франции большого количества трофейной техники, появилась возможность заняться реорганизацией пехотных частей. Поэтому еще в разгар

французской кампании Гитлер официально приказал сократить армию до 120 дивизий, но в то же время количество мобильных частей увеличивалось — до 20 танковых и 10 моторизованных дивизий.

Однако два с половиной месяца спустя Гитлер принимает прямо противоположное решение и отдает приказ довести количество дивизий до 180, мотивируя это подготовкой к началу русской кампании. Всего за 11 месяцев до вторжения в Советский Союз началась лихорадочная работа по формированию новых частей и разработке планов предстоящих операций. В итоге все надежды на скорую модернизацию — оснащение пехоты и артиллерии мобильными средствами и новыми видами оружия — пошли прахом.

Для оккупации Европы и обороны захваченных территорий от предполагаемого вторжения англичан, по мнению германского Генерального штаба, требовалось иметь в составе вермахта к июню 1941 года 209 дивизий. Однако имелись и другие ведомства, куда уходили и без того скудные ресурсы живой силы и техники. Так, например, люфтваффе Геринга существенно увеличило численность наземных служб после падения Франции. А 3 декабря 1940 года Гитлер очередной своей директивой распорядился сформировать воздушно-десантный корпус на базе 22-й пехотной дивизии. Между тем за два месяца до этого в парашютно-десантные части из армии уже передали 4500 солдат, для вооружения которых потребовалось 20 000 винтовок и пистолетов. Британские бомбардировки рейха вынудили Гитлера передать летом 1940 года в распоряжение люфтваффе 15 000 зенитных орудий и 1225 офицеров для организации сил ПВО. 8 ноября 1940 года Гитлер объявил о своем решении иметь в составе вермахта 4 дивизии войск СС, а полк СС «Адольф Гитлер» был усилен до бригады. Впрочем, их боеготовность армейские офицеры оценивали как крайне низкую. В конце августа 1940 года Гитлер решил демобилизовать из армейских рядов 300 000 рабочих металлообрабатывающей промышленности в целях усиления военного производства^[7]. Для формирования новых дивизий призывался контингент 1919, 1920 и 1921 годов рождения. Начальную подготовку они начали проходить в августе 1940 года, завершение ее планировалось на май 1941 года, то есть непосредственно перед началом русской кампании.

Выполнить указание Гитлера об удвоении числа моторизованных дивизий было невозможно в принципе. В мае 1940 года армия рейха располагала 10 танковыми дивизиями, их число к июню 1941 года достигло 19. Но для этого пришлось вдвое уменьшить количество танков в дивизии. Отжившие свой век танки Т-I и Т-II снова оказались в строю, поскольку

танковая промышленность Германии была неповоротливой, производство танков составляло всего 200 машин в месяц. Вместо 324 танков на дивизию, как это имело место в 1939 году, в июне 1941 года, перед кампанией в России, в танковых дивизиях вермахта насчитывалось от 150 до 200 танков. Создание 10 новых танковых дивизий вынуждало армию отбирать грузовики у пехотинцев, но даже в этом случае одна танковая дивизия оказалась укомплектованной исключительно трофейным автотранспортом, захваченным у французов. И германская пехота оказалась в еще более невыгодном положении. Имелись дивизии, полностью укомплектованные артиллерийскими и противотанковыми орудиями чешского и французского производства. Отсутствовала единая организационная структура быстро формировавшихся новых моторизованных дивизий. Это были в основном полки двухбатальонного состава, кроме того, в них входил один батальон мотоциклистов; а иногда еще и механизированный батальон, личный состав которого передвигался на бронетранспортерах^[8].

Проводимое лихорадочными темпами формирование новых частей и соединений чрезвычайно негативно отражалось на качественной их составляющей. Германская пехота 1941 года мало чем отличалась от таковой периода начала кампании во Франции в 1939 году. Практически ни одна из реформ, намечаемых по завершении упомянутой кампании, так и не была завершена. Танковых дивизий стало числом больше, они располагали и большим количеством средних танков — Т-III и Т-IV, — но они были слабее дивизий образца 1939 года. Поставки новой техники в рамках переформирования продолжались буквально до самого начала операции «Барбаросса», вплоть до момента стратегического развертывания войск. Лейтенант Кох-Эрбах, командир роты в 4-й танковой дивизии, получил смонтированные на полугусеничных машинах 37-мм противотанковые орудия «буквально за пару дней до 22 июня 1941 года». Моторизованная бригада СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» начинала кампанию, имея 2325 грузовиков, 240 из которых были трофейными. Довольно скоро по причине отсутствия запчастей вышло из строя свыше 1200 машин. В мае 1941 года 20-я танковая дивизия была переброшена к месту сбора в Восточной Пруссии со значительным недокомплектом транспортных средств. Согласно оперативным сводкам полков и дивизий запасные части поступали «нерегулярно, в недостаточном количестве, как правило, всего за несколько дней до решающих сражений». Система материально-технического снабжения работала в страшном напряжении, а

между тем до начала кампании оставались считанные дни^[9].

98-я пехотная дивизия, по завершении кампании во Франции демобилизованная, была вновь сформирована в феврале месяце 1941 года. И хотя в соединении началась и полным ходом осуществлялась боевая подготовка, «вопрос «что же стало с 98-й дивизией?» занимал многих». Более того, казалось, все эти «отпускники из промышленности» — те, кого на время демобилизовали — «за время отсутствия напрочь позабыли даже то, что знали». Это еще одно доказательство тому, что германские солдаты отнюдь не были сверхчеловеками. Как и в других армиях мира, солдаты вермахта были субъектами оказываемого на них давления (которому они иногда могли и воспротивиться). Солдата-новобранца тут же отучали от всякого подобия проявлений независимости. Система работала лишь в том случае, если все превратятся в податливую массу. Вот что составляло основу всей подготовки. Солдаты же «высовываться» не желали. Поэтому никто и не обсуждал «приказ о комиссарах». Германский солдат верил в своих умных офицеров и фюрера, продемонстрировавшего успехи и в экономической, и в дипломатической, и, как это выяснилось недавно, в военной области. Если от них требовали воевать с Советским Союзом, что же, фюрер прекрасно знает, что делает, посему нечего и рассуждать. Солдат вполне устраивал принцип «долг и приказ» и служить «по-солдатски». И офицеры не сомневались, что, несмотря на все огрехи, каждый в отдельности немецкий солдат превосходит своего русского противника.

Пулемет MG-34 обеспечил пехотным подразделениям вермахта огромную огневую мощь

120 германских дивизий, сосредоточенных у границ с Советским Союзом к 22 июня 1941 года, представляли собой невиданную в мировой

истории военную мощь^[10]. В том, что касалось технического оснащения и боевого опыта, вермахт намного превосходил Красную Армию. К тому же немецкие войска были заранее отмобилизованы, выдвинулись на рубежи атаки и имели преимущество внезапности. Боевой дух вермахта находился на небывалой высоте, а идеологическая обработка солдат отличалась беспрецедентной эффективностью. Молодежь составляла 75 % общей численности вермахта и 66 % численности сил люфтваффе. Обер-лейтенант д-р Мауль, адъютант командира батальона 289-го пехотного полка, получил Железный крест накануне отправки в Россию. Вот что он пишет своей жене:

«Своим примером я приблизился к идеалу. Подобные стандарты нужнее всего армии именно сейчас. Я готов ко всему, что бы меня сейчас ни ожидало!»

А то, что ожидало этого обер-лейтенанта, до неузнаваемости перекроило карты Европы на многие последующие десятилетия.

Глава 3

На советской границе

«Природа дышала удивительным покоем и умиротворением».

Советский офицер.

«Не было никакой информации...»

В глубине страны части Красной Армии пришли в движение. Бесконечные составы, груженные танками, замерли в ожидании прибытия в приграничную зону. Около 4216 вагонов с боеприпасами по лабиринту железных дорог направлялись к границе. Спешили в пункты назначения 1320 составов с грузовиками — и их срочно перебрасывали к границе. В середине июня 1941 года 63-й стрелковый корпус, 200-я и 48-я стрелковые дивизии находились в пути, как и многие другие соединения Красной Армии. Гигантский груз в виде военных карт — 200 товарных вагонов — дожидался своей очереди на дорогах Прибалтийского особого, Киевского особого и Западного особого военных округов. Советским железным дорогам ранее не доводилось сталкиваться со столь объемными по масштабам грузоперевозками, причем так и оставшимися практически не замеченными для глаз германской разведки. Все составы следовали в западном направлении...

Около 170 из общего числа 230–240 советских дивизий были сосредоточены в западной части Советского Союза, но многие из них не были укомплектованы согласно штатам военного времени. Все они входили в состав первого эшелона армий прикрытия — 56 располагались непосредственно у границы и 114 дислоцировались на некотором от нее удалении. Десять советских армий распределялись по четырем приграничным военным округам с севера на юг. Прибалтийский особый военный округ насчитывал 26 дивизий 8-й и 11-й армий, включавших 6 танковых дивизий. Южнее размещались 3-я, 10-я и 4-я армии, относившиеся уже к Западному особому военному округу, располагавшему 36 дивизиями, из них 10 танковыми. Киевский особый военный округ (5-я,

6-я, 26-я и 12-я армии) имел в своем составе 56 дивизий, из них 26 — танковых. На юге СССР Одесский особый военный округ насчитывал 14 дивизий, включая 2 танковых. За перечисленными округами на севере находился Ленинградский военный округ — 14-я, 7-я и 23-я армии. Таковы были силы, противостоявшие запланированному германскому вторжению на фронте длиной 1800 километров от Балтийского до Черного моря^[11].

В пятницу 13 июня 1941 года московское радио передало не совсем обычное и лишенное логики сообщение ТАСС, появившееся на страницах газеты «Правда», центрального органа ВКБ (б) уже на следующий день. В нем среди прочего говорилось:

«В советских кругах считают, что слухи о намерении Германии... предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы».

Недавнее передвижение немецких войск с Балкан к советской границе объявлялось в заявлении «не имеющим касательства к советско-германским отношениям». Что же касается слухов о том, будто Советский Союз собирается напасть на Германию, то они расценивались как «лживые и провокационные».

В день, когда процитированное заявление появилось в печати, 183 советские дивизии спешили в пункты назначения. Между 12 и 15 июня командование приграничных военных округов получило приказ выдвинуть дивизии первого эшелона ближе к государственной границе. Готовились к передислокации соединения второго эшелона. Генерал-майор Н.И. Бирюков, командир 18-й стрелковой дивизии, входившей в состав Уральского военного округа, вспоминает:

«13 июня 1941 года из штаба округа мы получили директиву особой важности, в соответствии с которой нашей дивизии предстояло сменить «место дислокации». Что это за место дислокации, об этом не сообщалось даже мне, командующему дивизией. Лишь уже в Москве я узнал, что нашей дивизии приказано сосредоточиться в лесах западнее Идрицы».

Подобные директивы были разосланы во все штабы дивизий Уральского военного округа. Отдельные части 112-й стрелковой дивизии приступили к погрузке в железнодорожные составы, затем настала очередь 98-й, 153-й и 186-й. Все передвижения войск держались в строгом секрете. Подобные перемещения одновременно происходили по всем округам Советского Союза, в Харькове, на Северном Кавказе, в Орле, на Волге, в Сибирском и Архангельском военных округах. Таким образом, было сформировано 8 армий в полном составе. Пять из них немедленно и в условиях секретности были переброшены на Украину и в Белоруссию. В результате этой операции были задействованы все ресурсы

железнодорожного транспорта страны, но даже их оказалось недостаточно для одновременной передислокации войск. В теплушках находилось около 860 000 резервистов. Полковник И.Х. Баграмян, начальник оперативного отдела штаба Киевского военного округа, вспоминает о лихорадочной активности, связанной с переподчинением 21-го стрелкового корпуса. Его горнопехотная и 4 стрелковых дивизии насчитывали 48 000 человек. Корпус выдержал многотысячекилометровую переброску железнодорожным транспортом из районов Дальнего Востока. «Нам предстояло обеспечить условия для проживания практически целой армии, причем в самые сжатые сроки, — писал И.Х. Баграмян. — В конце мая стали прибывать один за другим эшелоны». Были задействованы буквально все имевшиеся ресурсы..

С соблюдением соответствующих мер секретности было произведено усиление войск первого эшелона армий прикрытия. И заботы, связанные с прибытием огромной массы войск, не ограничивались лишь размещением вновь прибывших частей и подразделений, проводилось также развертывание сил вдоль приграничных районов. Под прикрытием отправок в лагеря на летние сборы части продвигались все ближе и ближе к границе. 78-я стрелковая дивизия Киевского особого военного округа «под предлогом выезда на учения» была «выдвинута в приграничные районы». Полковник Баграмян вспоминает о полученных инструкциях касательно переброски всех пяти подчиненных ему корпусов к границе 15 июня 1941 года, подтверждая, что «они имели все необходимое снаряжение и вооружение для ведения боевых действий». В Одесском военном округе генерал-майор М.В. Захаров, начальник штаба 9-й армии, в тот же день следил за ходом переброски 30-й и 74-й стрелковых дивизий. Они «сосредоточились в лесах восточнее Бельцы якобы для проведения учений».

В кругах историков ведется дискуссия о том, собирались ли Советы вести наступательные операции летом 1941 года. С одной стороны, если исходить из массовой переброски войск железнодорожным транспортом, приведшей к полной загрузке железных дорог и создавшей немалые трудности для сбора и транспортировки урожая зерновых, вполне можно предположить, что Сталин намеревался к 10 июля завершить переброску войск в приграничные районы. Дивизии и корпуса Красной Армии находились в приграничных районах и до заключения советско-германского пакта. Но в период с августа 1939 года, когда был подписан упомянутый пакт, и до весны 1941 года число армий в западных приграничных районах возросло до 11. В течение мая месяца прибыло еще

три армии, а также 5 воздушно-десантных корпусов.

Нет никаких сомнений, что развертывание советских войск в районах, непосредственно примыкавших к западным границам СССР в июне 1941 года, осуществлялось в строгом соответствии с имеющимся планом. 3-я советская армия в районе Гродно после усиления своего 21-го стрелкового корпуса прикрывала участок длиной всего в 80 км. 7 стрелковых дивизий занимали полосы обороны всего 6,6 километра на каждую, в то время как нормой считались 10 километров. Упомянутое соединение существенно превосходило по мощи все армии, сосредоточенные вдоль границы, а кроме собственных механизированных корпусов, ей была еще придана и отдельная танковая бригада^[12].

3-я армия имела отчетливо выраженную наступательную конфигурацию. По сути, 3-я, 10-я и 4-я армии Советов, насчитывавшие 36 дивизий, 10 из которых были танковыми, вполне могли расцениваться как угроза Восточной Пруссии. Части ВВС в составе 10-й армии были дислоцированы в непосредственной близости от границ, и все базы войскового снабжения и лагеря всего Западного Особого военного округа были также выдвинуты достаточно далеко вперед. В одном только Брест-Литовске, то есть непосредственно на советско-германской границе, было сосредоточено 10 млн литров горючего^[13].

Частично наступательную конфигурацию советских сил можно объяснить сложностями чисто практического порядка, проистекавшими из развертывания войск, прибывавших из внутренних регионов СССР. В этом смысле немцам приходилось легче: в их распоряжении имелась куда более разветвленная сеть железных и автомобильных дорог на территории бывшей Польши. Советская военная доктрина 30-х годов предусматривала боевое применение многомиллионных армий. Для наступления вовсе не требовалось дожидаться завершения мобилизации. Поэтому на границе предполагалось сосредоточить силы, способные вторгнуться на территорию неприятеля уже в первый день войны. Такое стремительное вторжение должно было воспрепятствовать завершению неприятелем всеобщей мобилизации. Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский, автор и инициатор упомянутой доктрины, погибший в годы сталинских чисток, выступал за создание «армий вторжения», сосредоточенных в непосредственной близости от государственных границ. Задача этих сил — пересечь госграницу сразу же по объявлении мобилизации. И механизированные части должны быть развернуты вдоль границы на участке шириной 50–60 км. Именно перечисленные факторы и стали

определяющими при формировании и развертывании войск Первого стратегического эшелона, осуществлявшихся вблизи границ в июне 1941 года.

Сталин, обладавший опытом ведения боевых действий, исходя из наступления германских войск на юге России и на Украине в 1918 году, полагал, что будущий удар немцев можно ожидать на том же стратегическом направлении. Ряд признаков указывал именно на такой сценарий, что, собственно, и объясняет массовую переброску сил из внутренних регионов России в приграничные весной и в начале лета 1941 года. Русские не верили, что германские войска располагали на тот момент необходимой мощностью для нанесения массированного удара на всем протяжении германо-советской границы. Считалось, что в первую очередь немцы устремятся на юг России, к богатым минеральными ресурсами и развитым в аграрном отношении районам, что потребует от них проведения широкомасштабных операций весьма крупными силами. Красной Армии потребуется блокировать этот удар, контратаковав врага по всему фронту. В этом отношении самым удобным местом становились Белостокский выступ на территории Западного особого военного округа в Белоруссии и, вероятно, Литва. И размещение значительных сил в указанных регионах послужило бы русским средством оказания давления на Германию при проведении так называемой «реалистичной политики».

Стратегическое развертывание войск в приграничных районах весной 1941 года не сопровождалось усиленными работами по возведению оборонительных сооружений, рытьем траншей и противотанковых рвов. Угрозы для себя русские здесь не видели. Дивизии хоронились по лесам, примыкавшим к границе. Точно так же вели себя и немцы по ту сторону границы. С той лишь разницей, что германские войска, дислоцированные в Польше, полностью изготавились к наступлению, а советские — нет.

Даже в эти последние дни и часы германские войска неустанно собирали всю имевшуюся информацию, стремясь выудить как можно больше сведений о своем противнике. Вдоль всей границы с СССР были размещены посты наблюдения. Гауптман Ганс Георг Лемм, командир роты 12-й пехотной дивизии, действовавшей в составе группы армий «Север», изучал через стереотрубу позиции Советов в районе Гумбиннена в Восточной Пруссии. Вот что он рассказал:

«Наши сведения о противнике, как и о районе предстоящих боевых действий, были скудными... мы видели на той стороне высокие деревянные смотровые вышки, с которых русские следили за всем происходящим на нашей стороне. Кроме того, мы могли наблюдать за тем, как

осуществляется войсковой подвоз и даже смена часовых».

Были различимы и траншеи, отрытые примерно в 800-1000 м от границы. Что и говорить, скудая информация. Согласно данным аэрофотосъемки удалось установить наличие позиций полевой артиллерии русских. Согласно оценкам немцев им предстояло иметь дело с двумя полками русских, расположенными на заранее подготовленных позициях. «Полученные нами карты, — досадовал Лемм, — отличались низким полиграфическим качеством и мало что объясняли. По ним, например, никак нельзя было определить ни состояния дорог, ни плотности лесных массивов». И его коллега гауптман фон Хофгартен, занимавшийся боевой подготовкой в Восточной Польше в составе роты мотоциклистов 11-й танковой дивизии, вспоминает, что даже к завершению обучения 19 июня они «не располагали никакой информацией об армии русских, как и о предстоящей кампании».

Несмотря на явное отсутствие необходимых сведений у немецких войск, в целом немцы представляли себе, с кем придется иметь дело в ближайшие дни. Отдел «Иностранные армии «Восток» Генерального штаба сухопутных войск оценивал численность советских войск в европейской части России в 154 стрелковых дивизии, 25,5 кавалерийских, 10 танковых и 37 моторизованных. Кроме того, имелись еще 7–8 воздушно-десантных бригад. В Азии оставались еще 25 стрелковых дивизий, 8 кавалерийских и 5 танковых или моторизованных бригад. Местонахождение важнейших штабов и места дислокации большей части механизированных частей и соединений были немцам известны. Однако немецким оценкам явно недоставало глубины, они грешили приблизительностью. Что касалось голых цифр, они, вероятно, соответствовали действительности, но осознать, обработать их надлежащим образом немцы так и не смогли.

Численность вермахта составляла 3,6 млн солдат и офицеров, из них 3 млн приходилось на долю немцев, остальные — на долю финнов, румын и венгров. Вооружение составляли 3648 танков и самоходных орудий, 7146 артиллерийских орудий, 2510 самолетов. Им противостояли на территории Западного особого военного округа 2,9 млн солдат и офицеров Красной Армии и 14 000-15 000 танков, как минимум 34 695 артиллерийских орудий и 8000–9000 боевых самолетов^[14].

Из всех имевшихся у немцев в наличии танков 1700 безнадежно уступали русским машинам в техническом отношении. Лишь 1880 немецких танков, распределенных по трем группам армий, противостояли огромной массе в 14 000–15 000 советских танков, пусть даже частично

устаревших^[15]. К тому же вермахт совершенно не учитывал возможностей советской военной промышленности. Над экспертами из германского Генштаба довели чисто идеологические концепции, суть которых состояла в изначальном и полном качественном, военном и расовом превосходстве германского вермахта, что позволяло, нанеся внезапный и решительный удар, в кратчайшие сроки победоносно завершить восточную кампанию. И вермахт, свято уверовавший в свое превосходство, уже к сентябрю был вынужден столкнуться с проблемой, откуда взять необходимые для ведения боевых действий ресурсы. Что же касалось возможных отступлений или же необходимости продолжения войны в зимний период, ни о чем подобном даже не задумывались. Более того, предыдущие кампании на Западе воспринимались вермахтом куда серьезнее, чем русская, хотя с Россией и связывались определенные опасения.

Начало 1941 года. Летчики ПВО рейха развлекаются излюбленной солдатской игрой в «мясо»

Как следствие, недостаток знаний о противнике пытались компенсировать ни на чем не основанной бравадой. Военнослужащие 20-й танковой дивизии, например, вспоминали, что перед западной кампанией они имели практически полную информацию о противнике, но в июне 1941 года «нам ни словом не обмолвились о силе нашего будущего противника, не говоря уже о его военной организации и вооруженности». Все ограничивались лишь «грубыми прикидками». Отчеты немецких постов рекогносцировки изобиловали сообщениями о часовых, раздетых по пояс и загоравших, отложив в сторону винтовки и стянув сапоги. «Подобные факты всячески раздувались, нам непрерывно твердили о полном

отсутствии воинской дисциплины в Красной Армии».

Танковая группа генерала Гейнца Гудериана дожидалась приказа выступить, расположившись на берегах Буга по обе стороны крепости Брест-Литовск. Об итогах визита в передовые части 20–21 июня Гудериан писал:

«Детальное изучение действий русских убедило меня в том, что они понятия не имели о наших намерениях. Мы имели возможность вести наблюдение за территорией Брест-Литовской цитадели и видели, как личный состав повзводно занимался строевой подготовкой под музыку военного оркестра. Все опорные пункты оборонительной системы пустовали. И в последние недели не наблюдалось никаких признаков повышения их оборонной мощи. Таким образом, открывались самые лучшие перспективы для нашего внезапного нападения, и в связи с этим даже возник вопрос о целесообразности проведения часовой артподготовки».

И все же генерал решил не отказываться от нее. Артиллерийское подразделение Генриха Айкмайера, дислоцированное сразу же за Бугом, продолжало вести непрерывное наблюдение за противоположным берегом реки. Им была видна железнодорожная магистраль, ведущая через пограничную реку. Именно через нее и осуществлялись грузоперевозки, предусмотренные протоколами советско-германского пакта о ненападении. «21 июня, — как вспоминает Айкмайер, — нам сообщили, что завтра начнется война с Советским Союзом». И, к своему удивлению, он видит:

«Но, несмотря на это, в 6 вечера по мосту через Буг в Россию проследовал товарный состав, груженный не то зерном, не то углем. Мы восприняли машиниста и кочегара как жертв, сознательно отдаваемых будущему врагу. Даже толком не могли сообразить, зачем это было сделано. И задалась вопросом: а может, все изменилось и никакой войны не будет?»

Нет, не изменилось ровным счетом ничего. Несколько часов спустя война началась.

Глава 4

Час «Ч».3 часа 15 минут

«Восток был объят пламенем».

Военврач из пехотных частей,

22 июня 1941 года

Река Буг... Город Брест

Герд Хабеданк, военный корреспондент, продвигался вместе с частями 45-й пехотной дивизии. Цель — крепость города Бреста.

«Под палящим солнцем по пропыленным и забитым транспортом и войсками дорогам Восточной Польши мы двигались к Бугу, минуя по пути лесные просеки, цепляясь кузовом за ветки деревьев, мимо артиллерийских батарей и передвижных командных пунктов, затаившихся под кронами сосен.

Бесшумно, не издав ни шороха, мы подползли к самому берегу Буга. Все подъездные дороги к реке были посыпаны толстым слоем песка — на нем глохли шаги наших кованых сапожищ. Штурмовые группы уже сосредотачивались вдоль обочин дорог. На фоне окрашенного утренней зарей неба вырисовывались очертания надувных резиновых лодок».

Добравшись до блиндажа, в котором размещался штаб батальона, Хабеданк бросил взгляд на противоположный берег Буга и на русских, находившихся в какой-то сотне метров в похожем укрытии. Интересно, о чем они сейчас думают. «Были отчетливо слышны доносившиеся с другого берега голоса, — вспоминал он, — а где-то в самой крепости звучал громкоговоритель».

Рудольф Гшёпф, капеллан дивизии, отслужил мессу в 20 часов. После этого встретился с офицером медицинской службы, а медики рангом пониже тем временем занимались рытьем ходов сообщений между перевязочным пунктом 3-го батальона 135-го полка. Вскоре все собрались в небольшом строении и перебросились парой слов — напряжение становилось невыносимым. В 2 часа ночи они с удивлением наблюдали,

как через мост проследовал грузовой состав. «Наверняка с грузами, предусмотренными экономической частью германо-советского договора 1939 года». Окутанный клубами пара паровоз тащил вагоны в Германию. Эта вполне мирная картина никак не вязалась с царившей вокруг подготовкой к предстоящему штурму цитадели на другом берегу.

«На противоположной стороне внутри цитадели, казалось, все мирно спали. В двух шагах внизу мирно плескались волны Буга у ночная тьма окутала строения, которым вот- вот суждено было обратиться в руины».

2-й танковой группе генерала Гудериана была поставлена задача форсировать Буг по обе стороны от Брестской крепости. Поскольку демаркационная линия между Советским Союзом и оккупированной вермахтом частью Польши проходила через реку, западные форты крепости занимали немцы, а восточные — Красная Армия.

Еще до вторжения в Россию Гудериан знал, что «у верховного командования, несмотря на опыт западной кампании, не было единого взгляда на использование танковых соединений». Генералы, не имевшие отношения к танковым войскам, придерживались мнения, что первый удар следует нанести пехотными дивизиями, проведя предварительно сильную артиллерийскую подготовку, а танки ввести в бой лишь после того, как вклинение достигнет известной глубины и наметится возможность прорыва. Напротив, генералы-танкисты придавали большое значение использованию танков с самого начала в первом эшелоне, потому что именно в этом роде войск они видели ударную силу наступления. Они считали, что танки могут быстро осуществить глубокое вклинение, а затем немедленно развить первоначальный успех, используя свою скорость. Генералы сами видели результаты использования танков во втором эшелоне во Франции. В момент успеха дороги оказывались запружены бесконечными, медленно двигающимися гужевыми колоннами пехотных дивизий, которые препятствовали движению танков. Генералы-танкисты разрешали вопрос следующим образом: на участках прорыва использовать танки в первом эшелоне, впереди пехоты, а там, где решались другие задачи, например, взятие крепости [Брестской], использовать пехотные дивизии. Фортификационные сооружения Брестской крепости, вероятно, могли считаться устаревшими, однако «крепостью Брест-Литовск (ныне г. Брест, Беларусь. — *Прим. перев.*) с ее старыми укреплениями, отделенной от нас реками Западный Буг и Мухавец, а также многочисленными наполненными водой рвами могла овладеть только пехота». Поэтому под командование Гудериана был передан 12-й пехотный корпус, одной из дивизий которого, 45-й, предстояло штурмовать Брест. Гудериан пришел к

выводу, что:

«Танки смогли бы взять ее только внезапным ударом, что мы и попробовали сделать в 1939 г. Но в 1941 г. условий для этого уже не было».

Брестская крепость была построена в 1842 году. Она располагалась на четырех островах частично естественного, частично искусственного происхождения, находившихся у слияния Буга и Мухавца. Вокруг Центрального острова находились три других: Западный (Пограничный), Южный (Госпитальный) и Северный (Кобринский). Центральная, наиболее укрепленная, часть цитадели была окружена двухэтажным кирпичным строением, 500 казематов и подземных бункеров служили хранилищами запасов и убежищами для личного состава, а также обеспечивали мощную оборону. Подземные бункеры соединялись подземными ходами сообщения. За наружными стенами располагались многочисленные здания и постройки, в том числе дом офицеров, 74 а также церковь. Толстые наружные стены были непробиваемы для артиллерийских снарядов любого калибра. Западный, Северный и Южный острова образовывали пояс внешней обороны с валами высотой 10 метров. Валы и бастионы трех предмостных укреплений — фортов — прикрывали цитадель, не позволяя противнику вести стрельбу прямой наводкой. Каждый такой форт представлял собой самостоятельную крепость в миниатюре.

Однако это сверхмощное фортификационное сооружение имело одно уязвимое место. Оно возводилось для обеспечения круговой обороны. Но после окончания польской кампании крепость оказалась разделена демаркационной линией. Наиболее важный узел обороны, западный, отошел к немцам. Кроме того, лишь трое ворот обеспечивали доступ к шестикилометровому кольцу оборонительных сооружений, позволявшему использовать цитадель согласно ее первоначальной оборонительной концепции. Это увеличивало сроки приведения в боевую готовность личного состава и занятие им позиций для обороны. Генерал-майор Сандалов, начальник штаба 4-й армии, оценивал это время в 3 часа, — именно в это время защитники крепости понесут значительные потери в случае внезапной атаки ее. Лишь 2 км оборонительных стен выходили на запад, то есть на главное направление, откуда могла возникнуть угроза. И на них можно было разместить лишь один пехотный батальон и половину батальона пограничников. Судя по некоторым данным, в ночь с 21 на 22 июня 1941 года в Бресте находились 7 батальонов 6-й и 42-й стрелковых дивизий Красной Армии, а также несколько учебных подразделений и несколько артиллерийских полков.

На противоположном берегу Буга к нападению изготовились 9

пехотных батальонов вермахта и еще 18 сосредоточились на флангах. 12-й армейский корпус 4-й армии получил задачу окружить крепость и обеспечить проход передовым соединениям 2-й танковой группы — 24-му и 47-му танковым корпусам. Непосредственно на город наступать предстояло 45-й пехотной дивизии. 31-я и 34-я дивизии должны были обойти город и обеспечить внутренние фланги наступающих танковых корпусов.

В состав 45-й пехотной дивизии входили 3 полка (130-й, 133-й и 135-й) по 3 батальона в каждом. Им ставилась задача захватить Брестскую крепость, четырехпутный железнодорожный мост через Буг, пять других мостов через Мухавец к югу от города. Это открывало возможность создания «коридора» для танков 2-й танковой группы, направлявшейся далее на Кобрин.

План наступления дивизии предусматривал нанесение удара по двум направлениям — севернее цитадели и южнее. На левом фланге немцы предполагали, высадившись на Западном острове, нанести удар по цитадели, пользуясь фактором внезапности, захватить ее и выйти на восточную окраину Бреста. Для выполнения данной задачи были выделены два батальона 135-го пехотного полка при поддержке двух учебных танковых взводов. На правом фланге 130-й пехотный полк должен был переправиться через Мухавец и занять Южный остров. Задача захватить мосты через Мухавец возлагалась на девять специально подготовленных групп саперов. Один батальон оставался в резерве командира дивизии, а 3 батальона 133-го пехотного полка составляли резерв корпуса. Девять легких и три тяжелых батареи дивизионной артиллерии при поддержке дальнобойных орудий большого калибра и трех дивизионов мортир должны были провести пятиминутную артподготовку, а затем вести огонь по заранее намеченным целям. Предполагалось, что и другие две дивизии 12-го корпуса, 34-я и 31-я, также примут участие в штурме города. Особое подразделение, 4-й полк химической защиты, — до 22 июня 1941 года засекреченная часть — осуществляло поддержку операции атакой новым видом оружия — многоствольными реактивными минометами. «Там места живого не останется», — заверяли артиллеристы личный состав ударных групп.

Солдаты вермахта непоколебимо верили в победу. Лейтенант Михаэль Вехтлер из резервного полка не сомневался, что операция будет «легкой», несмотря на то, что в первый день полку предстояло выйти на рубеж в 5 км восточнее Бреста. Если смотреть на цитадель издали, она «больше напоминала обычные казармы, но никак не крепость». Этот оптимизм

нашел выражение в том, что для первого удара 76 выделялись лишь 2 из 9 батальонов. Три батальона находились во втором эшелоне, а еще 4 оставались в резерве.

45-я пехотная дивизия имела опыт участия во французской кампании, где потери убитыми составили 462 солдата и офицера. Как и в большинстве пехотных дивизий, сосредоточенных у границы с СССР, личный состав дивизии был полон сил и настроен по-боевому. Находясь в местах расквартирования в Варшаве перед началом русской кампании, солдаты получили возможность осмотреть поверженную польскую столицу. Многие, объезжая городской центр в пролетках, фотографировались на память. Боевая подготовка прошла успешно. В основном отрабатывались навыки форсирования водных преград с высокими, обрывистыми берегами и приемы атаки фортификационных сооружений. В общем, идиллия да и только. В свободные от службы жаркие часы солдаты разгуливали в трусах. Те, кому предстояло форсировать Буг на лодках, часто устраивали «морские битвы» и шуточные регаты. А о том, для чего именно их тренируют, они предпочитали не думать.

Отправка в 180-километровый марш из Варшавы происходила под музыку военного оркестра 133-го полка. Внезапно хлынул ливень, и все промокли до нитки, но выглянувшее тут же из-за туч жаркое летнее солнце подняло упавшее было настроение. Марш оказался не из простых, но его предусмотрительно поделили на 40-километровые этапы, места для привалов выбирались вблизи водоемов, так чтобы можно было смыть с себя пыль дорог Восточной Польши. Марш завершился в 27 километрах от границы с Россией. На постой остановились в польском селе, в уютных и чистых домах. Там и допили последние бутылки трофейного французского шампанского и, наконец, отписали домой. Прожекторные подразделения поделили на взводы из тех, кто пожелал перед кампанией обрить головы наголо. Прожекторные расчеты в последний раз сфотографировались на тщательно замаскированном привале. Все прекрасно понимали, что вряд ли представится возможность собраться вновь в том же составе. А с рассветом 22 июня части дивизии начали выдвигаться на исходные рубежи.

Рассвет 22 июня 1941 года. Штаб 2-й танковой группы генерала Гудериана за несколько минут до начала вторжения

Незадолго до 3 часов утра капеллан Рудольф Гшёпф покинул небольшое строение, где дожидался начала атаки. «По мере приближения часа «Ч», — вспоминал он, — минуты тянулись невыносимо, казалось, миновали часы». Занимался рассвет. Было тихо, если не считать обычных ночных звуков. Бросив взгляд на ленту реки вниз, он заметил:

«У Буга не было заметно ни единого признака присутствия штурмовых групп. Замаскировались, как положено. Нетрудно представить себе нервное напряжение, в котором пребывали те, кому предстояло несколько минут спустя столкнуться с неведомым неприятелем!»

Находившегося в машине Герда Хабеданка вывел из раздумий металлический перезвон будильника. «Грядет великий день», — записал он в своем дневнике. Серебристый свет трепетал на востоке, когда он направлялся в блиндаж на берегу Буга, где разместился командный пункт батальона. Там было полно народу:

«Сутолока, все в касках, с оружием, этот постоянный трезвон полевых телефонов. Но тут прозвучал спокойный голос гауптмана, и все вмиг уgomонились. «Господа, уже 3 часа 14 минут, остается ровно минута».

Хабеданк вновь посмотрел через смотровую щель бункера. Все было по-прежнему. В ушах Герда опять прозвучала фраза командира батальона, которую тот сказал вчера: «Это будет ни на что не похоже».

«Воздушная атака... с первыми лучами солнца»

Пилот набиравшего высоту бомбардировщика Хе-111 еще сильнее потянул штурвал на себя. Он взглянул на высотомер — трепетавшая стрелка, замерев на мгновение, вновь двинулась по часовой стрелке. 4500

метров... 5000 метров... Экипажу было приказано надеть кислородные маски. Ровно в 3 часа утра самолет, натужно гудя, на максимальной высоте миновал советскую границу. Внизу раскинулась безлюдная местность — сплошь леса да заболоченные низины.

53-я бомбардировочная эскадра поднялась в воздух еще затемно с одного из аэродромов вблизи от Варшавы. Достигнув почти потолка высоты, самолеты взяли курс на аэродромы противника, сосредоточенные на территории Белоруссии, между Белостоком и Минском. До-217Z из 2-й бомбардировочной эскадры вторглись в воздушное пространство СССР севернее, между Гродно и Вильнюсом. 3-я бомбардировочная эскадра, взлетев из-под Демблина, продолжала набор высоты между Брестом и Кобрином. Пилоты внимательно изучали землю под крылом в поисках ориентиров. Экипажи машин комплектовались опытными летчиками, налетавшими не один десяток часов. Эти 20–30 машин и образовали передовую группу сил, участвовавших в первом авиаударе. Перед экипажами стояла задача скрытно миновать советскую границу и атаковать базы советских ВВС на центральном участке будущего фронта. Для атаки каждого советского аэродрома было выделено по три бомбардировщика.

И вот они, гудя моторами, направились к намеченным целям. Внизу в пелене утреннего тумана лежала территория противника. Редкие огоньки указывали, что она все же обитаема. Впереди у восточной кромки горизонта обозначилась едва заметная светлая полоса. Облачность практически отсутствовала. До часа «Ч» оставалось не более 15 минут.

Тыловые аэродромы, расположенные на территории оккупированной вермахтом Польши, уподобились растревоженным ульям. Полным ходом шла загрузка бомб, продолжался предполетный инструктаж. Чихая, запускались двигатели, перепуганные птицы взмывали с ветвей деревьев, окружавших тщательно замаскированные взлетные полосы и временные ангары.

Лейтенант Хайнц Кноке, пилот истребителя Ме-109, из эскадрильи, дислоцированной на аэродроме Сувалки вблизи русской границы, наблюдал, как в предрассветных сумерках начинают проступать силуэты пикирующих бомбардировщиков Ю-87 и «мессершмиттов» из его подразделения. Слухи о предстоящем нападении на Россию ходили уже давно. «Я целиком за, — писал он в своем дневнике, — большевизм — враг № 1 для европейской культуры и западной цивилизации». Предыдущим вечером поступил приказ сбить пассажирский самолет, совершавший регулярные рейсы на линии Берлин — Москва. Это вызвало переполох. Непосредственный начальник Хайнца Кноке в составе штабной эскадрильи

попытался выполнить этот приказ, но обнаружить «Дуглас» не смог.

Кноке в последний вечер, сидя в компании сослуживцев, обсуждал с ними предполагаемое развитие событий. «Приказ сбить пассажирский «Дуглас» русских, — писал он, — убедил меня в том, что война с большевизмом намечается серьезная». Все с нетерпением ждали сигнала тревоги.

«Никто и не думал спать, — вспоминал Арнольд Дёринг, штурман 53-й бомбардировочной эскадры «Легион «Кондор», — разве заснешь перед первой атакой». Экипажи подняли в половине второго ночи, чтобы провести инструктаж и поставить боевую задачу. Атаковать предстояло аэродром Бельск-Пиличи. По имеющимся данным, на этом аэродроме размещались значительные силы русской авиации. Бегом, «словно безумные», направляясь к самолетам, летчики «видели занимавшуюся на востоке зарю — признак наступавшего дня». И хотя подразделение Дёринга не участвовало в нанесении первого удара, поднявшись в воздух, летчики не без труда выстроились в боевой порядок — сказывалось отсутствие опыта ночных полетов. «У меня в голове царил такой сумбур, — вспоминал Дёринг. — Как взлетать в темноте, да еще на загруженной по самую завязку бомбами машине? Мы и аэродрома этого толком изучить не успели за прошедшие несколько дней!»

Пилотам люфтваффе подобные операции были не впервой, однако, как всегда перед атакой, многие нервничали.

Ганс Фовинкель, 35-летний пилот бомбардировщика, писал своей жене:

«Я еще не все описал, что переживал тогда, но хотелось бы. Просто нет времени расписывать все. И ты очень скоро поймешь почему. Так что многое так и останется недосказанным. Но я не сомневаюсь, что ты все верно поймешь!»

Предполагалось, что в результате этого массированного авианалета на советские аэродромы люфтваффе завоюет господство в воздухе, что позволит ему оказывать эффективную поддержку наземным войскам. Сама операция разрабатывалась в Гатове под Берлином в Академии люфтваффе, начиная с 20 февраля 1941 года. Командование всеми силами люфтваффе, участвовавшими в осуществлении плана «Барбаросса», было поручено генерал-фельдмаршалу Альберту Кессельрингу, командующему 2-м воздушным флотом. Гитлер, убежденный в «неполноценности» русских, как выяснилось вскоре, был «поражен» сведениями о мощи красных ВВС, содержащимися в первых боевых донесениях. Разведка люфтваффе сообщала о 10 500 боевых самолетах, 7500 из которых были

дислоцированы в европейской части СССР, а 3000 — в азиатской его части. Из них лишь 50 % считались современными. В это число не входили самолеты транспортной авиации, численность которых согласно разным источникам составляла 5700 единиц. Предполагалось, что в боевых действиях могут принять участие около 1360 бомбардировщиков и 1490 истребителей. В течение второй половины 1941 года на вооружение ВВС РККА должны были поступить 700 новых машин. По планам советского военного руководства предполагалось заменить 50 % авиапарка бомбардировщиков, однако общего роста численности не предусматривалось. Советские ВВС располагали 15 000 обученных пилотов, 150 000 человек наземного обслуживания и имели 10 000 единиц учебной авиатехники.

Что же касается люфтваффе, то оно на 21 июня 1941 года имело 757 боеготовых бомбардировщиков из общего числа в 952 машины, 362 из 564 пикирующих бомбардировщиков, 64 истребителя типа Me-110 (двухмоторные) и 735 из 965 обычных истребителей, кроме этого, оно располагало некоторым количеством разведывательных, транспортных и гидросамолетов^[16]. Несмотря на советское численное превосходство — трех- или даже четырехкратное, — люфтваффе отличал высокий уровень боевой подготовки и опыт боевых действий. Вследствие протяженности оперативных участков и скептицизма в отношении уровня боевой, технической и оперативной подготовки русских считалось, что советские ВВС не смогут оказывать эффективную поддержку своим наземным силам. Генерал люфтваффе Конрад предоставил Гальдеру, начальнику штаба ОКВ, выборочный отчет о возможностях советских ВВС. Согласно этому документу советские истребители явно уступали немецким. Невысокой оценки Конрада удостоились и советские бомбардировщики. Уровень боевой выучки, командование и тактическая подготовка персонала также оценивались крайне низко.

Именно эта, явно субъективная точка зрения и возобладавала при планировании и оценке сил Советов, как вероятного противника. На 22 июня 1941 года, согласно данным люфтваффе, советские ВВС насчитывали лишь 1300 боеготовых бомбардировщиков и 1500 истребителей на территории европейской части СССР (из общего числа в 5800 машин). Более того, согласно данным радиоперехвата число самолетов, сосредоточенных в западной части России, выросло до 13 000-15 000 единиц. Генерал Ешоннек, начальник штаба люфтваффе, ранее докладывал Гальдеру о том, что «люфтваффе ожидает массированных авианалетов на наши передовые части, однако считает, что их удастся отразить благодаря

нашему превосходству в технике и боевом опыте». Все основывалось на непоколебимой вере в эффективность внезапного удара, к которому советские ВВС были явно не готовы и, как следствие, крайне уязвимы, и посему обречены быть уничтоженными на земле. «Наземные структуры русских... неповоротливы и трудновосстановимы», — убеждал Ешоннек.

Миссия Кессельринга была предельно ясна:

«Приказы, которые я получал от главнокомандующего люфтваффе, в основном сводились к тому, чтобы добиться превосходства у а по возможности и господства в воздухе и оказать поддержку сухопутным войскам, в особенности танковым группам, в их боевых действиях против русских. Постановка каких-либо других задач в дополнение к упомянутым привела бы к весьма непродуктивному распылению сил, так что их следовало отложить на потом».

Вопреки первоначальному плану, детали которого были согласованы с командованием люфтваффе, время «Ч», то есть время начала операции, было смещено на 3 часа 15 минут 22 июня. Решение это далось нелегко и вызвало ожесточенные споры представителей генеральных штабов как наземных сил, так и люфтваффе.

«Начало операции было назначено на предрассветное время. Это было сделано у несмотря на возражения люфтваффе, основывавшиеся на вполне конкретном тактическом соображении, которое состояло в том, что в указанное время одномоторные истребители и пикирующие бомбардировщики не смогут удерживать четкий строй. Этот момент представлял для нас серьезную трудность, однако мы сумели ее преодолеть».

Наземным войскам для достижения максимальной внезапности требовалось как раз темное время суток, но уже с первыми лучами солнца им как воздух могла понадобиться поддержка с воздуха. Генерал-фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Центр», заявил: «Враг тут же спохватится, услышав рев моторов пересекающих границу самолетов. И фактор внезапности будет утерян». В конце концов командование приняло компромиссное решение нанести первый удар специально подготовленными экипажами. Этого, как считалось, будет вполне достаточно, пока в воздух не поднимутся основные силы авиации.

В ночь на 22 июня вдоль границ с СССР было сосредоточено 60 % боевой мощи люфтваффе: 1400 из 1945 единиц оперативной авиации, 1280 из которых считались боеготовыми. Упомянутые силы распределялись по четырем воздушным флотам. 1-й воздушный флот осуществлял поддержку группы армий «Север», половина 2-го воздушного флота наносила удар

совместно с группой армий «Центр»^[17], 4-й действовал на оперативном участке группы армий «Юг», а 5-й воздушный флот должен был действовать на севере с норвежских аэродромов. Считается, что люфтваффе сосредоточило для участия в операции «Барбаросса» 650 истребителей, 831 бомбардировщик, 324 пикирующих бомбардировщика, 140 разведывательных и 200 транспортных самолетов. На южном стратегическом направлении действовали ВВС Румынии (230 самолетов), Венгрии, Словакии, 299 финских самолетов должны были принять участие в боевых действиях несколько позже^[18].

Однако эти силы не шли ни в какое сравнение с силами русских. Немцы недооценивали численность советских ВВС как минимум наполовину. И вообще, на европейской части дислоцировались лишь 30 % всех самолетов, имевшихся в распоряжении русских^[19]. Истребителей было вдвое больше, чем предполагали немцы, а бомбардировщиков — на две трети. И все же командование и личный состав люфтваффе были убеждены в своей победе, на их стороне были мастерство плюс фактор внезапности.

Арнольд Дёринг поднялся в воздух в составе 53-й бомбардировочной эскадры. Пилотам, несмотря на все сложности, удалось выстроить машины в боевом порядке. Они взяли курс на аэродром Седльце, где к ним должны были присоединиться истребители сопровождения. «Только вот наших защитников что-то не было видно», — расстроившись, заметил Дёринг. Пилоты жадно вглядывались в небо, и в конце концов им ничего не оставалось, как сменить курс и продолжить выполнение поставленной задачи без прикрытия. «Слегка отклонившись от курса, мы направились к целям», — вспоминает Дёринг.

21 июня в Берлине стояла удушающая жара. Йозеф Геббельс, имперский министр пропаганды, переполненный предчувствиями великого дня, не мог сосредоточиться на повседневной рутине. И все же не проговорился.

«Обстановка в России все драматичнее с каждым часом, — записал он в свой дневник. — Протесты русских по поводу нарушений воздушного пространства СССР просто игнорируем». Молотов добивался разрешения выехать в Берлин, но его засыпали ложными обещаниями. «Наивно полагать иное, — утверждает Геббельс. — Ему надо было думать об этом полгода назад. В рядах наших противников единства нет».

В полдень министр пропаганды принял делегацию Италии. Встреча происходила у него в доме в Шваненвердере. Вниманию гостей был

предложен недавно вышедший на экраны американский фильм — «Унесенные ветром». Он произвел на присутствующих впечатление. Однако, несмотря на перегруженность, по его собственному признанию, Геббельс никак не мог отделаться от донимавшего его волнения. Его ближайшие подчиненные в Министерстве пропаганды тоже знали о предстоящей операции, и он решил пригласить их к себе, чтобы «в случае чего, они были под рукой».

Поздно вечером раздался телефонный звонок из имперской канцелярии. Фюрер срочно пожелал встретиться со своим главным пропагандистом. Судя по ярко освещенным окнам армейских штабов, там шли лихорадочные приготовления к вторжению в Россию. Кодовое слово «Дортмунд», доведенное до сведения ответственных лиц, означало, что время «Ч» наступит в 3 часа 30 минут. На случай непредвиденных задержек предусматривалось другое кодовое слово — «Альтона». Но никто всерьез не верил, что придется его использовать.

Гитлер проинформировал Геббельса о завершении последних приготовлений. Советский посол в Берлине заявил очередной протест по поводу нарушений воздушного пространства СССР германскими самолетами для проведения аэрофотосъемки советской территории, но в очередной раз ему был дан уклончивый ответ. Посовещавшись, решили назначить время трансляции по радио официального сообщения о начале войны с СССР — 5 часов 30 минут утра 22 июня 1941 года. Иностранных корреспондентов пригласили на 4 часа утра. «К тому времени, — продолжает записи Геббельс, — противник уже сообразит, что к чему, да и нация будет готова узнать правду». А пока и берлинцы, и москвичи мирно спали у себя дома в блаженном неведении о грядущих катастрофических событиях.

Геббельс выехал от Гитлера в половине третьего ночи. «Фюрер торжественно серьезен и спокоен. Он пожелал прилечь на пару часов. Наверняка это самое лучшее для него сейчас». Геббельс направился к зданию своего министерства, заметив, что «вокруг на Вильгельмплатц ни души, и Берлин, и рейх крепко спят». Когда он начинал утреннее совещание с коллегами, едва занималась заря. «Всеобщее изумление на лицах, но наверняка многие догадывались, что к чему, хотя и не все». Сотрудники тут же уселись за подготовку утренних сообщений, призвав на помощь операторов кинохроники, корреспондентов газет и репортеров радио. Геббельс ежеминутно поглядывал на часы. «Половина четвертого. Вот ударили орудия. Да хранит Бог нашу боевую мощь!»

Звенья бомбардировщиков 2-й, 3-й и 53-й бомбардировочных эскадр

вышли к советским аэродромам незамеченными. Было еще темно, лишь на востоке загоралась заря наступавшего дня. Действующие раздельно авиаподразделения приступили к снижению и выходу на цель. К 3 часам 15 минутам они уже шли на малых высотах. Сотни двухкилограммовых осколочных бомб SD2, незаметных на фоне ночного неба, посыпались из раскрытых бомбовых люков. Они обрушились на ряды советских самолетов, выстроившихся крыло к крылу у взлетных полос аэродромов, и на палатки личного состава, находившиеся поблизости. Внизу царила безмятежность. Советские самолеты не были даже замаскированы. Поданный уже после атаки сигнал тревоги ничего не мог изменить. А через несколько секунд разрывы маломощных бомб превратили самолеты в пылающие факелы. Радиус поражения каждой такой бомбы составлял 12 метров. Взрываясь, она поражала все вокруг 50-250 крошечными осколками. Прямое попадание ее было эквивалентно зенитному снаряду средней мощности. От хлынувшего из пробитых емкостей бензина, который тут же воспламенялся, в небо взметнулись огромные клубы густого черного дыма. На земле воцарился кромешный ад, хаос. Не было никакой возможности локализовать и потушить множившиеся очаги пожаров. Управление войсками оказалось полностью утеряно вследствие нарушения связи с вышестоящими штабами. Предпринимались отчаянные попытки выйти в эфир с небольших переносных радиостанций.

Только через четыре часа поступили первые доклады с информацией об обстановке. Из расположенного в Гродно, северо-восточнее Белостока, штаба 3-й советской армии в штаб Западного особого военного округа полетело сообщение:

«Начиная с 4 часов утра немцами были совершены авианалеты силами от 3 до 5 самолетов. Атаки с воздуха совершались каждые 20–30 минут. Бомбардировке подверглись объекты в Гродно, Кропоткине и в особенности штабы армий. В 7 часов 15 минут утра 16 самолетов противника совершили налет на Гродно, атаковав город с высоты в 1000 метров. Домброво и Новы Дрогун объаты пожарами. С 4 и до 7 часов утра всего совершено четыре авианалета на аэродром Новы Двор группами по 13–15 самолетов противника. Наши потери: 2 самолета сожжены, 6 выведено из строя. 2 человека личного состава ранены тяжело и 6 легко. В 6 часов утра бомбардировке и обстрелу с воздуха подвергся аэродром в Сокулке. Двое убитых и 8 человек раненых».

Тем временем взлетевшие в предрассветных сумерках с главного аэродрома в Сувалках пикирующие бомбардировщики Ю-87 и превращенные в истребители-бомбардировщики Ме-109, не жалея сил,

выполняли боевую задачу. Лейтенант Ганс Кноке вспоминает, что сигнал общей тревоги для всех авиаэскадр прозвучал в 4 часа утра. «Аэродром ожил, были задействованы все подразделения», — свидетельствует Кноке. Постепенно до всех стали доходить масштабы начавшейся операции. «Всю ночь, — рассказывает Кноке, — я слышал в отдалении гул танковых двигателей. Мы находились всего в нескольких километрах от границы». В течение часа авиаэскадра в полном составе поднялась в воздух. Четыре бомбардировщика эскадрильи Кноке, включая и его машину, были оснащены автоматическими бомбосбрасывателями. Позади остались многие часы тренировок. «И теперь под брюхом у моего дорогого «Эмиля» висели на подвеске мелкие осколочные бомбы, — вспоминает он. — И я с великим удовольствием обрушивал их на глупые головы «Иванов».

Одной из целей бомбардировок были штаб и командный пункт русских в лесах западнее Друскининкая. Их предстояло атаковать с высоты бреющего полета. Перед выходом на цель «мы заметили длиннющие колонны наших войск, тянувшиеся к востоку. Тут же почти крыло в крыло мы заметили летевшие в нашем направлении пикирующие бомбардировщики». Им предстояло нанести теперь основной удар.

Воздушные флоты Кессельринга^[20] поднялись в воздух в полном составе и выстроились в боевые порядки с первыми лучами солнца. После того, как состоялись первые авианалеты небольших групп бомбардировщиков, им теперь предстояло нанести основной удар. Для этого командование люфтваффе выделило 637 бомбардировщиков и 231 истребитель. Их цели — 31 аэродром советских ВВС.

Самолет штурмана Арнольда Дёринга (53-я бомбардировочная эскадра люфтваффе) пересек границу в 4 часа 15 минут. Члены экипажа действовали в точном соответствии с полученными инструкциями.

«Я, как обычно, провел корректировку курса. Затем, выглянув в окошко, заметил, что землю окутал туман, но цели были все же различимы. Больше всего меня поражало бездействие средств ПВО противника».

Подразделение приступило к бомбометанию. Повсюду вдоль Восточного фронта от Нордкапа до Черного моря на границы СССР волнами накатывались самолеты четырех воздушных армий Кессельринга, чтобы обрушить на ничего не подозревавшего неприятеля сотни тонн бомб. Пикирующие бомбардировщики со страшным воем атаковали легко различимые цели, а средние бомбардировщики продолжали идти курсом на заранее намеченные объекты. Истребители-бомбардировщики обстреливали и бомбили советские аэродромы. «Мы просто глазам своим не верили, — говорил Ганс фон Хан, командир 1-й эскадрильи 3-й

истребительной эскадры, действовавшей на участке южнее Львова. — Волна за волной проносились самолеты-разведчики, бомбардировщики и истребители — совсем как на авиационном параде».

Завершив бомбометание, Хе-111 Дёринга вновь набрал высоту. Штурман вспоминает:

«Клубы дыма, огонь, вздымающаяся вверх пыль. Наши бомбардировщики оставили без внимания подземные склады боеприпасов, располагавшиеся справа от полосы. Зато несколько машин прошли над взлетной полосой и, сбросив бомбы, вывели ее из строя. Мы заметили две огромных воронки. Ни одной вражеской машине больше не подняться в воздух!»

Вскоре над аэродромом появилась еще одна группа самолетов. Дёринг, обернувшись, когда машины набирали высоту, заметил: «Примерно полтора десятка истребителей, стоявших у взлетной полосы, были объаты пламенем. Пылали и казармы личного состава». Выполнив первое боевое задание, Хе-111 направлялись назад, на базу. «Вылет был настолько успешным, что даже отпала необходимость в повторной запланированной атаке этого аэродрома».

Но и эти, казалось, легкие победы первых часов войны не обошлись без потерь. Зигфрид Лауэрвассер, оператор военной кинохроники, снимал возвращавшиеся на свой аэродром в Польше бомбардировщики. «Вот так все и начиналось», — комментировал он отрывки из документального фильма, снятого для телевидения уже после войны. Тут же стало ясно, что не все возвратились с задания. Это оказалось «большой неожиданностью, — продолжает Лауэрвассер, — когда нам сообщили, что, мол, такая-то машина не вернулась. Мы продолжали ждать». Но экипаж так и не появился. «Это стало для нас потрясением. Как же так? Как так могло получиться? Мы же знали их, дружили, это были наши товарищи все эти долгие месяцы».

Самый мощный в короткой истории авиации первый удар дал, таким образом, толчок к дальнейшему развитию событий.

«Самая короткая ночь в году... Время «Ч»

Лейтенант Генрих Хаапе, военврач 3-го батальона 18-го пехотного полка, стоял вместе с командиром батальона майором Нойхофом и адъютантом командира батальона Хиллемансом на вершине пригорка на юго-восточном участке границы в Восточной Пруссии. Офицеры

всматривались во тьму, тщетно пытаясь разглядеть раскинувшуюся вдали литовскую равнину. До времени «Ч» оставалось еще 5 минут.

«Я бросил взгляд на светящийся циферблат часов. Было ровно 3 часа. Я сознавал, что, может быть, в эту минуту миллионы немецких солдат тоже смотрят на стрелки. Все часы в вермахте в эту ночь были сверены».

Хаапе даже вспотел от охватившего его волнения. В последние минуты казалось, что «невозможно выдержать это страшное напряжение последних судьбоносных минут».

Он пишет:

«Кто-то закуривает. Тут же раздается отрывистая команда, и красный огонек затоптан. Все молчат, изредка доносится топот копыт и едва слышное храпение — лошади тоже беспокойны. Тут в восточной части неба над горизонтом появляется едва различимая светлая полоска. Наступает рассвет. Сереет. Боже, ну, неужели эти секунды никогда не кончатся! Я снова смотрю на часы. Еще две минуты».

Самая короткая ночь в году заканчивалась. И хотя вокруг еще царила ночная тьма, небо заметно посветлело, стало голубоватым.

Эрих Менде, обер-лейтенант из 8-й силезской пехотной дивизии, вспоминает разговор со своим начальником, состоявшийся в эти последние мирные минуты. «Мой командир был в два раза старше меня, — рассказывает он, — и ему уже приходилось сражаться с русскими под Нарвой в 1917 году, когда он был в звании лейтенанта».

«Здесь, на этих бескрайних просторах, мы найдем свою смерть, как Наполеон», — не скрывал он пессимизма. К 23 часам 21 июня нам доложили, что время «Ч» остается неизменным, таким образом, операция начнется в 3 часа 15 минут. «Менде, — обратился он ко мне, — запомните этот час, он знаменует конец прежней Германии. *Finis Germania!*

Но Менде не тронули пророческие откровения командира. Он объяснял свое состояние безудержным оптимизмом, столь характерным для молодых солдат и офицеров, и уверенностью, что война, по сути, завершена, и завершена победоносно для Германии. «Так что мы не очень-то прислушивались к ворчанью этих стариканов, каковым считали и нашего командира».

Масштабность предстоящей кампании, ее широчайший фронт определили и разное время «Ч» на разных участках. На участке группы армий «Север» рассвет наступал в 3 часа 5 минут. На участке группы армий «Центр» — в 3 часа 15 минут, а на участке группы армий «Юг» — в 3 часа 25 минут. И глаза всех солдат вдоль гигантской линии фронта напряженно следили за бегом минутных стрелок на часах. Последние, решающие

мгновения навеки запечатлелись в памяти тех, кому суждено было погибнуть или остаться искалеченным в грядущей мясорубке.

Гауптман Александр Штальберг из 12-й танковой дивизии вспоминает: «Мы сидели в крошечной тьме в танках. Многие просто улеглись на лесную землю. Спать никто не мог.

Около 3 часов утра унтер-офицер, обойдя всех по очереди, разбудил нас. Водители запустили двигатели, и колонна стала медленно выползать из лесу. В поле наша вновь сформированная 12-я танковая дивизия производила внушительное впечатление — шутка ли сказать, 14 тысяч человек личного состава плюс техника».

Вальтер Штоль, радист из пехотного подразделения, находившийся в непосредственной близости от Буга, вспоминает лихорадочную подготовку последних минут.

«И вот нам приказали продвигаться вперед. Личный состав со штурмовыми лодками и другими плавсредствами получил сухой паек и боеприпасы. Нам тогда даже выдали шоколад, коньяк и пиво. Все угощали друг друга».

По мере продвижения к границе на дорогах появлялось все больше и больше войск, в особенности артиллерийских частей, выдвигавшихся на позиции. «Конца не было этим мортирам». Они двигались по мягкой бархатной пыли проселков, по песчаным лесным тропинкам на исходные рубежи. В одной деревеньке, где шагу ступить нельзя было от самоходных артиллерийских установок, мы оставили все, что не имело отношения к предстоящей атаке, прихватив лишь самое необходимое. Транспортные средства остались в тылу. Пехотинцы стали формироваться в штурмовые группы.

Ефрейтор Эрих Куби, сидя в одном из «хорьхов» на опушке леса, наблюдал: «Занималось погожее утро, прохладное, ясное, в низинах стоял туман». После суматохи последних дней «все воспринималось, как затишье перед бурей». Транспортные средства замерли в ожидании приказа. А приказ поступил, уже когда почти совсем рассвело. Куби вспоминает: «Небо посветлело, на нем темными силуэтами вырисовывались деревья и выстроившиеся в длинную колонну танки». Эта сцена безмятежности резко контрастировала с тем, что предстояло пережить уже несколько мгновений спустя.

Старшие офицеры собрались на наблюдательных пунктах, чтобы оценить результаты предстоящей артподготовки. Генерал Гудериан, командующий 2-й танковой группой, выехал на командный пункт, разместившийся на смотровой вышке южнее Бохукал, в 15 километрах на

север от Бреста. «Было еще темно, когда мы прибыли туда в 3 часа 10 минут», — читаем мы в его дневнике.

Генерал Гюнтер Блюментритт, начальник штаба 4-й армии, также находился поблизости, на участке 31-й пехотной дивизии. «Мы видели, — вспоминает он, — как взлетают и берут курс на восток немецкие истребители. Были хорошо различимы их навигационные огни». Час «Ч» приближался, «небо светлело, приобретая неповторимый желтоватый оттенок. Все вокруг дышало тишиной».

На участке 30-й танковой дивизии у Сувалок, на северном фланге группы армий «Центр», также царило «обычное перед наступлением напряжение. Бесконечные ряды танков замерли в неподвижности и казались диковинными кораблями, плывущими по морю из тумана. Временами на какой-нибудь из машин командир, приоткрыв люк, выбирался наружу и, приставив к глазам бинокль, пытался разглядеть что-то в неверном свете наступавшего утра. Около трех утра послышался гул пикирующих бомбардировщиков, потом за ними проследовали эскадры средних бомбардировщиков, направлявшихся к целям.

За две минуты до часа «Ч» лейтенанту Хаапе из 18-го полка — и не ему одному — вдруг вспомнилась жена.

«Мысли мои вернулись к Марте. Она тоже спит, как спали сейчас все наши жены, подруги и матери, как миллионы обычных людей по обе стороны этого необозримого фронта!»

Ефрейтор Эрих Куби из группы армий «Юг», дожидавшийся сигнала к атаке, в последние минуты начеркал письмо жене. Он предвидел, каким ударом станут грядущие события и для нее, и для их ребенка.

«Теперь ты уже обо всем [о нападении на Советский Союз. — Прим. авт.] знаешь и все не хуже меня понимаешь. Но сейчас, когда я пишу эти строки, ты еще спишь, ничего не подозревая. Часов в 7 по радио передадут сообщение о войне с русскими. Фрау Шульц наверняка разбудит тебя, и ты испытаешь потрясение. Потом выведешь нашего Томаса в сад и скажешь ему, что его папа скоро снова вернется».

Неотвратимость грядущих событий занимала умы всех без исключения. Генрих Хаапе успокаивал себя тем, что хотя бы его жене судьба подарила на одну безмятежную ночь больше. «А нам предстоит бросок на восток», — признавался Хаапе. И через минуту все они выступят. «А завтра там, откуда сегодня восходит солнце, будет полыхать война».

Затаившийся у самых вод Буга Генрих Айкмайер увидел, как в казенник его 88-мм зенитного орудия почти бесшумно вошел первый

снаряд. Все офицеры вокруг неотрывно глядели на секундомеры. Айкмайер застыл со спусковым шнуром в руках. Неужели именно ему предстоит стать тем, кто произведет первый выстрел на Восточном фронте?

Людвиг Тальмайер из батареи тяжелых орудий, приданной 63-му пехотному полку, изо всех сил старался уснуть в кузове стоявшего в лесу грузовика. Но сон не шел. Позже в свой дневник он запишет:

«Светать здесь начинало раньше, чем в Германии. Защебетали птицы, где-то в отдалении прокуковала кукушка. И вот — это было ровно в 3 часа 15 минут — внезапно загрохотала немецкая артиллерия. Воздух содрогнулся...» Герхард Фрай, артиллерист, вспоминает: «Ровно в 3 часа 15 минут тишину разорвала первая команда, и тут начался ад! Такого грохота мне еще не доводилось слышать никогда. Все кругом запыляло, залпы бесчисленных орудий слились в один бесконечный грохот. И тут же замелькали вспышки разрывов на противоположном берегу Буга. Да, несладко пришлось тем, кто угодил в эту мясорубку, не думая и не гадая!»

Обер-лейтенант артиллерии Зигфрид Кнаппе еще ночью при свете луны изучил как следует свою первую цель — деревню Сасня, лежавшую прямо перед боевыми порядками его батареи. Сейчас там творилось что-то невообразимое.

«С наблюдательного пункта я видел разрывы снарядов, поднимавшиеся вверх желтые и черные клубы. В нос ударила отвратительная пороховая гарь, орудия били без передышки. Четверть часа спустя мы приостановили стрельбу, вдали на стороне противника слабенькими хлопками отзвучали последние разрывы, и тут в атаку устремилась пехота».

Внезапно наступившая после грохота артиллерийской канонады тишина казалась невыносимой. Рядовой артиллерии Вернер Адамчик из 20-го артполка описывает, что выпало на долю тех, кто обслуживал 150-мм орудия:

«Стоишь рядом с орудием, раздается выстрел, и каждый раз кажется, что тебя вот-вот раздавит о землю. Взрывная волна и грохот от выстрела настолько сильны, что приходится разевать рот, чтобы уменьшить нагрузку на барабанные перепонки».

Пехота и часть бронетехники начали выдвигаться вперед. Солдаты шли вперед со смешанными чувствами. Гётц Регер из подразделения бронемашин впоследствии живо описывал свои впечатления от начала плана «Барбаросса»:

«Конечно, ты охвачен ужасом. Тебе приказано идти вперед, и, естественно, в животе у тебя бурчит от страха. Но ничего не поделаешь —

надо идти, таков приказ, а приказы надлежит выполнять...»

Три мощные группировки германских армий были сосредоточены на русской границе от Мемеля на Балтике до Румынии на Черном море. Тот рассвет самого длинного в году дня запечатлен на десятках кадров военной кинохроники «Дойче вохеншау». И эти впечатляющие кадры показали во всех кинотеатрах Германии уже неделю спустя после начала войны. На экранах озаренное вспышками орудий предрассветное небо. Следы трассирующих пуль над однопролетным железнодорожным мостом, вспышки разрывов, выхватывающие из темноты силуэты уверенно наступающих пехотинцев. На русской стороне как свечи пылают наблюдательные вышки русских. Величественно поднимающиеся к небу клубы дыма протянулись до самого горизонта, затмевая восходящее солнце. Очертания колонн пехотинцев, в полной выкладке уверенной поступью продвигающихся к целехоньким мостам через пограничную реку.

Все эти кадры «Дойче вохеншау» призваны были передать сокрушительную мощь вермахта, убедить аудиторию в его абсолютном превосходстве. Вот солдаты, сокрушающие полосатый пограничный столб. Камера бесстрастно фиксирует сцены разрушения. Повторяемые артиллерийские залпы, конвульсивно снующие взад и вперед орудийные стволы, трепещущие маскировочные сетки, клубы пыли, дым, огонь — все это подчеркивает подавляющее превосходство не знающей жалости техники. Обезумевшие от страха птицы на фоне дыма разрывов и пожарищ. Бесконечные колонны застывших в неподвижности танков излучают мощную и грозную ауру гибели.

На всей восьмисоткилометровой линии фронта вдоль Буга штурмовые группы внезапными и дерзкими атаками смели на своем пути боевое охранение ничего не подозревавших русских, не оставив им времени на то, чтобы уничтожить переправы. Сцены форсирования водных преград на плотам и лодках сменяют сцены наведения понтонных мостов инженерными частями.

На участке 18-й танковой дивизии генерал-майора Неринга вблизи Пратулина часть танков просто въехала в Буг, исчезнув на время под водой. Пехотинцы с любопытством наблюдали за этой невиданной картиной. Эти танки входили в состав 1-го батальона 18-го танкового полка. Эти машины предполагалось использовать в операции «Морской лев» — в ходе предполагаемого вторжения на Британские острова. В октябре 1940 года немцы отказались от первоначальных намерений, но специально оборудованные танки прекрасно вписались в рамки операции «Барбаросса» на этапе форсирования Буга.

Подводные танки были оснащены трехметровыми стальными трубами, через которые и осуществлялось снабжение воздухом экипажа в момент нахождения под водой. Выхлопные газы выбрасывались через особые клапаны, а башни защищали от воды специальные резиновые прокладки кольцеобразной формы. Всеобщее изумление вызвали 80 машин, внезапно вынырнувших уже на другой стороне Буга и немедленно захвативших плацдарм. Бронеавтомобили русских, попытавшиеся открыть огонь по наступавшей немецкой пехоте, были тут же уничтожены.

«Восток охвачен огнем», — заявил лейтенант Хаапе, наблюдая за ходом прорыва передовых частей. В основном тон задавала пехота. Ей удалось в полной мере использовать фактор внезапности. Ефрейтор Йоахим Кредель, пулеметчик 67-го пехотного полка 23-й дивизии, сначала не поверил своим ушам, когда его непосредственный начальник зачитывал своему подразделению приказ Гитлера. Промелькнуло новое словосочетание — «Восточный фронт». «Неужели он и правда сказал «Восточный фронт»?» Фельдфебель Рихард фон Вайцзеккер (будущий президент Федеративной Республики Германия), который также находился поблизости в составе 9-го полка, отказывался верить, что вот-вот разразится война с Советским Союзом. Командир взвода лейтенант фон Буше из того же самого 9-го полка думал:

«Странно, но ведь почти 129 лет тому назад император Наполеон при поддержке прусского корпуса под командованием генерала Людвиг Йорка тоже начинал русскую кампанию. Всем известно, чем она завершилась. А какова будет наша участь?»

Солдаты пытались побороть беспокойство, отдаваясь рутинным делам. Проверить, как заряжена винтовка или автомат. Все ли пуговицы застегнуты? Затянут ли ремень каски? Чуть ослабить его или, напротив, подтянуть? Посмотреть, как там кольцо гранаты — не дай бог заест в нужный момент? Хорошо ли мне виден мой напарник-сосед? Ну, вот, вроде бы все в порядке, теперь можно дожидаться сигнала к началу атаки. Эрнст Гласнер записал в свой дневник, сидя на берегу Буга:

«Невольно начинаешь считать секунды. И тут застывший в неподвижности вновь созданный Восточный фронт вздрагивает от грохота. Свист, вой, гул. Заработали артиллеристы».

Фельдфебель Готтфрид Бекер, по прозвищу «Готлиб» (игра слов немецкого языка — имя *Gottlieb* дословно переводится как «божий любимчик». — *Прим. перев.*), не отрывал взора от своей цели — железнодорожного моста и монотонно бубнил, отсчитывал про себя секунды. Бросившись по команде вперед, бойцы услышали эхо канонады,

затем прогремели первые разрывы. Бекера и его взвод поразило то, что, пробираясь к мосту, они ни разу не попали под огонь неприятеля. Только справа раздалось несколько одиночных выстрелов по моторизованной колонне немцев, но и они скоро смолкли. Первая атака прошла вопреки всем ожиданиям как по маслу, и взвод Бекера добрался до моста без единой потери.

Неподалеку ефрейтор Кредель из 67-го полка с автоматом через плечо со всех ног устремился вперед. Это был его первый бой. Так действовать подсказал ему один умудренный опытом боец. «Пойми, в первые секунды противник еще не успел опомниться. Вот этим и следует воспользоваться и дать ему прикурить». В паре сантиметров от каски непривычно свистели пули. Прямо перед ним рухнула наблюдательная вышка русских, в которую угодил снаряд из противотанкового орудия. «В воздух взметнулись щепки, и тела русских, словно куклы, шлепнулись на землю». И тут же по своим ударила германская артиллерия. «В ужасе завопили раненые — что же вы там? Ослепли, что ли? По своим палите!» Но тут огонь, словно по команде, переместился на несколько десятков метров дальше.

В эти первые минуты кампания ознаменовалась и первыми убитыми. Лейтенант Губерт Бекер, воевавший в составе группы армий «Север», вспоминает: «Это был знойный летний день. Мы шли по полю, ничего не подозревая. Вдруг на нас обрушился артиллерийский огонь. Вот так и произошло мое боевое крещение — странное чувство. Тебе сказано идти туда-то, и в следующую секунду ты слышишь звук, который уже с ни с чем не перепутаешь. Тебе кажется — еще секунда и тебя продырявят насквозь, но тебе каким-то образом везет. Рядом со мной находился мой командир, офицер, поэтому и нужно было показать себя героем в его глазах. Можно, конечно, и упасть на землю, это проще всего. И тут ты замечаешь лежащего впереди немецкого солдата — рука неуклюже задрана, и на пальце поблескивает обручальное кольцо, голова — кровавое месиво у а рот забит жужжащими мухами. Вот так я увидел первого убитого на этой войне».

Ефрейтор Йоахим Кредель бросился вперед, в смутном предчувствии опасности — нет, не может на войне все быть так легко. До сих пор они обходились почти без потерь. Его командир взвода лейтенант Маурер удовлетворенно наблюдал, как Кредель щедро поливал из MG-34 щель советского дота. Прошла секунда, другая. Ответной стрельбы нет. «Вперед!» — крикнул взводный, и солдаты перебежками миновали умолкший дот. Момент был весьма напряженный — все-таки на пару секунд они выставили себя под огонь врага.

Миновав укрепление, Маурер и его бойцы наконец смогли хоть

чутьочку распрямиться, продвигаясь вперед. И вдруг залп огня из тыла уже занятой позиции скосил Маурера на месте и, кроме него, еще одного унтер-офицера и нескольких солдат. Разгадав замысел немцев, русские перенесли пулемет на другую сторону дота. Эти первые потери ужаснули бойцов.

Унтер-офицер Фосс принял командование взводом и под прикрытием бывшего прямой наводкой противотанкового орудия сумел вместе с бойцами взобраться на крышу дота и, таким образом, оказаться в недосягаемости для неприятельского огня. Но и немцы ничего не могли сделать с засевшими в доте русскими. Всю ночь Фосс с бойцами так и просидели на крыше. Томительное ожидание лишь изредка прерывалось пистолетными выстрелами. От перенапряжения никто не мог глаз сомкнуть. Уже потом, когда рассвело, Кределя и остальных бойцов Фосса эвакуировали из опасного места и приказали возвращаться в свои подразделения. Позже вызванная саперная команда взорвала советское укрепление, и, таким образом, опасность была ликвидирована.

Эффект внезапности сработал. Кампания продолжалась всего несколько часов, а ее участники тем временем уже обрели солидный боевой опыт. Военный инженер Юзеф Зимелка вспоминает:

Пленные пограничники на мосту через Буг

«Там за Бугом стоял одинокий домик. Как мне помнится, это был таможенный пост. Перед войной мы даже подплывали к нему, а вечерами я пел о солдате, стоящем на берегу Волги. Вскоре и русские тоже запели, совсем как в мирное время... После атаки я увидел, как этот домик горел. Через четыре часа я зашел туда. У входа я увидел солдат, около двенадцати человек, все они были мертвы. Трупы их так и лежали среди обгоревших,

рухнувших балок. Это были первые убитые на войне, которых мне довелось видеть».

В 4 часа 55 минут 12-й армейский корпус докладывал в штаб 4-й армии: «До сих пор складывается впечатление, что неприятель застигнут врасплох». Командование корпуса ссылалось на данные радиоперехвата, в которых неоднократно повторялись такие слова: «Что делать?», «Что нам делать?», «Как действовать?»

Передислокация советских войск в западные округа начала проводиться задолго до немецкого вторжения, и немцы по-разному оценивали этот факт. Убежденные национал-социалисты, такие, как, например, лейтенант Ганс-Ульрих Рудель, летавший на пикирующем бомбардировщике и принимавший участие в первом авианалете, на этот счет не сомневался. Он откровенно заявлял: «Хорошо, что мы первыми ударили». Позже, основываясь на своих наблюдениях с воздуха, он напишет:

«Все говорило о том, что русские готовились к вторжению на нашу территорию. На кого еще им было нападать на западе? Если бы они закончили свои приготовления, вряд ли удалось бы их где-нибудь остановить».

Лейтенант Эрих Менде, воевавший в составе 8-й Силезской пехотной дивизии на центральном участке, считал, что «Красная Армия была развернута для нападения, а не для обороны. И мы, как считают, предотвратили это нападение». Впоследствии он начал думать, что «полностью встать на эту точку зрения — было бы ошибкой. Но, с другой стороны, есть все основания предполагать, что русские вполне могли отважиться на подобную операцию несколько месяцев или даже год спустя». Берндт Фрайтаг фон Лорингхофен, служивший в штабе 2-й танковой группы Гудериана, сделал после войны такое заявление:

«Ныне уже нет нужды придерживаться первоначальных взглядов о том, что русские планировали нанесение внезапного удара. Уже очень скоро стало ясно, что они готовились к обороне, но не успели завершить эту подготовку к моменту, когда началось немецкое вторжение. Пехотные дивизии были в основном сосредоточены у границ, а танки находились далеко в тылу. Если бы они собирались нападать, танковые части следовало бы разместить ближе к границам».

Но — каковы бы ни были намерения русских, они в период до 22 июня занимались глобальной передислокацией войск. Следует помнить, что на войне зачастую принятие решений командирами зависит больше от внешних признаков, нежели от фактов. Рядовой пехоты Эммануэль Зельдер

не сомневался: «Накануне нашего наступления ни у кого и мысли такой не было, что русские собираются наносить какие-то там удары». Напротив, уже первые часы войны свидетельствовали о том, что советские войска оказались совершенно не готовы к такому развитию событий. Отметая прочь гипотезу о «нанесении превентивного удара», Зельдер считает, что «русские на отдельных участках вообще не имели сил артиллерийской поддержки». «Как и мы, — заявил он во время беседы, — русские размещались в лесных палатках».

«Но в отличие от наших лагерей их лагеря не были даже замаскированы. Повсюду висели портреты Ленина и Сталина, ярко освещаемые по вечерам электрическими лампочками, и красные флаги. Все это находится в абсолютном противоречии с широко распространенным мнением, будто русские готовились к внезапному нападению».

Этот же взгляд находит подтверждение и в данных радиоперехватов. 12-й корпус, действовавший на центральном участке под Брестом, сообщил в 6 часов 15 минут в штаб командования 2-й танковой группы Гудериана, что «согласно данным радиоперехвата и по утверждениям захваченных в плен офицеров враг захвачен врасплох. От всех корпусов требуют перехода к обороне».

Выстроившиеся в линию, неподвижно застывшие танки, получив донесения от атакующей пехоты, стали запускать двигатели, окутав все вокруг сизоватым дымом. Взметая пыль, танки тронулись места, тяжело переваливаясь с боку на бок, направились к только что сооруженным понтонам и захваченным у русских в целости и сохранности мостам. Лейтенант Ф.-В. Кристианс, действовавший в составе танковой дивизии, входившей в группу армий «Юг», вспоминает, как поражались молодые солдаты размаху артподготовки и действиям авиации. Очевиден был и еще один аспект — трупы и немцев, и русских устилали обочины дорог. «Начало этой кампании не обошлось и без трагедий, — продолжает Ф.-В. Кристианс. — Эти первые убитые дали молодым солдатам представление о том, что их ожидает».

На рассвете... Берлин

Советский посол в Берлине Владимир Деканозов безуспешно добивался встречи с министром иностранных дел рейха Иоахимом фон Риббентропом. Валентин Бережков, его первый секретарь и переводчик, вспоминает: «Выяснилось, что министра иностранных дел рейха нет в

Берлине. Нам сообщили, что он выехал в Ставку фюрера». Сложившаяся ситуация весьма нервировала Деканозова — он не имел возможности заявить очередной протест по поводу нарушения германскими самолетами воздушного пространства СССР.

Через некоторое время переводчик рейхсминистерства иностранных дел Эрих Зоммер получил задание созвониться с Бережковым. Риббентроп хотел бы немедленной встречи с советским послом. Зоммер и его непосредственный начальник Герр Штрак выехали в посольство СССР, чтобы сопровождать советских дипломатов к рейхсминистру. Перед отъездом Штрак объяснил Зоммеру, что Советскому Союзу будет объявлена война, «но все уже и так началось». Когда автомобиль двинулся по Вильгельмштрассе в обратный путь, над Берлином уже занималась заря. Должностные лица размышляли о предстоящей встрече. Деканозов был рад, что наконец сможет выразить протест, хоть и со значительной задержкой. Зоммеру запомнилась ироническая реплика советского посла, когда они проезжали по знакомым берлинским улицам. «День обещает быть погожим», — произнес тогда Деканозов.

Имперский министр пропаганды Йозеф Геббельс с нетерпением ждал предстоящего объявления по радио и пресс-конференции. «Все было мобилизовано — и радио, и пресса, и кинохроника, — записал он в то утро в своем дневнике. — Все работало как часы». Телефоны звонили уже с 3 часов ночи, призывая представителей прессы на пресс-конференцию. Многие спрашивали себя: ну, чем нас на этот раз порадуют? Может, англичане решили капитулировать? Или победоносный вермахт избрал себе новую жертву? Автомобили проносились мимо утопавшего в утренней росе Тиргартена, торопясь туда, где должна состояться встреча с прессой. Уже сейчас чувствовалось, что день будет удушливо-жаркий.

Встреча Деканозова и Бережкова с рейхсминистром иностранных дел Риббентропом была назначена на 4 часа утра. Эрих Зоммер, переводчик, также присутствовал при этой встрече. Риббентроп сидел за столом, чуть подавшись вперед. Деканозов попытался зачитать свою ноту протеста, но Риббентроп явно не был расположен слушать. Вместо этого он жестом велел Шмидту зачитать заявление, в котором, по словам Зоммера, «Советский Союз обвинялся в актах, препятствующих германо-советскому сотрудничеству». Как только Бережков и Зоммер хотели приступить к переводу, Деканозов остановил их, и Шмидт читал еще около получаса, перечисляя по пунктам все нарушения государственных границ и воздушного пространства, якобы допущенные советской стороной. Далее в заявлении германского правительства говорилось:

«Тем самым Советское правительство разорвало свои договоры с Германией и собирается напасть на нее с тыла. В связи с этим фюрер приказал германским вооруженным силам противодействовать этой угрозе всеми имеющимися в их распоряжении средствами».

Зоммеру бросилось в глаза, что в зачитанном меморандуме, как ни странно, не содержалось фразы об объявлении войны. По его словам, Гитлер специально настоял на том, чтобы из текста исключили это словосочетание.

Бережков не поверил собственным ушам. Чтобы Советский Союз угрожал Германии! То, что он услышал дальше, потрясло его еще больше. Оказывается, советское нападение только отложено на определенный срок, и Гитлер вынужден искать способы отразить готовящуюся агрессию со стороны Советского Союза, чтобы защитить немецкий народ. Поэтому два часа назад германские регулярные части и перешли границу СССР.

Поднявшись из-за стола, Риббентроп протянул Деканозову руку. «Посол, — вспоминает Бережков, — был взволнован до крайности, и не исключая, что даже был слегка навеселе»^[21]. Разумеется, он проигнорировал жест рейхсминистра. «Он заявил, что германское вторжение является актом агрессии, и германский рейх вскоре о ней пожалеет». По словам Зоммера, «советский посол покраснел как рак и сжал кулаки». И несколько раз повторил: «Очень, очень жаль».

Когда Бережков направился вслед за Деканозовым из кабинета, Риббентроп неожиданно подошел к нему и прошептал ему на ухо, что «лично он противник этой войны и неоднократно пытался убедить Гитлера не начинать войну, поскольку считает ее катастрофой для Германии». На Бережкова это впечатления не произвело. После войны он с осуждением вспоминал: «Фактически тот документ, с дипломатической точки зрения, не содержал объявления войны». «Сталин, — по его словам, — до последнего момента пытался предотвратить войну». По его мнению, немцы нарушили дипломатические нормы ради достижения эффекта внезапности. В послевоенном интервью бывший секретарь советского посольства в Берлине утверждал:

«Мы не эвакуировали из Германии находившихся там советских граждан. Женщины и дети остались в Берлине. Семьи немецких дипломатов покинули Москву еще до 21 июня, за исключением работников посольства. В Москве на момент начала войны находилось около 100 дипломатов, в Германии же — свыше тысячи русских. Ведь совершенно ясно, что, если замышляется нападение, в первую очередь эвакуируют своих граждан. Мы этого не делали».

Вскоре после этой драматической встречи в рейхсминистерстве, в 5 часов 30 минут утра Риббентроп сделал заявление для прессы, что война с Советским Союзом идет уже два часа. Чуть меньше двух лет назад он вернулся из Москвы триумфатором, заключив германо-советский пакт о дружбе.

Тем временем по радио на весь рейх звучали фанфары из «Прелюдии» Листа. «Верховное главнокомандование вермахта сообщило германскому народу о вторжении в Россию», — записал Геббельс в своем дневнике.

«Отзвучала только что сочиненная мелодия для фанфар. Она вышла могучей, впечатляющей, величественной. Я зачитал по всем радиостанциям заявление фюрера к немецкому народу. Торжественный момент для меня».

После этого можно было спокойно возвращаться в свой Шваненвердер под Берлином. «С плеч спал непомерный груз последних дней и недель, — продолжает Геббельс, — пробил славный час, час рождения новой империи. Наша нация устремилась к свету». У Геббельса имелись все причины быть довольным собой. Близилась череда новых дипломатических и военных побед. Немецкому правительству удалось добиться эффекта внезапности. Когда он прибыл в Шваненвердер, «солнце уже стояло в зените», и имперский министр решил позволить себе «пару часов глубокого, живительного сна».

А к тому времени, когда Геббельс пробудился, унтер-офицер Гельмут Пабст уже мог считать себя ветераном сражений. Пабст записал в дневник 22 июня:

«Наступление продолжается. Мы непрерывно продвигаемся вперед по территории противника, приходится постоянно менять позиции. Ужасно хочется пить. Нет времени проглотить кусок. К 10 утра мы были уже опытными, обстрелянными бойцами, успевшими немало повидать: брошенные неприятелем позиции, подбитые и сгоревшие танки и машины, первые пленные, первые убитые русские».

Йозеф Дек из 71-го артиллерийского полка, наступавшего в районе Бреста, очень хорошо помнит сдержанные слова одного фельдфебеля, когда они вместе направлялись на огневые позиции. Этот фельдфебель не разделял оптимизма имперского министра пропаганды. Он считал так:

«Мы начали войну на Востоке, не разделившись с той, что шла на Западе. А ведь однажды война на два фронта уже имела печальные последствия для Германии».

Глава 5

Самый длинный день в году

«После первоначального «столбняка», вызванного внезапною нападения, противник перешел к активным действиям».

Гальдер. Военный дневник.

22 июня 1941 года

Первое кольцо окружения — Брест!

Еще вечером Георгий Карбук слушал приятные мелодии, наигрываемые оркестром в парке города Бреста. На рассвете его растолкал отец. «Вставай, — крикнул он. — Война!» Карбук тут же услышал звуки боя. «Это явно не походило на перестрелку, — вспоминает он, — гремела самая настоящая оружейная канонада. Обстреливали крепость». По улице бежали солдаты. «Что происходит?» — спросил Карбук. «А ты что, не видишь? Война!» — бросили ему в ответ.

В Кобрине генерал-майор Коробков, командующий 4-й советской армией, поспешно набросал донесение для передачи в штаб Западного особого военного округа в Минске. Отправленная в 6 часов 40 минут утра сводка сообщала:

«Докладываю: в 4 часа 15 минут 22 июня 1941 года враг начал обстрел Брестской крепости и городских районов Бреста. Одновременно вражеская авиация подвергла бомбардировке аэродромы в Бресте, Кобрине и Пружанах. К 6.00 утра усилился артобстрел Бреста и прилегающих районов. Город охвачен пожарами...»

«Мы, молодежь, никак не могли поверить, что действительно началась война, — признавался Георгий Карбук, — она всегда казалась нам такой далекой». Но жестокая реальность заставила отбросить в сторону все остальное.

«Всех нас не покидало предчувствие скорой войны. Разумеется, мы знали, что за Бугом сосредоточили силы немцы, но вопреки всему

отказывались в это верить. Только когда увидели первых раненых и убитых на залитом кровью городском тротуаре, вот тут уж пришлось поверить — война!»

К. Лешнева (так в тексте. — *Прим. перев.*) работала медсестрой в госпитале, располагавшемся в одной из 36 построек Южного острова. «Первые же снаряды, — рассказывает она, — подожгли здание госпиталя». Это было самое настоящее преступление. «Мы думали, что фашисты хоть госпиталь пощадят, — возмущалась женщина, — на крыше был нарисован огромный красный крест. И тут же стали поступать первые раненые, были и убитые». Деревянные постройки полыхали, как факелы.

Пехотинец унтер-офицер Гельмут Колаковски в благоговейном трепете вспоминает о первом артобстреле:

«Кто-то сказал нам, что в 3.15 утра начнется мощная артподготовка, такая, которая позволит нам беспрепятственно форсировать Буг. После такого огня ни о каком отпоре со стороны противника и говорить не приходилось!»

Герд Хабеданк из безопасного места, с наблюдательного пункта батальона, следил за ходом артиллерийской подготовки.

«Мы и оглянуться не успели, как земля задрожала, и всех нас обдало горячей волной... Я выглянул из блиндажа. Небо над нами окрасилось заревом. В воздухе свистели снаряды, гремели разрывы. Молодые бойцы инстинктивно пригибали головы, как под ураганным ветром... Еще не развиднелось, но были хорошо различимы огромные клубы дыма, заволакивавшие горизонт».

Операторы «Дойче вохеншау» находились на передовой, чтобы запечатлеть картину всеобщего разрушения. На экране мелькали грибовидные облака, вспышки разрывов у стен брестской цитадели, на первом плане немецкие корректировщики огня, менявшие позиции для получения более точных данных. Цели заволакивало дымом, пылью. Взрывы крупнокалиберных снарядов, вздымающие в воздух фонтаны земли.

Капеллан Рудольф Гшёпф из 45-й дивизии вспоминал: «Как только часы показали 3.15 утра, над нашими головами разразился настоящий ураган, невиданный ни до, ни после». Герман Вильд находился в лодке, опасно накренившейся под весом 37-мм противотанкового орудия. Их подразделение действовало в боевых порядках 130-го пехотного полка, переправлявшегося через Буг южнее Бреста. Внезапно он увидел, «как воздух обратился в металл». Укрывшись в щели, он какое-то время просидел там, Вильд вспоминает, как его «кидало из стороны в сторону от

сотрясавших все вокруг взрывов, как над головой завывали тучи осколков». Большая часть роты Вильда добралась до другого берега Буга под прикрытием кратковременной огневой подготовки. Все же план сработал. Гшёпф описывает, как именно:

«Эта гигантская по мощности и охвату территории артподготовка походила на землетрясение. Повсюду были видны огромные грибы дыма, мгновенно выраставшие из земли. Поскольку ни о каком ответном огне речи не было, нам показалось, что мы вообще стерли эту цитадель с лица земли».

Батальон Герда Хабеданка приступил к форсированию Буга. В его репортаже описывается как раз этот момент:

«В воду соскальзывали лодки, одна за другой. Слышались отрывистые команды, раздавался гул лодочных моторов. В воде отражались красноватые вспышки разрывов наших снарядов. А с той стороны — ни единого выстрела! Выскочив на берег, мы устремились дальше».

Ефрейтор Ганс Тойшлер из 135-го пехотного полка форсировал Буг во втором эшелоне наступавших севернее Бреста. «В 3 часа 19 минут поверхность воды сплошь покрылась плотами и десантными лодками. Артиллерия обстреливала территорию впереди. Каждые четыре минуты мы поднимались, пробегали сотню метров, после чего снова залегали. Все осуществлялось согласно заранее рассчитанному графику, мы уже знали, когда прибыть на берег Буга и когда приступить к форсированию реки. В воздухе визжали крупные и мелкие осколки. Грохот стоял страшный, казалось, земля ходила ходуном». Даже выдавшие виды бойцы, и те робели. «Поначалу мы все просто оцепенели», — признавался один унтер-офицер.

Наступление на Брестскую крепость с двух направлений шло полным ходом. На северном направлении 1-й и 3-й батальоны 135-го пехотного полка проникли в глубь Северного и Западного островов, а 1-й и 3-й батальоны 130-го пехотного полка атаковали Южный остров, предпринимая попытку обойти город Брест с юга вдоль русла Мухавца. Главной задачей оставалось овладеть мостами, необходимыми для перехода через реку танковых сил. 3-я рота лейтенанта Цимпе, бегом миновав четырехпутный железнодорожный мост, направилась на север, оставляя в стороне здание таможенного поста, мимо которого еще какой-нибудь час назад проследовал состав из России. Бросившись в траншею, немцы открыли огонь. Бойцы продвигались вперед до тех пор, пока гулками взрывами не возвестили о себе саперы. В результате визуального обзора выяснилось, что один из важных узловых элементов моста заминирован, но саперы обезвредили заряд и сбросили его в реку. Обернувшись, Цимпе

зеленой ракетой просигналил своим товарищам, ожидавшим сзади, — «Путь свободен!». Тут же пришла в движение бронетехника. Четверть часа спустя после начала артподготовки в штаб 12-го корпуса полетело донесение: «Железнодорожный мост захвачен в исправном состоянии!»

Штурмовая группа лейтенанта Кремера, действовавшая на амфибиях и состоявшая из наиболее подготовленных пехотинцев и саперов из 130-го пехотного полка и 81-го саперного батальона, едва успела спустить на воду лодки, как на противоположный берег с неба обрушился шквал снарядов немецких орудий. Поверхность реки и берег усеяли разрывы, выплевывая фонтаны грязи и дыма в светлое небо. Пороховая гарь мутной пеленой затянула реку. Четыре из девяти лодок превратились в щепы, болтавшиеся в прибрежной воде.

Пришлось вылавливать из воды в прибрежных камышах трупы погибших. Раненые зывали о помощи. Этот шальной обстрел стоил жизни Мюллеру, близкому товарищу Германа Вильда. «Всего несколько часов назад мы с ним разговаривали. Он тогда сказал, что его мучит предчувствие скорой гибели». Ошибка германских артиллеристов, открывших огонь из шестиствольных минометов по своим, стоила дорого наступавшим пехотинцам: 20 человек убитыми и тяжелоранеными.

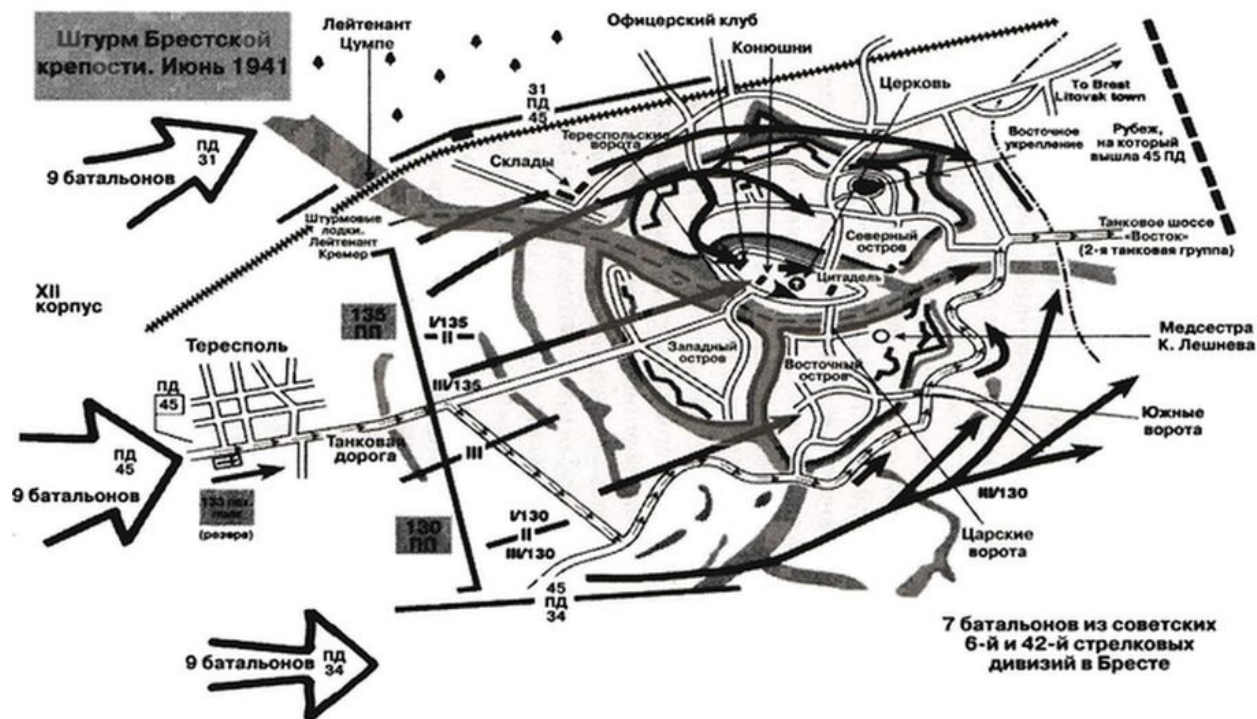
Кремеру пришлось на ходу переформировывать группу. Конечно, этот внезапный артобстрел перечеркнул первоначальный план, но сорвать решение поставленной задачи не мог. Пять уцелевших десантных лодок, гудя моторами, направились через Мухавец к первой из целей — мосту. Слева возвышались внушительные стены крепости, уже испещренные следами прямых попаданий снарядов только что завершившейся артподготовки. Вблизи северного моста, соединявшего Западный остров с цитаделью, на волнах качались еще две лодки, все в пробоинах. Уцелевшие бойцы по берегу пробирались к Центральному острову, где им предстояло застрять на два следующих дня. Эти первые несколько сот метров обошлись лейтенанту Кремеру в треть личного состава. С оставшимися тремя лодками он бросился к первым двум мостам. И к 3 часам 55 минутам они были взяты. Помогли бойцы «штурмовой группы Лора», также из 130-го пехотного полка. Группа лейтенанта Лора вела огонь с берега реки, Кремер с оставшимися у него тремя основательно потрепанными лодками продолжал выполнение поставленной задачи. Третий мост «Вулка» был взят в 5.10. У Кремера свалилась гора с плеч. Он приказал водрузить флаг со свастикой над мостом, своей последней целью, — миссия, за которую пришлось заплатить столь высокую цену, была успешно завершена. Лор не рекомендовал ему показываться — это означало

подвергнуть себя риску, подставившись врагу, но Кремер и слушать его не хотел. И едва флаг затрепетал на утреннем ветерке, как Кремер упал — пуля русского снайпера попала ему в голову.

Наступление севернее цитадели развивалось более успешно. 3-й батальон, преодолев густой кустарник и заграждения из колючей проволоки на высоком берегу Западного острова, перебрался через поросшую деревьями лужайку, где догорали подожженные во время артподготовки здания. 37-мм противотанковое орудие атакующим бойцам пришлось тащить вручную. Показался крупный ориентир — Тереспольская башня, вся в пробоинах, потом двухъярусные стены, опоясывавшие цитадель. В начале пятого утра германские войска уже были внутри бастиона, укрывшись в «мертвой зоне» низкого северного моста. За стенами немцы разделились, огибая здание гарнизонной церкви с обеих сторон. Через некоторое время атакующие уже приближались к центральной башне цитадели.

Тем временем южнее передовые части дивизии быстро овладели подступами к Южному острову через южные ворота. Немцы установили пулеметы на высоком земляном валу, господствовавшем над островом; с него простреливались Царские ворота — южный вход в крепость. Артиллерийский расчет Германа Вильда изодрал в кровь руки, втаскивая 37-мм противотанковые орудия на мощные резиновые плоты. «Мы едва не увязли в трясине у самой реки, — рассказывал он. — А на той стороне стало совсем неважно!» Восточный берег Буга представлял собой самое настоящее болото. «Иногда пушки увязали по самые лафеты, — досадовал Вильд. — Нам приходилось тянуть изо всех сил, чтобы не дать им увязнуть».

Группа бойцов втащила орудия на обрывистый берег реки и затем на Южный остров. Широкая дорога была усеяна листвой и ветками, сбитыми во время артподготовки. Продолжая катить на руках орудия к северу, немцы видели вдоль обочины трупы русских солдат. Многие из них были в одних нательных рубахах, без гимнастерок. «Показались и первые русские пленные, — вспоминал Вильд. — Те вообще были в одном белье. И вид у них был ошарашенный!» А вскоре противотанковые орудия уже открыли огонь по легким танкам противника.

Действовавший юго-восточнее 3-й батальон, огибая город Брест, пробирался среди подбитых устаревших русских танков. Пытаясь контратаковать немцев, эти легкие плавающие танки либо увязли в трясине, либо были подбиты. Впоследствии все представленные штурмовыми подразделениями в штабы дивизий донесения о ходе боевых действий были расценены как несомненный успех операции.

Тимофей Домбровский, красноармеец-пулеметчик, описывал, как немцы обрушили на его подразделение лавину огня. «Самолеты поливали нас огнем сверху, артиллерия — минометы, тяжелые, легкие орудия — внизу, на земле, причем все сразу!» Нет нужды упоминать о том, каковы были последствия.

«Мы залегли на берегу Буга, откуда видели все, что творилось на противоположном берегу. Все сразу поняли, что происходит. Немцы напали — война!»

Насчитывающий 8000 человек личный состав гарнизона находился в крепости в то утро не полностью. Там оставалось всего 3500 бойцов и командиров. В ночь с субботы на воскресенье многие получили увольнительные.

Крепость представляла собой самостоятельную единицу с автономным обеспечением условий проживания. Рядом с казармами и складами располагались школа, детский сад и госпитали. Семьи офицеров

проживали бок о бок с личным составом. А.А. Никитина-Аршинова, жена офицера Красной Армии, вспоминает:

«Рано утром нас с детьми разбудил ужасный грохот. Рвались снаряды, бомбы, визжали осколки. Я, схватив детей, босиком выбежала на улицу. Мы едва успели прихватить с собой кое-что из одежды. На улице царил ужас. Над крепостью кружили самолеты и сбрасывали на нас бомбы. Вокруг в панике метались женщины и дети, пытаюсь спастись. Передо мной лежали жена одного лейтенанта и ее сын — обоих убило бомбой».

Для всех послевоенных рассказов русских, переживших первый день войны, характерно то, что никто и подозревать не мог о германском нападении. Николай Янцук, милиционер подразделения железнодорожной милиции станции Брест, утверждал:

«В 4 часа немецкая артиллерия начала обстрел с позиций из-за Буга. Лейтенант Е. отдал распоряжение выдать всем оружие и оборонять станцию».

Бойцы из числа милиционеров выдвинулись к мосту через Буг и увидели, как немецкие части форсируют реку. «Их было не счесть, конца и края не видно. Вооруженные до зубов, с засученными рукавами, автоматами на шее они готовились вступить в бой». Домбровский, оборонявшийся на берегу Буга, утверждает: «Кое-кто из наших, увидев такое множество врагов, не выдержал и бросился бежать».

Василий Тимовелич, советский военный инженер, вспоминал, с какой легкостью немцы преодолели оборонительные позиции красноармейцев. «Наши фортификационные сооружения строились на совесть, — утверждал он, — их возводили по образцу линий Мажино и Зигфрида. Но строительство дотов завершить не успели, да и те, что были готовы, пустовали». Перенос границы на запад осенью 1939 года негативно отразился на обороноспособности примыкавших к границе районов. «Бронированными куполами оборудовали только 14 дотов, — сообщал Тимовелич, — и военные патрули следили, чтобы туда никто не забирался». И тут же задает вполне обоснованный вопрос: «Да и кто бы туда полез? Ведь это приграничная зона!» Участок не был приведен в состояние боевой готовности. «Гарнизоны в этих дотах не размещали, как правило, солдаты спали на свежем воздухе, в палатках». В первые минуты войны немцы и захватили их в этих же самых палатках. А многие из красноармейцев погибли еще во сне. Нападения никто не ожидал. «Пули пронизывали палатки насквозь. Были и прямые попадания снарядов, — продолжает Тимовелич. — Разрыв снаряда, и в воздух летят ошметки тел. Многие погибли, так и не поняв, что началась война». Николай Янцук

говорит о том же:

«У нас не хватало винтовок. Внезапно прибыло подкрепление — тысяча человек, их сразу же бросили в бой. «Дадут нам винтовки?» — спрашивали они. «Идите в бой, — отвечали им, — там и добудете себе оружие».

Вот им ничего и не оставалось, как отправиться на позиции и укрыться в траншеях. «Там они сидели и ждали, пока кого-нибудь убьют, чтобы взять и винтовку погибшего», — грустно констатировал Янчук.

Внезапное нападение застало гарнизон врасплох. Григорий Макаров, водитель одной из советских пехотных дивизий, вспоминает:

«Я с первых же секунд понял, что такое война. Вокруг лежали убитые и раненые товарищи, убитые лошади... Немецкие пехотинцы двигались со стороны железной дороги и начали проникать на территорию крепости».

Георгий Карбук, находившийся в городе Бресте, рассказывал, что «уже через пару часов в городе появились первые немецкие танки и мотоциклисты, за ними следовала пехота».

Командир немецкой 45-й пехотной дивизии отправил в штаб 12-го корпуса целый ворох бодрых донесений. В 4 часа 45 минут утра в одном из донесений говорилось: «До сих пор нет признаков сопротивления противника». К этому времени немцы успели захватить несколько мостов, в том числе важнейший железнодорожный мост, который вел к южному входу в цитадель. И даже здесь «не было сколько-нибудь значительного отпора». В 4 часа 42 минуты «было взято 50 человек пленных, все в одном белье, их война застала в койках». Наступление немцев наращивало темп, в их руки попадали все новые и новые мосты и сооружения крепости. Через три часа после начала войны в 12-й корпус докладывали, что «дивизия намеревается овладеть Северным островом». Сопротивление противника мало-помалу усиливалось, «враг предпринял ряд танковых атак на участке между мостом и цитаделью», однако немцы полностью владели ситуацией. В течение пяти часов передовые части танковых сил доложили о том, что успешно продвигаются вперед при эффективной поддержке пикирующих бомбардировщиков, которые подвергли бомбардировке «автостраду 1» — главную ось наступления.

В 8 часов 35 минут в одном из донесений прозвучали более трезвые нотки: «За крепость продолжается ожесточенное сражение». К 8 часам 50 минутам в штабе командования 12-го корпуса убедились, что прорвавшаяся в Брест 45-я пехотная дивизия не поспевает за фланговыми частями. Было принято решение ввести в бой резервные части корпуса — 133-й пехотный полк — для разгрузки тяжелого положения на участке 45-й дивизии, в

которой «погибли два командира батальонов и один командир роты, а командир одного из полков получил серьезное ранение». К 10 часам 50 минутам утра в донесениях уже не скрывают пессимизма. «Бой за овладение крепостью ожесточенный — многочисленные потери». Таким образом, попытка атаковать крепость с ходу провалилась.

Ефрейтор Ганс Тойшлер участвовал в форсировании Буга в составе частей второго эшелона — с 10-й ротой 135-го пехотного полка. Его подразделению удалось достичь Западного острова «без значительных трудностей», минуя окруженные позиции противника, а вскоре — и прорваться на внутренний остров, где располагалась цитадель. Рота Тойшлера захватила мост, ведущий к главным воротам, а оттуда вышла к центру крепости. Прямо перед собой бойцы увидели длинное здание с четырьмя большими воротами, которое обороняли советские пулеметчики и бойцы, сумевшие оправиться от потрясения первых минут. Бой здесь завязался нешуточный. Каждые ворота приходилось забрасывать гранатами, иначе их взять было невозможно. «Площадка перед зданием, — вспоминал Тойшлер, — была вся в дыму, изрыта воронками и завалена битым кирпичом, за грудами которого мы кое-как укрылись». Контратаку легких танков противника удалось успешно отбить. 10-я рота вышла к следующим воротам, и там начали накапливаться штурмовые группы, готовясь к очередному броску. В ходе новой атаки немцы обогнули массивное здание гарнизонной церкви. 3-я рота 135-го пехотного полка успела проникнуть в глубь цитадели и находилась близко к цели.

Немцы предприняли попытку пробиться в крепость и с востока. Овладев Южным островом, части вермахта начали обходить Брест еще южнее. Они глубоко вклинились в расположение советских войск с двух направлений. Все признаки указывали на то, что первый удар оказался для противника смертельным. Во всяком случае, до 11 часов утра наступление развивалось успешно, хотя штаб 45-й пехотной дивизии высказывал неодобрение спустя 3–4 часа после времени «Ч».

«Вскоре, где-то между 5.30 и 7.30 утра, стало окончательно ясно, что русские отчаянно сражаются в тылу наших передовых частей. Их пехота при поддержке 35–40 танков и бронемашин, оказавшихся на территории крепости, образовала несколько очагов обороны. Вражеские снайперы вели прицельный огонь из-за деревьев, с крыш и подвалов, что вызвало большие потери среди офицеров и младших командиров».

На территории крепости 3-я рота 135-го пехотного полка оказалась прижата к стене гарнизонной церкви и частично окружена русскими. Вызванное подкрепление, минуя Западный остров, продвигалось крайне

медленно, немцам приходилось преодолевать с боем буквально каждый метр территории. Командиры один за другим погибали от пуль снайперов. Гауптман Пракса и его командир батареи гауптман Кратс погибли при попытке поднять бойцов в атаку. Майор Эльце из 1-й роты 135-го пехотного полка, пытаясь прорваться в цитадель с восточной стороны, погиб в нескольких шагах от корректировщика лейтенанта Ценнека, находившегося в боевых порядках роты. Атака без командира захлебнулась, и тереспольский мост превратился в непреодолимое препятствие. Красноармейцы, оправившись от шока первых минут, заняли стены крепости, не давая немцам возможности пошевелиться.

Ближе к полудню началась настоящая жара. Соппротивление русских в районе церкви и офицерской столовой становилось все ожесточеннее. По мостам в тыл ковыляли раненые немецкие солдаты, некоторых уже успели наскоро перевязать под огнем. В полдень стало окончательно ясно, что наступление дивизии захлебнулось. Позже в одном из донесений говорилось:

«В утренние часы выяснилось, что поддержать наступающие части артиллерийским огнем невозможно, поскольку наши и русские подразделения перемешались. Наши позиции представляли собой разбросанные по территории крепости здания, заросли кустарника, деревья, камни и местами вплотную подходили к рубежам обороны противника, поэтому трудно было отличить, где свои, а где неприятель. Попытки расстрелять противника в упор из тяжелых пехотных и противотанковых орудий, а также из любых других видов артиллерии, оказались безуспешными вследствие плохой видимости и связанного с этим риска перебить наших солдат и, главным образом, вследствие огромной толщины стен крепости».

Вызванная на подмогу батарея самоходных орудий также ничем не помогла. 133-й пехотный полк из резерва корпуса после 13 часов 15 минут продвинулся к Южному и Западному островам, однако не смог исправить ситуацию:

«Там, где русских удалось выбить или выкурить, вскоре появлялись новые силы. Они вылезали из подвалов, домов, из канализационных труб и других временных укрытий, вели прицельный огонь, и наши потери непрерывно росли».

Ефрейтор Ганс Тойшлер находился рядом с гарнизонной церковью на территории крепости и корректировал пулеметный огонь, расположившись на брошенной русскими позиции зенитного орудия. В бинокль он разобрал едва заметную вспышку винтовочного выстрела из каземата,

расположенного в 300 метрах от него, когда второй номер крикнул «ложись!». Тойшлер попытался лечь, но тут пуля снайпера угодила ему прямо в грудь. Отброшенный в сторону страшным ударом, он попытался сжать рукоятку пулемета, доказать себе, что не убит, что жив. Последнее, что он помнил, были мысли о Боге и доме. Позже, когда к нему вернулось сознание, он увидел вокруг себя жуткую сцену:

«На краю позиции стояла полуразобранная тренога крепления тяжелого пулемета. Подле нее лежал сам пулеметчик со смертельной раной в легкое; он надсадно дышал, стонал и просил пить. Я с трудом дал ему напиток из фляжки. Находившийся справа от меня пулемет смотрел дулом в небо. Пулеметчик не отзывался. В двух шагах сразу несколько человек звали санитаров. «Помогите, помогите, ради бога!» Снайпер отлично справился со своей работой».

Тойшлер, чувствуя, что силы покидают его, попытался усесться на ящик из-под патронов, на который его отбросила пуля русского снайпера. «Мне казалось, что грудь залили свинцом, — признавался он, — нательная рубашка и гимнастерка пропитались кровью». Он кое-как достал перевязочный пакет и попытался остановить кровотечение — оказывается, пуля прошла навылет. С великим трудом наложив 118 повязку, он почувствовал себя спасенным и тут же погрузился в странный призрачный мир галлюцинаций». Солнце пекло нещадно.

В 13 часов 50 минут генерал-лейтенант Шлипер, командующий 45-й пехотной дивизией, следивший за ходом боя с наблюдательного пункта 135-го пехотного полка, вынужден был смириться с происходящим — эту крепость силами одной только пехоты не взять. Генерал-фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Центр», побывавший на командном пункте 12-го корпуса за 40 минут до описанных событий, придерживался того же мнения. В 14 часов 30 минут командование приняло решение отвести части 45-й дивизии, успевшие прорваться в цитадель. Отход намечалось осуществить с наступлением темноты. Затем предполагалось точно выяснить, где находятся солдаты противника, и подавить их сопротивление огнем артиллерии. Командующий 4-й армией дал свое согласие. В документах дивизии этот вынужденный шаг объяснялся так:

«Он стремился избежать ненужных потерь; движение по железной дороге и подъездным автомобильным дорогам уже осуществлялось. И врагу уже не удастся этому помешать. В целом русских ожидала осада и, следовательно, голодная смерть».

Для 45-й дивизии вермахта начало кампании оказалось безрадостным: 21 офицер и 290 унтер-офицеров, не считая солдат, погибли в первый же

день войны. За первые сутки в России дивизия потеряла почти столько же солдат и офицеров, сколько за шесть недель французской кампании.

12-й корпус запросил дополнительные силы — самоходные орудия и огнеметы. Решающего прорыва одной только артиллерией добиться было невозможно.

С наступлением сумерек в расположенных за Бугом штабах срочно принимали решения, которые, впрочем, никак не разрядили обстановку. Из-за дыма и клубившейся в воздухе пыли с трудом различались очертания гарнизонной церкви. 70 немецких бойцов, блокировавших ее защитников, сами оказались отрезаны от основных сил. Связь по радио еще удавалось поддерживать, хотя и с перебоями. Словом, поставленная задача оказалась не из легких.

«До Москвы — всего ничего, каких-нибудь 1000 километров»

«Слава богу! Снова началось!» — черкнул на календаре один из операторов еженедельной кинохроники «Вохеншау». Напряжение последних дней и недель наконец спало. «Похоже, мы застали русских сегодня утром врасплох», — писал 28-летний Ульрих Модерзон в письме к матери. Часть Ульриха Модерзона действовала в составе группы армий «Юг».

«Русские так и не сумели организовать мало-мальски серьезное сопротивление. Наша артиллерия и пикирующие бомбардировщики — сущий ад для них. Все важные мосты захвачены в целости и сохранности. И теперь наши войска несутся в глубь России. Сегодня днем я узнал, как дрожит земля и как меркнет свет дня... Все осуществляется согласно намеченному плану».

Впечатления первого дня войны, записанные солдатами, говорят о ликовании, вызванном скорыми и легкими победами. Роберт Рупп, до войны школьный учитель из Берлина, писал: «Нас разбудила начавшаяся в 3.15 артиллерийская канонада. Огонь вели 34 батареи». Он наблюдал реку Буг с опушки леса, что в 7 километрах от границы.

«Вскоре запылали деревни и ввысь взмыли сигнальные ракеты. По всей линии фронта бушевала жуткая гроза. Небо было исчернено дымными трассами выстрелов зенитных пулеметов, медленно растворявшимися в воздухе. Вот на землю упал подбитый самолет. Небо, сначала розоватое, понемногу светлело, на нем появлялись багровые и зеленые полосы. Над горизонтом зависло гигантское облако дыма, которое ветер начинал

относить вправо. Я попытался уснуть, но это был не сон, а скорее полузабытье».

Обер-лейтенант Зигфрид Кнаппе на участке группы армий «Центр» следил за пехотой, перешедшей в наступление сразу по завершении артподготовки:

«С продвижением частей пехоты утренний полумрак заполнили выкрики команд, щелчки затворов оружия, короткие автоматные очереди и разрывы ручных гранат. Пулеметная стрельба воспринималась как стук железных колес тележки, 120 передвигаемой по брусчатке. Наша пехота, преодолев проволочные заграждения русских, поднялась в атаку на ничейной земле и устремила к наблюдательным вышкам и долговременным огневым сооружениям русских».

Завязались короткие, но весьма ожесточенные схватки с противником, который, несмотря на то что был застигнут врасплох, без боя сдаваться не собирался. «Наши бойцы взяли в плен тех, кто сдавался, и уничтожили тех, кто продолжал сопротивляться», — так комментировал Кнаппе этот бой. Число отступавших русских уменьшилось раз в десять у моста в Сасне после атаки пикирующих бомбардировщиков. Кнаппе, участник кампании во Франции, увидев ужасающую картину — трупы убитых русских, заявил: «Хоть шока подобные вещи у меня уже не вызывали, но и привыкнуть к ним я так и не смог». Наступление немцев неудержимо развивалось в восточном направлении. Соединение Кнаппе, 87-я пехотная дивизия, следовало за танковыми частями. «Мы овладели Сасней и Граевом в первый день, — вспоминал он, — а потом начался долгий-предолгий путь на Москву».

Успехи обозначились во всей линии 3000-километрового фронта. Курицио Малапарте, итальянский военкор, продвигавшийся вместе с частями группы армий «Юг», стоя на берегу Прута, наблюдал за наступлением механизированной дивизии под Галацем.

«Танковые двигатели выплевывали синеватые язычки выхлопных газов. Резкий их запах, пропитывая утренний туман, забивал аромат свежескошенной травы и спелого хлеба. Ползущие под аккомпанемент воя пикирующих бомбардировщиков танковые колонны тонкими карандашными линиями прочертили необозримую зелень молдавской равнины».

В течение двух часов итальянцу пришлось пережидать, пока пройдет ревушая колонна техники. «В воздухе пахло конским и людским потом, бензином и выхлопными газами», — продолжал он описание того дня. На перекрестках солдаты фельджандармерии с бесстрастными лицами изо

всех сил пытались навести порядок и избежать транспортных пробок. За танками на грузовиках следовала пехота. «Солдаты сидели в кузовах машин в странной, неестественной неподвижности, словно изваяния». Проносившиеся мимо автомобили оставляли за собой длиннющие хвосты пыли, оседавшей на маршировавших вдоль дорог пехотинцах. «Они были все белые от этой пыли, — вспоминает Малапарте, — будто мраморные».

Лейтенант Альфред Дюрвангер, командир противотанковой роты 28-й пехотной дивизии, наступавшей из Восточной Пруссии через Сувалки, рассказывал: «Когда мы вступили в первый бой с русскими, они нас явно не ожидали, но и неподготовленными их никак нельзя было назвать». У его бойцов было дурное предчувствие, когда они переходили советскую границу. «Энтузиазма не было и в помине! — утверждал Дюрвангер. — Скорее всеми овладело чувство грандиозности предстоящей кампании. И тут же возник вопрос: где, у какого населенного пункта эта кампания завершится?»

Этим же вопросом мучились не только солдаты Дюрвангера, но и миллионы других на всем протяжении необозримого Восточного фронта. Лейтенант из 74-й пехотной дивизии писал:

«Я уже сейчас могу сказать, что месяца через полтора, от силы два, флаг со свастикой будет реять над московским Кремлем. Более того, в этом году мы покончим с Россией и уложим на лопатки «томми»... Да! Ни для кого не секрет, что месяц спустя наш непобедимый вермахт будет стоять у ворот Москвы. До Москвы от Сувалок — всего ничего, каких-нибудь 1000 километров. От нас всего лишь требуется еще один блицкриг. Только мы можем так наступать. Вперед, вперед и только вперед, за нашими танками пойдем мы, обрушивая на русских пули, осколки и снаряды. Большого от нас никто не требует».

Еще один пехотный офицер, обер-лейтенант, заявлял, что в отличие от своих товарищей, он не удивился, когда началась эта война, которую он «давно и не раз предрекал». Этот обер-лейтенант полагал, что с падением России падут и Аравия, Ирак, Сирия, Палестина и Египет, причем за короткое время, и вот тогда Риббентропу останется лишь отправить к «томми» в Англию одного-единственного солдата на мирные переговоры. И каков бы ни был результат, с сарказмом заметил он, «может, нам и в Англии побывать придется, но в этом случае нам будет обеспечен крепкий тыл — 5–6 воздушных армий да 10 000 танков в придачу». Подобная уверенность подкреплялась мощной идеологической обработкой. «Ну, и что вы думаете об этом нашем новом противнике? — писал один фельдфебель-пехотинец. — Может, папа еще помнит, что я говорил ему

насчет русских, когда в последний раз был в отпуске, о том, что с большевиками дружба будет недолгой». И мрачновато добавляет: «Тут у них сплошь одни жидаы». Впрочем, не все солдаты и офицеры вермахта были столь «патриотически» настроены, среди них попадались и другие, как вспоминает артиллерист противотанкового орудия Иоганн Данцер:

«В самый первый день, едва только мы пошли в атаку, как один из наших застрелился из своего же оружия. Зажав винтовку между колен, он вставил ствол в рот и надавил на спуск. Так для него окончилась война и все связанные с ней ужасы».

Пережитое Данцером в самый первый день косвенно подтверждало мотивы самоубийцы из их подразделения. После того, как началась артподготовка, Данцер вместе с расчетом противотанкового орудия «сначала вообще ничего не мог разобрать из-за порохового дыма. Но как только дым рассеялся, с русской стороны открылся шквальный огонь». Командир противотанкового орудия вместе с расчетом бросились в атаку, таща за собой 37-мм пушку и отчаянно пытаясь не отстать от атаковавших вместе с ними пехотинцев. К ним присоединилась четверка бойцов-пехотинцев, чтобы помочь артиллеристам справиться со своим грузом. «Наше тяжеленное орудие мгновенно превратилось в мишень для огня русских». Первый же залп неприятеля рассеял их группу. «Трое погибли на месте, — рассказывает Данцер, — остальные были ранены кто куда, только я не получил ни царапины».

После того, как сопротивление русских было подавлено немецкой пехотой, через образовавшуюся брешь в тыл неприятеля двинулись танки. Но и им пришлось не так просто. «На Восточном фронте мне повстречались люди, которых можно назвать особой расой, — заявил Ганс Бекер, танкист 12-й танковой дивизии. — Уже первая атака обернулась сражением не на жизнь, а на смерть».

7-я танковая дивизия сумела особенно глубоко вклиниться в оборону неприятеля. Собственно, об обороне в полном смысле слова говорить не приходилось — пограничные укрепления оказались слабыми, в противовес тому, что утверждала немецкая разведка, «а неприятельская артиллерия действовала крайне нерешительно». К 12 часам 45 минутам 22 июня в исправном состоянии был захвачен мост через Неман в районе Алитуса. Объект удалось захватить после внезапной и дерзкой атаки штурмовых групп. Предмостное укрепление сразу же подверглось яростной атаке русских тяжелых танков, действовавших при поддержке пехоты и артиллерии. В ходе этой первой в восточной кампании танковой дуэли были подожжены 82 русских танка. Карл Фукс, командир танка 25-го

танкового полка, писал домой:

«Вчера, как и позавчера, мне удалось подбить в общей сложности два вражеских танка! Так что не за горами и первая боевая награда. На войне, на самом деле, не так уж и страшно, ясно одно: русские бегут, как зайцы, а мы их подгоняем. Все мы верим в скорую и окончательную победу!»

Алитус был охвачен огнем. На подступах к нему дымились несколько подбитых немецких танков. У некоторых танков снарядами снесло башни. Все они были подбиты в ходе внезапной контратаки русских танков. 7-я танковая дивизия практически сразу оказалась вытеснена из только что захваченного плацдарма на другом берегу Немана. Полковник Ротенберг, командир 25-го танкового полка, назвал этот бой «самым тяжелым в жизни сражением».

В официальной летописи 7-го танкового полка нашлось место и для описания погоды в тот знаменательный день:

«...погода как нельзя лучше благоприятствовала сражениям и в последующие дни. Было сухо, солнечно, все дороги и подъездные пути были проезжими, даже заболоченные участки вдоль дорог, и те высохли, так что по ним вполне могла передвигаться и гусеничная, и колесная техника».

Короткий «обеденный перерыв» по пути на Восток

Ефрейтор Эрих Куби подводил в своем дневнике своего рода иронический итог: «Погода словно по заказу самого Гитлера», — писал он. Официальная летопись 20-й танковой дивизии, также входившей в состав 3-й танковой группы генерал-полковника Гота, также упоминает о жаре, сопровождавшей пехотинцев на марше, в ходе которого за день некоторые подразделения преодолели до 50 км. Оценка сил русских в приграничных

районах оказалась явно завышенной. В день 22 июня было захвачено 300 человек пленных, включая 20 офицеров, а также 10 грузовиков. Песчаные дороги неимоверно повысили расход бензина, вследствие чего возникли перебои с доставкой топлива. Колонны все сильнее растягивались в длину. «Колонна дивизии, извиваясь змеей, тянулась под палящим солнцем по проселочной дороге, — запишет дивизионный историк, — оставляя за собой огромные клубы пыли и сильно облегчая задачу русским бомбардировщикам, если те надумают атаковать». И действительно, в тот день на долю находящейся на марше дивизии выпало целых шесть авианалетов.

А где же была авиация РККА?

«ВВС красных нам не досаждали», — заметил лейтенант Михаэль Вехтлер. Его бойцы 133-го полка, находившегося в резерве, ожидали команды выступить на Брест. Полк загорал на лесных полянах — прекрасная цель для воздушной атаки — в ожидании дальнейших распоряжений. Лейтенант Гейнц Кноке, пилот истребителя Me-109 52-й истребительной авиаэскадры, с утра участвовал в атаке наземных целей — штабов русских.

«Эффект внезапности был полнейшим. Одно из казарменных зданий занялось ярким пламенем. Взрывы сдирали брезент с грузовиков, переворачивали их. Внизу все походило на растревоженный муравейник, русские метались кто куда. Сыны Сталина в одних подштанниках бежали под деревья в поисках укрытия».

Авиация сделала 5–6 заходов на лагерь и штаб русских. Легкие зенитные орудия открыли было огонь, но его быстро подавили. «Один из «Иванов» упал на землю с винтовкой в руках, он был в одном белье», — рассказывал Кноке.

Его эскадрилья вернулась на аэродром в Сувалках в 5 часов 56 минут, чтобы спустя 40 минут отправиться в новый боевой вылет. А вылеты следовали один за другим — самолеты едва успевали заправить и пополнить боекомплект, как пилоты снова садились в кабины. К концу дня Кноке довелось наблюдать такую картину:

«Тысячи «иванов», беспорядочно отступающих. Стоит снизиться и пройти над ними на бреющем, как они разбегаются и пытаются укрыться в придорожных канавах и кустах. После каждой нашей атаки несколько грузовиков остаются гореть посреди дороги. Однажды я сбросил бомбы на

колонну артиллерии, передвигавшейся на конной тяге. Благодарю судьбу, что я не оказался на их месте».

К 20 часам эскадрилья Кноке совершила свой шестой по счету боевой вылет за первый день войны 22 июня. Люфтваффе, самый современный род войск германского вермахта, располагало пилотами с прекрасной боевой выучкой. Как правило, это были молодые люди, соединявшие в себе главные нацистские добродетели: расовую чистоту, помноженную на безукоризненное владение техникой. И в бою они вели себя безжалостно и порой жестоко. Кноке сам признается:

«Мы давно мечтали поддать этим большевикам как следует. И нами руководила не ненависть, нет, скорее брезгливое презрение. Приятно все-таки столкнуть в сточную канаву эту большевистскую мразь, где ей самое место».

Один из офицеров люфтваффе, служивший во французском Лионе, писал домой на следующий день после вторжения в Советскую Россию. Его в целом не лишённые прагматизма идеи здорово отдают самым настоящим расизмом. «Вчера мы стояли у карты и размышляли обо всех непредвиденных обстоятельствах, которые еще ждут нас». Оценив эти проблемы, они пришли к выводу, выраженному в довольно ироничной, если не издевательской форме: «Лучше уж нас совсем не подчиняли бы Генштабу». Пресловутое нацистское мировоззрение пропитало германское унтер-офицерство. «Все еврейство восстало против нас. Марксисты плечом к плечу встали вместе с заправилami финансового бизнеса, как это было в Германии до 1933 года». Удивление, последовавшее после объявления войны русским, сменялось сдержанным оптимизмом. «Кто бы мог подумать, что мы сцепимся с русскими, но фюрер всегда знает, что делает».

Справедливость данного утверждения становилась очевиднее, когда пришло осознание того, насколько успешным оказался первый удар люфтваффе. Похожие на чаек «штукас» («штукас» — (*Stukas*) — сокращение от нем. *Sturmkampfflugzeug* — пикирующий бомбардировщик. — Прим. перев.) с воем кружили над войсками противника и наводили ужас. Именно пикирующие бомбардировщики Ю-87 обеспечивали поддержку с воздуха танковых и пехотных сил вермахта. Лейтенант Ганс Рудель к вечеру первого дня войны «четырежды слетал в тыл врага на участке между Гродно и Волковыском». Целью его были скопления танков, колонны войскового подвоза, перебрасываемые русскими к линии фронта. «Мы бомбили танки, позиции артиллерии ПВО и выложенные на грунт для пехоты и танков штабеля боеприпасов», — писал он.

Военный корреспондент Ганс Шаллер описывал, как выглядит атака пикирующих бомбардировщиков из кабины пилота Ю-87.

«Вот пилоты меняют курс. Я ничего не могу разобрать из-за дикого рева машины, в которой нахожусь, — мне она кажется птицей, парящей над территорией врага в поисках добычи. И вот один из самолетов покидает боевой порядок. Заваливаясь на крыло, он устремляется вниз сквозь молочное месиво облачности, к своей цели. Бомбардировщик пикирует почти отвесно, в этот момент пилот испытывает воистину нечеловеческие перегрузки».

Такой способ атаки, хотя и не дающий возможности прицельного бомбометания, на тот момент являлся самым совершенным. Надо сказать, что пилотам подобные маневры давались нелегко — им при выходе из пикирования приходилось преодолевать четырех- и даже двенадцатикратные перегрузки длительностью от одной до шести секунд. Гауптман Роберт Олейник, инструктор по подготовке пилотов пикирующих бомбардировщиков, поясняет:

«Скорость пикирования в 480 км/ч создает колоссальную нагрузку на машину. Воздушный тормоз снижает скорость, не давая самолету развалиться в воздухе, позволяя пилоту выйти из крутого пике. Перегрузки таковы, что летчики на несколько секунд теряют зрение».

Лейтенант Рудель описывает физическое состояние пилотов, вызванное постоянным нечеловеческим напряжением первых дней кампании в России. В эти первые дни войны первый боевой вылет приходился на 3 часа утра, а последний — на 10 часов вечера. «Если только выдавалась свободная минута, мы тут же заваливались на землю под крыло и засыпали мертвым сном. В результате постоянного стресса мы и на задании действовали будто во сне».

Донесения в вышестоящие штабы, исходившие от командующих частями советских ВВС, все чаще и чаще говорили о катастрофических потерях. Командование ВВС 3-й армии информировало штаб Западного фронта:

«В 4 часа утра 22 июня 1941 года неприятель нанес одновременный удар по нескольким нашим аэродромам. Выведен из строя 16-й бомбардировочный полк в полном составе. 122-й истребительный авиаполк понес тяжелые потери, в 127-м истребительном авиаполку потери меньше».

Потеря управления войсками, полный паралич командования. Отрывочная, нередко недостоверная информация — вот что отличало те дни. Далее из того же донесения:

«Прошу сообщить о месте передислокации 122-го и 127-го

истребительных авиаполков и их радиочастоты и позывные. Прошу также подкрепления силами истребительной авиации для отражения нападения врага».

Подобные фразы содержались и в докладе командования ВВС 4-й армии: «Враг имеет полное превосходство в воздухе, авиаполки несут огромные потери» [до 30–40 %. Прим. авт.]

Из 9-й авиадивизии в штаб 10-й армии сообщалось о том, что к 10 часам 29 минутам все истребители, базировавшиеся в Минске, уничтожены. В 10 часов 57 минут, т. е. через 28 минут, 126-й истребительный авиаполк запросил разрешение уничтожить склады снабжения в Вельске и отступить, поскольку для личного состава создавалась реальная угроза оказаться в плену. Вельск находился в 25 км от границы.

Советские авиаподразделения уничтожались и при попытке подняться в воздух. У Буга в районе Бреста единственная эскадрилья советских истребителей при взлете подверглась бомбовому удару. Горящие остатки машин были разбросаны по всему летному полю. Попытки экипажей советских бомбардировщиков противостоять атакам были обречены на провал. Командующий 2-м воздушным флотом генерал-фельдмаршал Кессельринг комментировал это так: «То, что русские позволяли нам беспрепятственно атаковать эти тихоходные самолеты, передвигавшиеся в тактически совершенно невозможных построениях, казалось мне преступлением. Они как ни в чем не бывало шли волна за волной с равными интервалами, становясь легкой добычей для наших истребителей. Это было самое настоящее «избиение младенцев».

Но имелись и другие примеры.

Гауптман Герберт Пабст из 77-й авиаэскадры пикирующих бомбардировщиков стал свидетелем авианалета на его аэродром базирования сразу же по возвращении с очередной операции. Внезапно по всему летному полю, словно из ниоткуда, возникли зловещие грибы разрывов. Пабст заметил направлявшуюся домой шестерку двухмоторных самолетов. И тут же, буквально несколько секунд спустя, подоспели немецкие истребители.

«Один пилот открыл огонь, и дымовая трасса потянулась к русскому бомбардировщику. Содрогнувшись от удара, самолет блеснул на солнце, после чего свалился в отвесное пикирование. Вскоре вспышка и взрыв подтвердили его падение. Второй бомбардировщик в мгновение ока объяло пламя, последовал взрыв, и на землю, кружась, будто осенние листья, посыпались его обломки. Третью машину пули истребителей подожгли сзади. Остальных постигла та же судьба, пылая, они свалились прямо на деревню,

где еще долго догорали. К небу вздымались шесть столбов дыма. Все шесть машин были сбиты!»

«Они летали к нам всю вторую половину дня, — продолжает Пабст, — и всех их сбивали. Только с нашего аэродрома мы своими глазами видели, как был сбит один за другим 21 самолет. Никто из них не ушел».

В ходе внезапного удара утром 22 июня люфтваффе атаковало 31 аэродром советских ВВС. После этого пилоты получали задание на уничтожение штабов, мест сосредоточения войск, артиллерийских позиций и складов ГСМ. Советские пилоты, пытавшиеся воспрепятствовать немцам, как правило, после первого и единственного залпа выходили из боя. Лейтенант Рудель прекрасно понимал, что советские истребители И-15 уступают немецким Ме-109. Где бы они ни появлялись, «их били как мух», подтверждает Рудель. 22 июня Гейнц Кноке докладывал «о полном отсутствии в воздухе советских самолетов на протяжении всего дня». Поэтому «для нас открывалась возможность без помех выполнять поставленные задачи». Причины этого объяснений не требуют. К полудню первого дня войны Советы потеряли в общей сложности 890 машин, 222 из которых были сбиты в воздухе истребителями люфтваффе и силами противовоздушной обороны, а 668 — уничтожены на своих аэродромах. Лишь 18 машин потеряло люфтваффе. А уже к вечеру того же дня русские потеряли 1811 самолетов — 1489 на земле и 322 — в воздухе. Германские потери возросли до 35 машин»^[22].

За период 23–26 июня 1941 года число подвергнутых атаке советских аэродромов возросло до 123. К концу июня месяца было выведено из строя 4614 советских самолетов, немцы потеряли 330. Потери Советов на земле составили 3176, в воздухе — 1438. Таким образом, люфтваффе завоевало господство в воздухе. Генерал-фельдмаршал Кессельринг вспоминал об этих днях:

«В первые два дня операции мы сумели завоевать господство в воздухе. Решение этой задачи облегчила прекрасно проведенная аэрофотосъемка. Ее данные свидетельствовали о том, что в воздухе и на земле было сразу же уничтожено до 2500 самолетов противника. Геринг поначалу отказывался поверить в эту цифру. Однако когда мы получили возможность проверить эти сведения после нашего наступления, он сказал, что наши подсчеты всего на 200 или 300 машин превышают реальные потери русских». На самом же деле потери оказались куда выше — на целых 1814 самолетов.

Урон, нанесенный совершенно неготовым к отражению атак противника советским аэродромам, вообще трудно поддается какой-либо

оценке. Когда на них стали падать первые бомбы, экипажи машин мирно спали. Самолеты не были замаскированы и стояли крыло к крылу у взлетных полос. Аэродромы базирования бомбардировочной авиации располагались не в тылу, а были выдвинуты к самой границе и, конечно же, не располагали соответствующими средствами ПВО. Если им и удавалось позже подниматься в воздух, их неповоротливые боевые порядки без истребителей сопровождения становились мишенью для вертких «мессершмиттов». 3-я истребительная авиаэскадра под командованием майора Гюнтера Лютцова в течение 15 минут сбила 27 советских бомбардировщиков. Немцы не потеряли ни одной машины. Именно этим и объясняется эйфория, охватившая германский генералитет в первые дни и недели войны. Генерал-майор Гофман фон Вальдау, начальник штаба командования люфтваффе, утверждал о «полной тактической внезапности», обещая скорый «успех кампании в целом». Того же мнения придерживался и генерал авиации барон фон Рихтгофен, командующий 8-м воздушным корпусом 2-го воздушного флота Кессельринга. Он верил, что к концу июня основные силы Красной Армии будут уничтожены. Две недели спустя Рихтгофен утверждал: «Путь на Москву открыт». По его мнению, немцам на завершение кампании требовалось всего лишь восемь дней.

Но какими бы поспешными ни казались подобные прогнозы, немецкое превосходство в воздухе на тот момент было очевидным. Впрочем, и о полном уничтожении сил советской авиации говорить пока не приходилось, хотя понесенный ею урон был колоссальным. Большинство членов экипажей подбитых бомбардировщиков спасались, покидая горящие машины на парашютах. Экипажи машин, уничтоженных на земле, также могли принять участие в боевых действиях на более поздних этапах войны. Накануне войны разведка люфтваффе установила наличие лишь 30 % советских авиасил, дислоцированных на территории европейской части Советского Союза. Таким образом, немцы недооценили силы русских почти наполовину. Девять дней спустя после начала боевых действий тот же генерал-майор Гофман фон Вальдау докладывал начальнику верховного штаба Главнокомандования вермахта Гальдеру следующее:

«Наше командование ВВС серьезно недооценило силы авиации противника в отношении численности. Русские, очевидно, имели в своем распоряжении значительно больше, чем 8000 самолетов. Правда, теперь из этого числа, видимо, сбита и уничтожена почти половина, в результате чего сейчас наши силы примерно уравнились с русскими».

3 июля фон Вальдау доверил своему дневнику еще один любопытный факт: он, оказывается, убедился, что внезапный удар немецких сил

пришелся на группировку советских войск, размеры и численность которой поражают. Иными словами, данные, которые удалось добыть разведке и которые считались «пропагандистскими», оказались реальностью и требовали суровой переоценки. «Качественный уровень советских летчиков куда выше ожидаемого», — сетовал фон Вальдау. По его мнению, дальнейшие успехи становились возможными за счет нанесения максимально больших потерь русским при «минимальных собственных». Но реальность подсказывала иное: «Ожесточенное сопротивление [русских. — *Прим. перев.*], его массовый характер не соответствуют нашим первоначальным предположениям».

И первым признаком этого стал таран, предпринятый одним из советских летчиков, младшим лейтенантом Дмитрием Кокоревым из 124-го истребительного авиаполка, в небе над Кобрином. Израсходовав боекомплект в ожесточенном бою с немцем, младший лейтенант Кокорев направил свою машину прямо на Ме-110. Оба самолета, сорвавшись в штопор, устремились к земле. Неподалеку от Жолквы другой летчик на истребителе И-16, лейтенант И. Иванов, воздушным винтом повредил хвостовое оперение немецкого бомбардировщика Хе-111. Кокорев выжил, а вот Иванов погиб. По имеющимся данным, девять советских летчиков совершили таран только в первый день войны 22 июня 1941 года. Полковник люфтваффе поражен: «Советские пилоты — фаталисты, они сражаются до конца без какой-либо надежды на победу и даже на выживание, ведомые либо собственным фанатизмом, либо страхом перед ожидающимися их на земле комиссарами». Немцы побеждали в воздухе, но их противник, несмотря на нанесенный ему урон, все еще представлял смертельную опасность.

Люфтваффе нанесло серьезный урон советским ВВС. Немецкие силы вторжения имели явное превосходство в тактике, но значительно уступали по численности своему фанатично сопротивлявшемуся противнику. Только продолжая наносить русским столь же ощутимые потери, как в первый день войны, люфтваффе могло рассчитывать на победу. «Это же аксиома — наносить врагу как можно большие потери, а самому нести минимальные», — вот простой расчет фон Вальдау. Тем не менее к исходу 22 июня люфтваффе завоевало господство в воздухе, теперь они собирались сосредоточиться на поддержке с воздуха наземных операций.

Арнольд Дёринг из 53-й бомбардировочной авиаэскадры бомбил дороги северо-восточнее Бреста, ведущие к Кобрину. В его высказываниях как в капле воды отразились новые намерения люфтваффе. «С тем, чтобы не разрушать дороги, оставив их проходимыми для наших войск, —

утверждал он, — мы старались бросать бомбы по краям проезжей части». Целями явились танковые и моторизованные колонны, артиллерия, в том числе и на конной тяге, словом, «все, кто в ужасе пробивался на восток». В результате дорога превращалась в ад.

«Наши бомбы рвались рядом с танками, орудиями, между автомобилями, охваченные паникой русские разбегались в разные стороны. Паника там внизу царила ужасающая, никому и в голову не приходило пальнуть по нам разок. Воздействие осколочных и зажигательных бомб трудно описать. При атаке таких целей промаха просто не могло быть в принципе. Танки опрокидывались набок, пылали как свечи, перевернутые грузовики с орудиями перекрывали движение, обезумевшие лошади только усугубляли хаос и панику».

«Сумерки... 22 июня 1941 года»

«Во время марша пыль сделала нас неузнаваемыми, мы все от нее пожелтели, — вспоминал лейтенант Генрих Хаапел из 18-го пехотного полка, действовавшего в составе группы армий «Центр». — В этом пропыленном воздухе нельзя было разобрать, где люди, а где машины». Эти самые длинные дни в году отмечены самыми высокими темпами продвижения немцев. «Наши наступающие дивизии всюду, где противник пытался оказать сопротивление, отбросили его и продвинулись с боем в среднем на 10–12 км! Таким образом, путь подвижным соединениям открыт», — писал в военном дневнике генерал Франц Гальдер. На фронте группы армий «Север» 4-я танковая группа Гёпнера сумела захватить два моста через Дубиссу в исправном состоянии. В среднем скорость продвижения германских частей и соединений составила около 20 км в день. Особых успехов добилась 2-я танковая группа генерала Гудериана: 17-я танковая дивизия одолела 18 км, справа от нее 18-я танковая дивизия продвинулась на целых 66 км севернее Бреста. Действовавшая южнее Бреста 3-я танковая дивизия углубилась на 36 км, 4-я танковая дивизия — на 39, а 1-я кавалерийская дивизия преодолела 24 километра.

Темпы были весьма напряженными. По завершении форсирования Буга Роберт Рупп запишет в своем дневнике: «На большой скорости мы углублялись дальше в темноту. Туман настолько густой, что с трудом различаешь машину впереди». Передовая часть 12-го армейского корпуса, подразделение «Штольцман» вышло к Березе Картусской днем позже, опередив остальные части на 100 километров. 3-я танковая группа Гота с

боями преодолела Неман под (Элитой и Меркине. Она вышла на оперативный простор, — перед ее соединениями не осталось сколько-нибудь сильно укрепленных позиций неприятеля. Гот был готов устремиться дальше. На одном из участков 1-я танковая группа Клейста из состава группы армий «Юг» вышла к реке Стырь, а разведывательные подразделения успели переправиться через Прут. Приграничная оборона русских рухнула. Все мосты через Буг и другие приграничные реки были захвачены в исправном состоянии. Гальдер делает заключение:

«О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать. Можно ожидать еще большего влияния элемента внезапности на дальнейший ход событий в результате быстрого продвижения наших подвижных частей, для чего в настоящее время всюду есть полная возможность».

Сводка ОКВ за 22 июня сообщала: «Создается впечатление, что противник после первоначального замешательства начинает оказывать все более упорное сопротивление». С этим согласен и начальник штаба ОКВ Гальдер: «После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям».

Это сразу почувствовала пехота после успешного прорыва приграничной обороны. 3-й батальон 18-го пехотного полка (группа армий «Центр»), насчитывавший 800 человек, был обстрелян русским арьергардом. Силы русских состояли исключительно из политработника и четырех солдат, с невиданной ожесточенностью защищавших временную позицию посреди поля пшеницы. Немцы понесли незначительные потери. «Я не ожидал ничего подобного, — срывавшимся от волнения голосом признавался командир батальона майор Нойхоф своему батальонному врачу. — Это же чистейшее самоубийство атаковать силы батальона пятеркой бойцов».

Подобные инциденты оставляли гнетущее чувство неуверенности. Ветераны прошлогодней кампании во Франции привыкли к тому, что неприятель, оказываясь в безвыходном положении, предпочитал сдаваться. А здесь все получилось совершенно по-иному. «Мы вынуждены были признать, что именно такие мелкие, разрозненные группы русских представляют для нас самую большую опасность», — резюмировал Хаапе. И поросшие высокой пшеницей поля — идеальное прибежище для этих малочисленных отрядов, отбившихся от своих частей. «Как правило, эти

группы фанатиков возглавляли политработники, и мы никогда не знали, откуда ждать их огня». Германские войска становились объектом подобных беспокоящих атак на протяжении всего светлого времени суток. Батальон Хаапе тем утром дважды подвергся нападению. Один гауптман из соседнего подразделения признавался в тот же день: «Такое происходит везде: и в лесах, и на полях». И обреченно добавил: «Эти свиньи натаскивают в пшеницу кучи боеприпасов и дожидаются, пока пройдет основная колонна, а потом открывают огонь».

В отличие от командиров полевых частей генштабистов подобная тактика противника, похоже, не особенно волновала. «Признаков же оперативного отхода нет и следа, — так считал Гальдер. — ...русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению. Русские вынуждены принять бой в той группировке, в которой они находились к началу нашего наступления», — продолжает свою мысль начальник Генерального штаба ОКХ. Главной целью немцев было и остается разгром сил русских как можно дальше на западе. Военный дневник Гальдера излучает уверенность. «Задачи групп армий остаются прежними. Нет никаких оснований для внесения каких-либо изменений в план операции. Главному командованию сухопутных войск не приходится даже отдавать каких-либо дополнительных распоряжений». Ход кампании может быть оценен как удовлетворительный.

Однако для солдата с передовой он выглядел не столь гладко, как на оперативных картах. На исходе этого длинного и знойного июньского дня лейтенанту Хаапе поручили помочь раненым, которых, несмотря на победные фанфары, оказалось немало. Непосредственно на передовой успех казался солдатам не таким очевидным. Хаапе, являясь офицером медицинской службы, приступил к выполнению тягостной обязанности — врачеванию моральных и физических ран, полученных солдатами в дневной бойне. Он вспоминает:

«В скольких еще окопах, траншеях, лесах немецкие солдаты будут тщетно зывать о помощи, которая так и не придет или же придет с запозданием? Я уверен, что армии следовало бы тщательнее подготовиться к тому ужасу, который является неизбежным спутником любого наступления, любой кампании.

Организация войск, управление ими и прочие чисто военные аспекты разработаны точнейшим образом, но вот что касается обеспечения тыла самым необходимым, его организаторы достойны самого строгого наказания. Наверняка было бы куда лучше просто-напросто снизить темпы

наступления, — это позволило бы куда скорее оказать необходимую помощь раненым и предать земле тела погибших».

Глава 6

В ожидании новостей

Уже заключались пари, но не об исходе войны, а о сроках ее окончания.

Секретный отчет СС

«В тылу. Германия. — «Победа будет за нами!»

Внешне день 22 июня в рейхе казался самым что ни на есть обычным воскресным днем. 95 000 зрителей вопили на Олимпийском стадионе в Берлине, выражая восторг по поводу завершения финального матча на кубок Германии. Несмотря на сенсационную политическую новость, способную, казалось, затмить все остальное, очень многие предпочли отправиться на футбол, наиболее впечатляющие кинокадры этой игры мелькали на экранах кинотеатров уже неделю спустя. Венский «Рapid» — впервые после аншлюса Австрии — встречался с чемпионом рейха «Шальке». Германская команда, выигрывавшая к 70-й минуте со счетом 3:0, на последних минутах игры проиграла австрийцам 3:4. Матч этот не имел себе равных по драматизму, а результат его оказался и вовсе ошеломляющим. Тем более для периода военного времени. Но в конце концов и Австрия нынче принадлежала рейху.

Рейтинг спортивных репортажей заметно перевесил военные сводки с только что образованного Восточного фронта. Споры нет, выступление Геббельса по радио шокировало всех без исключения. Одна домохозяйка из Хаусберге вспоминает:

«Да, я включаю радио и что же я слышу? — «Самые последние известия с Восточного фронта» — настала моя очередь утратить дар речи, как это было почти со всеми в Германии. Заявление фюрера прозвучало громом среди ясного неба».

Вот что заявил еще один слушатель, герр Ф.М. из местечка Нойвид:

«Едва по радио отзвучал национальный гимн и я услышал голос Геббельса, мне показалось, что он объявит о чем-нибудь хорошем. Вопреки ожиданию новости были плохие... Теперь все стало на свои места,

впрочем, и раньше многие догадывались, отчего наша армия сосредоточилась на востоке. Всех нас — и армию, и гражданское население — ждут нелегкие времена. Солдатам придется сражаться, а нам терпеть и переживать. Вновь мы вернулись во времена неуверенности в завтрашнем дне и треволнений».

Впрочем, многим не требовалось идти на футбол, чтобы отвлечься. Шарлотта фон Шуленбург, муж которой уже ушел на фронт, оставалась одна с четырьмя детьми в возрасте от нескольких месяцев до 6 лет. Ей в первую голову приходилось решать домашние проблемы. Шарлотта вспоминает:

«Не забывайте, что в те времена все было по карточкам. И еда, и одежда. И жить с каждым днем становилось все сложнее. Иногда нечего было на стол поставить, разве что фрукты и овощи из своего сада и огорода».

Война серьезно подорвала сезонный бизнес очень многих немцев. Газета «Мюнхнер нойесте нахрихтен» писала в 1941 году о том, что многие владельцы отелей в Швейцарии вынуждены были закрыть свои заведения, поскольку 60 % туристов приходилось на иностранцев. А в Германии из-за войны люди проводили отпуска дома. Солдаты-отпускники, конечно же, стремились домой, провести драгоценные минуты с родными и близкими. Гостиницы были переполнены, но не ватагами туристов. Большинство было отдано под штабы, госпитали, санатории и дома отдыха для раненых или для размещения эвакуированных из больших городов детей. Актриса Хайди Кабль с озабоченностью отмечала увеличивающееся число воздушных налетов начиная с 1940 года:

«Мы с мужем работали в театре. У нас был сын, и нередко нам приходилось брать его с собой. Налеты были довольно серьезными, однако позже стало еще хуже и страшнее. Так, мы всегда забирали его из дома с собой, и он, бывало, даже спал в гардеробе».

Именно тыловые проблемы остававшихся дома близких иногда куда больше заботили фронтовиков, нежели перспектива собственной гибели. Некий обер-лейтенант, пехотинец, не сомневался относительно исхода кампании в России, но страшно беспокоился за свою оставшуюся в рейхе супругу. Жена писала ему о бомбардировках его родного Ойскирхена, но, не желая тревожить мужа, не сообщала о разрушениях. Именно это и вызывало у него тревогу.

И хотя правительство рейха из кожи вон лезло, чтобы успокоить население, люди не очень-то доверяли этому насаждаемому повсеместно оптимизму. «Это были очень беспокойные времена, — вспоминала

Шарлотта фон Шуленбург. — Я так и не смогла смириться с войной. И ежедневное осознание того, что твой муж на фронте и жизнь его в опасности, — нет, к этому привыкнуть было просто невозможно». Жена ефрейтора Эриха Куби Эдит в письме мужу от 22 июня не скрывала своей озабоченности:

«Это мое первое письмо на фронт! Боже мой, ведь ты перед самым отъездом поговаривал о такой возможности, и вот теперь ты там! Хочу надеяться, что судьба благоволит к тебе и что с тобой ничего не случится».

Эта кампания воспринималась куда более зловещей, нежели все ей предшествовавшие. «В этой России, — писала Эдит, — и война будет не такой, как во Франции, потому что «конечная цель» маячит где-то вдалеке». Связанные с войной невзгоды и страхи не обходили и детей. В день, когда было передано сообщение о вторжении в Россию, 12-летняя Марианна Робертс собралась вместе со своим дядей за молоком. Сообщение потрясло девочку до глубины души. А дядя Марианны, ефрейтор саперных войск, прошедший и польскую и французскую кампании, помолчав, процедил сквозь зубы: «Ну, вот и все — считайте, мы эту войну проиграли». Марианна вспоминает:

«Никто не произнес ни слова. Все будто воды в рот набрали. Но с того дня я знала — никакой нашей «окончательной победы» не будет».

Дядя тут же отправился на войну и вскоре погиб под Смоленском. Три года спустя Марианна потеряла и отца.

На пятый день войны в секретном отчете СС «О политической ситуации в стране» содержались такие слова:

«Согласно данным, полученным от многочисленных, в том числе и от неустановленных источников, нервозность и страх были характерны лишь для первых часов после объявления по радио о начале войны, да и то преимущественно для женской половины населения. Вследствие хорошо организованной информационной кампании негативные эмоции уступили место уверенности и оптимизму».

Лейтенант Гельмут Ритген, адъютант командира танкового полка, был по профессии математиком. Его оценка исхода начавшейся кампании была столь оптимистичной, что он, вооружившись карандашом, принялся подсчитывать, когда же наступит тот день, когда он со спокойной душой отправится в отпуск. Гельмуту Ритгену не терпелось жениться.

«Я попытался вычислить продолжительность данной кампании исходя из продолжительности предыдущих кампаний в Польше и во Франции, исходя из имеющихся у нас сил, а также расстояний и ряда других факторов. В результате получилось, что война должна завершиться к концу

июля. Так что на 2 августа вполне можно назначать свадьбу».

Правда, лейтенант Ритген не учел одного решающего фактора — сопротивления русских солдат. Что же до оптимизма, ему было его не занимать. Впрочем, как и очень многим в рейхе. Уже цитированный отчет СС гласит:

«Мнение населения на данный момент таково, что оно считает Россию весьма слабым в военном отношении противником. В том, что уже очень скоро должно последовать победоносное завершение русской кампании, не сомневается никто, причем степень этой уверенности куда выше, нежели во время предшествующих кампаний в Европе. Оптимизм населения настолько высок, что уже заключаются пари, но не об исходе войны, а о сроках ее окончания. Подавляющее большинство населения считает 6 недель предельным сроком окончания войны!»

Однако невесте Гельмута Ритгена пришлось дожидаться своего жениха целых два года. А вот у другой девушки, у Маргит Мерц, все обстояло совершенно по-другому. Ее жениха, как и ее обоих братьев, призвали в армию в 1940 году. Но свадьбу сыграть так и не пришлось. Жених погиб в самые первые дни войны в России. Для Маргит это оказалось страшным ударом.

«Я плакала и плакала дни напролет, почти целый год. Собираешься как-то устроить свою жизнь, кого-то встречаешь, а в один прекрасный день все твои планы по чьей-то милости идут прахом...»

Оставшиеся военные годы, по ее словам, прошли «как жуткий сон».

Остается лишь добавить, что в Советской России подобных трагедий было неизмеримо больше.

«В тылу. Россия. — «Победа будет за нами!»

Шестнадцатилетняя Инна Константинова жила под Кастьюнем (так в тексте. — *Прим. перев.*), северо-восточнее Москвы. Вот ее дневниковая запись, посвященная первому дню войны: «...еще вчера все было так хорошо, мирно, спокойно, а сегодня... Боже мой!» Ей вторит Ицхак Рудашевский из Вильнюса, вспоминающий о том, как их веселая болтовня была прервана воем сирен воздушной тревоги. «Этот невыносимый вой сирен никак не вязался с погожим июньским днем». А первый воздушный налет состоялся вечером этого знойного июньского дня:

«Это была война. Люди носились как обезумевшие. Вмиг все изменилось... Всем нам стало ясно — Гитлер напал на нашу страну. Нам

навязали эту войну. И мы будем сражаться до конца, пока наглый агрессор не будет изгнан с нашей родной земли».

Внезапное начало войны глубоко потрясло простых русских людей. В полдень 22 июня 1941 года все радиостанции Советского Союза передали сообщение министра иностранных дел СССР Вячеслава Молотова о вероломном нападении Германии на Советский Союз. Позже кадры советской кинохроники покажут озабоченные лица людей, пристально вглядывавшихся в бесстрастные алюминиевые жерла уличных громкоговорителей, из которых звучал взволнованный голос:

«Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспрецедентным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей».

Люди переглядывались, пытались уловить реакцию друг друга, многие женщины плакали. Напряженные, озабоченные лица, поджатые губы, устремленные вдаль взоры, желание ничего не упустить из услышанного.

Инна Константинова продолжает: «Не могу описать своего состояния, когда я слушала речь Молотова! Я была так взволнована, что сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди». Она, как и миллионы ее соотечественников, была охвачена патриотическим порывом. «Вся страна мобилизована — неужели я смогу жить, как будто ничего не произошло? Нет! Я тоже хочу быть полезной своей стране!» Так она и записала в свой дневник: «Мы победим!»

Лев Копелев, в тот период студент одного из московских вузов, воспринял сообщение о начале войны чуть ли не с ликованием.

«Как же наивен был я тогда! Я испытывал удовлетворение, потому что

мне показалось, что началась «священная война», в которой к нам присоединится «германский пролетариат», и мы общими усилиями свергнем Гитлера».

Его твердая убежденность основывалась на том, что к 1933 году Германская коммунистическая партия была самой многочисленной из коммунистических партий мира.

У других сообщение о развязанной Гитлером войне отдалось болью в сердце. Поэт Евгений Долматовский, впоследствии лейтенант Советской Армии, говорит: «Я вполне серьезно заявляю вам, это вызвало у меня жуткий страх, и сразу же мучительно засосало под ложечкой». И тут же на смену страху пришла твердая решимость служить своей стране. О той же убежденности и решимости говорит и Лев Копелев. «Я должен был защитить свое Отечество, с фашизмом нужно было покончить раз и навсегда». Лев Копелев, в совершенстве владевший немецким языком, считал себя идеальной кандидатурой для заброски в глубокий немецкий тыл. «Глупость, конечно», — смущенно признался он впоследствии.

Однако именно к этим настроениям и взывал Молотов в своей памятной речи. «Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей», — продолжал он далее. Это довольно характерное для советского мировоззрения уточнение было типично для подавляющего большинства населения СССР, в том числе и для Льва Копелева:

«Войну эту развязали не немецкие рабочие и крестьяне, не немецкая интеллигенция, страдания которых были так близки нам, а кровожадные руководители Германии, уже поработившие Польшу, Францию, Чехословакию, Югославию, Норвегию, Нидерланды, Данию, Грецию и другие страны», — писал он.

Конечно, люди не подозревали о той звериной жестокости, с которой немцы будут вести эту войну, войну, вне всякого сомнения, идеологическую. Но что это было нападение, неприкрытый акт агрессии и что ей необходимо дать отпор — в этом не сомневался никто.

«Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

После этих слов громкоговорители умолкли. И тут же заиграли военные марши. Это заявление и потрясало, и оскорбляло. Ведь существовал пакт о ненападении. И вот без каких-либо претензий или

требований Германия напала на нас! Мария Миронова, известная советская актриса, вспоминает те мрачные дни, воцарившиеся после сообщения о внезапном начале войны:

«Люди вдруг высыпали на улицы. Никто ничего не понимал. Никто не знал, что предпринять. Я и сама не знала, идти в театр или нет. Но пошла. Зал был практически пуст. Один-два человека. И все же тогда еще никто не понимал, что это будет за война».

Сэр Джон Расселл из британского посольства в Москве рассказывал: «Шок оказался сильнее, чем можно было предполагать». Все казалось отрывком из какого-то фантастического фильма.

«В тот вечер я засиделся у кого-то в гостях, вернулся домой поздно и встал поздно. Включив радио, я услышал сообщение о бомбардировках не то Харькова, не то Киева. Говорили и о бомбардировках других городов. Мне это все показалось чистейшим розыгрышем, выдумкой в духе популярной тогда программы Орсона Уэлса — ну, он еще инсценировал бомбежки Нью-Йорка (имеется в виду радиопостановка по произведению Герберта Уэллса «Война миров». — *Прим. авт.*). Но вскоре пришлось убедиться, что все происходящее — отнюдь не инсценировка».

На жительницу Ленинграда Елену Скрябину, которая слушала выступление Молотова по радио вместе со своей матерью, речь советского министра иностранных дел произвела странное впечатление. «Война! Немцы бомбят наши города!» Молотов заикался, казалось, «что он задыхается и едва может говорить». Все это могло свидетельствовать о том, что случилось нечто из ряда вон выходящее, ужасное. Люди, затаив дыхание, слушали его. На улицах творилось что-то невообразимое.

«Город охватила паника... Люди бросились в магазины, образовались очереди, кое-кто перебрасывался короткими фразами, хватали столько, сколько в силах унести. Многие побежали в банки в надежде снять деньги со сберкнижек. Я тоже собралась это сделать, но опоздала — наличные деньги закончились».

Всех охватило чувство неотвратимой беды. «Весь тот день, — продолжает Елена Скрябина, — обстановка оставалась гнетущей, чувство неизвестности подавляло».

За день до этого корреспондент Константин Симонов был вызван в радиокомитет, где ему поручили написать антифашистские стихи, которые затем предполагалось положить на музыку. «И тут я понял, что война, которой ждали все, уже стоит на пороге». Он работал до самого утра 22 июня, пока в 14.00 ему не позвонили домой. Первое, что он услышал, подняв трубку: «Война». Далее ему приказали выехать в распоряжение 3-й

армии под Гродно, в редакцию фронтовой газеты. Он пока не знал, что там творилось. Выдали военную форму. В суете тех дней, вспоминает он, «нас всех... переполняла активность, возможно, даже излишняя, и, разумеется, все были взвинчены до предела».

Владимира Колесника сообщение о начавшейся войне застало в общежитии. «Дверь вдруг распахнулась, и чей-то голос прокричал: «Война! Война! Вставайте!»

Мы все подумали, что это шутка, дурацкий розыгрыш. Но все-таки пошли в военкомат. Там нам приказали разносить призывные повестки — их нужно было вручать лично. Все это было как снег на голову».

Подхваченный единым патриотическим порывом Колесник, вследствие молодости, не понимал реакцию тех, кому вручал повестки.

«Когда вручал повестки, меня поразило, как странно люди реагировали на них. Женщины, а нередко и мужчины вдруг начинали плакать. Меня это неприятно удивило и даже поразило. Тогда все они мне показались трусами. Но разве мог я предвидеть, какой ужасной и жестокой будет эта война».

Житель Урала Владимир Горбунов вспоминает, что воскресенье 22 июня «было по-летнему теплым, и мы ни о какой войне не думали». В тот день он помнит, как люди собирались на улицах у громкоговорителей. Началась война. Горбунов, как и Колесник, был слишком молод, чтобы понять, какая трагедия обрушилась на страну.

«Мы никого и ничего не боялись. Гм, ну что ж, война началась... взрослые плакали и успокаивали друг друга... Им-то было понятно, чем это пахнет. Война — всегда лишения, трудности, но мы ничего этого не понимали».

Владимир Горбунов вместе со своими 16–17-летними сверстниками отправился в военкомат, желая пойти на фронт.

«Но там нам сказали: «Понадобитесь — призовем». Добровольцами на фронт ушли многие. Всех переполняли идеалы и желание не оставаться в стороне. Где-то уже рвались бомбы, тысячами гибли люди, рушились дома. Но я-то тогда не понимал этой всей трагедии, понимание пришло позже».

Позже, уже в пожилом возрасте, Горбунов, сокрушенно качая головой, выдает: «Тяжело было нам тогда, очень тяжело».

Петру Александровичу Лидову, 35-летнему партийному работнику из Минска, о начавшейся войне уже в 9 часов утра сообщил знакомый корреспондент газеты «Правда». Город за окном жил мирной жизнью. Никто еще ничего не знал. Люди собирались на прогулки в парки или за город. Жизнь Лидова вплоть до этого дня протекала нормально. «Голова

была занята повседневной рутинной. На воскресенье мы запланировали поездку с детьми. Единственной проблемой было, во что их одеть и что делать с лимонадом — взять с собой или купить уже на месте».

А уже за завтраком пришлось объяснять жене и детям, что ни о какой поездке и речи быть не может, потому что началась война.

Ленинградец Владимир Адмони 22 июня 1941 года ехал в поезде Уфа — Москва. И вот один из его попутчиков, выскочивший на какой-то станции прикупить провизии, с испуганным лицом вернулся и объявил: «Вроде война началась». Больше он ничего сообщить не мог. Адмони помнит, что «все остальные пассажиры, кроме меня, не сомневались, что речь идет о войне с Англией. И неудивительно — после заключения советско-германского пакта о ненападении печать была настроена очень даже лояльно по отношению к Гитлеру, а вот Англии крепко доставалось — именно ее считали главной зачинщицей войн».

А вот Иосиф В., оператор-документалист, вспоминает, как он приехал в Минск снимать какой-то документальный фильм. «Война уже началась, но здесь... здесь было тихо и спокойно, никто ничего не знал. На улице я увидел милиционера в белой форме с «величавыми погонами» на плечах и в характерном шлеме — тогда такие им полагались», — продолжает Иосиф В. И вот, едва оператор закрутил ручку камеры, как стали происходить воистину исторические события.

«Вдруг я заметил в небе самолет. «Как на авиационном празднике», — подумал я. И в ту же минуту убедился, что самолет не один, их было не меньше двадцати. Я продолжал снимать, и вдруг раздался взрыв, в следующее мгновение я заметил падающие с неба продолговатые предметы... и тут меня осенило — да это же бомбы!»

Несмотря на разрывы бомб и непреодолимое желание укрыться где-нибудь, Иосиф В. продолжал снимать «первый кинорепортаж с места событий». И внезапно его схватили за шиворот и как следует поддали под ребра. Всецело поглощенный работой, он даже не обратил на это внимания, пока, оторвавшись от камеры, не убедился, что перед ним все тот же милиционер.

«Но уже не в белоснежной, а покрытой пылью форме. И без шлема на голове. Волосы его были всклокочены, он пожелтел от страха. Ткнув мне пистолетом в грудь, он взревел: «Документы! Или сейчас пристрелю!» Он был вне себя. Я предъявил ему свое служебное удостоверение. «Тут бомбы на нас бросают, а вы не нашли ничего лучшего, как снимать кино!»

Строго говоря, именно этим и надлежало заниматься документальному кинооператору Иосифу В. Дать возможность зрителям увидеть творимые

врагом жестокости. Но бюрократическая система решила по-своему. «Нечего в эти дни будоражить народ, пусть лучше что-нибудь веселенькое смотрят».

Тем временем на город каждые десять минут налетала очередная группа самолетов и сбрасывала бомбы.

«Я успел заснять все бомбежки и каждый раз спрашивал себя — верно ли я поступаю? Позже я понял, что не только милиционер возмутился. Когда отснятые материалы я доставил в Москву, там приняли решение не включать их в показ. Красная Армия отступала, города горели, а фашисты брали тысячами в плен красноармейцев. Ничего этого показывать было нельзя...

Так что мои материалы ждала мусорная корзина».

Фундаментальное различие между реакцией на начало войны в германском и советском тылу состояло в том, что в СССР гражданское население оказалось непосредственно вовлечено в войну с самых первых ее часов. Что же касалось немцев, война для них оставалась далекой, пока что скорее темой для сводок по радио. Стефан Матыш, командир орудийного расчета 32-й советской танковой дивизии, дислоцированной на окраине Львова, вспоминает, что накануне войны в последнюю мирную субботу «строил планы на воскресенье. Все были поглощены семейными делами». Но все одним махом изменилось. После внезапных авианалетов в воскресенье утром, когда бомбежкам подверглись казармы, гаражи, склады и дома офицерского состава, «многие потеряли родных и близких, а многие в эти первые часы стали сиротами и калеками». Он, как и многие советские офицеры, пытался помочь гражданскому населению и думал о том, как отразить внезапное нападение. Его командир дивизии полковник Ефим Пушкин издал приказ о ведении боевых действий и, кроме того:

«Предпринимая шаги для введения в бой соединения, он делал все от него зависящее для спасения семей военнослужащих. Было выделено необходимое количество автотранспорта и часть личного состава для погрузки остававшегося имущества и эвакуации женщин и детей в безопасные районы страны».

Положение на фронте в те дни было хоть и весьма серьезным, но, как казалось, не безнадежным. Офицер-штабист капитан Иван Крылов не сомневался, что наступление германских войск на Минск будет остановлено, а опасная ситуация ликвидирована, при условии, что «наши войска проявят стойкость в борьбе с врагом». Вот его слова:

«Личному составу был дан приказ, погибая, убивать и немцев. «Если вы ранены, — гласил упомянутый приказ, — прежде, чем умереть,

пристрелите и немца, приблизившегося к вам. Убивайте их из винтовки, штыком, кинжалом, вцепляйтесь немцам в глотку. Погибни сам, но прежде убей немца!»

«Погибни сам, но прежде убей немца!» Брест

В Бресте ожесточенные схватки продолжались и на второй день войны.

Красноармеец Григорий Макаров вспоминал:

«Гарнизон крепости остался без воды, потому что снарядом, угодившим в Тереспольскую башню, оказался разрушен резервуар с водой. Была повреждена и электростанция. Атаку немцев отразили пулеметным огнем».

Командованию 45-й дивизии вермахта в тот же день стало очевидно, что первоначальное решение об отводе подразделений в целях более четкого разделения линий обороны и полного окружения крепости обернулось тем, что оставленные немцами позиции сразу заняли русские. С 5 часов утра германская артиллерия подвергала цитадель обстрелу через равные интервалы времени. Артиллеристы при этом старались не накрыть снарядами группу своих бойцов, которая вместе с захваченными русскими пленными сама угодила в кольцо окружения в районе церкви. Ефрейтор Ганс Тойшлер, получивший накануне серьезное ранение, вспоминает: «Никогда в жизни я так страстно не желал дожить до следующего дня». Несмотря на муки, на боль, «мы все с радостью наблюдали восход солнца. А вскоре стало невыносимо жарко».

Артиллерийский обстрел продолжался на протяжении всего дня. Немецкие орудийные расчеты разделись до пояса, совсем как какие-нибудь каменщики или крестьяне на поле. Пехота старательно окапывалась вокруг остававшихся оборонительных позиций русских. Требовалось как можно скорее похоронить убитых — при такой жаре трупы быстро разлагались. Вырастали приземистые, аккуратные кресты, увенчанные солдатскими касками. Вот на таком пугающем фоне колонны, минуя цитадель, направлялись к автостраде.

На Северный остров прибыли два пропагандистских автобуса, оборудованных громкоговорителями, через которые защитников крепости убеждали прекратить сопротивление. Между 17.00 и 17.15 часами немцы снова открыли остервенелый артиллерийский огонь по позициям красноармейцев, после которого через громкоговорители было объявлено,

что гарнизону на размышление дается 90 минут. И за эти полтора часа должно быть принято решение о сдаче крепости. Примерно 1900 советских бойцов приняли предложение немцев и, пошатываясь, стали покидать развалины крепости. Никитина-Аршинова, жена советского офицера, описывала, что произошло потом:

«Нас, женщин и детей, выпустили из казематов наружу. Немцы обращались с нами как с солдатами, хотя никакого оружия у нас не было, а потом повели как пленников».

К актам великодушия немцы явно не были расположены. 45-я дивизия уже тем утром сообщила по радио в штаб 12-го корпуса о гибели «около 18 офицеров». И вообще, потери росли даже не по часам, а по минутам. Некоторое количество сдавшихся дало основание предполагать, что «боевой дух русских сломлен, а артиллерийский обстрел и увещевания через громкоговоритель в конце концов вынудят капитулировать остальных, и таким образом удастся обойтись без бессмысленных потерь».

С гражданскими пленными не церемонились. Никитина-Аршинова рассказывает: «Как только мы перешли мост, тут же вновь начался обстрел крепости». Пленных заставили лечь, над ними со свистом проносились снаряды, разрывавшиеся в камне стен цитадели. Никитина-Аршинова продолжает:

«Огонь вели орудия большого калибра. Фашисты уложили нас под самими стволами, как заложников, чтобы таким образом заставить моего мужа и остальных сдаться. Что мне оставалось делать? Ужасно было ощущать свое бессилие. С каждым выстрелом мне казалось, что голова моя лопается. У детей из носа и ушей шла кровь».

Дочь Аршиновой поседела. «А мой сын, которому тогда было пять лет, на всю жизнь оглох». Пленники с ужасом ожидали, что их отведут в сторону и просто расстреляют.

Вечером того же дня на Южном острове на участке 133-го пехотного полка вновь появились автобусы с громкоговорителями. Видно, немцам не терпелось и там повторить достигнутый успех. С наступлением сумерек металлический голос снова стал призывать защитников крепости сдаться. Однако, когда стемнело, русские предприняли несколько отчаянных попыток прорваться из крепости на север и восток, в направлении города. В отчете, представленном штабом дивизии, говорилось, что «в ходе боя огонь из орудий и стрелкового оружия полностью заглушал громкоговоритель». Стало ясно, что те, кто имел слабую волю, уже успели сдаться.

Согласно утверждению Аршиновой: «Мы выжили лишь благодаря

одному пожилому немецкому солдату, которому приказали нас охранять». После того, как они оказались на другом берегу Буга уже на польской стороне, этот солдат сказал им: «В общем, думайте сами, что делать. Надумали уходить — убирайтесь отсюда!» Все стали разбегаться, а Аршинова отвела детей домой. Муж ее позже погиб при обороне крепости, во время войны эта женщина потеряла и мать, брата, сына и дочь. «Вот так я и осталась одна-одинешенька, все погибли», — так закончила она свою страшную историю^[23].

24 июня ефрейтор Тойшлер и еще примерно 70 бойцов, отрезанных в первый день войны вблизи здания церкви, наконец соединились с 1-м батальоном 133-го пехотного полка, который прорвался туда под прикрытием сил артогня. Можно утверждать, что битва у стен брестской цитадели отразила в миниатюре весь безжалостный характер начавшейся войны на Восточном фронте. Сапер Гейнц Крюгер уже после войны делился впечатлениями:

«О, Брестская крепость! Это же невероятно! И те, кто ее оборонял, ведь они не хотели сдаваться. Речь шла не о победе. Они были коммунистами, и мы хотели уничтожить их как можно больше. А кто мы были для них? Фашисты! Это было страшное сражение! Пленных было немного, все бились до последнего».

Согласно первоначальному плану на штурм и овладение крепостью отводилось не более 8 часов. Шел третий день войны, а дело так и не сдвинулось с мертвой точки, никто не собирался сдаваться. Русские удерживали казармы и здание гарнизонного Дома офицеров внутри цитадели, восточную часть Северного острова, часть стены на северном мосту и Восточный форт. Немецкое командование приняло решение уничтожать оставшиеся очаги сопротивления артиллерийским огнем во избежание дальнейших потерь. В конце концов, крепость не мешала передвижению войск на восток по магистрали.

В 16 часов 24 июня штаб 45-й пехотной дивизии сообщил: «цитадель захвачена» и «окруженные силы пехоты противника успешно уничтожаются». В сводке оптимистично утверждалось, что «сопротивление противника слабеет». В 21.40 вечера поступило еще более восторженное донесение: «Брестская цитадель в наших руках!» Подобные, не соответствовавшие обстановке донесения были не редкость и в последующие годы войны. Грохот пушек по-прежнему сотрясал все вокруг, его еще долго слышали в Бресте. Вскоре победное донесение скромно опровергли. Наступал четвертый день войны, а осада продолжалась.

Три группы германских армий — «Север» (Лееб), «Центр» (Бок) и «Юг» (Рундштедт) вторглись в Россию по исторически традиционным направлениям — на Ленинград, на Москву и на Киев. В свое время по северному направлению уже наступали тевтонские рыцари. Случайно или нет, в то время на экраны советских кинотеатров вышел фильм «Александр Невский», посвященный событиям XIII столетия и подвигу Александра Невского, разбившего тевтонов на льду Чудского озера. Режиссером фильма, воплотившего на экране разгром Тевтонского ордена в 1242 году, был Сергей Эйзенштейн. Явная параллель с событиями современности не ушла от зрителя. Даже боевые доспехи тевтонов, в частности стальные шлемы, носили явное сходство с амуницией солдат вермахта, не говоря уже о творимых оккупантами жестокостях в отношении мирного населения, женщин и детей. Фильм, снятый еще в довоенные годы, был запрещен для проката после подписания пакта о ненападении с Германией в августе 1939 года. Но после 22 июня 1941 года он снова обрел актуальность и немедленно появился на экранах.

Северное и центральное направления были опробованы уже гораздо позже королем Швеции Карлом XII. Довершающий удар его разбитой в 1709 году под Полтавой армии нанесла русская зима. В 1812 году армия Наполеона, наступая на Минск и Смоленск, достигла Москвы. И ее ждала все та же участь — замерзать в бескрайних лесах, отступая из сожженной Москвы. Третье, южное направление отделялось от двух первых непроходимыми Припятскими болотами общей площадью в 65 000 кв. км с севера и Карпатами с юга. Это направление вело на Украину — житницу России. На востоке этой советской республики располагался промышленный и угледобывающий район Донбасс, а еще дальше лежал Кавказ с его бакинскими нефтяными месторождениями и «нефтяная аорта» Советского Союза — Волга. На данном направлении почти не имелось серьезных природных преград, разве что Днепр. Однако опыт ведения молниеносной войны в Нидерландах показал, что и природные препятствия вполне преодолимы с помощью современной техники.

В прошедших успешных кампаниях вермахт успел накопить опыт ведения боевых действий, характерной чертой которых стало тесное взаимодействие всех трех родов войск — ВМФ, ВВС и сухопутных армий. Согласно концепции ведения современной войны, «направление главного удара» эффективно поддерживалось огневой мощью артиллерии и авиации

при условии бесперебойного войскового снабжения. Масштабы и конфигурация сосредоточенных немцами сил подсказывали наносить удар по России с запада или же комбинированный удар с севера и юго-запада, что, впрочем, требовало тщательного и продуманного планирования операции, но германский Генштаб трудно было обвинить в поспешности и непродуманности. План этот включал в себя и некоторый расчет на везение, и упорное методичное стремление к намеченной цели, не нарушающее рамок первоначального замысла. Кроме того, следовало учитывать и ряд трудно- или вовсе непредсказуемых факторов, тех самых, которых Клаузевиц называл «превратностями войны». Задача управления войсками состоит в том, чтобы, сочетая тщательное планирование и организацию, упредить намерения неприятеля. В этом случае противник, несмотря на понимание развития событий, не имеет необходимых сил для нанесения ответного удара. Собственно, цель любого командующего состоит в том, чтобы получить возможность влиять на принятие решений противником, лишить его способности предпринимать соответствующие контрмеры.

Этих целей командование вермахта смогло добиться в ходе приграничного сражения к исходу третьей недели июня 1941 года. Линия фронта растянулась на 4500 км от Баренцева до Черного моря. 56 советских дивизий были эшелонированы в глубину 50 км, а второй эшелон, включая танковые силы, располагался дальше, на удалении от 50 до 100 км. Резервные корпуса дислоцировались в 150–400 км от госграницы. И времени у командования Красной Армии для необходимой перегруппировки сил и организации обороны просто не осталось. Иными словами, на границе немцы объявили своему противнику «шах и мат».

Это вскоре подтвердили и самые первые донесения в вышестоящие штабы Красной Армии. Штаб командования 3-й армии сообщал об угрозе для ее правого фланга. «У нас отсутствуют резервы и силы для организации ответного удара». В донесении указываются и причины: «Основная ударная сила армии — 11-й механизированный корпус понес тяжелые потери — за 22–23 июня 1941 г. выведено из строя 40–50 танков».

56-я стрелковая дивизия представляет собой две потрепанные части численностью в 700–800 человек, 85-я стрелковая дивизия также «понесла тяжелые потери». На 40 % сократилась численность 27-й стрелковой дивизии, некоторые ее части потеряли до половины и больше личного состава и техники. Об оперативной гибкости говорить не приходилось. «Укомплектованные по штатам мирного времени части не располагают необходимым транспортом». Командующий 3-й армией сетовал: «Вот уже

два дня я не имею представления о том, что происходит на фронте». Далее он сообщал: «Принимая во внимание, что переносных радиостанций явно не хватает, я вынужден держать связь только по одной рации».

Все попытки организовать контрудары изначально были обречены на провал. Сосредоточенные на центральном участке советские механизированные корпуса, в задачу которых входило остановить наступавшие немецкие части в период с 22 по 26 июня, находились на марше. Так, например, 3-му и 12-му механизированным корпусам предстояло преодолеть 80–100 км, а 9-му и 19-му — даже 200 км. 8-й механизированный корпус находился дальше всех — ему предстояла переброска на 500 км. В итоге приходилось довольствоваться частичными решениями, использовать малочисленные и драгоценные резервы, чаще всего просто «латать дыры». Результаты такие операции, естественно, практически не давали.

В пехотных частях ситуация складывалась еще хуже. 212-й стрелковый полк на правом фланге 49-й дивизии советской 4-й армии оказался на острие удара, который наносил 4-й армейский корпус. Поднятый по тревоге в полночь 22 июня личный состав полка в невероятно трудных условиях, в жару с боями прошел 40 км и вышел к Семятыче — конечной цели марша. Но, едва прибыв на место, полк получил новую задачу — совершить еще один 40-километровый марш в направлении Клещеле, то есть вернуться почти туда, откуда полк выступил. Личный состав был деморализован, полк оказался в безнадежном состоянии. Путь полка можно было проследить по валявшимся на обочинах дорог противогазам и скаткам шинелей.

Даже поднятые по тревоге советские части не располагали ни необходимым для организации обороны временем, ни возможностями. Немцы в очередной раз пожинали плоды внезапности, характерной и для предыдущих кампаний. Однако кампания в России, и это стало ясно практически с первых дней, имела фундаментальные отличия от европейских. Вермахту пришлось столкнуться с самым многочисленным и хорошо вооруженным противником из всех имевшихся. Споры нет, противника этого удалось перехитрить у границы, но у немцев в запасе оставалось крайне мало времени — противник этот уже начинал опоминаться. Германские силы и германская экономика были ориентированы на короткие и победоносные кампании, но никак не на затяжную войну. И расстояния в России были, мягко говоря, побольше. Западноевропейские категории были просто неприменимы к просторам Советского Союза. Основное предварительное условие кампании — выведение из строя красных ВВС выполнить удалось. Теперь оставалось

ждать момента, когда окончательно выяснится, либо враг разбит наголову, либо все же располагает определенными резервами в глубоком тылу. Французы после Дюнкерка сражались отчаянно, однако у них не оставалось ни территории, ни сил для организации сопротивления. В России ситуация складывалась несколько иначе.

Группа армий «Север» под командованием фельдмаршала Вильгельма фон Лееба представляла собой самую малочисленную из трех армейских группировок. Директивой ОКХ по плану «Барбаросса» от 31 января 1941 года она имела задачу разгромить неприятельские войска в Прибалтике, овладеть портами на Балтийском море, а также Ленинградом и Кронштадтом с целью лишить Балтийский флот его баз. Ни перед одной из двух других групп армий не стояла задача преодолеть такие огромные расстояния. Входившая в состав группы армий «Север» 4-я танковая группа под командованием генерал-полковника Гёпнера состояла из трех танковых дивизий, трех моторизованных дивизий и трех пехотных дивизий. Если прибавить еще два армейских корпуса — 16-й и 18-й, состоявших из 8 и 7 пехотных дивизий соответственно, то группа армий «Север» наступала силами лишь 18 дивизий, то есть примерно наполовину меньшим количеством этих соединений, чем те, что имелись в распоряжении групп армий «Центр» и «Юг» (включая и три румынские дивизии). Непосредственную поддержку с воздуха армейской группировке фон Лееба оказывали примерно 380 самолетов из состава 1-го воздушного флота^[24].

Литва. Пехотинцы прячутся в дорожном кювете от «сибирских снайперов»

В отличие от групп армий «Центр» и «Юг», перед фронтом

группировки фон Лееба войска противника удерживали значительно более короткую по протяженности линию и имели значительно меньшую плотность. Войска Красной Армии в недавно оккупированных Прибалтийских республиках были рассредоточены на большой территории. По данным немецкой разведки, значительные советские танковые формирования размещались в районе Пскова. Поэтому ни о каких охватных операциях и сражениях на окружение думать не приходилось. Лееб подчинил непосредственно себе относительно слабую 4-ю танковую группу Гёпнера, именно она и составляла главную ударную силу его группировки^[25]. Эффект внезапности достигался за счет повышенной скорости наступления. Каждый этап операции имел целью не окружение сил противника, а быстрое продвижение к Даугавпилсу, Пскову и Ленинграду, которые и рассматривались последовательно, как стратегические цели. Танки образовывали ударный клин наступления, а пехота двигалась на флангах, атакуя противника у самого острия упомянутого клина, как бы подталкивая вперед танковые соединения. Самой ближайшей целью считался Даугавпилс и оба его моста через Западную Двину. Взламывая на ходу оборону врага, немецкие танки не давали ему опомниться и гнали дальше и дальше на восток.

Соппротивление советских войск на границе довольно скоро прекратилось, и уже к концу первого дня войны 8-я танковая дивизия сумела вклиниться в советскую территорию на 80 км, захватив плацдарм на реке Дубисса. Успех наступления послужил командованию основанием для отправки в 19 часов 55 минут в вышестоящий штаб следующего донесения: «Войска продолжают стремительное продвижение в восточном направлении». Относительно неприятеля «у командования дивизии сложилось впечатление, что соединение пока что не вступило в боевое соприкосновение с основными силами противника».

В 4 утра на следующий день воздушная разведка сообщила о моторизованных колоннах русских, продвигавшихся к северу из исходного пункта северо-западнее Вильнюса. Целью русских был важный узел дорог — литовский город Кедайняй. Силы русских, включавшие от 200 до 350 танков, явно нацеливались на 8-ю танковую дивизию, наступавшую на острие клина 56-го танкового корпуса. Речь шла о советской 2-й танковой дивизии. Она успела миновать Кедайняй, но 56-й танковый корпус немцев не застала, однако нанесла удар по частям 6-й танковой дивизии 41-го танкового корпуса в районе Расейня в 60 км дальше. Командующий 4-й танковой группой Гёпнер пошел на заранее просчитанный риск. Невзирая на мощь атакующей русской группировки — 300 танков и плюс

артиллерия и пехота, сравнимые по численности с атакуемым ею корпусом немцев — командующий приказал 41-му корпусу своими силами разгромить силы русских. Возглавлявшая наступление 8-я дивизия 56-го корпуса и 8-я танковая дивизия нацелились на Даугавпилс для выполнения поставленной ранее задачи. Блицкриг становился реальностью.

24–26 июня 1941 года 29 тяжелых советских танков неизвестного немцам типа были окружены и уничтожены 41-м танковым корпусом, укомплектованным большей частью легкими танками Т-II и Т-III чешского производства. Тактическое превосходство немцев оказалось сильнее новейших танков русских. И решение не отвлекать основные силы от выполнения главной задачи привело к желаемому результату — когда танковая дуэль у Расейня отгремела, передовые части 8-й танковой дивизии вермахта уже выходили к мостам через Западную Двину. Они на целых 100 км опередили свою группу армий.

Гауптштурмфюрер Клинтер из моторизованной дивизии СС «Мертвая голова», наступавшей во втором эшелоне, вспоминал:

«Жара, грязища, пыль — вот с чем у меня связаны те дни. Мы не видели неприятеля, разве что группы пленных, бредущих под конвоем вдоль дорог. Стоило нам пересечь границы рейха, как местность разительно изменилась — Литва отчасти напоминала то, с чем нам пришлось столкнуться в России — песчаные проселочные дороги, покосившиеся сельские домишки, напоминавшие лачуги».

Палящее солнце проглядывало сквозь облака пыли, поднятой колесами грузовиков и гусеницами танков. «Воздух, — продолжал Клинтер, — был наполнен гарью и копотью боев, ты каждым нервом вдруг почувствовал грозное дыхание передовой». Всех поражало обилие техники, брошенной русскими при отступлении и громоздившейся вдоль обочин дорог и в кюветах.

«Вдруг головы всех словно по команде повернулись направо. Мы увидели первого за эту кампанию убитого русского, словно воплощавшего собой всю разрушительную силу войны. Монголоидное лицо, изуродованное в бою, разодранное обмундирование, голый живот, весь в ранах от осколков. Колонна, чуть замедлившая движение, вновь устремилась вперед. Я у под впечатлением только что увиденного у откинулся на сиденье».

Через Западную Двину (Даугаву), ширина которой на этом участке составляет около 300 метров, перекинулись два моста — автомобильный и железнодорожный. Овладение этими мостами обеспечивало сохранение темпов наступления войсками восточного фланга группы армий «Север».

Для захвата Даугавпилса была выделена штурмовая группа подполковника Крисолли, следовавшая в составе передовых частей. В ее состав входили танковый и пехотный полки (10-й и 18-й соответственно), мотоциклисты и подразделения разведки, а также артиллерийские части и диверсионная рота полка «Бранденбург-800» под командованием Лера. Именно этой 8-й роте было поручено проведение дерзкой операции по овладению мостами.

Полк «Бранденбург-800» создавался для проведения диверсионной деятельности в тылу противника перед вторжением регулярных войск вермахта и уже имел опыт проведения подобных операций в ходе предшествующих кампаний в Польше и Франции. В его задачу входило проникновение в тыл противника, захват или уничтожение важных объектов, штабов командования, мостов и т. п. Подразделение подчинялось непосредственно начальнику абвера адмиралу Канарису, а штаб и база находились в Бранденбурге. В октябре 1940-го диверсионные отряды свели в отдельный полк «Бранденбург», при этом его батальоны базировались в разных городах Германии, готовясь к действиям в сопредельных странах. Затем в течение года полк разросся до размеров полноценной дивизии.

Как уже упоминалось, это подразделение предназначалось для ведения диверсионной войны. В ходе обучения диверсанты учились обезвреживать заложенные противником взрывные заряды и удерживать захваченные объекты до подхода своих войск; кроме того, на них возлагались и разведывательные задачи. От личного состава полка требовались высокие физические и психологические кондиции, поскольку действовать им приходилось в экстремальных условиях. Кандидаты на службу в эту часть отбирались из числа солдат и офицеров, проявлявших склонность к риску и авантюрам, при условии знания иностранных языков. Эдуард Штайнбергер, уроженец Южного Тироля, служивший в этом подразделении, поясняет:

«Дивизия «Бранденбург» первоначально состояла, главным образом, из немцев, но не из рейха — судетских немцев, владевших чешским языком, нескольких немцев из Палестины и добровольцев из Западной Украины. Люди были отовсюду, говорили на разных языках, но командовали исключительно немцы».

Обер-лейтенант Вольфрам Кнаак, командир 8-й роты «бранденбуржцев», был ранен во время операции по захвату моста — аналогичной кедайняйской. Он прекрасно знал, насколько опасно действовать в диверсионной группе, движущейся впереди наступающих войск. «Стоило командующим дивизиями, куда мы были прикомандированы, понять, что имеют дело с «бранденбуржцами», как они

тут же пускали нас впереди своих частей в боевое соприкосновение с противником».

Кнаак разделил свою группу на две, одну направив на захват железнодорожного моста, а другую — автомобильного. Штайнбергер описал состав этих групп, их вооружение и распределение обязанностей. Личный состав их равнялся примерно половине роты, то есть 60–70 бойцов, а чаще всего численность группы не превышала взвод — 20–30 человек.

«Мы всегда отправлялись на задание в чужой военной форме, — например, накидывали поверх формы вермахта красноармейскую. В случае необходимости ее можно было быстро сбросить».

Следует помнить, что в плен диверсантов не брали, — их расстреливали на месте. Поэтому «мы всегда тщательно разрабатывали предстоящую операцию, чтобы потом разыграть ее как по нотам», — поясняет Штайнбергер. Вот что он рассказывал о захвате мостов:

«Обычно мы передвигались на трофейных русских грузовиках, один из нас, тот, кто говорил по-русски, сидел в кузове, а те, кто говорил по-латышски или, там, по-эстонски, — в кабине».

Ранним утром 26 июня группа Кнаака на захваченных грузовиках с включенными фарами стала продвигаться к мостам, едва видневшимся в предраассветной мгле. Железнодорожный и автомобильный мосты, отделенные излучиной реки, находились примерно в полутора километрах друг от друга. В деревушке Варпас, в 3 километрах от Даугавы, обе группы разделились, каждая направилась к своему объекту. Группа, получившая задание захватить железнодорожный мост, на подъезде к нему миновала пять стоявших на обочине советских бронеавтомобилей и остановилась между ними и другими броневиками, охранявшими предмостные укрепления. Когда защитники моста разобрались, кто находится в грузовиках, началась страшная неразбериха. Экипажи бронеавтомобилей не стали открывать огонь, видимо, из опасения перестрелять своих, а затем просто отступили к городу, чтобы занять новые, более удобные огневые позиции. Тем временем фельдфебель Крукеберг, спрыгнув на мост и быстро определив местонахождение проводов взрывного устройства, попытался перерезать их.

Группа обер-лейтенанта Кнаака в колонне беженцев доехала до пригородного района Даугавпилса Гривы, расположенного на южном берегу Западной Двины. В первом из трех грузовиков Кнаак въехал на мост. Поравнявшись с красноармейским постом, диверсанты увидели, что охрана занята разговором с гражданскими лицами, судя по всему, тоже

русскими. Не теряя времени, немцы приступили к операции. Самых ближайших часовых прикончили штыками, но те все же успели поднять тревогу. Кнаак, поняв, что операция может сорваться, велел шоферу поддать газу, и на большой скорости грузовик устремился на другой конец моста. Остальные машины последовали за ним.

Услышав доносившуюся со стороны Гривы стрельбу и разрывы гранат, головной 10-й танковый полк двинулся к мосту. По приказу командира полка подполковника Гронхофера танки ехали с закрытыми крышками люков, а вскоре лязг их гусениц раздался на улочках Гривы. Гражданское население тут же попряталось.

Сидевший в кабине обер-лейтенант Кнаак прокричал водителю не сбавлять скорость. Следовавшие за ним бойцы его группы не отставали. Вдруг вспышка и грохот выстрела — огонь вели с дальнего берега Даугавы. В следующую секунду в грузовик угодил противотанковый снаряд. Грузовик потерял управление. Мертвый Кнаак вывалился из кабины. Тут же из окон домов на берегу реки русские открыли ураганный огонь по машинам с диверсантами. Но на мост уже въезжали немецкие танки. От разрыва снаряда, попавшего в металлоконструкции моста, сдетонировала часть заряда, предназначенного для подрыва. Повреждения оказались незначительными, однако на какое-то время немецкие танки остановились. Солдаты диверсионной группы оказались в ловушке. Штайнбергер так вспоминал, что произошло:

«Никто не мог понять, где свои, а где чужие, и от надвигавшихся танков в этом хаосе досталось и немцам. В успешных операциях мы потеряли либо не имели, либо они бывали незначительны. Но, если что-то пошло не так, например, когда противник нас обнаруживал, тогда погибали практически все».

Первыми мост через Даугаву миновали танки взвода, которым командовал лейтенант Шмидт. Вскоре оставшиеся машины 9-го батальона 10-го танкового полка вступили в ожесточенный бой с русской пехотой. Красноармейцы связками гранат пытались подорвать гусеницы немецких танков. На улицах города в бой вступила советская противотанковая артиллерия, но немецкие танки и пехота, переправившись по мосту, уже начали проникать в город.

Бои не утихали целый день, над городом поднимались огромные клубы дыма. Русские несколько раз предпринимали безуспешные попытки отбить мосты. Ничего не дали и атаки двухмоторных советских бомбардировщиков, пытавшихся разбомбить мосты. Красноармейцы группами старались пробраться к мосту и привести в действие заложенные

под опорами взрывные устройства. Всего в ходе 164 боев за мосты через Даугаву (Зап. Двину) немцы уничтожили 20 легких русских танков, 20 артиллерийских и 17 противотанковых орудий.

Таким образом, войска группы армий «Север», преодолев Западную Двину, создали плацдарм для наступления немецких войск на Ленинград.

«Новостей никаких»

В рейхе народ новостями особо не баловали. После первого сообщения о начале кампании в России население целую неделю не имело никакой информации о ее ходе, если не считать, конечно, крайне скудных ежедневных сводок ОКБ. В них не назывались ни номера частей и соединений, ни советские населенные пункты. Имперский министр пропаганды Геббельс был непревзойденным мастером по части манипулирования общественным сознанием. «Настроение в массах можно охарактеризовать как упадок духа, — записал он в свой дневник 23 июня. — Нация желает мира, но не ценой поражения, однако каждый новый театр военных действий пугает и беспокоит». Прекрасно зная об успехах, достигнутых в начале кампании, он 25 июня тем не менее записал: «Пока что мы не включаем никаких деталей в сводки ОКБ — врага необходимо держать в неведении». И, надо сказать, этот период неведения был использован Геббельсом мастерски. Прессе запретили публиковать карты России, на которых эта страна была представлена целиком. «Огромные расстояния могут напугать общественность», — так мотивировал он свое решение. В точности так же резко рейхсминистр пропаганды был настроен против оглашения сроков завершения этой кампании, о которых трубило имперское Министерство иностранных дел. «Если мы станем говорить о четырех неделях, а в итоге выйдет шесть, наша величайшая победа обернется чуть ли не поражением. Я даже заставил гестапо принять меры против одного, самого рьяного крикуна», — признался Геббельс.

Нервозность и обеспокоенность первых дней сменялись безмолвным одобрением и доверием. Уверенность в скорой победе над Россией стала общепринятым взглядом, что было следствием предшествующих победоносных кампаний. Распространялось множество слухов, лишь подливавших масла в огонь. Говорили о взятых в плен более 100 тысяч русских. Отчет СС о «Ситуации в рейхе» гласил: «Уже во вторник (т. е. на третий день войны. — Прим. авт.) люди говорили об уничтожении 1700

русских самолетов. К среде уже называлась цифра 2000. Люди были убеждены, что германские войска углубились в русскую территорию куда дальше, чем официально сообщалось. Все карты России исчезли с прилавков книжных магазинов. В Дрездене ходили слухи, что вермахт уже в сотне километров от Москвы».

В письмах солдатам на фронт в качестве постоянной темы присутствует беспокойство недостатком информации о боевых действиях на Восточном фронте. Одна женщина на восьмой день кампании в письме своему супругу писала следующее: «Вот и опять наступило воскресенье, а тебе столько за эту неделю довелось пережить. И сегодня от тебя нет письма». 28 июня одна мамаша, убежденная нацистка из Брандта, писала сыну: «Я ни на минуту не сомневаюсь в победе над этими собаками, которых и людьми-то не назовешь». И все же, несмотря на все догмы национал-социализма, в письме проступает тревога за сына, сражающегося на фронте:

«Из утренних сообщений Верховного главнокомандования вермахта мы узнаем, как и где мы поддали этим варварам. Мой дорогой мальчик! Ты знаешь, как я беспокоюсь о тебе и о Йозефе! Как только появится возможность, черкни мне — хотя бы открыточку».

Из трех группировок, сосредоточенных для вторжения в Советский Союз, наиболее мощными силами располагала группа армий «Центр». Перед входившими в ее состав танковыми группами — 3-й и 2-й (Гота и Гудериана соответственно) — стояла задача окружить советские войска, находившиеся на границе, и не допустить их отхода в глубь территории страны, где они могли бы закрепиться на естественных водных преградах, реках Днепр и Западная Двина. Требовалось как можно скорее выйти в верховья этих рек и закрепиться там, поскольку именно в этих местах 166 проходит дорога Минск — Смоленск — Москва. Иными словами, войска фон Бока двигались по тому же маршруту, которым сто тридцать лет назад проследовала «Великая армия» Наполеона. Когда массированное наступление танковых сил группы армий «Центр» неудержимо покатилося на восток, германская воздушная разведка стала докладывать о бесконечных колоннах русских, отступавших из Белостоке — кого выступа.

Одновременно поступали сообщения о растущем сопротивлении русских, которое, по мнению командующего группой армий «Центр» фельдмаршала фон Бока, по сути, было не чем иным, как прикрытием отступления. Первоначальный замысел плана «Барбаросса» предусматривал, что первое кольцо окружения советских войск должно будет замкнуться в районе Минска. Фон Бок настаивал на том, чтобы

танковые группы продолжали стремительное наступление до Смоленска, то есть на 320 км восточнее. Таким образом удалось бы воспрепятствовать отходу значительных сил Красной Армии в заболоченную пойму Березины. Однако в штабе ОКХ с некоторой иронией напомнили ему о том, что нечто подобное уже случилось однажды с немецкими войсками у Мааса под Седаном в ходе французской кампании 1940 года, когда из-за стремления во что бы то ни стало выйти к проливу Ла-Манш создалось угрожающее положение для наступавших танковых дивизий. До каких пор можно гнать вперед танки, игнорируя неизбежное при этом оголение флангов? ОКХ настаивало на соединении обеих танковых группировок в районе Минска, как это предусматривалось первоначальным замыслом плана «Барбаросса». 24 июня 3-я танковая группа Гота повернула на юг. В результате советские войска били во фланг 2-й танковой группы Гудериана. Пехотные дивизии 4-й и 9-й армий имели задачу уничтожать отдельные очаги сопротивления советских войск и обеспечивать поддержку наступающих танковых соединений.

Уличные бои в Либаве. Обратите внимание на солдата с сигаретой. У него трофейный советский автомат ППД

К 25 июня войска группы армий «Центр» завершили формирование двух первых котлов: 12 советских дивизий уже были окружены в районе Белостока и Волковыска; в течение последующих четырех дней еще 15 советских дивизий попали в окружение в районе Минска. Однако по многочисленным попыткам русских контратаковать было ясно, что они готовы сражаться до последнего из чистого инстинкта самосохранения.

А в Германии по-прежнему воздерживались от «специальных

сообщений». Эти победоносно-оптимистически звучащие фанфары были неотъемлемой частью предыдущих кампаний, в частности кампании во Франции, и возвещали о блистательных победах несокрушимого вермахта. Эдит Хагенер писала мужу в действующую армию:

«Дорогой мой.

Нам в эти времена предстоит быть храбрыми, черпая силы из прошлых, чудесных и проведенных вместе лет. После опустошающей тоски первых дней я постепенно прихожу в себя, поскольку мне предстоит оставаться любящей матерью наших с тобой детей и настоящей женой для тебя. Здоровья тебе, дорогой мой. И пусть тебя оберегает Бог и моя любовь к тебе. Твоя Эдит».

Геббельс, будучи куда более информированным, нежели рядовые немцы, оптимистично заключал:

«Брест взят. Все цели первого дня достигнуты. Так что сложностей никаких. У нас есть все основания торжествовать. Советский режим неизбежно развалится, как трухлявый пенек. [запись следующего дня] Наше новое оружие сокрушает их. Русские, трясаясь от ужаса, покидают бетонные бункеры, они напуганы так, что их нет смысла допрашивать даже на следующий день... Все осуществляется согласно плану и даже с опережением его».

Ни о чем подобном широкой публике знать не позволялось. Единственное, о чем имперский министр пропаганды говорил в открытую, были проблемы метеорологического порядка. «Изнуряющая жара, — констатировал он. — Нелегкие дни для наших солдат». Одной домохозяйкой, которой уже невмоготу стало дожидаться писем с фронта, судя по всему, руководили несколько иные эмоции:

«Если бы я только могла знать, что там с тобой, любовь моя. Здоров ли ты? Надеюсь у что все у тебя в порядке. Как бы мне хотелось прибежать к тебе и принести поесть и освежиться в эту жарницу — тебя наверняка мучает жажда, я знаю. Где ты находишься, любовь моя? Я так жду твоего письма. Напиши, как только сможешь. Может, ты где-то поблизости от Брест-Литовска, где идут бои?»

Женщина не ошиблась. Бои в этом пограничном городе все еще продолжались.

«Брест... «Удивляюсь, как это я все еще жив!»

На четвертый день боев в Бресте в трех пехотных полках 45-й

пехотной дивизии вермахта были сформированы штурмовые группы из саперов и пехотинцев для овладения остававшимися до сих пор в руках русских опорными пунктами. В поддержку им выделили шестиствольные минометы. Гельмут Бёттхер, сапер такой штурмовой группы, описывает действие этих минометов:

«Для этого в ход пошли особые реактивные снаряды. Дальность у них была небольшой, а вот взрывная мощь огромной. Страшнее оружия, как мне кажется, не было на тот момент. В радиусе трех — трех с половиной метров ничего живого не оставалось, из-за вакуума, поражавшего легкие и человека, и животных. Ужас, и только. После такого взрыва погибшие замирали будто куклы — да, да! Сидели, замерев в неподвижности на скамейке или на чем там их смерть застала. Погибали все стопроцентно, и смерть наступала мгновенно. Жуть!»

Было принято решение очистить Северный остров от противника и только потом переходить к завершающему штурму цитадели. С самого начала атакующих поджидали невероятные трудности. Так, например, проведение артподготовки было признано невозможным вследствие небольшой площади крепости. «Стрелковое оружие оказалось неэффективным против стен крепости, — докладывали из штаба 45-й пехотной дивизии, — а танков или самоходных артиллерийских установок в наличии не имелось». Единственный огнемет, оставшийся у бойцов 81-го саперного батальона, также ничего не решал, поскольку подобраться вплотную к неприятелю можно было лишь при наличии средств бронезащиты. Предпринимались попытки воспользоваться захваченными у русских танками.

Только что сформированные штурмовые группы приступили к зачистке выявленных очагов сопротивления. Дарья Дмитривна (так в тексте. — *Прим. перев.*), жена одного солдата-артиллериста, со слезами вспоминает о том, что пришлось пережить во время этих боев:

«Мы целую неделю просидели в подвалах казармы без воды и пищи. Ворвавшись в крепость, фашисты стали забрасывать подвалы дымовыми гранатами. На моих глазах, задыхаясь, гибли дети, а я ничего не могла сделать. Я до сих пор не понимаю, как я уцелела, — это чистая случайность. До сих пор это не укладывается у меня в голове».

Рукопашные схватки, завязывавшиеся во время этого штурма, носили крайне ожесточенный характер. Окруженные красноармейцы, понимая, что их ждет, отбивались даже ножами. Красноармеец Григорий Макаров вспоминает, что перед атакой немцы забрасывали их гранатами со слезоточивым газом, «и тогда все вокруг заволакивали клубы ядовитого

дыма». Бок о бок с солдатами, оборонявшими казематы крепости, находились женщины и дети. Макаров видел труп мальчика, задохнувшегося в дыму. Рядом сидела его мать и по-прежнему закрывала лицо ребенка меховой рукавичкой. «А сколько было раненых! — продолжает рассказ Макаров. — И никаких перевязочных средств, ничего, чтобы остановить гангрену или нагноение. От этого погибло много раненых».

Лейтенант Шнайдербауэр из взвода 50-мм противотанковых орудий (45-я пехотная дивизия) получил приказ выдвинуть пушки на прямую наводку для оказания огневой поддержки наступающей пехоте. Шнайдербауэр вспоминает о том, что они увидели на Южном острове:

«Эти метры превратились для нас в сплошной ожесточенный бой, не стихавший с первого дня. Все кругом уже было разрушено почти до основания, камня на камне не оставалось от зданий. Вокруг валялись трупы красноармейцев и лошадей. В воздухе разило горелым мясом и тленом».

Когда специально сформированные штурмовые группы приступили к зачистке занятых неприятелем зданий, 50-мм орудия обеспечивали огневую поддержку, ведя огонь по окнам и предполагаемым временным огневым точкам врага. Огонь русских снайперов оказался смертельным для очень многих наступавших. Так, на месте был убит офицер из роты пропаганды, не обращавший внимания на предостережения. Попытка решить простыми средствами крайне сложную задачу обернулась для немцев затяжными и кровопролитными сражениями. Санитары с носилками под огнем пробирались к раненым, но нередко сами становились жертвами пуль и осколков. «Каким-то невероятным образом, — рассказывает Шнайдербауэр, — им удавалось вытащить из-под огня кого-нибудь». Попытка взять измором защитников крепости превратилась в муку и для самих штурмовавших. Командир взвода противотанковых орудий своими глазами видел, как:

«...саперы штурмовой группы забрались на крышу здания как раз напротив нас. У них на длинных шестах были заряды взрывчатки, они совали их в окна верхнего этажа — подавляли пулеметные гнезда врага. Но почти безрезультатно — русские не сдавались. Большинство их засело в крепких подвалах, и огонь нашей артиллерии не причинял им вреда. Смотришь, взрыв, еще один, с минуту все тихо, а потом они вновь открывают огонь».

Эти краткие минуты замешательства защитников крепости немцы старались использовать и прорваться в казематы. Шнайдербауэр

вспоминает: «Мы, ворвавшись туда, заваливали все выходы тем, что под руку попадет: камнем, кусками решеток, ящиками, чтобы лишить русских возможности выбраться».

Здание Дома офицеров, словно заноза, мешало операциям по зачистке Северного острова. Немцы постоянно попадали под продольный огонь русских. 81-й штурмовой саперный батальон получил задачу уничтожить здание. Подрывники, взобравшись на его крышу и привязав к длинным шестам мощные взрывные устройства, опустили шесты на уровень окон, после чего была дана команда на подрыв. «Послышались крики и стоны раненых русских, — записано в отчете дивизии, — но огонь продолжался».

Условия в обороняемых русскими объектах становились невыносимы. Медсестра К. Лешнева^[26], описывает:

«В казематах мы оказывали раненым медицинскую помощь, в том числе женщинам и детям. К тому времени у нас кончились перевязочные материалы, лекарства и вода. Острее всего ощущалась нехватка воды. Доставить ее с реки было невозможно, но надо ведь было хоть немного напоить раненых!»

Георгий Карбук описывает мучения, которые выпали на долю оборонявшихся красноармейцев. «Самое тяжелое — это нехватка воды, — поясняет он. — Вода требовалась для охлаждения пулеметов «максим», иначе стволы перегревались, и пулемет заклинивало. И тут же рядом с пулеметами лежали раненые, изнемогавшие от жажды».

«Приходилось выбирать, что важнее. Сохранять оружие в боеспособном состоянии или спасать людей. А вокруг лежали раненые, многие при смерти, они метались, бредили, просили воды. Целые семьи были там! С детьми! Сколько людей мучилось от жажды! А рядом, всего в двух шагах, две реки!»

Немцы считали, что пока их успехи более чем иллюзорны. «Только сейчас после тяжелых боев пала брестская цитадель», — записал командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок в свой дневник 25 июня. Но уже на следующий день мощнейший взрыв потряс массивное здание, где размещалось политучилище^[27]. 81-му штурмовому саперному батальону удалось взорвать метровые кирпичные стены. Наружу вывели группу оглушенных пленных — 450 человек. Последним препятствием оставался Восточный форт. Все подходы к нему перекрывались прицельным огнем тяжелых пулеметов. Солдаты 45-й пехотной дивизии вермахта рассказывали, что «единственным выходом было вынудить русских сдаться, взяв их измором — голодом, и в первую

очередь жаждой. Все остальные средства хоть как-то ускорить этот процесс, включая ураганный огонь тяжелых минометов, атаки танков, призывы по громкоговорителю, листовки, — все оказались безрезультатными».

Нехватка воды превратилась для защитников крепости в тяжелейшее испытание. Медсестра К. Лешнева своими глазами видела, «как одну нашу медсестру застрелили на лужайке у берега реки, когда она попыталась зачерпнуть воды. Я своими глазами видела. Мы даже не смогли оттащить тело. Она восемь дней так и пролежала на траве». Немцы не гнушались никакими средствами, чтобы сломить волю оборонявшихся. Георгий Карбук вспоминает:

«Немцы установили мощные прожекторы на другом берегу, которыми всю ночь освещали наш берег. От этого света никуда нельзя было скрыться, они обшаривали каждый кустик. Стоило кому-нибудь из нас попытаться пробраться к реке, как его тут же замечали. Там, на берегу, многие погибли».

Осада длилась вот уже шестой день. Один русский перебежчик признался, что силы обороны, центром которой являлся Восточный форт, насчитывали 20 офицеров и 370 солдат и сержантов из 393-го зенитного батальона 42-й советской стрелковой дивизии. Они имели в своем распоряжении счетверенный зенитный пулемет, 10 легких пулеметов, 10 автоматов, 1000 ручных гранат и много других боеприпасов и продовольствия. Так что, скорее всего, сдаваться они не собираются. «Воды там мало, но ее добывают, прорывая скважины в земле». В форте также находятся женщины и дети. «Штаб обороны возглавляют майор и комиссар». Несмотря на большое количество пленных, захваченных за сутки до этого, немцы по-прежнему несли ужасающие потери. А с ними пришло и горькое разочарование, в свою очередь, порождавшее чувство бессмысленности дальнейших попыток овладеть цитаделью.

28-й танковый взвод подогнал два странных на вид танка. Один — французский танк «Сомуа», трофеей предыдущей кампании во Франции, другой танк еще недавно принадлежал русским. Оба танка открыли огонь по бойницам, амбразурам и окнам зданий Восточного форта. «Русские заметно приутихли, — как следует из донесения дивизии, — однако до сих пор нет признаков успеха». Попытки подавить огневые точки защитников крепости продолжались, но по-прежнему не давали результатов. Немцев выводили из себя снайперы, «непрерывно стрелявшие отовсюду — из самых, казалось, неподходящих мест: из-за мусорных контейнеров и куч мусора». Естественно, их уничтожали, но «стрельба из Восточного форта

продолжалась с новой силой».

Григорий Макаров, красноармеец, вспоминает атаку «немецких химических войск» 27 июня. Они использовали слезоточивый газ. По словам Макарова, у защитников было достаточно противогазов:

«Они были велики для детей. Но мы натягивали их им на голову, а снизу подвязывали чем-нибудь, и газ не проникал под маску. Только у одной женщины был мальчик, ему было полтора года. Тут уж мы ничего не могли сделать, он так и задохнулся».

Подобные трагедии приводили к тому, что сопротивление красноармейцев только усиливалось.

Против упрямых защитников крепости применялись и другие меры. Гельмут Бёттхер, боец штурмового саперного подразделения, воевал в огнеметном взводе. Следует подчеркнуть, что этот человек считал себя «обычным солдатом». И считал вполне нормальными изуверские методы ведения боев, описание которых наверняка смутит воспитанных на гуманных и демократических ценностях западных читателей. Хлебнувшие тоталитаризма, вероятно, будут потрясены куда меньше. «Мне было 19 лет, — рассказывает Гельмут Бёттхер, — я часто задумывался надо всем этим, ведь меня заклеили, как убийцу, но на войне-то я был героем». Следует добавить, что самые жуткие вещи на войне зачастую становятся нормой. Детство Бёттхера было самым обычным, хоть ему и приходилось несладко. Выросший в годы экономического кризиса, он, по его словам, «в 14 лет оказался на улице и выжил лишь благодаря армейской службе». Он нередко вызывался участвовать в самых разных акциях, но не с огнеметом в руках. «Мне приказали», — оправдывается он. Армейская жизнь открывала перед ним массу новых возможностей, и он, «как все», пытался ими воспользоваться. Однако назначение в Брест в огнеметный взвод явно не обрадовало его.

«Жутко себе представить такую службу, но хочу сказать, что огнеметчиков в плен не брали. Их на месте пристреливали».

Огнемет тоже требует сноровки. Он представлял собой укрепленный на спине аппарат ранцевого типа — емкость с горючим и нагнетатель весом в 21 кг. Горючее представляло собой легковоспламеняющуюся смесь, поступающую под давлением в распылитель. Струя горячей жидкости мгновенно превращала жертву в пылающий факел. Аппарат снабжался регулятором давления и толщины струи, что делало его еще более опасным для противника. Но и сам огнеметчик был крайне уязвим для вражеских пуль. Бёттхер поясняет:

«Струя пламени достигала 30 м в длину, температура — 4000

градусов. Стоило подобраться к траншее и провести по ней струей огня, как там уже спасения ни для кого не было — безопасных закоулков не оставалось. Большинство гибло на месте, некоторым везло — им только выжигало глаза. А вообще, это, конечно, был кошмар», — признается Бёттхер.

До сих пор на стенах цитадели Брестской крепости видны странные темноватые пятна — оплавленный кирпич, напоминающий вулканическую лаву. Георгий Карбук вспоминает:

«Немцы применяли против нас огнеметы. Сунут, бывало, наконецник в подвальное окошко и полыхнут как следует. Сами-то они подвалов избегали. Кирпич, и тот таял, как воск. Или забрасывали гранатами подвалы, где семьи прятались».

Шестой день осады. Солнце нещадно палит. Большая часть цитадели, включая Северный остров, уже захвачена немцами, но Восточный форт держится. Повсюду раздувшиеся на жаре трупы русских солдат, их скидывают в траншеи и воронки и кое-как забрасывают землей и битым кирпичом. Смрад меньше не становится. В прибрежных камышах на воде раскачиваются другие трупы — немцев. Кажется, что этим русским, с сумасбродной отчаянностью оборонявшим крепость, все нипочем. «Все было выжжено дотла, — вспоминает уже знакомая нам медсестра Качова Лесневна, — дома, даже деревья, все». Состояние раненых становилось критическим:

«Мы разрывали одежду на лоскуты, чтобы перевязать раны. Воды не было. Раненые мучились. Достать воды не было никакой возможности — все под огнем. Иногда удавалось чудом зачерпнуть ведро, но что такое ведро на столько людей? Всем доставалось буквально по несколько капель. Мы с риском для жизни приносили чуточку воды, чтобы хоть губы смочить раненым. О себе уже говорить не приходится. А они с такой жадностью набрасывались на эти капли. «Сестра, сестра, дай водички», — просили они. А мы ничего не могли им дать».

Утром 28 июня два уцелевших танка 28-го танкового взвода получили подкрепление — несколько спешно отремонтированных самоходных артиллерийских установок. Обстрел стен Восточного форта продолжился, но по-прежнему без видимых результатов. Вперед выдвинули 88-м зенитное орудие и открыли огонь прямой наводкой. Но и это не помогло, — сдаваться никто не собирался. Пытаясь переломить ситуацию, генерал-майор Шлипер, командир 45-й дивизии, запросил помощь сил люфтваффе с ближайшего аэродрома Малашевичи. Как только договоренность была достигнута, немецким солдатам отдали приказ немедленно очистить

территорию крепости и отойти на безопасное расстояние. Низкая облачность несколько отодвинула время начала воздушной операции люфтваффе. Солдаты вермахта вновь сомкнули кольцо окружения, чтобы не позволить защитникам выйти. Целую ночь стены крепости освещали прожекторы. Любая попытка немцев хоть на несколько метров приблизиться к форту вызвала ураганный автоматный и пулеметный огонь. Из окруженного форта беспрестанно тянулись огненные строчки трассирующих пуль. Сдадутся они когда-нибудь или нет?

29 июня в рейхе наконец-то узнали новости с Восточного фронта. Предваряемая фанфарами Листа сводка новостей гласила: «Советские военно-воздушные силы полностью уничтожены». И далее: «Мощные приграничные укрепления противника частично прорваны в самый первый день». Бодрый голос диктора перечислял победу за победой. «23 июня враг предпринял попытку контратаковать передовые части наших стремительно наступавших войск», но «германский солдат был и остается победителем». Далее следовал список занятых немцами населенных пунктов. Сообщили о взятии с боями крепости в городе Гродно. «Последний оплот врага, Брестская цитадель, захвачена нашими войсками 24 июня». Взяты Вильнюс и Каунас. Всего за тот день 29 июня 1941 года по радио прозвучали 12 сводок ОКВ. Геббельс ликовал: «Под Белостоком окружены две армии красных». «У врага нет ни малейшей возможности прорвать кольцо окружения. Минск наш!» Но, несмотря на открытие информационных шлюзов, немецкая аудитория состояла не только из доверчивых слушателей. Геббельс записал в своем дневнике:

«Слишком много информации сразу. От такого потока можно только отупеть. Так что желаемого эффекта мы не добились. Люди чувствуют, что ими пытаются манипулировать. Слишком много для первого раза, так они считают... И все же эффект воздействия огромен... Мы снова на высоте...»

Сомнения Геббельса нашли свое отражение и в секретных отчетах СС следующего дня. «Изо всех 12 сводок хорошо были восприняты не более двух-трех». Несмотря на нетерпение услышать с Восточного фронта только хорошие новости, таких успехов не ожидал никто. В газетах приводились «фантастические» цифры потерь русских, продолжали циркулировать не менее фантастические слухи. «Согласно отчетам с мест, — далее утверждает отчет СС, — кое-где уверены, что наши войска подойдут к Москве уже в следующие выходные».

Вот такие «горячие денечки» стояли в рейхе в конце июня 1941 года. И это было только начало — маятник блицкрига лишь начинал раскачиваться. Впереди был Смоленск.

Глава 7

Блицкриг

«У нас не оставалось времени поспать, так как мы круглые сутки наступали».

Командир танкового взвода

Все идет как по маслу... Танковые войска

Фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Центр», пришел в бешенство, когда из штаба ОКХ ему приказали повернуть 2-ю и 3-ю танковые группы, чтобы замкнуть кольцо окружения и создать таким образом первый за русскую кампанию котел. Причина его раздражения заключалась в том, что из-за этого решения задерживалось наступление на Смоленск, который рассматривался Боком как важная в стратегическом отношении цель. Впрочем, вермахт добился впечатляющего успеха. «Я до сих пор не могу отойти от этого внезапного приказа повернуть», — писал фон Бок в своем военном дневнике, и когда к нему прибыл фельдмаршал фон Браухич, командующий группой армий «Центр» встретил его довольно невежливой фразой: «Надеюсь, больше никаких сюрпризов!» К этому времени продвинувшиеся на 250–300 км в глубь советской территории танковые дивизии уже поворачивали навстречу друг другу, замыкая кольцо вокруг 27 советских дивизий.

Майор граф Иоганн фон Кильманзег, командир танкового подразделения в составе 6-й танковой дивизии, впоследствии утверждал, что нацистская пресса представила миру совершенно искаженную картину боевых действий сухопутных войск. О легких победах речи не было. Вне сомнения, сосредоточенные в приграничных районах советские войска оказались «застигнуты врасплох», говорит фон Кильманзег, «но отнюдь не собирались сдаваться». Того же мнения придерживался и лейтенант Гельмут Ритген, также воевавший в 6-й танковой дивизии:

«В плен никто не сдавался, поэтому и пленных практически не было. Между прочим, наши танки довольно быстро расстреляли весь боекомплект, а такого не случалось нигде — ни в Польше, ни во Франции».

Начальный период войны, когда танковые дивизии вермахта стремительно, как по маслу, катили вперед, по мнению Кильманзегга, «состоял из двух этапов».

«Сначала бои, завязавшиеся непосредственно у границы, — они носили крайне ожесточенный характер. Потом нам пришлось затратить много усилий у «линии Сталина» — укрепленной линии русских. Геббельс постоянно говорил о разгроме противника, но ничего такого и в помине не было».

Первоначальные успехи вермахта можно объяснить тактическим превосходством немецкого командования, которое, в свою очередь, было результатом накопленного в предыдущих кампаниях боевого опыта. «В течение трех суток мне удавалось заснуть от силы на пару часов, атаки следовали одна за другой», — писал военный корреспондент Артур Гримм, участвовавший в наступлении вместе с частями 1-й танковой группы фон Клейста на участке группы армий «Юг».

«Враг, будучи не в состоянии удержать нас, постоянно пытается вовлечь нас в крупные сражения. Но нас всегда заблаговременно предупреждали о его намерениях, и мы обходили его в ходе ночных маршей».

Немецких танкистов, убежденных в собственном превосходстве, очень скоро после начала войны ожидал неприятный сюрприз, когда они столкнулись с новыми типами советских танков. Уже на второй день кампании в полосе действий 6-й танковой дивизии один-единственный советский тяжелый танк расстрелял колонну из 12 грузовиков. Танк находился в засаде южнее реки Дубиссы вблизи от Расейняя. К тому моменту два немецких батальона захватили плацдармы на другом берегу реки и готовились к отражению контратаки советских танков, первой за все время боев на Восточном фронте, поэтому требовалось обеспечить их бесперебойное снабжение боеприпасами. Для уничтожения русского танка немцы подтянули батарею 50-мм противотанковых орудий.

Орудийным расчетам удалось скрытно подобраться на дистанцию 600 метров. Первые три снаряда сразу поразили цель, но восторги артиллеристов мгновенно стихли, потому что никаких видимых повреждений танк не получил. Батарея открыла беглый огонь, но и следующие пять снарядов отскочили от брони и ушли в небо. Танковая башня начала разворачиваться в направлении немецких орудий, а затем раздался первый выстрел ее 76-мм пушки. За считанные минуты батарея была уничтожена, немцы понесли тяжелейшие потери.

Тем временем тяжелый тягач под прикрытием догравших немецких

грузовиков подтащил тщательно замаскированное 88-мм зенитное орудие. Вскоре с дистанции 900 м был открыт огонь по танку. Но... первый же 76-мм снаряд угодил в немецкую зенитку и отбросил ее в придорожную канаву. Орудийный расчет чудом не пострадал. Однако едва артиллеристы попытались вновь развернуть орудие, как их буквально смело стальным ливнем огня спаренных танковых пулеметов. Танк бил без промаха, не давая немцам и головы поднять. Лишь с наступлением ночи, под покровом темноты они смогли оттащить убитых и часть уцелевшего вооружения.

Той же ночью немцы решили действовать по-другому. Группа саперов, пробравшись к танку (тип которого им так и не удалось определить), заложила под него два мощных заряда взрывчатки. Когда их подорвали, ответный огонь танкового орудия ясно дал понять, что танк по-прежнему боеспособен. Более того, русские смогли отбить три атаки. Немцы попытались вызвать пикирующие бомбардировщики, но те прибыть не смогли. Тогда в очередную атаку на неуязвимый советский танк пошли пять легких танков при поддержке еще одного 88-мм зенитного орудия.

Немецкие танки, скрываясь за деревьями, с ходу открыли огонь одновременно с трех направлений. Русский танк вступил в дуэль, но во время маневров открыл корму, куда попали два снаряда 88-мм орудия. На его броню в течение считанных секунд обрушился целый шквал снарядов. Башня, развернувшись назад, замерла. Немецкие орудия продолжали посылать снаряд за снарядом в неподвижную цель. Ни единого признака загорания машины, только визг рикошетивших снарядов. Внезапно пушка танка беспомощно поникла. Подумав, что танк наконец выведен из строя, немцы подобрались поближе к своей диковинной жертве.

Возбужденно переговариваясь и не скрывая удивления, они вскарабкались на броню. Ничего подобного им видеть не приходилось. И тут башня, тяжело дрогнув, снова повернулась. Насмерть перепуганных немецких солдат как ветром сдуло. Двое саперов, не растерявшись, через отверстие в башне бросили внутрь танка по ручной гранате. Раздались два глухих взрыва, взрывной волной откинуло крышку люка, изнутри повалил густой дым. Когда саперы заглянули через люк, их взорам предстало ужасающее зрелище: кровавые ошметки тел — все, что осталось от экипажа неуязвимой машины. Так один-единственный танк на двое суток сумел остановить продвижение передовых частей 6-й танковой дивизии. Его броню сумели пробить только два 88-мм зенитных снаряда, пять остальных лишь оставили глубокие борозды на броне. А о попадании 50-мм противотанковых снарядов свидетельствовали только синеватые пятна окалины. Что же касается следов от попаданий немецких танковых

снарядов, их вообще не осталось, хотя такие попадания отмечались, и не одно.

Напрашивался вывод о явной недооценке танковой угрозы противника. Вечером того же дня генерал Гальдер запишет в свой дневник:

«На фронте групп армий «Юг» и «Север» замечен русский тяжелый танк нового типа, который, видимо, имеет орудие калибра 80 мм (согласно донесению штаба группы армий «Север» — даже 150 мм, что, впрочем, маловероятно)».

Это был советский танк KB-1 («Клим Ворошилов»), вооруженный 76,2-мм танковой пушкой. Его более крупный собрат KB-2 имел 152-мм гаубицу. В 1940 году было выпущено 243 машины KB-2 и 115 Т-34, а в 1941 году число их возросло до 582 и 1200 соответственно. В 1941 году русские имели значительный перевес в танках и за счет количества, и за счет качества. Красная Армия располагала 18 782 машинами различных типов против 3648 у немцев. Немецкие танки в значительной мере уступали советским в весе, вооружении, дальности хода, скорости и по ряду других показателей^[28].

Уже один только внешний вид 34-тонного новейшего советского танка Т-34 вызывал оцепенение немецких танкистов. Разработка этой машины велась в условиях полной секретности и завершилась еще в середине 30-х годов. Его 76-мм пушка была самой мощной в мире на тот период (естественно, исключая 150-мм орудие другого советского чудо-танка, KB-2). Наклонная броня знаменовала собой революционные перемены в танкостроении, отличалась повышенной устойчивостью к настильному огню противотанковых орудий — снаряды рикошетили, не нанося машине видимых повреждений. Йозеф Дек, немецкий артиллерист (71-й полк), воевавший в составе группы армий «Центр», досадовал, что снаряды обычного 37-мм противотанкового орудия отлетали от брони Т-34, «словно горох». В результате доработки заимствованного у американцев танка «Кристи», в частности системы подвески, Т-34 с его широкими гусеницами, мощным дизельным двигателем и чрезвычайно высокой маневренностью превратился в самый совершенный танк того времени^[29]. Командир экипажа танка Т-34 Александр Фадин отмечал:

«Когда запускаешь двигатель, чувствуешь эту характерную дрожь, и ты как бы сам становишься частью машины. Набираешь скорость, и уже ничто тебя не в силах остановить. Даже деревья».

Значительное количественное превосходство Красной Армии в танках создавалось на 75 % за счет танков Т-26 (их насчитывалось примерно 12

000), еще около 5000 машин составляли танки БТ-2, БТ-5 и БТ-7. Далее, 1200 Т-34 и 582 тяжелых танка КВ-1 и КВ-2^[30]. В итоге Советы располагали 17 000 танков, равных по показателям или несколько уступавших таким немецким танкам, как Т-III (970 машин) и Т-IV (444 единиц), и превосходивших Т-II (743 единицы) и Т-38 (t) (651 танк). Остальные немецкие танки, как правило, относились к явно устаревшим типам или штабным вариантам. Кроме того, на вооружении вермахта имелось 250 штурмовых орудий, вооруженных 75-мм пушкой и созданных на базе Т-III. Самоходные орудия имели репутацию истребителей русских танков и обычно использовались для поддержки наступавшей пехоты. Превосходство немецких танковых войск обеспечивалось не за счет более совершенной техники, а за счет более высокой боевой выучки экипажей. Немецкие танки были оборудованы современными радиостанциями, в то время как русские в этом отношении явно отставали. У них связь осуществлялась посредством сигнальных флажков. Отсюда и явное запаздывание исполнения команд в быстро менявшейся обстановке.

Не следует забывать, что немецкие танкисты обладали опытом предшествующих кампаний, многие командиры танков, несмотря на молодость, успели приобрести практический опыт участия в боевых действиях. Русские танкисты, напротив, старательно утюжили местность в поисках цели, нередко при этом и сами оказываясь легкими целями для немецких танков. Танковые войска Красной Армии находились в стадии реорганизации, а массовые переброски войск в приграничные районы с последующим их развертыванием нередко шли вразрез с основополагающими тактическими и командными принципами. К началу гитлеровского вторжения значительное число устаревших русских танков (примерно 29 %) требовали срочного капремонта, 44 % — проведения регламентных работ. Основной причиной страшных потерь, понесенных танковыми войсками Советов, стало германское превосходство в воздухе. Танковые колонны русских регулярно подвергались налетам истребителей и пикирующих бомбардировщиков люфтваффе, и это имело для них катастрофические последствия.

Немецкие танкисты неприятно поразились, столкнувшись в боях с советскими тяжелыми танками новейших конструкций, явно превосходившими их машины по тактико-техническим показателям. Все это плохо вязалось с концепцией «недочеловеков», выпестованных, согласно утверждению нацистской пропаганды, в скученных рабочих лагерях. Германское кино в хроникальных выпусках частенько издевалось над так называемым «раем для советских рабочих», убеждая «имперских

немцев» в недостижимом совершенстве немецкой техники. Радио вопило о том, что снаряды «немецких танков не только поджигают, но и насквозь прошивают русские машины». Лейтенант Гельмут Ритген из 6-й танковой дивизии признался, что в столкновении с новыми и неизвестными танками русских:

«...в корне изменилось само понятие ведения танковой войны, машины «КВ» ознаменовали совершенно иной уровень вооружений, бронезащиты и веса танков. Немецкие танки вмиг перешли в разряд исключительно противопехотного оружия... Отныне основной угрозой стали неприятельские танки, и необходимость борьбы с ними потребовала нового вооружения — мощных длинноствольных пушек большего калибра».

Танковые войска Германии вступали в войну, будучи твердо уверенными в своем тактическом и техническом превосходстве, что доказывалось ходом предыдущих кампаний. Стрелок-танкист Карл Фукс, воевавший на относительно слабой машине чехословацкого производства — Т-38 (t) в составе 7-й танковой дивизии (группа армий «Центр»), в конце июня писал жене:

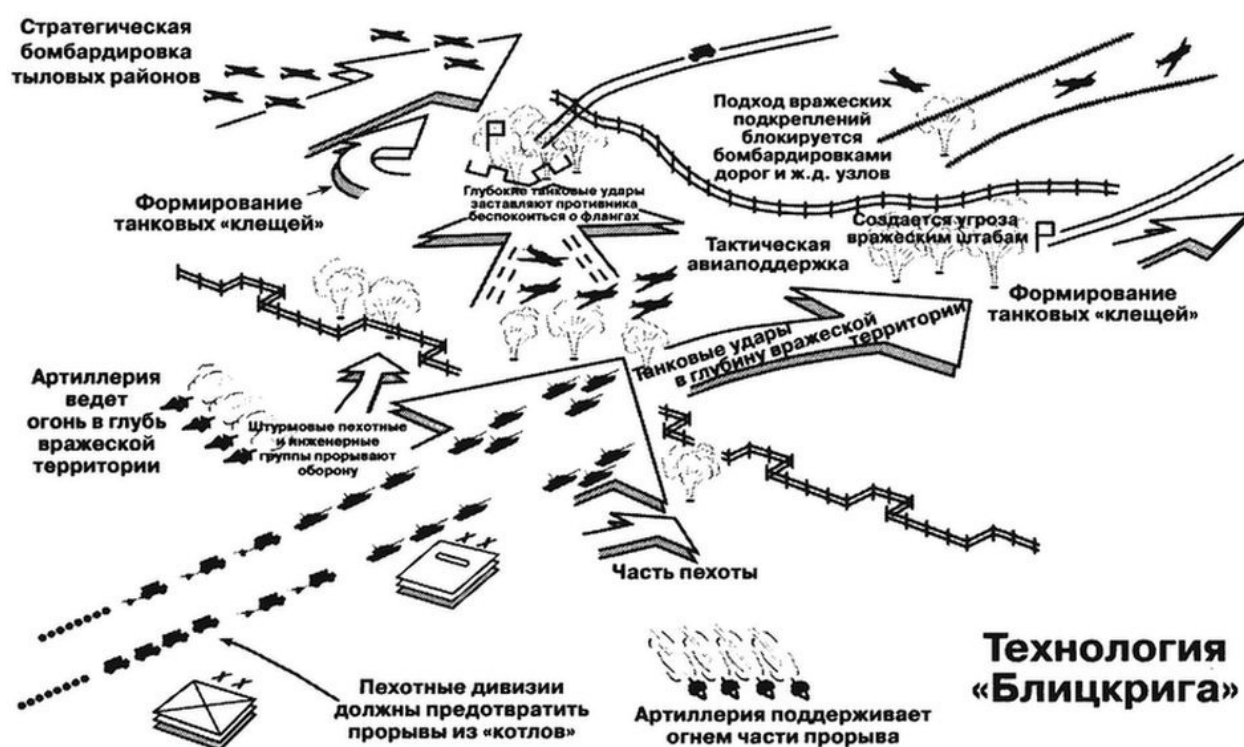
«До сих пор нашим войскам кое-что удалось. То же самое можно сказать и о нас, танкистах. Но, ничего, мы еще покажем этим большевистским дурням! Они дерутся, как какие-нибудь наемники, а не как солдаты».

Курицио Малапарте, итальянский военный корреспондент, следовавший в составе немецкой танковой колонны в Бессарабии, описал, как группа немцев осматривала подбитый советский танк:

«Они очень напоминали следователей, осматривавших место происшествия. Более всего их интересовала матчасть противника и то, как ее использовать в бою... Качая головой, они задумчиво бормотали: «Все верно, но...»

Карл Фукс с гордостью сообщал жене: «Мы уже не первый день ведем бои и всегда побеждали врага, где бы он нам ни попадался». Входил в моду особый, «победный» жаргон, становясь неотъемлемой частью солдатского. Уничтоженные в огромных количествах советские танки БТ-7 за их уязвимость прозвали «Микки Маусами». А все потому, что откинутые люки подбитой машины поразительно напоминали оттопыренные уши известного персонажа диснеевских мультфильмов.

Военный корреспондент Артур Гримм в составе 11-й танковой дивизии из группы армий «Юг» уже 23 июня направлялся к месту первого танкового сражения. Колонна полугусеничных бронетранспортеров, набитых пехотинцами, поднимая пыль, неслась по изъезженной проселочной дороге, «когда разведчики сообщили по радио о том, что около 120 русских танков продвигаются в направлении села Радчикова». Около 5 утра «мы поехали через окутанные туманом пшеничные поля. Нас обогнали танки Т-III и Т-IV, их темные силуэты выделялись на светлом фоне пшеницы». Справа они заметили скопление русских танков, «включая и тяжелые самые современные машины».

Блицкриг — молниеносная война. Неудержимой атаке немецких сил по всем направлениям главного удара предшествовала артиллерийская подготовка и бомбардировка с воздуха сил и объектов противника, за которыми следовало решительное наступление пехоты. Через взломанную линию обороны врага устремлялись танки, вклинивавшиеся глубоко в тыл неприятеля и действовавшие при интенсивной поддержке тактической авиации и моторизованной артиллерии. В их задачу входило выход к штабам противника, разгром их и нарушение системы войскового снабжения. Танковые силы, образуя клинья, охватывали с двух сторон беспорядочно отступающие силы русских и заключали их в кольцо. Затем их добивала подоспевшая пехота.

Находясь среди разбросанных деревенских домишек, Гримм разглядел темные точки — двигавшиеся советские танки. В 5 часов 20 минут штурмовая группа немецкого танкового подразделения нанесла удар русским во фланг. Вспышка, докатившийся грохот разрыва, и вверх стал медленно подниматься черный дым, постепенно принимая очертания огромного гриба. Судя по всему, снаряд немецкого танка «попал прямо в боекомплект» — взрыв был мощным. Первыми танками, с которыми столкнулись немцы, оказались легкие Т-26. Гримм, находившийся чуть позади передового подразделения, сделал несколько снимков. Дым, искореженный металл, словом, поле битвы.

«Чтобы остановить тяжелый танк, потребовалось не менее двух десятков прямых попаданий», — комментировал Гримм, сфотографировав подбитый Т-34. «Вскоре прогремел страшный взрыв — взорвался боекомплект», — продолжает Гримм репортаж, который он готовил для рупора нацистской пропаганды — иллюстрированного журнала «*Signal*», расписывая мастерство и отвагу немецких танкистов, сумевших сокрушить бронированного гиганта совершенно неизвестного типа. Лейтенант Ритген из 6-й танковой дивизии описал бой с танками КВ под Расейняем куда более объективно:

«Эти до сих пор неизвестные советские танки послужили причиной кризиса в ударной группировке «Зекендорф», поскольку она не располагала оружием, способным пробить их броню. Снаряды просто отскакивали от советских танков. 88-мм зенитные орудия пока что не было возможности применить. Пехотинцы во время танковой атаки русских в панике стали отступать. Сверхтяжелые советские КВ надвигались на наши танки, и плотный огонь наших не приносил никакого результата. КВ таранил командирский танк и перевернул его, командир получил ранение».

Советская танковая колонна, разбомбленная на одной из дорог

Несмотря на превосходство советских танков, все же сказывались боевая выучка немцев и их опыт ведения боевых действий. Командир советского танка Т-34 Александр Фадин описал то, что испытывает экипаж танка во время сражения:

«Когда ищешь мишень, волнение достигает предела. И вот, обнаружив ее, подползаешь поближе, потом внезапный рывок вперед, двигатель ревет, машина подскакивает на ухабах. Прицеливаешься, и водитель кричит «Огонь!»»

Стреляная гильза со звоном падает на пол, башня содрогается, с каждым выстрелом орудия башню заполняет характерный запах пороха, запах битвы. Фадин продолжает:

«Когда попадаешь в немецкий танк и он взрывается, ты вместо того, чтобы выбрать другую цель, распахиваешь люк и вылезает наружу — убедиться, что ты его подбил!»

Экипажи немецких танков имели неплохую профессиональную подготовку. Лейтенант Ритген: «У советских танкистов не было времени даже на ознакомление с вооружением своих машин, не было времени пристрелять орудия, поэтому их стрельбе явно недоставало меткости... Кроме того, у них хромало вождение». Примерно в полдень 23 июня Артур Гримм наблюдал, как громадное облако дыма вставало над красными языками пламени. Немецкие подкрепления не понадобились и остались просто зрителями во время этого боя. Впрочем, лейтенант Ритген утверждает, что у 6-й армии в приграничной полосе возникали проблемы при встречах с русскими танками.

«Один из офицеров резервных подразделений — ныне известный на всю Германию писатель — потерял самообладание. Презрев субординацию, он бросился на командный пункт генерала Гёпнера [командующий 4-й танковой группой. — *Прим. авт.*] и сообщил, что «все пропало».

Со временем опыт немцев стал приносить плоды. «Несмотря на то, что они были такие толстокожие, — продолжает Ритген, — нам все же удавалось подбивать их, сосредоточив огонь на одной машине. Мы старались попасть в уязвимые места — били по люкам и щелям в корпусе».

Военный корреспондент Гримм в 16 часов 23 июня 1941 года своими глазами видел, что «густое облако дыма над полем боя увеличилось». Танки Т-IV вынуждены были прервать стрельбы, поскольку пополняли боекомплект. Тактика танковых сражений зависела от изобретательности экипажей. «Несколько танков противника удалось поджечь, другие — ослепли в дыму. Когда они пытались развернуться, стало ясно, что их можно уничтожать с тыла». Подобные уроки быстро извлекались в ходе начавшейся русской кампании.

Гауптман Эдуард Лингенхаль из 15-го танкового полка говорил о том, что «экипажи танков Т-IV совершенно случайно поняли, что осколочно-фугасные снаряды замедленного действия с задержкой подрыва 0,25 сек., если ими попасть в корму танка Т-34, способны вывести из строя двигатель либо воспламенить горючее, выплескивавшееся на решетку жалюзи».

К 9 часам вечера танковое сражение завершилось. 11-я танковая дивизия уничтожила 46 неприятельских танков на высотах юго-западнее села Радчикова. Но поводов для особых восторгов не было — хотя пропагандистский аппарат, разумеется, не поскупился на восторги. Три дня спустя майор Кильманзег в разговоре с командующим 6-й танковой дивизией, обсуждая детали первого боя с советскими тяжелыми танками, сказал: «Герр генерал, эта война отличается от той, которую мы вели в Польше или во Франции». В нынешней нам пришлось столкнуться с сильным врагом, и даже не все офицеры оказались к этому готовы. И лишь «благодаря мужеству командиров удалось совладать с паникой». Кильманзег оценивал обстановку трезво:

«На уровне дивизии мы имели возможность убедиться, впервые за всю эту войну, что опасность поражения вполне реальна. Это был один из тяжелейших моментов, которые мне пришлось пережить за годы войны».

Единственным утешением служило донесение о том, что один из «этих тяжелых монстров» все же удалось вывести из строя. Один лейтенант сумел подложить ему под гусеницу мину.

Естественно, что Артур Гримм завершил свой репортаж для иллюстрированного журнала «*Signal*» на вполне бодрой ноте.

«После одиннадцатичасовой дуэли на поле битвы навеки остались более 40 советских танков. Преследование отступающего противника продолжается. У нас были выведены из строя лишь 5 танков».

Ожесточенные танковые сражения в приграничных районах сочетались с беспрепятственным продвижением на других участках фронта сначала на Минск, а потом и на Смоленск. Однако и это продвижение имело свои сложности. Граф фон Штраховиц — в тот период оберлейтенант 15-го танкового полка — вспоминал: «У нас не оставалось времени поспать, так как мы круглые сутки ехали». Врагу не оставляли времени ни на отдых, ни на попытки перехватить инициативу. Анатолий Кружин, капитан Красной Армии, так охарактеризовал яростные атаки частей группы армий «Север»:

«В первые дни войны немецкая армия наступала очень быстрыми темпами. У нас шок затянулся, и надолго. Как мне кажется, Красная Армия не была готова к обороне до самого июля и, пожалуй, даже до начала августа. Это произошло только под Новгородом, в районе Старой Руссы. Но раньше, в июле, Красная Армия отступала, это был самый настоящий хаос. На Северо-Западном фронте разведку вели специальные подразделения, но они не выясняли, где находятся немцы, нет. Они искали местоположение собственных войск!»

На окраине Львова подобное наблюдалось в зоне действия советской 32-й танковой дивизии. Стефан Матыш, офицер-артиллерист, мог убедиться, что куда более совершенные танки Т-34 и КВ несли внушительные потери. Советские танкисты прекрасно сознавали, что их машины превосходят немецкие, «иногда они даже таранили немцев», однако сказывалось страшное напряжение нескольких дней.

«Бесконечные переходы, жара и постоянные бои изматывали танкистов. С начала войны у них не выдавалось ни минуты отдыха, ели и спали урывками. Силы покидали нас. Нам требовался отдых».

Полковник Сандалов, начальник штаба 4-й армии, расположил штаб армии в лесу восточнее Синявки. Не имея средств радиосвязи, ему приходилось полагаться лишь на связных. Он докладывал, что 2-я танковая группа Гудериана, наступавшая на центральном направлении, нанесла войскам армии несколько серьезных ударов. «Потерявшие боеспособность остатки 6-й и 42-й стрелковых дивизий 4-й армии отошли на восток». 55-я стрелковая дивизия после разгрузки с автотранспорта была выбита с наспех оборудованных оборонительных позиций, «не сумев противостоять атакам

вражеской пехоты, действовавшей при поддержке механизированных подразделений и авиации». С самого начала вторжения не поступали сведения от командования 49-й стрелковой дивизии. 14-й механизированный корпус, «упорно оборонявшийся и несколько раз переходивший в контратаки, понес большие потери в личном составе и технике», и к 25 июня «не располагал средствами для ведения боевых действий». Советскую оборону охватил паралич:

«Вследствие непрекращавшихся бомбежек пехота деморализована и не проявляет достаточной стойкости в обороне. Командиры всех подразделений и формирований вынуждены лично пресекать попытки беспорядочного отхода и возвращать их на фронт, однако перечисленные методы, несмотря на применение оружия, не возымели должного эффекта».

Константин Симонов, попавший на Минском шоссе под бомбежку, вспоминает, как один солдат, явно вследствие полученного при контузии шока, вдруг закричал: «Спасайтесь все! Спасайтесь! Немцы окружили нас! Нам конец!» В ответ на это один офицер Красной Армии приказал расстрелять паникера! Раздались выстрелы, но насмерть перепуганный солдат с вылезшими из орбиты глазами бросился бежать.

«Мы так и не сумели задержать его. Какой-то капитан попытался отобрать у него винтовку. Солдат выстрелил и, еще больше перепуганный этим выстрелом, завертелся на месте, как загнанное в ловушку животное, после чего со штыком набросился на капитана. Тот выхватил пистолет и застрелил его. Трое или четверо красноармейцев молча подняли тело и оттащили на обочину».

Катастрофа казалась неминуемой.

В авангарде наступления

Как правило, в авангарде наступавших немецких танковых соединений двигался батальон разведки, в состав которого входила легкая бронетехника и мотоциклисты. Это были «глаза и уши» следовавших за ними частей (см. схему). Численность подобных частей могла составлять до батальона танков, иногда даже танковый полк, которых поддерживал батальон или полк моторизованной пехоты на бронетранспортерах. Далее следовала артиллерийская батарея — иногда и полк, осуществлявшие огневую поддержку. Легкие танки или полугусеничные бронетранспортеры обычно передвигались параллельно основной колонне, обороняя ее фланги.

«Впереди простирается равнина, кое-где перерезанная невысокими возгорьями. Редкие деревца, небольшие рощицы. На листьях деревьев лежит толстый слой пыли, придающий им странный вид в лучах палящего солнца. Здесь, в сельской местности, преобладают три цвета — бурый, серый и зеленый, изредка разбавленные золотистой желтизной ржи. И надо всем этим клубы дыма вздымаются к небу от подбитых танков и догорающих деревень».

Разумеется, танкисты из своих железных коробок видели все совершенно в ином свете, нежели передвигавшаяся на своих двоих пехота. И, вследствие высокой мобильности, сцена меняется постоянно. Постоянные сверки местности с картой, прикидки времени, пройденного километража. Танки буквально пожирают отмеченные на карте отрезки. Одурелые от жары и тряски пехотинцы лениво и безучастно взирают на сменяющиеся горизонты. Бронетехника внушает пехотинцам уверенность в своих силах, с ней как-то спокойнее, хотя нередко это заблуждение, не больше. Каждый пройденный километр, каждый поворот таил в себе неожиданность. И угрозу. У танкистов война своя, ей неведомы рукопашные схватки. Чудеса современной техники сделали «боевое соприкосновение с противником» понятием относительным: бей себе по врагу из пушек с почтительного расстояния. Случается, конечно, расстреливать врага в упор, вот тогда бой действительно превращается в схватку с врагом. Гримм продолжает:

«Редколесье и необозримые поля пшеницы, внешне мирные, таят в себе угрозу для нас. Выстрела можно ожидать из-за каждого деревца или кустика, из гущи колосьев».

Вот пехоте сопровождения — да, ей приходится иной раз смотреть прямо в лицо врагу. Артиллерист противотанкового орудия вспоминает о том, какое неизгладимое впечатление на него и его товарищей произвело отчаянное сопротивление русских в первые часы войны:

«Во время атаки мы наткнулись на легкий русский танк Т-26, мы тут же его щелкнули прямо из 37-миллиметровки. Когда мы стали приближаться, из люка башни высунулся по пояс русский и открыл по нам стрельбу из пистолета. Вскоре выяснилось, что он был без ног, их ему оторвало, когда танк был подбит. И, невзирая на это, он палил по нам из пистолета!»

Из этих, внушающих ужас «стальных гробов» — танков — многого не разглядишь. За ходом боя из прожаренного и провонявшего пороховым чадом отсека приходилось следить сквозь узкую, как у почтового ящика, щелочку. И вдобавок теснота страшная — не повернуться. Стрелку,

докладывая, приходилось орать во всю глотку, экипаж глохнет от лязга башенного пулемета, задыхается в пороховом дыму. Напряжение, взвинченность усугубляются и ежеминутной угрозой стать мишенью противотанковых снарядов. Их хорошо заметно, они проносятся над полем боя добела раскаленными стрелами, готовыми насквозь прошить жалкую броню и отправить на небеса всех, кто пытается за ней укрыться. При попадании снаряда детонирует боекомплект, — вспышка, взрыв, и все взлетает на воздух, в первую очередь башня.

В известной степени экипаж танка был избавлен от шума сражения — все заглушал лязг металла и рев двигателя. Стрелок-танкист Карл Фукс из 25-го танкового полка делился со своей женой:

«Отпечаток, который наложили на меня танковые сражения, останется на всю жизнь. Поверь мне, дорогая, тебе предстоит увидеть другого человека, того, кто научился повиноваться призыву: «Я уцелею!» На войне ты не можешь позволить себе роскоши расслабиться, иначе погибнешь».

Смертельная усталость и страх шагают рука об руку. Унтер-офицер Ганс Бекер из 12-й танковой дивизии рассказывает о танковых сражениях у Тарнополя и Дубно:

«Там нам пришлось трое суток не спать, для дозаправки и пополнения боекомплекта мы отъезжали помашинно, чтобы тут же снова ринуться в бой. Я подбил под Тарнополем один вражеский танк и еще четыре у Дубно, вот там был настоящий ад, смерть и ужас».

Ничуть не легче приходилось мотопехоте. Гауптштурмфюрер Клинтер, командир роты моторизованного полка дивизии СС «Мертвая голова», действовавшей в составе группы армий «Север», вспоминает первые недели русской кампании, когда «все свои прежние тактические навыки пришлось позабыть». Разведки, как таковой, не было, не было и точного соблюдения боевых порядков, не было никаких донесений — танки неслись вперед, не останавливаясь, обстановка менялась постоянно. «Самая настоящая охота на лис, к тому же удачная, — утверждает Клинтер. — И на совершенно незнакомой, чуждой тебе местности, ты помнил одно: твоя цель — Санкт-Петербург!»

Что касалось карт, они безбожно ввали. В результате колонны, разделяясь на марше, заезжали бог знает куда. Дорожные указатели тоже мало помогали в ежечасно менявшейся обстановке, да и встречались они нечасто. «И каждому водителю приходилось в кромешной тьме, с постоянно менявшейся скоростью, да еще соблюдая все виды светомаскировки, следовать в колоннах». Не останавливаясь, танки сутками неслись вперед, тут уж ни сил, ни нервов не хватало.

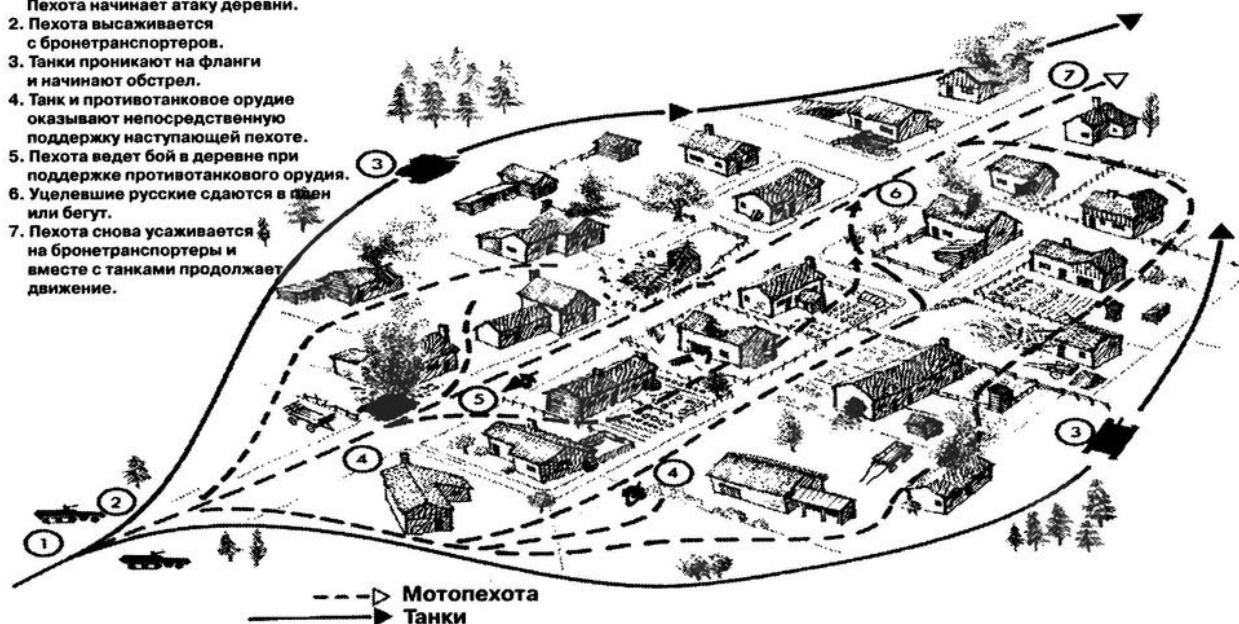
Это, конечно, неплохо, когда наступление танковых сил уподобляется «охоте на лис», однако и повышенные скорости несут с собой проблемы. В том числе и с радиосвязью, которая жизненно необходима в современной войне. Во время следования 7-й танковой дивизии на шоссе Москва — Минск в конце июня произошел поразительный, но характерный случай. Выйдя к Слободе, это примерно в 20 км северо-западнее Минска, немецкие танкисты вдруг поняли, что в их колонну под покровом ночи затесались русские машины. Весь идиотизм ситуации состоял в том, что русские и немецкие танки следовали в одной колонне и в одном и том же направлении! Один русский водитель, сообразив, куда попал, в панике развернул грузовик и бросился наутек навстречу движению немецкой колонны. Военный корреспондент Бернд Оверхюз, двигаясь с передовыми частями, вспоминает, как услышал выстрелы. «Впереди русские танки!» И тут же засвистели пули.

«Что произошло? Оказывается, один советский танк и грузовик каким-то образом оказались в колонне немцев. Судя по всему, они некоторое время ехали параллельно, после чего решили открыть по нам огонь из счетверенного пулемета, установленного в кузове. Отрывистая команда одного из офицеров восстановила порядок. И танк, и грузовик были подожжены и выведены, таким образом, из строя».

Передовые части, с которыми следовал Артур Гримм, обратив в бегство группу советских солдат, засевших на пшеничном поле, внезапно обнаружили по правую сторону действовавший аэродром русских.

«Как раз в этот момент приземлялся неприятельский самолет. Его зацепить мы не успели. Но второй тут же упал на землю, когда мы его угостили очередью трассирующих».

1. Танки и мотопехота разделяются. Пехота начинает атаку деревни.
2. Пехота высаживается с бронетранспортеров.
3. Танки проникают на фланги и начинают обстрел.
4. Танк и противотанковое орудие оказывают непосредственную поддержку наступающей пехоте.
5. Пехота ведет бой в деревне при поддержке противотанкового орудия.
6. Уцелевшие русские сдаются в плен или бегут.
7. Пехота снова усаживается на бронетранспортеры и вместе с танками продолжает движение.

Операция по зачистке села осуществляется после окружения населенного пункта танками. Мотопехота при поддержке танков проводит зачистку, наступая с флангов под острым углом к наступающим войскам. Для упреждения контратаки, подкрепления или отступления противника могут использоваться силы люфтваффе и артиллерия. Первейшая задача — достижение тактического превосходства

Легкая 20-мм зенитная пушка, смонтированная на полугусеничной машине, выехав на взлетную полосу, обстреляла стоявшие рядами самолеты. Бойцы, соскочив на землю, довершили дело при помощи ручных гранат и автоматного огня — все 23 машины были выведены из строя. Самым ценным трофеем оказалась дымившаяся полевая кухня. Содержимое отведали тут же. Прямо на земле лежали наваленные грудой буханки хлеба и сухой паек. Их собрали и побросали в танки и вездеходы. И тут же наступление продолжилось, но уже на сытый желудок.

Иногда бешеный темп наступления приводил к серьезным трагедиям. Полковник Ротенберг, знающий и смелый командир 25-го танкового полка, кавалер ордена «*Pour le Merite*» и Рыцарского креста, получил серьезные ранения вследствие взрыва боекомплекта подбитого русского танка. Его срочно требовалось эвакуировать в тыл. Но головные подразделения полка в результате стремительного марша значительно оторвались от своих. Ротенберг, сознавая опасность такого отрыва, отказался от высланного за ним командиром дивизии самолета «Физелер шторьх». Не взял он для охраны и бронетранспортер, отправившись в тыл всего на двух штабных

автомобилях. Эта небольшая группа наткнулась на группу советских солдат, блуждавших на участке между основными и передовыми частями немцев. В результате стычки Ротенберг и сопровождавшие его солдаты погибли. Тела их удалось забрать лишь на следующий день после проведенной контратаки.

Самую большую сложность во время стремительного наступления представляло сосредоточение ударной группировки на направлении главного удара. Лейтенант фон Хофгартен, командир 61-го мотоциклетного батальона 11-й танковой дивизии, после начала операции «Барбаросса» за четыре недели после форсирования Буга продвинулся со своими бойцами на 510 км. Танки обычно шли впереди на открытой местности, но случалось, как объяснял сам Хофгартен, что требовалось и:

«...более тесное взаимодействие частей, наступавших на разных флангах. Оно было необходимо в условиях сложной, малознакомой, быстро сменявшейся и непривычной местности, при преодолении водных преград, минных полей и занимаемых неприятелем деревень. От командиров рот, двигавшихся параллельно, требовалось тщательное планирование предстоящих совместных наступательных операций. Это было непросто, если учитывать наши убогие карты, на которых зачастую ничего, кроме главных дорог, не было указано».

В зависимости от того, насколько ожесточенно сопротивлялся противник, немецкая пехота выдвигалась на поле боя либо на броне танков, либо на мотоциклах, после чего вступала в боевое соприкосновение. Танки обеспечивали необходимую огневую поддержку и прикрытие. Артур Гримм, следовавший в составе 11-й танковой дивизии, вспоминает ожесточенные бои за русские села неподалеку от Дубно в первые дни кампании:

«И хотя танкисты не замечали пехоты в открытом поле, она была, советские пехотинцы прятались в пшенице, так что заметить их было крайне трудно или вовсе невозможно».

После инструктажа командиры танковых экипажей с наступлением рассвета нанесли тактический план на свои карты. В 4 часа 30 минут утра Гримм начал фотографировать мотоциклистов, которые получили задачу очистить поля от пехоты противника вблизи одного села. Поднимая пыль, колонна тронулась в путь и вскоре растаяла в предрассветной дымке.

Унтер-офицер Роберт Рупп из подразделения моторизованной пехоты описал последствия боя за одну неизвестную русскую деревушку. Танки стояли на околице в полной боевой готовности, рядом резерв — примерно половина взвода пехотинцев. Все пристально наблюдают за двумя

пылающими хатами. Когда группа зачистки приступила к прочесыванию домов, жители, прихватив с собою скарб, стали уводить скот в безопасное место. В ходе операции было обнаружено около 50 русских солдат, скрывавшихся кто где — в амбарах, погребах, на чердаках домов.

«У одного из них осколком ручной гранаты располосовало щеку. Он попросил у меня воды, я дал ему чаю, и солдат жадными глотками стал пить. Майор обратился к русским на их родном языке, желая узнать, кто из них комиссары, но оказалось, что комиссаров и след простыл. Пленные, чуть успокоившись, стали срывать с пилоток красные звезды. Раненый, дожидаясь, пока его перевяжут, долго сидел на улице. Сначала наш врач занимался своими ранеными. Один из моих товарищей, В., показал мне окровавленные руки и стал хвастаться, что прикончил нескольких русских — они открыли по нему стрельбу, как он утверждал».

Позже Руппа разбудила стрельба. Уже миновал полдень. Расстреливали двоих пленных, их тут же похоронили их товарищи. Один из них якобы выстрелил в нашего солдата пулей «дум-дум» (особыми пулями, наносившими страшные раны). А второй, как утверждали, попытался открыть огонь уже после того, как дал понять, что сдается. «Один, — по словам Руппа, — был еще жив, поскольку стонал даже в полужасыпанной могиле, потом из-под слоя земли показалась его рука».

Четверым русским было приказано вырыть еще одну могилу. Для кого? — не понял Рупп. Вывели того русского, которого я поил чаем, заставили улечься в могилу, после чего унтер-офицер пристрелил его — оказывается, он и был тем таинственно исчезнувшим комиссаром. Сделано это было во исполнение приказа генерала Гальдера, пресловутого «приказа о комиссарах». Но, как убежден Рупп, подобные расправы ни в коем случае нельзя было считать в порядке вещей. Вот что он сказал по этому поводу:

«Мнения относительно необходимости расстреливать комиссаров диаметрально расходились. Был случай, когда батальон мотоциклистов расстрелял жителей одной деревни, включая женщин и детей. Перед этим их заставили самих выкопать для себя могилы. Это произошло потому, что жители этого села помогали русским организовать засаду, в которой погибли несколько наших мотоциклистов».

Танкисты, конечно, не могли не замечать подобного, но темп наступления не позволял им долго задерживаться на одном месте. Разбираться с неприятелем предоставлялось пехотинцам. Танковая война исключала непосредственный контакт с противником даже в бою. Один германский офицер, служивший в танковом подразделении на участке группы армий «Центр», поделился своим мнением с военным

корреспондентом Курицио Малапарте:

«Он рассуждал, как солдат, избегая эпитетов и метафор, ограничиваясь лишь аргументацией, непосредственно имевшей отношение к обсуждаемым вопросам. «Мы почти не брали пленных, — рассказывал он, — потому что русские всегда дрались до последнего солдата. Они не сдавались. Их закалку с нашей не сравнить...»

Так что задача по подавлению сопротивления противника носила обезличенный характер. Вперед и только вперед, иногда короткие бои. А вот физическая усталость, та не покидала танкистов.

«Рев двигателей, вздымающееся вверх над пригорками облако желтоватой пыли... Порывы ледяного ветра, швыряющие густую пыль в лицо. Песок во рту, резь в глазах, кровоточащие веки. На календаре июль, а все, равно холодно. Сколько мы уже едем? Сколько километров позади?»

Танковый взвод лейтенанта Хорста Цобеля 6-го танкового полка из 2-й танковой группы Гудериана за 12 дней проделал 600 км, в среднем ежедневно покрывая 50 км.

«Бывало, что мы круглыми сутками не вылезали из танков. Нет, нет, не подумайте, что мы действительно в течение 24 часов вели непрерывные бои, нет. Конечно, случались паузы, когда можно было полчаса прикорнуть. Спали либо в танках, там было тепло от двигателя. А иногда и вырывали окопчики под танками и укладывались туда, так было спокойнее, по крайней мере, можно было не опасаться ночных бомбардировщиков».

Танкисты делили друг с другом все. Дух товарищества был чрезвычайно силен в среде людей, которым бок о бок приходилось переживать опасность в тесном бронированном закутке на гусеницах. «Signal», роскошно-глянцевый иллюстрированный журнал рейха, поместил очерк «Пятеро из танка № 11». В нем подробно описывались условия, в которых приходилось действовать пятерым членам экипажа танка T-IV (тяжелого танка) 15-го танкового полка 11-й танковой дивизии.

«Эти пятеро представляли собой группу совершенно разных в довоенном прошлом людей. Каждый понимает, кто он для остальных. Каждый — человек, которому присущи свои сильные и слабые стороны, ничем от нас с вами не отличающийся. Но вместе — они страшное и разящее противника оружие».

Командир танка, или «Старик», — 21-летний лейтенант граф фон N (редакция журнала оставила за собой право не называть подлинного имени офицера) [вероятнее всего, речь идет о графе Гиацинте фон Штрахвице. — Прим. авт.] начал службу в танковых частях накануне кампании в Югославии весной 1941 года. Его отец, выходец из дворянского рода, был

командиром танкового батальона.

Стрелок — унтер-офицер Арно Б., который «после каждого боя имел привычку совать в рот сигарету». Ему 25 лет, трое его братьев тоже в вермахте. Кроме них, у него еще две сестры. После войны он хочет стать коммивояжером, «лучше всего где-нибудь в Африке». В танке — его ближайший помощник заряжающий Адольф Т. Тот старше, Адольфу уже 32 года, он бывший штурмовик. Он женат, имеет двух маленьких дочерей. Его задача — вовремя вогнать снаряд в пушку.

Связь и все, что к ней относится, — стихия радиста Вальтера Д., до войны железнодорожного рабочего. У того шестеро братьев, пятеро из которых призваны в армию, старший — фельдфебель.

Унтер-офицер Ганс Э., водитель, 26 лет от роду, на гражданке был автомехаником, кем и надеется вновь остаться после войны. Он женат и всегда носит при себе карточку четырехлетнего сынишки.

Этот экипаж из пяти человек — микрокосм рейха, как стремился подать «*Signal*», пропаганда превыше всего. Все получают денежное довольствие в размере 105–112 рейхсмарок в месяц. Кроме этого, предусмотрена и надбавка семье в размере 150 рейхсмарок. Большинство из этих денег танкисты посылают семье. Для сравнения — рабочие на заводах и фабриках рейха получали ежемесячно 80 рейхсмарок (мужчины) и 51,7 рейхсмарки (женщины). Неизвестно, как и чем завершилась для этой пятерки война на Восточном фронте. Но вероятность уцелеть или остаться здоровым для танкистов практически равнялась нулю.

«Первый, кому на остановке полагается спать водитель, — поясняет лейтенант Хорст Цобель из 6-го танкового полка. Его надо беречь, мы его даже в караул стараемся не ставить». Вместо него, «может пойти и командир танка, как он сам, так и любой другой член экипажа». По части выживания все друг от друга зависят. Как не устает повторять Цобель, в бою «враг всегда стреляет первым. Он стреляет, а дело экипажа на эту стрельбу ответить». Каждый день — одна и та же рутина, хозяйственные дела, боевое охранение и неразрывная связь с остальными подразделениями полка. Мы все — единое целое, мы все выполняем одни и те же задачи. Типичный день в 20-й танковой дивизии, если верить рассказу одного танкиста, выглядел примерно так:

«...и ты всегда наготове. Танки впереди, офицеры, поднявшись из люков у припав к окулярам биноклей, внимательно оглядывают местность. Из штаба полка является офицер с новыми приказами по батальону. Танкисты второпях прожевывают бутерброды. Кое-кто прилег и занят обсуждением утренней атаки. Другой пристроился к радиатору, чтобы

написать письмо домой. Командиры заняты вопросами маскировки. Адъютанту срочно понадобилась чья-то подпись, но вместо подписи он получает такой ответ: «Летом у нас нет времени на бумажную волокиту».

На Смоленск!

Германские войска уверенно продвигались вперед, однако это продвижение давалось нелегкой ценой. Первоначальный замысел окружения вражеской группировки на обширном участке между Белостоком и Минском вследствие отчаянного сопротивления русских сначала под Белостоком, а потом и под Волковыском закончился тем, что образовалось несколько более мелких «котлов». Генерал Гюнтер Блюментритт, начальник штаба 4-й армии, поясняет:

«Поведение русских даже в первом бою разительно отличалось от поведения поляков и союзников, потерпевших поражение на Западном фронте. Даже оказавшись в кольце окружения, русские стойко оборонялись».

Парламентер-агитатор призывает красноармейцев «прекратить бессмысленное сопротивление»

Танковых войск для завершения операции и замыкания кольца окружения не хватало. Вынужденные отвлекаться на локальные бои, моторизованные соединения не в силах были справиться с колоннами русских, лесами пробиравшихся на восток в темное время суток. Вследствие распыленности сил немцев на участках, не занятых ими,

русские чувствовали себя вольготно. Однажды полк «Великая Германия» въехал в одну деревню на захваченных у русских грузовиках и там столкнулся с русскими, которые ехали... на автомобилях, захваченных у немцев. «Была ужасная неразбериха, никто не знал, в кого стрелять, — самый настоящий хаос», — такие строки запишут потом в летопись подразделения. Самые ожесточенные контратаки советских войск, стремившихся прорвать кольцо окружения, наблюдались на восточных участках котлов.

Командование вермахта оказалось перед дилеммой. Танковые войска отрезали русских от их коммуникаций, создав оптимальные условия для продолжения наступления. Но вследствие необходимости двигаться дальше они были не в состоянии создать прочное кольцо окружения и воспрепятствовать прорыву из него советских войск. Эти несколько котлов можно было сузить и запереть лишь силами тридцати двух дивизий группы армий «Центр», в ускоренном темпе продвигавшихся вперед. Неожиданно плохие дорожные условия и ожесточенные схватки на внешних границах котлов нарушили график наступления. Отрыв пехоты от танковых частей угрожающе увеличивался. А пехота между тем представляла собой ядро боевой мощи вермахта, именно ей предстояло сокрушать врага и подавлять его волю к сопротивлению. Танковые клинья наносили мощные удары по русским, однако они не могли завершить уничтожение окруженного противника. Командующие танковыми группами делали все возможное для поддержания высоких темпов наступления. Это, по их мнению, и являлось залогом успеха. Фон Бок отчетливо сознавал явную неспособность ОКВ уяснить эту аксиому стратегии. Он пишет в своем дневнике:

«Подумывают даже о том, чтобы остановить танковые группировки. Если это произойдет, то будет означать отказ от доставшейся нам большой кровью победы в только что отгремевшей битве; это будет означать и передышку для русских, что позволит им создать на перешейке Орша — Витебск оборонительный фронт, иными словами, это будет непоправимой ошибкой! По моему мнению, мы и так слишком увлеклись выжиданием».

Становилось обезоруживающе ясно, что одними лишь переходами к более выгодным в тактическом отношении позициям врага не одолеть.

Сражения на участке Белосток-Минск, начавшиеся еще 24 июня, 8 июля близились к завершению. Красной Армии они обошлись в 22 стрелковых, 7 танковых и 3 кавалерийских дивизии и 6 моторизованных бригад. В ходе сражений двум танковым группам, имевшим в составе 9 танковых и 5 моторизованных дивизий, была поставлена задача замкнуть кольцо окружения упомянутых сил противника. К перечисленным

соединениям присоединились затем еще 23 дополнительно переброшенных пехотных дивизии, и совместными усилиями огромная войсковая группировка Советов была уничтожена.

В общей сложности половина всех имевшихся в распоряжении сил группы армий «Центр», то есть 51 дивизия, занималась тем, что громила равные по численности силы противника. Удары были сокрушительные. Опыт польской и западной кампаний подсказывал, что успех стратегии блицкрига заключается в получении преимуществ более искусным маневрированием. Даже если оставить за скобками ресурсы, боевой дух и воля к сопротивлению противника неизбежно будут сломлены под напором громадных и бессмысленных потерь. Отсюда логически вытекает массовая сдача в плен оказавшихся в окружении деморализованных солдат. В России же эти «азбучные» истины оказались поставлены с ног на голову отчаянным, доходившим порой до фанатизма сопротивлением русских в, казалось, безнадежнейших ситуациях. Вот поэтому половина наступательного потенциала немцев и ушла не на продвижение к поставленной цели, а на закрепление уже имевшихся успехов. А целью являлся Смоленский перешеек, не раз в истории войн служивший плацдармом для дальнейшего наступления на столицу России и Советского Союза Москву.

И хотя цель эта по-прежнему оставалась далекой для сухопутных сил, люфтваффе вполне освоилось в небе над Смоленском:

«Смоленск охвачен огнем — вот это было зрелище сегодня вечером. После двух с половиной часов полета мы вышли к цели — издали были видны пылающие словно факелы городские здания».

В результате искусных противозенитных маневров «Хейнкелю-111» Ганса-Августа Форвинкеля удалось и избежать и снарядов русских зениток, и не угодить в перекрестье лучей прожекторов. «В кабине было светло, как днем», — писал он позже своей супруге. Когда его самолет при возвращении на аэродром пересек Березину, Форвинкелю невольно вспомнился Наполеон.

«Смоленск — ставший в свое время местом гибели великого завоевателя; Березина, где и довершился разгром. Стоило мне произнести про себя эти два названия, как я почувствовал, будто заглянул в глубины истории. Но историческим событиям того периода не суждено повториться, их смысл и значение ныне уже совершенно другие».

Этот боевой вылет стоил немало сил — 9 с половиной часов, считая от взлета в 18.00 и возвращения домой в половине четвертого утра. Где-то далеко внизу мелькали вспышки разрывов — артиллерия. Там немецкое

наступление неудержимо катилось на восток. Вернувшись домой, Форвинкель по странному стечению обстоятельств урвал время на чтение «Мира» Гельдерлина. «Все самое важное, — писал он жене, — находится там». Но на практике проверить это утверждение Форвинкель уже не имел возможности. Двумя днями позже во время боевого вылета сбитый кем-то из немцев охваченный огнем советский истребитель свалился прямо на «хейнкель» Форвинкеля. Потом его командир подразделения отписал вдове: «Весь экипаж погиб в этой нелепой катастрофе». Случай этот, кстати сказать, произошел в тылу русских. В заключение командир добавил:

«Не представляется возможным провести расследование этой катастрофы, и, в силу огромных площадей и расстояний, типичных для России, я не могу с определенностью утверждать, что обломки самолета и тела пилотов смогут быть обнаружены в обозримом будущем».

Когда 9 июля закончилось уничтожение окруженных под Минском советских частей, генерал Гюнтер фон Клюге был уже далеко впереди, занимаясь подготовкой новой операции в районе Смоленска, в ходе которой предполагалось окружить еще большие по численности силы Красной Армии. Две танковых группы, 2-я и 3-я, продолжали двигаться в восточном направлении, невзирая на все сложности, возникавшие с окруженными войсками противника. Риск был вполне оправданным. 3 июля главнокомандующий сухопутными войсками Вальтер фон Браухич слил две ударные танковые группировки, образовавшие 4-ю танковую армию под командованием фон Клюге, для прорыва в направлении Москвы^[31]. Пехотным дивизиям было предписано следовать за танковыми частями на максимально возможной скорости, но в некотором отдалении. Части 4-й армии были переподчинены командованию 2-й армии (барон, генерал Максимилиан фон Вейхс).

Кинооператор роты пропаганды снимает уличный бой в Улле

10–11 июля 1941 года после ожесточенных боев 2-я танковая группа благополучно форсировала Днепр по обе стороны Могилева, у Старого Быхова и Шклова. Тем временем 3-й танковой группе, следовавшей вдоль течения Двины между Полоцком и Витебском, была поставлена задача прорваться к северу от Смоленска. Витебск немцы заняли 9 июля. Вот что вспоминает солдат Эрхард Шауман, свидетель взятия этого города:

«Проезжая через Витебск, мы внезапно оказались в эпицентре пожарища. Горело все вокруг. Мы повернули, пытаясь выбраться из этого моря огня, это было непросто, и нам уже стало казаться, что мы заживо сгорим в этом пылающем городе. Машины раскалились, я думал, что мы взлетим на воздух. Но нам чудом повезло. Мы атаковали город с запада, а русские ждали нас с юга. Вот так и был взят Витебск».

Автомобили 2-й танковой группы едут по шоссе Москва — Минск

3-я танковая группа сумела обойти силы противника на шоссе Орша — Смоленск. Преодолевая ожесточенное сопротивление противника, она к 13 июля положила начало окружению Смоленска. Два дня спустя в результате дерзкой операции город был захвачен.

17 июля на Днепровско-Двинском перешейке наметилось новое кольцо окружения. В котел угодили 25 советских дивизий, сосредоточенных между Витебском, Могилевом и Смоленском. По имеющимся данным, численность окруженной группировки врага составляла 300 000 человек. Пехотные формирования фон Бока находились примерно в 320 км от передовых танковых частей, многим из которых приходилось отвлекаться на охрану кольца окружения. Танковые и моторизованные части 4-й танковой армии затащили петлю, пытались сузить границы котла и дожидались подхода пехотинцев. На 18 июля 12 советским дивизиям противостояли всего 6 немецких дивизий. Натиск советских войск усиливался с каждым днем. Теперь все зависело от того, насколько быстро подтянется пехота. Со всей остротой вставал вопрос: где же она?

Брестский финал

Немецкие генералы уже планировали операцию по окружению советских войск под Смоленском, а 45-я пехотная дивизия вермахта никак не могла сломить сопротивление красноармейцев, окруженных в самый первый день войны.

К концу июля в Бресте под напором немцев постепенно прекращали существование изолированные очаги сопротивления. Бои неоднократно переходили в рукопашные схватки, немцы несли тяжелые потери. Противники не ждали друг от друга актов милосердия. Медсестра К. Лешнева из госпиталя на Южном острове вспоминает:

«Продержав нас неделю в осаде, фашисты ворвались в крепость. Все раненые, а также женщины и дети были хладнокровно расстреляны на наших глазах. Мы, медсестры, одетые в белые головные уборы и фартуки с Красным Крестом, попытались вмешаться, полагая, что к нам все же прислушаются. Но фашисты застрелили только моих 28 раненых, а еще оставшихся в живых забросали ручными гранатами».

К 8 часам утра 29 июня, на восьмой день осады наконец состоялся долгожданный визит люфтваффе. Один-единственный бомбардировщик

сбросил 500-килограммовую бомбу на Восточный форт. Полагали, что тем самым удастся склонить к сдаче защитников цитадели и тем самым спасти жизни немецких солдат. Но взрыв бомбы большой мощности лишь слегка повредил толстые кирпичные стены. На следующий день шла подготовка к рукопашной схватке с использованием зажигательных устройств. Бочки и бутылки заполнили бензиномасляной смесью. Их предполагалось поместить в траншеи и поджечь при помощи ручных гранат и ракетниц. Задание это пришлось явно не по душе осаждающим. Решили предоставить пилотам люфтваффе последний шанс.

Все тот же бомбардировщик довольно долго кружил над крепостью, по-видимому, получая последние указания по радио. Внимание всех было сосредоточено на Восточном форте. Еще одна 500-килограммовая бомба обрушилась на стены крепости. Эффект — минимальный. Все стало понемногу напоминать дикий, сюрреалистический фарс. События решили увековечить на пленке. Вообще, зевак собралось множество — солдаты и офицеры 45-й дивизии следили за происходящим с крыш близлежащих зданий. Покружив еще немного, бомбардировщик спикировал и сбросил вторую бомбу. На сей раз 1800-килограммовую. Она рухнула на угол массивной стены у канала. Все вокруг сотряс страшной силы взрыв, в Бресте задрожали стекла в окнах домов. Высыпавшие на улицу люди увидели, как над крепостью поднялся огромный столб дыма. На сей раз бомба причинила огромные разрушения, и этот эпизод ознаменовал конец обороны Брестской крепости. Из форта потянулись советские солдаты, среди них были женщины и дети. К вечеру сдалось примерно 389 человек.

В утренние часы 30 июня Восточный форт был зачищен, из него вынесли раненых. Наконец представилась возможность предать земле разбросанные повсюду тела немецких солдат. Струи огня, сменявшиеся черным дымом, отмечали путь огнеметчиков, обшаривавших потаенные уголки цитадели в поисках тех, кто не желал сложить оружие. Похоже, вермахт наконец одержал победу. Отныне и шоссе и железнодорожный мост были открыты для беспрепятственного движения войск и грузов. В плен попали остатки двух советских дивизий, 6-й и 42-й — свыше 100 человек офицеров и 7122 солдата и сержанта. Кроме них, немцы захватили 36 гусеничных тягачей и 1500 в значительной степени поврежденных грузовиков, 14 576 винтовок, 1327 пулеметов и 103 артиллерийских орудия различных калибров. Хотя победа была полной, хотя передовые танковые соединения стояли у стен Смоленска, психологическое воздействие этой победы было минимальным.

Кинооператоры из отдела пропаганды снимали на пленку выходивших

из руин Восточного форта последних его защитников. Грязные, забинтованные, они дерзко смотрели в объективы. Чуть приободрившись, покуривали предложенные им сигареты, излучая мрачноватую уверенность, которая впоследствии не осталась не замеченной для зрителей еженедельной германской кинохроники.

По свидетельству некоторых солдат и офицеров 45-й дивизии, «они ничуть не походили на людей надломленных, изголодавшихся или не имевших понятия о воинской дисциплине». Ни майора, ни комиссара, руководивших обороной, так не удалось обнаружить. Оба покончили жизнь самоубийством^[32].

Захваченная в плен женщина. Диктор «Германского еженедельного кинообозрения» сообщает немцам, что это и есть тот самый «недочеловек», хотевший поработить весь мир. Для контраста на заднем плане красуется «чистый ариец»

45-я пехотная дивизия начала войну в России ветераном боевых действий, оставив во французской земле 462 солдата и офицера. А 450 солдат и 32 офицера были похоронены на первом дивизионном кладбище этой кампании в Бресте. Еще 30 офицеров и 1000 солдат и унтер-офицеров были ранены. Вблизи крепости были обнаружены тела примерно 2000 русских, но, по имеющимся данным, погибло свыше 3500 человек. И судьба 45-й дивизии — своего рода микрокосм судьбы очень и очень многих других немецких дивизий, воевавших в России. В ходе этой первой за кампанию операции 45-я дивизия потеряла больше личного состава, чем за все время боевых действий на Западном фронте год тому назад. 3 июля 45-я дивизия вошла в состав 2-й армии и вскоре уже маршировала на

восток в тылу переименованной 4-й танковой армии, в составе которой и начинала нынешнюю кампанию^[33].

И даже после 30 июня и уже после вывода 45-й дивизии немецкие солдаты не чувствовали себя в полной безопасности вблизи Брестской цитадели — еще сохранялись отдельные очаги сопротивления. Раздражение против «нечестных», по мнению немцев, методов ведения войны передалось и тем, кто не принимал непосредственного участия в штурме крепости. Ефрейтор Вилли Шадт из 29-й моторизованной дивизии вспоминал, как унтер-офицер Феттенборн из его роты лично расстрелял в Бресте 15 гражданских лиц только для того, чтобы, как он объяснил, эти «красные свиньи чего-нибудь не натворили, что наверняка замышляют». И в этом случае несчастным пришлось самим отрывать для себя могилы.

Чуть спокойнее стало лишь к середине июля. Гельмут К., 19-летний водитель из Имперского трудового фронта, попавший в Россию в первые дни после германского вторжения, писал родителям о продолжавшихся в Бресте акциях сопротивления. Уже по завершении сражения за Минск он 6 июля писал, что «цитадель все еще держится», то есть очаги сопротивления сохранялись. «Русские уже дважды выбрасывали белый флаг, каждый раз после этого туда посылали роту СС, и тем там доставалось на орехи». Однажды, подогнав машину к самой крепости, Гельмут едва не погиб в результате налета пикирующих бомбардировщиков. Бомба разорвалась в каких-нибудь 300–400 метрах от него. «Я даже, признаюсь честно, наделал в штаны от испуга», — свидетельствовал Гельмут К. 11 июля прямо на городской улице Бреста был застрелен немецкий офицер. Гельмут К. на следующий день жаловался в своем письме:

«Тут под землей туннели прорыты, на целых 3 километра от крепости и до казарм, и оттуда до сих пор не могут выкурить русских. А наше подразделение размещается как раз в одной из таких казарм. Здесь на дорогах полно гвоздей, они их специально разбрасывают. Уже сколько раз прокалывал шины... а наши войска уже в 300 километрах отсюда на пути в Москву».

Даже в наши дни можно прочесть нацарапанные штыками в те дни слова на стенах Брестской цитадели. «Обстановка тяжелая, но мы не теряем мужества», «Умрем, но не сдадимся. 20.07.41».

Весь июль вспыхивали перестрелки. Последние защитники погибали в неизвестности.

Глава 8

Смоленск

«Как нам хотелось, чтобы эти русские наконец остановились. Пусть даже, чтобы дать нам бой, лишь бы избавить нас от этой беспрестанной каждодневной маршировки».

Немецкий офицер-пехотинец

Пехота

8 июля 1941 года штаб 4-й танковой армии разместился в Борисове на реке Березине. Перед войсками стояло множество проблем. В первую очередь требовалось ликвидировать увеличивавшийся с каждым днем отрыв пехотных частей от танковых, в противном случае это могло обернуться катастрофическими последствиями. Из воспоминаний генерала Гюнтера Блюментритта:

«Я помню, будто это было вчера — непроглядные клубы желтой пыли, поднятые колоннами отступающих русских пехотинцев и преследующих их наших».

Окружение крупной группировки советских войск под Смоленском представлялось для немецкого командования очень заманчивой целью, поскольку позволяло уничтожить те армии противника, которым удалось отойти из Белоруссии, а также давало возможность создать плацдарм для наступления на Москву. В Борисове многое напоминало о пребывании здесь армии Наполеона 130 лет назад. В нескольких километрах к северу от города в XIX веке русские вынудили армию Бонапарта переправляться через скованную льдом Березину. Это было зимой 1812 года. Форсирование Березины обернулось для французов страшными, невосполнимыми потерями. Впрочем, немцы предпочитали рассматривать это лишь как исторический факт, а вовсе не мрачное предзнаменование. Генерал Блюментритт, начальник штаба 4-й армии, отметил: «Когда вода прозрачная, в ней можно разглядеть остатки мостовых опор, построенных еще французами». Немцы тоже построили переправы и теперь дожидались

прибытия пехоты.

Где-то в тылу 22-летний пехотинец Гаральд Генри совершал пеший марш в составе полка группы армий «Центр» «по испепеляющей жаре и с привалами, на которых проваливаешься в мертвый сон». Лейтенант Генрих Хаапе, врач 18-го пехотного полка, вспоминал краткие паузы для отдыха, которые еще выдавались в первые дни кампании:

«Несчастливые полтора часа сна, от них больше вреда, чем пользы. Попробуйте разбудить уставшего как собака солдата. Кости ноют, мышцы костенеют, ноги распухли так, что еле сапоги снимаешь».

С начала века выкладка пехотинца менялась мало. Обувались солдаты все в те же сапоги с высокими голенищами, а в бою вели огонь из винтовки образца 1898 года. Килограммов тридцать обмундирования плюс еще паек, запасной боекомплект, оружие и части пулеметов или минометов. Гаральд Генри сетовал по этому поводу:

«Точно не скажу, сколько весит выкладка, но приходилось таскать с собой еще и толстое шерстяное одеяло, ящик с патронами, уже от этого можно свихнуться. Поэтому пришлось отослать домой книги».

Солдаты на марше старались отделаться от лишней поклажи, складывая ее в полковые грузовики. Стандартная выкладка на марше весила около 14 кг. Кожаный подсумок вмещал до 60 винтовочных патронов, саперную лопатку, противогаз (его носили не все, но тем, у кого его не было, поручалось нести еще что-нибудь), фляга с водой, коробка для еды с хлебом, мясом или колбасой, банка смальца и штык. Весившую 1,5 кг каску на марше обычно не надевали, она крепилась на ремешке к выкладке. Винтовку весом в 4 кг носили через плечо.

Каждому солдату полагался алюминиевый жетон, разламывавшийся на две половинки в случае гибели военнослужащего, — одну отдавали капеллану либо в административное подразделение. Мешочки для хлеба и карманы обмундирования постоянно оттопыривались от всякого рода мелочей, без которых трудно обойтись солдату на марше. Число их в зависимости от продолжительности марша уменьшалось. «Все дороги в этой стране идут в гору, — делился впечатлениями ветеран нескольких кампаний. — Местность равнинная, но дороги независимо от направления почему-то представляют собой сплошные подъемы...» На марше чаще всего солдата поднимали без четверти три утра, чтобы полчаса спустя, когда рассветет, выступить. Некоторые роты в день одолевали до 50 км. Один искушенный вояка даже подсчитал: если предположить, что каждый шаг равен 60 см в среднем, то 50 км означало 84 000 шагов.

Германские танкисты на привале

Завтрак проходил второпях, он состоял из чая или эрзац-кофе, хлеба с маслом, маргарином или вареньем и консервированной колбасы из печенки. После команды быть готовым к маршу иногда оставалось время, чтобы проглотить сырое яйцо. В неверном свете наступающего дня формировались ротные колонны. В первые минуты солдаты шагали бодро. Но уже час или два спустя, по мере того, как солнце поднималось выше, плечо начинало ныть от двух висевших винтовок. Обер-лейтенант артиллерии Зигфрид Кнаппе рассказывает:

«Ноги проваливались в песок или поднимали пыль, от которой скоро было уже не продохнуть. Лошади храпели и фыркали, пытаясь избавиться от попавшей в ноздри пыли, распространяя специфический резкий запах. Им вообще трудно было передвигаться и по песку, и по жидкой грязи. Солдаты шли молча, эта пыль не давала рот раскрыть, она оседала на губах, забивала глотку».

Понемногу напоминали о себе застарелые мозоли, сапоги немилосердно натирали ноги до пузырей, вскоре превращавшихся в кровавые волдыри. Солдату в таком состоянии было на все наплевать, из состояния апатии его мог вывести разве что огонь противника. Лейтенант Генрих Хаапе из 18-го пехотного полка заметил на небе белые шапки разрывов — зенитки. Вскоре показались и русские самолеты.

«Но солдаты, казалось, не замечали ничего, что не касалось бы непосредственно их самих. А в тот момент их касалось исключительно количество шагов, пересохла глотка и осточертевший груз на спине. Только бы добраться до привала и сбросить его! Или уж хотя бы просто услышать приказ «стой!», когда можно будет перевести дух, — вот о чем

мечтали наши бойцы. Никому и в голову не приходило затянуть песню, просто пошутить или даже переброситься словом с шедшим рядом».

И после нескольких часов этих мук: «...однообразный темп марша отпечатывался убийственным равнодушием на лицах солдат, их можно было различать между собой разве что по висящим в уголке рта сигаретам. Странное это было курение — не в затяжку, просто хоть чем-то отвлечься, пусть даже щипавшим глаза вонючим табачным дымом».

На привалах боль от кровавых мозолей, которые саднили от попавшего в сапоги песка, становилась нестерпимой. Все тело гудело. Горели натертые обмундированием места. Уже ни пить, ни есть не хотелось. Пехотинцы варились в собственном едком поту. Чесалась голова, волосы были забиты песком, каска на голове превращалась в пыточное орудие.

По словам Гаральда Генри, «пыль въедалась в обмундирование, белесой пудрой покрывала лица, волосы, от чего все враз превращались в блондинов, до ужаса напоминавших солдат Фридриха Великого в париках, лица же, напротив, были черными от грязи, как у африканских негров». Эти знойные дни тянулись бесконечно.

И вот полдень — солдатское счастье — полевые кухни! «Гуляшное орудие», как их окрестили военные. Эти передвижные полевые кухни на конной тяге были важнейшей и неотъемлемой частью ротного обоза. Овощи и мясо закладывали в котел емкостью 175 литров (или же два котла по 60 литров каждый), а варка происходила на ходу. Котлы имели особое противопопригарное покрытие. Этот нехитрый, но весьма удобный в эксплуатации агрегат играл огромную роль для поднятия боевого духа вермахта, служа своего рода сборным пунктом, как ничто другое способствовавшим сплочению солдат, средством психологической разгрузки. После неудавшейся атаки или при отступлении, в случае серьезных потерь, личный состав подразделения приходилось собирать офицерам полевой жандармерии, что было отнюдь не просто. А полевые кухни, подобно некоему центру тяготения, привлекали всех отбившихся от подразделений, легко раненных и случайно уцелевших в мясорубке боя бедняг. Возле них узнавали последние новости, обменивались слухами, писали письма домой. Специфический институт полевой кухни удовлетворял потребность солдата в душевной близости, его стремление как-то защититься от враждебного окружения чужбины, от опостылевшего однообразия будней. Полуденный обед на марше, часто единственная и главная трапеза дня, служил мощным стимулом продвижения вперед, заставлял позабыть все тяготы. И еще немаловажная деталь — после обеда полагался часовой отдых.

Стрижка в полевых условиях. На груди парикмахера висит «смертный» идентификационный жетон, заключенный в кожаный чехол

Измотанные длительными переходами пехотинцы засыпали при первой возможности

«Все, будто по команде, проваливались в глубокий сон. И этих людей не беспокоило ничто — ни треск мотоциклов, ни гул моторов. Подушкой могла служить и подложенная под голову каска, и на ней, поверьте, солдату спалось ничуть не хуже, чем на пуховой подушке. Сон, даже под аккомпанемент орудийной канонады — одно из немногих удовольствий солдатской жизни, поскольку солдат прекрасно сознает, что впереди еще долгий день и много-много километров».

Пробудившись, народ, потягиваясь, неохотно поднимается на ноги.

Сейчас очень многое зависит от личности и авторитета командира — предстоит, не мешкая, подтянуться к идущим впереди колоннам во избежание крайне опасных брешей по интервалу. Вот поэтому на командные должности предпочитали ставить людей постарше, умудренных опытом Первой мировой войны. Обер-лейтенант Кнаппе маршировал в составе своего подразделения на Минск:

«Низкие холмы подымались из-за горизонта и снова исчезали за горизонтом позади. Казалось, что картина местности не меняется вовсе. Километр за километром одно и то же.

Сплошная трудноразличимая серо-зеленая масса. Совсем, как мы... И еще эти бесконечные поля подсолнухов».

В памяти офицера Потсдамского 9-го пехотного полка первые дни кампании в России запечатлелись «ежедневными пешими маршами в невыносимую жару, которым, казалось, конца не будет».

Мало кто из солдат находил в себе силы воспринимать окружающую обстановку. Мало кто смотрел по сторонам — шли, опустив головы или же тупо уставившись в спину идущего впереди. И эта отрешенность от мира, погруженность в себя позволяла куда легче переносить боль и муки, заполняла собой полнейший психологический вакуум. Лейтенант Хаапе вспоминает, как «солнце медленно садилось, погружаясь в непроницаемые облака пыли, поднятой нашими сапогами и колесами машин. А мы все шагали. До самой темноты».

Вражеские засады воспринимались чуть ли не с радостью — хоть какое-то отвлечение от этой серятины. Ощущение опасности насыщало адреналином кровь, отрезвляло, и потом шагать дальше на восток было куда легче.

«Нам хотелось, чтобы нас обстреляли русские, черт с ними, пусть даже это закончилось бы настоящим боем, пусть, лишь бы хоть ненадолго прервать это ужасающее однообразие, это безвременье ходьбы. Было уже 11 вечера, когда мы наконец дотащились до какой-то огромной фермы и встали там на ночлег. В тот день мы сделали 65 километров!»

Три часа сна, и снова подъем — подготовка к маршу следующего дня. А когда черкнуть письмецо домой? Некоторым приходилось стоять в карауле. Времени на отдых катастрофически не хватало. Везде, на фронтах всех трех групп армий пехотинцы старались не отстать от танкистов. К 1 июля действовавшая на участке группы армий «Север» 6-я пехотная дивизия сумела покрыть 260 км от Мемеля до Риги — 10 дней по отвратительным дорогам, в условиях постоянных стычек с разрозненными частями противника. В период с 9 по 30 июля 98-я пехотная дивизия

(группа армий «Центр») ежедневно одолевала 40–50 км.

Велосипеды существенно ускорили продвижение пехоты вермахта

Гаральд Генри писал домой:

«Никому не убедить меня, что тот, кто не служил в пехоте, в состоянии представить себе, каково нам здесь приходится. Пусть попытается представить эту нечеловеческую усталость, это палящее солнце и горящие от мозолей ноги. Причем не в конце ежедневного 45-километрового отрезка, не перед долгожданным привалом, а в начале марша. Минуют часы, пока твои ноги станут нечувствительными к боли от многочасовой ходьбы по этим песчаным или гравийным дорогам».

Железная солдатская выдержка являлась результатом воспитания в «гитлерюгенде», на трудовой повинности — там смолodu приучали к продолжительным пешим переходам. В те времена вообще люди больше передвигались пешком. И дети, и взрослые. Транспортная революция второй половины XX столетия еще не наступила — люди были более привычными и к длительным пешим маршам, и к пешим прогулкам. Все это очень пригодились на этой войне. Молодежь старалась не отставать от закаленных в прошлых кампаниях ветеранов. Любому понятно, что пресловутые танковые клинья входили в оборону противника не просто, как нож в масло, а иногда здорово притуплялись, если противник действительно всерьез относился к обороне. Случалось, что эти танковые клинья, истончившиеся вследствие растягивания сил, не выдерживали натиска с флангов и обламывались.

Наступавшие танковые дивизии в ходе блицкрига были крайне уязвимы, поскольку вследствие прорыва в тыл противника оголялись их

фланги. Но немцы особенно не горевали по этому поводу, поскольку противник в первую очередь тревожился за собственную уязвимость и тылы. Основные потери в условиях блицкрига приходились на пехоту — именно она входила в непосредственное боевое соприкосновение с противником, именно за ней оставалось последнее слово. Ветераны прежних кампаний, весьма болезненно воспринимавшие потери в своих рядах, справедливо полагали, что потерь куда меньше, если враг, убедившись в бесполезности сопротивления, сдается в плен. И пехотинцы твердо знают: чем мы ближе к танкам, тем меньше боев с врагом — танки возьмут на себя всю тяжесть сражений. Именно убежденность в этом и гнала пехотинца вперед. «Жуткое и неизгладимое впечатление на нас производили картины того, что осталось от многочисленных армий противника в результате наших танковых атак при поддержке «штукаса», сообщал Гаральд Генри, вместе со своим подразделением наступавший на Могилев (группа армий «Центр»):

«У огромных воронок по обочинам дорог, оставшихся после атаки наших пикирующих, всегда были ровные края, будто их вырезали в земле. От взрывов бомб самые тяжелые танки подлетали вверх, словно игрушечные, и переворачивались. После этих внезапных бомбовых атак дело довершали наши танки. Подобные картины разгрома нередко тянулись километров на 25».

«Мы маршируем, а противник тем временем продолжает пятиться на восток, — констатировал лейтенант Генрих Хаапе из 18-го пехотного полка. — Начинает даже казаться, что нашему батальону так и не догнать его». Монотонность маршей притупляла все, даже страх возможных схваток с врагов. «Эта война — непрерывный марафон, кажется, что он продолжится до самого Урала, а может, и еще дальше», — уверенно заключает Хаапе.

«Кажется, что эти многочасовые переходы никогда не кончатся, — заявлял Гаральд Генри, достигнув подступов к Днепру. — На 25–30 км вдоль русла реки одни лишь обгоревшие обломки грузовиков, подбитые опрокинутые танки, разоренные или дотла сожженные деревни, от которых остались одни печки».

От пристального взора этого солдата не ушли и случайно уцелевшие от огня цветы — тигровые лилии, призрачно и неуместно рдевшие на фоне обугленных бревен. Эти марши мало напоминали помпезные военные парады, они требовали от пехотинцев максимального напряжения сил, чтобы не отстать от мчавшихся дальше на восток танков. Таким образом, платить приходилось дважды — потерями личного состава и физическим

изнеможением. «Навеки я запомнил характерный смрад этой кампании — гарь пожарищ, пот и вонь от разлагавшихся лошадиных трупов». Яркий солнечный свет лишь усиливал ужас от зрелища раздувшихся на жаре конских трупов.

«Самое отвратительное [зрелище] представляли собой трупы лошадей, кошмарно раздутые или с выпущенными внутренностями и обезображенными мордами. Повсюду этот невыносимый смрад, бьющий в нос гибельный дух мертвечины, зловоние скотобойни, и тут же рядом наша колонна на марше. Еще более жуткая картина — свинья, повизгивая, пытается отхватить шмат падали от павшей лошади. Эту зловещую символику было угадать нетрудно — и нас ждет участь этих лошадей, наступит день, когда мы, околевав, будем валяться и гнить, как эти лошади».

Медленно, но неотвратимо масса германской пехоты приближалась к точке смыкания с танковыми силами. «Мы готовы были хохотать от радости, петь, плясать — нам оставалось всего каких-то 30 километров, — продолжает лейтенант Хаапе. — Нашим передовым частям вместе с танкистами выпало пережить ожесточенные схватки». Битва близилась. Соппротивление врага, закрепившегося на другом берегу Двины, крепчало не по дням, а по часам. «Наконец война добралась и до нас!» — с безудержным оптимизмом объявил Хаапе.

«Колонна бодро шагает по дороге. Теперь цель уже близка, она в нескольких километрах от нас».

Близость противника, осознание того, что тебе скоро придется убивать, а может, и самому быть убитым, — это было для пехотинца уже не метафизикой, а суровой реальностью. «В бою я, как и любой солдат, — вспоминал уже после войны лейтенант Губерт Бекер, — понимал, что любой из моих товарищей может погибнуть, как и я сам — в любой момент меня могли убить». Каждый муссировал эти предбательные ужасы на свой лад. «Убить — такого мы еще не осознавали; гибель — это было нечто пока неизведанное». Но, как бы то ни было, гибель становилась реальностью, с которой приходилось считаться.

Бой в одном из белорусских городов

«Во время атак, когда русские наседали на нас или же мы на них, нам было очень и очень не по себе. Никогда нельзя было знать, что станет с тобой в следующую секунду».

Физические нагрузки, психические... И в этом смысле пример рядового пехоты Гаральда Генри вполне можно считать самым что ни на есть типичным. Сегодня, пройдя маршем за день километров 25, он вместе со своими товарищами по подразделению проводил ночь на посту боевого охранения. Посты выставлялись на влажном заливном лугу. Следующий день также выдался «весьма напряженным». Пара часов сна на привале в полдень, потом марш до следующего пункта назначения, что в 44 километрах. В полночь ночлег. Едва улеглись, как враг обстрелял их. Пришлось хитрить, маневрировать в поисках нового пристанища. И так миновало еще три четверти часа. Приказ разобрать носимое имущество. Это значило, что вот-вот грянет бой. «Но первой пришла мысль, что лично мне придется тащить тяжеленный ящик с патронами». Последовал заурядный ночной бой, до рукопашной дело не дошло, но перенервничали не на шутку. Генри досадовал:

«Сил на эту решительную атаку ушло масса, а теперь с наступлением рассвета надо было думать о следующих 44 км марша. Я был как выжатый лимон, пальцем шевельнуть не мог».

Ничуть не меньшие трудности выпадали на долю моторизованных подразделений, шедших в авангарде танковых. Те не имели вообще ни минуты отдыха, по пути участвуя в сдерживающих противника схватках, и конца этому не было. Подобного рода стычки с неприятелем, бои местного значения, всегда были чреваты неуклонно возрастающими потерями.

Гауптштурмфюрер Клинтер, командир взвода 3-й моторизованной дивизии СС «Мертвая голова», действовавшей в районе Даугавпилса, вспоминал атаки русских пехотинцев, начавшиеся в 5 часов утра после беспокойной ночи. Бесчисленные фигуры в серых гимнастерках надвигались на их позиции «лавиной — или, точнее — неукротимым потоком лавы». Артиллерийской поддержки не было и быть не могло — боеприпасы закончились, и их не успели подвезти.

«И этот серый поток подбирался все ближе и ближе. Все плотнее становился винтовочный и пулеметный огонь, пули то и дело свистели у самой головы. Плотнее становился и артиллерийский огонь противника. И вот они в 100 метрах... в 60... в 30! И тут это внушающее ужас громовое «ура!» Но тут заработали наши пулеметы, и фигурки стали падать на землю. Это было справа от моего участка... Глухо разорвалось несколько ручных гранат, и они, отпрянув, бросились назад».

Потери личного состава взвода Клинтера оказались внушительными. Погиб один из командиров отделения.

«Обессиленные, мы буквально свалились в траншеи. И лежали там, как трупы, не в силах шевельнуться.

Три часа спустя, едва мы успели оправиться, как началась новая массированная атака русских. Боеприпасов катастрофически не хватало, мы едва отстреливались. Прямо перед тобой эта серая волна, до нее было метров пятьдесят, не больше. Сжав в руках саперные лопатки и ручные гранаты, мы ждали рукопашной, — продолжал Клинтер. — И вдруг над нашими головами что-то засвистело. Мы завертели головами, пытаясь понять, что это, и тут увидели, как прямо в гуще наступающих русских замелькали разрывы.

Над нами со свистом продолжали проноситься снаряды, разрываясь в гуще врага. В воздух летели изувеченные тела и винтовки...»

Немецкие артиллеристы, собрав по крохам последние из оставшихся снарядов и выбрав подходящий момент, поддерживали своих огнем. Линию обороны удалось удержать. Клинтер вспоминает:

«Полумертвые от ужаса, без сил, мы снова свалились в траншеи. С великим трудом опомнившись, мы почувствовали голод и жажду».

Враг отступил. Вскоре бойцы Клинтера получили возможность напиться. Позже, когда подвезли боеприпасы, роте снова было приказано атаковать противника. Тут уж стало не до еды.

Преследование противника осуществлялось на 28-градусной жаре. Вскоре рота вынуждена была спасаться от огня, который русские открыли из-за железнодорожной насыпи. Солдаты были на грани истощения

психических и физических сил. Они не сразу поняли, что окружены на клубничном поле, посреди длинных грядок клубники. Сначала двое, потом за ними и вся рота поползли вдоль насыпи, срывая и жадно отправляя в рот ягоды. «И тогда кто-то, не выдержав, рассмеялся, — вспоминает Клинтер, — впервые рассмеялся».

Но на этом муки не кончились. К десяти часам вечера в завершение этого душного дня разразилась страшная гроза. «Нигде нельзя было укрыться от ливня, превратившего в кашу наш трехсуточный рацион, — рассказывал Клинтер. — Люди так и стояли во тьме под проливным дождем, даже не пытаясь бежать. Всю ночь мы старательно окапывались в этой грязище и не закончили даже к 3 часам утра». На рассвете, кое-как обсохнув, они добрались до деревни Краслава, лежавшей в 14 км. Там их дожидался транспорт. Преследование противника продолжилось уже на грузовиках. Откинувшись к бортам, истомленные бессонной ночью солдаты попытались заснуть. Офицеры и водители такой возможности не имели. Время от времени останавливались, и офицеры внимательно изучали небо, опасаясь налета вражеских самолетов, и, как оказалось, не зря.

Обер-ефрейтор Йешке из 18-й танковой дивизии вспоминал, как он наблюдал с земли воздушный бой. Их танковая колонна передвигалась по автострате. «Самолеты носились в воздухе, совершая невероятные кульбиты, и невозможно было понять, где кто». Сначала на землю стали падать бипланы русских, взрывы гремели по обе стороны от колонны на придорожных полях. Вот тогда танкисты пережили, по словам Йешке, «леденящий» ужас. Один немецкий истребитель взорвался в воздухе, а второй, объятый пламенем, рухнул на землю в нескольких метрах от пути следования колонны.

«Разлившийся бензин полыхал, перекрыв дорогу, от него загорелся наш полугусеничный бронетранспортер. Водитель и остальные выскочили наружу, сами полыхая будто факелы и стали кататься по земле. Еще один «мессершмитт» попытался совершить вынужденную посадку впереди нашей колонны, но русский на своем толстобрюхом биплане в упор расстрелял машину, едва она колесами коснулась земли!»

Атаки русских с воздуха всегда отличались внезапностью. Лейтенант Губерт Бекер, офицер-артиллерист (группа армий «Север») и страстный кинолюбитель, ухитрился снять на любительскую камеру одну из таких атак. «Русские истребители-бомбардировщики доставляли нам массу хлопот, — жаловался Бекер, — внезапно налетев, они расстреливали наши позиции». Его расчет сумел сбить один из самолетов, причем из личного

оружия — зенитных орудий в их распоряжении не имелось.

«И тут же раздались победные крики. Мы были вне себя от радости, подбив этого засранца...»

После Бекер заснял на пленку догоравшие остатки самолета. В кадр попало и то, что осталось от пилота, — обугленные останки. Когда уже после войны Бекер показал эти кадры кое-кому из своих друзей и знакомых, те восприняли сцену с нелепым пафосом. А все было куда проще. Как считает сам Бекер: «Не скрою, мне было приятно смотреть эти кадры. Но все дело в том, что мы просто-напросто действовали так, как будто нужно было прихлопнуть ужалившего тебя шершня... Поймите, — безо всякой злобы или ненависти добавил Бекер, — не сделай мы этого, он бы уничтожил нас. Он уже расстрелял человек пять из наших — поверьте, именно так все и было».

Солдаты войск СС трогательно ухаживают за свежей могилой своего товарища. Скоро таких могил станет очень много, и в кинохронике их перестанут показывать

Тем временем измотанное подразделение гауптштурмфюрера Клинтера из дивизии СС «Мертвая голова» всю ночь обустривало оборонительные позиции на заболоченном участке местности в мелколесье. Ночь выдалась беспокойной, — подразделение получило приказ о подготовке к атаке, а отбивать эту атаку пришлось весь день. В конце концов с прибытием двух штурмовых орудий, расстрелявших, когда рассвело, противника, операцию можно было считать успешной. Наконец после трех суток непрерывных боев выдалась минута отдыха. «Но, —

лаконично отмечает Клинтер, — как это всегда бывает, если ты надумал поспать и даже нашел для себя уютное местечко, скорее всего, выспаться тебе не дадут». Именно так и произошло. Части 290-й пехотной дивизии выдвинулись вперед и заняли тот рубеж, на котором Клинтер планировал отдохнуть. И вот еще 10-километровый марш в темноте и по ужаснейшим русским дорогам. А провиантом и не пахло. После всех невзгод предыдущих дней командир эсэсовского взвода сетует: «Какой смысл считаться моторизованным соединением, если тебе почти всегда приходится передвигаться на своих двоих, в особенности тогда, когда транспорт нужен позарез?» Ветеран танковых частей не скрывал сарказма:

«Моторизованный транспорт служит лишь для того, чтобы лишний разубедить нас, несчастных рядовых мотопехоты, что нас бросают на врага почаше, чем наших собратьев — обычных пехотинцев. Но до боя и после него мы вынуждены топтать, как и они, а единственное наше преимущество в том, что на нашу долю этих боев выпадает больше».

К трем часам утра они на грузовиках и бронетранспортерах добрались до места и спешили, чтобы уже пешком продолжить преследование противника в направлении Опочки. И с наступлением дня снова вступили в бой. Вымотались адски, впрочем, иного и быть не могло, если речь шла о пехотинцах на марше. Теперь им предстояла переброска в район смоленского котла.

Окружение под Смоленском

Передовые моторизованные части немецкого бронированного кулака сумели с боями подавить растущее сопротивление русских. Пехота или танки прорывались вперед при поддержке артиллерии и авиации, сминая тех, кто пытался противостоять им. Участки, где прогнозировалось ожесточенное сопротивление, попросту обходили, чтобы затем взять в кольцо, но не терять темпа наступления. Танковым дивизиям предстояло обойти противника с флангов и соединиться уже в его тылу, тем самым замкнув кольцо окружения на востоке.

Формирование смоленского кольца окружения и оба сражения: начальное (11 июля) и заключительное (11 августа) наглядно иллюстрируют характер боевых действий этой стадии кампании в России. Сражения на окружения у Белостока и Минска, разгоревшиеся 24 июня, завершились только за 3 дня до возникновения еще одного «котла» — смоленского. Для выполнения этой операции было отвлечено до 50 % сил

группы армий «Центр» в составе 23 пехотных, танковых и моторизованных дивизий. Перечисленные силы, подавив сопротивление противника, должны были продвигаться дальше на восток, располагая достаточной мощностью для окружения и уничтожения крупнейшей до сих пор группировки врага. 18 июля всего 7 германских дивизий сковывали сопротивление 12 окруженных советских дивизий. Целью русских был не только прорыв из кольца окружения изнутри. Их подтянутые с востока силы собирались прорвать немецкое кольцо снаружи и вызволить своих.

На начальном этапе войны тактика глубокого охвата войск противника с их последующим окружением широко применялась немецким командованием.

Она удачно зарекомендовала себя в предшествующих кампаниях на Западе, однако, следует отметить, не всегда оправдывала себя в России, ибо здесь немцам пришлось столкнуться с упорно, если не сказать фанатично, сопротивлявшимся противником. Неувязки, присутствовавшие в немецкой оборонительной доктрине, уже соответствующим образом оцененные высшим командованием вермахта по завершении кампаний во Франции и Польше, проявлялись снова и снова. Хотя сама доктрина молниеносной войны «блицкрига» основывалась на стремительных прорывах танковых частей при поддержке люфтваффе, конечный результат зависел от того, насколько быстро передвигается пехота перед вступлением в бой с силами противника, и от того, насколько эффективной окажется оборона танковых сил, создавших очередное кольцо окружения.

Судьба же котла в целом зависела от боеспособности пехотных частей — именно пехотинцам предстояло пресекать и подавлять отчаянные попытки неприятеля прорвать кольцо окружения. Роберт Рупп, воевавший в моторизованной пехоте в составе группы армий «Центр», говоря о боях по ликвидации одного из «котлов», заметил 31 июля 1941 года: «Здесь приходится обороняться куда чаще, чем при обычной обороне».

Воздушные удары Ликвидация котла

1. Танковые клинья окружают противника.

3. Пехота заменяет танковые части. Котел окончательно изолирован. Начинается подавление очагов сопротивления.

2. Танки и мотопехота отбивают попытки разблокировать котел снаружи и изнутри.

4. Котел расчленен, последние очаги сопротивления уничтожаются пехотой. Танковые части продолжают движение на восток.

Слева: четыре стадии уничтожения сил русских, попавших в кольцо окружения. 1. Танковые клинья создают первое кольцо окружения, отрезая советские войска от их основных сил. 2. Закрепление кольца. Немецкие войска пресекают все попытки врага вырваться из окружения, а также блокируют возможные попытки противника прорвать кольцо окружения извне. 3. С прибытием сил пехоты ее тяжелая пехотная артиллерия приступает к уничтожению окруженных сил неприятеля. По периметру наглухо закрытого котла проводятся концентрические атаки. Танки тем временем продолжают наступление на восточном направлении. 4. Атаки пехотных сил при поддержке артиллерии служат для расчленения сил противника на мелкие и легко уничтожаемые по очереди группировки.

А между тем моторизованные части, накопившие солидный опыт ведения наступательных боевых действий, практически не умели переходить к обороне и выполнять оборонительные задачи. Один молодой лейтенант из 1-го батальона мотопехотного полка «Великая Германия» упоминал о проблемах, возникших при переходе к обороне в районе Смоленска:

«Батальон занял охраняемую полосу, которая слишком выдавалась вперед. Это было для нас в новинку, ни с чем подобным нам до сих пор сталкиваться не приходилось. Обороны не было, только охранение. А что, если противник надумает атаковать нас?»

Во Франции и Польше моторизованные части, как правило, ограничивались созданием постов боевого охранения вокруг окруженной вражеской группировки. В России этот принцип не срабатывал. 20 июля 1941 года генерал-фельдмаршал Фёдор фон Бок, командующий группой армий «Центр», был близок к отчаянию:

«Сегодня и началось! С утра донесение о том, что противник сумел прорвать под Невелем оборону корпуса Кунтцена (57-й моторизованный армейский корпус)^[34]. Кунтцен вопреки всем моим требованиям маршем направил свои главные силы, то есть 19-ю танковую дивизию (Кнобельсдорф), на Великие Луки, где она оказалась не у дел. Ночью противник предпринял серьезную контратаку под Смоленском. И с юга на Смоленск также наступают разрозненные части неприятеля, но эти попытки успешно отбиваются 17-й танковой дивизией (Арнима). Действующая на южном фланге 4-й армии 10-я моторизованная дивизия (Лёпер) в районе Бобруйска также была атакована, ей на выручку пришла 4-я танковая дивизия. Брешь между обеими танковыми группами восточнее Смоленска так до сих пор и не ликвидирована!»

Губерт Коралла, ефрейтор санитарного подразделения 17-й танковой дивизии, оказался в самой гуще ожесточенных боев, развернувшихся вдоль шоссе Москва-Минск, ведущего в Смоленск. Попытки русских вырваться из окружения решительно пресекались.

«Это не имело ни малейшего смысла. Раненые русские валялись по обе стороны шоссе. Их третья по счету атака захлебнулась, и от криков тяжелораненых у меня кровь в жилах стыла!»

Оказав помощь своим раненым, Коралла получил приказ вместе с двумя пехотинцами оказать помощь русским, по его словам, «впавалку лежавшим в придорожном кювете». Санитары с хорошо различимыми красными крестами находились в каких-то 20 метрах, когда русские внезапно открыли по ним огонь. Двое санитаров сразу же залегли, и Коралла знаком велел им ползти назад. И отползая, он «увидел, как русские, выбравшись из кювета, поползли к нам и начали бросать в нас гранаты. Мы выстрелами из пистолетов припугнули их, затем стали пробираться к своим».

Позже эти самые раненые щедро поливали огнем шоссе. Начальник санитарного подразделения попытался утихомирить их выстрелами из пистолета, но они не желали реагировать. «Десять минут спустя, — продолжает Коралла, — все стихло». Взвод пехотинцев очистил придорожные кюветы от русских.

«Они сражались до последнего, даже раненые и те не подпускали нас к

себе. Один русский сержант, безоружный, со страшной раной в плече, бросился на наших с саперной лопаткой, но его тут же пристрелили. Безумие, самое настоящее безумие. Они дрались, как звери, — и погибали десятками».

Стремление удержать во что бы то ни стало границы кольца окружения превратилось для фон Бока почти в навязчивую идею. Запись от 20 июля: «На участке группы армий на данный момент существует лишь один котел! И в нем брешь!» Поредевшим танковым частям, удерживавшим кольцо окружения, отчаянно недоставало поддержки пехоты. Не говоря уже об отсутствии сил противовоздушной обороны, которые, в случае необходимости, смогли бы противостоять атакам русских с воздуха. Это лишь усугубляло и без того непростую ситуацию. Пришлось срочно использовать 88-мм зенитные орудия для стрельбы по наземным целям. И те зарекомендовали себя как весьма эффективное средство борьбы с русскими танками. На участке 7-й танковой дивизии 7 июля во время отражения контратаки советских войск было уничтожено от 60 до 80 машин противника^[35]. Силами 84-го дивизиона ПВО подбито 27 из 59 танков противника, еще 5 подбили пехотинцы и 15 — силами противотанкового дивизиона (также имевшего на вооружении зенитные орудия).

21 июля даже фон Бок вынужден был признать серьезность намерений противника, пытавшегося прорвать кольцо окружения^[36]. «Весьма значимый успех для получившего такой сокрушительный удар противника!» — таковы его слова. Кольцо окружения не было сплошным. И два дня спустя фон Бок сокрушался: «До сих пор не удалось заделать брешь на восточном участке Смоленского котла». Той ночью через кое-как охраняемую долину Днепра из окружения сумели выйти примерно 5 советских дивизий. Еще три советских дивизии прорвались на следующий день. Унтер-офицер Эдвард Кистер, командир отделения в подразделении мотопехоты в составе 17-й танковой дивизии, участвовал в боях с русскими, пытавшимися выйти из котла в районе Сенно и Толочина^[37]. Речь идет о частях советской 16-й армии.

«Они надвигались на нас без артподготовки, даже без офицеров во главе наступавших. Вопя осипшими глотками, они неслись вперед, и земля дрожала от топота их сапожищ. Мы подпустили их метров на 50, после чего открыли огонь, кося их рядами. Трупы громоздились друг на друга. Разбившись на небольшие группы, они, даже не пытаясь использовать рельеф местности, не прикрываясь, хотя местность вполне позволяла,

двигались прямо на наши пули. Раненые кричали, но все-таки продолжали отстреливаться. Атаковавшие устремлялись вперед волнами, упираясь в груды тел».

Рядовой Менк из роты 20-мм зенитных орудий полка «Великая Германия» описывал свое состояние, когда от ужаса перед этой надвигающейся на тебя массой идущего на явную гибель противника ты начинаешь стрелять, уже ничего вокруг не замечая.

«Орудие приходилось заряжать постоянно, только мелькают руки заряжающего. Приходилось периодически менять перегретые стволы орудия — для этого расчет вынужден был вылезать за бронированный щиток. Раскаленный ствол вытаскивали голыми руками, отчего ладони покрывались волдырями ожогов. Повсюду мелькали руки, эти постоянные крики подать заряды, люди не слышали их, оттого что глохли от выстрелов... за всем этим на страх уже просто времени не хватало — мы были вынуждены вести огонь непрерывно, потому что русские метр за метром неудержимо приближались».

Кистер признавал, что крайне трудно было сохранить самообладание при таких атаках противника. «Казалось, они готовы были угробить сколько угодно своих, Лишь бы оставить нас без снарядов». Кистеру и его товарищам пришлось в тот день отбить 17 атак.

«Они даже ночью не успокаивались, бросаясь на наши позиции, невзирая ни на какие потери, лишь бы подобраться к нам поближе. В воздухе уже чувствовался смрад начинавших разлагаться трупов — неудивительно на такой жаре. А тут еще стоны раненых, нервов просто не хватало их слышать».

На следующее утро Кистер и его расчет отбили еще две неприятельские атаки. После этого «был получен приказ отойти на подготовленные позиции».

Группа красноармейцев сдается в плен. Сцены отчаянного сопротивления противника германская кинопропаганда оставила за кадром

Так что подобные котлы были не только непрочными, но и подвижными. Танковым частям приходилось непрерывно менять позиции, чтобы воспрепятствовать попыткам частей Красной Армии вырваться из окружения. Эти «блуждающие котлы» сильно осложняли управление постоянно менявшейся обороной и, в особенности, действиями утомленной переходами и спешившей на подмогу пехоты, в задачу которой входило создание внутреннего кольца окружения. Наступавшим вслед за танковыми частями пехотным дивизиям приходилось особенно нелегко. Они часто вынуждены были менять направление, переходить на второстепенные пути следования, чтобы не мешать танкистам решать возникавшие задачи. Вести наступление в таких условиях было делом весьма рискованным. Это подтверждает и фельдфебель Мирзева, следовавший в составе колонны 18-й танковой дивизии.

«Внезапно появились они. Мы издали услышали гул двигателей, но все равно опоздали. Советские танки Т-26 и Т-34, ведя непрерывный огонь, продвигались параллельно нашей колонне. Уже через несколько секунд начался ад кромешный. Следовавшие в центре колонны три грузовика с боеприпасами взлетели на воздух. Жуткий взрыв разметал во все стороны их обломки».

Вопящие от ужаса и боли люди, обезумевшие лошади — все перемешалось. Неожиданно русские танки сменили направление и, ведя непрерывный огонь, врезались в колонну.

«Никогда не забыть, как вопили несчастные лошади, попадавшие под гусеницы танков. Автоцистерна с горючим взорвалась, подняв огромный ярко-оранжевый гриб. Один из Т-26, совершая маневр, оказался слишком близко от нее и тут же в одно мгновение сам превратился в пылающий факел. Царила ужасающая неразбериха».

Из хвоста колонны удалось выкатить 50-мм противотанковое орудие, оно выстрелами в гусеницы остановило пару Т-34. Обе машины, потеряв управление, отчаянно завертелись на месте. Тем временем более маневренные и легкие Т-26 стали методично поджигать один за другим грузовики. Трупы тех, кто безуспешно пытался выбраться, усеивали дорогу. «Помню, как вопили раненые, — вспоминает Мирзева, — но недолго — пока один русский танк не проехал по ним гусеницами». За дело взялся продвинувшийся вперед взвод противотанковых орудий. Первыми под его огонь попали неповоротливые Т-34. Затем противотанковые снаряды угодили прямо в ведущие огонь Т-26.

«Удары снарядов о броню смешались с жутким воем бушевавшего пламени. В воздухе свистели искореженные куски металла. Как только пехотинцы попытались укрепить на броне рядом со щелью мощные заряды, застучали танковые пулеметы. Но тут же прогремели взрывы. Адское зрелище усиливали взрывающиеся повсюду танки. Стальные колоссы, образовав огненную стену вдоль нашей колонны, догорали у обочины дороги.

Даже на нашей позиции не было сил терпеть жар горящей бронетехники. Но самым ужасным было видеть десятки трупов наших солдат, усеявших дорогу. И при этом сознавать, что их родным и близким никогда не узнать, как погибали их дети».

«Блуждающие котлы» представляли собой постоянную головную боль. Фон Бок, не стесняясь в выражениях, писал: «...мысль фюрера сводится к тому, чтобы, не организовывая крупных, стратегических котлов, создавать мелкие, тактические и уничтожать в них неприятеля. Мол, так было бы быстрее и куда эффективнее, нежели согласно методу, используемой до сих пор. К сожалению, должен был заявить о порочности подобной практики». Это означало бы подчинить стратегию блицкрига мелким тактическим стычкам. Командующий группой армий «Центр» со всей остротой сознавал опасность продолжавшей увеличиваться брешки между танковыми и пехотными частями, сводившей на нет все недавние успехи блицкрига, основанного на взаимодействии этих двух родов войск. Танки вполне справлялись и с решением оборонных задач, а вот пехота оставалась незащищенной на марше.

Советское командование неоднократно предпринимало попытки деблокировать свои окруженные войска. Но все его усилия оставались тщетными из-за того, что контратаки, как правило, готовились наспех, а взаимодействие между войсками было налажено плохо. Но вот по части агрессивности и отчаянного отпора врагу, тут Советам равных не было. Фон Бок досадовал по поводу возникновения новых русских формирований: «На многих участках предпринимаются попытки организовать контрнаступление. Все это довольно странно для, казалось бы, наголову разбитого противника; для этого необходим колоссальный людской и материальный потенциал — наши войска продолжают жаловаться на интенсивный артиллерийский огонь русских». На следующий день «удается с севера блокировать смоленский котел».

Однако битва затянулась еще на две недели. Когда она достигла кульминационной точки, вермахт вынужден был задействовать полевые части 32 дивизий, включая 2 танковых группы в составе 16 танковых и моторизованных (а также одной кавалерийской) дивизий и 16 пехотных дивизий. Это составляло 60 % боевой мощи группы армий «Центр». С 24 июня по 8 июля примерно половина ее сил удерживала белостокско-минский котел. Этим же войскам предстояло продвинуться дальше на восток для участия в создании еще более внушительного котла в районе Смоленска в сражении, продолжавшемся с 10 июля по 11 августа. В кольце окружения оказались 16-я, 19-я и 20-я советские армии. К 8 июля, согласно данным ОКХ, было уничтожено 89 из 164 советских дивизий. К этому моменту уже стало ясно, что блицкриг в России получился не таким триумфальным, как на Западе. Немцы больше не располагали крупными соединениями, способными решать задачи подобного стратегического размаха, — у них попросту не хватало сил для продолжения наступления на восток с одновременным разгромом окруженного противника. И какими бы убедительными ни казались победы, цену их теперь понимали все командующие фронтовыми соединениями.

Два дня спустя после замыкания кольца окружения под Смоленском в дневнике фон Бока появится еще одна запись: «Почти на всей линии фронта 9-й армии продолжаются интенсивные наступления русских. На восточном фронте 9-й армии на одном из участков установлено 40 батарей». Русские сумели прорваться даже южнее Белого. «То, что наши войска измотаны, — факт, и вследствие значительной потери офицерских кадров существенно снизилась и стойкость отдельных подразделений», — признается генерал-фельдмаршал. К концу июля вермахт приступил к завершающим сражениям, в которых ставилась цель окончательно

разгромить советские войска в западной части России. Лишь сейчас становилось понятно, что эта победа — по сути — пиррова, несмотря на не в меру бодрые реляции немецких газет.

21 июля штаб 7-й танковой дивизии сообщил, что в строю осталось всего 118 танков. 166 машин были подбиты (хотя 96 из них еще можно было отремонтировать). Один из батальонов 25-го танкового полка временно передал технику в распоряжение двух других, чтобы доукомплектовать их хотя бы частично. Что касалось личного состава, то большинство экипажей уцелели.

Стрелок-танкист Карл Фукс хвалился накануне Смоленского сражения: «Наши потери минимальны, а успехи — поразительны, — писал он своей жене Маді. — Эта война скоро закончится, потому что мы уже добиваем остатки врага». Шесть дней спустя он писал:

«Я временно нахожусь там, где пока тихо. Вот только воды не хватает, даже умыться нечем. От пыли и грязи вся кожа зудит, и от того, что негде побриться, успела отрасти борода. Вот бы тебе со мной сейчас поцеловаться! Не сомневаюсь, что даже бумага грязная, на которой я пишу это письмо».

15 июля он рассчитывал, что «через 8-10 дней кампания завершится». Солдаты нередко в письмах домой избирали этот безудержно-оптимистичный тон. Ими руководило желание подбодрить родных, уверить, что они живы-здоровы и надеются на лучшее. Карл Фукс — типичный солдат того поколения. Двумя днями позже он все с тем же оптимизмом напишет:

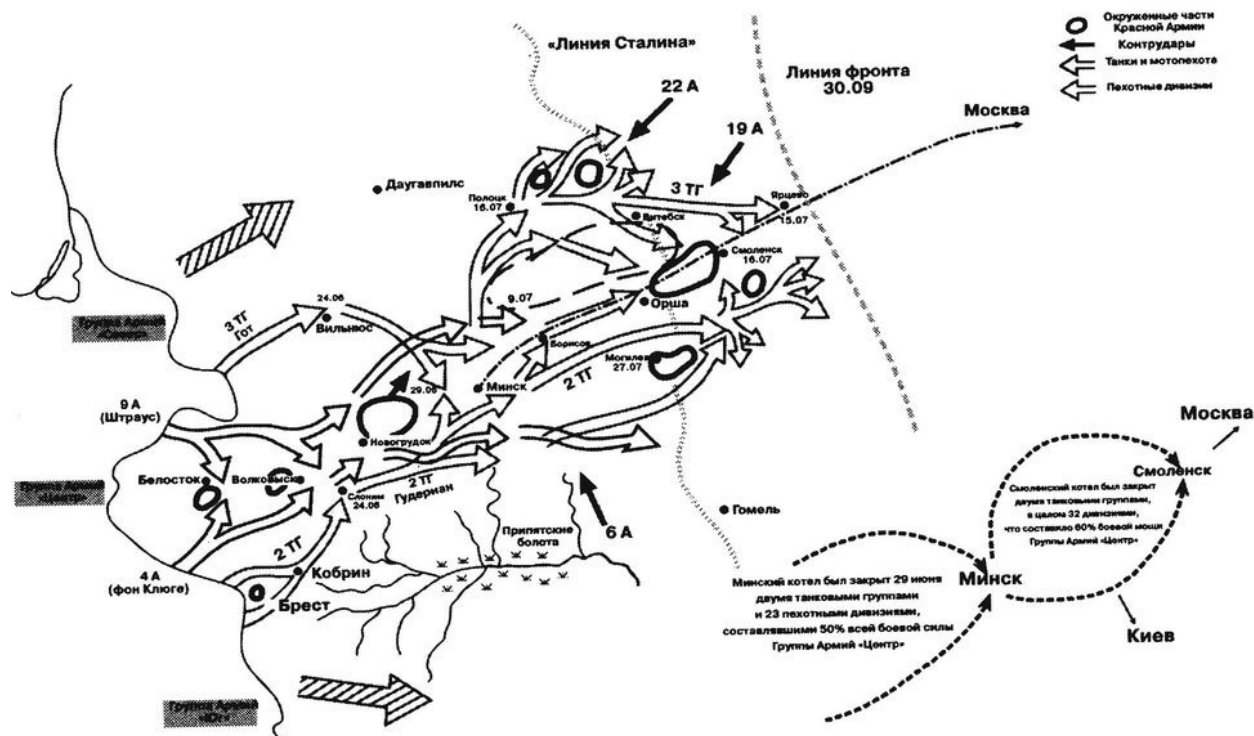
«Вчера я участвовал в своей уже 12-й по счету атаке. Разные они были, одна тяжелее, другая легче. Имея на своем счету 12 атак, я сравнялся с теми нашими ребятами, которые успели побывать во Франции! Можете догадаться, как я этим горжусь».

Фукс сообщал о том, что было приятно узнать его жене. То, что их отправили в «спокойное место», означало пополнение личным составом, а это, в свою очередь, свидетельствовало о значительных потерях в танковых частях. Вот дневниковые записи порой куда откровеннее писем домой. Один офицер-пехотинец из той же, что и Фукс, дивизии неделю спустя писал:

«На лицах у молодых тот же вид, что и у ветеранов Первой мировой. Отросшие бороды и грязь лица состарили их бог знает на сколько лет. Несмотря на удовольствие, вызванное отступлением русских, лица солдат уже другие. Даже если им удастся помыться и побриться, мимика другая, новая! Первые дни под Ярцево даром для них не прошли».

7-й танковый полк был дислоцирован на восточной оконечности смоленского котла, именно там, где русские чаще всего пытались вырваться. Генерал Гальдер озабоченно заметит в своем военном дневнике:

«Четыре пехотные дивизии теснят противника с запада на восток, идя навстречу наступающим с востока четырем батальонам 7-й танковой дивизии, которая в свою очередь подвергается атакам противника с востока. Будет неудивительно, если 7-я танковая дивизия пострадает».

В конце июня генерал-фельдмаршал Фёдор фон Бок получил приказ сомкнуть раньше намеченного срока клещи танковых сил у Минска (300 км от Бреста). Это шло вразрез с его намерениями двигаться дальше на Смоленск и уже там приступить к созданию нового, еще более обширного котла (500 км в диаметре). Две его танковые группы, соединившиеся у Минска, вынуждены были выделить 23 пехотных дивизии на создание 29 июня кольца окружения. Таким образом, на окружение капитулировавших 9 июля сил русских было отвлечено 50 % сил всей группы армий «Центр». И все же боеспособные остатки упомянутой группы, не снижая темпов наступления, сумели к 17 июля окружить Смоленск. Однако русские проявили невиданную решительность и отвагу — до 11 августа 60 % оборонительных сил группы армий вынуждены были задержаться у стен Смоленска. Несмотря на колоссальные потери, русским удалось лишить немецкое наступление прежних высоких темпов уже на «смоленском

перешейке» — плацдарме для прыжка на Москву.

Танковый полк «Великая Германия» испытывал тот же натиск неприятеля. Непрекращавшиеся внезапные атаки противника оборачивались тяжелыми потерями. Командирам приходилось оперативно реагировать на внезапную смену обстановки, не располагая достаточной информацией о противнике. За это в конце концов приходилось расплачиваться человеческими жизнями.

«Никто не мог сказать с определенностью во время наступления, ждет ли тебя ожесточенный бой или встретятся ли тебе русские на дорогах с наступлением темноты. И это постоянное нервное напряжение сказывалось — люди впадали в апатию, реагировали на внезапную опасность чуть ли не безразличием. Этим и объясняются высокие потери среди офицеров и унтер-офицеров, которые к концу кампании израсходовали запас человеческих сил».

А впереди просвета не намечалось. С 23 июля 1-й батальон полка «Великая Германия» вел ожесточенные оборонительные бои в районе Ельни и Смоленска вдоль железнодорожной линии на Кругловку^[38]. В течение пяти дней подразделение сдерживало атаки огромных масс советской пехоты, всеми силами старавшейся выйти из кольца окружения.

Пехотинцы полка «Великая Германия» парами сидели в наспех вырытых окопах. Официальная летопись полка упоминает о случаях, «когда некоторым из бойцов приходилось целый день сидеть бок о бок с погибшим товарищем. Когда невозможно было в светлое время суток оказать помощь раненым». С наступлением ночи убитых складывали позади позиций в какой-то полуразвалившейся лачуге.

«Все они погибли от ранений в голову или в грудь. То есть стреляя стоя из окопов. Причем они понимали, на что идут. Можно ли от солдата ожидать большего героизма?»

По ночам слышны были крики, команды, тарахтенье моторов — враг перестраивался для атаки. На четвертую ночь боев батальону было сказано — позиций не оставлять, продолжать оборону всеми имеющимися средствами, поскольку пехота, которая должна была сменить их, еще не прибыла.

«Что нам оставалось делать? Несколько наших знали о поступившем распоряжении. «Слушай, это же невозможно в принципе!» Напряжение росло. Распространялось по всей позиции подобно эпидемии. Кое-кто рыдал, кое-кто просто завалился спать. Большинство продолжало сидеть в окопах. Глаза воспалились от жары, грязи, дыма и недосыпания.

Задержка с прибытием пехоты обернулась тяжелыми боями, в ходе которых русским удалось прорвать нашу оборону в нескольких местах на участке нашей роты. Русские усаживались в наши окопы, не смущаясь трупов наших товарищей в паре десятков метров от наших постов охранения. Затем в ночь с 26 на 27 июля после пяти суток непрерывных боев остатки батальона все же отвели в тыл немецкого батальона пулеметчиков, оборудовавшего позиции в километре от нас позади. Наша рота, вторая, потеряла убитыми 16 человек. 24 человека были ранены. Нас атаковали части трех русских дивизий. Несмотря на временную отсрочку, полк держали на этой позиции еще 23 дня».

Танк КВ пытается вырваться из котла. Под его прикрытием прорывается грузовая машина

5 августа 1941 года генерал-фельдмаршал фон Бок объявил о завершении сражения на Днепре, Двине и у Смоленска. Угодившие в кольцо окружения русские соединения были разгромлены. В плен захватили, по словам фельдмаршала, 309 110 солдат и офицеров, трофеи составили 3205 подбитых или захваченных танков, 3000 артиллерийских орудий и 341 самолет, причем эти данные были еще далеко не окончательными. Оставшиеся в живых солдаты из полка «Великая Германия» отреагировали на заявление фон Бока равнодушно, их все-таки вывели из обороны, направив хоть на непродолжительный, однако крайне необходимый отдых.

«Мы валялись на лужайке, нежась на солнышке и наслаждаясь каждым мгновением... Восемь дней спустя нам предстояло снова лезть в окопы, а недели через две, не исключено, что и отправиться на тот свет. Но

никто не удручал себя подобными мыслями. Мы жили тогда куда осмысленнее и проще. Просто жили. В отличие от мирной жизни, когда отсчитываешь день за днем».

Для германской пехоты этих недель и дней оставалось все меньше.

«Не плачь»... Разгром Советов на западе

«Страну постигло страшное горе, — записала Инна Константинова к себе в дневник в середине июля. — Немцы подошли совсем близко... Они бомбят Ленинград и Можайск. И наступают на Москву». Энтузиазм и надежды на скорую победу первых дней сменились беспокойностью. «Как тяжело становится жить!» — писала Константинова. С близлежащего Кашинского аэродрома северо-восточнее Москвы в воздух постоянно поднимаются самолеты. По улицам едут целые полки танков и зенитчиков. Все так изменилось. «Даже отношения между людьми, и те стали другими, — скорбела она. — Что будущее готовит нам?» Те же мысли одолевали и штабного офицера Ивана Крылова:

«Смоленск! Смоленск в опасности! Это путь на Москву, тот самый исторический путь, которым на Москву шел и Наполеон, вновь превратился в тропу врага. А ведь сегодня только 10 июля, всего три недели идет эта безжалостная война. Я уже начинаю думать, что боеспособность наших войск куда ниже, чем... казалось раньше».

Русские части отступали под натиском немцев по всему фронту. Армейские и штабные документы того периода пестрят сообщениями о сокрушительных ударах люфтваффе, об отсутствии точных цифр сил немцев, сетованиями по поводу отсутствия связи и управления войсками, тревожными донесениями об ужасающих потерях. Командующий 4-й армией Западного фронта сообщал 30 июля:

«Все мои резервы исчерпаны. Я отдал распоряжение держаться до последнего, но нет никакой уверенности, что линия обороны удержится».

При попытке отхода сил 47-го стрелкового корпуса к реке Ола, 10 часов спустя, генерал ^[39] сообщит:

«Единственные остающиеся силы — средние танки. Личного состава на этом участке уже не остается. У нас отсутствуют средства поддержки... Есть необходимость прикрытия Могилева, бобруйского шоссе, для этого приходится снимать части с фронта, поскольку войск на этом направлении нет».

Куда тяжелее приходилось тем советским солдатам, которые попали в

окружение. Танкист Александр Голиков участвовал под Ровно в боях с частями группы армий «Центр». Вот что он писал домой:

«Дорогая Тонечка!

Не знаю, сможешь ли ты прочесть эти строки, но я уверен, что это мое последнее письмо к тебе. Как раз сейчас идет страшный и ожесточенный бой. Наш танк подбит, а вокруг одни фашисты. Мы целый день отбиваем их атаки. Вся дорога на Остров завалена трупами, сплошь в зеленой форме... Нас осталось двое — Павел Абрамов и я. Помнишь, я еще писал тебе про него. Мы уже не надеемся на спасение. Мы — солдаты, и нам не пристало бояться умереть за Родину».

Едва немцы замкнули кольцо, как русские тут же стали предпринимать отчаянные попытки вырваться из окружения. В июле месяце подразделение Е. Евтушевича было переброшено из Ленинграда для участия в боях с наступавшими частями группы армий «Север».

«Нас погрузили на машины и повезли совершенно в другом направлении... Сколько нас перебрасывали с места на место. Иногда выходило так, что мы искали свой батальон, а те — нас. И вот так мотаясь, однажды мы проехали за день 94 километра».

Растерянность витала в воздухе. Евтушевич вспоминает, как его поразила растерянность в глазах ленинградцев, когда он в составе своего подразделения шел по улицам города: «...горожане с какой-то опаской поглядывали на нас, а мы — на них». Майор Юрий Крымов, служивший в частях Западного фронта, в письмах жене также сообщал о неуверенности и растерянности. «Вот уже 19 дней, как я ничего не знаю ни о тебе, ни об остальных». Газет было не достать, оставалось лишь радио. Крымов ничего не знал о жене, и это явно не способствовало оптимизму. «Идет война, поэтому многим женщинам придется работать, я очень за тебя волнуюсь», — писал майор Крымов. Александр Голиков пишет в письме жене:

«Я сейчас сижу в подбитом танке, он весь в пробоинах. Жара страшная, умираю от жажды. На коленях — твоя фотокарточка. Вот смотрю в твои синие глаза, и уже легче жить — ты со мной... Я с первого дня войны только о тебе и думаю. И когда только я вернусь и смогу прижаться к твоей груди. Может, уже и никогда».

Крымов: «Мучает даже не страх погибнуть, а отсутствие самых необходимых вещей». Каждый день приходится терпеть муки.

«У нас даже фляжек нет, воду некуда налить, едим кое-как, от случая к случаю, спать приходится в таких местах, что раньше и сам бы не поверил. Жара, грязь и усталость жуткая».

Солдатам, которые представления не имели об обстановке, ничего не оставалось, как молча следовать приказам. Немецкие солдаты считали, что именно это стадное чувство, свойственное русским, и заставляло их грудью идти на немецкие позиции. Неуверенность, растерянность, неразбериха и путаница — вот источник всех ужасов. И отдающий приказ русский офицер в их глазах был чуть ли не Богом, поскольку никаких иных альтернатив не было. Желание выжить подвигало этих людей на самые, казалось, немыслимые поступки. Кем они были? Всего лишь обычными людьми, доведенными до отчаяния всеобщим хаосом, измотанными жарой и неизвестностью. Константин Симонов, в те годы военный корреспондент, описывал трудности, с которыми сталкивался офицер, пытаясь под аккомпанемент воя пикирующих бомбардировщиков собрать толпу в роты или батальоны после первого шока внезапного нападения немцев. «Никто никого не знал, — писал Симонов, — и при всем желании было трудно приказывать этим людям, а им, в свою очередь, исполнять эти приказы». Он сам не ел несколько дней, мучился от жажды. «Веки слипались от чудовищной усталости и голода, а обожженное солнцем лицо горело». Дмитрий Волкогонов, имевший в то время звание лейтенанта, описывал:

«Сегодня по радио слышишь, что, мол, войска там-то и там-то оказывают врагу ожесточенное сопротивление, а на завтра сообщают, что на этом же участке немцы сумели продвинуться на 50–70 км. Должен еще сказать, что не только простые солдаты понятия не имели об обстановке в окружении, а и начальствующий состав. Именно это отличало ту стадию войны — отсутствие ясной картины обстановки, сообщений Ставки. Сталин постоянно требовал сведений о положении на фронтах, но разве можно было что-нибудь сообщить?»^[40]

Предугадать исход было нетрудно. Советский полковник Илья Старинов считал, что предпринятые сразу же после вторжения немцев попытки организовать контрудары приносили один вред и «были чреваты негативными последствиями. И потери наших войск были весьма высоки». Он считал также, что «все попытки организовать наступление в условиях, требовавших организации обороны, лишь ухудшали и без того весьма сложную ситуацию». Новости явно не внушали оптимизма. 17-летняя Зинаида Лишакова жила в Витебске, когда этот город заняли немцы. Девушка пошла в партизаны, поэтому имела возможность слушать радио. А поступавшие из Москвы новости были «крайне тревожны». Тогда, в 1941-м, немцы только и повторяли, «Москау капут, Шталин капут», «Скоро этот война — конец». Разумеется, ничему этому мы не верили».

Офицеры предпринимали мужественные попытки выйти из окружения

— они-то хорошо понимали, что значит оказаться в кольце врага. 16 июля вышел приказ о «двойных полномочиях комиссаров Красной Армии». 27 июля личному составу зачитали приказ о смертной казни девяти высших военачальников, обвиненных в развале и гибели Западного фронта, включая начальника связи упомянутого фронта, командующих 3-й и 4-й армиями, командующих 30-й и 60-й стрелковыми дивизиями. Не избежал ареста и полковник Старинов, но уже вскоре был освобожден, хотя ему пытались вменить в вину преступную халатность, поскольку мост через Днепр на шоссе Москва-Минск достался врагу в исправном состоянии. Сам Старинов этому не удивлялся, в те времена за ошибки наказывали строго.

А солдаты? Солдаты сражались с отчаянностью обреченных. Александр Голиков писал своей жене:

«Наш танк сотрясся от попадания вражеского снаряда, но мы уцелели. У нас кончились снаряды и на исходе патроны. Павел ведет огонь по немцам из башенного пулемета, а я решил сесть и «пообщаться» с тобой / по фотографии. — *Прим. авт.*]. Мне хотелось бы поговорить с тобой побольше, но время не терпит... Легче погибать, если знаешь, что есть кто-то, кто будет вспоминать о тебе...»

Население страны, едва оправившись от ужаса внезапного нападения немцев, тотчас же поняло, что война идет не так, как ожидалось. Пауль Коль повторил в 1985 году, сорок лет спустя, путь захватчиков. Ему приходилось встречаться и беседовать с самыми разными людьми. В местечке Большие Прусы юго-западнее Минска, например, его спросила одна 70-летняя женщина: «Почему немцы напали на нас? Почему?» Нередко ответы тех, кто пережил войну, вызывали удивление. Алевтина Михайловна Бурденко узнала о войне из объявления по радио. А потом не могла вернуться в родную деревню Баранова (так в тексте. — *Прим. перев.*), что в 210 км восточнее Бреста. Все поезда подвергались атакам с воздуха, да и в те нельзя было сесть гражданским, поскольку составы были сплошь воинскими. Наконец, после трех дней мытарств ей все же удалось сесть на какой-то поезд, но вскоре паровоз и часть вагонов были повреждены в ходе очередного воздушного налета немцев. «Много пассажиров погибло». Оставалось возвращаться в родное село пешком. «Нас постоянно обстреливали самолеты». Но и деревня, куда стремилась попасть Бурденко, уже 25 июня была занята немцами.

«Когда я приехала в Баранова, это было к вечеру, там уже было полно немецких солдат — везде расставлены посты... Моего мужа я так и не смогла отыскать! Его взяли! И я больше его не видела!»

Город Слуцк, расположенный дальше на восток, был взят вермахтом на следующий день, 26 июня. Соня Давидовна (так в тексте. — *Прим. перев.*) рассказывает:

«Уже в тот же день они издали строгие распоряжения. Всем коммунистам и комсомольцам приказали без промедления зарегистрироваться. Тех, кто поддался на это, мы больше не видели. Те, кто снабжал продовольствием красноармейцев или партизан, расстреливались на месте. Был введен комендантский час — всех, кто показывался на улице позже 18 часов без особого пропуска, арестовывали и казнили».

Столица Белоруссии Минск была оккупирована 28 июня, через шесть дней после вторжения. Взятию города предшествовали опустошительные воздушные налеты. Когда В.Ф. Романовский выбрался из подвала, где пережидал бомбежку, его глазам предстала ужасная сцена:

«Горящие дома, развалины... Трупы на улицах. Те, кто попытался во время налета выйти из города, вскоре убедились, что это невозможно — улицы оказались завалены рухнувшими стенами зданий. Тех, кого немецкие летчики замечали с воздуха, они тут же расстреливали с бреющего полета».

На момент вступления немецких войск в городе насчитывалось 245 тысяч жителей. Три года спустя, когда Минск освободили, их осталось всего 40 тысяч. Город был разрушен на 80 %. С первых дней был введен комендантский час, и его нарушителей строго карали. Вводились и меры по выявлению и поимке «комиссаров, красноармейцев и саботажников». По свидетельству Романовского, жизнь в оккупированном городе стала совершенно другой.

«Повсюду шныряли патрули, военные или эсэсовские. Ночью могли запросто вломиться в дом и арестовать кого угодно по малейшему подозрению. Люди бесследно исчезали в застенках гестапо, потом их тайно вывозили за город и расстреливали. В городе воцарилась атмосфера постоянного страха».

В районе, где традиционно проживали граждане еврейской национальности, 19 июля было организовано еврейское гетто. За два дня до этого немцы вошли в Кировский, расположенный юго-западнее Могилева на дороге на Смоленск. «Мы тогда еще были детьми, и для нас все было интересно, — вспоминает Георгия Теренкерва (так в тексте. — *Прим. перев.*), — что с нас взять, с десятилетних. Мы видели эти сверкающие каски, форменные ремни, проезжавших в открытых машинах офицеров. Два часа спустя схлынула первая волна войск. Но в полдень они снова пошли». Эти солдаты второй волны выглядели уже совершенно по-другому.

«У нас в семье было шестеро детей. И в нашей деревне сначала никто не поверил, что они стали расстреливать людей. Никто и не пытался бежать. Все были удивлены. Я все это очень хорошо помню. Я еще стояла перед школой, когда фашисты начали расстреливать наших соседей. А перед этим я видела, — это было рядом, метров 100, не больше, — как у нашего дома стояла моя мама, перешептываясь с соседками. Потом к ним подошли солдаты, оттолкнув их, ворвались в дом, и до меня донеслись выстрелы. Я так и не поняла, как мне удалось остаться в живых».

Доблестные солдаты вермахта ощипывают реквизированных у населения кур

Иногда немецкие войска появлялись и захватывали города настолько внезапно, что никто и верить в это не хотел. Например, в городах как ни в чем не бывало ходили трамваи. Иногда местные жители даже приветственно махали проезжавшим немецким колоннам, думая, что это свои. Вера Кулагина приехала в Витебск как раз 9 июля, когда в город входили части 3-й танковой группы. Кулагина вместе со своей сестрой шла из расположенной неподалеку деревни. «Когда мы пришли, — рассказывает она, — мы поняли, что в городе все как-то не так, как было перед тем, когда мы уходили в деревню». Когда они огляделись, «поняли, что улицы необычно пустынные». Вскоре все стало понятно. «По улицам с видом победителей расхаживали немцы».

Объятые ужасом местные жители попрятались. Когда был взорван мост через Двину, сестра Веры Кулагиной не могла попасть на работу. Девушки решили вновь вернуться в деревню. Тамошние жители и не

подозревали о том, что случилось.

«Когда мы вернулись в деревню и рассказали обо всем матери, та не поверила. Мы клялись, что своими глазами видели немцев, однако она все равно не хотела нам верить. Она не могла понять, как это может быть, что какие-то там немцы захватили город».

Сталин стал понемногу выходить из ступора, обусловленного внезапным нападением Гитлера. 3 июля 1941 года он обратился к советскому народу с речью. Всех эта речь поразила. Он говорил так, как никогда ранее, взывая к патриотическим чувствам народа.

«Первое, что мы тогда услышали, — как звякнул графин о стакан, когда он наливал себе воды. Очень хорошо было это слышно. Потом звук наливавшейся воды. После этого он заговорил: «Товарищи, граждане, братья и сестры», и после этих слов он стал как-то ближе нам, он говорил с нами, как отец».

Этот отеческий призыв не остался без ответа. «Наша страна в опасности!» Советско-германский договор вероломно нарушен, наши войска застигнуты врасплох. НО! — никакой паники, необходимо сплотить ряды, не впадать в панику, поднять производительность труда, обеспечить мобилизацию всех ресурсов страны, как можно скорее перестроить промышленность для нужд войны, — вот основные тезисы этого выступления. 10 июля 1941 года Сталин объединил должности главы правительства и Верховного Главнокомандующего. Был образован Государственный комитет обороны (ГКО), в состав которого вошли Сталин, Ворошилов, Берия, Молотов (нарком иностранных дел) и выдвиженец Сталина Маленков. ГКО подчинил себе Ставку, в которую входили Сталин, Ворошилов и Молотов — от партии, и Тимошенко, Буденный, Шапошников и Жуков — от армии. 8 августа Ставке был подчинен и Генеральный штаб. Таким образом, Сталин захватил все высшие командные должности, как армейские, так и партийные. Отныне он и только он отвечал и за все победы, и за поражения.

Одновременно с этим создавались три новых советских фронта: Северо-Западный, номинально его командующим был назначен Ворошилов, Западный — под командованием Тимошенко и Юго-Западный,

который возглавил Буденный. Три упомянутых фронта создавались из расчета противостояния трем немецким армейским группировкам.

Но оборона страны оставалась, в катастрофическом состоянии. Согласно данным ОКХ вермахт уничтожил 89 из 164 имевшихся в распоряжении русских стрелковых дивизий и 20 из 29 танковых. Отсюда вывод — «враг уже не в состоянии выставить против нас сколько-нибудь серьезные силы, даже опираясь на рельеф местности». Советское командование предприняло ряд контрударов по врагу с целью отбросить его как можно дальше на запад, однако это вызвало лишь колоссальные потери при минимуме результатов.

Глава 9

Легкие победы уходят в прошлое

«Судя по всему, мы готовы упустить уникальный шанс взять Москву и завершить эту войну. Чутье подсказывает, что здесь что-то явно не так. Я никогда не мог понять, отчего планы так внезапно изменились».

Немецкий солдат

Самая длинная кампания

В тот же день, когда группа армий «Центр» доложила о том, что кольцо окружения под Смоленском окончательно замкнуто, ее командующий получил новую директиву фюрера, ошеломившую и расстроившую его. В своем дневнике фон Бок печально констатирует: «В данный момент части армии рассеяны по обширной территории». Уведомили его до полудня 24 июля 1941 года.

«...моя группа армий окажется разодрана на три части: одна группа сил с танковой группировкой Гудериана будет развернута на юго-восток к группе армий «Юг» (Рунштедт), одна группа без танковых сил направлена на Москву, 1-я танковая группа Гота должна быть повернута на северо-восток и переподчинена группе армий «Север» (Лееб)».

Для опытного командующего, неуклонно следовавшего выполнению единой задачи, подобное разделение сил было возмутительным проявлением дилетантизма в вопросах стратегии. Разрыв между директивой и реальностью был изначально заложен в плане «Барбаросса». Рассогласованность оперативного и тылового планирования проистекала из чисто идеологических установок фюрера, что, дескать, «одного хорошего удара хватит, чтобы Советский Союз развалился, как карточный домик». Изданная в декабре 1940 года директива № 21 представляла собой самое общее описание предстоящих операций. Она предполагала выход германских войск на линию Архангельск — Астрахань — своего рода пограничный барьер между европейской и азиатской частью России. В плане отсутствовала единая стратегическая цель, зато были определены три

первостепенных задачи: овладение углем и сталью Донбасса на юге, столицей СССР Москвой — на центральном участке фронта, и Ленинградом — на северном. Для выполнения каждой задачи выделялось по одной группе армий, располагавшей ударным танковым кулаком. Как правило, не бывает такого плана, который в процессе выполнения не подвергался бы изменениям, и сложнее всего при этом не упустить из виду главное.

В начале августа 1941 года фюреру и ОКВ предстояло принять беспрецедентные по важности решения. Ни одна из предыдущих кампаний не затягивалась столь надолго, как эта. Обер-ефрейтор Эрих Куби из 3-й моторизованной дивизии вспоминает, как один унтер-офицер из пехоты больно огорчился, что «мы не несемся сломя голову вперед, как в Польше или во Франции, стало быть, в 5 недель нам явно не управиться». Блицкриг в Западной Европе и Скандинавии продлился полтора месяца, Польшей овладели за 28 дней, Балканами — за 24, а Крит стал немецким уже 10 дней спустя.

2 августа был перейден водораздел — истекли 5 недель. Вермахт успел привыкнуть к победам, пусть ценой внушительных потерь, но зато победам скорым. Если отвлечься от пропагандистской шумихи, никто из рационально мыслящих людей в рейхе всерьез не верил, что с Россией можно покончить за те же 6 недель. Однако темп наступления замедлился. В ставке фюрера все чаще проявляли нерешительность. Нет, внезапный удар вермахта получился сильным, но не сокрушительным.

Генерал Гальдер в своем военном дневнике не упоминает о психологическом барьере в 6 недель, первоначально отведенных на кампанию в России. Он лишь отмечает «сложную» ситуацию с обувью и обмундированием, он пишет о необходимости доставки зимнего обмундирования, о замене износившейся за лето матчасти, о необходимости пополнения частей личным составом — с некоторых пор потери превышали пополнение. Так, группа армий «Юг» получила пополнение лишь 10 000 человек, вместо 63 000 выбывших, потери групп армий «Центр» и «Юг» составили 51 и 28 тысяч соответственно.

После полутора месяцев кампании генерал-фельдмаршал фон Бок досадовал по поводу сложностей с запиранием Смоленского котла. «Наши силы удерживать кольцо почти на исходе», — писал он. А всего лишь год назад во Франции... Фон Бок отмечает и первые признаки разрушительного нервного напряжения, «...скверно и то, что нервы у обремененных немалой ответственностью лиц также начинают пошаливать...» Победа близка, но какова будет ее цена? Всем ясно, что

обойдется она недешево. «Поездка в 8-й и 5-й армейские корпуса. И один, и другой понесли серьезные потери, в особенности по части офицерского состава, но присутствует гордость достигнутыми успехами», — с удовлетворением отмечает фон Бок.

Немецкого солдата теперь занимала не столько победа, сколько тяжелый и долгий путь к ней. 19 августа один солдат 35-й пехотной дивизии писал домой:

«Сегодня воскресенье, но разве здесь отличишь один день от другого. Мы снова продвинулись вперед километров на 50 юго-восточнее. Сейчас мы — часть армейского резерва. Самое время отодвинуть нас в тыл — мы только в нашей роте потеряли 50 человек. Так больше нельзя — мы просто не выдержим. У нас обычно на противотанковое орудие приходится четверо, но вот два дня назад в одном серьезном бою приходилось управляться вдвоем, потому что остальных двоих наших ранило».

Германский офицер с интересом рассматривает снаряд 76-мм пушки танка Т-35

Затяжка кампании вызывала неприятные ассоциации с армией Наполеона. Некий ефрейтор из транспортного батальона писал: «Если мы увязнем тут на зиму, ничего хорошего от русских нам ожидать не следует». Другой солдат из группы армий «Центр» 20 августа сетовал: «Потери жуткие, не сравнить с теми, что были во Франции». Его рота, начиная с 23 июля, участвовала в боях за «танковую автостраду № 1». «Сегодня дорога наша, завтра ее забирают русские, потом снова мы, и так далее». Победа уже не казалась столь недалекой. Напротив, отчаянное сопротивление

противника подрывало боевой дух, внушало отнюдь не оптимистические мысли.

«Никого еще не видел злее этих русских. Настоящие цепные псы! Никогда не знаешь, что от них ожидать. И откуда у них только берутся танки и все остальное?!»

Унтер-офицер Вильгельм Прюллер из моторизованного полка, присланного в поддержку 9-й танковой дивизии (группа армий «Юг»), на исходе шестой недели кампании вынужден был собрать в кулак все свое мужество и веру в скорую победу — 4 августа его батальон потерял четверых офицеров, а всего 14 человек убитыми, 47 ранеными и двоих пропавшими без вести. И это всего за сутки!

В Темовке его капитан был убит выстрелом в голову в двух шагах от Прюллера. В тот же день погиб и близкий друг Прюллера Виммер из соседней роты. «От души соболезную его жене», — запишет Прюллер в дневник, — к тому же ей рожать в октябре». Виммер, по словам Прюллера, вообще был «занятный парень», он непоколебимо верил в то, что «с ним никогда и ничего не случится». Не повезло и еще одному другу Прюллера, Шоберу. «Осколок мины вошел в голову чуть ниже левого глаза, он погиб на месте». За пару мгновений до этого на месте Шобера находился Прюллер, но вовремя отошел. Кроме того, в этом злополучном месте погибли еще трое бойцов роты, которых Прюллер хорошо знал. А всего за пять недель кампании их батальон потерял 350 человек. Год назад в это же время они праздновали победу над Францией. Прюллер далее пишет:

«В 10 часов вечера я лег, усталый как собака. Какой жуткий день! Но мне вновь повезло. Сколько же еще будет так везти?»

Опасения фон Бока по поводу того, что «в данный момент части армии рассеяны по обширной территории», отражали небывалые размах и продолжительность кампании. В 1939 году в Польше длина линии фронта колебалась от 320 до 550 километров. С эшелонированием в глубину 41 пехотной и 14 танковых дивизий не было, и кампанию удалось завершить уже 28 дней спустя. Весной 1941 года в Югославии и Греции воевали 33 дивизии, из них 15 танковых и моторизованных. Вести наступление приходилось на узких участках, но глубина достигала местами 1200 километров. 24 дня спустя кампания завершилась. Май 1940 года стал пробным камнем вермахта. Три армейских группировки, насчитывавшие 94 дивизии, включая 10 танковых и 46 остававшихся в резерве, наступали на фронте длиной в 700 километров через Бельгию, Голландию и Францию. Спустя 6 недель кампания была триумфально завершена. Но весь предшествующий опыт, все предыдущие операции не идут ни в какое

сравнение с тем, чего потребовала от нас кампания в России.

Замена пробитого на русской дороге колеса. Вероятнее всего, автомобиль принадлежит к дивизии войск СС «Мертвая голова»

Предусмотренная планом «Барбаросса» длина линии фронта в 1200 километров растянулась в течение полутора месяцев до 1600 километров. На сей раз в распоряжении вермахта было 139 дивизий. Кроме того, в России пришлось задействовать больше танковых и моторизованных соединений, чем во Франции, но не следует забывать, что 19 танковых дивизий «сжежились» по численности. К концу осени 1941 года длина линии фронта увеличилась чуть ли не втрое и включала теперь Карельский полуостров и территорию бывших стран Балтии, растянувшись почти на 2800 км от Белого до Черного моря. С самого начала кампании в России серьезную проблему представляло ориентирование на местности и отсутствие нормальных дорог. Макс Кунерт, унтер-офицер кавалерии, едва перейдя границу Советского Союза в июне месяце, заявил:

«Приходилось быть очень и очень внимательным, чтобы не сбиться с дороги... Здесь дорог в европейском понимании нет и в помине, а просто проселки от гусениц наших танковых и других колонн».

Казалось, эта необъятная территория поглотит, растворит наступавшую германскую армию. «Я следовал только по компасу, — комментирует Кунерт, — периодически сверяясь с номерными знаками и эмблемами нашей дивизии на грузовиках, следовавших в восточном направлении». Чтобы уяснить себе длину фронта, следует помнить, что одна дивизия в состоянии эффективно контролировать лишь 10-

километровый его участок. Таким образом, длина фронта в 2800 км требовала наличия 280 дивизий! А их даже теоретически было 139. Такие обширные естественные преграды, как Припятские болота и Карпаты, в значительной мере ограничивали маневренность войск. На самом деле боеопасными были всего лишь 1000 километров фронта, да и то не везде. Продвигавшиеся по ужасным дорогам немецкие дивизии в состоянии были эффективно контролировать полосу территории шириной не более 3 километров. Большинство боевых соединений предпочитало эшелонирование в глубину при наступлении на относительно узких участках фронта. Как известно, немцы предприняли удар по трем расходящимся направлениям, что означало отрыв частей и соединений от жизненно важных путей войскового подвоза по мере углубления в территорию России, а также необходимость оставлять часть сил в тылу для разгрома окруженных сил противника. Таким образом, с продвижением вперед глубина фронта удваивалась, а длина утраивалась, и при длине линии фронта в 2800 км глубина его составляла 1000 километров. Сам выбор цели становился проблемой. Если русский колосс не рухнет от нанесенных ударов, необходимо нанести ему довершающий смертельный укол рапирой. Другими словами, возникала необходимость пересмотра прежних средств достижения победы.

Средства достижения победы

Поскольку прогнозируемое скорое крушение России явно затягивалось, Адольфу Гитлеру и его генералитету пришлось, по мере овладения этой бескрайней территорией, решать массу нелегких задач. Один оказавшийся на Украине армейский фоторепортер писал: «У нас нет больше карт, и, продвигаясь на восток, приходится рассчитывать лишь на компасную стрелку». Здесь не было ни дорожных указателей, как и дорог в строгом смысле, ориентиров тоже, так что передвижение по украинским степям было делом отнюдь не легким. Патрули и высланные вперед дозоры просто-напросто узнавали направление у местных жителей — как правило, женщин или стариков. Отсюда масса хлопот с планированием и взаимодействием, отсюда бесконечные блуждания по необъятным просторам.

11 августа генерал Гальдер признал, что «...колосс — Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен». Хозяйственные

и военные возможности русских недоучтены. «К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника». И хотя упомянутые дивизии в качественном отношении сильно уступают немецким, и командование никуда не годно, но «...даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину». В результате немецким штабам пришлось столкнуться с массой проблем, пытаясь привести в соответствие победы и затраченные для их достижения усилия. Какими все же твердолобыми оказались эти русские. Трудно их понять. Сегодня они готовы умереть, сражаясь до последнего патрона, а завтра тысячами сдаются в плен. Все наши победы, при внимательном рассмотрении, почти что пирровы.

Внезапное решение Гитлера сменить направление главного удара на той стадии кампании нередко рассматривается исключительно с современных позиций, когда, зная последствия этого решения и исход самой войны, нетрудно увидеть все просчеты. Но ни он, ни его генералитет подобными возможностями заглянуть в будущее не обладали. Мнение одной части генералитета сводилось к тому, что вермахту следует напрячь все силы для достижения одной-единственной цели. Генерал-фельдмаршал фон Бок, его танковые группы, его командующие армиями — фон Клюге, Гудериан и Гот — безоговорочно поддерживали в этом и фон Браухича, и верховное главное командование вермахта, и начальника штаба вермахта Гальдера, считая, что целью должна быть Москва и только Москва. Гитлер же, упорствуя в своей неправоте, полагал сосредоточить силы на двух направлениях — северном, где целью объявлялся Ленинград, и южном с целью овладения Украиной. А Москва, дескать, и сама неизбежно падет от фланговых ударов. Гитлер всеми силами пытался обосновать свое решение, ссылаясь на очень многие авторитеты. Директива фюрера № 33 от 19 июля содержала общие указания будущих операций. У фон Бока и его группы армий «Центр» срочно изымались обе его танковых группы — 3-я под командованием Гота и 2-я под командованием Гудериана, — их планировалось использовать у фон Лееба и Рунштедта для наступления на Ленинград и Киев. Это решение Гитлера вызвало настоящую бурю дебатов в германском генштабе, едва не приведя к серьезному расколу в рядах генералитета («19-дневное междуцарствие») в период с 4 по 24 августа. 7 августа фюрером была издана директива № 34А, когда ОКВ и ОКХ, то есть Йодлю и Гальдеру, все же удалось убедить Гитлера продолжить наступление на Москву. Но это решение было уже три дня спустя отменено, когда новая вспышка активности русских под Ленинградом повергла в страх Гитлера и тот распорядился о переброске на север в

распоряжение фон Лееба 3-й танковой группы Гота. Гитлер решил нанести удар в южном направлении, по Киеву. И это решение не смог поколебать даже страстный призыв Гудериана, примчавшегося в Растенбург на совещание 23 августа, бросить все силы на Москву. Гитлер, которого поддерживали начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами фельдмаршал Кейтель, а также начальник оперативного управления Верховного главнокомандования вооруженными силами Йодль и адъютант Гитлера Шмундт, назидательно изрек: «Мои генералы понятия не имеют о военной экономике». Фюрер пытался оправдать наступление на южном направлении необходимостью быстрого захвата Украины. С расположенных в Крыму аэродромов русским ничего не стоит подвергнуть бомбардировке районы нефтедобычи в Плоешти, столь важные для Германии. Поэтому русских в этом регионе необходимо было нейтрализовать.

Штурм Линии Сталина в районе Киева. На щите, который немецкие солдаты собираются показать советским пулеметчикам, написано: «Vi ходт. Ваш будет Живо»

Украинцы встречают своих «освободителей». Пройдет не так уж много времени, и в спину немцам будут стрелять даже самые ярые националисты

Три недели спустя немецкие войска продолжили кровопролитное наступление на юг. Первейшей задачей было покончить с Киевом, а уж потом еще до наступления зимы вплотную заняться Москвой. Русские, готовившиеся встретить противника на московском направлении, явно растерялись, убедившись, что Гитлер решил повернуть на юг. Все разногласия о важности наступления на Москву приобрели несколько иной оттенок в свете осознания того, что противник готов сражаться до конца, невзирая ни на какие потери. Какие же условия для одержания победы выдвигались на первый план в связи с появлением этого, ранее не предусматриваемого сценария войны? Способом выхода из тупиковой ситуации могли стать как захваты городов, но это, скорее, из области политики, или же захват как можно большей территории неприятеля, что означало подрыв его экономики. Но подрыв экономики никогда всерьез не рассматривался как средство скорого и победоносного завершения войны. Заручиться поддержкой населения оккупированных территорий, мера, весьма положительно зарекомендовавшая себя еще в Первую мировую войну, никогда всерьез не учитывалась Гитлером вследствие ее явной неприемлемости с идеологической точки зрения. С полным и окончательным разгромом Красной Армии по-прежнему не клеилось. Иными словами, не срабатывал ни один из стратегических приемов. «Колыбель революции», Ленинград выглядел для Гитлера соблазнительно. Иначе и быть не могло, поскольку Гитлер представлял собой законченный

партийно-идеологический тип, неоправданно большое внимание уделявший сокрушению всякого рода символов могущества враждебного ему режима. А между тем лейтенант танковых войск Ф.-В. Кристианс вспоминает, что жители Западной Украины тепло приветствовали их части в самые первые дни войны. «Нам подносили не только хлеб-соль, но и фрукты, яйца. Они видели в нас освободителей». Но порыв энтузиазма населения оккупированных территорий никогда в расчет не принимался. Подобные скрытые тенденции и не выраженные явно настроения явно не вписывались в контекст блицкрига, ибо не имели чисто военного значения. В конце концов, рейх намеревался и украинцев превратить в рабов себе во благо, как и русских. К тому же с переносом главного направления на юг открывалась возможность разделаться с силами русских, сосредоточенными в образовавшемся в линии фронта выступе на запад, устроив им Канны. Вот это будет удар, от которого им уже не оправиться! Решение Гитлера стало сущей мукой для ОКХ. Гальдер не скрывал досады:

«Я считаю, что положение ОКХ стало нетерпимым из-за нападков и вмешательства фюрера. Никто другой не может нести ответственность за противоречивые приказы фюрера, кроме него самого. Да и ОКХ, которое теперь руководит победоносными действиями войск уже в четвертой военной кампании, не может допустить, чтобы его доброе имя втоптывали в грязь».

Но, с другой стороны, ОКХ и само стало жертвой собственной самонадеянности. Все больше углублялась пропасть между желаемым и действительным, уподобляясь таковой между фронтом и тылом. Офицеры вышестоящих штабов имели весьма приблизительное представление о сложностях, с которыми ежечасно приходилось сталкиваться фронтовикам. Перебранки по вопросам предоставления резервов и всего необходимого, без чего не могла нормально существовать и действовать армия, продолжались. ОКВ и ОКХ явно возгордились вследствие идущих непрерывным потоком победных донесений. Не приходилось удивляться тому, что настоятельные просьбы командующих танковыми клиньями авангарда попросту игнорировались. Но, вопреки жалобам на нехватку буквально всего, немецкий солдат выживал и даже побеждал.

Фронтовые младшие офицеры и солдаты критиковали смену главного направления, но это мало что меняло. В конце концов, в первую очередь их интересовали не стратегическая заумь, а возможность уцелеть и хоть как-то приспособиться к нелегким условиям, в которых приходилось действовать. Немецкий солдат был приучен к внезапным переменам. И воспринимал их довольно равнодушно — фюрер и «начальство наверху» «знали, что

делают». Были случаи, когда именно смена направления главного удара способствовала более скорому завершению кампании, как, например, во Франции или на Крите. Немецкий солдат привык безоговорочно повиноваться.

Майор Бернд Фрейтаг фон Лорингхофен вспоминает о возвращении Гудериана после знаменательного совещания в ставке фюрера в Растенбурге 23 августа и неудачной попытке генерала уговорить фюрера продолжить наступление на Москву. «Мы все были поражены и расстроены, — говорит фон Лорингхофен, — ...когда Гитлер сумел переубедить его в том, что сейчас куда важнее наступать на юг, на Украину». Гауптман Александр Штальберг тоже был весьма удивлен, узнав, что 12-й танковой дивизии предстоит наступать на ленинградском направлении.

«Шоком для всех стала новость о том, что нам предстоит прервать наступление на Москву и повернуть на Ленинград. Что это за новая стратегия? Сразу же возникли слухи о том, что решение это принято на самом верху и исходит от самого Гитлера».

И всего пару дней спустя «все стало окончательно ясно» с 12-й дивизией. «Москва утратила приоритетность, сначала мы должны были овладеть Ленинградом». После войны майор Бернд Фрейтаг фон Лорингхофен заметил, что «это решение трудно понять с позиции сегодняшнего дня». И, размышляя, добавляет:

«Не следует забывать о жесткой иерархии того времени, о четком осознании необходимости наличия бесперебойно функционирующей командной цепочки. И в той обстановке было крайне тяжело предлагать всякого рода альтернативные решения».

И обсуждение приказа фюрера сменить направление главного удара не могло стать предметом для дискуссий. «Это было невозможно в принципе», — считает фон Лорингхофен.

Некоторые из ветеранов русской кампании уже после войны обсуждали эту проблему в своих публикациях. Артиллерист Вернер Адамчик, узнав о том, что его подразделению предстоит марш на Ленинград:

«...взглянул на карту России. Расстояние от Смоленска до Ленинграда составляло около 600 км. С другой стороны, расстояние от Смоленска до Москвы равнялось 400 км... Не приходилось сомневаться, что русские, надумай они помешать нам добраться до Москвы, были бы разгромлены. Что-то подсказывало мне, что упускать такой уникальный шанс, как взятие столицы противника, никак нельзя. Я никогда не понимал, что нас могло

заставить изменить первоначальный план».

Лейтенант Генрих Хаапе из 18-го пехотного полка (группа армий «Центр») того же мнения на этот счет:

«У нас за плечами был 1000-километровый бросок из Восточной Пруссии. Тысячу километров менее чем за 5 недель. Три четверти мы уже прошли, осталось всего ничего. Еще неделя, и мы были там».

Потом наступила непонятная пауза, приказов продолжить марш не поступало до самого «30 июля, когда пришло совершенно необъяснимое распоряжение оборудовать оборонительные позиции».

Во многих публикациях послевоенных лет прослеживается мысль о том, что пресловутые разногласия в генштабе в период 4-24 августа могли повлиять на исход всей войны, предотвратив поражение Сталина. Ничего подобного, разумеется, не отыщешь в военных дневниках и солдатских письмах домой той поры. Солдаты лишних вопросов не задают и приказов не обсуждают. И почти во всех письмах присутствует одна тема — лишь бы эта война поскорее закончилась. И если для этого нужно сменить направление главного удара — да будет так!

Немецким солдатам все чаще приходилось окопываться и отбивать советские контратаки

Оптимизма поубавилось с осознанием того, что кампания неумолимо затягивается. «Если дальше будут наступать такими темпами, — писала одна домохозяйка на фронт, — тогда крушение России не за горами». 8 августа один обер-ефрейтор заявил, что «поскольку... грядет нешуточная битва за колыбель большевистской революции, мы выступаем на

Ленинград». И, несмотря на ожесточенное сопротивление «отъявленных коммунистов», несмотря на дожди и грозы, наступление «им не остановить». Другой ефрейтор, уже из группы армий «Юг», писал 24 августа: «Враг упорно оборонял свои позиции, но тщетно, ему пришлось с большими потерями отступить». Куда более беспокоил приказ о переходе на центральном направлении к обороне, нежели о повороте сил для нанесения удара на южном. «Я уже сыт по горло этим Советским Союзом», — заявляет унтер-офицер из 251-й пехотной дивизии.

«День и ночь мы вынуждены были ютиться в землянках, защищаться от шрапнели. В окопах воды по колено, кругом вши и всякая другая дрянь».

Такое уже бывало и раньше. В 1917-м. Еще один ефрейтор из 256-й пехотной дивизии досадует: «...в прошлом году было куда легче, тогда, в начале июля, когда закончилась война с Францией и когда понемногу стали отпускать по домам». Во всех письмах красной нитью проходит мысль — поскорее покончить с этой войной, тогда и шансов выжить будет больше. Бернгард Риттер, 24-летний рядовой мотопехотной дивизии, попытался примириться с травмирующими психику условиями войны, выразив сокровенные мысли в своем дневнике. 19 августа он писал:

«Куда бросит нас эта война завтра? Как все будет? Хочется надеяться, что скоро грянет решающая битва, и мы будем в ней участвовать».

Риттер, как и многие другие фронтовые солдаты, силился избавиться себя от боли утраты своих товарищей ради сохранения эмоционального равновесия. Это было нелегко. Риттер упоминает о двух могилах близких друзей, они похоронены тут же, в ближнем тылу. Еще недавно все тряслись в одном и том же кузове. А теперь мы уйдем дальше, а эти две могилы останутся. «Одна из нехитрых истин, которым нас учит война, — продолжает Риттер, — что в них похоронена какая-то часть и тебя самого».

Гаральд Генри, все еще преодолевающий все тяготы форсированного марша в составе группы армий «Центр», писал 18 августа:

«Не будет преувеличением сказать, что «и собака бы такой жизни не вынесла», если иметь в виду те условия, в которых мы тут пребываем. Целыми днями мы и в дождь, и в солнце зарываемся поглубже в землю...»

Четыре дня спустя он сочинил еще одно письмо. Это было как раз в период свары в генералитете, вызванной обсуждением вопроса о смене направления главного удара. «Вчера был день, настолько кровопролитный, со столькими трупами, со столькими ранеными, с таким громом орудий, что я и описать его не в силах». Потери личного состава в подразделении, где служил Генри, были весьма серьезны. «Погиб старик Грабке, унтер-офицер, и еще несколько моих друзей, — грустно отмечает он. — Это

просто чудо, что я остался жив в этом аду, и что меня даже не зацепило». Так что, разногласия по поводу избрания направления главного удара и прочие стратегические премудрости не здорово волновали личный состав. В отличие от извечного вопроса: как выжить и завтра. Солдаты и их домашние от всей души желали одного — чтобы эта бойня поскорее кончилась. «А что, с русскими еще не покончили?» — вопрошает одна мамаша в письме сыну на фронт:

«Мы надеемся, что хоть ты развеешь наши сомнения. Мой дорогой сынок! Может, ты все же отыщешь клочок бумаги, чтобы дать о себе знать. Вчера пришло письмо от Йоза. У него все хорошо. Он пишет: «Раньше мне ужасно хотелось поучаствовать в наступлении на Москву, но теперь я был бы рад выбраться из всего этого ада».

Возница армейского обоза пишет письмо домой

Немцы явно недооценили своего противника. Неспособность покончить с этим пошатнувшимся от удара, но не желавшим упасть замертво врагом и подвигала на стратегические импровизации. Судя по всему, никому не приходило в голову чудодейственное решение, позволившее бы победоносно закончить эту войну. Солдаты полагали, что это святая обязанность генералов, те, в свою очередь, норовили спихнуть решение на Гитлера. Налицо была неспособность провести границу между «русским» и «советским». Гитлер не сомневался, что именно «загнивающая» большевистская идеология обусловит скорый крах СССР. И он, и его ближайшее окружение склонны были применять категории 1917 года к исходу и этой кампании. А между тем куда уместнее было бы

обратиться к памяти Наполеона Бонапарта.

Бесспорно, созданный в 1812 году прецедент подходил куда больше. То, что Россия не сдалась Наполеону даже после падения Москвы, в преддверии зимы, не могло ускользнуть от внимания Адольфа Гитлера. Представляется спорным утверждение, что, дескать, с утратой Москвы сталинский режим неизбежно пал. В своем знаменательном обращении к народу 3 июля 1941 года Сталин взывал к «матери России», иными словами, апеллировал к национальным святыням. Григорий Токарев, бывший офицер царской армии, преподававший в одной из московских военных академий, вспоминает нелегкие дни лета 1941 года:

«Именно тогда прозвучал призыв к нашим патриотическим чувствам. К традициям Бородино. Именно под Бородино потерпел сокрушительное поражение Наполеон. И эти внезапно пробудившиеся чувства и помогли объединить народ».

Демонтаж оборудования подлежавших эвакуации на восток, где их не могло достать люфтваффе, заводов и фабрик никак не связывался с возможным падением Москвы. Когда в начале июля фронт располагался всего в 80 км от Витебска, от 2 до 5 тысяч рабочих и работниц текстильной фабрики «Флаг индустриализации» были переброшены в Саратов, на несколько сотен километров на восток. Пока ехали, их состав не раз бомбили, и вскоре все узнали, что их родной город захвачен немцами.

Стойкость, с которой русские удерживали оборону, ничуть не убавлялась. Единственным средством достижения победы, как подсказывала логика, было разделение армий. Наступление на южном участке, на котором так настаивал Гитлер, сулило гигантскую по своим масштабам операцию по окружению группировки русских — несколько армий, и их разгром. Тут уж поневоле напрашивались параллели с блестящей победой, одержанной Ганнибалом над Римом в 216 году до н. э.

Улицы Пскова в день вступления в него немцев

Группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба ускорила темпы наступления вдоль побережья Балтики, в то время как группа армий «Центр» завершила уничтожение сил противника в кольце окружения под Смоленском. 4-я танковая группа генерала Гёпнера в составе трех танковых и трех моторизованных дивизий, составлявших ударный клин, с фланга поддерживалась 28-й армией Кюхлера, а справа 16-й армией генерал-полковника Буша. Форсирование Западной Двины свидетельствовало о прорыве «линии Сталина», идущей вдоль прежней границы с Латвией. 1-я танковая дивизия вышла к Острову 4 июля. Три дня спустя пал Псков, что открывало путь к Ленинграду по железной дороге. В этом наступлении не присутствовали блестящие примеры окружения группировок противника, ибо, в отличие от группы армий «Центр», танковым силам фон Лееба с самого начала приходилось действовать на сложной и непривычной местности — озера, леса, реки. Но даже в этих условиях к середине июля были взяты Сольцы и Новгород, что позволило самой немногочисленной группе армий выйти к реке Луга, последнему препятствию на пути к Ленинграду. Группа армий «Север» в ходе наступления прошла 750 километров, когда группа армий «Центр» овладевала Смоленском. 10 июля финская армия под командованием фельдмаршала Маннергейма нанесла удар по территории СССР, начав наступление в юго-восточном направлении Ладожского озера и Ленинграда.

Группа армий «Север», стремительно сломав оборону противника, овладела Литвой, Латвией и большей частью территории Эстонии, лишив

неприятеля возможности маневрирования. Что касается овладения Ленинградом, то 15 июля генерал-фельдмаршал фон Лееб получил указания о том, что «Ленинград не брать, а лишь взять в кольцо блокады».

Советский дот на ближних подступах к Ленинграду

8 августа 41-й танковый корпус генерал-полковника Рейнхардта взломал оборону русских за рекой Луга, устранив тем самым последнее препятствие на пути к Ленинграду, до которого оставалось всего 100 километров. Как выяснилось, линия обороны у Луги являлась внешним кольцом обороны города на Неве. Радист немецкой пехотной дивизии Рольф Дам комментирует это событие так:

«Как я понимаю сегодня, мы практически достигли Ленинграда, причем бескровным путем. Мы стремительно атаковали противника, практически не встретив какого бы то ни было сопротивления с его стороны».

С 14 по 18 августа 1941 года русские атаковали немцев силами, подтянутыми из Москвы. Контрнаступление не отличалось ни продуманностью, ни организацией взаимодействия сил. Массы кавалерии, пехотинцев на грузовиках и необученных резервистов бросили в кровопролитные лобовые атаки, что никак не повлияло на темпы наступления немцев. 56-й танковый корпус генерала Эриха фон Манштейна атаковал и контратаковал русских в течение трех драматических недель, наступая из района пересохших болот верховьев реки Ильмень. И люди, и техника срочно нуждались в передышке.

Именно силам люфтваффе, действовавшим со значительным

опережением немецких мобильных соединений, и принадлежит главная заслуга в успехе операции. 64-й инженерно-саперный батальон лейтенанта Евтушевича, действовавший южнее Ленинграда, был полностью деморализован непрекращавшимися ударами с воздуха. Ранним утром в результате яростной атаки истребителей МЕ-110 были подожжены постройки, где размещалось подразделение. «Мне страшно захотелось превратиться в крохотного человечка, или даже вообще в невидимку, — писал впоследствии Евтушевич, — чтобы хоть как-то скрыться от этих вездесущих воздушных кровопийц». В паузах все пытались ободрить друг друга, то и дело раздавался натужный смех, «все наперебой пытались убедить друг друга, что, дескать, им ни капли не страшно». А между тем страшно было. Командир взвода Муштаков приказал им скрыться в близлежащем лесу и хорошенько замаскироваться. Евтушевич и еще пятеро бойцов бросились «под ураганным пулеметным огнем» МЕ-110 через поле. Даже благополучно добравшись до леса, они все равно не чувствовали себя в полной безопасности. «Опушки методично забрасывали мелкими бомбами и обстреливали из пулеметов», — продолжает Евтушевич. Отброшенный взрывной волной бомбы из убежища в ложине, лейтенант Евтушевич услышал, как его на помощь зовет Лисицын, находившийся от него в нескольких метрах. «Сюда, идите сюда», — хрипло взывал красноармеец. Евтушевич, еще не успевший оправиться от контузии, из последних сил подполз к солдату, и его взору предстало ужасное зрелище — окровавленный Лисицын без ног, с огромной раной в животе. «Это я запомнил на всю жизнь», — признается Евтушевич. Лейтенанту ничего не оставалось, как оставить своего умиравшего бойца. Нагнав остальных уцелевших, он уже к вечеру добрался до расположения батальона. Отдохнуть так и не удалось, на рассвете снова начались атаки истребителей.

В начале сентября немцы начали массированное наступление на Ленинград. Рельеф местности доставил им немало хлопот — окружить город, с тыла защищаемый огромной естественной преградой — Ладожским озером, оказалось очень и очень непросто. Не представлялось возможности даже надежно замкнуть кольцо окружения с севера. На пути у немцев на многие километры протянулись вширь полосы оборонительных сооружений. Линия обороны сооружалась по приказу руководства Ленинграда, мобилизовавшего для этой цели жителей города.

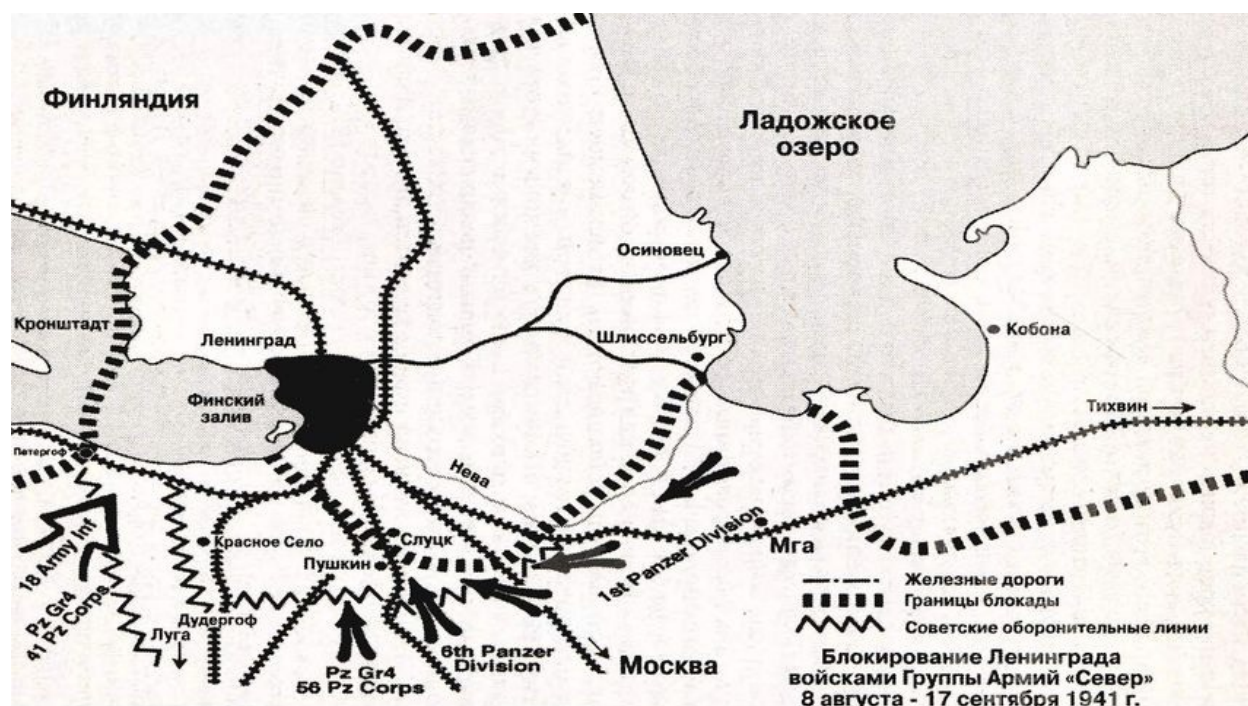
Фон Лееб отдал приказ о наступлении на город всеми имеющимися силами. Атаке предшествовал удар с воздуха тремя волнами бомбардировщиков. Ожесточенные бои затянулись на девять дней, в

течение которых немецкие дивизии сомкнулись у трех линий обороны. 1-я танковая дивизия продвигалась к городу с юго-запада вдоль левого берега Невы, а 6-я танковая дивизия, перемахнув через главную железнодорожную линию на Ленинград, устремилась с юга. Танковые силы несли ощутимые потери, поскольку танкистам после многих недель операций на открытой местности было крайне непросто приспособиться к новым условиям, в которых пришлось действовать — лесистые и заболоченные участки местности, а также улицы пригородов Ленинграда. Четверо опытных командиров танковых подразделений 6-й танковой дивизии сообщили о значительных потерях личного состава и техники уже в ходе первого дня наступления. 8 сентября был взят Шлиссельбург, а затем и другие южные пригороды. Таким образом, трехмиллионный город, важнейший промышленный и культурный центр оказался полностью отрезан от остальной территории СССР.

1-я танковая дивизия сумела прорвать линию обороны на Дудергофских высотах в 10 км южнее Ленинграда. Лишь один ее батальон сохранил численность больше 50 % от первоначальной. К 16 часам 10 сентября атаковавшие овладели высотой 167 — наивысшей точкой южнее города на Неве. Даниил Гранин, сражавшийся в рядах добровольцев — защитников Ленинграда, писал:

«На высотах под Ленинградом мы угодили под бомбежку и понесли тяжелые потери. Оставшиеся бойцы нашего подразделения рассеялись. Я остался один — без войска. Я сел на трамвай и отправился домой, прямо с поля боя, с автоматом и ручными гранатами. Я тогда не сомневался, что уже несколько часов спустя немцы будут в городе».

Завершающий этап наступления фон Лееба до передачи бронетанковых сил в состав группы армий «Центр» для проведения операции «Тайфун». Стремительность была утрачена вследствие преодоления трех линий обороны города. Линии обороны Ленинграда состояли из 1000 км земляных сооружений, 645 км противотанковых рвов, 600 км полос заграждения из колючей проволоки и 5000 долговременных огневых сооружений. Первая танковая дивизия наступала с юго-запада вдоль русла реки Нева, а 6-я танковая дивизия избрала направлением атаки северо-запад, придерживаясь главной железнодорожной линии, шедшей с юга. С взятием Шлиссельбурга и южных пригородов Ленинграда оказались перерезаны жизненно важные коммуникации с Тихвином. Уже к середине сентября 1941 года город оказался в кольце

На левом фланге 41-го танкового корпуса 18-й армии пехотинцы пробирались через низину. После того, как с наблюдательного пункта на высоте 167 удалось установить местоположение артиллерийских позиций русских и корректировщиков огня, можно было предпринять попытку захвата Слущка и Пушкина. Красное Село пало еще 11 сентября. Ганс Мауэрман, корректировщик огня, выдвинулся в составе наступающих пехотных дивизий. Мауэрман вспоминает:

«Наша рота остановила самый обычный трамвай, пассажиров предварительно высадили. На следующий день на этом же трамвае водитель отвез нас в Ленинград».

Лейтенант Евтушевич был в отчаянии. Вновь прибывшие в его подразделение солдаты были необучены и необстреляны.

«Все время нам приходилось пешим маршем ходить из одного места в другое. Неужели нельзя просто считать нас полком? У всех были одни только винтовки и разнообразия ради парочка пулеметов. Перевязочных материалов не выдали! Что же из всего этого выйдет? У нас даже гранат не было. Какое это боевое подразделение? Это же «пушечное мясо».

Участь этого подразделения была такой же, как и многих, которыми пытались сдержать натиск немцев. «Нашу роту снова выкосило дочиста, — писал он, — и мы оказались в тылу противника, немцы гнали нас, как дичь на охоте, мы пытались перебежать охраняемую немцами дорогу и прорваться к нашим». Комиссар Ермаков находился неизвестно где в лесу, установить с ним контакт не представлялось возможным. В тот вечер в дневнике лейтенанта Евтушевича появится последняя запись:

«Повсюду стрельба и танки. Мы перед нелегким выбором — что же все-таки будет? Смогу ли я завтра в это же время засесть за свой дневник? Если нет, пусть тот, кто обнаружит эти записи, передаст их матери и поцелует ее от меня. Ленинград. Проспект 25-го октября, дом 114, кв. 7. Евтушевич Анне Николаевне...»

Погибшие моряки — участники Петергофского десанта. Долгое время командованию Ленинградского фронта ничего не было известно о его судьбе

Лейтенант Евтушевич попрощался с матерью около двух месяцев назад.

«Я тогда грустно улыбнулся маме, взглянул на ее дорогое лицо и подумал: как же нелегко ей приходилось в жизни, как доставалось от нее. И

вот она сидит рядом, моя старуха- мать, скрывает тревогу, но слез уже не может сдержать. Она перекрестила меня».

В молчании поев на дороге с матерью, Евтушевич отправился на войну. Сестры проводили его до казармы. «Быстро попрощавшись с ними, сию же минуту проглотить комок в горле, едва сдерживая слезы, расцеловал их на прощанье».

Обнаружившие тело лейтенанта немецкие солдаты сочли найденный при нем маленький блокнотик важным документом. Так дневник оказался в штабе роты.

На четвертый день стало ясно, что без значительных сил подкрепления наступление продолжать нельзя. О том, что силы иссякли, было объявлено на дороге Петергоф — Пушкин. Стреляли отчаянно еще пять дней, однако потом наступление выдохлось окончательно. Прибытие на фронт генерала Жукова, недавно смещенного Сталиным с должности начальника штаба по причине слишком уж откровенной оценки развития кризиса под Киевом, вселило в защитников города уверенность. Жуков понимал толк во взаимодействии войск, распорядившись о проведении артподготовки при одновременной атаке противника с воздуха. Указанные мероприятия, а также эшелонированная в глубину оборона воспрепятствовали продвижению немецких танков. Для них оказались смертельными мины тяжелых минометов и снаряды разнокалиберной артиллерии, бившие по врагу в упор.

Намерения немцев развеялись и под влиянием других факторов. Ударный кулак генерал-полковника Гёпнера — 4-я танковая группа получила приказ снова перейти в подчинение группы армий «Центр» и готовиться к наступлению на Москву. Застопорилось и наступление финнов на Карельском перешейке. Маршал Карл Густав Маннергейм, главнокомандующий финскими силами, решил довольствоваться лишь захваченным русскими в ходе недавней «зимней войны» участком территории. Несмотря на то, что судьба в тот момент явно не благоволила к русским, дальновидный финн предпочел не портить с ними отношения окончательно. Последствия такого развития событий оказались весьма плачевны для фронта в целом. Рольф Дам, находившийся в авангарде немецких сил, пишет:

«И вдруг эта остановка. Стоим себе и стоим. Первая мысль: «Почему?» Потом уже прибыла директива фюрера. Первое, что пришло в голову нашему командованию, — это перспектива в течение всей зимы кормить миллионный город. Нет уж, увольте, лучше уж остаться здесь и морить их голодом до тех пор, пока сами не сдадутся».

Конец сентября. Под Ленинградом германская армия перешла к обороне. На позициях Полицейской дивизии СС

Немецкие войска, обосновавшиеся было на Дудергофских высотах, невооруженным глазом наблюдали золотившиеся на солнце купола находившегося в каких-то 12 километрах от них города. Можно было разобрать стоявшие в порту боевые корабли. Зрелище это и манило, и внушало чувство горькой досады у солдат и офицеров, не понимавших причин внезапной остановки наступления. Были среди них и реалисты, как, например, Вальтер Брошай.

«К середине сентября мы вышли к цепочке холмов в 8 км от Финского залива и в 20 км юго-западнее Ленинграда. Жизнь в этом городе шла своим чередом. Дико было на все это смотреть — как ни в чем не бывало шли поезда, дымили фабричные трубы, оживленная навигация на Неве. Из 120 солдат у нас в роте осталось 28, и нас собирали в так называемые «ударные батальоны» — правда, вот штурмовать Ленинград ими было никак нельзя».

Корректировщик артиллерийского огня Ганс Мауэрман тоже не питал особых иллюзий относительно исхода этих рискованных атак. Он не скрывал чувства облегчения:

«И потом вдруг — «хальт»! Впрочем, народ, скорее, был рад этому. А то что ни день, то атака, и результаты никогда не предугадаешь. И с точки зрения будущих тягот и лишений эта пауза оказалась как нельзя кстати. Мы испытывали и стыд, и в то же время облегчение».

Генерал-фельдмаршал фон Лееб продолжал форсировать это явно неудачное наступление несмотря на приказ о передаче танковых сил на

центральный участок Восточного фронта. Но наступление по-прежнему не вытанцовывалось. Высказывание Гальдера от 8 июля:

«Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки».

Не успел Лееб предпринять последнюю попытку пробиться в город 6 сентября, как Гальдер уже заявил, что, дескать, «наша цель достигнута». И в полном соответствии с пожеланиями Гитлера обозначил Ленинград как «второстепенный театр военных действий». Таким образом, Лееб был лишен возможности победоносно войти в поверженную «колыбель революции». Командующий группой армий «Север» вполне сознавал перспективу лишиться оперативной свободы в связи с необходимостью обеспечения поддержки наступления на Москву, начиная с середины сентября. «Конечно, для северного крыла это будет нелегко», — пояснял Гальдер в ответе на запрос фон Лееба касательно сохранения в его подчинении танкового корпуса Рейнхардта, а также 8-го танкового корпуса, — однако такое решение вполне отвечает духу директивы и является единственно верным». Поставленная Гитлером задача по блокированию города, обрекавшая его жителей на голодную смерть, неуклонно выполнялась.

Танк Т-26, уничтоженный внутренним взрывом

Как только Ленинград оказался в тисках блокады, на уровне штабов

армий всерьез обсуждались способы уничтожения его жителей и базовой структуры. Стремительное продвижение немецких войск застало ленинградцев врасплох, город оказался не готов к жизни в условиях блокады. Еще до последнего наступления немцев 27 августа городской комитет обороны, оценив запасы продовольствия, пришел к выводу, что «их хватит на 17 дней, овощей — на 29, рыбы — на 16, мяса — на 25 и сливочного масла — на 28 дней».

Было принято решение об увеличении объема поставок продовольствия, но тут немцы перерезали железнодорожную магистраль. Между тем идеи умерщвления жителей посыпались как из рога изобилия — предлагались самые безумные проекты вплоть до сооружения гигантской ограды, через которую пропущен ток высокого напряжения. Наряду с этим выдвигались предложения выпустить из города всех пожилых людей, а также детей. Предлагали и отдать Ленинград финнам. Пуще огня боялись эпидемий, поскольку зараза могла перекинуться и на солдат вермахта. Почти все перечисленные меры оказались неосуществимыми по причине огромных людских резервов, необходимых для их практического осуществления.

Суть окончательного решения состояла в том, чтобы объявить миру о том, что, дескать, Сталин объявил Ленинград крепостью. Вот тогда можно было со спокойной совестью крепко-накрепко блокировать его и постепенно подвергать разрушению артобстрелами и авианалетами. И вот когда в городе воцарятся настоящий голод и террор, откроются «проходы», и обезумевшая масса жителей хлынет прочь из города, что, конечно же, станет головной болью для тыла Советов.

В итоге 7 октября вышла директива за подписью Йодля и Браухича:

«Капитуляция Ленинграда или в будущем Москвы не будут приняты, даже в случае, если таковые будут предложены неприятельской стороной».

Йоганнес Хаферкамп, пехотинец, воевавший под Ленинградом, после войны в сжатой форме сформулировал дилемму:

«Русские прекрасно понимали, что немцы наглухо закрыли все выходы из города, создав вокруг Ленинграда кольцо блокады. Таким образом, все его жители оказались в положении приговоренных к смертной казни через голод и болезни. Какие меры следовало предпринять Красной Армии для прорыва кольца окружения города? И какие меры планируют принять русские для обеспечения жителей хотя бы минимумом продуктов питания? Все дело в том, что население было обречено на вымирание, именно это и входило в планы нашего верховного командования».

Не составляет труда провести параллель между жителями

осажденного Ленинграда и военнопленными — и тех, и других хладнокровно обрекли на гибель, что, конечно же, осуществлялось в рамках идеологии Третьего рейха. Отрывки из дневника службы тыла 27-й армии свидетельствуют о том, что такие намерения действительно были. В начале октября в ответе на запрос о мерах, предусмотренных для пропитания населения оккупированных районов России, говорилось, что «следует в первую очередь позаботиться о своих, а голодать — дело русских». Последовал отказ предоставить пропитание для населения оккупированных городов из армейских источников.

Есть много официальных документов, свидетельствующих о намерениях немецкого Верховного Командования. Все они проникнуты простейшей логикой — сохранить жизнь и боеспособность своих солдат. Такой метод принуждения жителей города к сдаче, как голод, мог дать прямо противоположные результаты. «То, что Ленинград заминирован и что русские будут оборонять его до последнего человека, было во всеуслышание объявлено по советскому радио», — гласил военный дневник группы армий «Север» в первых числах октября 1941 года. — Следует также ожидать вспышек серьезных заболеваний. Немецкому солдату нечего искать в этом городе». Если все же удастся снарядами вынудить жителей к бегству из города, то хаос неизбежно перекинется на наш собственный тыл, создавая там невиданные ранее трудности».

Как мы можем убедиться, мнения фронтовых солдат с Дудергофских высот не отличались академической глубиной. В окопах все проблемы трактуются куда проще и доходчивее. Одного бывшего обер-ефрейтора, посетившего 40 лет спустя Ленинград в качестве западногерманского туриста, спросили, не мучают ли его угрызения совести по поводу участия в осаде города.

«Нет, вины за собой я не чувствую. Это была война. Мы вынуждены были сражаться, как и русские солдаты, и они, и мы героически сражались».

Признав, что осада города в итоге оказалась «бессмысленной», экс-обер-ефрейтор считал, что цель была — победить, выиграть войну, и ничего больше.

«Город горел и днем, и ночью. Мы сами видели это. От планов овладения этим городом мы не могли просто отказаться — он стал для нас символом. Сокрушить этот город означало сокрушить весь северный участок фронта — тогда он целиком оказался бы в наших руках. Но с каждым днем это становилось все труднее для нас. Я тогда пошел на фронт добровольцем, на 12 лет. Мы сражались за нашу систему, в точности так

же, как русские за свою».

Официальные документы — бесстрастные свидетельства расчетов и намерений немецкого Верховного Командования. Ничуть не менее важны и личные переживания солдат, кому было доверено воплощение в жизнь упомянутых расчетов и намерений. Было немало сложных вопросов. Командующий 58-й пехотной дивизией был готов выполнить приказ об открытии огня по скоплениям людей, пытающихся вырваться из осажденного города, с условием, что следует принимать во внимание ряд обстоятельств. Его солдаты выполняют приказ, но «станут ли они хладнокровно расстреливать ни в чем не повинных и беззащитных женщин, детей и стариков», в этом командующий сомневался.

У каждого свои представления о человеческой порядочности. Немецкий солдат находился под гнетом политических и идеологических догм, и, кроме того, над ним довлел солдатский долг. Командующий не сомневался, что его солдаты полностью осознавали необходимость удерживать в узде миллионы жителей Ленинграда. Однако это не избавляло от опасности, что «немецкий солдат утратит боевой дух, что будет нанесен урон традиционной солдатской этике, что после войны солдату ни к чему нести ответственность за свои действия во время войны».

Подобные взгляды характерны не только для командующего 58-1 пехотной дивизией. Осуществлялись меры по насильственному выселению жителей оккупированных немцами районов, непосредственно прилегавших к кольцу окружения Ленинграда. Несколько тысяч местных жителей конвоировали по дороге Красногвардейск-Псков. В основном это были женщины, дети и старики. Никто из них не знал, куда их ведут. Официальный военный дневник группы армий «Север»:

«У всех создавалось впечатление, что рано или поздно эти люди погибнут от голода. Эта сцена произвела самое негативное впечатление на солдат, осуществляющих контроль над этой дорогой».

Нет, здесь все было не так, как год назад во Франции.

Глава 10

Война без победных венков

«Если кто-то утверждает, что большинство немцев ни в чем не виноваты, то он сообщник преступников. И я, как бывший солдат — тоже «сообщник».

Германский солдат

«Лучше три французских кампании, чем одна русская»

Фриц Кёлер, 20-летний ветеран кампании во Франции, входил в Рославль, расположенный в 100 км юго-восточнее Смоленска, 3 августа 1941 года. Незадолго до этого их подразделение провело удачную атаку. Но русским все-таки удалось уничтожить запасы горючего и продовольствия. «К сожалению, — записал он в тот вечер в дневнике, — в этом городе «освободить» уже нечего». Созерцая превращенный в руины догоравший город, он заключил: «Да, во Франции было куда лучше».

Девять дней спустя обер-ефрейтор Эрих Куби, подразделение которого выделили для охранения (фронт группы армий «Север»), из «окопа № 4» следил за мокрым от дождя лесом. И так каждый день два часа ночью и три днем. Чуть поодаль лежал труп красноармейца, одного из многих, пытавшихся штурмом взять их позиции прошлой ночью. Тело было лишь слегка присыпано землей. Куби решил зарыть его, как полагается, на следующем дежурстве. «Лучше три французских кампании, чем одна русская» — эта поговорка быстро вошла в моду в войсках. «Здесь нам недоставало удобных французских кроватей и поражало однообразие местности». Беззаботные деньки канули в прошлое. «Перспективы оказаться в Ленинграде обернулись бесконечным сидением в пронумерованных окопах».

Хлеб-соль оккупантам. Через два года эти же люди (если останутся в живых) со слезами счастья встретят Красную Армию. Но хлеба у них не будет

Куби и Кёлер выражали общую точку зрения солдат Восточного фронта. Эта война мало походила на «войну победных венков». Никакой тебе славы победителя, как это имело место год назад после войны с Францией, никаких парадов, никаких цветов, которыми тебя забрасывали признательные жительницы рейха. Теперь у «Вохеншау» появился новый конек — хроника без конца муслировала понятие «Рая для рабочих», так в рейхе издевательски окрестили оккупированные восточные территории. Камера надолго прилипла к шатким заборам, грязным подворотням, лачугам и помойкам кварталов, где обитал рабочий люд России.

«Бездумные необразованные массы — пушечное мясо Советов. Уже в первые пять дней немецкие солдаты вдоволь насмотрелись на так называемый «рай для рабочих», на деле ничего, кроме омерзения, не вызывавший. Именно этим, вероятно, и объясняется столь сильное стремление России отделить, отрезать себя от остального мира!»

Страна под названием Россия представляла собой неизвестную величину. Ветераны войны с Францией не рассчитывали обнаружить здесь неисчерпаемые запасы шампанского, вин, жратвы, других экзотических трофеев, одним словом, того, чего с начала войны отчаянно недоставало в рейхе. Так что «освободить» здесь было особенно нечего. Сама безжалостная суть этого конфликта определила атмосферу, столь разительно отличавшуюся от той, в которой осуществлялась французская

кампания. Только и оставалось, что тешить себя тем, что это, мол, война за «жизненное пространство», а легкой такая война быть не может, короче говоря, прокручивать в голове то, чем старательно пичкали национал-социалистические пропагандисты. Современные страны Запада, взращенные на патернализме и ценностях социального государства, до сих пор не могут найти подходящего объяснения тому идеологическому базису, в котором протекала эта война. Как же так? Ведь армия, вторгшаяся в Советскую Россию, на 95 % состояла из тех, кто считал себя христианами. Из 79 с лишним миллионов немцев 41,6 млн. называли себя протестантами, а 31,4 млн. — католиками.

Хотя серьезных исследователей религиозных войн подобные объяснения явно не удовлетворяют, вермахт, хотим мы этого или нет, в войне опирался на солдат, выросших именно в христианских семьях. Исторический опыт подтверждает, что периоды обострения конфликтов неизменно сопровождаются упадком нравов и смещением традиционных представлений о пороках и добродетелях. И вовлеченный в кампанию солдат не сразу замечает этот идущий исподволь процесс. Но вскоре, оказавшись в экстремальной обстановке войны, он демонстрирует нестандартные нормы поведения. Все начинается с мелочей: прихватить после боя «трофейчик» — позаимствовать ценный предмет, принадлежавший убитому противнику, бинокль или пистолет, а может, обшарить карманы в поисках чего поценнее, например, денег или драгоценностей. Это вполне можно оправдать тем, что, дескать, он уже там, где ему это добро не понадобится. А потом, глядишь, и живых можно растряссти на барахло, не испытывая при этом особых угрызений совести. Позже дело доходит и до бесчинств, открытого насилия.

Деятельность немецких эйнзатцгрупп СС в немецком тылу хорошо известна и подтверждена массой документов. Всего таких подразделений было четыре, и располагались они в городах по всей линии фронта трех армейских группировок вермахта, осуществляя поддержку исполнения плана «Барбаросса». Костяк эйнзатцгрупп составляли представители гестапо и СД, кроме этого, в них входили и мелкие подразделения «ваффен СС» (гиммлеровские фронтовые части СС). К середине июля череда побед на Восточном фронте убедила практически всех в скором и победоносном завершении летней кампании в России. Гитлер же потребовал от армии осуществления мероприятий по умиротворению населения на захваченных территориях, то есть в тылу германской армии. В состав эйнзатцгрупп входили и батальоны «полиции безопасности». Выявление неугодных элементов осуществлялось одним из таких подразделений — 101-м

резервным батальоном полиции. И вот что интересно. Комплектовалось это подразделение, казалось бы, самыми обычными людьми, в основном служившими до войны в полиции. Обычные резервисты составляли лишь незначительную часть. И люди эти были родом из Северной Германии, главным образом из окрестностей Гамбурга. А этот город славился своим прохладным отношением к национал-социализму и национал-социалистам. Солдаты происходили из вполне благополучных семей, 65 % — из семей рабочих, 35 % можно причислить к выходцам из среднего класса. Если судить по возрасту, большинство их сформировались как личности до прихода нацистов к власти, однако к 1942 году большинство их вступило в ряды НСДАП. Если верить исследователю Кристоферу Браунингу, они «явно не представляли собой благодатную среду для взращивания хладнокровных убийц, способных на геноцид, каким являлось «окончательное решение еврейского вопроса».

Захват в плен красноармейцев. Обратите внимание на автомат ППД-34 в руках одного из солдат вермахта. На пленных нет ни ремней, ни снаряжения. Следовательно, этот кадр кинохроники можно считать типичным примером пропагандистской постановки, которой злоупотребляли все воюющие стороны

Однако размах военных преступлений на территории Советского Союза оказался таков, что повлиял даже на характер боевых действий в целом. И это признает даже командир 58-й пехотной дивизии, участвовавшей в блокаде Ленинграда в октябре 1941 года. Командир дивизии не скрывал обеспокоенности тем, что «германский солдат

утрачивал традиционные нравственные устои». Один из ветеранов Восточной кампании Роланд Кимиг заявил после войны:

«Мне не приходилось видеть злодейств, но я слышал о них от тех, кто с ними сталкивался. Они [русские. — Прим. авт.] гибли тысячами, многих из них убивали жуткие условия труда, это факт неоспоримый. Их не переселяли куда-нибудь, их просто... убивали, каждого десятого».

Другой солдат, водитель, ефрейтор Ганс Р., представил лишенное каких бы то ни было эмоций описание массового расстрела, свидетелем которого он стал в ходе наступления в России. Вместе со своим товарищем из хозяйственного подразделения они видели, как «мужчин, женщин и детей, связанных друг с другом проволокой, конвоировали вдоль дороги эсэсовцы». Из чистого любопытства оба солдата решили проследить, куда и зачем их везли. И проследили. Ганс Р. рассказывал об этих событиях уже 40 лет спустя после войны, девяностолетним стариком. Описал он их монотонно, можно даже сказать, безучастно, ничем не выдав эмоций. За деревней был вырыт ров 2,5 м в ширину и 150 метров в длину. Вдоль него стояли люди, другие выгружались из крытых грузовиков. «К своему ужасу, мы поняли, что это были евреи», — сообщил Ганс Р. Жертв спихивали в ров, заставляя там ложиться ровными рядами, причем один ложился головой к ногам другого. Как только укладывали один слой людей, двое эсэсовцев, вооруженных автоматами советского производства, открывали по лежащим огонь, целясь в головы; потом они обходили ров, уже из пистолетов добивая тех, кто еще подавал признаки жизни.

«Затем к краю рва подвели следующую партию несчастных, заставляя их укладываться на очередной слой трупов. В этот момент девочка, лет двенадцати, пронзительно закричала, моля о пощаде. «Не убивайте меня, я ведь еще ребенок!» Ее схватили, швырнули в ров и застрелили».

Высшие инстанции смотрели на подобные вещи сквозь пальцы^[41]. Порядочность проявлялась исключительно на личностном уровне. Понятие добра и зла, допустимого и недопустимого затушевывалось официальными идеологическими догмами. Сильный резонанс в армии вызвал пресловутый «приказ о комиссарах». Бруно Шнайдер из 8-го батальона 167-го пехотного полка, например, получил от своего командира роты такое распоряжение:

«Красноармейцев брать в плен лишь в исключительных случаях, другими словами, если нет другого выхода. А в остальных случаях их необходимо расстреливать, то же самое распространяется и на военнопленных женщин».

Еще один постановочный кадр. На этот раз, уже плененный красноармеец «сдается» солдатам войск — СС

Как утверждал Шнайдер, большинство солдат его подразделения «действовали вопреки упомянутому приказу». То есть все решалось в зависимости от каждого конкретного случая. Мартин Хирш, 28-летний унтер-офицер из 3-й танковой дивизии, удостоился под Брестом осуждения солдата из другой части, когда тот увидел, как Хирш перевязывал тяжелораненого русского солдата. «Что это тебе в голову взбрело?» Я ответил ему, что должен был перевязать его. Тот взъярился на меня и выкрикнул, что незачем спасать этих «недочеловеков». Хирш не стал с ним спорить. «Он пригрозил доложить об этом начальству, но я его больше так и не видел и ничего о нем не слышал». По мнению Хирша, тот солдат был «закоренелым нацистом, поэтому я обрадовался, что он сгинул куда-то».

В 6-й армии, действовавшей в составе группы армий «Юг», «приказ о комиссарах» довели даже до командиров батальонного уровня. И расстрелы захваченных в плен советских политработников стали в ходе наступления почти рутинной. Например, уже сутки спустя после начала вторжения 1-я танковая группа сообщила в разведуправление 6-й армии, что в 48-м и 3-м корпусах были случаи захвата комиссаров и что «с ними обошлись надлежащим образом». Согласно донесению, отправленному в штаб 62-й пехотной дивизии, с одетыми в гражданскую одежду лицами, а также с выявленным комиссаром, захваченными в лесах под Штунем, «обошлись в соответствии с имеющимся приказом». Имеются и другие свидетельства о расстрелах: 1 июля в распоряжении 298-й пехотной дивизии и 62-й дивизии расстреляны пятеро комиссаров, на следующий

день еще девять человек. Из пойманных в распоряжении 44-го корпуса двоих комиссаров один покончил с собой, другой был расстрелян. В 6-й армии расстрелы политработников тоже стали повсеместным явлением: 122 человека были «казнены» в ходе проведения операции против партизан 51-м корпусом по завершении битвы за Киев. А в ходе наступления было расстреляно около 30 человек.

Постепенно солдат привыкал к расстрелам, ценности смещались, принимая форму массового умопомешательства. Фронтовые солдаты, стоит отметить справедливости ради, редко кого-нибудь ставили к стенке исключительно по причине разницы идеологических или политических воззрений. Отчеты, представленные эйнзатцкомандами, а также другие документы — неоспоримое свидетельство, и составлялись они явно из расчета произвести впечатление на вышестоящее начальство, причем на ту его часть, которая тяготела именно к идеологии. Можно ли на этом составить представление о вермахте в целом — вопрос спорный. Очевидно, истина, как всегда, лежит где-то посередине, и ее вряд ли отыщешь, полагаясь исключительно на архивную пыль. Гельмут Шмидт, бывший офицер-зенитчик, дав волю эмоциям в одном из интервью послевоенных лет, утверждает, что вообще не все солдаты имели ясное понимание происходящего. «Есть люди, которые свидетельствуют как раз об обратном тому, что изложено в архивных документах», — утверждает Шмидт.

Никто не пытается спорить с официальными доказательствами творившихся в ту пору бесчинств, однако представляется спорным голословно утверждать, что подобные явления можно отнести к разряду повсеместных на всех без исключения участках фронта. Такой альтернативный взгляд Гельмута Шмидта на вещи (и не только его одного, но и всех побывавших на фронте), по сути, можно свести к формулировке, что солдаты были слишком молоды, чтобы сделать из увиденного и пережитого ими на фронте глубокие политические или идеологические выводы. Тогда их всецело занимал вопрос о том, выживут ли они в этой бойне. Осознание размаха творимых преступлений пришло много позже. А с ним и осознание себя ничего не подозревавшими «жертвами» бесчеловечной тоталитарной государственной машины. А с жертв, как говорится, и взятки гладки. Солдат по имени Роланд Кимиг, тот вообще понял, что есть, что лишь после добровольной сдачи в плен русским.

«Когда я был пленным, русские меня называли «фашистом». Я только в лагере узнал о том, сколько преступлений на совести немцев, причем не только на территории России, но и в концентрационных лагерях Европы. Мы ничего об этом не знали. Сначала мы вообще не поверили, считая все

это притянутым за уши. Они и нас называли не иначе, как «фашистские орды». Но когда были представлены веские доказательства этого, тут уж мы призадумались».

В боях было не до размышлений. Оказавшись в строю, молодые люди переходили в разряд бессловесных роботов, вынужденных действовать в контексте общих для всех и определяемых национал-социализмом установок, в основном сводившихся к «преодолению тягот фронта». Такого постоянного прессинга вполне хватало, чтобы человек, расставшись с личными предпочтениями, вплотную подошел к тому, чтобы расстаться и с совестью. Далее Кимиг поясняет:

«Не забывайте, это сейчас мне 66 лет, а тогда ведь было 17–18, и я был совершенно другим человеком. Не успевшим сформироваться. Это была машина, спасения от которой не было никому. Что я мог поделаться? Пойти на службу был мой долг. А уклонившихся ждало суровое наказание, и вот этого мне не хотелось».

Руди Машке из 6-го Померанского пехотного полка высказывался куда конкретнее. «Невыполнение этих приказов [имелся в виду «приказ о комиссарах». — Прим. авт.]стоило бы жизни нам самим». Кимиг утверждал, что его в подобном случае просто «арестовали бы и предали военному суду».

«Я стремился быть ни за тех, ни за других. Вы скажете, разве это преступление. Но если кто-то станет утверждать, что большинство немцев ни в чем не виноваты, то он сообщник преступления. И я, будучи солдатом, — тоже «сообщник».

Что же превращало солдата в сообщника преступных деяний?

Факторы, воздействовавшие на психику немецких солдат

Немецкого солдата, как и солдат всех времен и народов, волновало одно: выживет ли он в следующем бою? Времени для размышлений о собственной судьбе имелось в избытке — дорога на фронт была длинной. Иногда туда приходилось добираться несколько недель; немецкие войска продвигались все дальше в глубь России. Спешившие навстречу санитарные поезда в известной степени давали представление о том, что ждет солдата впереди. Бенно Цайзер, водитель транспортного подразделения, на первых порах был человеком наивным. В учебном подразделении его, как и его товарищей по службе, подсадили на пропагандистское меню, что и заставило Цайзера искренне утверждать:

«Каждому дураку понятно, что потери были и будут, нельзя зажарить яичницу, не разбив яиц, но нас впереди ждет победа и только победа. Кроме того, если уж суждено получить пулю, то умрешь героем. Так что, ребята, ура и вперед!»

В рейх отправлялось все больше санитарных поездов

Но уже первый санитарный поезд с фронта быстро развеял ура-патриотический настрой Цайзера. «Стали на носилках выносить раненых. У кого не было ноги, у кого руки, а то и обеих, форма в крови, почерневшие от грязи и запекшейся крови повязки, на лицах гримасы боли, глаза впалые, как у мертвецов». В поезде один солдат просветил его насчет фронтовой жизни:

«Если ему верить, все оказалось мрачнее некуда. Красные бьются насмерть, несмотря ни на какие потери. Хотя наступление идет быстрыми темпами, все равно непонятно, когда и чем все это закончится, к тому же у русских больше людей, намного больше».

Давление на психику солдата начиналось с первых минут пребывания на фронте. Первый его видимый признак — убитые вражеские солдаты. Многие необстрелянные солдаты только на войне увидели трупы. Вернер Адамчик из батареи 150-мм орудий с ужасом убедился под Минском, насколько эффективно он «поработал» своей пушкой. «Я еле на ногах устоял, увидев весь этот кошмар, но все же каким-то образом сумел взять себя в руки, — говорит он. — И потом глазам открылась еще более ужасная картина». Война очень быстро счищает пропагандистскую шелуху. Окопы доверху были наполнены телами убитых советских солдат. «Меня передернуло, и я повернулся, собираясь вернуться к грузовику, —

многовато было для меня впечатлений». Адамчик был в шоке. Увиденное никак не вязалось с тем, что им втемяшивали в голову пропагандисты — мол, «русский солдат понятия не имеет о дисциплине и ни на какой героизм не способен».

«Я сразу понял, что они боролись до конца и отступать не собирались. Если это не героизм, то что же? Неужели одни только комиссары гнали их на смерть? Как-то не похоже. Не видно было среди них комиссарских трупов».

С первых дней этой войны немецкий солдат имел массу возможностей убедиться, что советский солдат отнюдь не так уж плох и туп, как это стремилось доказать начальство. Адамчик вспоминает: «Осознав это, я быстро понял, что мои шансы вернуться живым домой здорово поубавились». Рядовой Бенно Цайзер тоже отрезвел, увидев убитого русского. «Ведь совсем недавно он был жив, он был обычным человеком, — размышлял вслух Цайзер. — И тогда я понял, что эта картина вечно будет стоять у меня перед глазами». Военный художник Тео Шарф, также наступавший в составе 97-й дивизии группы армий «Юг», «заметил у обочины лежащего советского солдата, он будто спал, но пыль успела толстым слоем осесть на него. И на лице лежал слой пыли». Это был первый убитый из очень многих, которые довелось видеть ему. Со временем зрелище стало привычным — убитых русских было много. А вот к виду своих убитых солдат привыкнуть оказалось труднее. Горечь утраты, ожесточение, страх — вот чувства, которые вызывала гибель товарища по оружию. Вернер Адамчик вспоминает, как хоронил двух друзей из своей батареи. «Вот и все, конец, их больше не стало. Я стоял, не зная, что делать». Обоих разорвало на куски при взрыве грузовика, который вез боеприпасы.

«Я от души сочувствовал близким этих ребят. Я ведь мог оказаться на их месте. Я попытался вообразить, как бы моя семья отреагировала на мою похоронку. И впервые в жизни понял, что такое настоящая любовь и чувство близости».

Цайзер: «Ужасно видеть труп кого-нибудь из наших... Бывало, уставишься на него и думаешь, а ведь и у него есть мать, может быть, сестры или братья, и он ведь из той же плоти, что и ты».

И ужасы передовой, с которыми приходилось сталкиваться ежедневно, постепенно смещали шкалу привычных ценностей. Трупы становились частью повседневности. Цайзер продолжает:

«Со временем привыкаешь и к этому. И уже не удивляешься, что число трупов в такой же форме, что и на тебе, с каждым днем растет. А потом уже

не различаешь, кто это, свой, немец, или же русский. Вскоре ты сам себе кажешься существом неживым и никогда не жившим по-настоящему, а так, чем-то вроде комка земли».

Вещи ненормальные мало-помалу становятся нормой. Насилие, смерть, творимые жестокости и даже убийства уже не столь ужасают. Убийство на войне, на поле брани или же вне его, лежит вне привычных рамок. Хотя «нормальное» поведение на поле брани — само по себе абсурд, поскольку предполагает убийство, а оно, в свою очередь, оборачивается тяжелейшим эмоциональным кризисом — ожесточением. И последствия этого ожесточения всегда непредсказуемы. Чувство неопределенности, вот, пожалуй, единственное, что никогда не покидает солдата. И еще страх.

«И вот в один прекрасный день ты сам сталкиваешься с этим. Разговариваешь со своим товарищем, а он вдруг вздрагивает, оседает на дно окопа и пару мгновений спустя уже мертв. Вот это и есть ужас. Ты видишь, как другие равнодушно переступают через него, словно это камень на дороге, и ты в конце концов осознаешь, что его гибель — просто гибель в ряду многих на этой войне».

Вот это страшно и неотвратимо давило на солдата. Не просто погибнуть, а погибнуть безымянно, растворившись в океане статистики, быть обреченным на забвение. Цайзер поясняет:

«Вот это и не дает тебе покоя — именно участь стать одним из тех безликих и изначально неживых существ, комьев праха».

Страх пополнить статистику потерь усугублялся и весьма специфическими, мягко говоря, условиями той «непонятной» страны, в которую вторгся вермахт. Родным и близким ведь так и не понять, и не узнать, как и при каких обстоятельствах ты погиб. Военный корреспондент Феликс Лютцендорф, служивший в эсэсовских частях на Украине, писал:

«Это бескрайняя страна под бескрайним небом с уходящими в бесконечность дорогами. Все города и села здесь похожи друг на друга. Все население одинаково — одинаковые женщины и дети, стоящие по обочинам дорог, у одинаковых колодцев, у одинаковых скотных дворов... Стоит колонне съехать с дороги на поле, приходится ежеминутно сверяться с компасом, ты ощущаешь себя мореплавателем в необозримом океане».

Германские солдаты позируют около КВ-2, подбитого или брошенного на дороге в Дубно

Война стала для многих немецких солдат чем-то вроде не совсем обычной формы туризма — большинство ведь никогда не выезжало за пределы родного города или местности. Один солдат описывал кампанию мая 1940 года во Франции, как турпоездку в рамках общества «Сила через радость» за счет НСДАП. Другой записал в дневник непосредственно перед нападением на Россию, что «добрался уже до самой русской границы», что война «дала ему возможность увидеть пол-Европы, причем совершенно бесплатно», что «от России мало что следует ожидать в смысле зрелищ». Через три недели после начала кампании один ефрейтор сетовал: «Здесь вам не Франция, это там мы получали все, что пожелаем, а здесь искать нечего». Другой солдат скептически заметил, что, дескать, им пришлось сменить «польские лачуги» на «русские собачьи будки».

«Еще вчера мы ночевали в удобных казармах, а теперь валяемся в какой-то собачьей конуре. В жизни не видел такой грязищи».

Физическое состояние было под стать окружающей среде. Немецкий солдат, привыкший в Германии к удобной, чистой казарме, по мере того, как эта кампания затягивалась, впадал в уныние. «Эти бесконечные равнины, дремучие леса, тут и там ветхие хибары — жуткая картина», — писал домой немецкий солдат. По его словам, «все здесь тонет в бескрайней дали».

По мере продвижения на восток росли и опасения. «Ориентироваться в России — все равно что в пустыне, — высказал свое мнение еще один солдат. — Если не видишь горизонта, считай, что заблудился». Мнение

другого:

«Эти огромные расстояния пугают и деморализуют солдат. Равнины, равнины, конца им нет и не будет. Именно это и сводит сума».

«Куда эта война заведет нас, в какую даль?» — вопрошал 33-летний Гюнтер ван Сохевен, сражавшийся на южном участке фронта.

«Здесь нет никаких внятных ориентиров, одна только бесконечность. А противников все больше. И встречается он все чаще, несмотря на приносимые нами жертвы».

Солдат все острее ощущает тоску по дому. «С каждым днем мы все дальше и дальше от дома, но сердце наше там», — таков вывод Гюнтера ван Сохевена.

Желание поскорее завершить эту кампанию наталкивается на упорное сопротивление русских, которое день ото дня растет. Конечно, легче всего было приписать отвагу неприятеля укоренившейся в нем неполноценности, непривычным условиям этой страны. Унтер-офицер мотопехоты Вильгельм Прюллер из 9-й танковой дивизии писал 4 июля: «Нам рассказывали страшные вещи о том, как поступают русские с попавшими к ним в плен». 8-я рота его 11-го стрелкового полка была наголову разбита, попав в засаду. Потери — 80 человек убитыми. «Раненые пытались прикладами отбиться от русских, но в итоге и сами погибли». Для антисемита, каковым является Прюллер, враг № 1 — еврей. Как и многие другие солдаты вермахта, Прюллер поразился, увидев женщин в красноармейской форме. В одном из «котлов» им пришлось видеть «женские трупы, раздетые догола и обугленные», они «лежали на обочине дороги у сгоревшего советского танка. Ужас!» И тут же следует вывод: «Нет, те, с кем мы здесь сражаемся — не люди, а животные». Вряд ли эта точка зрения сильно отличается от того, как смотрели американские солдаты на японцев или несколько десятилетий спустя на вьетконговцев во Вьетнаме. Таким образом, мы вновь убеждаемся, что дегуманизация — плод не только тоталитарных государств и обществ. Позже Прюллер пишет о том, что «среди убитых русских было много азиатов, как же отвратительны эти узкоглазые». Прюллер места себе не находил от увиденного в России. В одном из парков Кировограда немецкие солдаты купались в каком-то водоеме. «Удивительное зрелище — русские женщины, ничуть нас не стеснясь, раздевались догола, — писал он. — Некоторые были очень даже ничего, в особенности их груди... Любой бы из нас не отказался. Но стоит присмотреться, как ты видишь, что все они немытые, просто на рвоту тянет. Тут у них сплошное распутство! Отвратительно!»

Танкист Карл Фукс (7-я танковая дивизия) в письме к жене с

омерзением описывал советских военнопленных:

«Тут не увидишь мало-мальски привлекательного, умного лица. Сплошная дичь, забитость, ни дать ни взять — дебилы. И вот эта мразь под предводительством жидов и уголовников намеревалась подмять под себя Европу и весь остальной мир. Слава богу, наш фюрер Адольф Гитлер не допустил этого».

В одном из июльских выпусков кинохроники «Германское еженедельное обозрение» были показаны азиатские лица — военнопленные монголы, узбеки и другие. «Вот всего лишь несколько примеров страшного большевистского недочеловека» — так комментировал кадры диктор. Сходные чувства испытывали и некоторые авторы дошедших до нас солдатских писем домой.

«Мы в российской глубинке, в так называемом «раю», куда они призывают нас дезертировать. Здесь царит страшная нужда. Два столетия здесь терзали и угнетали людей. Нет, лучше уж умереть, чем принять муки и нищету, выпавшие на долю этого народа».

Непоколебимая уверенность встретиться в России с «неполноценным» во всех отношениях противником, базировавшаяся исключительно на расистских критериях и подтверждавшаяся первыми днями кампании, постепенно улетучивалась.

В конце июня 1941 года 3-я рота 9-го пехотного полка прочесывала леса северо-восточнее Белостока в районе села Крынки. Молодой лейтенант, командир взвода истребителей танков, несмотря на все увещевания, настаивал на том, чтобы сойти с дороги прочесать чащобу, в которой было полным-полно отбившихся от своих частей русских. Противотанковый взвод вскоре оторвался от поддерживавших его пехотинцев. Вскоре послышались нечеловеческие вопли и отрывистые команды на русском языке. Майор Хефтен, командир роты пехотинцев, приказал срочно отправляться на выручку попавшего в засаду противотанкового взвода. Отряду пехотинцев под командованием фельдфебеля Готфрида Бекера вскоре предстало зрелище, «ужас и нечеловеческая жестокость которого не сразу дошли до нас». Людей стало рвать, когда они увидели, что произошло. «Тут и там на земле лежали окровавленные и конвульсивно подергивающиеся тела». Углубляясь в лес, пехотинцы находили все больше страшных свидетельств.

«У солдат были выдавлены глаза, у некоторых перерезано горло или торчали из груди их же штыки. У других вспороты животы и выпущены внутренности. Кое у кого из несчастных русские отрезали половые органы и выложили им на грудь».

Немцы, словно в трансе выбравшись назад на дорогу, долго не могли прийти в себя от пережитого кошмара. «Скоты», — пробормотал один из них, другого тут же вырвало, третий солдат неподвижно стоял, уставившись в одну точку, и беззвучно плакал. Новость стремительно распространилась по дивизии. Сначала командир полка возражал против «приказа о комиссарах», но после зловещей находки в лесу первый же плененный комиссар был передан военной полиции и расстрелян.

Русский солдат, к которому прежде относились с известной долей уважения, превратился в пугало. И он, в свою очередь, оправдывал собственную жестокость теми злодеяниями, которые немцы творили в отношении русского народа. «Я всегда боялся русских, — признавался немецкий солдат по имени Эрхард Шауман (группа армий «Центр»), — поскольку они всегда казались мне диковатыми». Русские всегда отличались умением поставить природу себе на службу — необозримые леса, топкие болота, — проявляя при этом недюжинные умения ведения ночных боев. «Там, где мы в силу своей цивилизованности оказывались бессильными, — продолжает Шауман, — они реагировали точно дикое зверье». Невежество противника, страх перед ним, в свою очередь, подвигали немцев на бесчеловечность. По словам танкиста Ганса Бекера — «жестокость порождает жестокость». Он считал, что «не может быть оправдания зверствам, совершавшимся в отношении русских». Роланд Кимиг, другой солдат вермахта, размышлял в послевоенные годы:

«Если бы на нас напали, скажем, «русские орды», как на них напали наши «фашистские орды», надо сказать, что мы временами и вели себя подобным образом, так я сражался бы с ними до последнего».

1 июля 1941 года, через 9 дней после начала кампании, 180 человек из 35-го пехотного полка, 119-го пехотного полка и артиллерийских частей в результате внезапной атаки русских попали в плен на Украине в районе дороги Клевань-Бронники. Всем пленным было приказано отойти с дороги в поле и там раздеться догола. Ефрейтор Карл Егер принялся поспешно стаскивать с себя обмундирование. «Нам было велено отдать все ценные вещи, имевшиеся у нас, и вывернуть наизнанку карманы». Как правило, захваченные в плен не заставляют упрашивать себя, поскольку опасаются за жизнь. Раненым было не так легко раздеться. Егер вспоминает, как один унтер-офицер, ефрейтор Курц мучился, пытаясь одной рукой (вторая была ранена) расстегнуть ремень. К ужасу Егера, ефрейтор Курц получил за неповоротливость «удар красноармейским штыком в шею — конец штыка вышел через рот». Остальные в испуге стали раздеваться, невзирая на боль от ран. Еще нескольких солдат красноармейцы подгоняли ударами

прикладов в голову. После этого немцев, разбив на группы по 10–15 человек, вывели на дорогу и приказали следовать на север. Многие были полураздеты, а «несколько человек так и шли, в чем мать родила», вспоминает Егер. Старший рядовой пехоты Вильгельм Мецгер вспоминает: «Русские... все у нас отобрали — обручальные кольца, часы, портмоне, форменные знаки различия, а также носки, сапоги, нательные рубахи». Рядовому Герману Хайсу, как и остальным, связали за спиной руки и потом повели куда-то через густой клевер. Хайс:

«Русский солдат ткнул меня штыком в грудь... потом еще раз семь в спину. Я лежал неподвижно, как труп. Русские подумали, что прикончили меня... Я слышал стоны моих товарищей и тут же потерял сознание».

«Внезапно русские открыли по нам огонь», — рассказывает рядовой Михаэль Беер. Автоматные и пулеметные очереди хлестнули по группам полуодетых немецких пленных. Карл Егер, оглянувшись, увидел, что русские расстреливают идущих позади. «Первые выстрелы вызвали панику, и я в суматохе сумел убежать», — говорит Егер. Потом русские стали забрасывать пленных офицеров и унтер-офицеров гранатами. Их всех измочалило осколками.

На следующее утро пехотинцы при поддержке танков 25-й дивизии обнаружили 153 полураздетых трупа. У 14 человек были отрезаны половые органы. Среди убитых обнаружили чудом выжившего тяжелораненого Германа Хайса. Ему была оказана помощь, и он пришел в себя. Большинство из взятых в плен были мертвы, выжили лишь немногие, и то часть их скончалась позже от ран. Выжить удалось лишь двенадцати из 153 солдат.

Подогнали грузовики и погрузили убитых. Неестественно оттопыренные руки и ноги: за сутки тела успели окоченеть. Несчастных похоронили на вновь созданном солдатском кладбище около церкви в Бронниках.

Подобные зверства — выколотые глаза и отрезанные половые органы, конечно же, усиливали страх оказаться в плену у русских. Подобных случаев было много, в особенности на первой стадии кампании. Тактика блицкрига и безудержные наступления только способствовали пленению, причем как раз не русских, а немцев. В июле сообщалось о 9000 пропавших без вести солдат вермахта, в августе — о 7830, а в сентябре 1941 года их оказалось 4900. И хотя число погибших в плену у русских позже уменьшилось, тогда, в летние месяцы 1941 года, оно составляло 90–95 %. Эти цифры — ничто в сравнении с участием миллионов советских военнопленных, но и их хватало, чтобы вселить в немецкого солдата

первобытный ужас перед русским пленом. Захваченные у русских документы приоткрывают завесу тайны над участью пленных солдат и офицеров вермахта. В донесении 26-й советской дивизии от 13 июля 1941 года присутствует цифра в 400 немецких солдат, оставленных на поле боя западнее Сластены, и «примерно 80 человек немцев сдались в плен и были казнены». Еще одно ротное донесение за подписью капитана Джедиева, датированное 30 августа, попавшее в руки к немцам, сообщает о потерях немцев, захваченных у них трофеях и «15 раненых, которые были казнены».

Данные радиоперехвата и попавшие к немцам документы Красной Армии объясняют причины столь жестокого обращения с пленными. Это и ненависть к врагу, и фанатизм, и неожиданная смена обстановки, и отсутствие транспорта для отправки пленных в тыл, да и отсутствие самого тыла. Иногда пленного могли расстрелять за отказ предоставить сведения секретного характера или же в назидание другим, предпочитавшим отмаливаться на допросах. Или же в качестве ответной меры на творимые вермахтом жестокости (стоит вспомнить хотя бы печально известный «приказ о комиссарах»). Сюда же следует добавить и острую нехватку провианта даже для регулярных частей, не говоря уже о пленных. Один из документов советской 5-й армии от 30 июня гласит:

«Нередко отмечаются случаи, когда красноармейцы, возмущенные творимыми фашистскими бандитами на нашей земле зверствами... не берут немецких солдат в плен, а расстреливают их на месте».

Подобную практику в Красной Армии осуждали, считая ее недальновидной. Генерал-майор Потапов, командующий советской 5-й армией, отдал распоряжение провести среди солдат разъяснительную работу о том, что «расстрелы пленных противоречат нашим интересам», подчеркивая, что, напротив, с немецкими пленными надлежит обращаться гуманно. «Категорически запрещаю расстрелы по собственной инициативе» — так гласил приказ командующего армией. Еще один захваченный документ советского 31-го корпуса от 14 июля 1941 г., подписанный начальником политуправления корпуса, гласит, что «пленных вешают или же закалывают штыками». Далее в документе сказано: «подобное отношение к военнопленным наносит политический ущерб Красной Армии и лишь подталкивает врага к еще более ожесточенному сопротивлению... Немецкий солдат с момента захвата его в плен перестает быть врагом», — гласил приказ. И задача состоит в том, чтобы «принимать все необходимые меры для захвата солдат и, в особенности, офицеров».

Однако на практике и русские, и немцы в запале боя давали волю

окопной жестокости, — идеологический характер столкновения между Россией и Германией было не так-то легко вытравить, да и никто этого делать не собирался. В ходе проводившегося вермахтом расследования касательно вопросов обращения с военнопленными в июле 1941 года под Кременцом выяснилось, что:

«Общего приказа о расстреле всех немецких офицеров, унтер-офицеров и солдат, оказавшихся в плену, не существовало. Все случаи издевательств и казней пленных, согласно показаниям захваченных в плен советских солдат, политработников, офицеров и военврачей, осуществлялись в рамках отданных по личной инициативе приказов командиров разного уровня, комиссаров или же и тех и других. Согласно показаниям одного политработника младшего ранга, подобные распоряжения отдавались на батальонном и полковом уровне командирами указанных частей и подразделений, которым подчинялись упомянутые командиры разного уровня».

Все сомнения относительно того, что ждет попавшего в плен к русским немца, рассеялись, когда части 1-й горнопехотной дивизии вошли в оставленный Красной Армией Львов 30 июня 1941 года. В догоравшем здании Бригидской тюрьмы (ранее военная тюрьма Самарстинов) (так в тексте. — *Прим. перев.*) НКВД приступил к уничтожению содержащихся там заключенных — представителей украинской интеллигенции на первый или второй день после начала войны. Затем, по инициативе и при непосредственном участии местных жителей — украинцев и поляков, — последовали еврейские погромы. СС и СД внесли свой вклад в мрачную статистику: еще 38 представителей польской профессуры и, как минимум, 7000 евреев. Естественно, что в первую очередь все внимание немецкой пропаганды было сосредоточено на преступных деяниях русских энкаведистов.

Муж Марии Сенива (так в тексте. — *Прим. перев.*) был арестован и помещен в тюрьму НКВД. Вот что она рассказывает:

«По радио немцы передали сообщение: «Жены, матери, братья, сестры, собирайтесь возле тюрьмы». Я подошла к выходу, не помню точно у к какому. У ворот было полно людей. Я увидела у как через ворота выносили тела убитых и рядами складывали. Я стала обходить ряды и заметила тело, прикрытое одеялом. Подняв одеяло, я увидела его. Вот так я его нашла (женщина плачет). Не знаю, что и как произошло, но все его лицо было в синяках. Ему вырвали глаза и отрезали нос».

Ярослав Хаврыч обнаружил среди казненных НКВД своего шурина. Он лежал «среди сотен и тысяч» убитых, вынесенных во двор.

«Я бы не узнал его, он был раздет почти догола. Все тело покрывали раны, лицо посинело и опухло от побоев. Он был убит выстрелом в голову, а руки связаны веревкой. Я его узнал по носкам. На одной ноге у него был носок в характерную полоску. Это еще моя мать ему связала».

Ефрейтор медслужбы из 125-й пехотной дивизии писал домой о «злодеяниях большевиков и евреев, которые и представить себе трудно»:

«Вчера мы шли по этому огромному городу и случайно оказались у тюрьмы. Издали чувствовался смрад от разлагавшихся трупов. Там было 8000 трупов, все гражданские, их даже не расстреливали, а забивали до смерти — резня, устроенная большевиками перед тем, как удрать».

Солдаты не могли не оказаться под влиянием увиденного, это не могло не повлиять на их боевой дух. «Если Советы идут на то, чтобы тысячами убивать своих же безоружных сограждан, украинцев, — писал один унтер-офицер, — убивать зверски — что же тогда ожидает нас, немцев?» И продолжает размышлять: «И если это зверье, с которым мы сейчас воюем, явится в Германию, то устроит там такую резню, какой не видел мир».

Львовские бесчинства, широко освещавшиеся германскими средствами массовой информации, в частности, кинохроникой «Дойче вохеншау», еще более усугубили и без того крайне негативное отношение к России и русским, а также к войне на Востоке. И, в свою очередь, страхи родственников и близких через письма передавались фронтовым солдатам, что, конечно же, не способствовало оптимизму и высокому боевому духу, а, напротив, углубляло чувство изолированности солдат. Одна домохозяйка из Дюссельдорфа исповедовалась своему супругу:

«Мы примерно можем себе представить из кадров «Вохеншау», что происходит в России, и, поверь, когда на экране шли эти кадры, мы предпочитали зажмуриться, чтобы не видеть всех этих ужасов. А что же приходится испытывать тебе? Мы и не беремся вообразить».

Согласно секретным отчетам службы СС массовые убийства украинцев во Львове «произвели глубокое впечатление и вызвали бурю возмущения» среди немцев в середине июля месяца. «Мы часто задаем себе вопрос, что ожидает наших солдат в плену и как следует поступать нам с большевиками, которых людьми считать никак нельзя?»

«Это война, а не детский сад». Военнопленные и партизаны

Под восторженные комментарии на экранах кинотеатров рейха мелькали кадры кинохроники, на которых тянулись колонны русских

военнопленных. Впоследствии из каждых 100 человек, попавших в немецкий плен, выживут лишь трое.

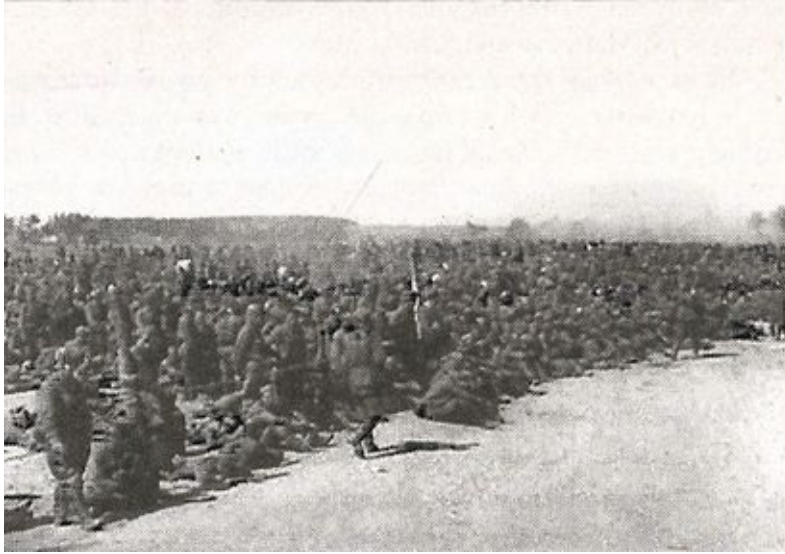
В плен, как известно, попадают те, кто выжил. Однако интенсивность боев нередко такова, что исключает возможность выживания, следовательно, и пленения. Последствиями проигранного танкистами боя, как правило, была гибель экипажа. Унтер-офицер противотанкового подразделения Курт Майснер свидетельствует:

«Если экипаж танка выбирался наружу, он тут же погибал — пленных никто не брал. На войне как на войне. Но случалось, когда и брали пленных. Если мы понимали, что этих пленных девать будет некуда, их просто убивали в бою. Но не поймите меня так, что мы убивали уже взятых в плен. Нет, нет, ничего подобного не было!»

В самые первые дни в ходе боев в районе Белостока и Минска было взято в плен около 328 000 русских. Еще 310 000 было захвачено под Смоленском. Согласно подсчетам начальника штаба командования люфтваффе генерала фон Вальдау, всего к концу июля было взято 800 000 пленных. К концу декабря этой цифре суждено было увеличиться до 3,3 млн человек. Число погибших советских военнопленных только в первые месяцы войны составляет, по приблизительным подсчетам, 2 млн человек. Лейтенант артиллерии Зигфрид Кнаппе был поражен невиданным числом пленных:

«Пленных брали с первого дня вторжения. Пехотные части брали в плен русских сотнями, потом тысячами, а потом и сотнями тысяч».

Астрономическое число военнопленных создавало немцам колоссальные проблемы. Например, части 12-й пехотной дивизии взяли в плен в период с 31 августа по 8 октября 1941 г. 3159 человек, что составляло свыше четверти их собственных сил (12 000–13 000 человек личного состава). 18-я танковая дивизия, наступавшая на острие танкового клина группы армий «Центр», взяла в плен за первые 5 недель войны 5500 красноармейцев, в то время как численность ее личного состава уменьшилась к августу месяцу 1941 г. с 17 до 11 тысяч человек. Таким образом, приходилось все меньше выделять людей для охраны военнопленных — число пленных достигало колоссальной цифры в 40 % от первоначального личного состава соединения. Шедшие в авангарде наступления танковые части, не снижая его темпов, окружали силы противника и обеспечивали прочность кольца окружения с помощью стремительно таявших танковых и пехотных сил.

Сборный пункт военнопленных в окрестностях Минска

Уяснить себе серьезность этой проблемы легче, если взять в качестве ориентира численность личного состава немецкой пехотной дивизии на конец июля месяца 1941 года. На указанный период немцы располагали 49 дивизиями русских военнопленных! И этих людей требовалось охранять, перевозить, кормить. Одна-единственная немецкая дивизия в сутки требовала до 70 т поставок, треть из которых составляло продовольствие. А у немцев не хватало ресурсов для обеспечения всем необходимым даже собственных войск, не говоря уже о военнопленных. Даже если всерьез принимать весомость идеологической составляющей, к такому наплыву пленных в рейхе не были готовы. Лейтенант артиллерии Губерт Бекер после войны заявил:

«Это всегда проблема, потому что ни в одном пособии по боевой подготовке не объяснено, что делать с 90 тысячами военнопленных. Как и чем их прокормить? Вдруг на твою голову сваливаются 90 тысяч — вы представляете себе, что это за колонна?»

Рядовой Бенно Цайзер из роты особого назначения имел возможность на личном опыте убедиться, как решалась проблема военнопленных:

«Длиннющая серо-бурая колонна, напоминавшая гигантское пресмыкающееся, монотонно гудя, медленно тянулась по дороге. Военнопленные, бесконечный поток русских военнопленных. Конца этой колонне видно не было. Стоило нам приблизиться, как в нос ударила жуткая вонь, кое-кого даже вытошнило...»

С этой проблемой приходилось считаться. Даже если исходить из нормы охраны одним солдатом вермахта группы в 50 человек

военнопленных, для охраны 800 тысяч человек требовалось 18 батальонов или 6 полков. И это лишь число пленных, взятых к концу июля. К концу 1941 года эта цифра увеличится до 3 миллионов! А ведь пленным требовалось не только охранять, им полагалась медицинская помощь, провиант, транспорт. Лейтенант Кнаппе прав — контроль над этим был утерян. «Сначала я был удивлен, — писал он, — неужели мы не готовы к приему военнопленных? И вскоре пришлось убедиться, что нет, не готовы. Мы едва успевали снабжать части действующей армии, не то что пленных. Мы просто не ожидали такого наплыва их».

Результатом стали нечеловеческие условия пребывания русских в плену. «Многие немцы вынуждены были сжать зубы и не замечать этого явления, — утверждает лейтенант саперных войск Пауль Штреземан. — Если бы я мог... я бежал бы куда глаза глядят». И Штреземан продолжает: «Нет, нет, я за всю войну не видел ни одного случая дурного обращения с военнопленными. Конечно, если столько пленных, сколько мы взяли в России, это неизбежно вызовет хаос в войсковом снабжении». Кнаппе считал, что «пленные находились в состоянии прострации, это была серая аморфная масса». Бенно Цайзер рассказывает:

«Повинуясь чувству отвращения, мы было шарахнулись прочь, однако увиденное загипнотизировало нас, заставив позабыть о тошноте. Неужели эти жуткие серо-зеленые фигуры, понуро бредущие, действительно люди, на самом деле человеческие существа?..»

Солдаты, как правило, предпочитают не впечатляться от подобных зрелищ, и немецкие солдаты в этом смысле не исключение. Солдат предпочитает думать о том, что его самого ждет на войне. Лейтенант Пауль Штреземан заявил: «Я и представить себе не мог, наблюдая тянущиеся на запад бесконечные колонны, что эти бедняги почти все перемрут от истощения». Мнение Зигфрида Кнаппе: «Это было ужасно, но ведь все это происходило не по расхлябанности — просто невозможно прокормить такую массу людей без ущерба для собственных войск».

Кнаппе ошибается. Политика эта была продуманной. В качестве оправдания в рейхе лицемерно ссылались на то, что Советский Союз не подписал в 1929 году Женевскую конвенцию о статусе военнопленных. А Германия считала себя обязанной соблюдать упомянутую конвенцию только в отношении военнопленных граждан государств, подписавших ее. И СССР, и Третий рейх ратифицировали в 1929 году Женевскую конвенцию о статусе раненых, обязавшись оказывать им необходимую медицинскую помощь.

Приказ ОКВ от 8 июля 1941 г. гласил: «Медицинская помощь

оказывается, в первую очередь, представителями соответствующих русских военно-лечебных структур и с использованием русских медикаментов и перевязочных средств». Предоставление вермахтом транспортных средств для перевозки раненых не предусматривалось. Две недели спустя ОКХ ввело дополнительные ограничения «в целях предотвращения наплыва в тыл русских раненых». В соответствии с ними эвакуации подлежали лишь легко раненные военнопленные, которые по истечении месячного лечения могли быть использованы на работах. Этим директивам следовали безоговорочно. Генерал-полковник Гёпнер, командующий 4-й танковой группой, был не против упомянутой директивы: «Само собой разумеется, что немецкие военврачи оказывали русским раненым помощь лишь по завершении оказания таковой немецким солдатам и офицерам». 18-я танковая дивизия, входившая в 2-ю танковую группу генерал-полковника Гудериана, получила приказ вообще «ни при каких условиях» не оказывать помощь русским раненым, не транспортировать их и не размещать вблизи мест размещения немецких раненых. Их перевозили на обозных телегах.

Советские пленные, захваченные в окружении, не только находились в шоковом состоянии, но многие из них были ранены, часть тяжело. Как правило, они были настолько измотаны пребыванием в окружении, что не в состоянии были даже спастись бегством. И зависели исключительно от расположения тех, кто их пленил. Именно отсюда бесконечные колонны на дорогах. Лейтенант Губерт Бекер, тот самый, уже знакомый читателю кинолюбитель, заснял на пленку временный лагерь военнопленных и описал условия их пребывания там.

«Их собрали в низине, чтобы перевязать. Повсюду ходили санитары. Большею частью это были тяжелораненые, в очень плохом состоянии, полумертвые от жажды и совершенно безучастно относившиеся к постигшей их участи. Ужасные это были условия. Не хватало воды, страшная жара, степь. Пленные дрались из-за капли воды. Некоторые из них, еще сохранявшие какое-то подобие дисциплины, отталкивали слишком уж бойких, указывая им, что, дескать, они — ходячие пленные и сами могут раздобыть себе воды.

Эти люди были до одури рады, что им выпало еще пожить, и не обращали внимания на то, что я их снимал. Да они и вряд ли меня заметили!»

Бекер добавил: «Я потом уже и не знал, что с ними со всеми стало, да лучше и не знать этого вовсе». Попадались среди немцев и такие, кто стремился, в меру своих возможностей, облегчить страдания несчастных. Один военврач из санитарного пункта 9-й армии (9AGSSt) говорил об

«островках гуманности в этом необозримом океане военнопленных». А в целом никто не был в состоянии что-либо изменить. Запросы о поставках продовольствия, медикаментов, всего самого необходимого просто-напросто игнорировались. В одном из лагерей под Уманью в августе 1941 года под открытым небом, под палящим солнцем находилось от 15 до 20 тысяч раненых советских военнопленных. Рядовой Бенно Цайзер, назначенный в охрану этого лагеря, описал, к чему приводило такое отношение.

«Почти ежедневно кто-нибудь умирал от истощения. Пленные обычно хоронили своих на территории лагеря. Хоронить приходилось постоянно, но, похоже, пленные относились к этому довольно равнодушно. Лагерь занимал обширную территорию, но число похороненных, вероятно, превышало число оставшихся в живых».

Многие раненые не доходили до этих лагерей, погибая от ран и истощения еще в пути. Под Вязьмой было расстреляно столько раненых военнопленных, что это встревожило даже начальника обоза — мол, как на такое посмотрит вражеская пропаганда. Командование 16-й армии воспретило перевозку раненых в порожних составах, возвращавшихся с фронта, «во избежание распространения инфекции и загрязнения вагонов». 17 августа 1941 года командование 17-й танковой дивизии предупреждало командиров частей и подразделений о недопустимости заражения транспортных средств вшами. Рядовой Цайзер сетует:

«Мы отдавали им все, что оставалось. Существовал строгий приказ не давать пленным еды, но к дьяволу подобные приказы. Нас и самих-то не закармливали. Что могли, мы давали им, но что это? Капля в море!»

А уже к началу ноября 1941 года разразилась самая настоящая катастрофа. Корюк 582 (так в тексте. — *Прим. перев.*), тыловое подразделение охранения в составе 9-й армии, приняло под свою ответственность сборный пункт военнопленных № 7 под Ржевом в конце ноября месяца. Каждый одноэтажный барак размерами 12 на 24 м вмещал 450 пленных. Заболевания принимали характер эпидемий, поскольку на 11 000 человек имелись всего две наружных уборных. На огражденной колючей проволокой территории съедено было все, что росло — трава, листья и кора с деревьев. Отмечались единичные случаи людоедства. Ежедневный рацион сторожевых собак был в 50 раз больше рациона военнопленного. Не приходится удивляться, что к осени 1941 года разразилась эпидемия тифа. Отдел здравоохранения при генеральном комиссариате Белоруссии (*Weissruthenien*) рекомендовал расстреливать всех тифозных больных. Соответствующие командные структуры вермахта

наложили на это решение запрет «по причине огромного объема такой работы».

Такое обращение с военнопленными не проходило не замеченным для солдат и офицеров вермахта. Рядовой Роланд Кимиг вспоминал уже после войны:

«Всех нас уверяли, что русские — неполноценные, большевики, недочеловеки и что с ними необходимо бороться. Но, увидев уже первых военнопленных, мы поняли, что никакие это не недочеловеки. Отправив их в тыл и используя в качестве подручных, мы убедились, что это совершенно нормальные люди».

Среди солдат вермахта были и такие, кто ставил под сомнение «правоту дела» войны, однако таких насчитывалось очень и очень немного. «Мы понимали, что эта война — агрессивная, — продолжает Кимиг, — что это дурацкая захватническая война, и слепому было видно, что нам ее ни за что не выиграть». Нервное напряжение искало выхода. И находило.

Рядовой Бенно Цайзер попытался урезонить своего разбушевавшегося приятеля, который стал избивать военнопленных.

«Оставь меня в покое! Не могу я больше этого терпеть! И не смотри на меня так! Да, я полоумный! Чокнутый! Только эта нечисть каждый день и больше ничего! Только эти недоумки, эти жалкие червяки! Посмотри, как они ползают по земле — точь-в-точь черви поганые! Да их всех раздавить надо, раз и навсегда раздавить эту дрянь!»

У его приятеля Франця случился нервный срыв. «Ты должен понять, — оправдывался Францц, — я просто больше не в силах это выносить».

Ухищрениями пропаганды неприятель был лишен права считаться человеком еще задолго до начала кампании. Политработников Красной Армии отделяли от остальных военнослужащих, попавших в плен, и без промедления расстреливали. Бесчеловечное обращение и расстрелы советских военнопленных стали результатом не только вышеупомянутых драконовских приказов, они никакой необходимостью не диктовались. Отчеты и донесения частей и подразделений свидетельствуют о том, что расстрелы на месте практиковались с самых первых дней войны. Старшие офицеры сопротивлялись этому, скорее из соображений дисциплины, нежели каких-либо иных. Легко было предугадать, что подобное поведение приведет к всеобщей анархии и лишь укрепит решимость русских сражаться до последнего человека. Командующий 48-м танковым корпусом генерал Лемельзен уже через три дня после начала кампании в одном из приказов упрекал личный состав вверенного ему соединения:

«Отмечаются случаи бессмысленного расстрела военнопленных и гражданских лиц. Одетый в форму русский солдат, мужественно сражавшийся, имеет право и в плену рассчитывать на достойное с ним обращение».

Но такого права у солдата не было, хотя термин Гитлера «без сочувствия или жалости» официально применялся лишь к «партизанам и большевистским комиссарам». Однако до фронтовых командиров и солдат все же не дошли слова генерала Лемельзена. Посему уже 5 дней спустя последовала новая директива:

«Невзирая на мои распоряжения от 25.06.1941 г., случаи расправ над военнопленными и перебежчиками даже участились и принимают безответственный и преступный характер. Это убийство! Германский вермахт ведет войну с большевизмом, но не с народами, населяющими Россию».

Лемельзен весьма щепетильно относился к циркулировавшим в армии слухам о «телах расстрелянных безоружных красноармейцев, горами лежавших на обочинах дорог».

Случаев стихийных расправ хватало. Ефрейтор Георг Бергман из 234-го артполка, действовавшего у Аунуса на финской границе, своими глазами видел пронесившиеся на бешеной скорости грузовики с привязанными к капотам двигателей пленными. Некоторые от тряски сваливались, и их тут убивали «при попытке к бегству». Ефрейтор-пехотинец Якоб Цитц рассказывает о шести русских военнопленных, захваченных 253-й пехотной дивизией под Великими Луками, которых заставили нести ящики с боеприпасами. «Они совсем обессилели от жары и без чувств свалились. Дальше идти они не могли». Их расстреляли. Другие погибли при разминировании или подтаскивая снаряды на передовую.

В течение вечера 27 августа несколько тысяч советских военнопленных запихнули в лагерь под Уманью. Лагерь был рассчитан на пребывание от 500 до 800 человек, но каждый час прибывали 2–3 тысячи. Никакого провианта не предусматривалось. Стояла страшная жара. К вечеру в лагере было уже 8 тысяч человек. Обер-фельдфебель Лео Мелларт, охранник из 101-й пехотной дивизии, слышал из темноты «крики и стрельбу». Причем стреляли явно из крупнокалиберного оружия. Выяснилось, что три 85-мм зенитных орудия стреляли в упор по огражденной колючей проволокой территории якобы потому, что «пленные предприняли попытку массового побега». По словам Мелларта, тогда погибли и получили тяжелые ранения около полутора тысяч военнопленных. Отвратительная организация приводила к страшной

скученности, но комендант Гейсина (так в тексте. — *Прим. перев.*) не желал идти на конфликт с начальством.

Германская военная доктрина, да и вообще вся упорядоченная прусская ментальность не давали никаких указаний относительно обращения с членами незаконных вооруженных формирований. А с подобными формированиями немецким войскам приходилось сталкиваться и в ходе Франко-прусской войны 1871 года и в Первую мировую войну. Германские военные крайне болезненно относились к неприятелю, продолжавшему воевать у них в тылу, уже после, казалось бы, окончательного разгрома его регулярных сил. Это считалось неэтичным. В России, в отличие от стран Западной Европы, уже покоренных Гитлером, процедура сдачи противника в плен, как и многое другое, также отличалась известным своеобразием. Стихийные вооруженные формирования считались в армейских кругах «бандитскими», и обходились с ними соответственно. В ходе сражений на границе отрезанными от своих частей оказались многие десятки тысяч советских солдат. 13 сентября 1941 года ОКХ распорядилось о том, чтобы находившиеся в окружении советские войска также считать «бандитскими формированиями». Другими словами, их следовало не брать в плен, а уничтожать. Соответствующие инструкции получили и офицеры 12-й пехотной дивизии.

«Захваченные в плен в тылу... подлежат расстрелу на месте! Такие лица бойцами регулярной армии не считаются».

Надо сказать, что подобная точка зрения находила понимание среди фронтовых солдат и офицеров вермахта, считавших, что войну следует вести «честными» методами, естественно, раздраженных, поскольку под сомнение ставилось тактическое, организационное и техническое превосходство немцев.

Немецкие солдаты становились и добычей снайперов. Водитель Гельмут К. в письме родителям от 7 июля сердился, что его подразделение, доставляя грузы из Варшавы на фронт, недосчиталось 80 человек. «32 из них погибли от пуль снайперов». В ответ предпринимались самые жестокие меры, в свою очередь, ожесточавшие и неприятеля. Непосредственно после начала вторжения на Украине не было ни одного партизанского формирования, если не считать бродивших по немецким тылам разрозненных, отбившихся от своих частей групп красноармейцев или же диверсионных спецподразделений НКВД. После окончания боев в киевском «котле» число партизан на участке группы армий «Юг» значительно возросло. На участке группы армий «Центр» партизаны вскоре взяли под контроль до 45 % захваченной немцами территории, хотя в

начале кампании их численность была ничтожной. Одной из зачаточных форм партизанского движения были снайперы. В ходе наступления на Ленинград рядовой артиллерии Вернер Адамчик чуть не стал жертвой тех, кто, по его словам, «не носил военной формы, но, несмотря на это, стрелял очень неплохо». Его переполняет благородный гнев: «Судя по всему у придется брать за шиворот и штатских! Будто проблем с Красной Армией не хватает. Нет, нет, и штатским доверяться никак нельзя».

Применительно к любым акциям сопротивления в тыловых районах неизменно использовали термины «бандитская вылазка», «лесные бандиты». Карл Д. записал в дневник на исходе июля месяца 1941 года:

«Справа от нас тянулись засеянные пшеницей поля. И оттуда гражданские открыли огонь. Мы прочесали поле. Время от времени из разных концов раздавались выстрелы. Наверняка снайперы. Могли быть и солдаты, прятавшиеся по лесам. Прошло какое-то время, и снова загремели выстрелы».

Другой солдат рассказывает следующее: «Русские не отступили, они просто укрылись в подземных бункерах, только мы не сразу сообразили. Их мины ложились точно в цель, когда мы стали лагерем. Потери были ужасные. У них явно был и корректировщик огня, сидевший где-нибудь в стороне, — уж больно метко они били».

В результате спецоперации было захвачено много скрывавшихся в бункерах людей. Шауман не помнит в точности, как все тогда происходило.

Шауман: «Да — их привели, допросили, потом я услышал...»

Вопрос: «Куда их привели?»

Шауман: «Ну, к командиру батальона, или полка, или дивизии, я не помню. Потом я слышал, как стреляли, и понял, что это их расстреливают».

Вопрос: «Вы сами видели это?»

Шауман: «Видел».

Вопрос: «Вы в этом участвовали?»

Шауман: «Я должен отвечать на этот вопрос? Нет уж, увольте».

Петер Петерсен вспоминает, как во время отпуска встретил одного своего школьного друга, унтерштурмфюрера СС (унтерштурмфюрер — эсэсовское звание, соответствующее лейтенанту в вермахте. — *Прим. перев.*). Эсэсовец рассказал ему, что получил «взбучку от начальства за мягкотелое отношение к пленным», из-за нежелания расстреливать их. По словам Петерсена, его приятель разительно изменился со школьной поры.

«Ему было сказано: это война, а не детский сад. Настоящая война. Его назначили командовать расстрельным взводом, который должен был казнить партизан, немецких солдат-дезертиров и Бог знает, кого еще. Он

сказал мне, что у него не хватило смелости отказаться выполнить этот приказ, потому что в таком случае его самого поставили бы к стенке».

В тылу немцы тоже не чувствовали себя в безопасности. Солдата не покидало чувство, что он во вражеском окружении. «Корюк 582» — охранный полк из состава 9-й армии — отвечал за обстановку в 1500 деревнях на территории в 27000 квадратных километров. Подразделение насчитывало 1700 человек для выполнения поставленной задачи. На поддержку 9-й армии, которая на начало кампании имела некомплект 15 000 человек личного состава, рассчитывать не приходилось^[42]. При этом следует иметь в виду, что партизаны контролировали примерно 45 % оккупированной территории. Нередко тыловыми охранными подразделениями командовали, мягко говоря, не очень опытные офицеры в возрасте 40–50 лет, тогда как средний возраст фронтовых офицеров составлял 30 лет. Командиры батальонов в полку «Корюк 582» почти все были шестидесятилетними и крайне плохо подготовленными резервистами. Личный состав постоянно ощущал угрозу со стороны противника, и хотя подразделение считалось тыловым, требования к нему предъявлялись, как к фронтовому.

Пулеметчик-пехотинец Вальтер Нойштифтер: «Мы никогда не забывали о партизанах».

«Однажды они напали на колонну войскового подвоза, раздели наших солдат на недели на себя их форму и угнали всю колонну. И ради их утрашения мы повесили пятерых».

Жестокость порождает ответную жестокость.

Петер Нойман, офицер дивизии СС «Викинг», вспоминает об акции утрашения, проведенной в ответ на жестокости, творимые партизанами в отношении немецких солдат:

«Может, нас, тех, кто служил в СС, и считают бесчеловечными, но чем мы в этом смысле хуже партизан? Вряд ли у нас есть моральное право упрекать их в том, что они хотели защитить свою страну, но все равно, наша задача состояла в том у чтобы уничтожать их... Так где же истинная справедливость, если таковая вообще существует?»

Ганс Хервард фон Битгерфельд, младший офицер-пехотинец: «Когда мы вторглись в Россию, нас вначале считали освободителями, встречали хлебом-солью. Крестьяне даже угощали нас, чем могли. А с бесчинствами мы попали в заколдованный круг, жестокость в ответ на жестокость и так далее. И те, кто готов был сотрудничать с нами, вследствие нацистской политики снова переметнулись к Сталину». Фон Биттерфельд убежден, что немцы «проиграли эту войну из-за дурного обращения с местным

населением». Отнюдь не все русские сотрудничали с немцами по принуждению. И идея об их использовании исходила от солдат, но не от генштабистов.

Бесчинства стали составной частью боевых действий на Восточном фронте. Лейтенант Фридрих-Вильгельм Кристианс тоже помнит, с каким энтузиазмом население встречало немцев. «Но за танковыми частями следовали айнзатц-команды СС и СД, а те «не церемонились». В Тарнополе, по словам Кристианса, «евреев сгоняли в толпы, должен сказать, все это происходило при активном содействии украинцев, — те знали адреса проживания несчастных. Когда я доложил своему генералу об этом, сказав, что подобные вещи недопустимы, тот немедленно воспретил всякое участие нашей дивизии в подобных акциях».

Существовало очень много факторов, как за, так и против участия немецких солдат в бесчинствах. Они находились на территории чужой страны, подвергаясь опасностям, что, конечно же, не могло не вызывать у них соответствующей реакции. Большинство из них до войны вообще не бывали за границей. Кроме того, не следует забывать и о стадной психологии. Война прошла борозной по всем ее участникам, смещая привычные ценности и возвращая людей в доисторические времена. Офицер СС Петер Нойман (дивизия СС «Викинг») вспоминает, как один его товарищ с поразительным хладнокровием расправился с группой советских служащих исправительно-трудовых учреждений. Он расстрелял всех лично из винтовки «маузер». Нойман свидетельствует:

«Конечно, этих типов трудно было отнести к святым, наверняка они в свое время не утруждали себя размышлениями о судьбе тех, кого отправляли в Сибирь. И все-таки я поразился удивительному хладнокровию Карла. У него на лице ни один мускул не дрогнул.

Неужели это тот самый мальчишка в коротких штанах, с которым мы когда-то гоняли мяч на песчаном берегу в Ауссен-Альстере под Гамбургом!»

Большинство солдат скажут, что лишь те, кто побывал на фронте, осознают весь ужас этой дилеммы. 101-й батальон полиции, на совести которого немало зверств, комплектовался «совершенно нормальными, обычными людьми, «ребятами с нашего двора». Труднее всего убить в первый раз, дальше уже легче. И потом, в конце концов, в каждом сегменте общества есть садисты и преступники, нередко задающие тон. И армия в этом смысле не исключение. Обер-ефрейтор артиллерии Гейнц Флор вспоминает, как летом 1941 года в Белой Церкви матерей заставляли смотреть, как расстреливают их детей: «Я спросил себя, — взволнованно

признается Гейнц Флор, — неужели люди способны на такое?» Иногда умудрялись втиснуть в идеологические догмы даже такие акты, как изнасилование «расово неполноценной» русской. Ефрейтор Герберт Бюттнер однажды урезонил фельдфебеля-санитара, пытавшегося силой взять русскую девушку, но тот же фельдфебель издевался на группой евреев, выбривая им половину бороды и волос на голове, когда их насильственно изгоняли из обжитых мест в гетто.

Такое бесчеловечное обращение с противником вселяло чувство уверенности и превосходства над ним. Если противник — недочеловек, можно наплевать на гуманизм.

Военврач пехотного подразделения Пауль Линке всегда полагал, что расстрелы комиссаров, захваченных в плен, относятся к разряду солдатских баек, пока командир его батальона не приказал близкому другу Линке лейтенанту Отто Фуксу расстрелять пленного комиссара. Отто Фукс, до войны юрист, пришел в ужас. Командир батальона пытался втолковать ему: «Лейтенант Фукс, не желаю ничего слышать. Идите и выполняйте приказ!» Доктор сообразил, что к чему, и вызвался сопровождать своего крайне удрученного друга. Он вспомнил, что ранее заметил лежащий в канаве труп советского солдата. Комиссару велели снять форму с трупа и надеть на него свою форму. Два pistolетных выстрела в землю для пущей убедительности довершили инсценировку. Комиссар, благодарно кивнув, исчез во тьме. Фукс доложил командиру батальона об исполнении приказа. «Мне очень жаль, Фукс, — признался командир батальона. — Мне тоже не по душе все это». Многие солдаты страдали от необходимости участвовать во всеобщем насилии, но для подавляющего большинства определяющую роль играло мнение коллектива — ведь именно от окружающих в немалой степени зависело, выживешь ты или нет.

Лейтенант Петер Бамм, другой военный лекарь из группы армий «Юг», пришел к заключению, что творимые в отношении евреев зверства после взятия немецкими войсками Николаева были явно не по душе фронтовым солдатам, считавшим, что «доставшейся им в нелегких сражениях победой» воспользовались «другие» — СС и СД. «Но негодовали скорее ради проформы». После семи лет безраздельного господства СС и СД моральное разложение «уже зашло достаточно далеко даже у тех, кто решительно отрицал это».

Вот так творимые в России бесчинства разрушали личность солдата — он готов был пойти на все ради того, чтобы выжить. «Никаких бурных протестов, — признает лейтенант Бамм, — червь слишком глубоко въелся». Пути назад не было. Если уж враг доберется до рейха, вот тогда и начнутся

неприятности.

Однако попрание этических норм не могло не повлиять на боевой дух и, как следствие, на боеспособность вермахта на Восточном фронте. Оказались поруганы даже внушаемые национал-социализмом идеалы. Веровавшее в Иисуса Христа войско, вторгшееся в Россию, мало чем отличалось от тевтонов XIII века, образы которых столь убедительно воссоздал Эйзенштейн в своем фильме «Александр Невский». Фильм этот мгновенно нашел отклик в сердцах советских людей, оказавшихся перед лицом смертельной угрозы. Парадоксальным образом боевой дух падал, поскольку официально санкционированная и всячески насаждаемая жестокость поднимала фундаментальные и вызывавшие к чувству сострадания вопросы, затрагивавшие уже область мотивации. А это, в свою очередь, затрагивало силу воли. В то же время боевой дух противника продолжал крепнуть. Протест еще больше подавлял волю к сопротивлению. При отсутствии гарантий на успех немецкий солдат начинал понимать, впервые за эту войну, что даже сама возможность уцелеть для него оказывается под вопросом. И, напротив, русский солдат понимал, что у него нет иного выхода, как только сражаться до конца, пусть даже трагического.

Унтер-офицер Гаральд Домероцки, служивший в подразделении люфтваффе вблизи Торопца, «почти ежедневно наблюдал акции расправ над партизанами, которых вешали эсэсовцы». Посмотреть на казнь собирались огромные толпы — в основном это были русские. «Человеку свойственно специфическое любопытство — поглазеть, как твоего ближнего отправят на тот свет, — замечает Домероцки. — И неважно, кто это, твой соотечественник или же враг»^[43]. Часто происходили и публичные экзекуции в Житомире, приговоренных вешали на базарной площади. Причем пестро выряженные украинки поднимали детей повыше, чтобы те могли видеть происходящее, а фоторепортеры и просто любители экзотических снимков призывали палачей не спешить, чтобы, мол, фото вышло как следует.

В Торопце возводили огромные виселицы. Под них подгоняли грузовик с откинутыми бортами, на котором обычно стояли четыре партизана. На шеи им накидывали петли, после чего грузовик по команде отъезжал. Домероцки вспоминает, как один раз в петлях конвульсивно задержались лишь трое из четверых казненных, четвертому повезло — оборвалась веревка. «Но его снова взгромоздили на грузовик и предприняли вторую попытку повесить. И на этот раз не вышло. Эсэсовцы, невозмутимо сунув его голову в петлю, в третий раз попытались довершить

эзекуцию. Но не тут-то было — русский не хотел погибать, и точка.

Мой друг, стоявший рядом, произнес: «Это воля Божья». Я готов был поверить этому и даже высказал предположение, что, дескать, уж теперь его отпустят с миром».

Но его не отпустили. Когда шофер рванул с места свой грузовик уже в четвертый раз, петля намертво стянулась на шее партизана. «Никто даже не плакал, — вспоминает Домероцки, — люди не издали ни звука».

Нет, на этой войне победных венков не было, путь солдат вермахта никто не собирался усыпать розами.

Глава 11

Победа, которая ничего не принесла

«Мы уничтожим здесь все до конца этой войны».

Немецкий солдат

Канны под Киевом

К 20 августа линия фронта на востоке выглядела довольно любопытно. Передовые части группы армий «Центр» овладели Ельней юго-восточнее шоссе Минск — Москва и теперь удерживали выступ, острие которого грозно нацелилось на столицу Советской России. Примерно в 600 км южнее, в районе Кременчуга, группа армий «Юг» вышла к Днепру. Обе армейских группировки составили ударный клин немецкого фронта, весьма напоминавший равнобедренный треугольник. Его западная вершина на 550 км отставала от успевших продвинуться далеко на восток частей. А внутри этого треугольника южнее Припятских болот была сосредоточена советская Юго-Западная армия в полном составе. Со времен Ганнибала очень немногим полководцам открывалась подобная возможность двойного охвата. И воплотить эту идею оказалось не так уж трудно.

Согласно директиве Гитлера теперь направление главного удара переносилось на юг, с тем, чтобы окружить советские войска двойным кольцом. Внутреннее кольцо окружения должны были образовать три полевые армии. 2-я армия получила приказ наступать юго-восточнее Гомеля, 17-я наносила удар на север из Кременчуга, а 6-я армия отвлекала внимание русских на центральном участке под Киевом. Внешнее кольцо образовывала 2-я танковая группа генерал-полковника Гудериана, наносившая удар на юг из района Трубчевска. Гудериан имел в распоряжении 500 танков, а навстречу ему двигалась 1-я танковая группа Клейста, в которой насчитывалось 600 танков.

По мере осуществления плана, разработанного в немецком Генеральном штабе, русских охватывала паника, никто из советских штабистов не мог отыскать мало-мальски приемлемого решения и предпринять решительные действия. Никто не удосужился заметить

назревавшую опасность. Вместо отвода войск за естественную линию обороны, реку Днепр, маршал Буденный продолжал стягивать в угрожаемые районы подкрепления, в частности, под Умань, южнее Киева, на которую немецкие танковые клинья нацеливались еще до начала главного сражения. 30 июля танки генерала фон Клейста вошли в Ново-Украину, перерезав железнодорожную линию Киев — Днепропетровск и изолировав Умань от тыловых районов. Единственная линия коммуникации советских 6-й, 12-й и 18-й армий располагалась восточнее, вдоль реки Буг до Николаева на Черном море. Таким образом, «котел давал течь» до тех пор, пока его не прихлопнули немецкие пехотные дивизии 11-й и 17-й армий, наступавшие с запада и юго-запада и высвободившие танковые силы. Угодили в ловушку и были уничтожены в кольце окружения 15 советских пехотных и 5 танковых дивизий. В плен попало 103 000 человек. Операция по разгрому советских войск в этом районе завершилась к 8 августа. Одна немецкая артиллерийская батарея огневой поддержки операции за четыре дня израсходовала столько боеприпасов, сколько за всю кампанию во Франции летом 1940 года.

По пути следования танковым колоннам немцев приходилось вступать в схватку с разрозненными группировками противника. Но ничто не могло помешать стремительному броску и отвлечь от выполнения поставленной оперативной задачи. Принимать пищу танкистам приходилось на ходу.

Итальянский военный корреспондент Курцио Малапарте писал:

«Входе этой мобильной войны не оставалось времени закусить на привале. Каждый ел, когда имел возможность. Каждый боец имел при себе положенный ему рацион — хлеб с повидлом и чай в термосе. И урывками, иногда даже в бою, он извлекал из вещмешка намазанный повидлом хлеб и отправлял его в рот прямо за рулем грузовика или у затвора пушки».

Разные это были бои. Как правило, противника можно было разглядеть с почтительного расстояния в бинокль. Время от времени случались стычки с ним, но речь шла в основном о мелких группировках. Малапарте описывает один из таких типичных для этого наступления боев бронетанковой колонны с тыловой группировкой русских.

Внезапно советский танк открыл огонь по немецкой колонне. «Я отчетливо слышал лязг его гусениц, — пишет Малапарте, — задрал кверху орудие, он, казалось, пытался учуять противника, определить его местонахождение в густой пшенице». Завязался бой, однако и ход, и исход его предугадать было нетрудно:

«[Русский танк] открывает огонь из пулеметов, но как-то без вдохновения, словно пристреливая оружие. Затем танк, резко взяв с места,

устремляется к нам, и тут же гремит выстрел его орудия. Со стороны может показаться, что он будто ищет кого-то, призывает к себе».

И начавшаяся вслед за этим атака русской пехоты несет в себе оттенок нереальности.

«И тут несколько человек поднимаются из пшеницы и семян по отлогому спуску, даже не пытаясь хоть как-то укрыться. Люди возникают отовсюду. Русских пехотинцев — человек сто, не больше. Наверняка из тех, какими наводнен тыл и которые отрезаны от своих частей. Атакующие явно не расположены атаковать, скорее ищут пути к отступлению».

Лейтенант Вайль, офицер вермахта, сопровождающий Малапарте, в отличие от большинства, понимает их план. «Бедняги, идиоты несчастные!» — в сердцах бросает он. Тем временем русские открывают беспорядочный огонь по немецкой колонне.

«Внезапно они будто сквозь землю провалились. Наверняка скрылись в каком-нибудь естественном углублении на склоне холма. Вокруг танка виднелись кусочки торфянистой земли, разбросанные взрывом наших мин. Пулеметная очередь по флангу нашей колонны звучит морзянкой. Потом справа выходят немецкие солдаты, вжав голову в плечи, они открывают огонь по русским. Эти наступают цепочкой, щедро поливая все вокруг автоматными очередями. Противотанковое орудие выпускает пару снарядов по русскому танку. И тут на вершине холма появляются силуэты еще двух русских танков...»

Вот такие бои местного значения и определяли характер наступления танковых сил немцев. Спору нет, остановить их было невозможно, однако это отнюдь не означает, что наступление выглядело прогулкой.

Случались и драматические эпизоды. После подавления очередной попытки русских ударить из засады немцы решили удостовериться, есть ли уцелевшие среди тех, кто лежал вокруг подбитого танка. «Им уже ничем не помочь», — заключил немецкий военврач, осмотрев раненых и убитых.

«Один из немцев осмотрелся вокруг в поисках хотя бы полевых цветов, но ничего не было, разве что ярко-красные маки, рдевшие среди тучных колосьев пшеницы. Солдат, помедлив, все же сорвал несколько маков, потом прибавил к ним пучок колосьев и этим импровизированным букетом прикрыл лицо погибшему русскому. Его товарищи безмолвно наблюдали за происходящим, задумчиво пожевывая зачерствевшие корочки хлеба».

И, что самое интересное, отмечает Малапарте, немец не стал прикрывать лица тех, кого принял за монголов.

Несмотря на явные признаки окружения под Киевом и надвигающейся

катастрофы для всего южного участка фронта, Сталин отверг предложения отвести советские войска на более пригодные для обороны позиции. Напротив, он всеми средствами старался увеличить численность киевского гарнизона, который и без того превышал все мыслимые размеры, а также продолжал стягивать силы и на другие опасные участки. Маневры немецких сил рассматривались как отвлекающие, основной же их удар предназначался Москве, именно она их главная цель, и удар этот они нанесут еще до наступления зимы. Советское руководство обладавшее куда меньшим, чем немцы, боевым ополчением не желало поверить в то, что вермахт отважится на операции по окружению такой колоссальной группировки войск. В новейшей, да и не только в новейшей военной истории не встречалось подобных прецедентов, вероятно, это и вселяло уверенность в советских генштабистов. Офицер штаба Жукова Михаил Мильштейн после войны изложил свое видение проблемы.

«Первое, германская армия имела колоссальное превосходство. Второе, у нас отсутствовал необходимый боевой опыт... Третьим фактором стало вмешательство Сталина, именно он несет ответственность за трагические последствия наступления немцев под Киевом. Все дело в том, что мы не сочли необходимым своевременно отвести наши силы».

Масштабы катастрофы были недооценены. Жукова сняли с поста начальника Генштаба РККА и направили на резервный фронт под Ленинградом — все потому, что рискнул выступить с предложением об отводе войск Юго-Западного фронта за Днепр. Маршал Буденный, командовавший этим участком фронта, получил недвусмысленно сформулированный приказ: «Ни шагу назад, стоять до последнего». Дмитрий Волкогонов, в тот период младший офицер штаба, считает:

«Все диктаторы в одном схожи — победы приписывают своему гению. Однако если речь идет о поражении, в этом случае они стараются переложить бремя ответственности на своих подчиненных — в данном случае на генералитет»^[44].

В 1941 году Сталин избавился от 100 представителей высшего командного состава. После первой трагической недели войны был смещен со своего поста и арестован генерал Павлов, затем командующий фронтом Климовских. Оба были расстреляны. Волкогонов продолжает: «Сталин оказывал давление на командующих, считая, что жестокость — залог успеха».

9 сентября генерал-полковник Кирпонос, командующий советскими силами в районе Киева, получил от командующего фронтом маршала Буденного приказ о подготовке к «организованному отводу войск» во

избежание окружения советских сил и подготовке контрудара. Сталину был знаком украинский театр военных действий, ему приходилось воевать здесь еще в 1918 году. Отсюда его интерес к Юго-Западному фронту и стремление всеми средствами сохранить его. Одной из предупредительных мер стало решение об эвакуации ряда предприятий на восток страны. Связь со штабом Юго-Западного фронта осуществлялась бесперебойно, для этой цели в Кремле был установлен телеграфный аппарат. Кирпонос, Буденный и член Военного совета фронта Хрущев (будущий глава СССР) на всех совещаниях неоднократно поднимали вопрос об отводе сил. Заместитель начальника штаба РККА генерал Василевский вспоминал, как вождь «впал в ярость», услышав от подчиненных о «настоятельной необходимости» сдать Киев. Посыпались приказы о прекращении уже начавшегося отвода сил. «Принять все возможные и невозможные меры для обороны Киева», — распорядился Сталин. Два дня спустя Кирпонос снова направил в Ставку запрос об отводе сил, но Сталин ни о чем подобном и слышать не желал.

«Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки...»

Кирпонос устало согласился. «Ваш приказ ясен — конец связи»^[45].

В жаркий день 23 августа 2-я танковая группа Гудериана начала наступление на юг. 3-я и 4-я танковые дивизии продвигались вместе с 10-й моторизованной пехотной дивизией при поддержке 2-й дивизии СС «Рейх». Упомянутые силы немцев продвигались строго на юг. 3-я танковая дивизия была поделена на три смешанных «ударных группы», включавших танки, моторизованную пехоту, обычную и противотанковую артиллерию. Плохие дороги с песчаным покрытием в значительной степени сковывали подвижность частей, повышая и расход топлива — заправляться приходилось через каждые 70 километров. После 40-километрового марша следовавшая в авангарде наступления ударная группа «Левински» добралась до первого дорожного указателя, информировавшего о том, что они пересекли границу Украинской Советской Социалистической Республики. Когда Гудериан узнал, что его армии предстоит бросок на Киев, а потом наступление на Москву, его первой реакцией было: «Сомневаюсь, что техника это позволит, даже если нам не придется участвовать в сражениях». Бои у Минска и Смоленска обошлись его частям недешево.

24 августа ударная группировка 3-й танковой дивизии захватила 700-метровый мост через Десну в Новгороде-Северском. Операция по захвату заняла считанные минуты, и когда танковый взвод въехал на мост, саперы как раз сбрасывали в воду обезвреженное взрывное устройство. Миновав

мост, танкисты натолкнулись на ожесточенное сопротивление частей 21-й советской армии. Командующего этой армией явно насторожило решительное наступление внушительных танковых сил в юго-восточном направлении — до Киева оставалось всего 200 километров.

В период с 25 августа по 7 сентября 3-я танковая дивизия участвовала в нескольких ожесточенных сражениях с противником южнее Шостки, успев за это время продвинуться всего на 55 километров.

Фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Центр», следя за продвижением Гудериана, все чаще приходил к неутешительным выводам о нецелесообразности отвода сил бронированного кулака с московского направления. Остановленные пехотные части группы армий «Центр» вынуждены были отбивать яростные атаки русских в районе Ельнинского выступа. Немцам пришлось уступить часть завоеванных ранее участков территории. 30 августа фон Бок с неожиданной откровенностью запишет в свой дневник: «С идеей о наступлении на моем участке приходится расстаться». На следующий день он писал: «Танковая группа Гудериана атакована с обоих флангов, и ее положение довольно сложное». 2 сентября Гудериан запросил дополнительные силы для поддержки наступления на юге вследствие утраты 10-й моторизованной дивизией плацдарма южнее реки Десна. «Гудериан рисует обстановку в столь темных тонах, что вынужден ответить ему в письменной форме о том, что собираюсь предложить Верховному главнокомандующему сухопутными войсками [Гальдеру] снять танковую группу с участка у Десны и использовать ее для разгрузки левого фланга 2-й армии на правом берегу Десны, и в этой связи хотел бы знать, что думает об этом он, Гудериан».

Даже фюрер не мог не почувствовать сложностей, связанных с осуществлением этой амбициозной идеи на практике. Гитлер настаивал, чтобы Гудериан сосредоточил свои силы для броска на юг. Генерал-фельдмаршал Кейтель дважды связывался по телефону с фон Бок, предостерегая его, что «если согласно этому приказу не вмешаются командующий группой армий (Бок) и главнокомандующий сухопутными войсками (Браухич), то вынужден будет вмешаться он, фюрер». Фон Бок отмечает: «Своеволие Гудериана заходит так далеко, что я готов рассмотреть вопрос об освобождении его от занимаемой должности». 5 сентября командующий группой армий «Центр» признает: «Браухичу я заявил, что согласен с тем, что ему удалось уладить путем внушения «дело Гудериана», однако не могу не высказать своей озабоченности проблемами, которые доставляет этот, по сути своей, отличный и неустрашимый военачальник».

На следующий день резко сменилась погода. Летние проливные дожди с грозами превратили дороги в кашу. Впечатлениями делится военный живописец Тео Шарф: «Каких-нибудь полчаса ливня, и эти, с позволения сказать, дороги превратились в коричневую, как шоколад, массу, в которой увязаешь по колено и которая словно трясина засасывала под ось все транспортные средства, за исключением разве что гусеничных». Наступление грозило увязнуть в грязи.

7 сентября генерал Гальдер прибыл в штаб группы армий «Юг» для согласования деталей плана, предусматривавшего окружение советской группировки в излучине Киев — Днепр — Десна и захват Киева. Гудериану ставилась задача продолжать наступление в юго-восточном направлении на Ромны и Прилуки при поддержке 2-й пехотной армии. 17-я армия группы армий «Юг» должна была наносить удар из низовьев Днепра у Черкасс и захватить плацдарм у Кременчуга. 1-й танковой группе Клейста предстояло наступать в северо-западном направлении и соединиться с Гудерианом в районе Ромны — Лохвица. В этом случае шесть советских армий оказались бы отрезаны от основных сил и полностью изолированы. 6-я армия под командованием генерал-фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау должна была форсировать Днепр в районе Киева, ширина которого составляла здесь 650 метров, и атаковать окруженные в городе силы противника.

2-я танковая группа продолжала стремительно продвигаться на юг. На начальном этапе весьма благотворно действовал фактор внезапности. 3 сентября из Москвы на Десну для сооружения заградительной линии укреплений в Новгород-Северский был откомандирован генерал инженерных войск Чижов. Между тем Новгород-Северский уже 8 дней как был занят немцами. На следующий день генерал Модель, командовавший 3-й танковой дивизией, углубившейся на 16 километров севернее, до реки Сейм в Кролевце, рассматривал захваченные у русских карты. Карты эти были изъяты у погибшего летчика-курьера, сбитого при попытке уйти от преследования. В результате анализа полученных материалов выяснилось, что 3-я танковая дивизия оказалась непосредственно на стыке советских 21-й и 13-й армий. В течение двух следующих дней немцы вели ожесточенные бои «за каждую деревню», да еще в условиях проливных дождей. В Мальне (так в тексте. — *Прим. перев.*) им удалось опрокинуть плацдарм русских на реке Сейм.

К 9 сентября дивизия Моделя продвинулась еще на 25 километров южнее. Начало наступления на Ромны проходило под непрекращавшимися дождями.

2-я танковая группа, достигнув двух мостов, переправилась по ним,

огибая Ромны с юга и севера, и захватила плацдарм на реке Сула. Ничего не подозревавшие русские яростно контратаковали немецкий плацдарм и оба моста через Сулу. Продвигавшаяся по раскисшим от дождя дорогам 3-я танковая дивизия 25 раз подвергалась атакам с воздуха. Тягачи тащили за собой по почти непроходимым дорогам бензозаправщики, предназначенные для танков двигавшейся в авангарде группировки майора Франка. 12 сентября погода улучшилась, и майор Франк получил приказ следовать дальше на юг к Лохвице. Фельдмаршал фон Бок с удовлетворением отметил: «На участках 2-й армии и 2-й танковой группы сопротивление противника сломлено». Наметился успех.

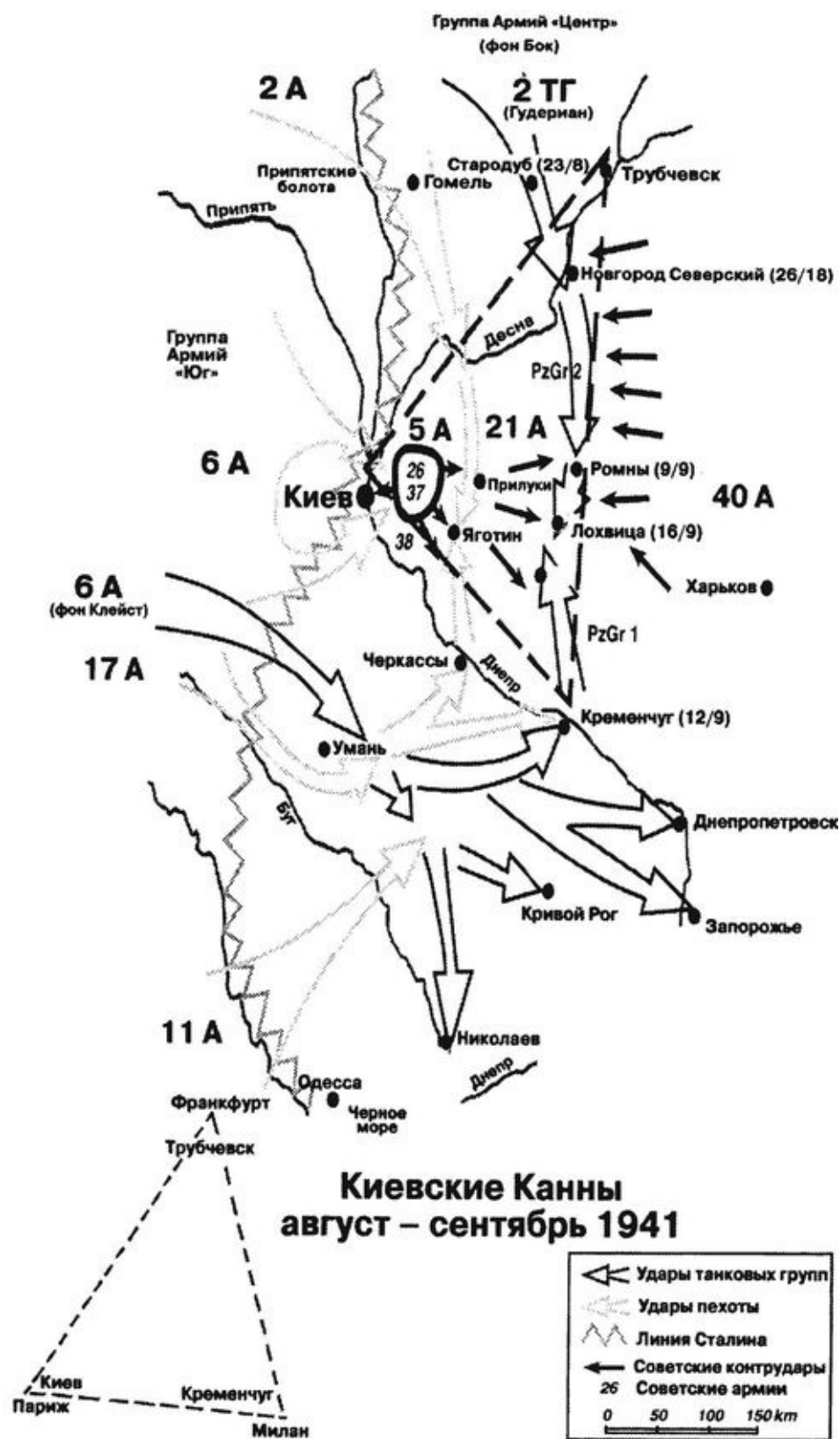
«По настоянию группы армий «Юг» 2-й танковой группе, растянувшейся в длину более чем на 200 км, указано наступать не только на Прилуки и Припять, но и на Лохвицу, чтобы сегодня утром соединиться с направляющимися из Кременчуга на север танками группы армий «Юг» Рундштедта».

В штабе фон Бока с растущим напряжением следили за ходом операции.

«В полдень поступает донесение о том, что многочисленные колонны неприятеля устремляются на восток через 200-километровую брешь между Ромнами и Кременчугом. Сразу же, буквально в течение получаса, приходят три телетайпограммы группы армий «Юг», там желают знать, не добрались ли еще до Лохвицы!»

Танкисту унтер-офицеру Гансу Бекеру выпало на своей шкуре испытать воплощение в жизнь замысла командования. «Темпы наступления продолжали замедляться, — вспоминает он, — а потери неуклонно росли». Лично он подбил 6 русских танков из орудия своего Pz-IV в течение всего лишь одного дня, пока не подбили его самого, — снаряд попал в гусеницу. Поскольку пехота отстала, экипаж решил подорвать танк, чтобы он не достался врагу. «Обидно, счет был шесть к одному, а на нас ни единой царапины», — уныло комментировал Бекер. Но в тот же день экипаж снова был в бою, пересев на поступившую из резерва машину. «Мы даже расстроились» из-за того, что нам не дали времени намалевать на орудии 6 колечек — по числу сбитых русских танков. Экипаж сразу же погнался в бой. И хотя все понимали, что эта традиция — не более чем суеверие, это было для танкистов очень и очень важно. Им достался тоже Pz-IV, но «он был все-таки не такой, как наш, в мелочах отличался, и мы никак не могли отойти от впечатлений прежнего боя», — продолжает Бекер. Но за четыре с половиной часа сражения экипаж Бекера уже на новой машине поджег еще «два вражеских танка».

Уже при выходе из боя вдруг «что-то жутко лязгнуло по броне». Танк замер как вкопанный. Первое, что пришло на ум Бекеру, это то, что они так и не успели нарисовать на орудии кольца. «Вот вам, пожалуйста, и не верь теперь в дурные приметы». Русский снаряд угодил в корму танка с правой стороны. Pz-IV сразу же охватило пламя. Двое из пяти членов экипажа погибли на месте. «Их отшвырнуло в угол кабины, где они лежали, окровавленные». Оставшиеся в живых вытащили тела погибших товарищей через люк, чтобы те не сгорели вместе с машиной. Как ни странно, танк не взорвался, но у них не было иного выхода, как бросить, в общем, ремонтпригодную машину. Воспользовавшись минутным затишьем, экипаж подбитого танка короткими перебежками поспешил к своему штабу. «Километра четыре, а может быть, и пять мы ковыляли к своим, непрерывно куря, чтобы хоть как-то унять нервы». Вид у танкистов был жуткий — все в крови погибших, в изорванных осколками комбинезонах. В штабе их ждала еще одна печальная новость. С задания не вернулись два экипажа. Их тяжело раненный командир нашел в себе силы выслушать доклад, и тут же его отправили в лазарет. Такая вот вышла победа, немногим лучше поражения. «С годами слава расцветает пышным цветом, и самые лучшие сражения — те, которые были давным-давно», — грустно размышляет Бекер.

Каждый простой солдат чувствовал, что сражение близится к

кульминации. Фельдфебель кавалерии Макс Кунерт, верхом отправившийся в разведку по приказу штаба пехотного полка, вспоминает все эти «сплетни и слухи» о том, что «мол, где-то в районе Киева мы окружили неимоверно большую группировку русских — отсюда и резко возросшая активность авиации, и то, что нас непрерывно гонят вперед и только вперед». Но это мало способствовало повышению боевого духа измученных в наступлении солдат. «Это означало, что всем нам, включая и лошадей, нечего и думать об отдыхе». Как и прежде, пехоте надлежало не отставать от танкистов. И пехотные части на марше не гнушались никакими средствами передвижения, попадавшимися по пути. Тео Шарф из 97-й пехотной дивизии «рассчитал, что колонна дивизии достигнет максимальной длины — растянется на 60 километров, если все рассядутся хотя бы по телегам». Начальство не то чтобы поощряло подобное, но, во всяком случае, и не запрещало, предпочитая смотреть на все сквозь пальцы.

В полночь 14 сентября 14-й танковый корпус 1-й танковой группы передал приказ своему авангарду, 9-й танковой дивизии, овладеть железнодорожной станцией Ромоданы в 138 километрах севернее переправы через Днепр у Кременчуга. Приказ на следующий день предусматривал отражение дивизией возможных атак русских восточнее Миргорода и наступление на север с целью овладения переправой через реку Сула и соединение с частями 2-й танковой группы, передвигавшейся южнее Лохвицы. Именно в этом месте и намечалось соединение двух танковых клиньев. Для выполнения поставленной задачи предусматривалось сформировать группировку в следующем составе: одно подразделение тяжелой артиллерии для блокирования сил русских и второе из танков и моторизованной пехоты — для выхода к месту соединения. Это был последний рывок перед завершением операции по окружению. Ударная танковая группировка, наступавшая на север к Сенче (так в тексте. — *Прим. перев.*), атаковала русскую колонну грузовиков в количестве 50 автомобилей. Захваченные в плен русские солдаты совершенно не ожидали такого поворота, будучи убежденными, что находятся в глубоком тылу своих. К полуночи 15 сентября машины ударной группировки 9-й моторизованной пехотной дивизии вышли к станции Сенча. Впереди лежала река Сула.

За три дня до описываемых событий авангард майора Франка (2-я танковая группа Гудериана) прорвал оборону русских вдоль дороги строго на восток от Сулы. Под покровом темноты Франк сумел незамеченным продвинуться в глубь расположения противника на 45 километров. В двух километрах от Лохвицы немцы захватили неповрежденный мост через

Сулу. Завязалась ожесточенная схватка с русскими, затянувшаяся вплоть до прибытия передовых частей 3-й танковой дивизии. В ночь на 13 сентября солдатам было приказано замаскировать машины под стога сена, а снизу обложить снопами колосьев. На возвышенности офицеры изучали в бинокли неясно вырисовывавшиеся очертания Лохвицы — населенный пункт был виден как на ладони чуть внизу. Заходившее солнце окрашивало дома в нежно-золотистый цвет.

«Над домами были различимы клубы дыма и пыли, доносилась автоматная и пулеметная стрельба, раздавались и артиллерийские залпы. Сомнений не оставалось — передовые части вышли в тыл русским. Ударный клин наступления группы армий «Юг» находился всего в нескольких километрах».

Группа майора Франка во взаимодействии с возглавлявшей наступление 3-й танковой дивизией пробилась к Лохвице к 5 часам утра. Крупный северный мост через реку Сула, разделявшую город, был захвачен в результате дерзкой операции. Немецкие мотопехотинцы нейтрализовали расчеты шести противотанковых орудий, лафет к лафету установленных на улице в 200 метрах от моста. Никакого сопротивления со стороны русских не последовало — расчеты крепко спали.

Вскоре после этого в штаб Гудериана полетела лаконичная радиограмма: «14 сент. 1941 г. 18.20 мин. 1-я и 3-я танковые группы соединились».

Танкисты обер-лейтенанта Вартмана, преодолев вброд Сулу, повернули к Лубнам. Остальные последовали за ними мимо выстроившихся в колонну машин с наклеенными на передних и задних грузовиках буквами «К» («Ударная группировка Клейста»). Их машины имели букву «G», означавшую принадлежность к ударной группировке Гудериана. К 9 часам 10 минутам утра 15 сентября 3-я и 9-я танковые дивизии соединились в Лохвице, расположенной как раз в центре Украины. На западе в гигантском кольце окружения оказались 5 советских армий.

В тот же день фон Бок объявил: «У внутренних флангов группы армий «Юг» и «Центр» кольцо окружения вокруг противника замыкается... Так «Сражение за Киев» стало блестящим успехом». Ганнибал у Канн выиграл сражение, однако так и не смог победить Рим. Фон Бок не смог удержаться, чтобы не провести параллель:

«Но главные силы русских негибаемо противостоят моему фронту, и, как и прежде, вопрос о том, когда они будут разгромлены и удастся ли вообще разгромить их до наступления зимы с тем, чтобы вывести Россию из этой войны, по-прежнему остается открытым».

Немецкие фронтовые командиры были единодушны во мнении, что самое тяжелое впереди. Русские так просто не сдадутся. Генерал-полковник Гудериан прибыл в то победное утро на наблюдательный пункт майора Франка под Лубны. В своих воспоминаниях он писал:

«Рано утром 15 сентября я посетил передовой отряд 3-й танковой дивизии, которым командовал майор Франк; этот отряд накануне отбросил русских в районе Лохвицы на запад и в течение ночи захватил пехоту противника, следовавшую на 15 автомашинах. С наблюдательного пункта майора Франка, расположенного у Лубны, местность очень хорошо просматривалась, и можно было наблюдать за движением транспортных колонн русских с запада на восток. Однако это движение вскоре нами было приостановлено. Во 2-м батальоне 3-го мотострелкового полка я встретил Моделя, который доложил мне свой план дальнейших действий. В заключение я посетил ряд подразделений 3-й танковой дивизии и беседовал с командиром 6-го танкового полка подполковником Мюнцелем. В этот день Мюнцель имел в своем распоряжении только один танк Т-IV, три танка Т-III и шесть танков Т-И; таким образом, полк имел всего десять танков. Эта цифра дает наиболее наглядное представление о том, насколько войска нуждались в отдыхе и приведении в порядок. Эти цифры свидетельствуют также о том, что наши храбрые солдаты делали все, что было в их силах, для того, чтобы выполнить поставленную перед ними задачу».

Командующий 2-й танковой группой Гудериан и офицер Лейбштандарта СС. Только что завершено грандиозное окружение под Киевом

Как и в ходе окружения советских войск под Смоленском, решающий удар наносили пехотные дивизии. Естественно, что усилия пехоты не должны были пройти даром, а существенно сократить продолжительность кампании. Гюнтер фон Шевен, 33-летний пехотинец, интуитивно понимал, что это означает лично для него и его товарищей. «Ни минуты отдыха, — писал он домой, — все те же марши по этим полям и бесконечным дорогам, колонна за колонной. Лошади, орудия, облака пыли». После 2000-километрового марша силы этого солдата находились на исходе. «Последние несколько дней боев исчерпали мое мужество, — признается он. — Не под силу нормальному человеку столько убивать». Ему уже не раз выпадало отбивать «дикие, безрассудные атаки русских, шокировавшие даже нас, когда они надвигались на нас с танками, пехотой и кавалерией». Гюнтер фон Шевен участвовал и в сражениях на окружение на южном участке под Уманию. В своих выводах он предельно краток и прозрачен: «Вероятно, мы уничтожим здесь все до конца этой войны».

Перспектива не из веселых.

Бой на подступах к Киеву

Бои с окруженной группировкой под Киевом

Кольцо немецких танковых сил сужалось по направлению к центру с одновременным укреплением внешних границ котла в целях предотвращения попыток Советов деблокировать окруженную группировку своих войск. Все дожидались подхода пехотных дивизий. 16–19 сентября 2-

я и 17-я немецкие армии, наступавшие с севера и юга соответственно, замкнули внутреннее кольцо окружения в районе Ягодина. Тем временем 6-я армия, нанеся концентрический удар по Киеву, широким фронтом наступала с запада. Киев был третьим по величине городом Советского Союза. Столица Украины пала под натиском немцев 20 сентября 1941 года. Потеря Киева стала тяжелым ударом для Советов. Около 35 немецких дивизий приступили к ликвидации кольца.

19 сентября 33-летний майор Красной Армии Юрий Крымов писал своей жене Анне:

«И как только угораздило нас оказаться в окружении? Объяснять это можно очень долго, но меня сейчас не тянет на объяснения. До сих пор еще не все ясно. Так что нечего и спорить. Повсюду, куда ни кинь, немецкие танки и пулеметные гнезда. Вот уже четвертый день мы занимаем круговую оборону. По ночам на горизонте очень хорошо видны огоньки — это и есть кольцо окружения...»

Крымов долго не писал жене писем. Не было возможности. Но сейчас под давлением обстоятельств он решился сесть, «потому что я все же надеюсь, что это письмо дойдет до тебя...». Крымов подробно и не без таланта описывает ночное небо над полем битвы: «золотистые сполохи», «исчезающие во тьме серебристые следы ракет».

По мере продвижения немцев внутрь котла образовывались котлы помельче, в которых завязывались ожесточенные схватки. Известный советский поэт-песенник Евгений Долматовский также оказался в окружении. «Нас окружили мотопехотинцы, или гренадеры, как их называли», — вспоминает он. Пощады ждать не приходилось. «Все завершилось рукопашной, — продолжает Долматовский, — меня тогда швырнули наземь. И вообще все это напомнило мне мальчишескую потасовку. Только со смертельным исходом. Никогда в жизни мне не приходилось участвовать в такой ужасной драке, — признавался советский поэт. — Даже в детстве». После этого «нас всех потащили в лагерь для пленных».

Части русских бродили в кольце окружения, ввязываясь в схватки с противником и отчаянно пытаясь вырваться за пределы котла. Местные жители, прекрасно понимавшие все ужасы немецкой оккупации, были в отчаянии. Майор Крымов описывает сцену, когда из деревни в панике стали уходить жители, пытаясь обрести безопасность в центре сужавшегося котла.

Ликвидация Киевского котла. Немецкие солдаты прячутся от обстрела за типичной украинской мазанкой

«Настороженные, суровые лица колхозников. Теплые слова, которые говорили нам женщины. Рубленые фразы командиров. Тарахтенье моторов. Лошадиное ржанье. «Выше голову, товарищи — мы еще вернемся»... — «Возвращайтесь поскорее!» — «Как нам одолеть этих немцев?» — «Вот вам водички свежей, налейте себе во фляжку!» — «Прощайте!» — «Нет, не прощайте, а до свидания!»

Тыловые и интендантские подразделения стремились попасть в глубь котла, боевые части рассредоточивались для боев и следовали в другом направлении. Все подразделения перемешались друг с другом. «Кольцо стремительно сжималось, — свидетельствует Крымов, — идти уже было некуда». Считанные часы оставались до вступления сражения в решающую фазу.

«Солдаты сумели бы вырваться из окружения, никто в этом и не сомневался. Но куда идти? В какую сторону? И какова будет этому цена? Эти вопросы мучили командиров всех уровней».

Попытки вырваться из кольца в ночь с 17 на 18 сентября были пресечены немцами.

Тем временем люфтваффе приступило к выполнению двух поставленных ему задач: тактической поддержке с воздуха наступавших танковых частей и воспрепятствованию всем попыткам русских покинуть район окружения. Отряду майора Франка пришлось бы плохо, если бы не своевременная атака пикирующих бомбардировщиков, позволившая отразить атаку советских танков.

На северном участке кольца окружения действовал 2-й воздушный корпус 2-го воздушного флота люфтваффе, а 5-й воздушный корпус 4-го воздушного флота люфтваффе осуществлял контроль за южным. Бомбардировкам подвергались железнодорожные станции, мосты, локомотивы и составы. Силы Советов, спешившие на подмогу маршалу Буденному, были блокированы, а пути отступления перерезаны.

Вспоминает Кессельринг:

«Из-за плохой погоды летчикам трудно было осуществлять операции, удерживая четкий строй. О высоком боевом мастерстве наших экипажей красноречиво свидетельствует тот факт, что железнодорожные пути в зоне боевых действий, благодаря им, постоянно разрушались. Нередко на коротком отрезке железнодорожных путей, блокированном с обеих сторон, оказывалось двадцать-тридцать эшелонов противника, которые наши пикирующие бомбардировщики разносили вдребезги. Колонны противника до последних дней сражения практически не появлялись на шоссе-ных дорогах; если же это происходило, их тут же атаковали с воздуха наши самолеты, нанося им огромные потери».

Гавриил Темкин, служивший в русском рабочем батальоне, вспоминает:

«Излюбленными объектами бомбежек, в особенности с применением зажигательных бомб, были лесистые участки местности, прилегавшие к главным дорогам. Предполагая, что в этих лесах скрываются части русских, немцы бомбили их чаще всего ближе к вечеру».

Пикирующие бомбардировщики широко использовались для подавления у окруженных русских солдат воли к сопротивлению. В период с 12 по 21 сентября 1941 года 5-й воздушный корпус совершил 1422 боевых вылета, сбросив на противника 567 650 кг бомб и 96 зажигательных бомб «типа 36». Результаты были впечатляющими: оказались уничтожены 23 танка, 2171 автомобиль, 6 зенитных батарей, 52 железнодорожных состава и 28 локомотивов. В 18 местах было прервано железнодорожное сообщение и уничтожен 348 ряд мостов. Потери ВВС Красной Армии составили 65 сбитых самолетов и 42 уничтоженных на аэродромах. Потери люфтваффе на указанный период составили 17 сбитых самолетов, 14 поврежденных, 18 пропавших без вести экипажей и 9 человек убитыми.

19 сентября подразделение моторизованной пехоты, в котором служил Фриц Кёлер, располагалось севернее реки Десна. В полдень по радио они услышали сообщение о том, что две группы армий соединились и замкнули кольцо окружения вокруг четырех советских армий. Еще некоторое время спустя солдаты слышали о падении Киева. Через три дня подразделение

Кёлера блокировало попытки русских прорваться из котла в районе Лохвицы. Когда 6 танков Т-34 стали надвигаться на них, Кёлер понял, что русские их заметили. Пехотинцы поспешно стали окапываться неподалеку. По танкам открыли огонь из противотанковых орудий, однако 37-мм снаряды отскакивали от брони «тридцатьчетверок». Танки устремились вперед, гусеницами сминая орудия и расчеты, — немецкая пехота осталась один на один с бронированными чудовищами. Выглянув из-за бруствера, Кёлер увидел:

«Танки двигались прямо на нас. Нам пришлось пережить несколько неприятных минут. Одна из машин ползла прямо к моему окопчику, временами замирая на месте. Съежившись в комочек, я едва дышал. И тут танк неуклюже сдвинулся с места, и мне до конца жизни не позабыть этого».

Угрозу для немецких линий обороны ликвидировало прибытие 88-мм орудий и саперных подразделений. «Слава Богу, что на броне танков не было пехотинцев, иначе туго бы всем нам пришлось тогда».

45-я дивизия немцев, здорово потрепанная в Бресте, стала прибывать в Прилуки в 120 километрах восточнее Киева. Здесь находилась восточная граница кольца окружения. Как и все остальные, это соединение, двигаясь на восток, понесло на марше значительные потери в технике и личном составе. В Бресте потери дивизии превысили потери, понесенные в ходе кампании во Франции. С 1 по 6 сентября 1941 года погибли еще 40 солдат и 2 офицера. 32 человека погибли с 9 по 13 сентября. Проливные дожди существенно замедлили темпы наступления — до 4,5 километра в день. Дивизию переподчинили командованию 2-й армии, наступавшей в направлении с севера. Командующий четко обрисовал обстановку на 10 сентября в ежедневном приказе:

«Упорное сопротивление врага, ужасные дорожные условия и постоянные дожди не остановили вас... Наступление, которое должно начаться через несколько дней, даст возможность внести свой вклад в уничтожение вражеских сил. Мы окружим противника со всех сторон и разгромим его».

Когда 45-я дивизия прибыла на место боев, кольцо окружения сузилось до 40 километров в поперечнике. Здесь дивизию снова переподчинили, на этот раз 6-й армии, действовавшей в составе группы армий «Юг». 45-я дивизия вошла в группировку из 8 немецких дивизий, которым была поставлена задача вынудить сдаться еще остававшиеся в кольце окружения дивизии русских. 20 сентября 45-я дивизия была переброшена к бреши у Ягодина у восточного края котла — именно на этом

участке русские пытались вырваться из кольца. 22 сентября одновременно с прибытием первых батальонов дивизии начались атаки русских.

Фельдфебель кавалерии Макс Куннерт также оказался у границ киевского котла. По его словам, «периметр быстро уменьшался, но это лишь ожесточало сопротивление русских, все силы бросавших на прорыв». Подразделение Куннерта располагалось в тылу танковых частей, и фельдфебель кавалерии признавался, что «к счастью для нас, вырваться и вывести тяжелые вооружения сумела лишь незначительная часть русских», добавив, что «мы оказались в сложном положении» и страстно желали «оказаться подальше от этих мест».

«Тогда мы были совершенно беспомощны. Могло случиться, что нам пришлось бы сражаться с танками противника, не нам с ними тягаться — мы-то в седлах. Единственное, что мы могли, это укрыться в лесистой местности, наверняка это было бы самое лучшее».

Принявшие массовый характер попытки русских выйти из окружения приводили к тому, что рассеянные по большой территории немецкие силы нередко сами оказывались в окружении. И вынуждены были, заняв круговую оборону, биться не на жизнь, а на смерть. Вальтер Окека участвовал в боях под Уманью и входил в расчет 20-мм зенитных орудий, установленных на шасси полугусеничного вездехода. На их подразделение возлагались задачи обороны с воздуха, но никак не противотанковой, тем более они не могли тягаться с «этими серо-зелеными гигантами» — советскими тяжелыми танками, внезапно появившимися у их позиций.

«Т-34 — сжав зубы, прошипел командир. Да, нам уже приходилось слышать о танках Т-34 массу любопытных вещей, не суливших нам ничего хорошего. Куда нам против них с нашими жалкими 37-мм пушечками! Или с 20-миллиметровыми!»

Командир батареи, где служил Окека, обер-лейтенант Россман, распорядился сосредоточить непрерывный огонь автоматических пушек на гусеницах Т-34. Никто особенно не верил в удачу этой затеи, но ничего больше не оставалось. Окека, стиснув зубы, пообещал себе, что «продаст свою шкуру как можно дороже». Они не открывали огня, пока танки не подошли на 200 метров. Первый залп зениток оставил один танк Т-34 без гусеницы, машина беспомощно завертелась на месте. После этого последовал приказ сосредоточить огонь на башне. Но не успела опустеть первая обойма, как в башне открылся люк и показался белый флаг. Русский экипаж, выбравшись из танка, тут же угодил в плен. Тем временем зенитчики уже обстреливали второй танк, и вскоре его постигла участь первого.

Однако уцелевший экипаж второго подбитого танка продолжал отстреливаться из личного оружия. Вскоре он был сметен залпом 20-миллиметровых. Участь остальных танков мало чем отличалась от участи предшественников — экипажи срезали пулеметным или пушечным огнем при малейших попытках оказать сопротивление. Оставшиеся Т-34 стали отползать назад. И Окека и его товарищи поверить не могли, что их малокалиберные орудия сумели отбить атаку непобедимых «тридцатьчетверок». «И все наше нервное напряжение враз спало, и мы победно завопили, — продолжает Окека, — словно восьмилетние дети, играющие в ковбоев и индейцев!»

Бойцы отправились к танкам поглядеть на результаты. Оказалось, что снаряды повредили не только гусеницы, но и колеса, и натяжные звездочки. Тем не менее немцы не могли понять, в чем же все-таки дело. «Лишь в ходе допроса плененного экипажа дело прояснилось», — рассказывал Окека. Оказалось, что разрывы 20-мм снарядов на броне башни при беглом огне вызывали резонанс, заставляя ее греметь, как «огромный колокол».

«Следовавшие один за другим разрывы на броне башни гремели с каждым попаданием все сильнее — сила звука превосходила все допустимые пороги, экипаж не выдерживал и готов был броситься вон из танка, лишь бы избавиться от этого невыносимого гула».

А с виду, казалось, что могут сделать эти несчастные 20-мм зенитки такой махине, как Т-34? Но впоследствии, по словам Океки, их батарея вывела таким же образом из строя 32 машины Т-34.

Не столь благополучно обстояли дела на других участках кольца окружения. На правом фланге 45-й пехотной дивизии, где дислоцировался 133-й пехотный полк, произошла «совершенно безумная кавалерийская атака русских, которые, невзирая на шквальный огонь, неслись вперед». За ней последовала атака пехотинцев, «волнами накатывавшихся на наши позиции. Ничего подобного нам видеть ранее не приходилось». Кавалеристы верхом на лошадях с саблями наголо прорывались к траншеям и с размаху кроили напополам даже каски немецких солдат. Советские кавалеристы во время этой безумной атаки сумели прорваться чуть ли не до штаба дивизии в Ягодине, где их все же сумели остановить. За кавалерийской атакой последовало три волны пехотной при поддержке артиллерийского огня. У русских было 4 танка и три полных пехотинцев грузовика. Идя на верную смерть, они приближались к немецкой линии обороны. У железнодорожной насыпи, за которой как раз располагались позиции немцев, они остановились, солдаты спрыгнули на землю. В этот момент на них обрушился ураганный огонь из всех имевшихся в

распоряжении немцев орудий. Согласно отчету штаба дивизии, «бессчетное число убитых усеивало железнодорожную насыпь». Среди них обнаружили и женщин в военной форме.

Огнеметчики пытаются уничтожить советский дзот. Киевский УР

24 сентября на участке 44-й и 45-й дивизий подобные самоубийственные атаки русских следовали подобно волнам прилива. Русские, воспользовавшись брешью на стыке участков дивизий, сумели проникнуть в тыл немцев и атаковать снабженческие и артиллерийские подразделения. 6-я батарея 98-го артиллерийского полка, с позиций на высоте 131, открыла огонь по атакующим цепям. Однако это никак не удержало русских, бросившихся к артиллерийским позициям, где они вступили в ожесточенную рукопашную схватку с орудийными расчетами. Русские, захватив одно из орудий, развернули его и открыли огонь по штабу немецкой дивизии. К счастью, там никого из офицеров не было. И в этот момент произошло нечто совершенно непостижимое, что нередко случается на войне. В разгар боя, в ужасающей неразберихе на орудийных позициях 6-й батареи увидели в какой-то сотне метров, словно на параде, с винтовками на плече на восток следовала колонна русских пехотинцев. У них имелось достаточно сил, чтобы поддержать своих товарищей и обеспечить прорыв из кольца окружения. Однако русские пехотинцы не стали вмешиваться в схватку.

Страшные потери обеих сторон еще более увеличивались по мере сужения кольца окружения. «Повсюду можно было видеть полные кузова трупов», — вспоминал один из участников боев Макс Кунерт, имея в виду

немецкие потери.

«На это смотреть было невозможно, а речь ведь шла о малой толике погибших на нашем участке. Кровь в буквальном смысле ручьями лилась из щелей кузовов, стекая вниз по доскам. А водитель, несмотря на жару, стоял с побелевшим как мел лицом».

Обочины дорог были усеяны обезображенными трупами. В особенности болезненно немецкие солдаты воспринимали трупы женщин в красноармейской форме. Кунерт, осматривая подбитый 60-тонный русский танк, обнаружил внутри обгоревший женский труп в форме. Женщина эта явно была членом экипажа, но Кунерт, которому и в голову не могло прийти, что советской женщине ничего не стоило пойти и в танкистки, считал, что «кто-то из членов экипажа, будучи уверен в успехе прорыва, решил прихватить с собой в машину свою жену или подругу».

Пытаясь рассечь крупные окруженные группировки противника, немцы сами несли ужасающие потери. «Ну, и чья очередь сегодня?» — немой вопрос читался на усталых лицах пехотинцев, собиравшихся в бой после пары часов отдыха. «На первом месте был страх смерти, чувство ужаса, от которого холодеет спина. Ну, а на втором голод, жажда и боль», — признавался один немецкий солдат. На четвертый день 45-я пехотная дивизия атаковала лесной массив поблизости от Березани, продвигаясь на запад в сторону Киева. Под Семеновкой завязалась ожесточенная рукопашная схватка с русскими, к всеобщему изумлению, вооруженными автоматами. Сдавшихся в плен не было.

Атаковавших их немцев русские забрасывали связками гранат. Одна такая связка уничтожила пулеметный расчет в полном составе. Всю ночь русские не прекращали попыток прорваться. На рассвете насчитали около сотни трупов, среди них 25 офицеров и комиссаров и 25 сержантов и старшин. Лес, где скрывался неприятель, дважды обстреляли тяжелой артиллерией, после чего сопротивление пошло на убыль. Итог: 700 человек пленными, включая нескольких генералов штаба командования армии.

Немецкие танкисты призывают красноармейцев сдаваться в плен

Даже уже очищенные от русских участки приходилось не раз прочесывать заново. Это приводило к потерям личного состава. «Тогда у нас было одно на уме — выжить, — признавался Кунерт. — Тут уж поневоле позавидуешь раненым, конечно, легкораненым, во всяком случае, им уже бояться было нечего, их отправляли в тыл, где ни вони, ни трупов, не то что на этой скотобойне». Приходилось проверять каждый куст, каждый стожок сена — в них нередко скрывались мелкие группы отбившихся от своих частей солдат, нападавших на немецкие колонны. «Разведка огнем» почти всегда была средством решения проблемы. Капеллан из 45-й дивизии описывает сюрреалистическую сцену:

«Эти вздымавшиеся к небу столбы огня были даже по-своему красивы, если отвлечься от ужасов войны. Наши пехотинцы обшаривали каждый куст, выжигая огнеметами остатки засевшего там неприятеля...»

Унтер-офицер Вильгельм Прюллер из 11-го пехотного полка участвовал в операции по преследованию колонн отступавших русских. «В упоении этой захватывающей операцией все перемешались — немцы, русские, свои, чужие».

Киев. Под бдительным оком кинокамеры роты пропаганды жители города вывешивают плакаты, приветствующие новую власть

«Жаль, что не было тогда кинооператоров из хроники, вот был бы у них материал! Танки, бронемашины, сидящие на них бойцы, покрытые коркой грязи и копоти, опьяненные боем, пылающие стога сена, бегущие с поднятыми вверх руками русские — вот это было зрелище!»

На пятый день сопротивление русских заметно ослабло. Генерал-полковник Михаил Кирпонос, командующий фронтом под Киевом, погиб вместе со своим штабом, когда его колонне не удалось прорвать кольцо немецкого окружения. Спастись тогда удалось очень немногим. Маршалов Буденного, Тимошенко и члена Военного совета Хрущева пришлось эвакуировать из окружения по воздуху. М.А. Бурмистренко, член Военного совета и секретарь ЦК партии Украины, и начальник штаба фронта генерал Пупиков погибли, как и большинство офицеров штаба фронта. Вырваться из окружения удалось лишь 4 тысячам человек — одному-единственному кавалерийскому подразделению под командованием генерал-майора Борисова. Хотя число пленных постоянно росло, отнюдь не все добровольно сдавались немцам. Гавриил Темкин, служащий рабочего батальона, признавался, что «несмотря на официальные запреты предавать огласке число взятых в плен, все прекрасно понимали, что число пленных огромно». Многим было известно даже их точное число. «Нас постоянно убеждали, что фашисты жестоко с ними обращаются, с этим никто не спорит, но мы знали и о том, как наши власти относились к тем, кто побывал в плену».

Попавшие в плен командиры считались дезертирами, члены их семей

подвергались преследованиям или даже арестам. Члены семей красноармейцев, попавших в плен, не могли рассчитывать на льготы и помощь государства. «Оказаться во вражеском плену приравнялось к измене Родине», — поясняет Темкин. Единственным оправданием могло служить бессознательное состояние вследствие полученных ран или же побег из лагеря. Горькой иронией судьбы можно было расценивать тот факт, что сын Сталина Яков Джугашвили сам оказался в плену у немцев. По словам Темкина, «немцы разбрасывали листовки с его фотографией над еще не занятыми советскими городами и железнодорожными станциями, где было полно войск». Впоследствии сын Сталина погиб в концлагере. Сам Темкин не питал иллюзий относительно немецкого плена. «Не могу даже представить себе этого, — признавался он, — нет уж, по мне лучше сразу пулю в лоб».

Майор Юрий Крымов уже свыкся с неизбежным. В 2 часа ночи ему сообщили, что враг всего в 4 километрах от их левого фланга. Он вышел из тесной землянки на воздух. «Весь горизонт полыхал заревом, отовсюду доносилась пулеметная и автоматная стрельба». Он отчетливо сознавал: «при всем желании отсюда не было пути». Еще досаднее было то, что прервалась связь с соседним подразделением. Комиссар, всегда морально поддерживавший Крымова, вырвал его из горестных раздумий, угостив печеньем. «Понятия не имею, где он их сумел добыть, — продолжает майор Крымов, — но он не съел их в одиночку, а решил угостить меня». На этом месте письмо Крымова жене прерывается. Три дня спустя майор Крымов погиб.

Советские автомобили, брошенные при попытке прорваться из котла

Лейтенант Курт Майснер описывает еще одну отчаянную попытку русских вырваться из окружения.

«Нетвердой, спотыкающейся походкой они надвигались на нас у надсадно вопя — Ура! Ура! Ура!..»

Майснер вместе со своими бойцами самозабвенно поливал наступавших из пулемета, десятками кося их, пока они грудой не загородили дорогу своим наступавшим товарищам. Только это и заставило их отступить. Но тут же новые тысячи устремились к позициям немцев. Майснер вынужден был отвести назад свое подразделение. Русские попытались предпринять попытку прорыва в другом направлении, но и там их встретил ураганный огонь. Майснер:

«Я весь взмок от охватившего меня ужаса. Потом произошло нечто совсем уж непонятное: вся эта масса оставшихся в живых русских, — а их еще оставалось несколько тысяч, никак не меньше — внезапно, словно по команде, остановилась где-то в километре от нас. Мы ждали, что будет дальше, и тут в бинокли увидели, что они бросают оружие. Покончив с этим, они повернули к нам. Все их жертвы оказались напрасными. Они просто уселись там, где стояли, и тут нам было приказано отправиться к ним и окружить их».

На пятый день наступил долгожданный конец.

Техника, брошенная на одной из дорог отступления

Битва за Киев завершилась 24 сентября 1941 года. Военврач из 3-й танковой дивизии, сам побывавший на поле боя, вспоминает:

«Сцена представляла собой хаос. Сотни грузовиков, тягачей, танков разбросаны по огромному пространству. Некоторым так и не удалось спастись в подбитых машинах, и они сгорали заживо, вцепившись в рукояти пулеметов. И тысячи, тысячи убитых».

Сержант Иван Никитич Крылов, разжалованный из капитанов, хорошо помнит эти последние дни в кольце окружения.

«Немцев было намного больше, и боеприпасов у них было больше, и оружие лучше, и храбрости им было не занимать. И убитые немцы лежали вперемешку с нашими. И их, выходит, эта битва не пощадила».

Шесть советских армий — 5-я, 21-я, 26-я, 27-я, 38-я и 40-я — были полностью либо частично уничтожены, 50 советских дивизий считались выбывшими. Немцы сообщили о 665 тысячах пленных, подбитых или захваченных у русских 884 танках и 3718 артиллерийских орудиях. Советские источники приводят цифру в 44 дивизии и 6 бригад, участвовавших в обороне Киева и еще 12 населенных пунктов в период с 7 июля по 26 сентября. Потери, согласно советским данным, составили 700 тысяч человек, причем большая их часть — 616 304 невосполнимые.

Сержант Крылов был прав, считая, что битва не пощадила никого. Подразделение фельдфебеля Макса Кунерта понесло тяжелейшие потери. «Наши потери еще ничего, — заметил кто-то из его товарищей, — вот в батальоне — это да!» 2-й батальон и разведывательное подразделение на правом фланге потеряло большую часть техники и личного состава. «Повсюду валялись опрокинутые мотоциклы с колясками и трупы, трупы, трупы наших...»

Капеллан Рудольф Гшёпф из 45-й дивизии столкнулся в своей части с потерями, сравнимыми с теми, которые дивизия понесла во время штурма Брестской крепости. Три пехотных полка потеряли убитыми 86, 151 и 75 человек соответственно. Еще 40 погибли от ран в дивизионном лазарете и 40 человек пропали без вести. В целом дивизия потеряла 40 офицеров и 1200 солдат рядового и унтер-офицерского состава. Это составило примерно половину полка, если считать по офицерам, и полтора батальона, если считать рядовых и унтер-офицеров. Над свежими могилами отслужили панихиду. Дивизия покидала район сражения под музыку военного оркестра. По словам Гшёпфа, «больше на этой войне нашему оркестру играть не пришлось». В силу отчаянной нехватки транспортных средств инструменты пришлось отправить в рейх, поскольку они занимали слишком много места. Война постепенно утрачивала суровую торжественность, оставались лишь гибель, разрушение и меркантильный практицизм.

Германская пресса восторженно вопила. «Фёлькишер беобахтер» вышла с огромным заголовком на первой странице: «Миллионная армия сметена!» «Финал катастрофы под Киевом». «Франкфуртер цайтунг» лаконично констатировала: «Разгромлены пять советских армий».

Сентябрь 1941 г. Киев. Пожар на взорванном НКВД Крещатике

Третья годовщина Второй мировой войны подняла неизбежные вопросы: чего удалось достичь и, самое главное, к чему еще стремиться? События на Восточном фронте, случившиеся в минувшем месяце, явно не тянули на восторженные заголовки. Секретный отчет СС в начале сентября гласил: «Явно затянувшаяся кампания на Востоке расценивается населением с определенной долей недовольства». Победа под Киевом враз все изменила. Внимание снова оказалось привлечено к России. Одна домохозяйка из-под Нюрнберга писала:

«Сегодня еще раз объявили по радио об уничтожении 50 советских дивизий под Киевом. Отец говорит, что этот удар будет посильнее, если считать по захваченным трофеям. Русских так ужасно много, что им нипочем все эти потери, но вот восполнить вооружение будет непросто».

Однако пехотинцы, действовавшие в составе группы армий «Юг», были настроены не столь оптимистично. Именно им выпало очищать захваченную территорию от противника, уничтожать окруженные советские армии. Легко соорудить газетный заголовок, но очень непросто было покончить с теми, кто угодил в Киевский котел. Для завершения этих Канн требовалось 35 немецких дивизий, в том числе 6 танковых и 4 моторизованных. А они, между прочим, составляли одну треть всех сил

вторжения, предусматриваемых планом «Барбаросса». Личный состав их с начала кампании позабыл, что такое отдых. Один обер-ефрейтор из 98-й пехотной дивизии писал: «Наша рота потеряла 75 % личного состава». По мнению обер-ефрейтора, пополнение должно было прибыть через несколько дней. «Но мне кажется, если их даже пришлют раньше, они все равно не успеют — нас опять куда-нибудь погонят».

Другой унтер-офицер из 79-й пехотной дивизии писал, что «он досыта наелся битв восточнее Киева». Унтер-офицер надеется, «что после этой битвы русским уже не опомниться, но нам от этого не легче, поскольку и мы потеряли всех, кого только можно». Теперь же их погнали к Харькову. «У меня сильные сомнения на тот счет, что нам удастся покончить с войной в России в этом году». Вывод и вовсе пессимистичен: «Военная мощь России поколеблена, с этим спорить не приходится, но это огромная страна, и русские сдаваться не собираются». Его взгляды полностью разделяет и ефрейтор из 72-й пехотной дивизии, заявивший в письме домой: «Сегодня утром нам объявили, что под Киевом русские потеряли 600 орудий и 150 000 человек... Что им с того — эта страна неисчерпаема!» Вот в этом и заключается фундаментальное отличие кампаний во Франции и России. На Западном фронте:

«После прорыва их обороны и окружения их армейское командование сочло всякое сопротивление бессмысленной бойней. Здесь все по-другому...»

Иными словами, «ни о каком перемирии с русскими мечтать не приходится».

Фельдмаршалу фон Боку не терпелось начать подготовку к наступлению на Москву. Киевский котел и наступление на юг никак не должны отвлекать от главного. У фон Бока сил было явно не густо, расходовал он их весьма экономно, не упуская своей главной цели — захватить Москву до наступления зимы. 20 сентября он сделал в дневнике такую запись:

«Уплотнение моих линий обороны от противника надолго скрыть никак не удастся. И мне необходимо решать: либо дожидаться подхода обещанных мне сил, либо не дожидаться? Несмотря на всю сложность предстоящего наступления, склоняюсь к тому, чтобы «чутьочку рискнуть» и начать наступление, как только в войсках будет достигнут необходимый минимум сил».

24 сентября он замечает: «Становится ясно, что русские отводят войска перед моим фронтом на свои оказавшиеся под угрозой северный и южный фланги. Так что время у нас пока есть!»

Как обычно, фронтовой солдат и понятия не имел обо всех этих намерениях и замыслах. Солдат противотанкового подразделения Виктор Майер писал друзьям, не скрывая своего неведения об обстановке на фронте в целом:

«Как всегда, мы ничего не знаем ни о наших целях, ни о замыслах командования. И сейчас мы понятия не имеем, куда нас перебросят и для чего. Вот мы «вскипятили» еще один котел [под Киевом], так что задача выполнена. Ну, и куда теперь?»

Тео Шарф, в составе 79-й пехотной дивизии пробирающийся через поля пшеницы к Харькову, вспоминал, что тогда «перезрелые колосья припадали к земле».

Наступала осень.

Глава 12

Потерпевшие победу

«Я подумал было написать письмо [моей жене] Марии, чтобы оно было у меня в кармане, на случай, если меня убьют».

Немецкий солдат

Цель — Москва

Директива фюрера № 35 появилась 6 сентября, в день, когда 2-я танковая группа Гудериана с боями продвигалась в южном направлении, готовясь замкнуть кольцо окружения под Киевом. Упомянутая директива предусматривала проведение операции под кодовым названием «Тайфун», целью которой был разгром сил русских на подступах к Москве «в кратчайшие сроки до начала осенней распутицы и зимы». Фельдмаршалу фон Боку ставилась задача «путем сосредоточения крупных группировок на флангах, где было решено наносить главные удары силами подвижных соединений, прорвать оборону противника и замкнуть кольцо окружения под Вязьмой». Начало наступления на Москву предполагалось провести силами правого фланга группы армий «Центр» в направлении реки Ока, а силами левого фланга — в направлении верховьев Волги.

Фон Бок издал приказ о подготовке наступления 26 сентября 1941 года, то есть еще до завершения последних боев в районе Киева. В целях усиления группы армий «Центр» предусматривалось, что в распоряжение фон Бока будет передано несколько соединений из групп армий «Север» и «Юг». Таким образом, фон Боку теперь подчинялись три танковые группы — 4-я под командованием Гёпнера, 2-я танковая группа Гудериана и 3-я танковая группа под командованием Гота. Три пехотные армии — 9-я, 4-я и 2-я — наступали вслед за танковыми армиями.

Замысел операции состоял в том, чтобы окружить советские войска восточнее Вязьмы. Ударная группировка танковых войск должна была развивать наступление на Москву по обеим сторонам шоссе Москва — Минск. 2-й танковой группе Гудериана (на период проведения наступления

переименованной во 2-ю танковую армию) ставилась задача нанести удар юго-восточнее Брянска из района Киева, где она в тот момент находилась, на соединение со 2-й пехотной армией.

Война на Востоке близилась к кульминационной точке. В составе группы армий «Центр» немцы имели около двух миллионов солдат (1 929 000 человек). В противостоявших ей трех советских фронтах (Западном, Резервном и Брянском) насчитывалось 1 250 000 солдат Красной Армии. Около одной трети численности составляли службы снабжения и тыла, таким образом, в боевых частях и подразделениях у немцев было 1,2 млн человек против 800 тысяч у русских, то есть на каждых 8 солдат вермахта приходилось 5 красноармейцев. Для гарантированной победы этих сил было маловато, обычно победное соотношение выглядит как три к одному. Именно трехкратное превосходство в живой силе и технике позволяет рассчитывать на прорыв обороны врага и его сокрушительный разгром. Однако и цифры не всегда решают исход операции, не следует забывать и о тактике, о разумном распределении сил. Важную роль играет и фактор внезапности, однако он актуален лишь на начальной стадии наступления.

Нельзя сказать, что все перечисленные факторы складывались в пользу вермахта в ходе восточной кампании. Силы Красной Армии на момент начала действий согласно плану «Барбаросса» были развернуты у границ в неявно выраженной наступательной конфигурации. Массовый разгром советских войск, огромные группировки, угодившие в окружение под Минском и Смоленском, — все это стало результатом исключительно фактора внезапности. Чем же располагал вермахт на сентябрь месяц 1941 года? Ленинград в тисках блокады, Киев взят. Что же, в таком случае, оставалось? Разумеется, Москва. Вопрос о наступлении на московском направлении рассматривался исключительно во временном аспекте. «Когда?» — именно так стоял вопрос.

Фактор внезапности — палка о двух концах, и это правило применимо к обеим сторонам. Захваченные немцами документы Западного фронта дают представление о том, какую роль сыграл фактор внезапности для русских. «Использование пехотных сил при мощной поддержке тяжелой и противотанковой артиллерии, мотоциклетных подразделений и, в первую очередь, проведение эшелонированных в глубину танковых атак в тесном взаимодействии с люфтваффе» — иными словами, тактика блицкрига в сочетании с фактором внезапности, если верить русским документам, и определяла ход первой фазы войны. Дело в том, что в силу скоротечности и победоносности предыдущих кампаний немцам не удалось извлечь из них уроки, критически рассмотреть и обобщить их опыт. Не все методы

ведения войны в Западной Европе годились для России.

Русские, располагая достаточной для отступления территорией, опомнившись от шока первых дней и месяцев, постепенно усваивали тактику немцев, отыскивая в ней уязвимые места. Например, они умело пользовались тем, что немецкая пехота отставала от наступавших танковых соединений, тем, что немцы практически не имели навыков ведения ночных боев и бывали крайне уязвимы во время маршей или на отдыхе. Немецкие посты охранения также «в большинстве были слабы, и ничего не стоило обезвредить их в случае необходимости». Таковы свидетельства многочисленных штабных документов русских.

Так что фактор внезапности со временем утрачивал первоначальную актуальность. На смену ему приходили другие. Гальдер предвидел новые проблемы еще 11 августа:

«Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс — Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и, в особенности, на чисто военные возможности русских. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. Эти дивизии, конечно, не так вооружены и не так укомплектованы, как наши, а их командование в тактическом отношении значительно слабее нашего, но, как бы то ни было, эти дивизии есть. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину. Русские еще и потому выигрывают во времени, что они сидят на своих базах, а мы от своих все более отдаляемся».

В середине сентября он же в письме жене утверждал, что «время предательски уходит, а время — залог победы». Время, огромные территории, невиданное упорство противника — все это подтачивало боевую мощь германских войск на Восточном фронте. Что касается упорства противника, в конце концов, война есть война, и командиры пока что сохраняли присутствие духа. А вот два первых фактора — время и огромные территории — они как раз и сводили на нет и без того минимальные преимущества немцев. Коммуникации безнадежно растягивались, войсковой подвоз был затруднен, армия побеждала, но какой ценой? Ценой самоуничтожения.

Чтобы уяснить себе суть замысла, лежащего в основе плана «Барбаросса», следует помнить, что он предусматривал разгром Красной Армии в западной части России примерно в 500 километрах от границы. Согласно расчетам ОКХ расстояние до Смоленска предстояло преодолеть одним мощным ударом, после которого предусматривалась оперативная пауза, необходимая для переоборудования железнодорожных коммуникаций. Чтобы организовать бесперебойное тыловое снабжение, требовалось наладить взаимодействие колесной, гусеничной техники и железнодорожного транспорта. На деле оказалось, что гусеничная техника намного опередила пехотные соединения армии, которые использовали гужевой транспорт.

Для организации тылового обеспечения 33 танковых и моторизованных дивизий предполагалось задействовать весь имеющийся парк транспортных средств. Общее число дивизий, участвовавших в реализации плана «Барбаросса», равнялось 144. Согласно самым оптимистическим расчетам, 300-километровый путь до Смоленска и обратно — всего 600 км — мог быть покрыт за 6 дней, включая погрузочно-разгрузочные работы. В результате каждой дивизии предстояло получать до 70 т грузов в день, треть которых составлял провиант. Если же сосредоточить поставки лишь на моторизованных дивизиях (как мы помним, их было 33), то оставшиеся 111 совсем могли лишиться подвоза. В задачу моторизованных и танковых дивизий входило окружение сил противника, их требовалось снабжать в первую очередь, но и следовавшие за ними дивизии не должны были сидеть на голодном пайке. Проблемы эти появились еще до овладения одной из промежуточных целей кампании — Смоленском. Поэтому рубеж, расположенный в 500 км от западной границы Советского Союза, за Смоленском, стал своего рода «миной замедленного действия», способной не только замедлить темпы наступления, но и привести к его срыву. Поэтому неудивительно, что в письмах немецких солдат на родину нередко говорится о скудных рационах, недостатке боеприпасов и перебоях с пополнением фронтовых частей и подразделений.

Основная причина того, что немецкое командование запланировало оперативную паузу в 500 километрах от границы, заключалась в том, что в 1941 году автотранспортные перевозки значительно уступали по объему железнодорожным. «Блицкриг» во Франции, в том виде, в котором изображался в выпусках немецкой еженедельной кинохроники и в пропагандистском документальном фильме «Победа на Западном фронте», был чистой воды выдумкой. В действительности на ход европейских

кампаний крайне негативно повлияло неудовлетворительное состояние автотранспорта, находившегося на вооружении вермахта. Но даже при идеальном состоянии автопарка он не шел по объемам перевозок ни в какое сравнение с железнодорожным транспортом. Для доставки необходимых войскам грузов на расстояние в 500 километров требовалось не менее 1600 грузовиков. Кроме того, не следует забывать, что и автотранспорт, в свою очередь, зависел от тылового обеспечения — ему также требовалось горючее, водители, запчасти и техобслуживание. И для грузоперевозок на расстояния свыше 320 километров самым рентабельным был и оставался железнодорожный транспорт. Так что автоколонны могли выполнять лишь тактические, но не стратегические грузоперевозки.

Примерно на 40 % автопарк вермахта на момент начала операции «Барбаросса» состоял из трофейных французских автомобилей. В ходе реорганизации танковых войск вермахта количество танковых дивизий увеличилось в два раза, но при этом количество техники осталось прежним. Так вместо 9 прежних танковых дивизий появились 19. В результате создания дополнительных «моторизованных» дивизий многие пехотные части лишились части техники, хотя и число пехотных соединений также увеличилось со 120 до 180. К тому же вновь созданные моторизованные соединения к концу лета испытывали трудности, вызванные износом техники.

Отчет о техническом состоянии вооружений и транспортных средств мотопехотной дивизии «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» дает нам наглядное представление о положении, складывавшемся в тот период в моторизованных частях. Причем речь идет об элитном соединении. Восточную кампанию дивизия «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» начала, имея в своем распоряжении 3404 единицы техники, 240 из которых были трофейными. Многие машины использовались в ходе кампаний по присоединению к рейху Австрии, Судетской области и Богемии — Моравии, большая часть участвовала в кампаниях в Польше, Франции, на Балканах, в Греции, и после этого они еще были переброшены в Россию. В период между кампаниями во Франции и на Балканах и накануне вторжения в Россию никаких ремонтных работ на технике не проводилось. ОКХ просто издало распоряжение, согласно которому все сильно изношенные части — то есть выработавшие ресурс в 5000 км — подлежали замене. К осени большинство единиц техники имели пробег в 8000 км, а транспортные средства и боевые единицы особого назначения — и того больше — 12 000 километров. Дорожная пыль усугубляла износ. Вследствие проблем с наличием особых воздушных фильтров части

двигателя, такие, как цилиндры и поршни, подвергались интенсивному абразивному воздействию. Использование низкосортных масел приводило к износу двигателей, в результате танк или бронетранспортер выходили из строя надолго и нуждались в длительном ремонте в условиях мастерских. Острейший дефицит и нерегулярные поставки запчастей также приводили к тому, что в целом исправный танк или бронетранспортер разбирали «на запчасти» ради возвращения в строй нескольких боевых единиц бронетехники. К 10 октября уже звучали предостережения о том, что недалек час, когда выход техники из строя примет катастрофические масштабы: 493 машины были неисправны, 160 нуждались в запчастях и еще 250 машинам грозила участь оказаться неисправными после увеличения пробега максимум на 500 километров. Таково было положение осенью 1941 года накануне решающего наступления немецких войск на Москву^[46].

Из-за страшной распутицы, сопровождавшейся с сентября ударами морозов, снабжать наступающие войска становилось все труднее

3-й танковый корпус, входивший в состав 1-й танковой группы фон Клейста, представил данные о том, что на 17 октября боеготовыми считались лишь 142 из 338 танков и 3100 из 4300 автомобилей. В том же донесении командующий корпусом обращал внимание на то, что «техника в подавляющем большинстве сильно изношена». На момент выхода корпуса к Днепропетровску:

«Части и подразделения исчерпали пределы положенного моторесурса. Вместо проведения регламентных работ решено было ограничиться

мелким ремонтом! А командование увеличило моторесурс еще на 500 километров, не считая километров, наезжаемых танком на поле боя и поездок на дозаправку горючим».

На пути отступления русских немцы тщательно проверяли брошенную и подбитую технику и снимали с нее все, что могло хотя бы частично покрыть нехватку запчастей для автотракторной, автомобильной и бронетехники. Главный инженер дивизии «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» сообщал в конце августа о 50-процентной боеготовности всего парка техники. Нередки были случаи, когда подразделения, специально отправляемые на поиски брошенной или подбитой техники, вступали в бой с подразделениями русских, которым ставились аналогичные задачи.

Таким образом, мы можем убедиться, что немецкие войска на Восточном фронте сталкивались с серьезными трудностями. Вермахт для покрытия потерь получал лишь 1000 грузовиков ежеквартально. Этого было явно недостаточно даже для замены изношенной техники, не говоря уже об уничтоженной в боях с противником. Поставки горючего также оставляли желать лучшего. Здесь не было возможности, как, например, во Франции, заправляться у бензоколонок, в избытке имевшихся на дорогах, в деревнях и городах. Ничего подобного в России не существовало за редчайшим исключением. Немцы использовали в России около 2000 различных типов самодвижущейся техники. Одной только группе армий «Центр», действовавшей на направлении главного удара, требовалось около миллиона единиц запасных частей для покрытия существовавшей нехватки.

Техника на Восточном фронте распределялась в войсках крайне неравномерно, в первую очередь и в больших количествах ее выделяли танковым и моторизованным дивизиям, осуществлявшим прорыв. А потребности пехотных дивизий удовлетворялись в основном за счет гужевого транспорта. Моторизованные соединения делали паузу после каждых 500 километров марша во избежание перебоев с войсковым подвозом. Запасы горючего дивизия прихватывала с собой. В среднем один километр марша по неприятельской территории фактически равнялся двум — еще километр уходил на маневрирование.

Технические проблемы усугублялись практически полным отсутствием дорог с твердым покрытием, а немногие из имеющихся отличались низким качеством. К тому же танковые гусеницы уже три дня спустя после начала кампании приводили твердое покрытие в полную негодность. А ливни превращали их вовсе в бездорожье. При следовании по песчаным и грунтовым дорогам, кроме того, примерно на 30 %

повышался расход топлива даже в сухую погоду. Свою лепту в снижение боеспособности вносили и внезапные атаки разрозненных групп русских. В группе армий «Центр» всего за первые 19 дней кампании потери составили до 25 %. Неделью спустя они уже достигли внушительной цифры в 30 %.

Многие из реалий того времени можно почерпнуть из сохранившегося дневника одного водителя транспортного подразделения. В сентябре месяце ему неоднократно приходилось совершать трех- и четырехдневные поездки. Его 6-тонный «Рено» был «в целом весьма неплох, — писал водитель, — но только не для этих дорог». Аварии случались на каждом шагу. Перевозить приходилось провиант, горюче-смазочные материалы, боеприпасы. Вот как он описывает один эпизод:

«...перевозить боеприпасы приходилось под непрерывным огнем противника. И так с 5 утра до 7 вечера. Ничего лучше не придумаешь, как везти такое опасное хозяйство, когда вокруг свистят пули и снаряды. В нашей транспортной колонне одного убили, а восьмерых ранили, но остальные наши ребята оказались счастливыми».

Непроезжие дороги и опасность на каждом шагу были явлением повсеместным. «Нам запретили ездить ночью, — поясняет он, — из-за вражеских засад». Артиллерист Муттерлозе, воевавший в дивизии «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер», досадовал:

«Откуда мне было знать о положении на фронте? Нам целыми днями приходилось сидеть за рулем в тесной кабине, глотая пыль. И неотрывно глядеть вперед — местность здесь ровная как стол. Не за что глазу зацепиться».

Муттерлозе далее пишет:

«...шоферу приходилось не сладко. Ему все время надо было следить за идущей в нескольких метрах впереди машиной, двигавшейся вдобавок без сигнальных огней. Ганс сидел, подавшись вперед, и лихо крутил баранку, вглядываясь в темноту. Иногда сквозь пылицу удавалось что-то разглядеть, но чаще всего нет, только контуры переднего автомобиля».

Забравшись в кабину, артиллерист Муттерлозе пытался расшевелить одуревшего от езды водителя, время от времени указывая ему на опасность. Помогало. До поры до времени. «Я вдруг увидел, что идущая впереди машина резко затормозила». «Хальт!» — во все горло завопил Муттерлозе. Но было уже поздно — грузовик врезался во впереди идущую машину. Муттерлозе вышвырнуло на дорогу. «И тут наступила тишина, было слышно только, как журчит выливавшаяся из разбитого радиатора вода». И этот звук стал для Муттерлозе увертюрой к ужасу, который теперь ждал

его: они отстанут от своих, окажутся одни на дороге. Мимо проехала колонна СС, во главе которой следовал неказистый грузовичок, помигивая фарами. Миновала полная томительного ожидания ночь, пока их не взяли на буксир и не оттащили в близлежащую деревню на ремонт. Естественно, их атаковала невесть откуда взявшаяся группа русских, из тех, что в изобилии бродили по лесам. И к тому времени, когда в деревню въезжал еще один горемычный грузовик, жаждущий ремонта, их собственный пылал как факел, подожженный русскими.

Подобные инциденты явно не способствовали повышению боевого духа и сохранению несокрушимой уверенности в победе. Как и перебои в войсковом снабжении. Фельдфебель Макс Кунерт живо помнит ночной марш, в холод и дождь. Плащ-палатки промокали насквозь. И когда из обоза притащили горячего чаю с ромом, «радости нашей не было границ».

«А все оказалось как раз наоборот, и мы готовы были сквозь землю провалиться, так нам было тогда стыдно за наших поваров. Никто не мог и в рот взять эту дрянь, называемую чаем. Они там все перепутали, и шуганули в котел табак вместо чая — а котел-то не маленький, литров 30, а то и 40. Представляете, каков был вкус. Ни сахар, ни ром уже не помогли. Мы еще тогда долго вспоминали этот чаек на марше».

Следует иметь в виду, что в 1941 году вермахт имел максимум того, на что мог рассчитывать по части транспорта, и, принимая во внимание неплохую его оснащенность техникой вообще, даже в тот период большая роль отводилась железнодорожному транспорту, поскольку стратегические перевозки осуществлялись по железной дороге.

Сосредоточение войск к моменту начала вторжения могло быть осуществлено лишь при условии бесперебойной работы железных дорог оккупированной немцами Польши. Внезапность удара была достигнута за счет переброски танковых и моторизованных дивизий в самый последний момент. С началом наступления выяснилась еще одна весьма досадная деталь — российская железнодорожная колея оказалась шире немецкой. А между тем именно железной дороге отводилась основная роль в обеспечении фронта стратегическими грузами^[47].

Обусловленная идеологией самоуверенность определила и ход планирования кампании в целом — фюрер был несокрушимо уверен, что Советский Союз неизбежно развалится после первого же мощного удара вермахта, как карточный домик. И решительная победа ожидалась уже после окончания приграничного сражения. Поэтому немецкие железнодорожные войска не стали отягощать тренировками по перешивке колеи с европейской на русскую зимой 1940/41 года. Отсюда их полная

неподготовленность. Первоочередной задачей стало расширение сети польских железных дорог с учетом предстоящих объемов грузоперевозок. Расширить сеть удалось, но в скором будущем она здорово облегчила немцам задачу уже невоенного характера. Речь идет об «окончательном решении» еврейского вопроса — переброске огромных масс евреев в лагеря смерти. Даже после вторжения в Советский Союз железнодорожные войска отнюдь не обрели приоритетную роль. Их оснащенность оставляла желать лучшего, и угнаться за высокими темпами продвижения войск им было крайне трудно. Урезались поставки горючего, которое военные железнодорожники получали по остаточному принципу после того, как удовлетворялись первоочередные потребности фронтовых частей. В конце концов командование приняло решение пополнить железнодорожные войска, призвав в вермахт персонал Имперских железных дорог.

На территории Советского Союза, занятой наступающими группами армий, военным железнодорожникам приходилось срочно перешивать колею на немецкий стандарт для обеспечения бесперебойных поставок фронту. К 10 июля 1941 года уже 480 км пути было подготовлено, однако это обеспечивало лишь десятую часть объема необходимых поставок группам армий. «Узкими местами» в деле поставок фронту являлись и перегрузочные пункты в местах перехода с немецкой колеи на русскую. 11 июля 1941 года в Шауляе, на участке группы армий «Север», создалась катастрофическая ситуация — вместо положенных на перегрузку 3 часов, некоторые поезда простаивали по 12 и более часов (до 80 часов). Налицо были превышение нормального количества поездов и вытекавшее отсюда нарушение нормального функционирования. Случалось, целые поезда «терялись» в этой неразберихе. Согласно расчетам группа армий «Центр» ежедневно нуждалась в 34 железнодорожных составах (каждый по 450 т) для решения всех поставленных ей задач. Однако она получала максимум 18, да и то в лучшем случае. 9-я армия (группа армий «Центр») в начале июля жаловалась на недопоставку двух третей ежедневных грузов.

Накануне войны переброска большей части советских дивизий осуществлялась по железной дороге. Гавриил Темкин, служивший в рабочем батальоне, вскоре после начала войны так оценил немецкий блицкриг, в частности, воздушные рейды люфтваффе:

«В Польше люфтваффе уже за первые дни, если не за первые часы, полностью дезорганизовало работу железных дорог. К счастью, в России у них не все шло гладко. Из-за больших расстояний и отсутствия другого транспорта, кроме железнодорожного — конечно, грузы перебрасывались и на грузовиках, но в меньших объемах — командованию Красной Армии

ничего не оставалось, как зорко следить за поддержанием бесперебойной работы железнодорожного транспорта».

По завершении наступательных операций солдаты-железнодорожники немедленно приступали к разбору завалов и обломков, первичному ремонту путевого хозяйства, обеспечивая продвижение составов, «пусть медленное, пусть с частыми остановками, но продвижение». Все неувязки и перебои войскового снабжения, с которыми приходилось сталкиваться немцам, не шли ни в какое сравнение с тем, что приходилось выносить русским армиям, поскольку их грузы, застревавшие на забитых составами станциях, подвергались непрерывным авиаударам люфтваффе. Следует еще добавить, что русские железные дороги оказались способны выполнять куда более сложные задачи, как, например, эвакуация целых промышленных предприятий, включая демонтированное оборудование и рабочую силу. Такие составы направлялись на восток, а на запад в это же время тянулись воинские эшелоны. Темкин заметил, что, несмотря «на весь хаос», ему исправно приходили письма от возлюбленной. Военная почта функционировала, несмотря на нерегулярность и задержки, люди получали письма с фронта, и фронтовые солдаты узнавали о житье-бытье своих близких в тылу. И, по мнению Темкина, это был добрый признак.

Исходная точка германского наступления на Москву находилась в 600 километрах восточнее Бреста. Немцы сумели перешить колею даже на такое расстояние. Согласно расчетам фельдмаршала фон Бока, командующего группой армий «Центр», ему в августе месяце 1941 года требовалось до 30 составов ежедневно, чтобы в полной мере осуществить подготовку к предстоящему наступлению. В среднем же в распоряжение группы армий поступало, в лучшем случае, 18 составов, хотя ему гарантировали 24 состава в день. Командующий 4-й армией фон Клюге заявил 13 сентября, что «в связи с увеличением расстояний армия практически полностью зависит от функционирования железнодорожного транспорта...» «Армия живет одним днем, — продолжал он, — в особенности это касается поставок топлива». Командующий 9-й армией твердо заявлял, что имевшихся в его распоряжении транспортных средств «явно недостаточно для подготовки к предстоящим операциям».

Некоторое улучшение наступило в сентябре, однако лишь по отдельным показателям обеспеченности войск в связи со скорым наступлением. Регулярно прибывало лишь 16 из 27 запланированных составов, а в первые дни октября число составов возросло до 20, хотя ОКВ исходило из цифры в 29 составов ежедневно. Что же касается ноября, здесь чудес ожидать тем более не приходилось, поскольку в условиях суровой

русской зимы на увеличение грузопотока рассчитывать было трудно.

Не хватало практически всего. Во многих письмах с фронта присутствует извечная тема дефицита. Отчеты СС о положении в рейхе пестрят озабоченностью матерей и жен, у которых жуткие условия солдат Восточного фронта вызывали тревогу. В августе — сентябре сокращение объема поставок и предстоящая зима стали центральными темами переписки.

Группа армий «Центр» страдала от растянувшихся коммуникаций и путей снабжения. По словам генерал-майора Гереке, начальника главного транспортного управления, солдаты-железнодорожники обеспечивают 20 км в день перешивки на немецкую колею. Немецкая колея пролегла до самого Смоленска, однако выйти на мощности, необходимые для бесперебойной подготовки к наступлению, так и не удалось. Группа армий «Север» имела меньше проблем, пользуясь более совершенной железнодорожной сетью советских Прибалтийских республик, однако и ее штаб сообщал о боях между солдатами железнодорожных частей и разрозненными группами русских окруженцев. В итоге немцы потеряли 162 человека.

Гусеничный автомобильный и гужевой транспорт не мог решить проблем. Новое наступление началось в условиях осенней распутицы, иными словами, в условиях, намного более сложных, нежели только что завершившаяся киевская операция. 16 августа ОКХ сообщило о нехватке 38 000 транспортных единиц. Нехватка техники в танковых войсках составляла в среднем 50 %. Пехотные части, изначально имевшие сравнительно небольшое число транспортных средств, потеряли около четверти машин. Транспортный парк мобильных частей, основного инструмента блицкрига, снизился на одну четверть, а кое-где и на целую треть.

К концу лета существенно осложнилось положение танковых частей. К началу сентября 1941 года 30 % танков были уничтожены, а 23 % машин находились в ремонте. Почти половина всех танковых дивизий, предусмотренных для участия в операции «Тайфун», располагали лишь третью от первоначального числа боеготовых танков. Съездившейся на целых 50 % 1-й танковой группе предстояло продолжить наступление на юге. Фон Боку были выделены оставшиеся три танковых группы. Переименованная во 2-ю танковую армию группировка генерал-полковника Гудериана уменьшилась на 45 % еще до киевской операции. Входящая в нее 10-я дивизия сохранила 83 % первоначальной боеспособности, а 18-я — лишь 57 %. После киевского сражения силы Гудериана уменьшились

еще на 25 %, кроме того, эти силы были крайне неудачно дислоцированы примерно в 200 км южнее оси Смоленск — Москва^[48]. 9-я дивизия армии Гудериана, начавшая кампанию со 157 танками, ныне располагала лишь 62 полностью боеготовыми машинами, и еще 67 находились в ремонте. В общей сложности, три танковых корпуса 2-й танковой армии (с пятью танковыми дивизиями) насчитывали 252 танка. 3-я танковая группа генерала Гота в сравнении с сентябрем месяцем 1941 года снизила боеспособность на 45 %, а аналогичные цифры для 4-й танковой группы Гёпнера составляли от 50 до 75 процентов.

Командование вермахта стало лихорадочно перебрасывать технику с других, менее ответственных участков фронта (125 машин из 181 имеющейся в наличии, дислоцированных под Оршей и Даугавпилсом). Срочно организовывался ремонт бронетехники на местах. Ремонтные работы затягивались вследствие многочисленных и нудных перепроверок в рейхе. Кроме того, как уже говорилось, простои и задержки обуславливались в первую очередь и скверным войсковым подвозом. Таким образом, немцам удалось добиться лишь 10 %-го увеличения боеспособности своих танковых частей и соединений. 2-й танковой армии Гудериана, например, было обещано 100 новых машин, но получила она всего 50, оставшиеся по вине незадачливых снабженцев каким-то образом попали в Оршу, то есть за 200 км от фронта. К 15 сентября 1941 года группа армий «Центр» располагала в общей сложности 1346 боеготовыми танками. А на начало кампании в России эта цифра составляла 2609 машин.

Неудобная дислокация не просто мешала 2-й танковой армии, теперь ей предстояло наступать на северо-восток, пройти еще 100–200 км, вместо того чтобы действовать вдоль шоссе Москва — Минск. 3-я танковая группа перебрасывалась на 600 км из-под Ленинграда через Лугу, Псков и Невель в распоряжение группы армий «Центр», в район юго-восточнее Велижа. В ходе осуществлявшейся быстрыми темпами переброски часть техники — танки и самоходные орудия — вышла из строя.

Мы вновь и вновь убеждаемся, что перебои в войсковом снабжении тяжким бременем ложились на фронтовые части и подразделения. «Главный пункт снабжения 3-й танковой армии в районе Рыбышево не в состоянии покрыть потребности армии для намечающегося наступления», — печально констатировал полковник Ганс Рёттигер, начальник штаба 41-го танкового корпуса. Наиболее остро не хватало горюче-смазочных материалов, а также боеприпасов, как для танков, так и для артиллерийских орудий. Накануне наступления корпус располагал

примерно 50–75 % сил, грубо говоря, полутора дивизиями. Число машин в 1-й танковой дивизии сократилось до 90. Таким образом, группе армий «Центр» предстояло наносить «окончательный смертельный удар врагу» у Москвы, лежащей к тому же в 340 км восточнее, силами всего лишь 48 % танков, взяв к себе в союзники, главным образом, фактор внезапности^[49].

Штаб 2-й воздушной армии люфтваффе, расположенный в лесах под Смоленском, был основательно усилен в преддверии наступления на Москву. 8-й авиакорпус в сентябре был переброшен из-под Ленинграда и передан в подчинение правому флангу сил поддержки 3-й и 4-й танковых групп. Последние также были усилены 2-м корпусом ПВО, соответствующим образом подготовленным для ведения боевых действий на земле. Дело в том, что именно зенитные орудия зарекомендовали себя единственным эффективным средством борьбы с русскими тяжелыми танками. 1-й корпус ПВО дислоцировался на правом фланге для поддержки сил 4-й армии и 2-й танковой армии. В дополнение к силам 8-го авиакорпуса с участков в районе Киева на оперативные аэродромы группы армий «Центр» перебрасывались 1-я, 77-я авиаэскадры пикирующих бомбардировщиков и 26-я истребительная авиаэскадра. Снова 2-му воздушному флоту предстояло оказывать поддержку группе армий «Центр». Тем временем 53-я бомбардировочная авиаэскадра «Легион «Кондор» нанесла первые удары по объектам в Подмоскovie в ночь на 1 октября 1941 года. Генерал-фельдмаршал Альберт Кессельринг, командующий 2-м воздушным флотом, изложил стоявшую перед ним задачу в ходе наступления на Москву:

«Наши истребители воздушной поддержки, следуя давно уже отработанной тактике, должны были своими действиями облегчить продвижение вперед армейских дивизий. Перед нашими тяжелыми бомбардировщиками стояла задача нанести удар по тылам противника, отрезая ему дорогу к отступлению».

Как и для танкистов на земле, так и для люфтваффе в воздухе ситуация изменилась. Теперь фронт протянулся от Ленинграда до Черного моря, составив в длину 2000 километров. Напомним, что к началу кампании длина линии фронта составляла 1200 километров. Перед киевским сражением ОКВ подсчитало, что боевая мощь люфтваффе (численность истребителей, бомбардировщиков и самолетов-разведчиков) составляла 1916 у немцев против 1175 у русских. Советская авиапромышленность постепенно сводила на нет урон, нанесенный ее авиации в первые дни войны внезапными ударами с воздуха. Если сравнить относительную оперативную численность на 6 сентября, окажется, что немцы имели на

7 % меньше бомбардировщиков, включая и пикирующие, и почти в два раза меньше истребителей средней и большой дальности. Приведенные цифры основывались на предполагаемой численности русских в 1710 боевых и 1230 учебно-тренировочных самолетов, и, кроме того, к ним следует прибавить и 350 только что построенных машин, находившихся на авиационных заводах. Подобные манипуляции со статистикой в целях скрыть или приукрасить реальное положение дел были характерны для немцев, считавших, что численность русских самолетов составляет максимум 40 % от соответствующих немецких показателей.

Письма немецких военнослужащих с фронта, их дневники и свидетельства очевидцев говорят о частых и регулярных авианалетах советских ВВС, продолжавшихся и после сокрушительных поражений лета-осени 1941 года под Минском, Смоленском и Киевом. Воздушные операции советских войск было принято в ту пору замалчивать, поскольку они никак не вписывались в победоносную картину блицкрига, тем более на этапе подготовки к нанесению завершающего удара под Москвой. Кессельринг далее описывает:

«Хладнокровно все рассчитав, с 15 сентября мы, засучив рукава, приступили к подготовке нового удара. Командующий 4-й танковой армией генерал Гёпнер, мой старый друг, которого я знал еще по Мецу, не слишком верил в успех операции — на него произвел большое впечатление тот факт, что группе армий «Север» не удалось добиться сколько-нибудь значительного успеха».

Кессельринг заметил, что успех киевской операции по окружению советских сил и возлагаемые на операцию «Тайфун» излишне оптимистические надежды настроили ОКВ на успех. Сомнения генералитета, комментирует командующий 2-й воздушной армией, в известной степени развеивались «победоносным духом солдат с передовой». ОКВ уповало на мистическую способность немецкого солдата добиваться победы в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях. Однако войска Восточного фронта здорово изменились с 22 июня 1941 года — дня начала операции «Барбаросса».

«Победить ценою собственной гибели!»

К третьей неделе войны с Советским Союзом общие потери вермахта превысили потери за всю кампанию во Франции в прошлом, 1940 году. В первые дни войны офицеры гибли по 500 человек в неделю (524 офицера

погибло с 22 июня до начала июля), и 1540 офицеров погибло в первую неделю наступления. В среднем такое количество офицеров имелось в трех немецких дивизиях. К концу июля, еще до завершения битвы у Минска, число убитых в России немецких солдат превысило число потерь во Франции. Общие потери: 181 000 убитыми, ранеными и пропавшими без вести в России и 154 754 — во Франции. К концу сентября немцы потеряли 518 807 человек, то есть в три раза больше, чем за всю шестинедельную кампанию во Франции.

Несмотря на одержанные победы, несмотря на разгром колоссальных группировок противника (3–4 млн солдат и офицеров Красной Армии), уже в первые месяцы вермахт потерял полмиллиона своих солдат. Такова была цена побед. Такие потери не могли не оказать влияния на боеспособность немецких вооруженных сил в целом, на структуру войск Восточного фронта. Вермахт одерживал пиррову победу. Еще 11 июля 18-я танковая дивизия недосчиталась у себя 83 танков, что составляло около 39 % ее боевой мощи. Кроме этого, дивизия потеряла 2279 человек, то есть 13,3 % личного состава, и это произошло всего за 20 дней! К концу июля эта цифра уже достигла 20 % и равнялась двум танковым полкам по 600 человек в батальонах. Командующий дивизией мрачно предостерегал о том, что такие потери в будущем недопустимы. «Если мы, конечно, не собрались победить ценой собственной гибели». Потери офицерского и унтер-офицерского состава выжигали всходы, засеянные блицкригом.

Ужас пополнить собой печальную статистику потерь принимал повсеместный характер. Всепоглощающий страх — первое чувство, раздирающее и умерщвляющее хрупкую человеческую психику. Немецкий военврач Петер Бамм, воевавший в пехотной дивизии группы армий «Юг», описывал последствия этого страха:

«Человек — человеческое существо — ранено. За какую-то ничтожную долю секунды он из смертельного оружия превращается в беспомощную жертву. До сего момента вся его энергия ориентировала его без оглядки нестись вперед, на врага... А теперь он вдруг оказывается предоставленным самому себе — он в ужасе и полном сознании взирает на свои раны, на свою собственную, не чужую, кровь. Всего минуту назад он был в состоянии изменить ход истории, а в следующую уже не в силах помочь даже самому себе».

За первым шоком приходят боль и страх. Случается, что раненые вынуждены часами под огнем дожидаться, пока их подберут.

Последний кадр, снятый кинооператором роты пропаганды войск СС. Сейчас откроется дверь, и незадачливый журналист будет ранен

«Минуют часы, темнеет. Его охватывает леденящий ужас. Неужели ему уготовано судьбой просто истечь кровью? Неужели его так и не найдут? А что, если его во второй раз ранят? Неужели немцы отходят? Неужели он достанется русским?»

Если повезет, раненого оттащат в какой-нибудь из близлежащих окопов, и там санитар окажет ему первую помощь. И потом, уже в полку, полковой военврач наложит повязку, лангет или жгут, сделает ему обезболивающий укол. После этого солдату останется ждать прибытия машины, которая отвезет его в полевой или эвакуационный госпиталь.

Рядовой Эрхард Шауман рассказывает, что ждало тех, кому выжить не удалось. «Берешь половинку личного жетона — одна остается на самом погибшем или умершем, вторую передают в штаб подразделения — в этом случае фельдфебель оповестит близких». Тела погибших хоронят, «если есть возможность, около железной дороги или в лесу, хоронят второпях, с тем, чтобы не допустить возникновения эпидемий». Для таких похорон снаряжают любого, кто под руку подвернется. «У всех имелись саперные лопатки». Тех, кто выжил и нуждается в срочном лечении, отправляют в тыловые госпитали. Многочасовая тряска в кузове грузовика или в переполненном вагоне, где время отмеряется стонами. И тяжелораненые оказываются под ослепительным светом лампы на операционном столе.

Доктор Пауль Роведдер вспоминает один случай, когда на полевой перевязочный пункт стали в огромных количествах прибывать раненые. «Трудновато тогда пришлось, — рассказывает он, — мы похоронили 63

человека. Большинство скончались, едва прибыв к нам. Тогда пришлось круглыми сутками не отходить от стола».

«Заниматься каждым в отдельности времени не хватало. Тут бы поскорее управиться да к следующему перейти. За неполных двое суток к нам поступило 1200 человек. Столько народу в мирное время в обычной клинике не наберется и за полгода. Врачей было всего семеро, один фармацевт, остальные новички, те вообще ничего не понимали, их еще предстояло обучить. Вот тут уж приходилось вертеться, чтобы успеть. Успевали...»

И подобные картины в прифронтовых госпиталях были отнюдь не редкостью. Например, на протяжении двенадцати дней августа 1-я медицинская рота 98-й пехотной дивизии под Коростенью на участке группы армий «Центр» приняла 1253 раненых.

Следующая стадия — перевозка раненых в полевые госпитали либо на оккупированных территориях, либо в рейх для выздоровления. «Поскольку солдаты в большинстве своем были людьми достаточно дисциплинированными, — вспоминает доктор Роведдер, — пребывание в госпиталях было для них своего рода отдушиной». Отсюда мораль: «Они радовались, если их ранило, мол, «хорошо, теперь хоть в госпитале отдохну недельку-другую». Разумеется, все это лишь слова, так пытались успокоить своих родных и близких в тылу», — продолжает Роведдер. Офицер медслужбы Петер Бамм описывает цепочку эвакуации раненых:

«Это было чем-то вроде конвейера — от ужасов поля битвы в мастерскую, где тебя подремонтируют. Сочувствия на всех не хватало, если сочувствовать каждому раненому, скоро можно было сума сойти».

Конечно, оставаться полностью безучастным к происходящему военврачи тоже не могли. Уж слишком сильно было эмоциональное напряжение у тех, кому по долгу службы выпало иметь дело с ранеными.

Лейтенант Бамм оперировал молодого солдата, тяжело раненного во время героической операции по подавлению советского долговременного огневого сооружения. Захват объекта вызывал восхищение во всем их полку. «Беспримерная храбрость горсточки бойцов-пехотинцев всего за один день стала легендой». Один из пациентов был бывшим студентом технического университета в Южной Германии. У него были страшно изуродованы обе руки. И он переносил выпавшие на его долю испытания стоически. Лейтенант Бамм не скрывал своего сочувствия к этому солдату.

«Лишиться обеих рук! Студенту! Двадцатидвухлетнему! Все это вихрем пронеслось в моей голове. Напоследок до меня дошло, что этому парню уже никогда не обнять девушку».

Обе руки ампутировали из-за опасности возникновения гангрены. Вскоре этот бывший студент был эвакуирован в тыл, и Бамм никогда его больше не видел.

Потери офицерского состава за первые пять недель войны были весьма высоки и составили 5,9 % от общего числа погибших. Подготовка офицера занимала от 14 до 18 месяцев. На уровне командира взвода офицера обычно заменял опытный унтер-офицер. О том, каковы были потери, можно судить по следующему примеру. В среднем в одной пехотной дивизии насчитывалось 518 офицеров. К концу июля 2433 офицера были убиты и 5464 ранены. Таким образом, погибло больше офицеров, чем в 15 дивизиях! Еще столько же погибло в августе, в сентябре, правда, уже в два раза меньше — это были 7 дивизий. К началу наступления на Москву Восточный фронт лишился одной трети офицерского состава (что эквивалентно 37 дивизиям из 117, с которыми немцы начинали войну в России).

И офицерство представляло собой лучшую часть войск, их элиту. Большая часть погибших пришлась на пехотные, танковые и артиллерийские части. Многие находились на пике служебной карьеры — это были командиры, получившие опыт боев в Польше, Франции, Нидерландах и на Балканах. Именно они обладали оперативным мышлением и способностью быстро принимать решения исходя из сложившейся обстановки.

Уже три дня спустя после начала кампании генерал Гальдер не скрывал озабоченности вследствие «значительных потерь среди офицеров». В начале июля он вновь обращает внимание на растущие потери офицеров — 6,6 % от общего числа военнослужащих. Для сравнения следует привести аналогичные цифры по кампании во Франции — 4,85 % и Польше — 4,6 %.

Командующий 3-м танковым корпусом генерал Эберхард фон Макензен считал, что потери офицерского состава способны серьезно подорвать боеспособность его корпуса. «Нынешняя боеспособность, — заявлял он, — всего лишь часть той, которая была до Киева». Очень многие из опытных офицеров этого корпуса погибли. «Есть подразделения, потерявшие половину офицеров», — не скрывает отчаяния Макензен. Его корпус лишился 25–35 % офицеров и 10 % солдат. Далее он сокрушенно добавляет: «В моторизованных частях такие потери ощущаются всегда болезненнее, чем в пехотных».

Способность принять верное решение в бою требовалась и от унтер-офицерства, правда, в меньшей степени. В задачу унтер-офицеров в первую

очередь входило обучение солдата чисто практическим навыкам, да и в подчинении у них, как правило, находилось не более десятка человек — это мог быть оружейный расчет, пехотное отделение. Потери приводили к тому, что вместо павшего в бою офицера на его должность назначали опытного унтер-офицера. Но и это было мерой вынужденной — спору нет, унтер-офицер не хуже офицера, а может быть, даже лучше знал насущные проблемы солдата, его заботы и психологию. Но вот что касалось выполнения чисто командных задач, требовавших необходимых специальных знаний — заботы о своевременном подвозе боеприпасов, организации постов боевого охранения, технических характеристик того или иного оружия, — здесь отнюдь не всякий унтер-офицер мог служить полноценной заменой выбывшего офицера.

Но ужасающими были потери и среди унтер-офицеров. В одном пехотном полку 11-й танковой дивизии, например, согласно статистике, еще до начала операции «Тайфун» потери унтер-офицеров составили 48 человек. К концу года эта цифра выросла до 79 человек убитыми и 210 ранеными. Эффективная численность роты должна составлять 150–170 человек. Периоды интенсивных боев, приходившиеся на июль — август 1941 года, наиболее тяжело отразились на унтер-офицерах и опытных солдатах. Из 29 погибших в июле все до единого принадлежали именно к упомянутой категории. Как правило, число раненых в три раза превышало число убитых.

Обычно пехотная дивизия вермахта имела в составе 518 офицеров, 2573 унтер-офицера и 13 667 человек рядового состава. То есть 18,8 % личного состава приходится на унтер-офицеров. Есть свидетельства — в частности, по 110-му пехотному полку, что потери унтер-офицеров были куда выше потерь рядового состава. Иными словами, еще до начала наступления на главном направлении немецкая армия на Восточном фронте лишилась свыше трети младшего командного состава. Естественно, подобные резкие смены в структуре войск не могли не сказаться на их боеспособности, утрачивалась тактическая гибкость и оперативная эффективность.

По словам Герхарда Майера, служившего в артиллерийском подразделении, только бои за форсирование Днепра 23 июля «стоили нам большой крови». Численный состав офицеров его дивизии уменьшился почти на 80 %. Он не скрывает отчаяния:

«Поверить среди этого запаха тлена в то, что жизнь имеет начало и конец, и в этом и заключается суть нашего существования, я отказываюсь. Мне кажется просто идиотизмом, что в мире до сих пор не наведут в этом

смысле порядка».

Три недели спустя Майер напишет об «уничтоженных двух третях дивизии» и о том, что ее командир раненым угодил в плен к русским. Дивизия перешла к обороне.

«Когда я отправился в странствие по этой ужасной «дороге скорби», ведущей от артиллерийских позиций к штабу, мне бросились в глаза ряды свежих могильных холмиков по обе стороны дороги».

Под одним из этих холмиков обрел вечный покой его друг, командир взвода связи, его земляк, тоже родом из Вюрцбурга. Тогда они вспоминали старые деньки, и его друг поднялся перевернуть разложенную в нескольких метрах от них для просушки на солнце шинель. И, как вспоминает Майер, «в ту же секунду ему в голову попал осколок снаряда». Его командир батареи, отец троих сыновей, тоже погиб неподалеку.

Унтер-офицер Роберт Рупп пессимистически заключает:

«Все вокруг в унынии. Я тут подумал, а не написать ли мне Марии [жене] письмо, чтобы хоть оно было в кармане на тот случай, если мне уже не суждено будет вернуться домой».

Два дня спустя погибших из их роты грузили в кузова машин, которые после этого на буксире (неисправную из-за простреленного радиатора) подтянули к их позициям. «Там был и Х., с обручальным кольцом на пальце», — пишет Рупп. Какой-то унтер-офицер, из командиров отделений, сказал ему: «Кажется, их взвод poleg в полном составе». О боевом духе говорить не приходилось — царила всеобщая подавленность. Как утверждает Рупп: «Даже разговаривать не хотелось». Последовала традиционная церемония раздела нехитрого солдатского имущества павших товарищей среди сослуживцев. «Печальная обязанность», — заключает Рупп. Месяц спустя ротой командовал лейтенант (обычно это майорская должность). Другого лейтенанта ранило в первые же сутки пребывания на передовой. Он признался одному из друзей Руппа, что «командир роты требует бессмысленных жертв, а меня явно сочтут здесь за труса». Подобные эпизоды лишь усугубляли всеобщее уныние. Командир роты получил ранение в ногу, а его рота вынуждена была залечь под огнем противника. «Ну, ничего, трусы проклятые, — выкрикнул он своим солдатам на прощание, — как только смогу стоять на ногах, я вам покажу, что значит атаковать». Потребовалось еще 13 человек раненых, чтобы доказать его неправоту. Даже ротный ординарец получил рану в живот, другой солдат был ранен в лицо. «Выбыл 61 человек, — отмечает Рупп, — это не считая больных». Это означало, что рота в 176 человек, а нередко бойцов было куда меньше, с 22 июня потеряла больше трети личного

состава. Такая статистика потерь кого угодно в депрессию вгонит.

Немецкая дивизия насчитывала в среднем 16 860 человек. К концу июля общее число потерь оказалось эквивалентно численности 10 дивизий. В августе дела обстояли похуже — 11,6 дивизии, а к концу сентября из списков личного состава оказались вычеркнуты еще 8,6 дивизии. Воистину войска Восточного фронта побеждали, истребляя себя. Накануне начала наступления на Москву Гитлер недосчитался уже 30 дивизий, или около полумиллиона человек. Эта цифра превосходит численность огромной группировки — группы армий «Север», составлявшей 26 дивизий. Считалось, что этого количества сил хватит для осуществления операций на Ленинградском участке. Что же касается группы армий «Юг» — то цифра в 30 потерянных дивизий составила бы три четверти ее численности и три пятых от группы армий «Центр» на июнь месяц.

К сожалению, по этим беспристрастным цифрам никак нельзя судить о том, каким образом растущие потери влияли на боевой дух оставшихся в строю солдат и офицеров. Давление, оказываемое на них войной, можно подразделить на три категории — физическое, моральное и психологическое. И эффект от каждого со временем накапливался. И боевой дух, и психология солдат Восточного фронта незаметно, но неуклонно менялись. Фюрер мог сколько угодно разглагольствовать о непобедимости вермахта, о героизме его солдат, о скором и победоносном завершении кампании в России, однако письма содержали совершенно иные свидетельства. В них неглупые, зачастую образованные люди задавали один и тот же вопрос: оправданы ли приносимые жертвы величию цели? Один солдат в письме своему бывшему школьному учителю извиняется за «долгое молчание» — целых два месяца не писал. Но дело не только в этом.

«Разница между тем, что вы мне внушали, и тем, что мне здесь приходится видеть и переживать, огромная. И я просто не в состоянии описать здешнюю обстановку, не испытывая конфликта со своей совестью».

Контраст между немецким фронтом и тылом на самом деле был разителен. Давление расходилось по двум направлениям. С одной стороны, солдат предпочитал в письмах родным не откровенничать сверх меры, заботясь об их душевном покое. И, в свою очередь, те тоже не могли себе вообразить, что сваливается на голову солдат. Пехотинец Гаральд Генри, хотя и предельно откровенный со своим дневником, преодолевал себя, сочиняя очередное письмо домой.

«Мать пишет, как мучит ее осознание того, что нам здесь приходится

испытывать. Может, вообще ничего не писать, а одни только приветы да поздравления?»

Существовало несколько факторов, позволявших солдатам Восточного фронта переносить боль от потерь и тяготы войны. По мере того, как солдат набирался фронтового опыта, он становился циничнее. Доктор Штёр, например, вспоминает о том, что «своими ушами слышал, как в ходе польской кампании при штурме Брестской крепости немецкие солдаты пели национальный гимн Германии». И Штёр считал, что именно — обыденный патриотизм вкупе с боевой выучкой и позволял немецкому солдату выживать.

«Все поступали здесь по раз и навсегда определенному шаблону. Пригнись! Прикроешь меня, а я атакую! Приказы и приказы, ничего, кроме них. И естественное желание уцелеть растворялось в этом море приказов, процесс обретал автоматизм».

Свежие продукты, в частности, овощи, доступные летом, осенью доставать стало все труднее. Изматывающие марши, постоянные схватки с неприятелем явно не способствовали регулярному и упорядоченному приему пищи — ели урывками, второпях проглатывая кусок. Продолжительные интервалы между приемом пищи вызывали у многих расстройство желудка. Сказывались и накопившиеся за четыре месяца кампании усталость и истощение. Иммуитет понижался, что приводило к повышению случаев инфекционных заболеваний. О соблюдении элементарных мер гигиены говорить вообще не приходилось. Перспектива зимовать в этой стране и тревожила, и удручала.

Отчет медслужбы полка СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» говорит о недопоставках почти на треть необходимого провианта. Отмечается, что «в особенности плохо обстоят дела с поставками жиров», также крайне не хватает витамина С. Доступность в летнее время свежих овощей и фруктов компенсировала недостаток витаминов, но с наступлением осени проблема усугубилась. Что, в свою очередь, приводило к «росту числа выбывших по причине инфекционных и других заболеваний». Вот что писал начальник медслужбы полка СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер»:

«Помимо исхудания понизился иммунитет, в случае возникновения болезней увеличился период выздоровления. Отмечены случаи пролонгации заживления ран, куда чаще наблюдаются всякого рода осложнения. Все это происходит по одной причине — хроническое недоедание вследствие нерегулярных поставок продуктов питания».

Потери личного состава разлагающе действовали на боевой дух солдат вермахта. Той романтически настроенной и бесшабашной армии, которая

на рассвете 22 июня 1941 года пересекла границы Советской России, уже не было и в помине. Многие из тех, кому выпало сражаться на Восточном фронте, младшие офицеры и унтер-офицеры, были участниками Первой мировой войны. Те, кто был моложе, кому едва перевалило за 40, служили в боевых частях и при штабах. Им было труднее переносить лишения и невзгоды этой грозившей затянуться кампании в стране, не имевшей ничего общего с уютной, комфортабельной и сытой Францией. Петер Бамм пишет о ветеранах Первой мировой, как об «особой публике». По его словам, «все они приветствуют друг друга со старомодной учтивостью».

«Эти старые солдаты, безбородыми юнцами ставшие героями Вердена и Соммы, теперь ценой нелегких усилий пытаются привнести рыцарские традиции и в эту войну. Молодежь куда менее подвержена идеализму и поэтому куда решительнее и бесстрашнее, но это их бесстрашие — не что иное, как фанатизм».

Гауптман Клаус фон Бисмарк описывал свой 4-й пехотный полк, как «консервативный», если верить его словам, у них «в Кольберге (ныне г. Колобжег на севере Польши. — *Прим. перев.*), где они были дислоцированы до войны, не было ни одного нациста». Но позже, продолжает он, «примерно начиная с 1941 года, эта насаждаемая сверху зараза не обошла и нас». Лейтенант Бамм не менее категоричен: «Эта гниль исподволь поражала армию на протяжении лет подобно ползучему тромбозу». По мере выбывания старых солдат, ветеранов Первой мировой войны, на их место приходили нацистские выкормыши, люди молодые и беззастенчивые, или же те, кто взлетом своей карьеры обязан исключительно Гитлеру и его клике. Фон Бисмарк указывает:

«В моем полку было много офицеров, кто в период Веймарской республики оказался не у дел. То есть им, людям, которым отнюдь была не чужда сословная гордость, приходилось тогда перебиваться чем придется. И вдруг — пришествие фюрера, избавившего их от унижений и страданий. Не приходилось удивляться, что все они готовы были за фюрера идти в огонь и воду».

И ветераны Первой мировой, и офицеры, призванные из запаса, к которым принадлежал и командир батальона, в котором служил лейтенант Хаапе (18-й пехотный полк), понемногу сгибались под грузом непрерывных схваток с неприятелем. Хаапе вспоминает, как быстро его командир засыпал даже в холод, когда «мы располагались на ночлег где-нибудь». «Было видно невооруженным глазом, — продолжает Хаапе, — что все эти муки с каждым днем куда сильнее донимали его, чем нас». Переутомление становилось отличительной чертой всех, кто сражался на

Восточном фронте.

Разумеется, официальные власти рейха не могли скрыть от населения большие потери. Письма родных и близких фронтовым солдатам пронизаны страхами, в них пересказываются слухи о якобы неисчислимых потерях вермахта на Восточном фронте. Подобные послания вряд ли способствовали повышению боевого духа тех, кому были адресованы. «Мой дорогой Гельмут», — писала жена одному из солдат 21 сентября 1941 года:

«Я места себе не нахожу из-за того, что не получила от тебя ни одного письма, начиная с 31 августа. Каждое утро жду, но писем все нет, и сегодня, в воскресенье утром, тоже не было...

...Очень тяжело хранить спокойствие. Наверное, мне следует еще раз написать твоему гауптману, что я хочу ребенка, — я ведь и появилась на этот свет, чтобы стать матерью. Кое-кто из сострадания предлагает мне свои услуги. Но тебе беспокоиться не о чем, мой дорогой «папочка», я неспособна хитрить за твоей спиной. Я бы тогда не смогла посмотреть тебе в глаза... Мне приходится довольствоваться крохами масла... Меня все время что-то тревожит. Даже мои сослуживцы заметили, что я перестала улыбаться».

Черный казарменный юмор нередко становился единственным средством против эмоционального давления. Рядовой Ганс-Карл Кубяк описывает помолвку своего товарища, обер-ефрейтора Герхарда Шольца, который вдруг обнаружил во время отпуска, что его жена «не желает исполнять супружеских обязанностей». Его сотоварищи не без злорадства указали ему, в полном соответствии с пропагандистскими установками, что, дескать, ему в первую очередь следует печься не о жене, а о том, как защищать ее и фатерланд от большевиков.

Тревога за тех, кто оставался в тылу, не давала покоя в связи с усиливающимися воздушными налетами союзной авиации на города рейха. Одна берлинская домохозяйка, Ингеборг Тафель, писала мужу 15 сентября:

«С тех пор, как ты уехал, четыре раза объявляли воздушную тревогу. И сегодня томми обязательно прилетят — небо ясное».

Три недели спустя она рассказывает мужу, как подействовала на нее гибель ее младшего брата.

«Сегодня наконец пришло письмо от Герхарда. Он был так поражен известием о гибели своего младшего брата, что рыдал, как ребенок. Пишет, что заполз в свою палатку, вокруг свистят осколки и пули, а ему хоть бы что. Он умоляет мать беречь себя, потому что она — единственная, ради кого ему стоит жить. Дорогой, пусть у тебя все будет хорошо, и ты

вернешься к нам здоровым».

Газеты пестрели крестами — извещениями о гибели на фронтах, «... пал смертью храбрых за Родину и Фюрера...» В рейхе скорбели. В отчетах СС постоянно присутствуют ссылки на знаменитую речь Гитлера в берлинском «Шпортпаласте», где он клятвенно заверяет собравшихся, а заодно и весь рейх в том, что война завершится в 1940/41 году. Тем временем успела миновать уже вторая годовщина начала войны (1 сентября 1941 г.), а конца ей не видно.

Умонастроения в рейхе характеризовались тем, что «население постепенно смирялось с мыслью о том, что война на Востоке не закончится в скором времени, на что можно было рассчитывать в свете успехов предыдущих кампаний». И письма изобилуют самыми различными слухами и догадками на тему потерь войск. В одном из отчетов СС говорится: «Извещения о гибели, публикуемые в газетах, и в особенности, если среди погибших встречаются хорошо известные в рейхе личности, служат лишь подтверждением огромных потерь на Восточном фронте». Дивизия СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер», если верить официальным данным, «имеет потери до 60 % личного состава». Другой отчет сообщает, что только в одном маленьком городе, где проживали всего 3000 жителей, 23 семьи получили извещения о гибели. Еще одна выдержка из секретного отчета СС: «Население убеждено, что сопротивление Советов не ослабевает, что враг располагает невиданными резервами живой силы и техники».

Жизнь в рейхе менялась. Почтальон, еще совсем недавно человек скромной и полезной профессии, становился вестником беды.

«Столько было этих ужасных писем с фронта, этих извещений о гибели кого-нибудь из знакомых, что почтальоны стали ассоциироваться у людей с письмами с траурной окантовкой. А пропаганда неустанно твердила о том, что немецкой женщине, дескать, надлежит «скорбеть в полном достоинства безмолвии». Но многие не безмолвствовали, а, напротив, выкрикивали такое, о чем полагалось немедленно сообщать в гестапо».

Война подобно вампиру высасывала все живое из населения. «Три молодых женщины ходили в трауре той осенью 1941 года, — рассказывает фрау Грац. — А ведь я у всех у них побывала на свадьбе».

18 сентября в печати было опубликовано извещение о гибели кавалера Рыцарского креста генерал-полковника фон Шоберта, командующего 11-й армией, погибшего незадолго до этого, когда его «Физелер Шторьх» совершил вынужденную посадку на минном поле. И тут же пошли

пересуды. «Если уж генералы гибнут, командующие армиями, то что говорить о простых солдатах и офицерах?» — резонно вопрошали немцы. Циркулировавшие в рейхе в августе-сентябре слухи чуть поутихли после официального опубликования 22 сентября данных о потерях на Восточном фронте: 86 000 убитыми, 22 000 пропавшими без вести. Понятным образом, цифры были слегка округлены (истинное число составило 87 489 и 19 588 соответственно). Догадки же говорили о 200 тысячах (оптимисты) и миллионе (пессимисты). Опубликованные цифры, которым верили мало, вновь повергли страну в уныние. Пропаганда была тут как тут — «это цена, которую мы вынуждены заплатить в кровавой битве с мировым большевизмом». Примечательно то, что власти рейха так и не удосужились представить цифры раненых. А их было, между прочим, 302 821. Излишне напоминать, что потери Советов явно завышались — 1,8 млн пленных и 3–4 млн убитых.

Потери унесли лучшую часть войск Восточного фронта. Даже в СС, где боевой дух был традиционно выше, чем в вермахте, и там потери заронили зерна сомнения. Командир 4-го пехотного полка СС «Дер фюрер» писал:

«Кампания на Востоке начиналась весьма сурово. Мы были твердо убеждены в необходимости этой великой битвы, мы все верили нашим вождям, в нашу мощь, мы не сомневались в том, что выйдем из этой схватки победителями. Однако, невзирая на наше доверие, на нашу веру в себя и свои силы, червь сомнения заполз в наши души, когда мы — ударный кулак блицкрига — глубже и глубже продвигались в необозримые просторы России. Мы не разделяли неоправданный оптимизм многих, кто надеялся отпраздновать Рождество 1941 года дома. Красная Армия оставалась для нас тайной за семью печатями, ее приходилось принимать всерьез и ни в коем случае не недооценивать. Наши цели все дальше и дальше отступали в неизвестность».

Гибнущая армия

Боевую мощь армии можно сокрушить тремя способами: одолеть ее стратегически, уничтожить физически и сломить ее боевой дух. Стратегическая победа означает использование более совершенной стратегии и тактики. Успех блицкрига зависел от гибкости решений, принимаемых командным составом, зачастую прямо во время боя. Но к началу операции «Тайфун» трети офицеров и унтер-офицеров, начинавших

кампанию, уже не было в строю. С точки зрения чисто арифметической потеря эта была вполне восполнима, но вот с точки зрения качественной их заменить оказалось просто невозможно — во-первых, на подготовку офицера вермахта уходило до полутора лет, во-вторых, боевой опыт приобретается только в боях. Таким образом, у неприятеля появилось больше возможностей одержать победу в «войне умов».

Физическое уничтожение армии противника предполагает разгром его войск, нанесение огромных, невосполнимых потерь в живой силе и технике. Что касается потерь живой силы, войска вермахта на Восточном фронте получили сокрушительный, хотя и не смертельный удар — свыше одного миллиона погибших, что в три раза превысило совокупные потери предыдущих кампаний.

Третьим и самым главным способом является подрыв боевого духа армии противника. Потери офицерского состава, унтер-офицеров неизбежно затронули не только область профессионализма командиров, но и еще одну важнейшую составляющую. Пехотинец, фронтовой солдат сражается, исполняя приказы командира. А командир пал в бою. Его потеря неизбежно парализует волю к победе. И даже такие, столь близкие, казалось бы, цели, какой была осенью 1941 года Москва, и те вдруг начинают казаться недостижимыми. Постоянное напряжение, порождаемые им отупение и апатия, усугублявшиеся отвратительным войсковым снабжением и истеричными посланиями из дома, тревога, что оставшиеся в тылу близкие окажутся под английскими и американскими бомбами — все это сокрушало и без того понизившийся к осени боевой дух немецких войск. Понятие «долга» в известной степени деградировало до степени беспрекословного исполнения преступных приказов, «узаконивавших» бесчинства в отношении местного населения. Весьма примечателен сам по себе факт, что официальная история 9-го Потсдамско-Берлинского пехотного полка озаглавлена «Между долгом и совестью». Это еще одно неоспоримое свидетельство упадка боевого духа, его вырождения в заурядное насилие.

Войска вермахта истекали кровью. Все три составляющих боевой мощи оказались под угрозой. Единственное, что подталкивало немецкие войска вперед, так это уверенность в том, что русским приходится еще хуже. Все чувствовали, что победа приблизится, стоит немцам лишь встать у ворот Москвы. Подобного удара русским никак не вынести, они наверняка бросятся в ноги с предложениями о заключении мира. Нет, нет, о поражении немцы всерьез не задумывались, какие могут быть поражения после стольких побед! Впрочем, победы победами, но и таких потерь, как в

России, они еще не видели. Здесь приходилось побеждать и платить за победы собственными жизнями.

Глава 13

Последняя победа

«Тут со всем надо кончать до зимы. То есть к концу месяца можно ждать завершения [кампании]».

Двойное кольцо окружения... Вязьма и Брянск

Когда гауптман артиллерии Георг Рихтер с обрывистого берега Десны наблюдал за позициями русских, он чувствовал, как солнце греет ему спину. 1 октября выдалось теплым. Его часть, 74-й артиллерийский полк, была придана 2-й Венской танковой дивизии, входившей в состав 4-й танковой группы генерал-полковника Гёпнера. Перед гауптманом расстилалась неподвижная водная гладь. На противоположном берегу виднелись 8 русских дотов. И немцы, и русские временами лениво постреливали.

В тот вечер Рихтер запишет в свой дневник: «Скорее всего, завтра пойдем в атаку, и, судя по всему, это будет последняя крупная операция в этом году». Поросшие лесами высоты напоминали полигон, только вот снаряды здесь рвались настоящие. Затишье было обманчивым. В 150 метрах от Рихтера вдруг прогремел взрыв — прямое попадание в артиллерийский тягач. Времени для размышлений было достаточно, и мысли занимала не столько главная цель предстоящего наступления, сколько то, как и когда она будет достигнута.

«Вопрос стоит так: будет ли Москва окружена широким или же узким охватом?»

Унтер-офицер Гельмут Пабст, воевавший в составе 9-й армии, заявил: «Мы до сих пор не знаем, когда все это начнется», однако в том, что это произойдет скоро, никто не сомневался. «Мне рассказали про танки, — продолжает Пабст, — причем желтые, под цвет песка — их перебросили сюда из африканской пустыни». Здесь вообще присутствовали почти все виды вооружений — и самоходные артиллерийские установки, и шестиствольные минометы, и тяжелые орудия. «Техники нагромодили жуть сколько», — еще раз подтверждает Гельмут Пабст. Солдаты обменивались услышанными новостями, из которых пытались воссоздать

картину обстановки в целом. Повсюду фронт находился в движении — жди грозы. «Напряжение достигало предела», — заключает Пабст.

На следующее утро, в 4 часа 40 минут, по расчетам Рихтера, около 20 батарей открыли «ураганный огонь из всех калибров». Одновременно с этим «с тыла устремились эскадры бомбардировщиков и, закружившись в грозном хороводе, стали пикировать на цели». В небе промелькнул разведывательный самолет — двухфюзеляжный «фокке-вульф», он наводил на цели экипажи пикирующих бомбардировщиков. «Те тут же входили в пике и обрушивали на противника бомбовый груз». Рихтер видел, как артиллеристы прямой наводкой открыли огонь по русским дотам. «Слева от нас вдруг раздался странный свист — это шестиствольные минометы залпом ударили по вражеским позициям. Небо прочертили длинные хвосты белого дыма».

«Все эти фильмы про войну — жалкое подобие того, что пришлось увидеть и пережить», — продолжает унтер-офицер Пабст. На участке фронта шириной в 2 километра наступали 1200 танков, не считая самоходных орудий. Сразу же после артподготовки «в наступление пошла пехота». Через пустынные и ровные поля протянулись дорожки. По мнению Пабста, «это наступление было куда мощнее, чем тогда, в июне месяце, в приграничных районах». «Еще раз видеть нечто подобное мне пришлось очень не скоро». Оборона русских была взломана довольно быстро. Георг Рихтер следил за ходом наступления в бинокль. «Белыми ракетами отмечалась линия фронта, красные служили артиллеристам сигналом перенести огонь в глубину». Красные ракеты непрерывно падали за линией фронта. Начиналась операция «Тайфун», последнее наступление на Москву.

2-й танковой армии Гудериана, наступавшей с юга, пришлось пройти большее расстояние. 30 сентября она начала наступление из района Глухова. Это произошло через четыре дня после официального завершения сражения под Киевом. Гудериан стал перебрасывать силы на северо-восток в направлении Брянск — Орел. В его распоряжении находились пять танковых, четыре моторизованных, одна кавалерийская и одна пехотная дивизия. На севере и на левом фланге 2-й танковой армии для окружения советских войск в районе Брянска наносили удар восемь пехотных дивизий из 2-й полевой армии вермахта. Второе кольцо окружения было намечено в районе Вязьмы. Слева от 2-й армии и далее на север на направлении главного удара действовали объединенные силы 4-й танковой группы Гёпнера и 4-й армии генерал-фельдмаршала фон Клюге: 15 пехотных дивизий, пять танковых и одна моторизованная дивизия.

Им была поставлена задача наступать на Москву из района Рославля, левым флангом примыкая к Днепру восточнее Смоленска. Северный фланг группы армий «Центр» составляли 9-я армия Штрауса и 3-я танковая группа Гота. Там действовали 18 пехотных дивизий, три танковых и две моторизованные дивизии. Наступая северо-западнее Смоленска, они имели задачу прорвать оборону советских войск севернее магистрали Москва-Минск и выйти в верховья Волги. На усиление группы армий «Центр» передавались семь дивизий из группы армий «Север». Группа армий «Юг» предоставила для наступления на Москву одну танковую, две моторизованных и пять пехотных дивизий.

В соответствии с планом операции «Тайфун» 4-я танковая группа Гёпнера и 3-я танковая группа Гота сосредоточивались на флангах соответствующих пехотных армий. Этим войскам предстояло наступать в восточном направлении, затем развернуться и окружить Вязьму. После завершения окружения советских войск в этом районе танкисты должны были продолжать наступление на восток, а уничтожение окруженной группировки противника возлагалось на пехотные дивизии. 2-й и 8-й воздушные корпуса обеспечивали поддержку с воздуха силами пятнадцати бомбардировочных, девяти истребительных, а также разведывательных авиаэскадр. 1-й и 2-й противовоздушные корпуса отвечали за противовоздушную и противотанковую оборону. Наступление немцев оказалось полной неожиданностью для командования Красной Армии, считавшего, что поздней осенью немцы уже не решатся на проведение серьезных операций^[50].

Первый день наступления был отмечен для гауптмана Рихтера проблемами, вызванными русскими минами. Третий грузовик в составе колонны внезапно взлетел на воздух как раз, когда подразделение Рихтера направлялось на передовую. Это был уже четвертый подорвавшийся на mine грузовик за два дня. Когда Рихтер подбежал к машине, водитель, чудом не получивший ни царапины, «побелел как мел и трясся» от только что пережитого потрясения. Рихтер приказал следовать к расположенным за деревнями ранее обнаруженным дотам русских. «Приоткрыв двери домов, местные жители глазели на нас».

Русские по-прежнему отчаянно обороняли подступы к дотам. Не помогла и стрельба в упор из тяжелых орудий. Попытались забросать амбразуры гранатами, в результате получил ранение один упрямец-сержант Красной Армии. Едва рассеялся дым от разрывов, как из бетонированного бункера раздались pistolетные выстрелы. Было решено отправить в дот на переговоры с оборонявшимися одного пленного. Вскоре из дота донесся

одиноким пистолетным выстрел. «Этот пленный так навечно и остался в том доте», — констатировал Рихтер. Артиллерия продолжила яростный обстрел бункера, дот снова стали забрасывать гранатами, после чего немцы попытались взять дот штурмом. Не вышло. Тогда отчаявшиеся саперы штурмовой группы облили подступы к амбразурам бензином и подожгли. Некоторое время спустя, пошатываясь, из бункера вышли три красноармейца. «Наши пришли в такое бешенство, что могли совершить самосуд, — рассказывает Рихтер. — Но мы охладили их пыл, — в конце концов, задачу выполнить удалось — бункер взят, но какой ценой?» Всю ночь продолжались ожесточенные схватки.

«Отовсюду слышалась стрельба. Вскоре запылала деревня. Русские танки посылали снаряд за снарядом в огонь, наши стреляли в ответ. Рядом с нами ухнул русский снаряд. Грохот залпов из всех видов оружия не умолкал до самого рассвета... На небе розовело зарево от горящей деревни Зуброво».

Последняя дневниковая запись Рихтера в этот первый день наступления, по сути, повторяет приказ Гитлера. «Сегодня, — читаем мы, — началось решающее сражение с русскими». И Рихтер также считает, что «его следовало начать и завершить до наступления зимы». Немцы сумели прорвать оборону русских вдоль русла Десны.

С увеличением темпов наступления бои перешли в серию быстрых танковых атак. 4 октября передовые части ударной группировки «Кёлитц» (2-я Венская танковая дивизия), прорвав фронт у Десны, остановились у пересечения дорог. Они были так поглощены расшифровкой своих никуда не годных карт, что оказались отброшены в результате «внезапной танковой атаки» русских, вмиг решившей их проблемы с ориентированием на местности. В 300 метрах справа немцы заметили три русских танка. Их тут же обстреляли, но, к великому удивлению, без каких-либо результатов. Было решено использовать заряд помощнее, и хотя он попал в цель, танк как ни в чем не бывало продолжал стоять. Обер-лейтенант, желая довести дело до конца, попытался подобраться к танку на мотоцикле с тыла. И вдруг его подчиненные с изумлением заметили, что офицер, стоя во весь рост, хохочет. Как следует потрянув «танк», он завалил всю конструкцию. Немцы поддались на проявленную русскими хитрость, перед ними были мастерски изготовленные макеты танков.

Настроение в группе армий «Центр» царил самое что ни на есть боевое. «Темпы наступления заставляли нас очертя голову нестись вперед», — писал в дневнике офицер-танкист, описывая первые три дня операции. Уже на второй день наступления 2-я танковая армия Гудериана

сумела продвинуться на 130 километров в глубь вражеской территории, выйдя к дороге Брянск — Орел. Отсюда танковые клинья повернули на север. 3 октября Орел, город с населением в 120 тысяч жителей на стратегически важной автомагистрали и крупный железнодорожный узел, перешел в руки немцев. 4-я танковая дивизия, наступавшая в авангарде танкового клина, преодолела 240 километров от Глухова до цели за 4 дня. Захваченные в Орле запасы топлива и продовольствия позволили в течение двух недель обходиться без войскового подвоза. 5 октября 1941 года 18-я танковая дивизия овладела Карачевом, на следующий день 17-я танковая дивизия — Брянском и мостом через реку Десна. Таким образом, южнее Брянска было образовано огромное кольцо окружения, куда угодили, по предварительным подсчетам, около трех советских армий — 3-я, 13-я и 50-я. Тем временем 4-я танковая группа завершала окружение советских войск с юга со стороны Вязьмы.

Мотоциклисты 10-й танковой дивизии вошли в Вязьму 7 октября. В результате образовался еще один котел, где оказались 16-я, 19-я, 20-я и 32-я армии. Отныне войска Восточного фронта сумели нейтрализовать последние из хорошо вооруженных армий, стоявших у них на пути к Москве.

Только что назначенный командиром танка фельдфебель Карл Фукс (7-я танковая дивизия) поспешил поделиться победной новостью со своей женой. Наконец-то фронт тронулся!

«Наверняка ты уже слышала специальное сообщение по радио о наших успехах. В общем, на карте нас отыскать нетрудно, мы уже рядом с Москвой! Русские не желали верить, что мы в это время года начнем наступление — тут холодает».

Другой офицер из этой же дивизии вспоминает о том, что «такого приподнятого настроения в войсках не было, наверное, с самых Сувалок. Все страшно довольны, что в 404 конце концов снялись с места». Командир 6-го танково-гренадерского полка отдал приказ «идти полным ходом», в результате его колонна «нагнала» по дороге автоколонну русских. В жуткой пыли русские так и не поняли толком, что произошло, и их колонны быстро расстреляли. А оставшиеся в панике разбежались. 6-й моторизованный полк стал первым, кому удалось выйти к «главной дороге» — Вяземскому участку минской автомагистрали. Один рядовой восторженно комментировал: «Все, что на колесах, — в движении, как в старые добрые времена, и приказ все тот же — вперед и только вперед!» Этот же рядовой продолжает:

«Мы вновь короли наступления! Это нас так вдохновляет! Если врагу

кажется, что он возвел для нас непреодолимый барьер, то мы его проскочили, даже не заметив. Километр за километром мы продвигаемся в глубь его территории на восток, так что скоро окажемся у него в тылу».

Летопись 7-й танковой дивизии описывает замыкание кольца окружения под Вязьмой с выходом к магистрали Москва — Минск, как «гонку 25-го танкового полка и усиленного 6-го моторизованного полка». Описывая «фантастические достижения» передовых частей, командир говорит: «Мы видели многотысячные колонны русских пленных, направлявшихся в наш тыл». Командир также вспоминает советские доты, стоявшие по обеим сторонам дорог, и противотанковые рвы. «Они пытались задержать наше наступление — но так и не воспользовались ни тем, ни другим».

Лейтенант Вольфганг Кох, наступавший на Орел в составе 52-го пехотного полка (18-я танковая дивизия), вспоминал, как его солдаты проигрывали на патефоне хоралы Чайковского. Все это отчего-то так напомнило ему Францию. Люфтваффе испепеляло и засыпало бомбами все деревни впереди, а они исправно следовали за танками. В конце концов многоголосье хоралов притомило солдат вермахта. В отличие от Франции, в этой стране, кроме патефонов, взять оказалось решительно нечего. Но «Щелкунчик» запомнился навеки.

За танками буквально по пятам следовала пехота, солдаты с ужасом взирали на то, что натворили люфтваффе и следовавшие в авангарде танки. «Да здравствует победа! — словно одержимый вопит один лейтенант из 123-й пехотной дивизии. — Красный фронт разбит наголову!» И тут же торжествующе добавляет: «Нас всех охватило чувство радости от победы, которая ожидает всех впереди!» Ефрейтор-артиллерист, подразделение которого оказывало огневую поддержку 23-й пехотной дивизии, заявил: «Наконец, после двухмесячной обороны этого окаяннго фронта мы вновь неукротимо движемся вперед». И снова темпы наступления таковы, что личный состав вот уже восьмой день не имел возможности ни умыться, ни побриться. Только его батарея 59-го артиллерийского полка захватила в плен 1200 русских. Победа, казалось, уже рядом.

«За все эти недели до 2 октября мы вдоволь насмотрелись на советские бомбардировщики, теперь же их будто ветром сдуло. Они либо боятся, либо русские бросили всю авиацию на оборону Кремля. Чутье подсказывает, что сопротивление врага вот-вот рухнет. Нам останется лишь добить остатки, а с ними мы разделаемся в два счета».

Немецкая рота пропаганды, сообщая об успехах «2-й танковой дивизии, замкнувшей кольцо окружения под Вязьмой», захлебывалась от

восторга:

«Мы не знаем, сколько там дивизий, армий, сколько там у них орудий и танков в этих дремучих лесах, на опушках которых мы стоим сейчас. Нам известно одно — им оттуда уже не выбраться».

Полковник фон Мантойфель, командир 6-го моторизованного полка, гораздо рассудительнее оценивал ситуацию. Его предшественник погиб в бою всего полтора месяца назад. Он в общих чертах представлял себе, что должно последовать. Как только ему сообщили о том, что блокирован ключевой восточный участок у вяземского кольца, он издал незамысловатый приказ: «Окапываться по самые уши!» И приказ этот оказался как нельзя вовремя. Внутри весьма хрупкого кольца окружения оказались 67 советских стрелковых дивизий, 6 кавалерийских и 13 танковых бригад.

А в это время на северном направлении на участке 3-й танковой группы 41-й танковый корпус с 1-й танковой дивизией в авангарде получил приказ наступать на Калинин, расположенный на Волге. После овладения Старицей северо-восточнее Ржева дали о себе знать перебои с войсковым подвозом. Впрочем, они ощущались еще на участке оперативного развертывания войск перед наступлением. Поступило распоряжение оставить на месте не участвующую в боях технику, и это позволило высвободить часть горючего. Бензин попросту перелили из баков грузовиков в баки танков, артиллерийских тягачей и полугусеничных бронетранспортеров. Такая импровизация, носившая паллиативный характер, все же позволила не снизить темпы наступления и добиться эффекта полной внезапности, о чем восторженно сообщалось по радио начальнику штаба корпуса полковнику Гансу Рёттигеру: «Части русских, хотя они явно не в графике нашего марша, все время пытаются следовать по тем же дорогам, что и мы». Имелся в виду отрезок Старица — Калинин. Вскоре Рёттигеру пришло еще одно озорное донесение: «Именно вследствие появления на путях следования русских и происходят задержки наступления на Калинин. Просим указаний на этот счет». 1-я танковая дивизия бодро наступала, невзирая на незащищенные фланги. Направленная ей в поддержку 36-я моторизованная дивизия плелась позади — двигаться быстрее ей не позволяли отвратительные дороги и нехватка горючего. Полковник Рёттигер в тон ответил штабу 1-й танковой: «Несомненно, 1-я танковая дивизия имеет все возможные приоритеты — усилить контроль над транспортными потоками!» Иными словами, вперед и без оглядки на возможные опасности.

Когда передовые части танковой дивизии ворвались в Калинин, в

городе как ни в чем не бывало по улицам курсировали трамваи. Ожесточенные бои завязались между вооруженными формированиями заводских рабочих, которых даже не успели переодеть в военную форму, настолько внезапным оказалось появление немцев на улицах Калинина. Огнемётные танки поливали струями пылающего бензина пулемётные гнёзда, а мотоциклисты очищали крыши городских зданий от засевших там русских снайперов. Намереваясь захватить в исправном состоянии мост через Волгу, мотопехотные подразделения 113-го полка вступили в бой с неприятелем на малом мосту, расположенном перед въездом на главный. Вскоре после миномётного обстрела малый мост удалось захватить, и немцы спокойно переправились на другой конец его к главному мосту.

Когда рассеялся дым, показались очертания конструкций 250-метрового моста через Волгу. Его охранял единственный часовой, стоявший повернувшись спиной к наступающим немцам. Это был пример той самой невероятной ситуации, какая встречается на войне даже во время самых ожесточённых схваток. Солдат в обычной серой шинели и защитного цвета пилотке оставался на посту, хотя его товарищей и след простыл. Не в силах просто пристрелить этого несчастного, офицер крикнул ему: «Эй, ты! Мотай отсюда!» Позже этот офицер вспоминал, что русский, хотя «явно не понимал по-немецки, повернулся и, разинув рот, застыл как вкопанный». И тут же бросился наутек. Немцы, которые залегли на южной стороне моста, затаив дыхание, напряжённо следили за ним. Помедлив, они, рискуя жизнью, побежали на противоположную сторону. Их там ожидало артиллерийское орудие, пулемётное гнездо и, кроме того, пехотинцы. «Нас встретил интенсивный огонь, — продолжает командир роты, — но останавливаться на полпути мы не могли». Каждый пройденный немцами метр уменьшал шансы русских взорвать мост. Мост не был взорван. К вечеру 14 октября 1941 года Калинин оказался в руках немцев.

Сражения под Вязьмой и Брянском продолжались 10 дней. Основные бои происходили в лесах, деревнях и у стратегически важных перекрёстков путей сообщения. Немцы беспощадно уничтожали последние на пути к Москве силы Советов. Как и во время предыдущих сражений на окружение, основное бремя потерь приходилось нести пехотным частям и подразделениям моторизованной пехоты танковых частей. 6-й пехотный полк, действовавший в составе 7-й танковой дивизии, получил приказ удерживать шестикилометровый участок. Поставленную задачу можно было выполнить лишь созданием линии связанных между собой постов охранения. Упомянутые посты обеспечивали оборону вширь, но не вглубь.

Перекрытие остававшихся брешей возлагалось на артиллеристов, которые в случае попытки прорыва противника подавляли его силы мощным огнем. В качестве «групп быстрого реагирования» из резерва выделялись несколько танковых частей. Отрывок из военного дневника 7-й танковой дивизии:

«Произошло неминуемое! Лишившись командования, массы русских устремились на наши позиции, днем и ночью штурмуя их. В нескольких местах врагу удалось прорваться под покровом темноты. Вначале небольшими группами, затем уже целыми частями они начали выходить из окружения. Иногда им даже удавалось прорываться к штабам и к артиллерийским позициям, где разгорались ожесточенные рукопашные схватки».

Фельдфебель Карл Фукс, командир трофейного легкого чешского танка «38 Т», действовавший на границе Вяземского котла, отмечал: «Вот уже несколько дней, как враг предпринимает тщетные попытки прорвать железное кольцо нашего окружения». Уничтожение вражеских группировок, всеми способами пытавшихся выйти из окружения, сильно затруднял туман. Танковый взвод Фукса получил задание выявлять такие группировки и предотвращать их попытки прорыва на участках. После того, как они уничтожили два русских танка, а третий серьезно повредили, туман стал рассеиваться. «Мы им дали прикурить, как полагается, — писал Фукс супруге. — И сейчас даем. Танки, орудия, самолеты палят по всему, что движется». Разумеется, самым мощным стимулом для немцев было осознание того, что эта битва — последняя в этой кампании. Три дня спустя опечаленный Фукс пишет: «Мой бесстрашный друг Роланд умер от страшных ран». И тут же горько восклицает: «Как только мог он погибнуть, когда конец уже так близок?»

На этом жертвы 7-й танковой дивизии не кончились. Рядовой 7-го пехотного полка сетовал, что после понесенных потерь рота порой состояла всего из двух взводов. И этими ничтожными силами немцам приходилось удерживать участки шириной в 3,5 километра! «Приходится отбивать атаку за атакой, звать на помощь артиллерию», — говорит он. Сорок его товарищей во главе с командиром взвода погибли, отбивая яростную атаку русских, «они сражались до последнего патрона». Под Вязьмой развернулось сражение на уничтожение, безжалостное, не щадящее тех, кто старался завершить его побыстрее. лейтенант Егер из того же полка описывал невероятно длинную, но истончившуюся линию обороны немцев, на которую яростно набрасывались и танки, и пехота, и даже кавалерия русских. Его бойцы удерживали позиции до последнего

момента:

«Уже в результате самых первых разрывов многие погибли и запасы оказались уничтожены. Атака их выглядела совершенно невероятно. В бой в лесах под Чекулино они шли целыми колоннами, с артиллерией, лошадьми и грузовиками. Стеной надвигались на нас. Идеальные мишени для наших артиллеристов! А те расстреливали вражеские орды в упор залпами, непрерывным огнем. Это было самое настоящее истребление».

Немецкие пехотинцы тогда всю ночь пролежали в окопах, расстреляв все боеприпасы. «Трясаясь от страха, они ждали, что с ними будет дальше». Все вокруг усеивали тела погибших русских.

2-я танковая дивизия наступала на Вязьму в составе 4-й танковой группы. 10 октября противотанковые орудия группировки «Люббе-Бак» были равномерно распределены среди окопавшихся пехотинцев 304-го полка. Все ждали атак из кольца окружения. С наступлением дня на подмогу пришли танки. Рядовой Х.-Э. Браун вспоминал, «как с наступлением сумерек все кусты и деревья утратили привычные очертания. Все, затаив дыхание, вглядывались в сгущавшуюся темноту. Теперь оставалось полагаться исключительно на слух».

«Издали доносились звуки боя в кольце окружения. На западе небо окрашивалось в багровый цвет. Время от времени гремели взрывы. Напряжение достигло предела, пульс учащался».

То же самое довелось испытать и Брауну. Солдаты на противотанковых позициях сначала едва различимо, потом отчетливее слышали странные звуки. Примерно в 22 часа стрельба разом утихла. Наступила тьма, но шум усиливался, уже можно было разобрать конское ржанье, поскрипывание тележных колес, рокот двигателей. «Напряжение стало почти осязаемым, — вспоминает Браун, — когда первые ракеты прочертили ночное небо».

«И в свете вспышек ракет мы увидели такое, от чего кровь в жилах застыла, — сотни, нет, не сотни, тысячи русских надвигались на наши позиции. Кавалеристы прорывались вперед, зажатые грузовиками и колоннами пехотинцев. Выстрелы, отчетливые команды... монотонная стрельба 20-мм пушек, время от времени перемежавшаяся одиночными выстрелами из 37-мм орудий и грозно-торжественными, словно церковный колокол, ударами 50-мм противотанковых орудий...»

С того момента, по словам Брауна, солдаты утратили чувство времени. «Семь раз атакующих русских разносили в клочья прямо у наших позиций». Остальные отходили. У немецких позиций скапливались горы трупов, за которыми оставшиеся в живых русские солдаты укрывались от

ураганного огня немцев. Из этой жутко колыхавшейся горы доносились призывы о помощи и крики раненых, придавленных мертвецами. Подбитый русский бензовоз, пылая, освещал поле боя. Эта безумная битва бушевала всю ночь. Браун помнит, что солдаты, в перерыве между атаками глядя на часы, не верили, что прошло уже столько времени. Пять часов непрерывного боя! Пять часов кряду они отбивали яростные атаки врага! Лишь к рассвету грузовики и бензовоз догорели.

Рассвет принес чувство облегчения, — вот-вот на подмогу должны были подойти танки. Солдаты получили возможность немного расслабиться. «Вдруг эта куча мертвецов зашевелилась, задвигалась», — с ужасом вспоминал Браун. Несмотря на обстрел из всех видов оружия, «масса красноармейцев стала вновь надвигаться на наши позиции. Снаряды, попадавшие в нее, беспощадно уродовали скопление плоти, рассекая ее на части, придавая ей «сходство с гидрой, конвульсивно раскинувшей коричнево-буроватые щупальца». С криками «ура!» русские волнами начали перекатываться через траншеи немцев. Браун и его бойцы озабоченно поглядывали на «раскалившиеся от непрерывной стрельбы жерла своих противотанковых орудий».

«Подобно приливной волне русские перекатывались через брустверы наших траншей, вливались в них, устремляясь в наш тыл, сметая прочь и затаптывая наши орудийные расчеты. Обезумевшая от страха смерти людская масса устремлялась на восток, к выходу из кольца».

Отрезанные от всех отдельные островки сопротивления занимали круговую оборону. «Теперь уже в бой вступали и те, кому это по штату не полагалось — интенданты, повара, штабисты», — рассказывает Браун.

Находившееся в соседней деревне немецкое танковое подразделение контратаковало, поливая все вокруг огнем из пулеметов и орудий. «Они уже не разбирая палили прямо в серую людскую массу, — продолжает Браун, — десятками превращая в мясо и красноармейцев, и своих». Повсюду металась десятки испуганно ржавших лошадей, впряженных в обозные телеги. Русские грузовики, увешанные гроздьями людей, неслись куда глаза глядят, подминая и мертвых, и живых, без фар, освещаемые лишь вспышками разрывов».

На позициях пехотинцы строчили из автоматов, отстреливались от неприятеля из пистолетов, отбивались от него саперными лопатками. Командир роты вел непрерывный огонь из дымящегося автомата из траншеи, находившийся тут же неподалеку Браун выпустил очередь в сторону красноармейцев, устремившихся прямо на него с гранатами в руках. Те упали на землю, и тут же раздался оглушительный взрыв.

В конце концов этот ад все же кончился. «Лязгая гусеницами, ревя моторами, с тыла приближались танки 3-го полка». Переваливаясь с боку на бок, серо-стальные громадины миновали немецкие траншеи, чтобы приступить к завершающей стадии зачистки. Сдававшихся в плен русских выстроили в колонны и тут же повели в тыл. Браун запомнил их отрешенные, равнодушные лица. Его охватило чувство хоть маленькой, но все же победы.

Танкисты прилагали титанические усилия для удержания тонкой линии окружения, оказывая помощь мотопехотным частям, обескровленным в схватках со стремящимся прорваться врагом. Генерал-фельдмаршал фон Бок, несмотря на понесенные группой армий потери, все же не скрывал ликования.

«Пехота, в частности, 12-й (Шрот) и 7-й (Фармбахер) корпуса, — писал он в своем дневнике 3 октября, — совершает, казалось, невероятное». Три дня спустя он пишет: «Снова возникает темпераментная перепалка о том, что мои приказы выслать на Вязьму крупные пехотные силы вслед за танковой группой не выполняются и что армия, вместо того, чтобы выполнять их, занимается самодеятельностью». Командующий группой армий «Центр» напоминал командующему 9-й армией генералу Штраусу о том, что главнейшая задача армии — направить пехоту поддержки сразу же за танками. Дорожные условия были ужасающие. «А что творится на дороге Рославль — Москва! По четыре, а то и по пять колонн следуют в одном и том же направлении, приткнувшись друг к другу, кое-где самовольно вклиниваются части люфтваффе, дорога забита полностью. А ведь это единственный путь, по которому осуществляется войсковой подвоз и доставка топлива для танков», — ужасается фон Бок.

Четыре дня спустя вяземский котел хоть и ценой огромных усилий, но все же стал уменьшаться в размерах. 2-я танковая армия Гудериана с великим трудом удерживала его границы. В дневнике фон Бока отслеживается растущая напряженность, так продолжается вплоть до 13 октября, когда вяземский котел, несмотря на яростное сопротивление запертых в нем русских, сузился почти до предела. «Кольцо окружения под Вязьмой сужается, число взятых в плен растет с невероятной быстротой, потери врага колоссальны», — пишет фельдмаршал фон Бок. Тем временем брянский котел распадался на более мелкие, и бои там приобрели совершенно непредсказуемый характер. 15 октября один немецкий полк из состава 134-й дивизии сам попал в окружение на южном участке котла. 17–18 октября 1941 года бои прекратились еще в двух котлах.

Офицер 7-го пехотного полка 7-й танковой дивизии ^[51] описывает

положение, в котором оказался их первый батальон, который потом вызволили танкисты 25-го полка.

«Там было еще хуже, чем тогда у Ярцево [Ярцево — самый тяжелый участок смоленского кольца окружения. *Прим. авт.*]. Там враг атаковал группировками, равными по численности батальону. А здесь на нас бросались дивизии, а мы отражали их атаки всего-навсего парой моторизованных пехотных рот, причем на участке шириной в 12 километров! Какой толк от всех этих тяжелых вооружений и благоприятных участков территории... если удерживаться приходится лишь с помощью постов охранения?»

Танковый батальон гауптмана Шрёдера вышел к правому флангу батальона, где создалась угроза, в самый критический момент. И танкисты Шрёдера ужаснулись при виде того, что предстало их взорам. Повсюду лежали убитые — бойцы 3-й роты, оборонявшей позиции у Боговодийского (так в тексте. — *Прим. перев.*).

«Из находившихся в окопах один живой приходился на четверых погибших. Несколько пулеметов молчали — боеприпасы кончились. Впрочем, они кончились у всех... Увидев все это, я убедился, что 3-я рота сражалась до последнего...»

Шрёдер, потрясенный этим зрелищем, на протяжении всех последующих дней в тяжелые минуты не раз ссылался на пример тех, кого ему пришлось тогда увидеть. Солдаты платили столь тяжкую цену, будучи уверенными, что эта битва — последняя, что еще одно усилие — и сопротивление русских неизбежно рухнет. Так что, цель — оправдывает средства. Командир танка Карл Фукс также потерял близкого друга.

«Мы, солдаты, души которых очерствели в боях, не оплакиваем выпавшую на нашу долю участь. Просто потуже затягиваем ремешки касок и думаем об отмщении за наших павших товарищей. Вяземское сражение завершено, и последние отборные силы большевиков разгромлены».

Однако у Брянска окруженные советские войска продолжали сопротивляться. 14 октября 1941 года два батальона пехотного полка «Великая Германия» получили задачу атаковать под покровом ночи деревню Анино, чтобы предотвратить прорыв русских из кольца окружения. Бойцы явно не испытывали восторга от перспектив ночного боя. Оба командира батальонов погрузились в уныние, прекрасно сознавая, какими потерями чреватые подобные операции.

Командиры рот то и дело запрашивали вышестоящие инстанции, желая убедиться, что запланированная атака все же состоится. «Никто не в силах описать ощущения, которые завладевают тобой перед серьезным

боем», — признавался один солдат. Солдаты получают последние наставления, распределяются обязанности между младшими командирами, но чувство неуверенности и страха не покидает тебя. Обер-лейтенант Карл Хенерт, награжденный Рыцарским крестом и трижды раненный, излучал уверенность, помогавшую его солдатам избавиться от тягостных размышлений. Ему было 27 лет, его приказы «отличались ясностью и лаконичностью».

Едва началась атака, как одно за другим поступили сообщения о гибели или ранениях командиров рот. Хенерт погиб на месте от пули советского снайпера, угодившей ему в голову. Командир другой роты, и месяца не прослуживший на этой должности, также погиб. Гибель Хенерта болью отозвалась в сердцах бойцов. «Мы даже смотреть друг на друга не могли, — свидетельствует один из солдат. — Всех поразила эта смерть. Я даже толком не помню, как прожил следующие несколько часов». Разворачивалась самая настоящая бойня. В ту же ночь погибли еще несколько офицеров. «Непостижимо, как все это произошло, — вспоминает тот же солдат. — Нам все казалось, что вот сейчас кто-нибудь из них подойдет и отдаст приказ. Причем убили их свои по ошибке».

Операцию «Тайфун» группа армий «Центр» начинала силами 14 из 19 дивизий и восемью из 14 моторизованных дивизий^[52]. Мобильные соединения поддерживались сорока восемью обычными пехотными дивизиями. 25 пехотных дивизий удерживали кольцо окружения, а оставшиеся участвовали в наступлении. Девять пехотных дивизий обеспечивали фланговую оборону. Девять мобильных дивизий (6 танковых и 3 моторизованных) вели интенсивные бои внутри котла, остававшиеся 6 (4 танковых и 2 мотопехотных) наступали на Москву. Еще 3 дивизии (2 танковых и 1 моторизованная) пытались выйти из боев под Брянском и начать наступление на Тулу и Москву вдоль северо-восточной оси наступления. Успех операции зависел от разгрома 6–8 окруженных советских армий, оборонявших Москву. Генерал-фельдмаршал фон Бок в ежедневном приказе на 19 октября объявил:

«Битва за Вязьму и Брянск сокрушила глубоко эшелонированный фронт русских. В тяжелых схватках с численно превосходящими силами противника разгромлено 8 русских армий в составе 73 стрелковых и кавалерийских дивизий, 13 танковых дивизий и бригад и крупные силы артиллерии.

Трофеи составляют: 673 098 пленных, 1277 танков, 4378 артиллерийских орудий, 1009 зенитных и противотанковых орудий, 87

самолетов и огромное количество боевой техники^[53].

С честью выдержав эту тяжелую битву, вы совершили величайший в ходе этой кампании подвиг!

Выражаю свою благодарность и признательность всем бойцам и командирам, действовавшим на фронте и в тылу».

Для успеха оставалось лишь принять капитуляцию у русских. Именно на это немцы и рассчитывали. «Фон Браухич утверждает, что на сей раз все будет по-другому, не так, как под Минском и Смоленском, на этот раз можно рискнуть и без промедления нанести следующий удар», — продолжает фон Бок в своем дневнике. 3-я танковая группа была единственной подходящей группировкой для операций подобного размаха в группе армий «Центр»^[54]. Фон Бок:

«Что касается меня, то я считаю, что и под Минском, и под Смоленском тоже вполне можно было рискнуть, и мы сумели бы избежать кровопролития, если бы группе армий не ставились бы палки в колеса. С наступлением 3-й танковой группы (Рейнхардт) на север я не согласен. Может быть, меня избавят от этого, потому что нанесенный сегодня тяжелый удар может, вопреки всем русским обычаям и привычкам, вынудить врага потесниться и на моем северном крыле; кое-что указывает именно на такой исход».

Сражения под Вязьмой и Брянском вполне можно сравнить по масштабам с киевской операцией. Немцы считали, что после подобного поражения у советского командования уже не осталось резервов. Командир танка Карл Фукс ликует: «Последние отборные части большевиков разбиты наголову. Я никогда не забуду этого разгрома. Отныне им уже нечем будет отбиваться от нас. А мы будем, как и раньше, двигаться вперед...»

Сходные мысли высказывали в письмах очень многие солдаты Восточного фронта. Один унтер-офицер из 6-й пехотной дивизии, восторженно описывая взятие тысяч и тысяч русских пленных, утверждал: «Многие вообще добровольно шли к нам в плен — это верный признак того, что все для них кончено... Да о нас в газетах только и вопят, что, мол, «окончательный разгром сил русских — дело считанных дней!» Еще один унтер-офицер из состава группы армий «Юг» предрекал, что к тому моменту, когда его супруга будет читать его письмо, «колокольный звон по всей Германии возвестит победу над самым могущественным врагом, с которым приходилось сталкиваться цивилизации». Этого унтер-офицера переполняла непоколебимая уверенность. «Нет, нет, долго это продолжаться не может, и сейчас мы гадаем лишь об одном, то ли нас

вернут в Германию, то ли оставят здесь в качестве оккупационных войск».

Все ждали, что русские по примеру предков, в 1812 году отдавших Москву Наполеону, после окончательного разгрома под Вязьмой уступят свою столицу немцам без боя. Если же они все-таки не капитулируют, немцам куда труднее будет склонить их к перемирию, потому что значительная часть войск Восточного фронта все еще занималась ликвидацией окруженных под Вязьмой и Брянском советских войск. Лишь 7 дивизий продолжали наступление. Подвижные дивизии тоже истекали кровью, лишь 40 % их продвигались к Москве. Более того, они начали наступление, располагая лишь двумя третями их первоначального численного состава^[55]. Фон Бок желал воспользоваться плодами своей победы. 7 октября он записал в свой дневник: «Если погода удержится, то, возможно, нам удастся и наверстать то, что было упущено из-за Киева». Фельдмаршал постоянно подстегивает своих подчиненных поддерживать темп наступления. Неделей позже, когда сражение под Вязьмой победоносно завершилось и все шло к тому, что и с брянским котлом также будет покончено, продвижение Гудериана замедлилось. Запись от 13 октября 1941 года: «Бои и ужасные дорожные условия послужили причиной тому, что Гудериан уже не может продвигаться дальше на северо-восток — несомненный успех русских, чье упорство было вознаграждено».

В начале второй недели октября произошло событие, о котором упоминается практически во всех письмах с Восточного фронта. О нем прекрасно помнит и унтер-офицер Людвиг Колодзински, воевавший в составе батареи штурмовых орудий на орловском участке 2-й танковой армии. 8 октября в 2 часа ночи он спал, и его растолкал радист Бранд. «Эй, Людвиг, поднимайся и выходи со мной!» Колодзински, быстро набросив шинель, выскочил наружу. Первое, что он почувствовал — страшный ветер.

«Была настоящая выюга! Ветер гнал свинцовые тучи, землю успел покрыть толстый слой снега. Все вокруг, включая и наши штурмовые орудия, представало в необычном виде. Когда я потом вышел утром, снег уже успел растаять. Все дороги превратились в непролазную грязь».

Майор Иоганн Адольф фон Кильманзег воевал в 6-й танковой дивизии. «8 октября завершилось вяземское сражение, — вспоминал он уже после войны в одном из данных им интервью. — Цель нашего наступления — нанести удар по Москве — казалась такой близкой. Но обстоятельства изменились. 9 октября, едва мы двинулись на Москву, а также севернее и южнее ее, температура внезапно упала, и начался дождь». Непогода больно ударила и по пехотинцам. «Вчера у нас выпал первый снег», — писал один унтер-офицер из 6-й танковой дивизии в тот же день

домой.

«Как и следовало ожидать, начались дожди, что вызвало еще одну проблему — ставшие непроезжими дороги. К счастью, все это долго не продлится. И мы все тешим себя надеждой, что нам не выпадет участь оккупационных войск в России».

«Дороги, в европейском понимании, утонули в грязи, — отмечает граф майор фон Кильманзег. — Грязища по колено, в которой мгновенно увязает даже транспорт повышенной проходимости». Русские, более искушенные по части бездорожья, в отличие от немцев, не используют наезженную колею. 6-я танковая дивизия, получившая приказ обходить Москву с севера, почти на два дня увязла в грязи, когда начались дожди. «Дивизия растянулась почти на 300 километров, — продолжает Кильманзег, — в то время как нормой считаются 40 километров». Ситуацию на Восточном фронте лаконично оценил один солдат:

«Россия, отсюда приходят только дурные вести, и мы до сих пор ничего не знаем о тебе. А ты тем временем поглощаешь нас, растворяя в своих неприветливых вязких просторах».

Великая иллюзия

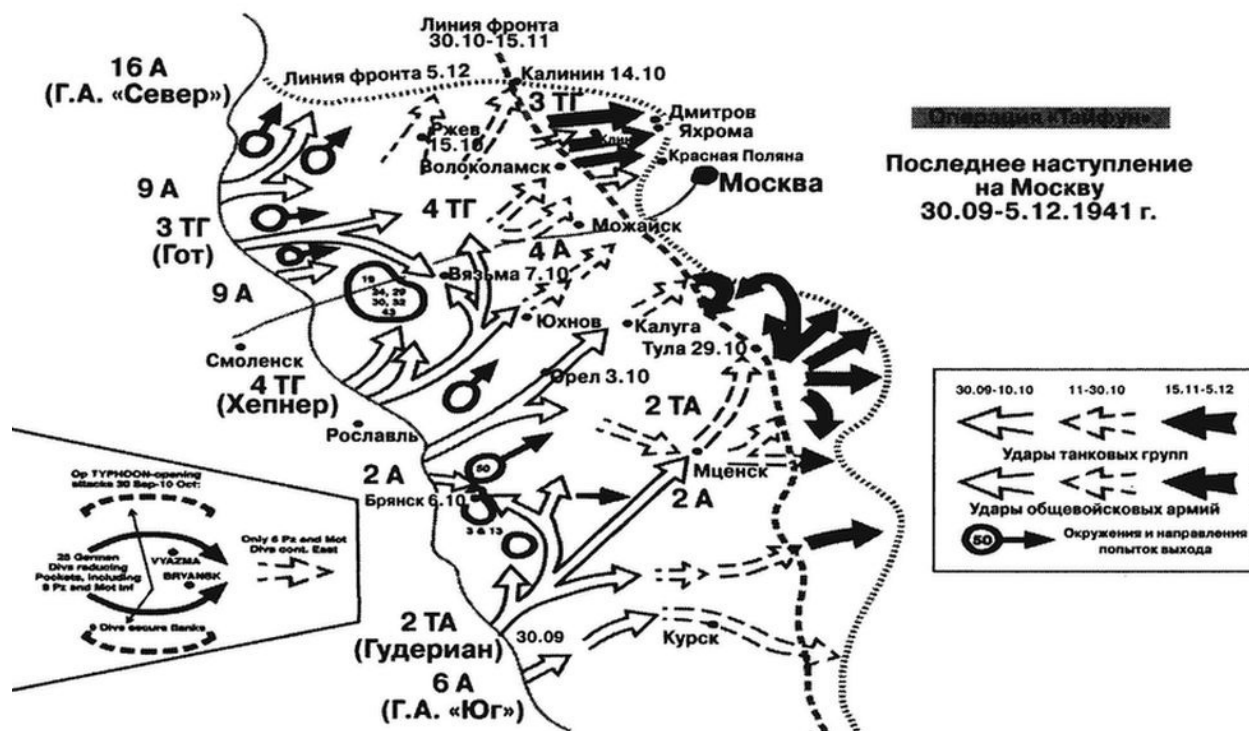
Масштабы победы, одержанной вермахтом под Киевом в конце сентября, пробудили поутихший было всеобщий интерес к восточной кампании. И вновь в рейхе стали думать, не придется ли зимовать в России. Два города в этой стране привлекали максимум внимания. Ленинград, место, где появилась на свет большевистская идеология, как полагали, доживал последние дни. В письмах с фронта продолжали циркулировать упорные слухи о том, что и столица России Москва, дескать, уже избрана целью для немецких парашютистов, якобы высадившихся к востоку от нее. Москва считалась богатым трофеем, который мог ознаменовать достойное завершение этой изнурительной кампании. Киев называли «Танненбергом Второй мировой войны», и теперь все внимание сосредоточилось на успехах группы армий «Центр».

«Осенняя гроза разразилась над большевиками!» — вопила «Фолькишер беобахтер» от 2 октября 1941 года. Далее следовал текст «обращения к нации», в котором фюрер заявил, что «враг уже сокрушен и ему никогда не подняться». Возникли новые слухи о том, что под Москвой началось новое грандиозное сражение и падение окруженной красной столицы неминуемо. Письма солдат с фронта полностью совпадали с

линией Министерства пропаганды. Рядовой пехоты Алоис Майер в письме жене Кларе сообщал: «Ты наверняка слышала вчерашнее обращение фюрера (где он объявил о начале наступления). Здесь со всем будет покончено еще до зимы, — клятвенно заверял свою половину Майер. Правда, под конец своего послания Майер, по примеру других, все же не столь уж и категоричен: — Молюсь о том, чтобы все именно так и случилось и все мы уцелели».

Вечером 8 октября радиопрограммы германского радио прервал взволнованный голос диктора: «Сейчас будет передано важнейшее специальное сообщение». В подобных сообщениях, как правило, объявляли о событиях чрезвычайной важности — падении Варшавы, победе над Нидерландами, о заключении перемирия во Франции, падении Парижа или Белграда. Звучание фанфар предвещало вести о падении Крита, вступлении немецких войск в Афины, в Смоленск и победоносное завершение кровопролитного сражения под Киевом. Повсюду в рейхе люди застыли в напряженном ожидании у громкоговорителей. В кафе и ресторанах посетителей призывали соблюдать тишину, а официантов потерпеть с выполнением заказов. «Верховное командование вермахта сообщает: «Одержана решающая победа в сражениях на Восточном фронте!» В тот же день Адольф Гитлер в очередном «обращении к нации» заявил:

«Через несколько недель мы полностью овладеем тремя важнейшими промышленными районами. Мы взяли от 2 до 4 миллионов военнопленных, уничтожили или захватили 17 500 русских танков, свыше 21 600 артиллерийских орудий, сбили или уничтожили на земле 14 100 самолетов противника. До сих пор мир не знал подобных побед!»

Доктор Дитрих, руководитель германской прессы, сделал официальное заявление для печати и аккредитованных в Берлине представителей дипломатического корпуса. Тут же поползли слухи о скором падении Москвы, о том, что Сталин якобы выступил с предложением заключить мир и к Рождеству войска вернутся в Германию. Известен даже эпизод, когда одной домохозяйке не продали на почте бланки открыток на фронт, мотивируя это тем, что, мол, «они вам скоро вообще не понадобятся». В мясной лавке на Хаусфогтайплац начали без карточек продавать колбасу. В выпуске от 10 октября «Фолькишер беобахтер» горделиво заявляла: «Задачи наступления на Востоке полностью выполнены — враг разгромлен. Сталинские армии стерты с лица земли».

Отчеты СС об обстановке в рейхе сообщают о том, что немцы следили за «различными стадиями завершающего сражения с растущим напряжением». Заголовки газет кричали о том, что немецкие войска уже далеко за Вязьмой и Брянском, и это все очень напоминало прошлый, 1940 год. «Есть явные параллели между наступлением на Москву и на Париж в минувшем году, за которым вскоре последовало перемирие», — утверждали обозреватели. Пресса вселяла в немцев предвкушение великой победы. 14 октября одна домохозяйка писала мужу на фронт:

«Дорогой Фриц! Напишешь мне ответ, когда с Россией все прояснится окончательно... Как я обрадовалась, узнав, что в России, наконец, все

заканчивается и что вы оба [включая и ее сына Германа] вернетесь домой живыми и здоровыми. Ах, дорогой Фриц, ты ведь всегда говорил, что эта война надолго не затянется. Тебе надо поскорее вернуться домой, а не то все хорошие должности порасхватают. Ты их вполне заслуживаешь, ты всегда понимал, ради чего ведется эта война...»

А Восточный фронт раскисал под осенними дождями. Естественный феномен, на котором и строил расчеты Сталин^[56]. Один вконец расстроенный непогодой солдат писал домой:

«Мы с места сдвинуться не можем. Горючего нет, и неизвестно, когда его подвезут. Нам еще ехать и ехать, а дороги становятся все хуже. Снег растаял, грязи стало еще больше. Провиант тоже запаздывает, целыми днями сидим в этой трясине».

А пехотинец из 2-й армии вермахта сделал в дневнике такую запись: «С утра 10 октября пошел дождь, потом дождь со снегом. В этом ничего для нас хорошего — на дорогах грязь по колено, просто не верится, что вообще может быть столько грязи». Бездорожье сильнее всего ударило по артиллеристам. «Так называемая «трасса», по которой мы передвигаемся — не что иное, как болото чуть ли не в полметра глубиной, — жаловались артиллеристы из 260-й пехотной дивизии. — Все машины и тягачи садятся по самую ось, а лошади ползут по брюхо в грязи».

Прессе в родном рейхе приходилось туго, чтобы хоть как-то смягчить настроения разочарования. «Пробил решающий час: восточная кампания близится к завершению», — уверяла «Фолькишер беобахтер» от 10 октября 1941 года. На следующий день она же объявила: «Прорыв на Восточном фронте ширится!» Затем 12 октября газета порадовала читателей: «Разгром сил Советов практически завершен». Та же «Фолькишер беобахтер» от 13 октября 1941 года: «Поля сражений Вязьмы и Брянска в нашем глубоком тылу». Вскоре явно переусердствовавшей по части оптимизма прессе пришлось умерить восторги, и 14 октября газеты лишь деловито констатировали: «Переброска сил на Восточном фронте осуществляется согласно плану». А на следующий день ведущая газета рейха ограничилась еще одним суховатым комментарием: «Сражения на Восточном фронте проходят в соответствии с планом командования». Затем последовала пауза, а 16 октября «Фолькишер беобахтер» просто-напросто решила сменить пластинку: «В результате торпедной атаки на дно пущены 6 сухогрузов». Разумеется, это не осталось не замеченным для населения рейха, отметившего явную непоследовательность прессы.

На северных участках Восточного фронта заморозки начались уже в середине октября

Лейтенант Генрих Хаапе вспоминал о том, «как хлопья первого снега запорхали в воздухе» на 18-й день после того, как их полк покинул Бутово. «Глядя на эти первые хлопья, мы все думали об одном и том же. Вот и зима пришла. Ближе к вечеру температура упала, повалил снег, и вскоре все вокруг превратилось в белый, пушистый ковер, — вспоминает Хаапе, — мы смотрели на него и гадали, что будет дальше».

Возникли проблемы с теплой одеждой. Дело в том, что шинели имелись не у всех. В бою скатанная шинель только мешала, поэтому пехотинцы оставляли их в кузовах следовавших в обозе грузовиков. Теплых курток в целом хватало. Лейтенант Кох из 18-й танковой дивизии вспоминает, что незадолго до начала второй (ноябрьской) фазы наступления в рамках операции «Тайфун» командир их батальона распорядился оставить все шинели в обозе, который задержался в Орле. Им в этом смысле повезло больше других, — груз их батальона прибыл в целости и сохранности, однако личному составу запретили забирать шинели. Подчиненные лейтенанта Хаапе решили поступить по-другому. «Чтобы хоть как-то согреться, приходилось натягивать на себя все, что можно, и в таком виде спать». Если раньше, когда операция «Тайфун» забуксовала, еще оставалось время на мытье и смену белья, то теперь на ночлег приходилось останавливаться в домах, где было полным-полно вшей. Не было возможности ни помыться, ни сменить одежду. Лейтенант Хаапе поясняет:

«Если обернуть ступни газетой, обувь не жала, поскольку газета не

занимала много места, и ее можно было часто менять. Если насовать газет между гимнастеркой и шинелью, было куда легче переносить этот пронизывающий ветер. Мы совали их везде, обертывали ими ноги, заталкивали их в штаны, одним словом, туда, куда холод проникал быстрее всего».

Впервые за эту войну пропагандистские листки начали приносить хоть какую-то пользу, — по крайней мере, с их помощью можно было попытаться защититься от русских морозов.

Придорожный ландшафт стал похож на лунный, дороги были изрыты воронками в метр глубиной, залитыми водой. Тысячи грузовиков увязали в них. Тыловые службы пытались укладывать поверх жижи гати из веток деревьев и таким образом выходить из положения, но меры эти помогали мало. Начавшийся 7 октября дождь непрерывно лил почти двое суток. Даже гусеничные транспортные средства с великим трудом преодолевали грязь, а о колесных и говорить не приходилось. Подразделениям приходилось по двое суток преодолевать участки пути в 10 километров. 2-я танковая дивизия в донесении указывала, что «снабжение частей не представляется возможным». Транспортные самолеты Ю-52 сбрасывали грузы с воздуха, а горючее доставлялось на грузовых планерах. «Наш ежедневный паек состоял из пары галет, кусочка колбасы и пары сигарет», — писал один солдат.

После даже небольших осенних дождей дороги превращались в настоящие грязевые реки

На то, чтобы «реквизировать» пропитание у местного населения, рассчитывать не приходилось — оно само голодало. Перетаскивать через

грязь удавалось лишь легкие орудия. Фон Бок замечает, что «иногда требуются два десятка лошадей, чтобы сдвинуть с места единственное артиллерийское орудие». 1-й артиллерийский дивизион 260-й пехотной дивизии производил удручающее впечатление:

«Орудийные расчеты — люди в перемазанных грязью шинелях, хлюпающие по колено в бурой жиже, днями не снимали сапог. Вцепившись в лафеты и в привязанные к ним веревки, они тащили пушки по бездорожью... Для преодоления особенно тяжелых участков батарее требовалось иногда до 2–3 часов. Приходилось буквально на ходу кое-как приводить в порядок полуразрушенные мосты... Иногда порывы холодного осеннего ветра доносили до нас звуки разрывов. Это означало, что наши товарищи впереди ведут бой с отступающими русскими».

Выбившиеся из сил лошади гибли, захлебываясь в ледяной жиже. По словам одного не лишённого чувства юмора солдата вермахта, «умываться и очищаться от грязи нам ни к чему, поскольку она лучшая маскировка здесь».

Лейтенант Хейзинг из 4-й танковой группы констатирует, что «моторизованные дивизии едва плетутся и даже пехотинцы их обгоняют». И верно, пехотные части после победоносного завершения боев с окруженным врагом двинулись вперед.

«Их бесконечные колонны, направлявшиеся с запада, не останавливались ни на минуту, чтобы успеть воспользоваться короткими осенними днями...»

Средства пропаганды в рейхе всячески возвышали «германскую пехоту, как не знавшую себе равных в армиях мира». Вот что пишет лейтенант Хейзинг об обстановке на 25 октября:

«Танки стоят с пустыми баками, не хватает снарядов для орудий, ежедневно мы теряем своих лучших товарищей. Практически нет возможности просушить обувь, форма изнашивается, пожелтела. Но мы, даже сидя в этой грязи, перед лицом врага не вешаем нос. Иногда случаются и морозы, и тогда дороги становятся проезжими».

Но уверенность и оптимизм лейтенанта Хейзинга разделяли отнюдь не все фронтовики. Унтер-офицера Вильгельма Прюллера, например, целиком занимал вопрос, что делать с собственной шинелью. «Что же все-таки лучше? — спрашивал он себя в первых числах октября. — Шагать и потеть в шинели или же забросить ее в обоз до наступления холодов?» Его непосредственный начальник, лейтенант Кох из 18-й танковой дивизии, утверждал, что «в шинели долго не походишь». И, соответственно, никаких дискуссий на эту тему быть не должно. Маршируем без шинелей, и баста.

Лейтенант Георг Рихтер из 74-го артиллерийского полка страстно желал легкого морозца — дескать, тогда дороги хоть чуть подмерзнут. Морозец пришел, дороги подмерзли, но... Они стали опасно скользкими. Стоило одной машине в колонне замешкаться, как остальные тут же врезались в нее сзади. В результате последнего подобного инцидента две машины пришлось списать по причине полученных повреждений. «Мы так и просидели всю ночь в машинах и едва не околели от холода», — подводит итог Георг Рихтер. Естественно, что подобные условия порождали всякого рода слухи и надежды. «Все вокруг только и говорят, что нашу дивизию должны сменить еще до зимы, а нас, скорее всего, перебросить в Африку», — размышляет лейтенант.

На дороге, ведущей в Калинин, унтер-офицер Гельмут Пабст за недолгие заморозки, сковавшие землю 12 октября, со своим подразделением успел отмахать за день (с 8 утра до 2 ночи) 55 километров. Замерзли все жутко и готовы были ночевать даже стоя, лишь бы хоть как-то отогреться. Пехотинцам доставалось под самую завязку. «До утра мои сапоги так и не просохли, — жаловался Пабст. — А в них приходится совать голые ноги».

Непогода, слякоть, короткий световой день, жуткие бытовые условия — все это не могло не сказаться на боеспособности войск. «Война начинала пожирать нервы солдат» — так утверждает официальная летопись 9-го Потсдамского пехотного полка.

«Многие были измотаны настолько, что не удосуживались пригнуться, услышав вой снарядов противника...»

Росло число заболеваний, таких как простуда, обморожения, педикулез, расстройства желудка. «Девять наших бойцов едва стоят на ногах», — досадовал унтер-офицер Пабст, когда они добрались до неказистой хатенки у дороги на Калинин. Хатенка кишела вшами.

«Этих насекомых с полным правом можно было считать вторым после русских страшным врагом на Восточном фронте. Они намертво вгрызались в кожу, и отодрать их удавалось лишь ногтями и то лишь тогда, когда они вдоволь напьются жидкой солдатской крови». Пулеметчик Йоахим Кредель из 67-го пехотного полка погрузил вошь в стеарин от свечки и в таком виде отослал домашним в качестве сувенира с Восточного фронта. «Надо же, в конце концов, им знать, какова на вид настоящая вошь!» — мотивировал свой поступок он.

А в рейхе тем временем кинохроника упивалась показом сражений в районе деревни Бородино, где некогда сражался Наполеон. И здесь не обошлось без параллелей — именно эта битва предшествовала

торжественному въезду Бонапарта в столицу России в 1812 году. В 1941 году под Бородином проходила первая, внешняя линия обороны Москвы, протянувшаяся почти на 300 километров от Калинина до Калуги. Здесь наступали передовые части 4-й танковой группы — 2-я дивизия СС «Дас рейх» и 10-я танковая дивизия. Кадры кинохроники, отснятые военным кинооператором Гуго Ландграфом, отличались реализмом. И вызвали бурю эмоций зрителей.

Красноармеец, погибший на дальних подступах к Москве. Предположительно снимок сделан в начале ноября 1941 года

«Я нахожусь на месте радиста тяжелого танка и собираюсь заснять отсюда танковую атаку, — звучит комментарий Гуго Ландграфа к кадрам. — Нам у Москвы противостоят до зубов вооруженные советские группировки, только что прибывшие из резерва». На экране мелькают кадры — сцены боя сквозь узкую смотровую щель танка. «Со всех сторон гремят артиллерийские залпы и пулеметы, — продолжает Ландграф. — Наш танк ведет непрерывный огонь по противнику». И в подтверждение этого зритель видит пылающие дома, разрывы снарядов, разбегающихся в панике русских пехотинцев. Наконец сопротивление врага сломлено. «Наше орудие раскалилось от долгой стрельбы», — сообщает военный кинооператор. Кадры на экране сменяются сценой ночного боя: в ночном небе тянутся огненные строчки. В ту ночь немцам удалось продвинуться на несколько километров.

«Всю ночь шел снег», — продолжает комментарий Ландграфа — утверждение это звучит грозным напоминанием тем зрителям, чьи родные

сражались на Восточном фронте. На экране возникают пехотинцы, отрывающие окопы в свежавыпавшем снегу у самых танков. «Битва продолжается», — продолжает Ландграф, и тут же, как бы в подтверждение его словам, в кадре появляется группа пехотинцев, увешанных пулеметными лентами. У многих в уголках рта неперенная догорающая сигарета или трубка. Однообразие пейзажа скрадывают кусты и редкие деревца, ветви которых припорошены снегом. На фоне белого снега резко выделяются силуэты полугусеничных бронетранспортеров и танков, ведущих интенсивный огонь. Впереди пикирующие бомбардировщики люфтваффе щедро посыпают бомбами артиллерийские позиции русских, но, как сокрушенно отмечает комментатор: «На месте уничтоженной батареи тут же показывается другая...И снова опускаются сумерки», — продолжает он, когда умолкает стрекот башенного пулемета. Камера запечатлевает следы трассирующих пуль над танками и бронетранспортерами, поражающих далекие и уже неразличимые цели.

С наступлением дня «мы поняли, что находимся перед лесным массивом, где проходила одна из линий обороны Советов». В отдалении видны пылающие дома. «Камуфляжная сетка, покрывавшая доты русских, которая надежно скрывала деревянные постройки, загорелась». Затем Ландграф рассказывает о расчете 88-мм зенитного орудия, лихорадочно обслуживавшем свою занесенную снегом пушку. «На третий день, — рассказывает он, — сюда стянули и зенитчиков, чтобы те помогли нам нанести решающий удар». Мы видим разрывы снарядов в воздухе, указывающие на скрытую под деревьями цель. Тем временем расчет совсем занесло снегом. На белом снегу дороги резко выделяются немецкие танки Т-III и Т-IV, тут же на снегу уродливо распростерты трупы советских солдат. Танки ведут огонь по пехоте, а «мы наступаем с фланга, врезаясь в центр обороны русских, и в результате многочисленных стычек прорываем ее». Все. «Вы видите большевиков, которые с поднятыми вверх руками выбираются из траншей, — ликуя, сообщает зрителям Ландграф. — Оборона противника сокрушена!»

Оператор славно потрудился в попытке как можно реалистичнее отобразить монолитную оборону русских по обе стороны магистрали Москва — Можайск. На экране то и дело мелькают огнеметы, зигзагообразные ходы сообщения, зияющие противотанковые рвы, прикрываемые артогнем, противотанковые ежи, сваренные из кусков железнодорожных рельсов. Железобетонные бункеры, прикрытые вспомогательными позициями с тяжелыми вооружениями и артиллерийскими орудиями, образовывали ядро этой обороны. Камера

замирает на телах погибших защитников этой линии обороны. Кадры фильма Ландграфа находятся в явном противоречии с бодрой тональностью специальных сообщений руководителя германской прессы д-ра Дитриха и крикливыми заголовками газет. Хроникальные кадры прошли на экранах рейха в последних числах октября 1941 года, совпав по времени с отмеченными в отчетах СС о положении в рейхе «фактами общественного разочарования». «Крушение большевистской системы — вопрос нескольких дней». Что же касалось мнения населения, оно свято верило, что «на фронте не произойдет сколько-нибудь значительных событий». Однако кинорепортаж Ландграфа свидетельствовал как раз об обратном. Крушение иллюзий оборачивалось цинизмом. Всем становилось ясно, что главные битвы этой войны еще впереди.

Мрачную неотвратимость их вполне сознавали и солдаты Восточного фронта. Лейтенант Г. Хейзинг из 4-й танковой группы, описавший эту же битву у Бородино, поведал нам о городе под названием Можайск. Немцы заняли этот город 18 октября, однако «осенняя слякоть и распутица омрачали настроение немецких солдат, лишив их сладости великих побед». 10-я танковая дивизия, авангард наступавших немецких сил, оказалась «рассеяна по болотам и мелкоколесью, транспорт увяз, войсковой подвоз стал невозможен». Лейтенант Хейзинг с горечью отмечает: «Как бы мы ни старались, нам все равно дальше не продвинуться». И 10-я танковая дивизия, и приданная ей в поддержку 2-я дивизия СС «Дас рейх» понесли под Можайском тяжелейшие потери. Численность рот в пехотном полку «Дер фюрер» сократилась до 35 человек с первоначальных 176. Линии коммуникаций растянулись до предела. Но, по словам официального историка дивизии, «все поставленные цели были достигнуты, невзирая на потери». Первый батальон полка совместно с мотоциклетным батальоном сражался с частями советской 82-й мотострелковой дивизии за овладение селом Шелковка, важным транспортным узлом.

«18- и 20-летние солдаты вступили в рукопашную схватку с русскими, действуя рунными гранатами, саперными лопатками и штыками. Многие из молодых служащих СС погибли или отморозили ноги в обутом на голые ноги сапогах при 15-градусном морозе».

Все напряженно ждали торжественных фанфар, предварявших сообщения «Великогерманского радио». Но тщетно. Победы так и оставались за гранью желаемого. Росло разочарование. В отличие от 1812 года, после боев под Бородином ворота Москвы не распахнулись перед немцами. И русские явно не рвались заключать перемирие. Генерал Гюнтер Блюментритт обреченно констатирует:

«И теперь, когда Москву можно было разглядеть невооруженным глазом, настроение солдат и командиров круто изменилось. С изумлением и разочарованием мы в конце октября — начале ноября наблюдали за русскими, убеждаясь в том, что им, похоже, и дела нет до того, что их основные силы разгромлены. За эти недели сопротивление противника только усилилось, с каждым днем схватки с ним приобретали все более ожесточенный характер».

В конце октября лишь ничтожная часть населения рейха верила, что война на Востоке завершится к исходу 1941 года. Аналитики отмечали, что оказываемое русскими «ожесточенное сопротивление способствовало росту скептицизма населения в отношении пропагандистских обещаний и заявлений предыдущих недель». К началу ноября уже стали проявляться «признаки растущего раздражения чересчур оптимистичными заявлениями о якобы имевших место успехах». Яростный отпор русских пугал, внушал неуверенность, дезориентировал. В двух словах умонастроения в рейхе можно свести к следующему: население не понимало, отчего все-таки германские войска не переходят в решительное наступление после того, как они разгромили целых 260 отборных дивизий русских? И к середине ноября чувство недоумения сменилось безразличием. В этом смысле мнения и тыла, и фронта совпадали.

«Стали раздаваться саркастические замечания в адрес ведущих военных, — комментирует Блюментритт. — В войсках все чаще и чаще высказывались пожелания в том духе, что нашим большим политикам неплохо было бы приехать на фронт и своими глазами взглянуть на происходящее здесь». Пехотный полк, в котором служил Гаральд Генри, заморозки застали прямо на марше, с 6 вечера до 2 часов ночи солдаты «без отдыха шагали в страшную пургу».

«Набрякшее от влаги обмундирование сковал мороз. И мороз этот продолжал крепчать. В желудке и кишках творилось что-то невообразимое. А тут еще этот холод! И вши! Пальцы от мороза деревенели и болели так, что выть хотелось».

Роте Гаральда Генри была поставлена задача прочесать лес. Солдаты, шагая по колено в снегу, набрали его в сапоги. Тонкий ледок, успевший за вечер покрыть трясину, не выдержав, проломился под ними, и они провалились по пояс в ледяную жижу.

«Рукавицы намокли так, что мои изъеденные вшами руки будто огнем жгло. Я готов был вопить от боли, когда в отчаянии попытался перевязать саднившую руку носовым платком. По щекам текли слезы... Я брел, ничего толком не сознавая, и мне казалось, что я наяву проваливаюсь в

какой-то дикий кошмар. Остальным моим товарищам было ничуть не лучше. Непонятно откуда стали стрелять, и мы упали на снег, образовав кольцо и дожидаясь приказаний. Казалось, этот ужас никогда не кончится».

Прочесать лес означало обречь себя на нескончаемые муки, физические и душевные, это означало испытать животный страх от опасности в любой момент получить пулю. Но к ночи операция по прочесыванию завершилась. «Потом пришел приказ, что операцию следует повторить». Едва мы приступили к выполнению этого распоряжения, как по радио приказали отходить. Это означало еще один 10-15- километровый марш, то есть часов девять на ногах в холод. Следовавшие в голове колонны солдаты невыносимо медленно углублялись в лес, а остальные, то есть большая часть, ждали. Им предстояло жуткое испытание.

Холод быстро стал большой проблемой. Замерзающие солдаты перестали улыбаться даже в объектив кинокамеры

«Мы топтались на страшном морозе, пытаюсь отогреть окоченевшие, обвязанные тряпьем руки, проклиная эту окаянную погоду. Подошвы сапог примерзали к земле. Мы промокли и промерзли насквозь и стояли, стояли, стояли... шаг вперед — и снова стой. И так постоянно...»

К двум часам ночи рота наконец добралась до какой-то деревни, где расположилась на ночлег. «Все дошли до ручки, промерзли и вымотались окончательно». Ни ног, ни рук не разогнуть. «Все тело ныло невыносимо», — продолжает Гаральд Генри. Слава богу, непогода сделала невозможным любое продвижение вперед. Люди спали вповалку, чуть ли не друг на друге, в крохотную хатенку набилось с три десятка человек.

«Прямо по полу струились жидкие экскременты, подмачивая шинели и вещмешки, — описывает Генри. — Нас всех извел понос и желудочные колики». Страданиям, казалось, конца не будет.

Солдат мало-помалу начинал раздражать ура-патриотический, пропагандистский тон радиопередач и газетных заголовков. «Слышишь, бывало, как диктор, захлебываясь, перечисляет успехи на фронтах, и только качаешь головой, — откровенничал один лейтенант из 131-й пехотной дивизии. — Впрочем, на нас все эти бредни действовали мало». Иными словами, боевой дух оставлял желать лучшего. «Все вдоволь накушались этой войны за истекшие месяцы».

«Боевой дух падает» — эта мысль красной нитью проходила в донесениях 3-го корпуса, отправляемых в штаб группы армий «Центр». «В особенности его подрывают не имеющие ничего общего с действительностью, пронизанные некритичным оптимизмом, хвастливые пропагандистские заявления». И сообщения «об овладении каким-нибудь Харьковом или Одессой никак не повышают изрядно упавший боевой дух солдата».

Боевые действия на Восточном фронте утрачивали стратегическую масштабность, превращаясь в кровопролитные схватки местного значения за овладение щелями, где можно отсидеться. Подполковник фон Бозе, командир пехотного батальона, после того, как его подразделению в ночь на 16 октября доставили промерзший насквозь провиант, отправил в штаб полка довольно несуразную радиограмму. «Мы замерзли так, что желаем атаковать». Ответ последовал неожиданный: «Атаковать кого?!» Фон Бозе отозвался в том же духе: «Неважно кого, лишь бы атаковать. Срочно нуждаемся в месте расквартирования!» Последовал приказ овладеть деревней Авдотня. И в результате неожиданной атаки батальон все же сумел отвоевать себе крышу над головой, захватив упомянутую деревню. Ночью русские не раз пытались отбить у них место для ночлега, в котором нуждались ничуть не меньше немцев.

Войска Восточного фронта оказались на грани исчерпания своих возможностей, отдав все, чем располагали. Последние армии Советов, судя по всему, на самом деле последние, были уничтожены в кольце окружения под Вязьмой и Брянском. Вынужденные действовать в условиях невероятно растянутых линий коммуникаций, обескровленные немецкие войска все же нанесли Советам новый сокрушительный удар. Но враг не сдавался. Более того, все лавры побед вскоре свели на нет непогода и бездорожье.

«Войска не желают слушать хвастливые пропагандистские заявления, и это не удивляет», — заверял в октябре месяце генерал Блюментритт.

Глава 14

«...Без пяти двенадцать»

«...При оценке физического и морального состояния войск ни в коем случае не следует приукрашивать его, и, прежде чем начать наступление, необходимо твердо уяснить себе, что на часах — «без пяти двенадцать».

Генерал-фельдмаршал фон Бок

Москва. Возникновение оборонительного рубежа

Согласно заявлению германского радио советское командование в очередной раз было захвачено врасплох «Осенней грозой». 4-я танковая группа вклинилась между 50-й армией генерал-майора Петрова и 43-й армией Резервного фронта, а 2-я танковая армия вермахта 6 октября захватила Брянск. С этого момента группировка передовых советских армий оказалась отрезана от Москвы. 4 октября майор Иван Шабалин, офицер НКВД из 50-й армии, обреченно констатировал в своем дневнике: «Мы окружены!»

«Фронт врага, три его армии, охватили нас со всех сторон, а где же наши генералы? Как всегда мы только головы кладем, а к решительным мерам неспособны».

По мнению Шабалина, штаб фронта потерял управление войсками, едва немцы начали наступление. Двумя днями позже он с досадой и горечью признал, что «история не знает поражения, подобного разгрому наших сил на брянском фронте». Командование фронта полностью утратило контроль над обстановкой. «Поговаривают, что эти идиоты драпают к Москве», — зло отмечает утративший всякие иллюзии офицер.

К полудню 5 октября летчик из советской 120-й истребительной эскадрильи, проводивший воздушную разведку, сообщил о замеченной на Варшавском шоссе растянувшейся на 24 километра колонне немецкой бронетехники, направлявшейся к Юхнову. Это было всего в 160 километрах западнее Москвы. Летчику приказали слетать еще раз и

убедиться, что он не ошибается. На сей раз разведчик заметил колонну уже на подходах к Юхнову. А доказательством, что он ничего не перепутал, был его изрешеченный снарядами немецких зениток самолет. Полковник Збытов, командующий силами авиации Московского военного округа, расценив полученные сведения как достоверные, передал их в вышестоящие инстанции. И вскоре был обвинен ведомством НКВД «злостным паникером». Полковнику Збытову и его штабу грозил суд военного трибунала. И только в результате третьего по счету разведывательного вылета окончательно выяснилось, что немецкие войска, действительно, занимают город. Ситуация для советского командования складывалась катастрофическая, поскольку на участке Варшавского шоссе от Юхнова до Москвы не имелось никаких частей Красной Армии.

На следующий день в Москву был срочно отозван из Ленинграда генерал Георгий Жуков. 10 октября его назначили командующим Западным фронтом и возложили на него ответственность за оборону столицы СССР. Это назначение сыграло решающую роль в деле спасения Москвы.

Прежде всего Жуков стабилизировал фронт и убедил Сталина начать переброску крупных резервов в район Москвы. Государственный комитет обороны, Центральный комитет партии и Верховное командование приняли ряд срочных мер, чтобы остановить продвижение немцев. Переброска сил началась 10 октября, пояса обороны на западном направлении были существенно усилены. Из резерва Главного командования (РГК) на опасные участки были переброшены 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад и свыше 40 артиллерийских полков. Это означало появление под Москвой дополнительных сил численностью свыше 90 000 человек. Остатки частей, сумевших вырваться из двойного кольца немецкого окружения, также направлялись на те же рубежи обороны.

Кроме этого, были существенно усилены воздушные силы Западного фронта. Им в поддержку был придан 6-й воздушный корпус генерал-майора Климова, все истребители Московского военного округа, несколько дивизий истребителей дальнего действия и 4 вновь сформированных эскадрильи. 13 октября Государственный комитет обороны издал приказ № 0345, в котором потребовал от всех сражавшихся на фронте предпринять все возможное и невозможное для сокрушения врага под Москвой. «Трусов и паникеров, а также всех, кто оставит позиции, расстреливать на месте» — таков был итог приказа.

Основной опорой ВКП(б) оставались крупные города. Именно из них партия большевиков отправляла властные полномочия на всей территории

страны. Этим и объясняется факт, что Ленинград, колыбель большевистской революции и идеологии, а впоследствии и Сталинград, город, носивший имя диктатора, имели столь важное значение для Советов. И Гитлер, будучи сам диктатором, не сомневался в значимости овладения этими центрами для сокрушения боевого духа противника и дестабилизации его тыла. Эти центры необходимо было разрушить, стереть с лица земли, как символы большевистского режима, а их население разбросать по бескрайним просторам России. Нацистский режим, проводивший «войну на уничтожение», не собирался использовать недовольство советских граждан существующим коммунистическим режимом, которое сильнее всего проявлялось как раз в сельской местности. Поэтому тевтоны в фильме «Александр Невский», заживо сжигавшие славянских младенцев, воспринимались советским зрителем вполне всерьез, поскольку параллель с действиями немецких оккупантов была очевидна.

В 1941 году Гитлер не намеревался воспользоваться внутренними противоречиями в России, как поступили немцы в 1917 году, сделав ставку на фигуру Ленина, сокрушившего существовавшую тогда государственную систему. Майор Иван Никитьевич Кононов, командир 436-го стрелкового полка Красной Армии, попавший в окружение в районе Вязьмы, сетовал на «панику, царившую в [19-й] армии... солдат приходилось буквально гнать в атаку, прибегая к крайним мерам». Столь же низкого мнения о боевом духе окруженцев был и командующий 19-й армией генерал-лейтенант Лукин. По его мнению, которым он поделился на допросах в немецком плену (генерал Лукин раненым попал в плен), красноармейцы «не проявляли волю к прорыву из окружения, а скорее предпочитали бы плен». Их «постоянно» бросали в бессмысленные атаки, на верную гибель. Часть офицеров высокого ранга и генералов, плененных в тот период, довольно скоро «перековалась». Генерал Лукин считает:

«Крестьянину нужна земля, рабочему — обещанная ему часть промышленного предприятия, на котором он трудится... Если же кругом одна только нищета и террор, то людей, решивших порвать с большевизмом, вполне можно понять»^[57].

Вырисовывалась возможность зажить другой, не угодной Сталину жизнью. И, по мнению генерала Лукина, вполне можно было сражаться против «ненавистной большевистской системы, в то же время оставаясь истинным патриотом России». Однако ничего подобного для простого русского солдата немцами не предусматривалось.

«Мы за последние дни не видели ни одного нашего самолета, — писал

7 октября 1941 года майор Шабалин (50-я советская армия). — И наши города достаются немцам практически без единого выстрела». Вот уже четвертый день его попавшая в окружение часть отступала, отбиваясь от наседавших немцев. Майор был нездоров, погода портилась, зарядили снегопады. «На дорогах было полно брошенных грузовиков» — несомненный признак катастрофы, разгрома советских армий. Один его знакомый из 217-й стрелковой дивизии рассказывал майору Шабалину о том, что потери их части доходили до 75 % личного состава. «Где тыл и где фронт? — недоумевал майор на страницах дневника 11 октября. — Сразу и не поймешь — удавка вокруг армии стягивается все туже и туже». Два дня спустя обстановка стала и вовсе угрожающей.

«Враг сжимает кольцо вокруг нас. Отовсюду слышна артиллерийская стрельба, вой мин, рокот пулеметов — весь день мы балансируем на грани гибели».

Вся жизнь сузилась до сна урывками в кустах, бесконечных блужданий по лесам и перелескам. Люди промокли насквозь и изнемогали от холода. «Я вот не спал с 12 октября, — признается Шабалин, — а газет в глаза не видел со 2-го».

Сражения в кольце окружения превратились в кошмар для солдата Красной Армии. Анатолий Черняев, командир пехотного взвода, говорил: «Самое ужасное, когда немцы посылали разведгруппы в деревни, где мы остановились на ночлег, и забрасывали хаты гранатами». Это, как правило, предшествовало полному разгрому остатков советских частей.

«Потом они, окружив село, атаковали нас, давили танками. Вот это было уже катастрофой, что мы могли сделать против их танков? Разве у нас были противотанковые орудия?»

15 октября майор Шабалин «блуждал по кругу среди убитых и под постоянным огнем противника», а последние дни, согласно записям в его дневнике, прошли в лесах, в составе группы незнакомых ему солдат. Тело погибшего Шабалина обнаружили в один из дождливых дней в какой-то деревеньке юго-западнее Паески. Последняя запись датирована 20 октября. Обнаружившие убитого Шабалина солдаты вермахта решили передать дневник майора в штаб 2-й армии. Каких-либо важных в военном отношении сведений этот дневник не содержал — Шабалин был всего лишь одним из многих тысяч погибших при попытке выйти из окружения.

И все-таки плен был куда хуже поражения. Владимир Петрович Широков своими глазами видел колонну военнопленных, тысяч в 15 человек, которых гнали из Вязьмы в Смоленск.

«Большинство из них едва держались на ногах и шли, опираясь на

палки. Некоторые падали и уже больше не поднимались. Когда кто-то из местных бросал им краюху хлеба, таких охрана могла избить, а то и пристрелить на месте. Обочины дорог покрывали тела погибших, иногда лежавших по несколько дней. Из 15 000 пленных до Смоленска добрались лишь две».

Даже генерал-фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Центр», вынужден был признать, увидев на той же дороге колонны конвоируемых пленных:

«Тяжелое впечатление производят крайне слабо охраняемые колонны в десятки тысяч русских пленных, тянущиеся пешим маршем в направлении Смоленска. Будто живые покойники, бредут эти несчастные, изможденные голодом люди по дорогам. Многие так и гибнут на них, от голода и потери сил».

Русский солдат — подлинная загадка. Несмотря на все невзгоды, порождаемые тоталитарным режимом, он готов был героически защищать этот режим.

Стремительное наступление немцев сметало все на своем пути, вермахт занимал город за городом. 3-я танковая группа продвинулась дальше всех — на целых 400 километров, тогда как 9-я армия на марше одолела всего 220 километров. Александр Игоревич Кристаков мирно жил в деревушке под Вязьмой. У них было небольшое хозяйство — гуси, куры, пара свиней и корова. Затем им приказали перегнать домашнюю скотину в колхоз в Горках. «Немецкие самолеты, — по словам Кристакова, — все время атаковали нас с малых высот». Кристакову удалось уцелеть, и он, вернувшись в родное село в начале октября, пережил страшные дни. «Всех кур и гусей немцы отбирали, чтобы самим сожрать», — рассказывает он. А коровы их семья лишилась на следующий год. На следующий день после того, как советские войска освободили их деревню, Кристаков случайно наступил на мину и в результате взрыва ослеп.

15 октября немцы вышли к Ржеву. «Я тогда потеряла работу», — вспоминает бывшая почтовая служащая, называющая себя Татьяной Григорьевной. Это был для нее тяжкий удар — не на что стало жить. Ее второй муж погиб под Ленинградом. «И вот я застряла здесь с четырьмя детьми на руках, а есть нечего». Осенью 1941 года Татьяне Григорьевне было 33 года. Немецкую оккупацию они пересидели в подвале. А за четыре дня до прихода немцев Ржев бомбили. «Такой ужас! — пишет Нина Семеновна в своем дневнике. — Что же будет дальше?» И ночью уснуть было нельзя. Гестаповцы постоянно стучались, задавали одни и те же вопросы: «Где коммунисты? Где они прячутся?» Один офицер, стоявший на

квартире неподалеку, все время хвастал — мол, Москву и Ленинград давно взяли. «Я ничего ему не отвечала, я ему не поверила». Нина Семеновна так и не дожидая до прихода советских войск, она погибла от голода в оккупации, потому что немцы конфисковали все имевшиеся у нее продукты.

Калинин пал 14 октября 1941 года. Николай Антонович Шушляков рассказывает: «Немцы, когда пришли, разрешили жителям города в течение пяти дней грабить все, что попадется. И вдобавок освободили из тюрем всех уголовников, чтобы и те могли вдоволь поворовать». Две недели спустя Александра Жолова и ее подруга Любовь Карализова пришли в город. «Боже мой, что мы там увидели!» — невольно восклицает она. Женщина хоть и прожила в Калининне всю жизнь, «но не могла узнать родного города». Повсюду были одни развалины, застывшие на рельсах трамваи с выбитыми стеклами, воронки от бомб и снарядов. Электроэнергии в городе не было. Около трамвайного парка они увидели немецкие танки. Солдаты со смехом и шутками разбивали на части статую Ленина на площади. А на пьедестале, где раньше стоял памятник Ленину, красовался огромный флаг со свастикой. Когда на следующий день какой-то молодой человек попытался этот флаг сорвать, его поймали и повесили вниз головой у того же пьедестала. «Двое суток спустя он умер, — продолжает Жолова, — но это лишь укрепило нашу решимость бороться с ними».

С начала октября и в ноябре самолеты люфтваффе постоянно атаковали транспортные узлы, военные и промышленные объекты, расположенные вокруг Москвы. Работница одной из фабрик Наталья Павличева помнит, как почти каждую ночь выла сирена воздушной тревоги. Им приходилось дежурить на крышах.

«И вот группу наших, таких же, как я, девчонок, послали на крыши сбрасывать зажигалки. Мы и сбрасывали их, если они попадали на крышу. Страшно было, конечно, тебе ведь всего 17, но привыкаешь в конце концов».

Рассказывая все это, Анастасия Егорова темпераментно жестикулировала.

«Конечно, нам было страшно. Упадет эта зажигалка, фосфор горит, разбрасывая искры, а тебе тут же надо подбежать, ухватить ее щипцами и бросить вниз. А искры летят во все стороны, обжечься ничего не стоит. Но мы потом пообвыклись, даже руками в перчатках хватили их за корпус и тут же совали в ведро с водой».

С падением Калуги 13 октября и Калинина 14 октября немцы

существенно приблизились к Москве на северном и южном направлениях. Слабая линия обороны от Волоколамска до Малоярославца и Можайска оказалась в нескольких местах прорвана. Но в Москве ни о чем не знали. Актриса Мария Миронова вспоминает, как они «все время слушали радио, подробно обсуждая все новости». Вся жизнь была сосредоточена на этом. «Тревожное это было время, причем для всех, даже для самых знаменитых актеров». Рабочие на заводах спали прямо у станков, отстояв 12-часовой рабочий день. Шестнадцатилетняя Наталья Жирова, изготавливавшая части для снарядов «катюш», вспоминает: «Нам часто казалось, что Москва окружена, и поэтому мы даже не ходили домой после работы».

ЦК партии и Государственный комитет обороны приняли решение об эвакуации части госучреждений, включая дипломатические миссии, в расположенный на Волге Куйбышев, в 850 километрах от Москвы. Операция эта началась в ночь с 15 на 16 октября 1941 года. На железнодорожных вокзалах происходило настоящее столпотворение, нередко людей затаптывали насмерть. В городе началась паника, имелись случаи мародерства. В середине октября 1941 года коммунистический режим находился на грани падения. Представители властей пытались покинуть город, прихватив с собой нажитое, на восточных окраинах Москвы происходили дорожные заторы. Циркулировали слухи, что вопрос о сдаче столицы — дело решенное. Все учреждения и промышленные предприятия столицы не работали. Желаящие во что бы то ни стало покинуть Москву буквально атаковали немногочисленные поезда.

«16 октября был страшный день в Москве, — вспоминает журналист Малюхин, переживший панику на Казанском вокзале столицы. — Составы были сформированы не из обычных пассажирских вагонов, а из товарных и вагонов метро», — вспоминает он. Поезда следовали только в одном направлении — на восток, отправлялись хаотически, следуя вопреки всем мерам безопасности один за одним, чуть ли не вплотную друг к другу, в пределах видимости». Из мавзолея на Красной площади было эвакуировано в безопасное место мумифицированное тело Ленина. Но сам Сталин оставался в Москве. И это сыграло стабилизирующую роль. Гавриил Темкин, участвовавший в рытье противотанковых рвов, рассказывал, что слух о том, что Москву собираются сдать, катастрофически подрывал боевой дух членов их бригады. «Всем вдруг стало все равно», — уточняет он. Какой смысл было тратить силы на возведение оборонительных рубежей? Политрук, попытавшийся было вразумить рабочих, призвать их продолжать работу, понял, что ничего у него не выйдет, и украдкой исчез в неизвестном направлении. Тем

временем значительно похолодало. У Темкина украли нижнее белье, подметка на сапоге отвалилась, и молодой человек вдруг почти физически ощутил, что шансы уцелеть стремительно уменьшаются.

19 октября генерал Жуков объявил в Москве осадное положение^[58]. В городе начали действовать законы военного времени, включая комендантский час и расстрел на месте всех преступных элементов. Прорыв немцами Можайской линии обороны между Калинином и Калугой и, кроме того, в районе Наро-Фоминска создал серьезную угрозу для Москвы. Жуков у стен столицы принимал те же меры, что и раньше под Ленинградом. Он распорядился эшелонировать оборону в глубину, перекрыть все важные подходы к столице. Срочно проводились инженерные работы по возведению дополнительных укреплений и противотанковых заграждений на всех участках вероятного наступления немцев. Для проведения упомянутых работ были мобилизованы 70 000 учащихся московских школ и 30 000 заводских рабочих, вооруженных лопатами и кирками. Вера Евсикова вспоминает:

«Эти противотанковые рвы были огромные — 8 метров шириной и 10 м глубиной. Рыли их в основном женщины, очень это была тяжелая работа. Приходилось разжигать костры, чтобы хоть как-то отогреть скованную морозом землю и уже после копать. Промерзал только верхний, довольно тонкий слой земли, потом рыть было легче».

За три недели жители Москвы вырыли 360 километров противотанковых рвов и установили тысячи противотанковых заграждений — «ежей», протянули 660 километров колючей проволоки. Гавриил Темкин помнит атмосферу всеобщей тревоги и неуверенности, царившую в рабочем батальоне. «Все с растущим страхом вслушивались в сводки Совинформбюро, сообщавшие об оставленных Красной Армией советских городах. Немцы все ближе подбирались к Москве».

На всех подходах к столице готовили к подрыву мосты, минировали речные берега и каналы, всюду насыпались высокие валы, непроходимые для танков и бронетранспортеров.

Работы по возведению заградительных сооружений, хоть и проводились в тылу, становились небезопасными. 25-летняя ткачиха Ольга Шапошникова, направленная на рытье траншей вместе с остальными работницами фабрики, вспоминает, как их группу обстрелял с бредущего полета немецкий истребитель. «Одиннадцать наших девушек погибли, и четверо получили ранения», — рассказывает она.

Близость немцев ощущалась остро. «Те ночи в Москве были очень тревожными, — вспоминает Елена Шахова. — Было отчетливо слышно,

как совсем неподалеку бьют орудия».

«Холод был страшный, жуткий мороз, но нас все равно отправляли рыть окопы. Что поделаешь — надо, и мы рыли и рыли».

Немецкие самолеты сбрасывали листовки «Сдавайтесь — Москве конец!» «Но мы не верили ни единому слову».

Никаких видимых признаков того, что Москву готовились сдать врагу, не было. Эвакуация наиболее важных учреждений — министерств и ведомств — в Куйбышев и хозяйственных объектов на Урал продолжалась, но эти меры носили скорее превентивный характер. К середине октября в восточные районы страны было эвакуировано 498 промышленных предприятий, для чего потребовалась 71 000 товарных вагонов. Сталин собирался сражаться до конца, и это подтверждают высказывания советского дипломата Валентина Бережкова, которому впоследствии стало известно, что все мосты и многие основные здания Москвы были подготовлены к подрыву при помощи заложенных в них мин замедленного действия. «Если бы немцы все же заняли Москву, их там ждала масса сюрпризов», — подтверждает Бережков. Такая методика была опробована на практике в Киеве и Харькове — не один немец нашел смерть под обломками взорванных зданий. «Устройства срабатывали через несколько дней после того, как немцы успевали разместить в них важные учреждения — штабы и т. п.», — продолжает Бережков.

Коммунисты формировали из рабочих заводов батальоны народного ополчения. Так в считанные дни удалось создать 25 рот и батальонов общей численностью в 25 тысяч человек, большинство из которых составляли комсомольцы. Еще 100 тысяч рабочих занимались военной подготовкой в свободное от работы время, 17 тысяч женщин и девушек готовились стать медсестрами. Журналист Малюхин вспоминает колонну грузовиков, в которых на запад направлялись добровольцы, а на восток — желавшие покинуть Москву. Еще 40 тысяч составили сформированные из работников милиции части. К концу октября на участки под Волоколамск, Нару, Алексин и к Оке было направлено 13 стрелковых дивизий и 5 танковых бригад. К середине ноября по распоряжению Ставки на фронт было послано 100 000 человек личного состава, 300 танков, 2000 артиллерийских и противотанковых орудий. Перечисленные силы занимали оборону на наиболее угрожаемых участках фронта.

Бездорожье, слякоть и упорное сопротивление Красной Армии задержали немецкое наступление вдоль линии Калинин — Волоколамск — Дорохово — Наро-Фоминск — Алексин и на южных подступах к Туле. Армейской группе «Центр» удалось вклиниться на своем участке на 230—

260 километров в оборону противника. Отдельные части немцев находились в 120–140 километрах от столицы. Группа армий «Север» продолжала удерживать в тисках блокады Ленинград, а на юге группа армий фельдмаршала фон Рундштедта успешно продолжала наступление на Азов и Ростов-на-Дону. Севастополь оборонялся, однако сам Крымский полуостров оказался под угрозой. Ночные заморозки, сменявшиеся днем оттепелями, на три недели парализовали фронт. В ходе этой паузы русские успели подтянуть резервы и стабилизировать оборону на наиболее опасных участках.

1 ноября генерала Жукова вызвали в Ставку Верховного командования. Сталин выслушал его доклад о положении на фронте, задал ряд вопросов, в частности и о том, есть ли возможность провести 7 ноября на Красной площади парад по случаю очередной годовщины Советской власти. Проведение такого парада послужило бы неоспоримым свидетельством жизнеспособности коммунистического режима, доказало бы мировой общественности, что Советский Союз полон сил для сокрушения врага. Сталин уже консультировался с командующим Московским военным округом генералом Артемьевым. Алексей Рыбин, также из штаба Московского военного округа, вспоминал, как опасался Артемьев воздушного налета люфтваффе в день 7 ноября. «Ни одного самолета нельзя допустить в этот день в небо Москвы!» — предупредил Сталин. В принципе подобную опасность все же исключать было нельзя. Жуков, который согласился с мнением Сталина, также считал, что хотя никаких масштабных наступательных операций на земле немцы не планируют, люфтваффе может попытаться атаковать столицу. И чтобы исключить всякие неожиданности, с близлежащих участков фронта были сняты несколько дополнительных эскадрилий.

В военное время в России с большим нетерпением ожидали от верховной власти всякого рода публичных заявлений. Примером этого были, конечно же, выступления Сталина. Речь вождя на Красной площади по случаю военного парада, когда враг в буквальном смысле стоял у ворот Москвы, сыграла важную идеологическую роль и внутри страны, и в мире. Курсант артиллерийского училища Марк Иванихин, участвовавший в параде на Красной площади 7 ноября 1941 года, вспоминает:

«Хотя стоял ноябрь, но уже было по-зимнему холодно и мрачно. Я шел на правом фланге в пятой шеренге, повернув голову направо. Увидев Сталина, я удивился, какой он низкорослый в своей шапке с опущенными ушами. Он совсем не походил на того, которого изображали на плакатах».

Сталин, уловив веяние времени, в своей речи, произнесенной с

трибуны Мавзолея, быстро перешел от слов о пролетарском интернационализме к национальным чувствам, что пришлось по душе и армии, и рабочим. Он вспоминал о нашествиях прошлых лет, о татаро-монголах, Наполеоне и поляках, он играл на оскорбленном чувстве национального достоинства русских людей. И не преминул напомнить, что немцы за четыре месяца этой войны потеряли четыре с половиной миллиона человек.

«Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть годик, и гитлеровская Германия должна развалиться под тяжестью своих преступлений».

Иванихин, переступая с ноги на ногу на морозе и слушая речь Сталина, не подпал под чары диктатора. «В глубине души я сомневался, что через полгода-год все завершится». Все говорило о том, что война эта будет очень долгой и кровопролитной. Актриса Мария Миронова, жительница Москвы, рассказывает, что «все с большим вниманием слушали выступление Сталина по радио, он вообще редко выступал, а если выступал, то особым многословием не отличался». Все слушали, пытаясь отыскать крупинцы истины в сказанном им. Как ни тщи́лась сталинская пропаганда, народ видел сквозь ее завесу. Как и многих солдат, как курсанта-артиллериста Иванихина, и Марию Миронову грызли сомнения.

«Мы все знали, что потеряли много территории. И что бы там ни говорил Сталин, немцы продолжали наступать»^[59].

В тот же день почти на всем центральном участке Западного фронта снегопад сменился дождем. Все дороги, за исключением тех, что располагались гораздо севернее, на участке немецкой 9-й армии, стали непроезжими. Вечером 10 ноября вновь выпал снег и чуть подморозило, но и это мало что изменило. Положение чуть-чуть исправилось на следующий день, а день 12 ноября выдался ясным и морозным. Дневник ОКВ утверждает: «12 ноября. Мороз, солнце, дороги затвердели, хотя все они в заполненных водой воронках». Температура в тот день упала до 15 градусов мороза, а сутки спустя — до минус 22 градусов. «Дороги затвердели окончательно, на всей территории фронта морозно», — свидетельствовал военный дневник группы армий «Центр». Немцы могли начинать наступление^[60].

Генерал Гальдер, начальник Генерального штаба вермахта, прибыл в Оршу, где 13 ноября состоялось совещание с командующими и начальниками штабов группы армий «Центр».

Между ОКВ и армейскими фронтовыми штабами возникли разногласия по поводу дальнейшего хода кампании в России. Три командующих танковыми группами — Гудериан, Гот и Гёпнер — сомневались, смогут ли они довести свои бронированные клинья до конечной цели. Между тыловым и фронтовым генералитетом пролегла пропасть непонимания.

Фельдмаршала фон Бока беспокоили донесения его подчиненных — командующих армиями. Хотя 95-я пехотная дивизия, входившая в состав 2-й армии, и сумела достичь Курска к концу октября, части ее по-прежнему оставались в Киеве, будучи оторванными от основных сил на 500 километров. Гитлер задавал массу вопросов о ходе наступления 4-й армии. «Фюрер имеет точное представление об обстановке на фронтах и в особенности о крайне неблагоприятных погодных и дорожных условиях на участке 4-й армии. Письменным донесениям он, судя по всему, не верит, что неудивительно — кто своими глазами не видел этой ужасающей грязи, ни за что не поверит в ее существование», — не скрывал иронии фон Бок.

В Орше начальники штабов всех трех групп армий — генерал-майор Зоденштерн (группа армий «Юг»), Бреннеке (группа армий «Север») и фон Грейфенберг (группа армий «Центр») должны были высказать мнение о целесообразности и возможности наступления согласно первоначальному плану. Стоит ли войскам Восточного фронта предпринять еще один решающий рывок или же необходимо располагаться на зимние квартиры, а наступление продолжить весной? Группы армий «Север» и «Юг» страшно растянули коммуникации, им требовалась передышка. Начальник штаба группы армий «Центр» генерал-майор фон Грейфенберг считал, что «следует принимать во внимание и возможность неудачи». Но, утверждал он, «будет куда хуже, если придется просто зарыться в снег и замерзнуть в каких-то 50 километрах от столь желанной цели». Именно такого мнения ждали от генералов и Гитлер, и Гальдер. В конце концов было решено продолжить наступление.

Решение фон Бока основывалось на вере, что «враг находится на излете своих боевых ресурсов», пусть даже он «не утратил решимости». Фон Бока подогревала убежденность, что «враг не располагает необходимой глубиной обороны и находится в куда худшем положении, чем мы». Да, советские подкрепления прибыли на фронт, но их появление немецкое командование расценило как «акт чистейшего отчаяния». К тому

же речь, по его мнению, шла, главным образом, о батальонах, наспех сколоченных из числа рабочих московских предприятий, — о какой их боеспособности можно говорить?

Решение о продолжении наступления в начале ноября принималось на фоне болезненного осознания того факта, что сил для операций подобного масштаба явно недостаточно. В немецких пехотных дивизиях оставалось до двух третей от первоначальной численности. В артиллерии, правда, дела обстояли чуть лучше.

Однако, несмотря на нехватку личного состава и техники, риск все же представлялся оправданным в силу бытовавшей тогда точки зрения, что, дескать, у русских дела обстояли куда хуже.

Численность советских войск на декабрь месяц оценивалась немцами как 200 стрелковых и 35 кавалерийских дивизий, 40 танковых бригад. Можно было ожидать прибытия на фронт еще 63 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий и, возможно, 11 танковых бригад, которые срочно перебрасывались из глубокого тыла Советского Союза. Подобные выкладки не уstraшили немецких штабистов. «Боеспособность большинства русских частей на данный момент крайне низка», — громогласно утверждали в ОКВ, и к тому же они «слабы в том, что касается тяжелых вооружений и артиллерии». И что самое поразительное, никто не задавался вопросом, откуда же берутся те самые «неизвестные до сих пор части и соединения», продолжающие регулярно прибывать под Москву. Немецкое командование предпочло сделать вывод, что у русских «нет в резерве достаточного количества сил». В принципе не исключалась переброска войск к Москве из районов глубокого тыла, однако считалось, что «в обозримом будущем они не прибудут».

Истинные масштабы урона, понесенного Советской армией с начала войны, немцы хоть и подсчитали, но оценили они их неверно. К тому же потери Советов были, действительно, колоссальными со всех точек зрения. Красная Армия, имевшая перед войной 3,3 млн человек в западных округах, в период с июня по конец сентября понесла «невосполнимые потери» в размере 2,1 млн человек, не считая 676 694 больных и раненых.

И все же какими бы колоссальными ни оказались жертвы, понесенные советскими людьми, Сталин и коммунистический режим не собирались идти на мир с немцами. После войны в Германии много рассуждали о «непредсказуемости» советских методов руководства боевыми действиями. Так, например, генерал танковых войск Герман Бальк в послевоенные годы писал:

«Русские абсолютно непредсказуемый народ, человеку западному

крайне трудно понять их образ мышления. Они весьма напоминают стадных животных, стоит только где-нибудь в таком стаде возникнуть очагу паники, как она мгновенно перекидывается на его оставшуюся часть, что приводит к хаосу. Но что именно способно посеять эту панику, неизвестно».

Пресловутая «неизвестность» и стала камнем преткновения для мыслящих рациональными категориями немцев. Благополучно оправившись от шока первых дней и недель, положившись на необъятные просторы и колоссальные людские ресурсы, русские сумели выиграть время и даже развить тактику, позволившую в будущем избежать значительных потерь. Короче говоря, войскам вермахта на Восточном фронте для победы следовало послать русских в нокаут. А Красной Армии для победы требовалось всего лишь удержаться. Русские обладали воистину сверхъестественной способностью сводить на нет последствия поражений.

Генерал Бальк, взиравший с определенной долей обеспокоенности на стремительное уменьшение численности и боевой мощи немецких войск, считал тогда, что «если мы начнем наступление на Москву, то, согласно общему мнению, включая и меня, с взятием Москвы война завершится». Такова была логика немецких генштабистов, обосновывавших необходимость последнего и завершающего удара. Однако фронтовые солдаты, ежедневно и ежечасно сталкивавшиеся с ожесточенным сопротивлением русских, придерживались в корне иного мнения. «Если же рассматривать проблему с позиции дня сегодняшнего, — рассуждал Бальк, — теперь становится понятным, что речь шла всего лишь о переходе войны в иную фазу».

Фронтовые солдаты и офицеры, и не только они, но и фронтовое командование по-иному рассматривали войска Восточного фронта, нежели представители ОКВ в Берлине, оперировавшие исключительно голыми цифрами. И, как следствие, возникали разногласия относительно постановки целей. 2-й танковой армии, например, дислоцированной в Горках, в 500 километрах от Москвы, советская столица называлась в качестве главной цели. Начальник штаба 2-й танковой армии подполковник фон Либенштейн с горечью констатировал: «Сейчас не май месяц, и мы воюем не во Франции». Он считал возможным наступать на Венёв (так в тексте. — *Прим. перев.*), расположенный в 50 километрах северо-западнее Тулы, считая этот населенный пункт пределом возможностей для армии. Фон Бок считал, что «наступление не может претендовать на то, чтобы стать шедевром оперативного искусства, поскольку передислокация сил в

полном объеме была невозможна и не будет возможна в ближайшее время из-за снега. Таким образом, речь может идти лишь о нанесении удара сосредоточенными силами на наиболее выгодных для нас в тактическом отношении участках». Одним словом, командование, непосредственно участвовавшее в проведении боевых операций, все больше склонялось к мысли, что максимум, чего можно добиться, это создать условия для будущего окружения советской столицы. «В качестве промежуточной цели можно назвать выход к Москве и каналу Москва — Волга и овладение переходами через этот канал, — утверждал фон Бок, предостерегая, что физическое и моральное состояние войск, участвующих в наступлении, позволит лишь выход к упомянутой линии».

Предстояло преодолеть очень многие крайне негативные факторы. Планирование принимало форму импровизации. Что касалось фон Бока, он вполне отдавал себе отчет о складывающейся обстановке:

«Таким образом, речь может идти лишь о нанесении удара сосредоточенными силами на наиболее выгодных для нас в тактическом отношении участках. Я не могу настаивать на дальнейшем беспричинном затягивании начала наступления, поскольку опасаясь, что погода в конце концов перечеркнет все наши замыслы. Обильные снегопады исключают всякую возможность переброски сил».

Гитлер и Гальдер могли считать свой замысел удавшимся — стремительное продвижение вперед, на Москву в надежде, что красной столицей все же удастся овладеть. Гальдер вынужден был признать на страницах своего дневника, что «оперативных «трюков» больше делать нельзя. Перегруппировка войск невозможна. Нужны лишь целеустремленные тактические действия, сообразующиеся с обстановкой». Генерал-майор фон Грейфенберг, вернувшись из Орши, не без горечи доложил фон Боку, что «из всех первоначальных задач, поставленных группе армий, остается лишь одна — делать все, что возможно».

Нехватка всего самого основного, ощущавшаяся еще в конце сентября перед началом операции «Тайфун», оказалась куда более значительной. Войска Восточного фронта перешли в наступление, несмотря на серьезные перебои в войсковом снабжении, надеясь разгромить последние, как это казалось немцам, силы русских, сосредоточенные на подступах к Москве. И упомянутые перебои в войсковом снабжении и задержки с прибытием свежих сил превратили последнюю попытку нанесения решающего удара по столице большевистского режима в серию заурядных набегов. Уже получившие смертельную рану войска вермахта на Восточном фронте были на излете сил. 2-я танковая армия докладывала 17 ноября:

«Армия находилась в весьма благоприятных для атаки условиях, если исходить из численности противника и овладения ключевыми линиями коммуникаций и территорией. Однако она не смогла этими преимуществами воспользоваться вследствие постоянных перебоев с войсковым подвозом. Ответственные лица в армейских штабах оказались не в состоянии организовать бесперебойную доставку топлива. Сложившееся на сегодняшний день положение с топливом таково, что участвующие в наступлении танковые дивизии располагают запасом горючего на 60–90 километров марша... Аналогичным образом обстоит дело и в моторизованных дивизиях, не получивших необходимого количества горючего и поэтому вынужденных в течение нескольких дней дожидаться его подвоза в бездействии».

Тысячекилометровый отрезок пути до рейха обеспечивался лишь двумя главными железнодорожными линиями (Варшава — Минск — Смоленск и Брест — Гомель — Брянск). Причем партизаны очень часто устраивали на обеих диверсии и выводили их из строя. Развоз от железнодорожных станций осуществлялся автотранспортом. Грузовики вследствие вызванного осенней распутицей бездорожья в течение трех недель не могли добраться до пунктов назначения, кроме того, значительная часть автомобилей имела серьезные неисправности. К середине ноября у немцев на Восточном фронте вышло из строя около 50 % парка грузового автотранспорта. Так, 4-я армия располагала всего лишь одной восьмой от первоначальной численности парка грузовиков. 4-я танковая группа, переброшенная из-под Ленинграда на центральный участок фронта, к началу октября, накануне начала операции «Тайфун», имела лишь половину необходимых транспортных средств. Многие грузовики выходили из строя вследствие морозов и отсутствия полагавшегося антифриза. В полную негодность вследствие неблагоприятных погодных условий пришло и твердое покрытие магистрали Москва — Минск на участке от Смоленска до Вязьмы. Рядовой артиллерии Франц Фриш из 4-й танковой группы вспоминал:

«Мы начали наше наступление на Москву на сплошь неисправной технике. 30 % рессор грузовиков ломались, не выдерживая морозов. В сложившейся ситуации даже офицеры ставили под сомнение возможность дальнейшего продвижения вперед. «Какой идиотизм начинать наступление, если твоя техника никуда не годна, когда грузовики, на которых подвозят боеприпасы, оказываются без рессор?»

Но никто не подвергал сомнению решимость Гитлера. Как говорил сам Фриш: «Как мы ни бесились, все равно исправно вопили «Хайль Гитлер!»

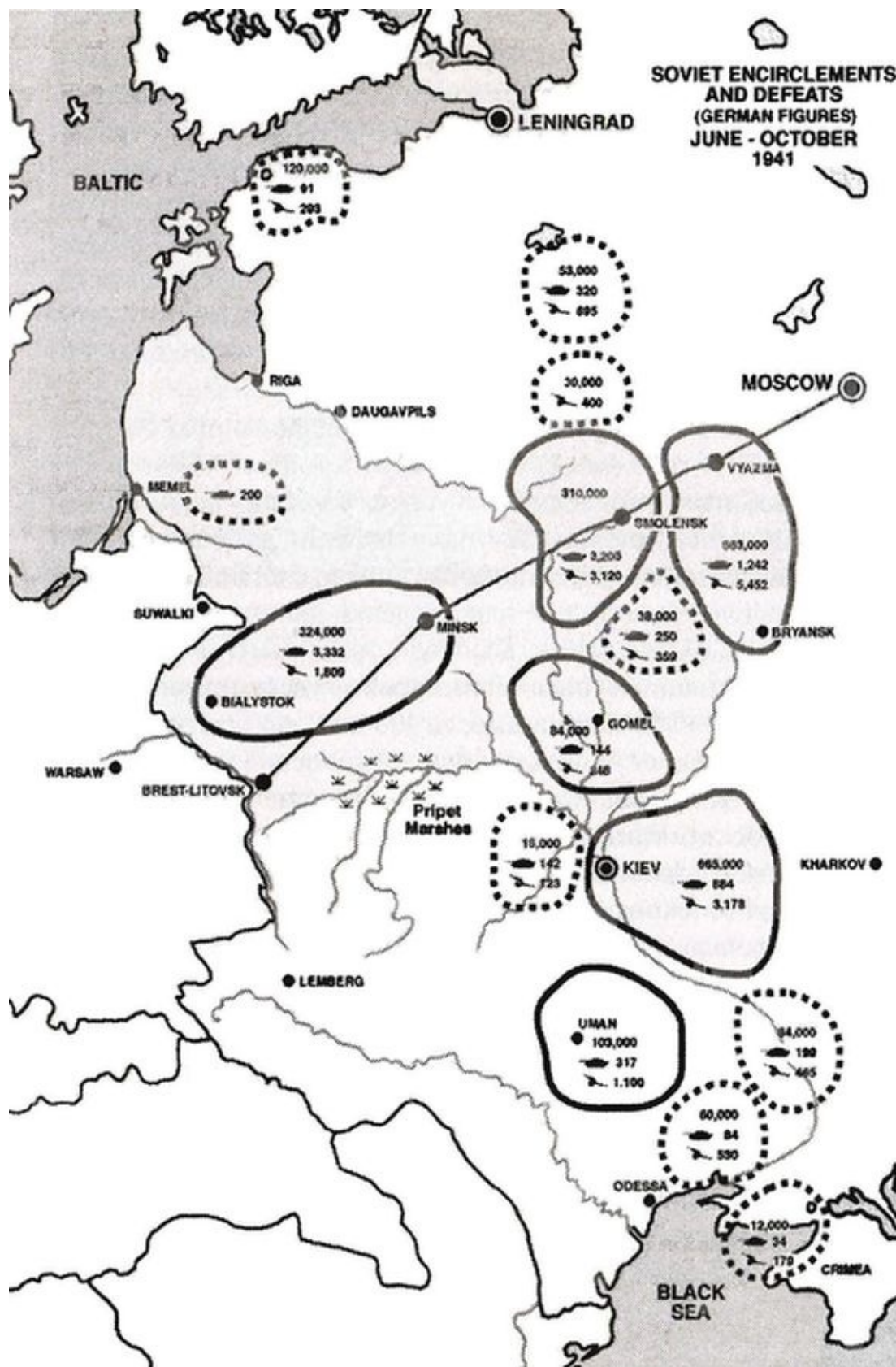
Жизненно необходимое для всякого наступления обеспечение войск по железной дороге агонизировало с началом зимних холодов. С 23 октября по 13 ноября 9-я армия получила лишь четыре наливных состава, а 2-я армия — лишь один из трех полагавшихся ей к концу октября. С понижением температуры до минус двузначных чисел немецкие паровозы становились непригодными для эксплуатации: их трубопроводы для подачи воды располагались — в отличие от аналогичных русских моделей — снаружи и, не выдерживая низких температур, ломались. Это приводило к задержкам с отправкой важнейших грузов со всеми вытекающими последствиями. С 12 ноября по 2 декабря ни один транспортный состав не прибыл к месту назначения, а с 9 по 23 ноября до расположения 9-й армии добрался лишь один состав с горючим. Более того, когда упомянутый состав прибыл на станцию назначения, развезти бензин оказалось тоже не на чем — сами бензовозы стояли с пустыми баками. И все же, вопреки всем трудностям, кое-как удавалось снабжать моторизованные части минимальным количеством топлива. 11 ноября фон Бок досадовал, что число составов сократилось до 23 в сутки, и это не позволяет «завершить до 11 декабря снабжение фронта даже для наступления с ограниченными целями...» «Если бы число составов оставалось в пределах 30 в сутки, то можно было успеть доставить хотя бы самое необходимое — даже с учетом самой неблагоприятной погоды — к 18-му числу текущего месяца». Но к концу ноября в распоряжение группы армий «Центр» приходило лишь 16 составов в день.

На совещании в Орше майор Отто фон Экштайн, офицер штаба, ответственный за снабжение группы армий «Центр», представил весьма пессимистичную картину. Фон Бок предпочел воздержаться от высказываний на эту болезненную тему, — наступление даже с призрачными шансами овладеть Москвой выглядело куда заманчивее, нежели переход к обороне в снегах в двух шагах от советской столицы. По иронии судьбы задержкам с прибытием наливных составов способствовало и «решение еврейского вопроса». Фон Бок 12 ноября 1941 года: «В устной форме мне докладывают, что необходимый для подготовки к наступлению минимум железнодорожных составов будет впредь гарантирован группе армий. Но почти одновременно поступает донесение, что в тыл группы армий намереваются перебросить по железной дороге евреев, на что также потребуется не один состав! Велю передать Гальдеру, что не пожалею средств, чтобы воспрепятствовать этому — ведь это неизбежно повлечет за собой сокращение составов для подготовки нашего наступления».

Операция «Тайфун» вступила в завершающую фазу 16 ноября 1941

года, когда войска группы армий «Центр» сумели добиться неожиданного успеха на обоих флангах. 3-я и 4-я танковые группы наступали на Клин, расположенный севернее Москвы, а 2-я танковая армия, с юга обойдя Тулу, где просидела вот уже не одну неделю, двинулась в северо-восточном направлении. Как раз в тот момент, когда сильно поредевшая танковая группировка Гудериана (насчитывавшая всего 150 машин вместо 400 на конец сентября) устремилась вперед, советские войска нанесли удар по левому флангу 4-й армии. Вскоре немцы сделали попытку окружить Москву. Единственной преградой на пути у них оставалась последняя Можайская линия обороны, протянувшаяся от Московского водохранилища на севере до Оки на юге. Сначала русские отступили на широком фронте. Однако яростные контратаки Красной Армии все же вынудили части немецкой 4-й армии перейти к обороне, образовав «мешок» между двумя танковыми группировками. Давление на фланги соответственно увеличилось по мере их продвижения.

В своем дневнике генерал Гальдер расценил день 19 ноября, как «в общем снова благоприятный», а следующий день, по его словам, характеризовался «вселяющими оптимизм успехами»^[61].

Гитлер на выставке зимнего снаряжения для вермахта. О чем думает фюрер? О том, что он еще в августе предполагал достичь линии Архангельск — Астрахань, или о том, что вся эта показуха вряд ли успеет попасть в войска...

Донесения о плачевном положении немецких войск всерьез не воспринимались. Но безудержный оптимизм Гальдера в очередной раз подвергся испытанию сообщениями с Восточного фронта. «Во второй половине дня Гудериан доложил по телефону, что его войска выдохлись», — гласит запись Гудериана от 21 ноября 1941 года, однако, видя перед собой главную стратегическую цель кампании, начальник ОКВ не поддается искусу пораженчества.

«2-я танковая армия действительно ведет тяжелые бои на широком фронте, однако, в конечном итоге, эти бои проходят успешно, и наши войска повсюду теснят противника. Можно надеяться, что 2-я танковая армия, несмотря на прибытие к противнику подкреплений (свежие сибирские дивизии) у все же сможет успешно завершить бои».

На северном фланге наступления русские пытались воздвигнуть линию сплошной обороны вдоль канала Москва — Волга и Московского водохранилища. Но 23 ноября части 3-й танковой группы захватили Клин, а 4-я танковая группа вошла в Солнечногорск. Русские под ее натиском, как в добрые времена летнего блицкрига, начали отход. Оказывавшая поддержку 4-й танковой группе 9-я армия вышла на берег канала, а 3-я танковая группа вышла к каналу южнее Дмитрова.

Как это часто бывает, реальный ход наступления не совсем совпадал со стрелами на оперативных картах штаба генерала Гальдера. Один из

командиров полка 98-й пехотной дивизии, действовавшей в составе 4-й танковой группы Гёпнера, направил своему командиру дивизии генералу Шрёку конфиденциальное послание, в котором звучала тревога. «Без целенаправленной замены выбывших офицеров, унтер-офицеров и специалистов по вопросам вооружений, — говорилось в нем, — без реорганизации и поставок обмундирования, средств технического оснащения, вооружений, транспортных средств и лошадей, без принятия срочных мер по восстановлению численности войск их боеспособность будет крайне низка». Командир батальона из той же дивизии задавался вопросом: «Неужели и в других подразделениях дела обстоят подобным образом? Но мы все равно верим в лучшее!» Ротный фельдфебель Шифф из пехотного полка 2 ноября описал обстановку так, как ее видели солдаты в окопах:

«Успевшие отрасти бороды придают всем нам сходство с подводниками, руки наши покрыты коркой грязи. Когда же мы в последний раз стирали обмундирование? Когда мылись сами? Похоже, не один месяц успел миновать. Тело одеревенело от постоянного лежания скрючившись в траншеях и окопах. Ни рук, ни ног не чувствуешь от холода! Зато чувствуешь, как тебя поедают вши. А где наши добрые товарищи, сражавшиеся плечом к плечу с нами?»

И на самом деле — где? С начала кампании полк потерял 50 офицеров и 1673 унтер-офицеров и солдат — две трети офицерского и свыше половины рядового состава. В общей сложности 98-я пехотная дивизия потеряла 5881 человека, треть штатного состава, а фактически более половины.

Не было фронтовой части, где не ощущались бы последствия одержанных такой ценой побед. Одна только операция «Тайфун» обошлась группе армий «Центр» в 114 865 убитых. Это означало гибель еще 6,8 дивизии. Серьезность 460 потерь наглядно иллюстрируется и тем, что в резерве группы оставалась одна-единственная дивизия. Потери офицеров в октябре составили 3606 человек, то есть равнялись офицерскому корпусу семи дивизий; примерно на столько же дивизий хватило бы и 22 973 погибших унтер-офицеров.

Приведенные цифры потерь серьезно подрывали боеспособность фронтовых частей и соединений. Ведь согласно штатам военного времени немецкая пехотная дивизия насчитывала 16 840 человек, и только 64 % ее численности, или 10 840 человек, составляли собственно «бойцы». Остальные 36 % приходились на долю тыловых и разного рода вспомогательных подразделений. Этим и объясняется малочисленность

пехотных рот, непосредственно участвовавших в боях. Боевой дух и стремление уцелеть способствовали тому, что основательно поредевшие подразделения выживали. Один обер-фельдфебель из пехотного полка 260-й дивизии заметил, что «у нас в роте 49 убитых и 91 раненый», а рота первоначально имела 176 человек. Лишь 36 человек из числа начинавших эту кампанию оставались в живых. Тем не менее тот же обер-фельдфебель заявлял: «Мы не унываем, даже если дела идут неважнецки». Их подразделение смогло подойти на 80 километров к Москве, и бойцы его верили, что разобьют русских.

Положение в танковых полках было еще серьезнее. Накануне вступления операции «Тайфун» во вторую фазу на дивизию приходилось 50–70 танков вместо полагавшихся 180–200 (вместе с бронетранспортерами — 350). Гельмут фон Харнак, танкист, писал домой в конце октября:

«Последние месяцы не прошли даром для старослужащих танкистов. Многие из них погибли в своих танках».

2-я танковая армия потеряла с 16 октября по 23 ноября 210 машин. В 3-й танковой группе к 23 ноября оставалось всего 77 машин. И потери самых передовых ударных группировок были куда тяжелее, ибо в танковых войсках половина личного состава приходилась на экипажи, то есть непосредственно на боевые подразделения. Однако истинные потери немцам еще только предстояли, и они будут куда более страшными, поскольку их понесут не только передовые, но и тыловые и вспомогательные части и подразделения.

Лейтенант артиллерии Хуберт Бекер, возвращаясь из отпуска, весьма живо описал контрасты между тылом и фронтом.

«Один из редких поездов, отправлявшихся из Берлина на Восток, был полон военных с вещмешками, в опрятном обмундировании, без вшей. Они возвращались на фронт. У всех в глазах читалась тоска. Купе вагонов были забиты до отказа так, что негде протиснуться. Но, невзирая на это, все мы пребывали в хорошем настроении, шутили.

Так прошло трое суток, потом четверо, пятеро...

По мере того, как наш эшелон углублялся на Восток, пустели вагоны... Когда мы доехали до конечной станции, в 40 километрах от линии фронта, в купе уже не оставалось никого. Сидишь в полном одиночестве и спрашиваешь себя: «Кто же все-таки сражается на этой войне?»

Наступательная мощь пехотных и танковых дивизий вермахта снизилась, и теперь их впору было использовать только в местных, беспокоящих противника операциях. Соотношение людей в тылу и на

передовой непропорционально изменилось в пользу тыла. Напрашивался способ уравновесить диспропорцию, направив тыловиков тех на передовую. Но, как правило, это имело катастрофические результаты. Генерал фон Меллентин после войны писал, что всегда были и остаются различия между офицером-пехотинцем и офицером-танкистом. То же самое можно сказать и о простых солдатах. Один танкист признавался:

«Нехватка танков стала бедствием. В дивизии решили сформировать так называемый «батальон из танкистов» из тех, кто лишился машин. В этом батальоне таких набралось четыре роты. Все они не имели тяжелых вооружений. Большинство из 21-го танкового полка питали надежды на длительный период отдыха на каком-нибудь полигоне в Германии, после чего их посадят на танк потяжелее, например, на Т-III. Но эти планы вскоре рассыпались в прах».

Несмотря на чудеса героизма, проявляемые танкистами в роли бойцов пехоты, «им недоставало боевой выучки пехотинцев». К началу января 1942 года из 160 солдат такой танково-пехотной роты, сформированной в ноябре, в живых осталось всего 18 человек. Они быстро поняли, что сражаться в пехоте одно, а на танках — другое. Сидеть в танке и рыть в мерзлой земле окопы — не одно и то же. 70 % потерь личного состава упомянутых подразделений приходилось на обморожения. Генерал Бальк признавал:

«Потери в танковых частях были сравнительно небольшими. Но когда экипаж оказывался без танка, мы обычно вынуждены были использовать его членов как пехотинцев. Вот тут и начинались действительно потери, поскольку у этих людей отсутствовали навыки бойца-пехотинца».

Так что изыскание резервов среди тыловых служащих не могло служить настоящим выходом из положения, аргументировал Бальк: «Приходилось сохранять дивизионную структуру, чтобы не утратить контроль за подразделениями». По мере углубления кризиса в качестве пехотинцев использовали и персонал люфтваффе — зенитчиков, связистов и других. Даже «безлошадные» пилоты отправлялись на передовую по приказу генерал-лейтенанта барона фон Рихтгофена, командующего 8-м воздушным корпусом. Его дневниковая запись свидетельствует о полном непонимании проблем, вызванных его распоряжением. «Людям понравится лицом к лицу сразиться с врагом», — писал Рихтгофен. Сражаться «лицом к лицу с врагом» было не просто даже для опытных и обстрелянных пехотинцев, не то, что для абсолютных профанов, какими являлись представители наземных служб люфтваффе.

Драконовские приказы серьезно подорвали инфраструктуру отдельных

дивизий, еще более снизив их боеспособность. «Куда бы вы ни послали этих людей, — писал генерал Бальк, — потери среди них будут колоссальными — у них нет необходимой боевой выучки».

По мере того, как к середине ноября наступление набирало обороты, фронтовому солдату пришлось столкнуться с еще одним и ничуть не менее опасным врагом — русскими морозами. Один командир танка из 4-й танковой группы Гёпнера заявлял откровенно:

«Моя ударная группа состояла из двух средних машин Т-III, трех легких Т-II, кроме этого, в поддержку были приданы 40–50 автоматчиков и расчет 88-мм орудия. Мы все устали как собаки. Молодые солдаты проваливались в сон при первой же возможности. Неделями мы почти не выбирались из своих танков. Все внутри покрывалось инеем от пара нашего дыхания. А мороз доходил до 40 градусов. Замерзал даже провиант. По ночам приходилось каждые два часа запускать двигатели машин, чтобы не заморозить их».

Снег, лед и мороз в корне изменили условия ведения боевых действий на Восточном фронте. И немцам, и русским приходилось иметь дело с морозом, но для вермахта мороз был делом непривычным. С наступлением холодов интенсивность боевых действий, а вместе с ней и потери существенно снизились. Это объяснялось прежде всего трудностями ведения боев в подобных условиях. К тому же и немцы, и русские были измотаны в предшествующих боях. Немецкие войска оказались полностью не подготовленными к проведению зимних операций. Ни о каких фланговых ударах в таких условиях думать не приходилось. К тому же русские были более привычны к подобным климатическим условиям, поскольку родились и выросли в них. Тактическое превосходство немцев более не срабатывало в условиях единоборства с русскими тяжелыми танками. Замена опытных офицеров и унтер-офицеров вследствие потерь серьезно осложняла управление войсками, перекладывая бремя принятия сложных решений на плечи немногих остававшихся в живых опытных офицеров.

К концу октября фон Бок сетовал по поводу серьезных потерь офицерского состава вверенной ему группы армий. «Наши потери стали действительно ощутимыми. По всей группе армий более 20 батальонов находятся под командованием обер-лейтенантов», — писал он 30 октября 1941 года. Обычно батальонами командовали майоры и даже подполковники, теперь же им на смену приходили гауптманы и обер-лейтенанты, которым по должности полагались взводы. Спору нет, они обладали определенным боевым опытом, но прежде им приходилось

командовать от силы двумя десятками человек, а не сотнями. К тому же воевать приходилось в тесном взаимодействии с танковыми частями, артиллерией и авиацией, а эти задачи были не из простых. 16 ноября фон Бок проинформировал командующих армиями о том, что у него в резерве осталась всего одна дивизия.

«По армиям разслана телетайпограмма, в которой указывается, что группа армий в качестве резерва располагает одной-единственной дивизией, так что всем придется рассчитывать исключительно на свои силы. Указываю далее на необходимость сосредоточения имеющихся сил и недопущения беспорядка при вводе в бой частей и подразделений — как это происходит в 4-й армии, что, впрочем, может быть отчасти оправдано невероятно тяжелыми условиями, в которых приходится ей воевать».

Оттепели сменялись заморозками. Техника за считанные часы вмерзала в грязь

Как видно, условия, когда с успехом можно было действовать, рассчитывая на собственную инициативу, стремительно менялись.

Карл Рупп, командир легкого танка Т-II (5-я танковая дивизия), действовавший в составе группировки, наступавшей на Москву с севера, вспоминал о том, как их 5–8 танкам придавалась самая важная добавка — 88-мм зенитное орудие. «Только оно и позволяло нам хоть как-то отбиться от этих непробиваемых Т-34, которые расстреливали наши танки, будто кроликов, — говорит Карл Рупп. — Что мы против них с нашими легкими пушенками?» Танкисты одного из танков Т-III рассказывали, как четыре выстрела с дистанции в 50 метров и один с 20 метров особыми

усовершенствованными противотанковыми снарядами по танку Т-34 оказались безрезультатными — снаряды отскакивали от брони. А выстрел 76-мм орудия самого танка Т-34 обладал большой разрушительной силой. «Раз за разом русские пробивали лобовую броню наших танков», — признавался командир танка. Снаряды танкового орудия Т-34 без труда сносили даже башни танков Т-III и Т-IV.

Немецкий танкист уже не чувствовал себя в безопасности. Как вспоминал один офицер-танкист: «Былая уверенность испарилась, как только экипажи поняли, что в любой момент могут стать жертвами меткого выстрела неприятельского танка даже с больших дистанций».

В морозы немецким танкистам приходилось разводить огонь прямо в танках и под ними, чтобы запустить двигатели. На первых порах немецким танкистам удавалось справляться с Т-34 за счет наличия радиосвязи и радиста на борту. Каждый немецкий танк имел такое устройство. «Это и позволяло нашим танкам поражать куда более совершенные типы неприятельских танков, значительно превосходившие наши и по броне, и по вооружениям», — свидетельствовал старший офицер танковых войск. Ничем подобным в начале войны советские танкисты не располагали.

Средства борьбы с танками у немцев отсутствовали, это стало ясно еще во время кампании во Франции. Со всей остротой проблема проявилась у ворот Москвы. Возможности оказания танковой и авиационной поддержки пехоте резко сузились с наступлением морозов. Теперь немецкий пехотинец оказывался беззащитным перед русскими танками.

«Так что же? С винтовкой, что ли, на них идти? С таким же успехом можно повернуться к ним задом и просто-напросто пукнуть посильнее. Тебе просто в голову не приходит палить по ним из винтовки, ты просто съеживаешься и сидишь как мышь под метлой, моля Бога, чтобы он тебя не заметил, потому что от страха и шевельнуться не можешь... Помню, как Хансман из 9-й попал под гусеницы Т-34, ему, видите ли, лень было поглубже зарыться... И тут же его раздавило, как собачью какашку...»

Лейтенант Адольф Штамм из подразделения зенитной артиллерии вспоминал, как «вопили тогда пехотинцы — «Тащите сюда зенитки!» Ведь наши 88-мм орудия и были, по сути, единственным стоящим противотанковым оружием, способным остановить русские танки». Но 88-мм зенитные орудия вводить в бой было не всегда с руки. Несмотря на то, что снаряды прошивали броню «тридцатьчетверок», само орудие было «громоздким, неповоротливым и неудобным для орудийной прислуги», — как утверждал один из ветеранов-зенитчиков. Удивляться нечему — орудие

не предполагалось использовать для борьбы с танками. И применять его в бою, где требовалась как раз мобильность, да еще в морозную погоду или, что еще хуже, на раскисшей от дождей земле было делом весьма и весьма хлопотным.

С резким ухудшением погодных условий существенно уменьшилась и оказываемая авиацией поддержка. Свою лепту внесли и перебои с подвозом горючего для самолетов. 7-й воздушный флот перешел под командование генерал-лейтенанта барона фон Рихтгофена. Отныне он осуществлял поддержку с воздуха сухопутных войск группы армий «Центр». Это произошло в связи с переброской 2-го воздушного флота во главе с его командующим генерал-фельдмаршалом Кессельрингом в Италию для поддержки операций стран «оси» на севере Африки и на Средиземном море. Штаб воздушного флота Рихтгофена переместился из Смоленска в Емельяново, в 125 километрах от Москвы. Проблемы с войсковым подвозом обострились настолько, что немцы были вынуждены прибегнуть к переброске всего необходимого по воздуху. Естественно, горючее для самолетов наряду со многим другим не всегда доставлялось вовремя. «Весь участок Ржев — Калинин был небезопасным, — свидетельствует сам Рихтгофен, — из-за того, что там нередко были атаки советских пехотных частей, действовавших при поддержке танков и артиллерии». Для спасения положения в распоряжение группы армий «Центр» из Норвегии срочно перебрали дополнительное число транспортных самолетов Ю-52.

Зима сильно урезала возможности германских ВВС, вынудив их сократить число боевых вылетов. В ноябре месяце 2-я авиаэскадра пикирующих бомбардировщиков докладывала: «Зимние метеоусловия, слякоть и непогода. Только пикирующие бомбардировщики с высоты в 100 метров атакуют пытавшиеся ударить во фланг 110-й пехотной дивизии советские танки». 7 ноября 1941 года температура понизилась до 20 градусов мороза, что вызвало отказ двигателей Ю-87. Командир авиаэскадры майор Хозель отмечает в военном дневнике: «Несмотря на все усилия, предпринимаемые нами, мы можем организовать не более одного вылета в несколько дней». В результате 13 ноября была проведена лишь одна атака силами пикирующих бомбардировщиков, вторая только 18 ноября, затем еще вылеты 26 и 28 ноября, то есть четыре боевых вылета за две недели. К ним следует добавить еще один, состоявшийся в конце месяца боевой вылет в поддержку 4-й танковой группы, действовавшей на участке в 20 километрах от северо-западных пригородов Москвы. Поддержка с воздуха сухопутных сил вермахта практически прекратилась в

начале декабря, когда морозы достигли минус 30 градусов. Обер-лейтенант Ганс Рудель, пилот пикирующего бомбардировщика, вспоминает, как «в результате резкого похолодания до минус 40 градусов замерзла даже смазка. Все бортовые пулеметы заклинило». И подводит печальный итог: «Борьба с холодом была ничуть не легче, чем с противником». Неровные взлетные полосы полевых аэродромов, с которых действовали самолеты люфтваффе, не шли ни в какое сравнение с качеством взлетных полос постоянных аэродромов базирования русских под Москвой. Согласно советским источникам всего за трехнедельный период с 15 ноября по 5 декабря 1941 года русские ВВС совершили 15 840 боевых вылетов, тогда как люфтваффе лишь 3500, то есть почти в пять раз больше.

Лейтенант артиллерии Георг Рихтер из 2-й танковой дивизии постоянно упоминает в своем военном дневнике о воздушных атаках русской авиации. Своего пика они достигли к концу ноября, совпав по времени со снижением активности люфтваффе. 26 ноября он записывает: «Прилетел целый рой русских самолетов, а наши можно было пересчитать по пальцам!» Запись следующего дня: «Русские господствуют в воздухе». Тем же духом пронизаны записи от 29 ноября, от 2 и 3 декабря. В результате каждой такой атаки погибали артиллеристы и уничтожались артиллерийские тягачи или грузовики. Возросшая активность советской авиации негативно влияла на боевой дух солдат вермахта. Атаки русских с воздуха стали более эффективными зимой, поскольку заснеженные обочины и ставшие недоступными придорожные кусты и перелески не позволяли быстро съехать или сбежать с дороги. Войска Восточного фронта с наступлением зимы все чаще использовали конную тягу вместо тягачей при переброске моторизованных дивизий. Немецкий пехотинец оказался совершенно не готов воевать в таких климатических условиях. Морозы, доходившие раньше до 20 градусов ниже нуля, крепчали. Зима 1939/40 года на Западном фронте тоже была довольно суровой, но тогда имела место так называемая «странная война». Здесь же не нашлось такого количества протопленных бункеров, где можно отсидеться до весны. Ефрейтор Йоахим Кредель из 9-го Потсдамского пехотного полка наивно полагал, что с первыми зимними вьюгами война замрет — «дескать, кто станет воевать по пояс в снегу?» Он заблуждался, как заблуждались почти все его товарищи. В подобных погодных условиях, проявись они паче чаяния в Германии, их давно загнали бы в казармы, где они спокойно дожидались бы потепления. Никакой боевой подготовки в такие морозы не проводилось. 21 октября 1941 года один унтер-офицер из зенитного полка писал домой:

«Сколько мы еще пробудем здесь, зависит от того, как пройдет эта операция. Разумеется, самым лучшим было бы, если бы нас погрузили в вагоны да отправили в Германию. Но, возможно, придется и зимовать здесь. Этого мы не знаем».

Другой унтер-офицер из 167-й пехотной дивизии рассказывал о «самых разнообразных слухах». Говорили разное, «кое-кто утверждал, что нас уберут отсюда еще до Рождества, другие убеждали, что мы будем зимовать в Рязани, в 150 километрах от Тулы». В любом случае «к Рождеству мы отсюда уберемся». Все эти слухи косвенно подтверждали, что кампания в текущем году не завершится. Унтер-офицер из транспортного батальона писал домой в первых числах ноября:

«Никто не может понять, почему мы так и не получили зимнего обмундирования... Мне кажется [французы], в 1812 году были куда лучше одеты для этой зимы. Судя по всему, те, кто там наверху, просто не в курсе, иначе этот вопрос был бы решен».

Все даже самые наилучшие штабные решения всех связанных со снабжением вопросов разбились о зимние холода и непредсказуемые события. Все дневниковые записи, да и официальные документы летнего периода указывают на то, что в штабах все же готовились к предстоящей зиме. Исход кампании сомнению не подвергался, однако планировалось, что по завершении операции «Барбаросса» на территории России останутся примерно 56 дивизий оккупационных войск. Две трети войск намечалось вернуть в рейх, оставив все лишнее вооружение оккупационной армии, остающейся на зимних квартирах. К началу сентября штабисты уяснили, что число составов, необходимых, чтобы доставить обмундирование для 750 000 человек и корм для 150 000 лошадей, необходимо увеличить как минимум на 50 %. И лишь в середине декабря до всех, наконец, дошло, что огромной массе войск вермахта придется не только зимовать в России, но и участвовать в интенсивных боевых действиях в суровых климатических условиях.

Германской экономике оказалось не под силу решить столь внезапно возникшую новую задачу. Генерал-квартирмейстер вынужден был задействовать в рейхе и на оккупированных территориях ряд дополнительных производственных мощностей для срочного производства 252 000 полотенец, 445 789 комплектов теплого нижнего белья и 30 000 белых маскхалатов. В рейхе развернулась пропагандистская кампания по сбору теплой одежды и лыж для войск Восточного фронта. Из Германии в Россию срочно направлялись груженые зимней одеждой поезда, причем в пути следования им обеспечивалась «зеленая улица», даже за счет

задержки составов с боеприпасами и горючим. Однако из-за холода и действий партизан и эти составы добирались до мест назначения с огромными задержками.

В германском Еженедельном кинообзоре часто показывали, как утепляются солдаты вермахта. На самом деле положение с зимней одеждой было катастрофическим

На фронте дела обстояли катастрофически. «Все кругом только и думали, где отхватить себе что-нибудь потеплее, — рассказывал артиллерист Ганс Мауэрман, воевавший под Ленинградом. — У русских отбирали простыни и постельное белье, чтобы пошить из них хоть какое-то подобие маскхалатов». Отчаянно не хватало белой краски для перекрашивания в маскировочный цвет касок, приходилось выходить из положения с помощью мела, разведенного в воде. «Вот чем обернулась наша неготовность к зиме», — заключает он. В летнюю жару многие солдаты вермахта укоротили нижнее белье, кальсоны. И теперь горько сожалели о своем легкомыслии — с середины ноября оттепели и заморозки сменились устойчивыми морозами. Зима началась.

В среднем амплитуда зимних температур колебалась от минус 8 до минус 22 градусов, иногда чуть больше, иногда меньше. 24 ноября в распоряжение группы армий «Центр» прибыло составов больше обычного. Эти составы привезли первую партию долгожданного зимнего обмундирования.

Но теплые шинели получила лишь пятая часть военнослужащих. А тыловикам и вовсе ничего не полагалось. Водитель русского танка

Вениамин Ивантеев, служивший на центральном участке фронта, писал 17 ноября: «Немцы все еще ходят в летних шинельках». К ним в плен попал «18-летний мальчишка-солдат, худой, грязный, голодный». На допросе он рассказал все, даже показал нужное на карте. Когда его все же решили отпустить, этот немец ни за какие блага не хотел возвращаться к своим. Мол, «для него война была окончена». Так что уж лучше «попасть в плен, но выжить, чем тебя свои расстреляют».

«Ледяной ветер хлестал в лицо, — вспоминал пулеметчик Вальтер Нойштифтер, — покрывая инеем ресницы, брови». Холод проникал повсюду. Из-за морозов отказывали автоматы и пулеметы, не заводились двигатели грузовиков и танков. «Снова мороз, — констатировал лейтенант Георг Рихтер 5 ноября 1941 года. — Продолжится ли эта кампания?» Налипшая в оттепель на орудийные лафеты грязь на морозе каменела, и тащить орудия не представлялось возможным. Еще хуже было рыть траншеи на пятнадцатиградусном морозе, земля промерзала на 20 см вглубь, а «находиться на морозе без перчаток и без теплых шапок было самоубийством», — продолжает Рихтер. В 16 часов уже темнело. 14 ноября генерал Гудериан сделал заключение:

«14 ноября утром я посетил 167-ю пехотную дивизию и беседовал со многими офицерами и солдатами. Снабжение войск плохое. Не хватает белых маскировочных халатов, сапожной мази, белья и, прежде всего, суконных штанов. Значительная часть солдат одета в штаны из хлопчатобумажной ткани, и это — при 22-градусном морозе! Острая необходимость ощущается также в сапогах и чулках».

После этого Гудериан отправился на участок 112-й дивизии, «...где увидел ту же картину. наших солдат, одетых в русские шинели и меховые шапки, можно было узнать только по эмблемам».

Все запасы обмундирования, имевшиеся в танковой армии, были немедленно отправлены на фронт. Однако по сравнению с потребностями это было лишь каплей в море.

Чтобы не замерзнуть, немецкие артиллеристы надели трофейные красноармейские ушанки

Прибыв в танковую бригаду, генерал увидел, что из 600 танков, насчитывавшихся в трех дивизиях, осталось только 50.

«Гололедица сильно препятствовала действиям танков, тем более что шипы еще не были получены. Из-за морозов потели стекла оптических приборов, а специальная мазь, противодействующая этому, до сих пор не была получена. Перед пуском танковых моторов их приходилось разогревать. Горючее частично замерзало, масло густело. Здесь также недоставало зимнего обмундирования и глизантина. 43-й армейский корпус сообщил о кровопролитных боях».

Брошенные на произвол судьбы солдаты вынуждены были обеспечивать себя теплой одеждой сами. Из близлежащих домов местных жителей они тащили все: шубы, теплые женские платки, тулупы, валенки. Сапоги обвязывались соломой, руки обматывались любым попавшимся под руку тряпьем. Вот что писал 17 ноября 1941 года генерал Гудериан:

«Мы приближаемся к нашей конечной цели очень медленно в условиях ледяного холода и в исключительно плохих условиях для размещения наших несчастных солдат. С каждым днем увеличиваются трудности снабжения, осуществляемого по железным дорогам. Именно трудности снабжения являются главной причиной всех наших бедствий, ибо без горючего наши автомашины не могут передвигаться. Если бы не эти трудности, мы были бы значительно ближе к своей цели. И тем не

менее наши храбрые войска одерживают одну победу за другой, преодолевая с удивительным терпением все трудности. Мы должны быть благодарны за то, что наши люди являются такими хорошими солдатами...»

Офицеры испанской «Голубой дивизии» под Ленинградом

9 ноября войска группы армий «Север» захватили восточнее Ленинграда город Тихвин. Русские, предпринимая многократные атаки, не раз пытались отбить его у немцев и овладеть железной дорогой севернее озера Ильмень, чтобы восстановить снабжение блокированного города на Неве. Однако положение группы армий «Север» теперь зависело от того, как будут развиваться события под Москвой. На северном участке фронта холода наступили раньше. «Иногда мороз доходил до минус 40 градусов даже в бункере», — вспоминал Рольф Дам, радист пехотного батальона, участвовавшего в блокаде Ленинграда. Холода до крайности осложняли решение буквально всех вопросов. «Нельзя было ни помыться, ни сходить в туалет, — добавляет Рольф Дам. — Попробуйте-ка снять штаны на сорокаградусном морозе!»

Невероятный по протяженности фронт удерживали изрядно поредевшие войска. Генерал-фельдмаршал фон Бок предельно откровенен на страницах своего военного дневника. Запись от 1 ноября 1941 года:

«Положение отчаянное, и я с завистью поглядываю на Крым, где солнце и сухая степь, что позволяет нестись вперед сломя голову и где русские улепетывают от нас как зайцы».

И тут же добавляет:

«Так могло бы быть и здесь, не увязни мы в этой грязи по колени».

Впрочем, вскоре холода и передрыги войны добрались и до группы армий «Юг».

А пока 1-я дивизия СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» 21 ноября заняла Ростов-на-Дону. Этот город, расположенный в устье Дона вблизи Таганрогского залива, являлся важным транспортным узлом на пути к Кавказу. Германская печать шумно комментировала этот успех немецких войск. Однако взятие Ростова уже очень скоро обернулось головной болью для немецкого командования. Советские войска, наступая по льду Дона, непрерывно контратаковали 3-й танковый корпус. 14-й танковый корпус оказался под ударом трех советских армий, дислоцированных на левом берегу Дона. Сутки спустя фон Клейст, понимая, что у него явно недостаточно сил для отражения этих атак, отдал приказ оставить город. Правда, этот приказ фон Клейста был тут же отменен генерал-фельдмаршалом фон Браухичем, заместителем командующего силами вермахта. Мотивация: «подобный шаг возымел бы далеко идущие отрицательные политические последствия». Кризис под Ростовом-на-Дону совпал по времени с шумным пропагандистским шоу, затеянным Гитлером по поводу заключения антикоминтерновского пакта. И потеря русскими Ростова-на-Дону, блокада Ленинграда и наступление на Москву, казалось, ухудшали стратегическое положение Советского Союза до предела.

Однако уже 28 ноября 1941 года 20 советских дивизий нанесли удар по частям 3-го танкового корпуса в Ростове-на-Дону^[62]. Командир этого корпуса генерал кавалерии Эберхард фон Макензен докладывал еще два с половиной месяца назад о том, что две его дивизии, «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» и 13-я танковая, измотаны сражениями и острой нехваткой всего — от носков до антифриза. Численность их сократилась до двух третей первоначального штатного состава. Аналогичным образом сократилась и боеспособность вследствие потерь техники. Штаб 3-го корпуса докладывал: «Солдаты способны наступать лишь благодаря чистому энтузиазму и остаткам боевой выучки». 28 ноября корпус, оставив Ростов-на-Дону, отошел за реку Миус. Это было первое отступление немецких войск в ходе кампании в России^[63].

На центральном участке фронта 3-я и 4-я танковые группы, предприняв ряд атак за Клином и Солнечногорском, пробили 45-километровую брешь между Дмитровом на канале Москва — Волга и Красной Поляной. До Москвы оставалось всего 18 километров. Действовавшая на южном направлении 17-я дивизия 2-й танковой армии, развивая наступление на Каширу, приступила к формированию кольца

окружения вокруг Тулы, расположив охватный клин в 100 километрах от Москвы. Следует отметить, что упомянутые клещи охвата не обладали необходимой мощностью, как это происходило, скажем, у Смоленска, под Киевом или Вязьмой. Фон Бок по этому поводу повторяет уже им сказанное: «О своих намерениях информирую сначала Браухича, а потом и Гальдера, обратив внимание обоих на то, что при оценке физического и морального состояния войск никак не следует исходить из собственных представлений и ни в коем случае не приукрашивать его и что прежде чем начать это наступление, необходимо твердо уяснить себе, что на часах — «без пяти двенадцать»».

Группе армий «Центр» пришлось довольствоваться весьма скромными успехами. «Так что же, мы достойны сочувствия или все же восхищения? — такой вопрос задает солдат 260-й пехотной дивизии. — Не имея зимнего обмундирования, даже рукавиц и теплой обуви, мы коченеем в этих промерзлых насквозь дырах». В ясные морозные вечера пехотинцы отчетливо видели невдалеке на востоке разрывы зенитных снарядов и лучи прожекторов московских частей ПВО. Да, как говорится, близко локоть, да не укусишь. Советская столица на самом деле находилась совсем рядом — 3-я танковая группа захватила Красную Поляну в каких-то 20 километрах от нее.

Паровозы, выпуская огромные облака пара в морозный воздух, медленно подходили к грузовым платформам Яхромы и Рязани, севернее и южнее Москвы. Со скрипом отодвигались покрытые инеем двери товарных вагонов. На землю спрыгивали солдаты, пар их дыхания медленно растворялся в холодном воздухе. Бойцы, отпуская извечные шуточки, отбежав пару шагов, торопливо мочились и потом, похлопывая себя по ляжкам, пытались согреться. Платформы оживали от громких команд, топота сапог по серому обледеневшему асфальту. Формировались колонны, чтобы через несколько минут раствориться во тьме. Прибывали составы, их было много, они шли один за другим, останавливались, выплескивая на платформы новых солдат, те строились и по глубокому снегу следовали на сборные пункты. Многим из прибывших сюда пришлось целую неделю, а то и больше добираться в столицу из Улан-Удэ, Сибири, с границ с Монголией и Китаем.

В ближнем тылу формировались новые советские армии. В Яхроме, севернее Москвы, в ноябрьских морозах обретала очертания 1-я ударная армия. На центральном участке выдвигалась 20-я армия, 10-я сосредотачивалась южнее, у Рязани. За две недели до этого Сталин напрямик спросил Жукова о том, есть ли возможность удержать Москву.

Жуков не сомневался, что Москву советские войска удержат, однако это всецело зависело от прибытия резервных частей, которые он запросил сразу же после назначения его командующим Московским фронтом^[64]. «Еще бы две армии и пару сотен танков», — высказал тогда пожелание Жуков. «Вы их получите к концу ноября, но вот танков придется подождать», — ответил ему Сталин. Пришлось удерживать фронт имеющимися средствами.

В период с 1 октября по 15 ноября число советских танков на Западном фронте русских увеличилось с 450 до 700. Кроме того, в конце ноября Ставка перебросила на угрожаемые участки дополнительно 11 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий, 4 стрелковых бригады, авиадесантный корпус, а также танковые и специальные подразделения. Началось формирование новых армий: 28-й, 39-й, 58-й, 60-й и 61-й^[65]. Всего с начала войны насчитывалось 194 вновь созданных дивизии и 94 бригады. В этой связи следует упомянуть, что Красная Армия к началу войны располагала 291 дивизией.

Советская разведка на основании данных, представленных Рихардом Зорге, имела все основания считать, что Япония не вступит в войну на востоке страны, что, в свою очередь, позволило перебросить из Сибири на западные участки фронта значительное число живой силы и техники. И хотя вновь прибывшим соединениям и частям лишь предстояло обрести боевой опыт, хотя артиллерийские и танковые части нуждались в основательном пополнении, это были свежие силы. И они готовились нанести контрудар, чтобы отбросить врага, сумевшего забраться так далеко.

Глава 15

Кремлевские башни

«До взятия Москвы оставались считанные дни. В ясные, холодные дни башни города были видны невооруженным глазом».

Пехотинец войск СС

«*Flucht nach vorn*»

Flucht nach vorn — отчаянный рывок вперед немцев на Москву основывался на вере в то, что советские вооруженные силы разгромлены. Гальдер напоминал фон Боку: «Противник тоже не имеет резервов в тылу и в этом отношении наверняка находится в еще более худшем положении, чем мы. В настоящий момент обе стороны напрягают свои последние силы, и верх возьмет тот, кто проявит большее упорство». Но упорство немецких солдат объяснялось исключительно стремлением поскорее закончить кампанию, и ничем другим. Не будучи в курсе истинного положения дел, они инстинктивно чувствовали, что «наверху» принято «решение» овладеть Москвой, а лично для них упомянутое решение в случае успеха означало возможность передохнуть, получить кров над головой, пусть временный, а затем, глядишь, и войне конец. Тема Москвы стала доминирующей в письмах с фронта, дневниках и донесениях.

Время и расстояние измерялось близостью к советской столице.

Фон Бок 21 ноября досадовал, что «наступление не обладает необходимой глубиной. По числу дивизий, если мыслить чисто штабными категориями, соотношение сил вряд ли менее благоприятно, чем обычно». Ужасны, по мнению генерал-фельдмаршала, последствия потерь личного состава, «...отдельные роты насчитывают от 20 до 30 человек...» Боеспособность войск существенно снизилась и в результате потерь среди офицерского состава: «громадные потери командного состава и усталость личного состава, да еще жуткие морозы в придачу — все это кардинально меняет картину». Алоис Кельнер, курьер, постоянно сновавший из дивизии в дивизию под Наро-Фоминском, в 70 километрах от Москвы, был

полностью в курсе обстановки на этом участке фронта. «Замерзшие тела убитых немецких солдат штабелями уложены вдоль дорог, как бревна, — делится Кельнер впечатлениями. — В каждом таком штабеле человек по 60–70». Резко возросли потери среди офицеров. «Наиболее ощутимы потери среди командного состава. Многими батальонами командуют лейтенанты, один обер-лейтенант командует полком...» — подтверждает и фельдмаршал фон Бок.

Командир танка Карл Рупп вспоминает «последнюю атаку в каком-то лесочке». Их подразделение наступало в составе 5-й танковой дивизии в 25–30 километрах от Москвы.

«Впереди двигались два танка Pz-II и два Pz-III. Замыкал колонну еще один Pz-II, в центре следовали автоматчики. Головной танк был подбит, экипаж погиб на месте. Я находился во втором. Пробиться не было никакой возможности, и нам пришлось повернуть назад».

Бывали случаи, когда немцы добирались до трамвайных остановок в пригородах Москвы^[66]. По ночам они с любопытством наблюдали, как советские зенитки обстреливают появлявшиеся над Москвой немецкие бомбардировщики.

Описанные танковые атаки на самом деле представляли собой скорее разведку боем. Наступление немцев отличала одна особенность: небольшое продвижение вперед за счет кратковременных беспокоящих, но ожесточенных атак. И немцы, и русские, похоже, плохо представляли себе общую обстановку. Герд Хабеданк, стоявший как-то в охране у одной из лесных дорог вместе с другими пехотинцами, «внезапно услышал гул танковых двигателей. Со стороны нашего тыла на нас неслись русские танки». Три советских «тридцатьчетверки» пронеслись мимо поста охраны, окатив всех снегом. «К броне танков, — продолжает Хабеданк, — прижимались скрюченные фигуры русских пехотинцев. Видимо, они хотели таким образом прорваться к Москве». Немцы открыли беспорядочную стрельбу, и несколько человек русских свалились в снег. «Потом последний танк... въехал в воронку от снаряда, и тут в него угодил противотанковый снаряд. Но танк, как ни в чем не бывало, уполз прочь по узенькой дорожке и вскоре исчез из виду за деревьями, выплюнув синие клубы дыма». Один немецкий танк Pz-III тут же встал в засаду. Первой его жертвой стал русский бронетранспортер, тоже направлявшийся в сторону Москвы. В результате прямого попадания бронетранспортер был подбит и съехал с дороги. При осмотре машины выяснилось, что на спидометре всего 476 пройденных километров. «Видимо, они его только что получили», — свидетельствует Хабеданк.

Эти атаки из засады у пригородов Москвы отличались крайней ожесточенностью. Слишком многое было поставлено на карту. Петер Пехель, корректировщик артиллерийского огня, вместе с группой танков направлялся к Волоколамску, расположенному в 60 километрах от Москвы^[67]. Ему, как и его товарищам, было явно не по себе — от волнения у них началась чуть ли не «медвежья болезнь». «Удастся нам сегодня или нет?» — не давала покоя мысль.

На том же участке действовали несколько танков Т-34 и БТ из 1-й гвардейской танковой бригады М.Е. Катукова^[68]. Им была поставлена задача устроить засаду вдоль той же дороги, в поддержку были приданы два батальона — пехотный и противотанковый. «По дороге ползла четверка немецких танков, — вспоминает Катуков. — И тут наши «тридцатьчетверки» из засады открыли по ним огонь».

Едва их танковая колонна оказалась под обстрелом с нескольких направлений, как «начался самый настоящий ад», свидетельствует Пехель. Беспорядочно маневрируя, немецкие танки оказались прямо под огнем русских противотанковых орудий. «Они подожгли головную машину, — продолжает Пехель, — затем снаряд попал в башню шедшего передо мной танка». Так и не успев открыть огонь, был подбит и танк Пехеля.

«Вдруг как грохнет. И я ничего не вижу — искры из глаз. И тут я ощутил два резких толчка — в правую руку и левое бедро. Мой радист как завопит: «Мы подбиты!» И вдруг тишина, ни звука в нашем танке — совершенно жуткая тишина. И тут закричал уже я: «Все наружу! Быстро!» И стал выбираться из машины».

Из дымящейся груды металла удалось спастись лишь им двоим. Пехель, оглядевшись, заметил, что подбито уже пять их танков. Часть экипажей погибла в машинах, тела остальных лежали на снегу рядом с застывшими в неподвижности танками. Броня по правому борту была снесена 76-мм снарядами орудий Т-34. «Превозмогая боль в правой руке и бедре, я привалился к танку, — продолжает рассказ Пехель. — И лицо заливала кровь, я даже видеть не мог». Вскоре кровь из раненого бедра Пехеля багровой ледышкой застыла на броне. Вокруг творился ад. «Кое-кто успел получить несколько ран», — рассказывает он. Вскоре и сам Пехель потерял сознание от болевого шока и потери крови.

«Командир танка, стоявшего рядом с моим, получил пулю в голову, и я видел, как у него по лицу мозги растекались. А он все продолжал бегать кругами, крича: «Мама! Мама!» И тут на его счастье его свалила другая пуля или осколок».

Из леса выбегали русские, они заметили Пехеля. Он, сквозь пелену оцепенения, стал понимать, что сейчас произойдет.

«Боже мой! Всего-то пару дней назад я видел их жертвы, ребят из нашей роты. Видел эти выколотые глаза, отрезанные половые органы, до неузнаваемости изуродованные лица. Нет уж, лучше смерть сразу, чем такое!»

Русские солдаты не проводили разницы между танкистами и эсэсовцами — и те, и другие носили черную форму. Иногда и у танкистов были на петлицах черепа, такие же, как у эсэсовцев из дивизии «Мертвая голова». «А тебе всего 19, ты ведь и не жил толком. Не хочу умирать», — вдруг мелькнуло в голове у Пехеля, когда он стал подумывать о том, не пустить ли себе пулю в лоб. Но тут словно в сказке, откуда ни возмись, появились танки — немецкое подкрепление! Машины с ходу пронеслись через позиции русских. Пехелю несказанно повезло, его подобрала, перевязали и отправили в тыл на излечение.

Два танка Т-34 Катуква прикрывали отходящих с боем пехотинцев. Немцы, вскарабкавшись на броню советских танков, призывали экипажи сдаваться. Пулеметчик шедшего неподалеку другого танка Т-34, по словам Катуква, «дав очередь, смел противника с брони танка его товарища».

Несмотря на техническое превосходство танков Т-34, потери их были весьма высоки. В октябре умиравший от ран водитель танка Иван Колосов писал в последнем письме жене: «Я — последний из оставшихся в живых водителей танка из нашего взвода». Тяжелораненый Колосов горевал о том, что больше не увидится с женой. Медсестра Нина Вишневская вспоминает об ужасных ожогах членов экипажей подбитых танков, о том, как сложно было вытащить их из объятых пламенем машин. «Очень трудно вытащить наружу кого-нибудь из экипажа, в особенности стрелка башенного пулемета». Вишневская описывает, каких душевных мук стоило перетаскивать изувеченных танкистов.

«Очень скоро, стоило мне пару раз увидеть обожженные до неузнаваемости лица, обугленные руки, я поняла, что такое война. Выбравшиеся наружу члены экипажа получали тяжелейшие ожоги. И переломы рук или ног. Все они имели очень тяжелые ранения. Вот, бывало, лежат и умоляют нас: «Сестричка, если я умру, напиши моей матери или жене».

Оказываемый русскими солдатами отпор немцы воспринимали как проявление фанатизма, временами принимавшего пугающие формы. Один пехотный офицер 7-й танковой дивизии, когда его подразделение ворвалось на яростно обороняемые русскими позиции в деревне у реки Лама,

описывал сопротивление красноармейцев. «В такое просто не поверишь, пока своими глазами не увидишь», — рассказывал он. В эту третью неделю ноября 1941 года в боях с 3-й танковой группой «солдаты Красной Армии, даже заживо сгорая, продолжали стрелять из полыхавших домов». Сопротивление советских войск дорого обходилось немцам, они теряли лучшие унтер-офицерские кадры, наиболее опытных младших командиров, способных вести за собой подразделения. 21 ноября весьма уязвимый легкий танк Т-38 чешского производства фельдфебеля Карла Фукса был подбит под Клином в неравной схватке с русскими танками. Карл Фукс погиб. На сделанной товарищами Фукса фотографии виден его подбитый танк с погнутым в нескольких местах орудием. В извещении о гибели, высланном жене Карла Фукса и подписанном командиром роты, где служил Фукс, лейтенантом Рейнхардтом, были такие слова: «Пусть Вам послужит утешением то, что Ваш муж отдал свою жизнь за фатерланд». Вряд ли это могло сильно утешить вдову. «Мы все глубоко скорбим о том, что Карлу так и не довелось увидеть свою маленькую дочь», — писал далее лейтенант. Тут лейтенант сплеховал, — у Карла после его отбытия на Восточный фронт родился сын, а не дочь. Что же, такое простительно, поскольку Рейнхардту приходилось отправлять подобные послания не одному десятку немецких вдов. Что же до сына фельдфебеля Фукса, то за девять дней до гибели папы мальчику исполнилось 5 месяцев.

Примерно в конце ноября солдаты вермахта стали замечать собак — овчарок со странными пакетами на спинах и по бокам, проявлявших подозрительное внимание к танкам и бронетранспортерам. Солдаты начали стрелять по животным. Каждая такая собака была на особом длинном поводке, служившем проводом, соединенным с выключателем. Как только животное оказывалось под танком, русские тут же приводили в действие электродетонатор. Командир полка, разумеется, предупредил подчиненных о подобных случаях, но, судя по всему, отнесся к этому двояко, не исключив, что это, дескать, обычные солдатские байки из разряда «сортирного юмора». Впрочем, он тут же добавил: «Никогда не знаешь, на что еще способны эти русские». Но вскоре выяснилось, что речь идет о настоящем нашествии заминированных псов — один радист насчитал 42 животных. «Мне не приходилось слышать, чтобы эта русская хитрость сработала», — уверял все тот же радист.

Три дня спустя этот полк вермахта вышел к дороге Калинин — Клин — Москва. В поддержку ему был придан танковый полк «Фон Ротенберг». В тот день немцев атаковали русские кавалеристы, будто вынырнувшие из прошлого столетия. Подполковник фон дер Ляйе, сам большой поклонник

верховой езды, чуть не с завистью взирал на отличных ухоженных коней. Фон дер Ляйе был третьим по счету командиром полка с начала кампании и не желал никаких сюрпризов. «Так мне стрелять?» — осведомился у подполковника пулеметчик. Подполковник кивнул, и тут же на всадников обрушился ураганный огонь танковых пулеметов. Некоторое время русские продолжали атаковать, но вскоре стали поспешно отходить, вопреки сложившемуся обычаю даже не сжигая оставляемые немцам деревни.

С наступлением дня 27 ноября ударная группа «Фон Мантейфель» вышла на линию Астрезово — Яковлево в 4 километрах северо-западнее моста через канал Москва — Волга. Группе была поставлена задача захватить этот мост в исправном состоянии, не допустив его подрыва. Канал Москва — Волга представлял собой последнюю водную преграду на пути к столице. Немцы намеренно не воспользовались обозначенными на карте дорогами, чтобы невзначай не наткнуться на колонны войскового подвоза русских. Бойцы группы «Фон Мантейфель» подобрались к мосту из близлежащих перелесков и деревень. Инженерные подразделения бензопилами пробивали просеки в лесу для прохода танков, бронетранспортеров и полугусеничных тягачей. По обе стороны колонну охраняли пехотинцы. С наступлением темноты группа, миновав лесную чащобу, вышла к деревне Астрезово.

Немецким войскам запрещалось даже показываться в перелесках близ Яхромы, чтобы не привлекать внимания русских к предстоящей операции ударной группы «Фон Мантейфель». Командир группы выдвинулся вперед к господствующим над местностью высотам, откуда хорошо различались металлоконструкции расположенного севернее города моста. Многие из офицеров и солдат группы, прекрасно понимая важность этого объекта для будущего наступления, настаивали на немедленном овладении им в ходе дерзкой и быстрой операции, тем более что мост находился в исправном состоянии. Сам фон Мантейфель не желал никаких несогласованных действий. Прибытие оборудования и остальных частей пока что не завершилось, кроме того, танкам для проведения операции и прохода на другой берег требовалась дозаправка горючим. Поэтому было решено атаковать мост с наступлением сумерек. План подвергся тщательному обсуждению и проработке в силу того, что большинство бойцов мост своими глазами не видели. Командир вычертил подробный эскиз моста, обозначив и направления движения. В целях обеспечения секретности всех жителей деревни Астрезово собрали в нескольких домах и оставили под охраной. Не разрешалось разводить костры, были отданы и особые распоряжения насчет открытия огня в случае внезапного появления

противника.

И вот в 2 часа пополудни 28 ноября рота добровольцев под командованием обер-лейтенанта Райнека, скрытно обезвредив охрану моста, без единого выстрела перешла на другой берег. Канал Москва — Волга представлял собой гидротехническое сооружение с выложенными камнем отлогими берегами. Вдоль западного берега проходила автомобильная дорога, а вдоль восточной — железнодорожная линия. Когда немцы без излишнего шума переправили технику на другой берег, им навстречу стали выходить с поднятыми руками русские, которых тут же выстрелами в спину расстреливали их же товарищи.

Танковая группа под командованием гауптмана Шредера перебралась на другой берег и тут же приступила к укреплению плацдарма. Когда на рельсах вдруг появился русский бронепоезд, а танки Т-34 стали обстреливать окапывавшихся на восточном берегу немецких пехотинцев, начался истинный ад. Танковая рота немцев выстрелами подожгла бронепоезд, и сереющее предрассветное небо заволочли темные клубы дыма. Очень скоро немцы сумели подбить три русских танка Т-34. Замершие на месте машины догорали. Совершенно неожиданно на мост въехала легковая машина-такси. Изумленных пассажиров тут же взяли в плен солдаты 6-го полка. Пассажирами такси оказались советский офицер, имевший при себе письменные распоряжения и карты со схемами обороны канала. Фон Мантейфель заметил: «Русский офицер был изумлен до крайности, что ему приказали следовать сюда, он и не подозревал, что канал уже в наших руках».

Таким образом, операция обеспечила эффект полной внезапности. Никто в Яхrome и представления не имел о том, что произошло. Около 7 часов утра рабочие, как обычно, отправились на заводы, и даже в 8 утра всю работал огромный хлебозавод. Когда рассвело, люди понемногу стали понимать, в чем дело, и в Яхrome начался переполох. Заводы закрылись. Жители города, как, например, 19-летняя Валентина Егоровна Беликова, еще не так давно участвовавшая в рытье противотанковых рвов, рассказывает:

«В ночь с 27 на 28 ноября 1941 года мы внезапно слышали рев двигателей, но доносились они не оттуда, откуда мы их могли ждать. Немцы передвигались на мотоциклах и, едва въехав в Яхром, стали искать в городе партизан».

Командир ударной группы фон Мантейфель с мрачным видом миновал мост, безучастно реагируя на восторженные приветствия своих бойцов. Все понимали важность одержанного успеха. Генерал-фельдмаршал фон Бок,

узнав об этом, писал: «Эта идея уже не один день занимает меня; если бы удалось продолжить продвижение северного крыла 4-й армии, это позволило бы сокрушить весь северо-восточный фронт обороны Москвы». Правда, тут же добавляет: «Но такой гарантии нет». Именно этим и объясняется недовольство фон Мантейфеля. Операция, проведенная его бойцами, была весьма многообещающим началом, немцы захватили плацдарм на другом берегу, причем весьма выгодный в аспекте обороны. Однако сообщения по радио подтвердили самые худшие опасения. «Я убедился, — рассказывает фон Мантейфель, — что, судя по всему, в нашем тылу не имеется достаточно мощных сил для закрепления достигнутого успеха».

1-я советская ударная армия, одна из трех, образовавших клин запланированного контрнаступления, сосредотачивалась неподалеку от Яхромы. Немцы и не подозревали о ее боевой мощи. В этот же день фон Бок запишет в своем дневнике: «Однако поступившее к вечеру донесение о том, что созданные 3-й танковой группой плацдармы под Яхромой подверглись яростной атаке врага, избавляет меня от необходимости и дальше взвешивать все за и против». Командующий группой армий «Центр» распорядился удерживать плацдарм «любой ценой»^[69].

Тем временем фон Мантейфель стал складывать разрозненные сведения в единое целое. Надо сказать, картина удручала. Показания сбитого русского пилота удручали еще больше: дороги в столицу были забиты находившимися на марше советскими войсками».

В тот же день 2-я танковая дивизия остановилась в 30 километрах от Красной Поляны и в 18 километрах от Москвы. На ее правом фланге действовала 4-я танковая группа в составе 11-й и 5-й танковых дивизий, а также 2-й дивизии СС «Дас рейх» и 10-й танковой дивизии. Все они нацелились на Москву, пальцы танковых клиньев злорадно зашевелились, однако сжать их в смертоносный кулак у немцев явно не хватало сил. Немецкие части отчаянно штурмовали оборонительные сооружения русских, возведенные вокруг столицы, повсюду натываясь на минные поля. В тылу у них располагались эшелонированные в глубину части 23-й, 106-й и 35-й пехотных дивизий, в задачу которых входило при необходимости поддержать один из флангов 2-й танковой дивизии. Северное крыло 4-й армии фон Клюге также рывками продвигалось вперед. Ударные танковые группировки Гёпнера растянулись настолько, что даже не в состоянии были наладить связь друг с другом. 2-я танковая армия тем временем пыталась растянуть и без того внушительный выступ южнее Тулы.

Удар в северном направлении на Каширу советскому командованию

удалось блокировать, перебросив на это направление большое количество кавалерии и танков, которые контратаковали продвигавшуюся вперед 17-ю танковую дивизию. Наступил драматический момент: главная цель находилась в пределах досягаемости, группа армий «Центр» балансировала между победой и разгромом. Ее командующий фельдмаршал фон Бок был предельно лаконичен: «Если в течение нескольких дней не удастся сокрушить северо-западный фронт обороны Москвы, мы будем вынуждены приостановить наступление...» Фельдмаршалу очень не хотелось «...накликать еще один Верден». Направление главного удара немецких войск смещалось к участку южнее 7-й танковой дивизии, в то время как танковые клинья с величайшим трудом продвигавшихся вперед ударных танковых групп беспомощно царапали броню внешнего кольца советской обороны северо-западнее Москвы.

Замерзшее наступление

В конце ноября холодный фронт, похоже, отступил. Температура повысилась до нуля градусов, хотя туманы и снегопады продолжались. Это уже сулило некоторое облегчение. Метеорологи, ссылаясь на своих коллег из минувшего столетия, прогнозировали сильные снегопады и сильнейшие морозы в первой половине декабря. Однако и на конец ноября месяца погода в Подмосковье была хуже некуда. Все сложности немцев проистекали из отсутствия у них необходимых навыков ведения боевых действий в условиях снежной зимы. У себя на родине в такую погоду солдаты отсиживались в хорошо протопленных казармах, которые покидали лишь изредка и ненадолго. 1 декабря столбик термометра стал неудержимо падать. Утро 2 декабря выдалось ясным, но температура понизилась до минус 20 градусов. Равноценная средневропейской зиме русская оттепель сменялась самой настоящей резко континентальной русской зимой. До сей поры «Военный дневник» ОКВ фиксировал лишь однозначные цифры ниже нуля и снег. С начала декабря все изменилось, — морозы достигли небывалой величины в минус 25 градусов, 4 декабря они понизились до 35, а в последующие дни — и до 38 градусов. Ход наступления определял теперь «генерал Мороз».

При свете восходившей на морозном предвечернем небе луны (1 декабря восход Луны — 17.00 часов) следовали бронетранспортеры и полугусеничные тягачи 6-й танковой дивизии — по глубокому снегу маневр осуществляла ударная группа одного из пехотных полков. Их целью

были деревни северо-западнее Москвы — Иплера и Свистула (так в тексте. — *Прим. перев.*) Двигатели отказывали, не выдерживая мороза. В результате около 15 единиц техники беспомощно застыли на обочинах дорог. Большинство бойцов уже провело трое ночей под открытым небом, и проводить четвертую в подобных условиях явно им не улыбалось. Начальник тыла дивизии, ведавший вопросами войскового снабжения, неоднократно предупреждал, что «нехватка жиров [в солдатских рационах] отрицательно сказывается на иммунитете солдат». В течение предыдущих 10 дней они нерегулярно получали полагавшуюся ежедневную норму в 60 г жиров. В тот день отказал двигатель и у последней в 11-м танковом полку тяжелой машины — танка Pz-IV. 22 градуса мороза оказались для этой техники пределом.

Для нормальной боеспособности солдату при таком холоде требовалось усиленное питание, в противном случае он впадал в апатию. Сюда необходимо добавить и воздействие других факторов — незащищенность на открытой местности, подавленное настроение. Зимнее обмундирование до сих пор так и не было выдано. Так, 98-я пехотная дивизия получила всего лишь «часть зимних шинелей и рукавиц», да и те достались водителям. «Это было каплей в море», — комментировал один из бойцов. Следует отметить, что одежда, предназначенная для ведения боевых действий в условиях суровой зимы, также должна соответствовать ряду требований.

К середине ноября холода превратились в настоящее бедствие

Однако впавшие в апатию солдаты не снисходили до подобных

размышлений, а просто наматывали на себя все, что под руку попадало, нередко срывая даже платки с голов беспомощных деревенских баб. Укутывались, первое время было тепло, позже, уже к концу продолжительного марша, даже жарко. Солдаты обливались потом и в результате простужались. В конце ноября противотанковый батальон 2-й танковой дивизии получил лишь малую часть положенного зимнего обмундирования, то есть одну шинель на целый орудийный расчет. Общеизвестен факт, что холод снижает боевую результативность и солдат думает уже не о том, как победить, а как выжить. В условиях холодов резко снижается маневренность войск, что влечет за собой хаос в боевом взаимодействии. Даже ныне армии НАТО, имеющие в распоряжении легкое, износоустойчивое, прочное, хорошо сохраняющее тепло и не стесняющее движений обмундирование, при 25-градусном морозе учений не проводят, а при 35-градусном солдату ставится единственная задача — уцелеть. При таких температурах всякие маневры приостанавливаются, в снегу срочно отрываются окопы или же войска вовсе возвращают в места расквартирования. Тогдашние условия под Москвой и на сегодняшний день считались бы неприемлемыми для ведения операций. А в начале декабря 1941 года немецкий солдат оказался бессилён против холода. Советские солдаты, в отличие от немцев, имели зимние шапки-ушанки, телогрейки, тулупы, ватные штаны, рукавицы, валенки. Как свидетельствует Т.К. Жуков, «на середину ноября 1941 года наши солдаты были обмундированы куда лучше немецких, которые вынуждены были отбирать теплые вещи у местного населения». Вот что рассказывает обер-лейтенант Эккехард Маурер из 32-й пехотной дивизии:

«Я был просто взбешен. У нас не было ни рукавиц, ни зимних сапог — ничего, что могло бы хоть как-то спасти от этого холода и позволило бы нам сражаться с врагом».

Неприспособленность к такому почти арктическому холоду оборачивалась летальными последствиями. В условиях предельно низких температур организм начинает терять влагу. Солдаты, укутываясь в многослойную одежду, обрекали себя на обезвоживание, даже не подозревая, что оно может наступить не только в жару, но и в холод. Офицер-пехотинец Генрих Хаапе «подобрал себе целый гардероб», по его собственному выражению, «помогавший хоть как-то сохранять тепло». Сначала теплые носки, затем слой фланели и сапоги на пару размеров больше, вместо стелек он подкладывал газетную бумагу. На тело надевал теплые кальсоны, две теплых сорочки, поверх них еще безрукавку, далее следовал летний мундир, а поверх мундира уже просторное кожаное

пальто. На руках шерстяные перчатки, поверх них кожаные, на голове — одна на другую две шерстяных шапки. Рукава изобретательный офицер перевязывал веревочками, дабы туда не забирался ледяной ветер. Если ты заключен в такой «скафандр», то любое лишнее движение — и ты взмок от пота. Организм обезвоживался, и при вдыхании морозный воздух, попадая в легкие, вызывал конденсацию влаги. Для утоления жажды солдаты нередко ели снег, но в этом случае его съесть требовалось немало, в целых 17 раз больше по объему! К тому же подобный способ утоления жажды зачастую вызывал тяжелое расстройство желудка.

Дизентерия на Восточном фронте по причине отвратительной еды, отсутствия даже намека на личную гигиену превратилась в смертельную опасность. Лейтенант Генрих Хаапе, военврач, ответственный за питание и личную гигиену солдат, упоминает о «беднягах», которые, невзирая на дистрофию, изо всех сил пытались не отстать от своих более-менее здоровых товарищей. «Когда количество позывов доходило до четырех в день, да еще на таком морозе, — продолжает Хаапе, — их организм обезвоживался и переохлаждался необратимо». Засаленное до немыслимых пределов обмундирование уже не сохраняло тепло. Приходилось идти на крайние меры.

«Наплевав на все условности, было предписано прорезать сзади на штанах щели длиной сантиметров в 10–15 с тем, чтобы солдаты могли справлять большую нужду, не снимая обмундирования. Затем эта щель плотно стягивалась тонкой проволокой. Большинство бойцов успели исхудать так, что висевшие мешком на их изрядно отощавших задницах штаны вполне позволяли применять это нехитрое нововведение.

Все эти меры, разумеется, носили паллиативный характер и не могли служить решением проблем. Обвешанный оружием, укутанный в тряпье, солдат тратил на передвижение по глубокому снегу колоссальное количество энергии. Ему ничего не стоило, впад в коматозный сон, окоченеть где-нибудь на привале или получить опасные для жизни обморожения, поскольку кровообращение в переохладившемся организме замедляется до недопустимых пределов. Вот такими были эти наступавшие на Москву горе-солдаты. «Казалось, солдаты за ночь превращались в стариков, — вспоминал пережитое рядовой пехоты Гаральд Генри. — Казалось, эти заснеженные поля высасывают из тебя все живое».

Учащались случаи серьезных обморожений с глубинным поражением тканей, что приводило к гангрене и, как следствие, к ампутации конечностей. В документах 3-й батареи 98-го артиллерийского полка имеется такая запись от 8 декабря 1941 года: «Десять человек направлено в

полевой госпиталь, включая четверых с обморожениями второй степени». Дела в пехоте стремительно ухудшались. Вальтер Нойштифтер, пулеметчик, утверждает, что «большинство солдат на поле боя погибло от переохлаждения на тридцатиградусном морозе, а не от вражеских пуль. Они просто замерзли».

Необычно сильные даже для России морозы полностью парализовали проведение запланированных наступательных операций. В дневнике 6-й танковой дивизии есть запись о том, что 4 декабря температура упала до минус 32 градусов, а на следующий день — до минус 35 градусов ночью. Данные о потерях по причине обморожений передавались не в письменном виде, а по радио, дабы не вызывать паники среди солдат. Поредевшие пехотные роты, в которых порой оставалось не больше тридцати солдат, вынуждены были отправлять в караул по три смены часовых — люди не выдерживали на морозе более нескольких минут. «Половина наших в карауле, а другие отдыхают после караула», — пишет один солдат в письме домой. 5 декабря один штабной офицер рассуждал так:

«Как следствие, необходимую боеспособность или хотя бы жизнь сохранить оказывалось невозможно. Ежедневно в каждом батальоне наблюдалось в среднем до 20 случаев обморожений. Поддержание оружия в исправном состоянии, по сути, первоочередная задача, превращается в непреодолимую проблему. На данный момент около двух третей артиллерийских орудий вышли из строя вследствие замерзания смазки в механизмах возврата ствола. И привести их в исправное состояние потребует массу времени и сил...»

Холода принесли с собой и другие беды. Последствия от полученных ранений были куда тяжелее и нередко приводили к смертельному исходу. От нестерпимо яркого на солнце снега развивалась так называемая «снежная слепота». В скученных и плохо проветриваемых землянках и подвалах вследствие нарушения правил протопки печей личный состав травился угарным газом. Боевой дух падал, это касалось практически всего личного состава, за вычетом разве что генералитета.

Перечисленные проблемы достигли своего пика в первых числах декабря. Хотя оценки боевого духа давались разные, в зависимости от близости к передовой. Рядовой артиллерии Йозеф Дек считал, что «наш боевой дух катастрофически упал — изматывают нервы бесконечные схватки с врагом и жуткие условия расквартирования». Пехотинец Гаральд Генри того же мнения: «В наших душах исподволь накапливалась ненависть и злоба, желание в один прекрасный день сказать всем «нет!» — это было ужасно!» Офицерам и унтер-офицерам ради поднятия боевого

духа подчиненных приходилось иногда идти на открытую демонстрацию личного бесстрашия, ведя солдат в атаку. На практике это означало еще большие потери, которые увеличивались по мере того, как немецкое наступление набирало обороты. Обер-лейтенант Эккехард Маурер, сражавшийся на ленинградском участке Восточного фронта, описывал безучастность, постепенно становившуюся частью солдатской психики.

«Мы не имели возможности как следует позаботиться о своих раненых, не говоря уже о том, чтобы думать о противнике. Мы пуще смерти боялись получить ранение и погибнуть от холода. Мы не питали особых иллюзий попасть в плен, мы слишком хорошо знали нашего противника, как и то, что взятием в плен он особо не баловал. Так что никто из нас особой инициативы не проявлял и без толку лоб под пули не подставлял».

Пока 7-я танковая дивизия яростно цеплялась за созданный ею плацдарм на канале Москва — Волга, действовавшая у нее на правом фланге 6-я танковая дивизия продвигалась вперед. Ефрейтор Брух из 4-го пехотного полка видел разрывы бомб, которые сбрасывали советские высотные бомбардировщики на занятые немцами лесистые участки местности у канала. Все происходило в ясный морозный день. Когда они вошли в деревню Гончарово, Брух спросил у местной девочки, стоявшей у развалин, далеко ли еще до канала, это была цель 3-й танковой группы. «До канала 11 километров, до Яхромы — 12», — ответила она. «А до Москвы?» — осведомился ефрейтор. «60 километров», — последовал ответ. Бои ожесточились, когда немцы попытались войти в деревню Борисово. В дневнике 6-го танкового полка встречается масса упоминаний о потерях, вызванных отказом оружия. Вообще, поломки оружия и травмы, полученные в результате попыток его отремонтировать, приобрели на Восточном фронте характер эпидемии. Карл Рупп, командир танка Т-II в составе 4-й танковой группы, вспоминал, что зимние холода доставляли и куда более серьезные неприятности, чем отказ двигателей.

«В одну из ночей мы убедились, что наши пулеметы промерзли насквозь. И если бы тогда русские надумали нас атаковать, они взяли бы нас тепленькими».

Анемичные пальчики немецких танковых группировок продолжали неумолимо тянуться к Москве. 2 декабря у себя в тылу 6-я танковая дивизия вдруг обнаружила русских десантников. Русские бомбардировщики сбрасывали грузы для партизан, заодно решили сбросить парашютистов. Автоколонна в тылу немцев была обстреляна у моста через речку в Клусово, а в это время передовые части дивизии

вышли к деревне Кулово. 3 декабря 1-я танковая дивизия овладела населенным пунктом Белый Раст. До Кремля оставалось всего 32 километра.

Труднее всего приходилось мирным жителям, зажатым в тиски между немцами и отчаянно сопротивлявшимися частями Красной Армии. Морозы в те дни достигали минус 40 градусов. Вот что вспоминает Йозеф Дек из 71-го артиллерийского полка:

«Буханки хлеба приходилось рубить топором. Пакеты первой помощи окаменели, бензин замерзал, оптика выходила из строя, и руки прилипали к металлу. На морозе раненые погибали уже несколько минут спустя. Нескольким счастливицам удалось обзавестись русским обмундированием, снятым с отогретых ими трупов».

Мирное население районов, где шли бои, подвергалось форменному разграблению. Голодные, замерзшие немецкие солдаты, словно стая хищников, набрасывались на все съестное и теплые вещи. Валентина Юделева-Раговская вспоминает, как 23 ноября немецкие танки вползли в Клин. Их семья пряталась в погребе, «все были насмерть перепуганы». Потом по крышке погреба замолотили кованые сапожища немецких солдат. «В погреб спустился один с гранатой в руках и заорал: «Вон! Все русские — вон!» Потом они стали требовать: «Матка, давай хлеб и цукер!» и еще причмокивали при этом. Мы сберегли для детей пару брюквин и две буханки хлеба. Пришлось отдать». Одну буханку они слопали тут же у нас на глазах, а вторую солдат швырнул наверх своим. «Выбравшись из погреба, я увидела, что их на улице сотни три. Они натащали стулья, столы, табуреты из соседних домов и стали разводить костры, чтобы согреться. Потом они стали требовать у нас мясо и воду». Солдаты забрали у Раговской двух кур, тут же свернули им шею и стали жарить их на огне костра, даже не ощипав. «Едва перья обгорели, как они набросились на этих кур!» Когда женщина пожаловалась на них командиру, тот, не моргнув глазом, отрезал: «Немецкий солдат чужого не возьмет!» Когда же немцы забили их единственную корову, это уже означало для семьи, по сути, голодную смерть. «Мы только и жили благодаря этой корове, она давала молоко, — продолжает Раговская. — Потом я сидела у ее ободранной до костей туши и горевала».

Сорок лет спустя после войны журналист Пауль Коль проехал путем, пройденным войсками группы армий «Центр» до Москвы. Целью этой поездки были встречи с многочисленными живыми свидетелями немецкой оккупации. В Европе доживала последние дни «холодная война». Естественно, что Колю повсюду приходилось сталкиваться с риторикой

«Великой Отечественной войны», естественно, что события тех лет поистерлись в памяти ее участников, естественно, что нередко случались и преувеличения, однако, даже невзирая на это, журналист пришел к заключению, что годы войны запечатлелись в душах переживших ее людей незаживающей раной. На долю жителей пригородов Москвы выпали неимоверные страдания. «Как они с нами обходились! — восклицает жительница Клина Вера Иосифовна Макаренко. — Они нас за людей не считали!» Ее дом сожгли, а мужа повесили. «В самый первый же день, — всхлипывает пожилая женщина. — Пять дней так и висел, они не позволяли нам снять его... Когда они пришли, стали отбирать все. Ни есть, ни пить было нечего — немцы даже запрещали по воду сходить. Специально для этого изрешетили ведро пулями. Отобрали всю обувь в доме, а это было зимой. Мы из-за этого все ноги себе поотморозили».

«Если бы только не было этой войны, мы жили бы как у Бога за пазухой. Но она все порушила, всех по миру пустила».

Племянника этой женщины, молодого человека, потащили на допрос. «Все хотелось им узнать, где его отец. Может, в Красной Армии? Или партизанит?» Одной девочке во время допроса отрезали палец.

Истру — в 30 километрах от Москвы — захватили немцы 4-го полка СС «Дер фюрер», а также танкисты 10-й танковой дивизии. В городе завязались ожесточенные бои между немцами и частями сибирских и маньчжурских частей. Это было 23–26 ноября 1941 года. Бои разгорелись вокруг истринского собора — целого комплекса из шести церковных сооружений, расположенного западнее реки и окруженного массивной пятиметровой стеной. Роты эсэсовского полка в ходе этих боев уменьшились до 25 человек. Людмила Романовна Коцава, которой в ту пору исполнилось 16 лет, описывает обстановку в Истре. «Многие ушли в леса, — рассказывает она, — там они вырыли себе прямо в снегу норы и просидели в них несколько дней на двадцатипятиградусном морозе». Ее учителя музыки Михайлову немцы остановили прямо на улице и сняли с нее пальто. «Не выдержав, она обозвала их бандитами, так они ей хладнокровно выстрелили в рот», — рассказывает Людмила Романовна. Происходившее в Истре во многом типично и для других оккупированных районов советской России. Город находился в руках немцев всего лишь две недели. После освобождения из прежнего населения в 7000 человек в подвалах и погребах обнаружили лишь 25 детей. «Истра до войны была красивым зеленым городом», — с тоской вспоминает Коцава, но население покинуло его. В декабре и январе среди городских развалин сновали голодные волки. Город начал возрождаться к жизни лишь в 1943 году, после

того как там открыли школу.

Йозеф Дек вспоминает одну совершенно жуткую ночную картину, когда он с выдвинутых вперед позиций 74-го артиллерийского полка наблюдал подходы к Москве.

«Повсюду, куда ни кинь, все было объято пламенем. Русские, применявшие особые зажигательные мины, перешли к «тактике выжженной земли». Русское командование решило позаимствовать опыт 1812 года — тогда Наполеон и его армия видели перед собой лишь кучку углей вдоль линии наступления».

У местного населения подобные меры ничего, кроме ненависти к врагу, не вызывали. Вера Иосифовна Макаренко знала, кого винить.

«Вы только представьте себе. Невесть откуда пришли эти немцы, причем из страны, которую все мы считали дружественной, культурной. Мы читали Гёте и Гейне. И вот они явились сюда и камня на камне не оставили. Понимаете, о чем я?»

Москва. Кремлевские башни

1-я и 2-я танковые дивизии вермахта ближе всего подошли к Москве 3 декабря 1941 года в ходе завершающей стадии наступления. По распоряжению фельдмаршала фон Бока у канала Москва — Волга и на других участках был осуществлен отвод немецких войск «в целях спрямления линии фронта и ликвидации угрозы нашему правому флангу».

29 ноября в 2 часа 15 минут ночи 7-я танковая дивизия получила приказ оставить плацдарм у Яхромы. Немцам было нелегко вновь возвращать неприятелю завоеванный с таким трудом плацдарм, как свидетельствовал сам командующий дивизией генерал барон фон Функ. Все понимали, что на самом деле такое решение лишь осложняло условия дальнейшего наступления на советскую столицу. Фон Функ сравнил этот приказ с «роковым ударом молнии и поворотным пунктом в войне с Россией...» Именно с этого момента все чаще и чаще приходилось слышать выражение о «недостаточности сил». Бойцы на передовой в 4 часа 30 минут получили приказ примерно к середине дня оставить плацдарм. Тяжелые вооружения и танки надлежало переправить через канал на рассвете. И вот примерно в половине восьмого утра 29 ноября колонна, урча моторами, потянулась через мост. Внезапно примерно на середине его прогремел взрыв, взметнув в воздух огромное облако дыма. Но весь мост разрушить не удалось, — заряд оказался небольшим, и обрушился лишь

один из его центральных пролетов. В тот же день, в 19.00 русские довершили дело, взорвав оставшуюся часть моста.

Однако для создания новой линии обороны на западном берегу канала к взрывам прибегать не стали. Вместо этого было решено превратить в укрепленные огневые точки здания вдоль берега. Однако толку от них было мало. 1-я советская ударная армия, сформированная тут же неподалеку в рамках подготовки советского контрнаступления, атаковала немецкий плацдарм, начав методичный обстрел вражеских позиций. Усиливалась и деятельность советской авиации. 2 декабря штаб 7-й танковой дивизии докладывал: «За сегодняшний день 16 воздушных атак!»

Сорок лет спустя бывший рядовой артиллерии Петр Яковлевич Добин, задумчиво глядя на мост через канал, вспомнит о тех тяжелых боях:

«Мы всеми силами старались не пустить немцев за канал. Им, правда, удалось через него переправиться, но ненадолго — всего на день. Потом, 28 и 29 ноября 1941 года, здесь шли страшные бои, снег покраснел от крови. Нам удалось отбросить их на западный берег. И я сам не верю, что уцелел тогда».

Многим немцам помнится тот подрыв моста ранним утром 29 ноября во время отвода их войск. «Тогда еще мы никак не могли найти унтер-офицера Леопольда», — рассказывает один из очевидцев.

«Оказывается, он еще не проснулся как следует, когда возвращался, петляя по льду канала. Грохот взрыва и разбудил его окончательно. Он в буквальном смысле был последним, кто смог вернуться «оттуда».

Вера в победу, столь долго служившая залогом успехов, улетучивалась, да и боевой дух солдат вермахта был уже не тот, что раньше. Продолжались сетования по поводу отсутствия «зимнего обмундирования», кое-где переходившие в открытые возмущения». Москва в руки не давалась, так что оставалось лишь бороться за выживание.

Подразделение ефрейтора Бруха участвовало в боях неподалеку от участка 7-й танковой дивизии. Оно действовало в 7 километрах от канала в составе 4-го пехотного полка, входившего в состав 6-й танковой дивизии. Отделение, оборонявшее корректировщика батареи поддержки, «вскоре оказалось без боеприпасов». Русские буквально расстреляли роту в чистом поле. Потери были страшные. 3 декабря немцам удалось овладеть деревней Языково, но в полдень их атаковали 10–15 русских танков, внезапно появившихся из лесу. Фон Брух описывает ужасы этой атаки.

«Нас застигли врасплох, и оставалось только спасаться бегством. Многие бежали просто, чтобы уцелеть. Все вооружения, одним словом, все попало в руки русских. 20–30 человек 500 из батальона были тогда

объявлены пропавшими без вести, включая командира батальона и двух командиров рот...»

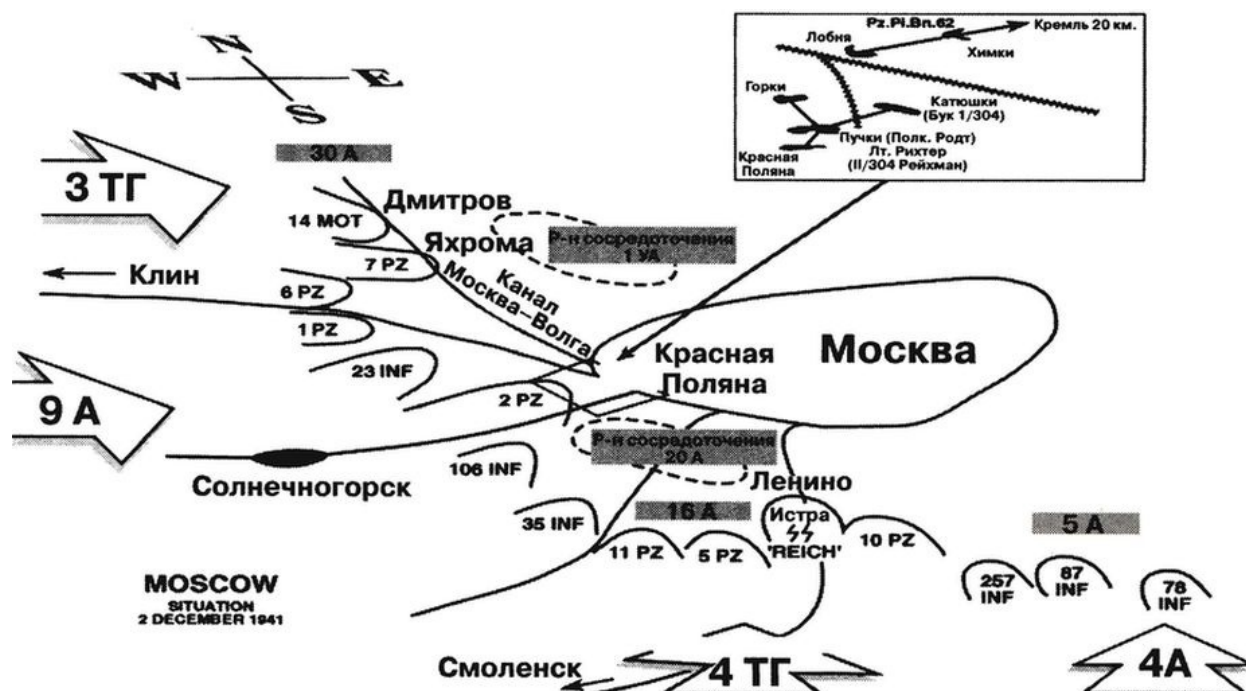
И даже в эту ночь, когда морозы достигли минус 32 градусов, никто не собирался отменять прежние приказы — «удерживать линию обороны!»

1-я танковая дивизия тем временем наступала в 5 километрах восточнее Белого Раста в 32 километрах севернее Москвы. Южнее образовался выступ — 2-я Венская танковая и 23-я пехотная дивизии стремительно продвигались к пригородам Москвы. Полк «Дер фюрер» дивизии СС «Дас рейх» наступал вдоль дороги Истра — Москва и вышел к западным пригородам Ленино в 17 километрах от Москвы. Ему противостояли отряды московского народного ополчения. «Москва была в двух шагах», — вспоминает Отто Вайдингер, один из командиров.

«До взятия Москвы оставались считанные дни. В ясные, холодные дни городские здания были видны невооруженным глазом. Передовая батарея 100-мм орудий интенсивно обстреливала город».

Существует масса легенд о том, какое именно подразделение продвинулось ближе всех к Москве. До пригородов столицы добраться можно было без особых проблем — обороняли их относительно слабые силы русских. А возможность невооруженным глазом увидеть здания столицы стала своего рода символом, обрела чуть ли не магическое значение для немецкого солдата. Но в целом наступление немцев завершалось бесславно. Один эсэсовский офицер из полка «Дойчланд» писал домой: «Шаг за шагом мы приближаемся к нашей конечной цели — Москве». Но тут же добавлял о проблемах со снабжением, о нехватке боеприпасов, о вышедших из строя вследствие холодов пулеметах и орудиях. «Недалек день, — продолжал он, — когда не только взводы и отделения, но и целые роты окончательно утратят боеспособность из-за потерь, ран и обморожений». Все это мало походило на последний и решительный бой. Куда там!

«Этим полумертвым от холода солдатам приходилось сражаться и погибать на страшном морозе, временами доходившем до минус 45. А на них были жиденькие шинельки, на ногах — обычные летние сапоги...»

2-я танковая дивизия (см. диаграмму) находилась 2 декабря 1941 года ближе всех к Кремлю. Увидеть здания Москвы означало для немцев то же самое, что для союзников увидеть в 1944 году Арнемский мост. Одно из разведывательных подразделений добралось даже до Химок — оттуда до Кремля можно было доехать минут за 15*. (*Явное несоответствие истине — даже сегодня при полном отсутствии пробок на это потребуется не менее 45 минут, а то и час. — Прим. перев.) Это был максимум продвижения войск Восточного фронта за весь период кампании в России

Посланный на участок дивизии СС «Дас рейх» унтер-офицер Густав Шродек из 15-го танкового полка отметил в своем дневнике: «Столица Москва — цель нашего наступления. Дойдем ли мы до нее?» Танки его подразделения, а Густав Шродек был командиром танка, действовали в составе 11-й танковой дивизии и были остановлены в результате атаки русских в нескольких километрах от деревни Крюково. «Я видел дорожный указатель — «До Москвы — 18,5 километра», — утверждает Густав Шродек. Но когда у башни просвистел 76-мм снаряд стоявшего в укрытии русского танка Т-34, водитель тут же резко развернул машину.

«Справа от нас в результате прямого попадания русского снаряда в башню оказалась подбита еще одна машина из нашего взвода. Разворачивая башню, чтобы дать ответный огонь, я на мгновение увидел, как командир вместе с водителем пытались выбраться наружу. Позже я узнал, что

командир танка потерял тогда обе ноги, а водитель — руку, которая так и примерзла к гусенице танка. Наши ряды редели. Мы ежедневно теряли своих боевых товарищей».

Трудно, практически невозможно предать земле мертвых, если в твоём распоряжении лишь саперные лопатки. «При помощи ручных гранат мы отрывали мелкие могилы, не могилы, скорее просто лунки», — продолжает рассказ Шродек. Мороз минус 35, наступать дальше было нельзя. Танки могли совершить последний рывок к Москве, но какой в этом смысл без поддержки пехоты? Оставалось торчать в снегу и ждать. Все чувствовали себя брошенными на произвол судьбы.

Ближе остальных к Москве подошли танки 2-й Венской танковой дивизии. Солдаты противотанкового полка упомянутой дивизии были в полнейшей растерянности от того, что их 37-мм орудия терпели полнейшее фиаско в единоборстве со все возрастающим числом советских Т-34, действовавших на дороге Солнечногорск — Москва. В полку был лишь один счастливчик, которому удалось с дистанции в 10 метров, то есть в упор, остановить «тридцатьчетверку» во время атаки под Туричино. Но этот танк все равно подмял под себя жалкую пушчонку вместе с расчетом. У Стрелино танкисты из 3-го танкового полка захватили четыре английских танка «Матильда». Как вскоре выяснилось, танки были новые — на двигателях красовалась надпись «произведено в сентябре 1941 года». Это свидетельствовало о том, что и союзники решили внести лепту в контрнаступление Советов под Москвой. 28 ноября был подбит танк американского производства. Ворвавшись в Озерское, солдаты ударной группы «Декер» увидели остановку рейсового автобуса на Москву. Несколько танков при поддержке пехоты, артиллерии и саперов под командованием полковника Родта из 304-го полка 30 ноября заняли три деревни — Красную Поляну, Пучки и Катюшки. 2-й батальон того же полка под командованием майора Райхмана овладел расположенными неподалеку Горками. На фронте 16-й советской армии образовался крохотный выступ, оставалось 17 километров до пригородов Москвы и 27 километров до Кремля.

За день до этого там же побывали разведчики-мотоциклисты 62-го танково-саперного батальона. Наступила оттепель, температура повысилась до нуля градусов, выпал мокрый снег, затем опустился туман. Решив воспользоваться благоприятными погодными условиями, командующий 4-й танковой группой генерал Гёпнер вывел из состава 2-й танковой дивизии мотоциклистов и поставил перед ними задачу овладеть станцией Лобня с одновременной разведкой южнее этого направления. И,

как это нередко происходит на войне, русские отступили из Солнечногорска, а 2-я танковая дивизия направила свои ударные группы юго-восточнее в поисках свободной дороги на Москву, и посланная на мотоциклах разведка эту дорогу обнаружила. Вцепившись в пулеметы, бойцы в колясках своих 504 «БМВ», не встречая сопротивления, сумели продвинуться до самых Химок, речного порта в нескольких километрах северо-западнее Москвы, точнее говоря, в 8 километрах от границы города и в 20 километрах от Кремля, то есть расстояние, которое можно было покрыть за считанные минуты. Появление немецкой разведгруппы вызвало панику среди местных жителей. «Немцы в Химках!» Однако мотоциклисты, почувствовав всю уязвимость своего положения в результате столь глубокого рейда в тыл противника, решили повернуть обратно. Необходимо было поставить командование в известность, что на пути к Москве на этом направлении преград нет. И подразделение вернулось к своим после рейда в тылу неприятеля, практически не сделав ни единого выстрела.

Не приходится удивляться тому, какой переполох вызвала эта операция в советских штабах. Генерал Константин Рокоссовский, 16-я армия которого оборонялась западнее Москвы, вскоре имел весьма неприятный телефонный разговор со Сталиным.

«Товарищ Сталин позвонил ночью. Положение складывалось довольно серьезное, кое-где нашим частям пришлось отступить. Мы понимали, что слов благодарности за это от Верховного Главнокомандующего ждать не приходилось. И я поднял трубку прямой линии с чувством некоторого замешательства. Сталин задал один-единственный вопрос: «Вам известно, товарищ Рокоссовский, что враг занял Красную Поляну, и понимаете ли вы, что если Красная Поляна в руках врага, это означает, что вся Москва окажется под обстрелом немцев?»

Рокоссовский вынужден был согласиться. Поступило распоряжение о проведении контратак. 16-я армия вынуждена была оставить Солнечногорск, что «осложнило положение», как впоследствии высказывался генерал Жуков. На оказавшийся под угрозой участок срочно перебрасывались войска из резерва Главного Командования. Линия обороны русских хотя и изогнулась под натиском немцев, однако устояла. В первых числах декабря Жуков пришел к выводу о том, что «если судить о характере военных операций и атак сил врага, наступление его выдохлось и немцы не располагают ни живой силой, ни вооружениями для его продолжения». Михаил Мильштейн, офицер штаба Жукова, между тем вспоминает: «Мы сумели захватить документы одного немецкого штаба...

и все они указывали на то, что советские резервы исчерпаны, а новых не предвидится».

Однако советское Верховное Командование не только располагало силами, достаточными для удержания обороны, одновременно оно сосредотачивало войска для контрнаступления. Советский танкист Вениамин Ивантеев высказался относительно потерь Красной Армии следующим образом: «Если вспомнить обо всех, кто погиб, не остается ничего, кроме как устыдиться». Генерал Жуков, однако, подобных угрызений совести не испытывал, планируя предстоящее контрнаступление. Западный фронт Советов был усилен двумя вновь сформированными армиями — 1-й ударной и 10-й армией и, кроме того, другими соединениями, составившими еще одну, 20-ю армию^[70]. Но немцы каким-то образом ухитрились и этого не заметить.

Следует отметить, что генералу Жукову уже приходилось скрытно готовить наступательные операции. В 1939 году после вторжения японцев в Монголию он командовал там 1-й армейской группировкой советских войск. Упомянутая группировка в результате дерзкой операции сумела окружить и разгромить огромные силы японцев у реки Халхин-Гол. Несмотря на то, что зона боевых действий находилась в 644 километрах от железной дороги, советское командование сумело организовать бесперебойное снабжение войск, что, в конечном итоге, и позволило, воспользовавшись эффектом полной внезапности, уничтожить значительно превосходящего по численности врага. Излишне упоминать, что все мероприятия осуществлялись в режиме строжайшей секретности с соблюдением необходимых мер маскировки. Тот же подход обнаружился и в ходе подготовки контрнаступления под Москвой, — немцев сумели убедить, что русские собрались не наступать, а обороняться. Корректировщик артиллерийского огня Павел Осипов рассказывает о том, как осуществлялась подготовка к контрнаступлению.

«Мы получили приказ рыть окопы и траншеи при тридцатиградусном морозе в промерзшем на 30–40 см грунте. Нам выдали ломы, монтировки да саперные лопатки. Больше ничего не было. Работы проводились в основном в темное время суток из соображений секретности. За два дня мы окопались. 1 декабря поступил приказ занять огневые позиции. Пару дней спустя нам доставили теплую одежду — тулупы, ватники, рукавицы, валенки. После этого стало куда легче — ведь спать приходилось на морозе прямо у орудий на ящиках со снарядами. Неудобно, конечно, но мы не замерзали, поэтому и смогли воевать».

Советский солдат был экипирован всем необходимым для того, чтобы

выиграть эту войну. Лев Копелев, в 1941 году младший офицер, считал, что «многие сейчас забыли о том, что мы шли на фронт добровольцами, многие шли добровольцами, миллионы людей, и мы мечтали о контрнаступлении».

Жуков применил накопленный им в Монголии опыт маскировки широкомасштабных операций у стен Москвы. Все переброски войск из районов глубокого тыла держались в строжайшем секрете. Перед тем как приступить к переброске войск на исходные рубежи, проводилась тщательная разведка местности на предмет выявления там сил противника. О секретности не забывали на командном уровне — каждый офицер, независимо от звания и ранга, располагал лишь минимальной информацией, строго необходимой для непосредственного выполнения поставленной перед ним задачи. Широко принялись такие методы дезинформации, как передача открытым текстом ложных сведений в эфире, подбрасывание врагу заведомо ложных донесений и так далее. Все передвижения сил осуществлялись исключительно ночью. Танки, артиллерийские орудия тщательно маскировались на местности и рассредоточивались на большом расстоянии друг от друга. Организовывались артиллерийские обстрелы, чтобы звуки разрывов и выстрелов заглушали рокот двигателей бронетехники и грузовиков.

Приказ о выступлении командир получил буквально в последнюю минуту перед началом операции. При этом продолжались спорадические, носившие локальный характер стычки с немцами, дабы не вызвать у них подозрения — враг привык к таким единичным вылазкам русских. И все говорит о том, что русские поставленной цели достигли. Как сообщалось в одном из донесений 7-й танковой дивизии, немцы и не подозревали о сосредоточении в районе плацдарма у канала Москва — Волга вновь сформированной 1-й ударной армии. И на участке 2-й танковой дивизии, сумевшей пробить выступ в обороне русских у Красной Поляны, не было замечено никаких признаков 20-й армии Советов, изготовившейся к наступлению.

Солдаты 2-й танковой дивизии вермахта, разместившиеся в деревнях Катюшки и Горки у Красной Поляны, ежедневно рассматривали местность «через стереотрубы». Расстояние до города составляло 16 километров. К великой досаде немцев, они не могли помешать ежедневному прибытию советских войск, — солдаты Красной Армии выгружались из теплушек, а немецкие орудия остались без единого снаряда. Ударная группа «Бук» 304-го пехотного полка, заняв упомянутые деревни, расположилась на расстоянии пушечного выстрела от границ Москвы. А погодные условия не щадили немцев. Единственной защитой от пронизывающего ледяного

ветра оставались все те же летние шинелишки, проложенные газетной бумагой. Передвижения группы затруднялись еще и тем, что раненых было решено оставлять, а не отправлять в тыл. Действия партизан и морозы превратили войсковой подвоз в хаос. Что же касалось атак регулярных частей русских, их прогнозировать было бесполезно — они могли последовать и средь бела дня, и глубокой ночью. И момент русские выбирали безошибочно, они начинали атаку, стоило только немецким часовым юркнуть в какую-нибудь хату или погреб отогреться.

Лейтенант Генрих Хаапе, выполняя поручение командира, прибыл в расположение 106-й пехотной дивизии. Хаапе убедился, что в тылу испытывали куда больше оптимизма, чем на передовой. «Нам сказали, что через несколько дней начнется решающий штурм Москвы, — рассказывал Хаапе. — Боевой дух в тылу на пике подъема, все убеждены, что столица большевиков падет еще до конца года». Похоже, наступление подпитывалось одним лишь энтузиазмом. «В войсках говорят, — утверждает Хаапе, — что раз их не остановило ни бездорожье, ни дождь, ни снег, ни морозы, раз они подошли к Москве, то теперь ей ничего не остается, как только пасть к их ногам». В целом в рассуждениях Хаапе не было ничего оригинального, в них как в капле воды отражались мысли всех фронтовых солдат — пик этой кампании не за горами. «Москва, город, занимавший все наши мысли во время этой долгой и изнурительной кампании, город, ставший легендой, раскинулся перед нами». Часть Хаапе оказалась в нескольких километрах от центра столицы России. «Дух захватывало при одной мысли, что через каких-нибудь четверть часа можно оказаться в Москве, на Красной площади у Кремля».

Словом, фронтовой солдат на собственном опыте познал, что такое танталовы муки. Боевой дневник 87-й пехотной дивизии повествовал о 173-м пехотном полке, 3 декабря в 30-градусный мороз занявшем позиции возле леса под Маслово, у слияния Истры и Москвы-реки. Полк находился «не более чем в 20 километрах от пригородов Москвы, башни которой были ясно видны». Тот, кто делал запись, сообщает, что «гордится тем, что ему выпало оказаться среди тех, кто ближе всех подошел к советской столице Российской империи».

А в рейхе пропасть между желаемым и действительным продолжала углубляться. Сводки ОКВ уже не отличались былым оптимизмом. 25 ноября 1941 года согласно официальному сообщению «Наступательные операции на центральном участке Восточного фронта по-прежнему осуществляются успешно». Четыре дня спустя — «есть успехи в ходе наступления на Москву». 1 декабря сообщалось о том, что «пехотные и

танковые части сумели продвинуться еще ближе к Москве. Сообщения от 2 и 3 декабря пестрели такими терминами, как «глубокое проникновение в тыл противника... на обширных участках фронта». Что же касалось населения рейха, оно подозревало, что на Восточном фронте происходят события, ничего общего с газетным пустозвонством не имеющие. Газеты же пытались сосредоточить внимание читателей на мелких, эпизодических стычках, на «малых» успехах относительно небольших подразделений вермахта, как бы заранее приучая читателя отвыкнуть от масштабных побед недалекого прошлого. И читатель вскоре стал склоняться к мысли о том, что именно репортаж в замаскированной форме несет в себе пока еще не объявленные главные новости. Всплеск вдохновения принесло известие о взятии Солнечногорска — городка, расположенного в 50 километрах северо-западнее Москвы. Эта хоть и не большая, но все же победа подчеркивала решимость вермахта наступать на столицу Советов и мощным ударом сокрушить ее, невзирая ни на какие сюрпризы русской зимы.

Так что к 1 декабря, несмотря ни на что, все в рейхе были убеждены в скором падении Москвы. Однако самые популярные новости касались не московского направления Восточного фронта, а «трагической гибели» двух известных в нацистской Германии персон: асов люфтваффе Эрнста Удета и Вернера Молдерса. Это в сильной степени отвлекло внимание от драматических событий у ворот советской столицы. В тот год зима в Германии выдалась необычно мягкой — температура крайне редко понижалась даже до нуля градусов, и «замороженное наступление» казалось чем-то далеким, почти нереальным.

Когда лейтенант Хаапе добрался до передовых позиций 106-й пехотной дивизии, температура упала до двузначных цифр ниже нуля. Неподалеку находилась трамвайная остановка. Боже! Москва была рядом, вот она! А ее падение означало конец войны. До центра оставалось каких-нибудь 16 километров!

«Войдя в трамвай, мы стали разглядывать эти деревянные сиденья, на которых до нас сидели тысячи москвичей. У стенки мы заметили небольшой деревянный ящичек. Открыв его, мы обнаружили ворох использованных билетов. Мы смогли прочесть только одно слово, написанное славянскими буквами: «Москва».

1 декабря фельдмаршал фон Бок признал, что «надежда на то, что враг «будет сломлен», если судить по боям последних двух недель, оказалась призрачной». Силы группы армий «Центр» были опасно разбросаны. Он заявлял Гальдеру, начальнику Генерального штаба, о том, что у него

создается впечатление, что Гитлер не информирован о серьезности положения. «...Высокие инстанции на удивление плохо информированы о моих донесениях», — недоумевает фон Бок. Немецкий Генштаб пребывал в стойкой уверенности в непобедимости войск Восточного фронта, равно как и в том, что русские находятся на излете сил. И вот что он запишет в тот же день в свой дневник:

«Я подчеркнул в разговоре, что нас также беспокоит повышенный расход сил. Однако нужно попытаться разбить противника, бросив в бой все силы до последнего. Если окончательно выяснится, что разгромить противника все-таки невозможно, тогда нужно будет принять другое решение».

Ясным солнечным днем 2 декабря 1941 года солдаты штурмовой группы «Бук», занимавшие позиции в деревне Катюшки у кладбища, впервые за много дней получили возможность принять горячую пищу. Перед этим им пришлось пережить и вьюги, и страшные морозы. И вдруг во время еды кто-то из боевого охранения завопил: «Тревога!» Дислоцированная за деревней Пучки немецкая батарея немедленно открыла огонь. Снаряды со свистом проносились над головами солдат, разрываясь у леса южнее Катюшек. Когда же загремели разрывы снарядов русских «катюш», немцы окончательно убедились в том, что надежда доест горячий обед рухнула.

В лесочке южнее занимаемой немцами деревни явно царило оживление. Оттуда доносился рокот танковых двигателей. И внезапно, ломая кустарник и сухостой, из-за деревьев показались советские танки Т-34 и БТ-7 и стали надвигаться на позиции немцев. За танками по снегу шагали советские пехотинцы. Когда советская артиллерия дала несколько залпов по позициям в Пучках, грохот немецких орудий стих. Штурмовики и толстобрюхие И-16 сбросили несколько бомб на немецкие позиции. Лейтенант Рихтер мгновенно оценил катастрофические размеры этой внезапной атаки. «Вражеские летчики, — записал он 2 декабря, — если выражаться по-солдатски, здорово надрали нам задницу».

Русские продолжали разведку боем и на участке передовых частей 2-й танковой дивизии в районе Красной Поляны. Лейтенант Георг Рихтер мрачно пошутил: «Пока мы стоим здесь, врагу ничего не стоит начать переброску своих сил на городских трамваях».

Холода все сильнее снижали боеспособность войск. Вот как описывает корректировщик Лотар Фромм боевые действия в этих, близких к арктическим, условиях.

«Оружие больше не повиновалось нам... Минус тридцать —

предельная температура, которую выдерживала смазка. Она застыла на этом морозе. Расчеты вновь и вновь пытались привести орудия в действие, но тщетно. Ствол заклинивало, возвратный механизм не работал. От этого прямо руки опускались».

А Рихтер, напротив, проклинал советскую артиллерию, которая «перемолола все у наших позиций, непонятно, что за калибры у этих русских». И, как следствие, «фабричные постройке в огне». Нервы на пределе. «Страх охватил буквально всех — даже повара отказываются выползти из своих землянок и приготовить жратву. Сидят в них и дрожат при каждом разрыве», — обреченно заключал Рихтер 3 декабря в своем дневнике. По мнению Рихтера, «нет никакого смысла держаться за эти Катюшки или Горки».

Того же мнения придерживался и фельдмаршал фон Бок. Он инстинктивно чувствовал, что группа армий «Центр» на самом деле исчерпала свои возможности. «Вечером поступает телетайпограмма, с которой надлежит ознакомить командующих армиями и корпусами. Главная мысль — в этот, безусловно, кризисный для русских момент необходимо использовать все имеющиеся возможности. Сильно сомневаюсь, что у измотанных войск еще остаются силы для этого». Но в тот же день судьба словно решила подсластить фельдмаршалу пилюлю. «Город Смоленск вручает мне грамоту, в которой мне выражается благодарность за освобождение от большевизма». Да, за три месяца до описанных событий группа армий «Центр» находилась на гребне славы. Но для Бока истекшие месяцы, если судить по тону его дневниковых записей, казались давно ушедшей эпохой.

Глава 16

«У Москвы разверзся ад!»

«Немецкий солдат никогда не сдается!»

Гальдер,

*начальник Генерального штаба германских
войск*

Советское контрнаступление

Советские ударные армии изначально замышлялись, как крупные соединения, располагавшие большим количеством моторизованной техники, танковыми силами и автоматическим оружием. 1-я ударная армия, дислоцированная восточнее Яхромы, и другие, созданные в период зимы 1941/42 года, еще не в полной мере отвечали перечисленным требованиям. Принимая 23 ноября 1941 года командование 1-й ударной армией, Кузнецов имел в своем распоряжении стрелковую дивизию, 9 стрелковых бригад, 10 отдельных батальонов, артиллерийский полк и дивизион реактивных минометов «катюша». Около 70 % солдат перешагнули 30-летний барьер. Таким же образом выглядела и 12-я армия. Численность личного состава 10-й армии была доведена до 100 тысяч человек. 10-я армия состояла из 7 резервных стрелковых дивизий, укомплектованных жителями Москвы и Московской области. Соединение было переброшено под Москву из приволжского городка Сызрань, расположенного в 480 километрах от Москвы. К концу ноября к линии фронта были выдвинуты с Волги еще четыре вновь сформированные резервные армии. 24-я, 26-я и 60-я армии были дислоцированы восточнее Москвы, а 61-я находилась в стадии формирования у правого фланга юго-западного участка фронта^[71].

29 ноября Сталин передал в подчинение вновь сформированные армии — 1-ю ударную, 20-ю и 10-ю — непосредственно Жукову. На 5 декабря, даже если не считать резервные армии, советские войска, сосредоточенные на центральном участке фронта и противостоявшие группе армий «Центр», превосходили силы немцев даже на момент начала последними операции

«Тайфун»^[72]. Группа армий «Центр» не имела возможности восполнить тяжелые потери личного состава и техники и в особенности командного состава. На 5 декабря советские армии, сосредоточенные на московском участке, в противоположность немецким имели на треть больше стрелковых дивизий, в пять раз больше кавалерийских, в два раза больше артиллерийских полков и в два раза больше танковых бригад, чем на 2 октября.

Согласно данным, представленным начальником штаба Жукова генерал-лейтенантом В.Д. Соколовским, численность армий Западного фронта превышала 1 миллион человек (немцы приводят несколько другие цифры — 1 100 000 против 1 708 000), однако немцы включили сюда и тыловые части. Огромные потери среди личного состава тыловых и вспомогательных служб серьезно подрывали боеспособность немецких дивизий. По числу артиллерийских орудий силы и вермахта, и Красной Армии были примерно равны (по 13 500 единиц), так же обстояло дело и с танками (1170 машин), однако немцы располагали существенно меньшим числом боеготовых, исправных машин. Наиболее значительным было превосходство русских по числу самолетов — 1370 самолетов против 600 немецких, кроме того, советские ВВС действовали с хорошо оборудованных ближних подмосковных аэродромов^[73].

Замысел советского наступления заключался в том, чтобы ударом на Клин и Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловую и Богородицк во фланг и тыл группировке Гудериана разбить противника на левом крыле фронта. Ликвидировав угрозу каналу Москва-Волга, 10-я армия должна была развивать наступление на Клин и во взаимодействии с 30-й и 20-й армиями атаковать 3-ю танковую группу и 9-ю армию немцев на севере. 20-я армия при поддержке 1-й ударной армии и во взаимодействии с 16-й армией наносила удар из Красной Поляны и Белого Раста на Солнечногорск и далее на Волоколамск. Выступ, образовавшийся в результате выдвижения 2-й танковой армии Гудериана, предстояло атаковать силам 50-й армии, а также 10-й, наступавшим строго на запад южнее реки Упы. В первоначальную задачу входила ликвидация прямой угрозы советской столице. Как выразился генерал-лейтенант Соколовский, «окончательно сломить наступление противника, не давая ему возможности для перегруппировки сил и вторжения в столицу». Примерно половина всех танковых сил Советов (290 из 720) была сосредоточена на главном направлении немецкого наступления — на клинском,

солнечногорском и истринском участках — то есть там, где немцы сумели ближе всего подойти к Москве. Русские не рассчитывали на немедленный успех — это было первое за всю войну контрнаступление, и его еще предстояло осуществить. Однако советское командование располагало точными данными о том, что враг на грани полного изнеможения.

Именно об отсутствии достаточного количества сил и предупреждает генерал-фельдмаршал фон Бок в дневниковой записи от 3 декабря 1941 года: «Если мы будем вынуждены остановить наступление, то перейти к обороне будет весьма непросто». С падением Москвы связывалась последняя надежда немцев. И это подтверждается словами фон Бока: «Именно переход к обороне наших немногочисленных сил и возможные последствия этого шага служат причиной тому, что я до сих пор продолжаю цепляться за это наступление». Два дня спустя штаб 3-й танковой группы докладывал о том, «...что наступательная мощь группы исчерпана и что она сумеет удержать позиции лишь в случае переподчинения ей сил 23-й [пехотной] дивизии...» Командующий 4-й армией фон Клюге проинформировал фон Бока о том, что намеченное наступление 4-й танковой группы Гёпнера «не представляется возможным». В тот же день генерал-полковник Гудериан просил разрешения отложить начало наступления и для своей 2-й армии. 4 декабря он высказывается куда определеннее: «О переходе дивизии в наступление в этот же день не могло быть и речи. Температура упала до минус 35 градусов». Немецкие танки таких холодов, в отличие от русских, не выдерживали.

Подполковник Грампе из штаба 1-й танковой дивизии в тот же день докладывал о том, что его танки вследствие низких температур (минус 35 градусов) оказались небоеспособны. «Даже башни заклинило, — уверял подполковник Грампе, — оптические приборы покрываются инеем, а пулеметы способны лишь на стрельбу одиночными патронами...»

Вновь сформированные советские армии прибыли на этот участок лишь за две-три недели до начала контрнаступления. Они состояли из свежих частей, укомплектованных сибиряками, остатками старых, обстрелянных частей и прошедшими краткосрочную подготовку резервистами. Не везде хватало боеприпасов и вооружений. Большая часть офицерского и сержантского состава не имела боевого опыта. Танки были распределены по 15 танковым бригадам, таким образом, на одну бригаду в среднем приходилось по 46 машин. Но — как бы то ни было — все бойцы и командиры имели соответствующее обмундирование. Кроме того, боевой дух советского солдата был неизмеримо выше, чем у немецкого, который, начиная с сентября месяца, лишь истекал кровью, промерзал до костей и

страдал от нехватки самого необходимого, включая боеприпасы^[74]. Советские силы размещались таким образом, что даже в случае их обнаружения противостоять им, произведя необходимые перегруппировки, немцы просто не смогли бы. Но, самое главное, советское командование смогло добиться полнейшей внезапности.

В утренние часы 5 декабря 1941 года советская 29-я армия атаковала пребывавшего в анабиозном состоянии противника, наступая по льду Волги западнее Калинина. Прежде чем враг опомнился, его оборона оказалась прорвана, и советские части углубились в тыл на 10 километров. На следующее утро, когда мороз опустился до минус 35 градусов, солдаты Западного и Юго-Западного фронтов перешли в решительное наступление.

В донесении от 6 декабря командира 2-го батальона 114-го пехотного полка (6-я танковая дивизия), размещавшегося в деревне Степаново, говорилось:

«С наступлением утра наблюдались признаки определенного оживления среди гражданского населения. Объяснение — Степаново вот-вот займут русские, а немцы уйдут оттуда — немецкие солдаты всерьез не восприняли. Однако проведенная радиоразведка подтвердила слухи. Вскоре на дороге Степаново — Жуково появились отступающие части 7-й танковой дивизии».

Как рассказывал начальник штаба 6-й танковой дивизии, по прибытии командующего корпусом генерала Моделя в штаб в 10 утра «последовал неожиданный приказ». Модель, убедившись, что сил 3-й танковой группы явно недостаточно для удержания существовавшей линии обороны от натиска «значительных сил противника», отдал распоряжение все внимание сосредоточить на северо-восточном фланге. «Как следствие, — указывал Модель, — линия фронта должна сократиться». Одновременно последовали распоряжения о прокладке тыловых трасс. Начальник тыла получил приказ об отправке в тыл раненых и соответствующей реорганизации тыловых служб. Корпусу Моделя предстояло начать первое в ходе кампании отступление. Это стало третьим по счету разочарованием, которое пришлось пережить солдатам 6-й танковой дивизии, когда победа казалась такой близкой. В первый раз это случилось под Дюнкерком в 1940 году, потом в сентябре 1941 года под Ленинградом и вот теперь под Москвой.

Артиллерист рядовой Павел Осипов 6 декабря огнем своего орудия поддерживал наступающие советские войска. Едва пехотинцы пошли в наступление, как обнаружилась их полнейшая неподготовленность. «В особенности молодежь бросалась вперед, и все тут же на

тридцатиградусном морозе замертво падали в снег», — рассказывает Осипов. Петр Веселиноков (так в тексте. — *Прим. перев.*) также пришел в ужас от своего «первого сражения». Он окрестил его бойней. «Самое страшное, — вспоминает он, — это видеть, как от тел только что погибших поднимался пар. В воздухе стоял нестерпимый запах крови и мяса».

На второй день наступления появились первые признаки успеха. 31-я армия совместно с 29-й пытались прорвать оборону немецкой 9-й армии у Калинина. Они так и не смогли пробиться через Волгу южнее Калинина. Однако советская 30-я армия все же смогла вклиниться на 12 километров во фланг 3-й танковой группы северо-западнее Клина. 1-я ударная и 20-я армии нанесли удар по позициям 3-й и 4-й танковых групп у Яхромы и западнее Красной Поляны. Южнее Красной Поляны в результате ожесточенных схваток советские войска также добились некоторого успеха. Тем временем 10-я армия силами одной стрелковой и двух мотопехотных дивизий^[75] нанесла удар 2-й танковой армии Гудериана восточнее Тулы. Остальные части советской 10-й армии еще подтягивались на московское направление. 2-я и 30-я армии Юго-Западного фронта наступали у Ельца, создавая угрозу немецким войскам на южном основании тульского выступления.

Штабной офицер Михаил Мильштейн вспоминает, как к ним «постепенно пришло чувство уверенности, первые контратаки принесли успешные результаты». Однако успех давался весьма нелегкой ценой. Вот что рассказывает рядовой-артиллерист Павел Осипов:

«Много было раненых, в особенности среди пулеметчиков. Всем ведь нужно было идти вперед, а этим уже никто не мог помочь. Мы отправили одного из наших сообщить, кому следует, чтобы моторизованное подразделение, следовавшее за нами, забрало раненых».

«В конце концов, — продолжает Мильштейн, — всем понемногу стало ясно, что и непобедимых гитлеровцев тоже можно бить». Причем Мильштейн не использовал пропагандистскую риторику «Великой Отечественной войны», поскольку, будучи штабным офицером, считал успехи Красной Армии не «чудом», а результатом «вдумчивой, планомерной подготовки операции». «Естественно, не обошлось и без потерь, и без неудач, — продолжал он, — однако операцию провели надлежащим образом». В тот период лейтенант, а впоследствии видный историк Дмитрий Волкогонов считал, что немецкая армия «выдохлась» и «контрнаступление Армии стало для немцев полной неожиданностью»^[76]. Как и для мирного населения. Павел Осипов озабоченно отмечает, что

«имелось много жертв и среди мирного населения, стариков, детей. Советское контрнаступление их также захватило врасплох, и они не успели покинуть районы боевых действий из-за этих жутких холодов».

5 декабря 1941 года немецкий военврач Антон Грюндер до 6 часов утра находился на дежурстве. Это происходило на участке 9-й армии.

«Я как раз садился завтракать, когда начался весь этот ад. Все бросились бежать — танкисты, артиллеристы со своими орудиями, солдаты — в одиночку или группами. Никто не мог понять, в чем дело. Никаких приказов не получали; все старались уйти подальше. Большинство техники вышло из строя из-за морозов, но нам все-таки удалось захватить с собой большую часть медицинского оборудования и лекарственных средств. Мы старались держаться вместе с остатками роты, а отбившиеся пропадали без вести».

Заниматься ранеными в условиях повального отступления — тяжелый труд. «Мы становились свидетелями страшных сцен, — признается Грюндер. — Приходилось менять повязки недельной и больше давности».

«Один солдат был ранен в руку навывлет. Конечность почернела, гной тек даже по ногам. Руку до сустава необходимо было отнять. И во время операции я велел троим солдатам непрерывно дымить сигарами, чтобы хоть как-то забить этот жуткий смрад».

Немцы отступали по-всякому: и организованно, и хаотично. Несмотря на бесконечные дискуссии и переговоры штаба группы армий и ОКВ, отступление продолжалось. Моторизованные части, то есть те, кто и пожинал лавры успешного наступления, теперь планомерно откатывались на запад, поскольку располагали техникой. Пехотинцы, на плечи которых ложилась основная тяжесть наступления, выбивались из сил. Теперь им приходилось отступать. Все это существенно уменьшало их и без того мизерные шансы уцелеть.

Советское наступление, начавшееся 5 декабря 1941 года, продолжалось, несмотря на метели

Лейтенант Хаапе направлялся в отпуск, но поезд внезапно задержали. «Всем было приказано явиться в свои части и доложить о прибытии командованию», — рассказывает он. Отпускники пытались протестовать, но их тут же поставили в известность о внезапном наступлении русских, сумевших прорваться к Калинин. «Все погрузились в молчание, — свидетельствует Хаапе, — никто даже и не бранился, слишком уж все это было серьезно».

«А где же русские?» — поинтересовался Хаапе, прибыв в свою дивизию. «Да, везде, — последовал ответ, — этого, похоже, никто не знает».

На северном участке дальше всех продвинулась 30-я армия генерала Лелюшенко. Вскоре ее части вышли к шоссе Москва — Ленинград на стыке 3-й танковой группы и 4-й армии фон Клюге. 13 декабря советская 1-я ударная армия вышла к Клину, создав угрозу окружения города. И для ликвидации угрозы немцам потребовалось два дня упорных боев. 16-я и 12-я армии вышли к Истре. 12 декабря немцы оставили Солнечногорск. Южнее Москвы русские перерезали дорогу Орел — Тула, а части 50-й и 10-й армий успешно сумели еще больше вклиниться на северном фланге 4-й армии Клюге. В ходе первой фазы советского контрнаступления, продлившейся до 24 декабря, советские войска освободили всю территорию, захваченную немцами после знаменательного совещания в

Орше.

Павел Осипов размышлял о значении успеха советского контрнаступления и отхода немцев.

«На второй или на третий день нашего контрнаступления мы почувствовали, что успех на нашей стороне, боевой дух солдат, сержантов и офицеров повысился. И с тех пор мы погнали немцев, чтобы не дать им возможность дотла сжечь наши города и села. А они, отступая, жгли все».

Да, русские побеждали, и постепенно начинали понимать это. Командир пехотного взвода Анатолий Черняев, воочию убедившись, в каком состоянии пребывают немцы, понял, что «они были совершенно не готовы к войне с Россией». Приводим его высказывание:

«За эти месяцы войны образ немца сильно изменился. Летом и осенью, когда мы вынуждены были отступать, они казались нам непобедимыми и невероятно сильными. А теперь, когда мы увидели их под Москвой полураздетыми, грязными и голодными, мы поняли, что такая армия уже терпит поражение».

Инициатива переходила к русским. У немцев же дела обстояли как раз наоборот, — боевой дух вермахта неуклонно снижался. В ходе войны назревал поворот, и немцы это хорошо понимали.

«Немецкий солдат никогда не сдаётся!» Кризис доверия

7 декабря в военном дневнике командующего группой армий «Центр» фельдмаршала фон Бока появилась такая запись:

«Приказы, предписывающие, невзирая ни на что, продолжать оттеснять врага в глубь его территории, были оправданны до тех пор, пока высшее командование, отдавая их, исходило из того, что враг на излете сил и сражается за свою жизнь; и стремление покончить с ним одним махом еще могло оправдывать любые трудности, с которыми нам приходилось сталкиваться, — а главное командование сухопутных войск именно этого и требовало. Это, однако, оказалось заблуждением, и теперь группа армий вынуждена в тяжелейших условиях переходить к обороне»^[77].

Далее генерал-фельдмаршал упоминает о телефонном разговоре с генералом Гудерианом. Обычно весьма сдержанный в оценках, Гудериан «рисует обстановку в самых ужасающих тонах, при этом дает мне понять, что не может умолчать о растущем недоверии».

«Прошу его уточнить, к кому конкретно проявлено пресловутое недоверие, и советую ему самому слетать в Ставку Главного командования

сухопутных войск...» Явно раздосадованный этой перепалкой фон Бок обращается к генералу Гальдеру. Начальник штаба рекомендует фон Боку «не принимать близко к сердцу слова Гудериана». Когда фон Бок признается, что не в состоянии устоять перед решительной атакой русских на любом участке фронта группы армий, Гальдер пытается успокоить его, говоря, что русские бросают в бой неопытных солдат. «Я считаю, — утверждает Гальдер, — что все это продлится от силы до середины этого месяца, а затем станет потише».

«Так к тому времени, — парирует фон Бок, — нашей группе армий придет конец!» На что Гальдер невозмутимо отвечает: «Немецкий солдат никогда не сдастся!» Фон Бок отдает распоряжение своим штабистам просчитать возможность отвода своих сил на 100–150 километров на линию Курск — Орел — Гжатск — Ржев.

Гудериан старался обратить внимание на изменение настроения войск Восточного фронта с момента начала осуществления плана «Барбаросса» и до декабря месяца 1941 года. 8 декабря он писал: «Мы стоим перед печальным фактом того, что наше Верховное командование слишком туго натянуло тетиву лука, не хотело верить поступающим сообщениям об ослаблении боеспособности наших войск, выдвигало все время новые и новые требования...» Будучи типичным представителем поколения аналитиков, выпестованных генштабом, Гудериан делал упор на материальной стороне боеспособности войск. А войск было мало, кроме того, они не имели никакой экипировки для ведения войны в условиях холодов. Даже неудача под Ростовом-на-Дону, по мнению Гудериана, ничему не научила немецкое Верховное командование.

«Ростов был началом наших бед; это был первый предостерегающий сигнал. Несмотря на это, наступление здесь продолжалось. Моя поездка в штаб группы армий 23 ноября не дала никаких результатов и не внесла необходимой ясности; там продолжали работать спустя рукава. Затем потерпел поражение мой северный сосед; мой южный сосед был и до того не очень боеспособен, и в конце концов у меня не осталось другого выбора, как прекратить наступление, так как одному, да еще при 35-градусном морозе, мне было не под силу опрокинуть весь Восточный фронт».

Простой немецкий солдат в декабре месяца 1941 года под Москвой был уже не похож на того, который, затаив дыхание, ждал сигнала к началу операции «Барбаросса» в ночь на 22 июня того же 1941 года. Две трети присущих ему черт претерпели с тех пор фундаментальные изменения в ходе суровых испытаний, выпавших на его долю за это время. Фундаментальная ломка сознания приходится как раз на период с сентября

по декабрь. Идеалистический пыл, воспламененный победами в предыдущих кампаниях, угасал по мере роста потерь боевых товарищей. Ужасы войны вбивали клин между теми, кто сумел уберечь в неприкосновенности былые моральные нормы, и теми, кто стремился угодить нацистскому режиму, проявить лояльность к нему. Неприятие пресловутого «приказа о комиссарах» исходило от возвращенных на либеральных ценностях Веймарской республики представителей германского офицерства старшего поколения и измотанных в боях, почти уничтоженных в кровавой мясорубке войны унтер-офицеров старой школы. Степень доверия, повышавшаяся под воздействием квазипобед у ворот Ленинграда или в Ростове-на-Дону, понижалась по мере осознания того, насколько велики масштабы провалов. Потери сентября 1941 года, за которыми последовали еще большие потери поздней осенью и в начале зимы, смыли глянец основанного на боевом товариществе руководства войсками. Взошедшие было ростки «блицкрига» усохли.

Война в России явилась суровым испытанием для германской нации. Уже намечался пока что едва ощутимый конфликт тех, кто, вопя во всю глотку пропагандистские заклинания, фанатично сражался «за фатерланд и фюрера», с теми, кто просто честно исполнял свой долг. Те, кто штурмовал Варшаву, победным маршем входил в Париж, Афины, Белград, Смоленск и Киев, все чаще и чаще задавали себе вопрос, а стоит ли на самом деле Москва таких жертв? Падение боевого духа, как важнейшей составляющей боеспособности войск Восточного фронта, прослеживается в военном дневнике Гальдера, совпадая, по сути, с высказываниями Гудериана о том, что Верховное командование в своем упорном нежелании осознать реальное положение дел явно переоценивало боевую мощь вермахта и тем самым наглядно продемонстрировало свою полную некомпетентность. Еще 3 ноября Гальдер признавал, говоря о положении в группе армий «Юг»: «Здесь из-за трудностей с подвозом снабжения и плохого состояния дорог наступательный порыв войск настолько снизился, что общий пессимизм распространился даже на командование группы армий «Юг». Явно требуются энергичные меры для подъема наступательного духа». 22 ноября он вынужден признать: «Снять еще какие-либо соединения с южного фланга и центрального участка 4-й армии для использования их в наступлении не представляется возможным. Войска совершенно измотаны и неспособны к наступлению...» 1 декабря Гальдер констатирует: «Командир 13-й танковой дивизии и один из наиболее способных командиров полков страдают полным расстройством нервной системы». Девять дней спустя генерал Гальдер, после телефонного разговора с

фельдмаршалом фон Боком, размышляя о ситуации в группе армий [«Центр»], запишет в свой дневник: «Он сообщил о донесении Гудериана, что состояние его войск внушает большие опасения и что он не знает, справятся ли они с задачей отражения русского наступления. Войска теряют доверие к своему командованию. Понижилась боевая мощь пехоты! Проводятся мероприятия по прочесыванию тылов. (Обнаружено, что в одной лишь танковой дивизии можно набрать дополнительно 1600 штыков.) Естественно, что танкисты и водители не могут быть направлены в первую линию. Группа армий нуждается в людях! Явная неспособность командира 27-го армейского корпуса...»

Кризис доверия проявлялся и в письмах с фронта. Солдаты, для кого не было секретом, что все ими написанное станет достоянием нацистской цензуры, невзирая ни на что, иногда не стеснялись в выражениях. В своем письме в рейх от 6 декабря ефрейтор Фриц Зигель, проклиная морозы под Тулой, фактически повторил мысль своего командующего:

«Боже мой у что же эти русские задумали сделать с нами? Хорошо бы, если бы там наверху хотя бы прислушались к нам, иначе всем нам здесь придется подохнуть».

Густав Шродек из 1-й танковой дивизии, застрявшей в часе езды от Москвы, 2 декабря записал в дневник, что «в войсках доверие к высшему командованию быстро улетучивается», а боевой дух «неуклонно снижается». Невозможность овладеть Москвой, ради которой пришлось столько перенести, стала самым большим разочарованием. Лейтенант из 258-й пехотной дивизии говорил, что их часть сумела подойти к столице Советов на 30 километров, что, по его мнению, служило «свидетельством героизма, мужества и стойкости наших солдат». Конечно, без потерь не обойтись, но те, кто пал, «навсегда будут жить в наших сердцах».

«Но если от наступления никакого проку, то тут следует призадуматься. Я понять не могу, отчего все так происходит, но твердо уверен, что это стыд и позор. Досадно! В конечном итоге нам всем пришлось 3 декабря вернуться туда, откуда начинали. Кое-где от наших рот остались рожки да ножки».

Между строк фронтовых писем читаются миллионы проблем, связанных с ужасающими условиями военного бытия, стремлением выжить, и никогда не покидающие солдата мысли о родном доме. Большинство воспринимало поворот в ходе кампании с полной покорностью судьбе. Боевой задор июня месяца исчез. «Из нас словно воздух выпустили, — писал один ефрейтор из 262-й пехотной дивизии. — От постоянной нервозности мне временами уже ничего не хочется», — признается этот пехотинец. Единственное, чего он жаждал, так это небольшой передышки на Рождество да «писем из дому». Но вынужден был сражаться с врагом. «Дорогая моя, — продолжает он, — позади много трудных дней, но нам еще предстоят большие испытания». Сознавая, что домашние не получат его письмо раньше Нового года, он завершал его на оптимистичной ноте. «Вопреки всему политическое положение предельно ясно, — писал ефрейтор, — и результатом этого может быть лишь наша победа!» Однако контрнаступление русских стало громом среди ясного неба. Солдаты никак не могли взять в толк, отчего же «те, кто наверху» втянули их в такие передраги. Обер-лейтенант Карл Мольтнер, офицер штаба танкового корпуса, в беседе уже после войны утверждал:

«Мы были совершенно не готовы воевать в условиях такой зимы при

температурах минус 36 градусов. У нас даже не было зимнего обмундирования...»

Изменения приобретали необратимый характер — боевому духу войск Восточного фронта уже не быть тем, каким он был в июне 1941-го. Немецкий солдат по-прежнему сражался за фюрера и фатерланд, или же собственную шкуру, или же и за то, и за другое, но уже не с тем пылом и воодушевлением, без былой самоотверженности, какими было отмечено начало этой кампании. И по мере того, как войска отходили все дальше на

запад, немецкий солдат все больше задумывался лишь об одном — как выжить.

Отступление немецких войск

Прорыв советских частей на флангах группы армий «Центр» впервые за эту кампанию поставил немецкие дивизии перед реальной угрозой уничтожения. Лейтенант Георг Рихтер, часть которого 6 декабря оставила расположенные в 30 километрах от Москвы Пучки, двумя днями позже запишет в свой военный дневник следующие строки: «...до сих пор отступление проходило согласно плану». Это существенно облегчало отступление моторизованных частей. Температура в те дни колебалась от минус 6 до минус 12 градусов со снегом. Из-за постоянных перебоев с горючим приходилось часто делать остановки. 13 декабря их часть наткнулась на остатки разгромленной незадолго до этого немецкой колонны — обочину дорог усеивали обгоревшие остовы грузовиков и бронетехники. Внезапно до ушей Рихтера донеслись крики «Ура!»

«Из леса показались коричневатые фигурки, а прямо на меня устремились бегущие в панике солдаты, водители, экипажи машин... В первую минуту я вообще не сообразил, что делать. Попытаться остановить этот неудержимый поток? Бессмысленно — многие из них даже позабыли, что вооружены. Скорее всего, поблизости находились русские танки. И верно — вскоре я увидел, как они, грузно переваливаясь с боку на бок, перебирались через шоссе».

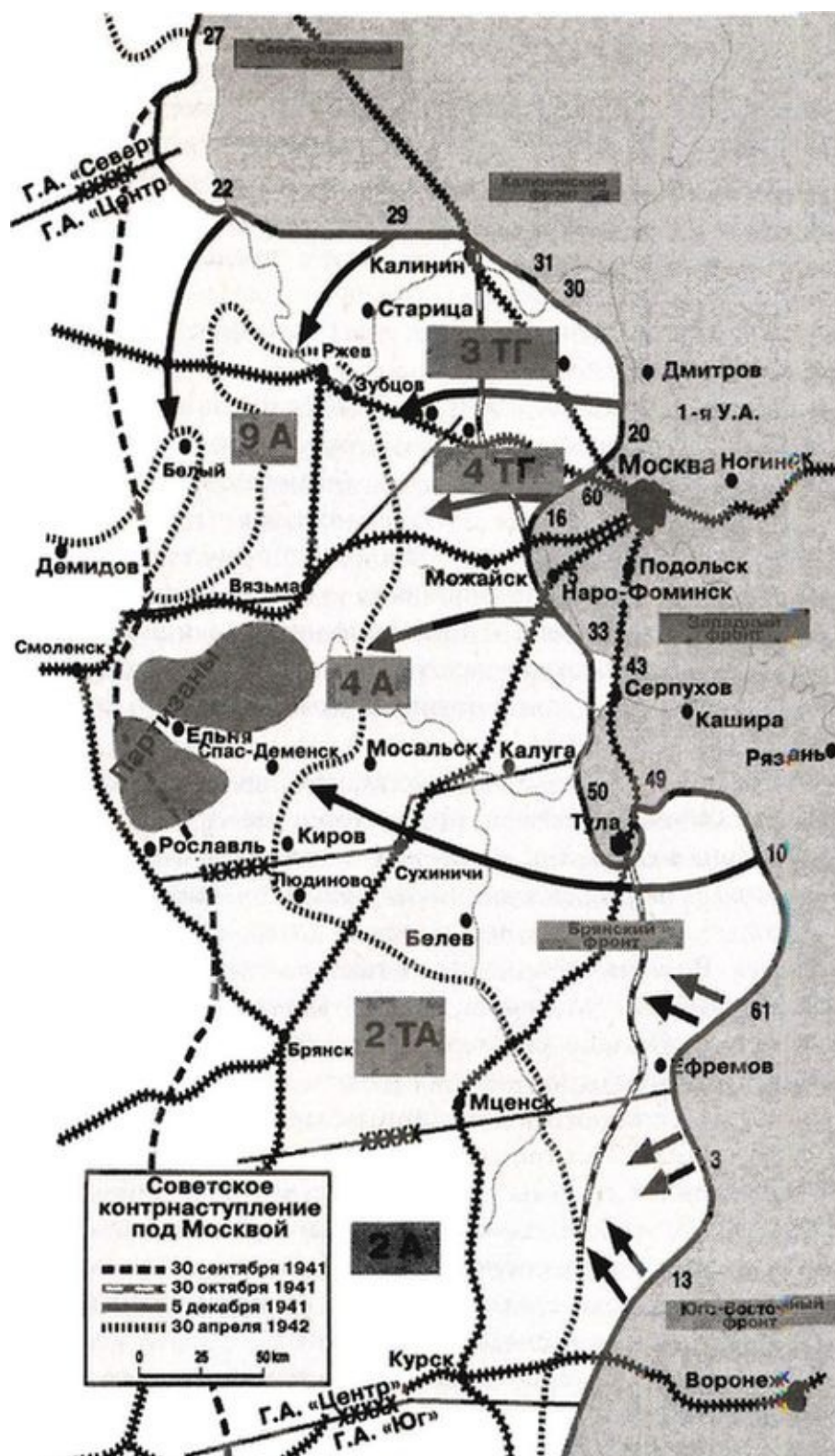
Рихтеру все же удалось собрать группу в 10 человек, из тех, кто помоложе и посмелее. Но бронетранспортеры сопровождения колонны «показали себя не с лучшей стороны». Группа вынуждена была отойти к близлежащей деревне. Ничего из техники спасти не удалось...

Положение немцев усугублялось тем, что они не умели вести бои в отступлении. Приходилось полагаться в основном на сообразительность командиров и каждого бойца в отдельности. Хорст Орлофф, командир танковой роты, который еще совсем недавно имел счастье лицезреть «озаренные солнцем башни советской столицы», в одной из послевоенных бесед вспоминал о том, как их часть отступала:

«Могу лишь сказать, что в пределах моих командных полномочий отступление осуществлялось упорядоченно. Естественно, случались и потери матчасти, и личного состава, но это не было беспорядочным бегством».

Пресловутое неумение отступать объяснялось, прежде всего, победоносными предыдущими кампаниями. Но в декабре войскам Восточного фронта на ходу пришлось осваивать отнюдь не простую науку отхода. И далеко не везде он носил «упорядоченный», по выражению Хорста Орлоффа, характер. Сцены, свидетелем которых был лейтенант Рихтер, отступавший с частями 4-й танковой группы, происходили и при отступлении 3-й танковой группы. «Дисциплина падает», — гласили декабрьские донесения ее штаба.

«Все больше и больше солдат, отбившихся от своих частей, продолжают следовать в западном направлении без оружия, они тащат за собой на веревках коров или же несут в обеих руках сетки, полные картофеля. Погибших в результате воздушных атак или артобстрелов русских уже не хоронят. Не привыкшие отступать... войска охватила настоящая паника. Большинство частей остались без подвоза необходимого провианта... и больше всего страдают от холодов. Среди них много раненых, которых нет никакой возможности отправить в тыловые районы. Никакого контроля за передвижением войск нет. Для танковой группы начинается самый сложный период за всю историю ее существования...»

Высшие командные инстанции были просто не в состоянии оценивать и принимать решения, прочитывая ежедневно ворох подобных донесений,

где сообщалось о невесте откуда взявшейся массе русских войск. Штаб ОКВ в попытке стабилизировать обстановку рассылал по частям угрожающие распоряжения, суть которых сводилась к тому, чтобы «не поддаваться панике».

Колоссальные проблемы испытывали не только отступавшие немецкие части, но и остававшиеся в арьергарде, как, например, остатки 18-го пехотного полка, где служил лейтенант Хаапе. Вокруг деревень устраивались посты охранения, предпринимались попытки привести в порядок оружие. Солдат, наученный холодами русской зимы, уже сообщал, что если автомат или пулемет отогреть, а потом очистить его от смазки, то в бою он не даст осечки. И поэтому оружие предпочитали не таскать за собой по морозу, а держать его в теплых хатах у печей, при необходимости разбирая. «И все же, — горько заключал лейтенант Хаапе, — как же тяжело отбивать атаки наступающего противника в этих заснеженных полях».

Подобная тактика давала хоть и скромные, но все же результаты. Потери русских росли. Советские офицеры и сержанты в сравнении с немецкими были плохо обучены по части тактики. Командиры более высокого ранга тяготели к атакам на широком фронте, отводя, например по 9-14 километров на стрелковую дивизию, что приводило к распылению имеющихся сил. Танки использовались в основном как средство поддержки пехоты, вместо того чтобы бросить их для нанесения концентрированных ударов на относительно узких участках.

Русские прекрасно понимали, что немецкие солдаты плохо обмундированы и практически не приспособлены для ведения операций в суровых климатических условиях. Они почти все время отсиживались в теплых землянках, поскольку предпочитали «умереть в тепле, а не погибать на холоде». Русская артиллерия не щадила снарядов, разбивая вдре�г эти хилые убежища, на скорую руку отрытые в мерзлой земле. Однако свойственное русским массированное сосредоточение огромных сил пехоты для атаки одной, зачастую маловажной цели свидетельствовало о неопытности командования. Немцы довольно успешно отбивали фронтальные атаки русских, пытавшихся взять числом, но не умением. Генерал Жуков был вынужден уже на третий день наступления издать распоряжение всеми средствами избегать чреватых колоссальными потерями фронтальных атак.

Примитивные попытки взять немецкие части в кольцо окружения также терпели фиаско. Попытки прорыва почти не предпринимались из-за опасений советских командиров получить удар во фланг. Хорошо

продуманная система постов охранения, использование различных легких видов вооружений во взаимодействии с немногочисленными танками и артиллерийскими орудиями существенно увеличивали боеспособность немецких частей.

Кроме того, немцы, отступая, повсеместно использовали «тактику выжженной земли». «Как только стемнеет, тут и там видны кострища пылающих деревенских хат, — писал в письме домой Вернер Польш, 19-летний уроженец Гамбурга, бывший студент. — Сгорают дотла целые деревни».

Подобные зрелища в избытке выпали и на долю Вильгельма Гёбеля из 78-й пехотной дивизии. «По ночам нашим взорам представало жуткое зрелище, — вспоминал он, — небо до самого горизонта окрашивалось багровым заревом от горящих деревень».

Группа армий «Центр» отступала...

Тем временем между ОКХ (Верховным Главнокомандованием сухопутных войск) и ОКВ (Верховным Главнокомандованием вермахта) разгорелись жаркие дебаты по вопросу выхода из создавшегося кризиса. Глубокие вклинения советских войск на флангах группы армий «Центр» поставили перед угрозой окружения весь центральный участок Восточного фронта. Вопрос стоял предельно просто: сражаться или отступать. Собственно, отступление уже шло полным ходом, и, к великому облегчению фронтового командования, речь шла об организованном отводе войск на разумно определенную линию — Курск — Орел — Гжатск. Риск заключался в том, что стремительные и глубокие прорывы немецкой обороны на отдельных участках могли вызвать резкое падение боевого духа немецких войск. Кроме того, приходилось бросать большое количество боеприпасов и техники.

Удерживать фронт, по мнению фронтового командования, было бы самоубийственным актом. Состояние войск Восточного фронта начисто исключало подобную возможность. Однако Гитлер положил конец колебаниям своих полководцев. 18 декабря он передал в штаб группы армий «Центр» свое распоряжение:

«Командующие всех уровней несут прямую ответственность за то, чтобы подвигнуть солдат к фанатичному сопротивлению, невзирая ни на какие прорывы противника с флангов или с тыла».

Иными словами, это был приказ «не отступать ни на шаг». За два дня до этого состоялся телефонный разговор Гитлера с фельдмаршалом фон Боком. Гитлер воспретил командующему группой армий «Центр» любые отводы сил. «Ни шагу назад!» — подытожил фюрер.

В середине декабря начальник штаба 4-й армии генерал Гюнтер Блюментритт был вызван на совещание высшего командного состава. Брешь между 4-й армией Клюге и 2-й танковой армией Гудериана продолжала увеличиваться. Резервов для того, чтобы нейтрализовать угрозу южному флангу, не было. Одна моторизованная дивизия находилась на марше, следуя на запад к Юхнову. Когда Блюментритта вызвал по телефону его давний друг и соратник по штабу группы армий «Центр» начальник штаба группы армий генерал фон Грейфенберг, как раз обсуждался вопрос о возможности отвода сил 4-й армии южнее автомагистрали Москва — Смоленск. «Вы уж там у себя как-нибудь выходите из положения. Только что поступило новое распоряжение Гитлера — 4-я армия не отступит ни на сантиметр». Блюментритт был ошеломлен:

«Согласно всем прогнозам это могло означать лишь одно — разгром и гибель 4-й армии. Но приказ есть приказ. Части, уже начавшие продвижение на запад, были срочно остановлены и возвращены на фронт. 4-я армия готовилась дать свой последний бой, и лишь чудо могло уберечь ее от поражения».

Адольф Гитлер решил взять на себя верховное командование всеми вооруженными силами рейха. Так что силам Восточного фронта предстояло сражаться, не отступая ни на шаг, либо, если понадобится, погибнуть.

Глава 17

«Медаль мороженого мяса»

«Вперед, камрады, нам приказано отходить!»

Юмор немецких пехотинцев

«Ни шагу назад» — таков приказ фюрера

«Этот приказ поверг меня в полнейшую апатию, — вспоминает один офицер из 198-й пехотной дивизии. — Не хотелось даже и думать ни о чем. Отныне для выживания требовалось уже куда больше расчетливости и умения предвосхитить события».

Ответственность за исполнение упомянутой директивы Гитлера целиком ложилась на командиров всех степеней.

Приказ фюрера, доведенный до личного состава батальона 9-го пехотного полка 23-й пехотной дивизии 4-й армии, гласил:

«...Позиции на Ламе должны быть удержаны любой ценой. Оборонять их до последнего солдата!»

Адольф Гитлер пошел наперекор мнению своих генералов. С раздражением наблюдая, как разваливается фронт, он решил освободить фронтовой генералитет от нелегкого бремени принятия решений. Фюрер «германской нации», а теперь и Верховный главнокомандующий ее вооруженными силами всегда бахвалился своим непревзойденным чутьем и умением выходить из кризисных ситуаций. Фельдмаршал фон Браухич вслед за командующим группой армий «Юг» Руддштедтом отправился в отставку. Из Браухича решено было сделать козла отпущения за провал операции «Барбаросса», равно как и за зимний кризис. Затем настала очередь еще одного фельдмаршала — фон Бока, предрекавшего разгром войск вверенной его командованию группы армий в случае, если ей не позволят отвести силы. 20 декабря фон Бок получил право на долгожданный «отдых по болезни». И пошло-поехало. 26 декабря 1941 года был освобожден от должности генерал-полковник Гудериан, один из наиболее рьяных противников пресловутой директивы фюрера «ни шагу назад». Генерал Гёпнер, агрессивный командующий 4-й танковой группой,

угодил в опалу за то, что в январе 1942 года осмелился ослушаться Гитлера, отступив на запад, чтобы избежать окружения. Лишенный воинского звания и наград, он не имел права надеть военную форму после отправки на покой. Неделей позже избавились и от командующего 9-й армией Штрауса, а 17 января слетел с должности командующий группой армий «Север» фон Лееб. В течение зимы 1941/42 года свыше 30 генералов, командующих корпусами и дивизиями, были смещены с занимаемых должностей. Именно им войска Восточного фронта были обязаны своими триумфальными успехами в первые недели кампании в России вплоть до трагических дней декабря 1941 года у ворот Москвы. Теперь они удалились от дел. Отправив этих полководцев в отставку, Гитлер завершил процесс перерождения войск Восточного фронта, начавшийся в июне 1941 года. Рудименты Веймарской республики и бывшего Генштаба исчезли. Войска Восточного фронта и весь вермахт превратились в послушное орудие нацистского рейха.

Естественно, что почти одновременный уход со сцены такого количества опытных командных кадров в разгар кризиса на фронте не мог не повлиять на ведение и исход операций. Гитлер, инстинктивно понимая это, стремился свести к минимуму негативные последствия кадровых перестановок. Чутье участника Первой мировой войны подсказывало ему, что солдат во время отступлений и кризисов куда легче предсказуем и управляем, если получает приказ стоять насмерть. Этим сразу устранялись все двусмысленности и недомолвки. Ведь солдат в кризисные моменты как никогда нуждается в ясности и определенности, а немецкий солдат и того более. Лейтенант танковых войск Фридрих-Вильгельм Кристианс впоследствии пояснял:

«Прошу вас, даже не спрашивайте меня о том, жаловались ли мы или имели на этот счет свое мнение. Что нам оставалось? Ни о какой свободе действий и речи не было и быть не могло! Подобные вопросы даже не поднимались. Нам ставились задачи и отдавались приказы, и мы воспринимали их всерьез».

Другой причиной командных перестановок было стремление Гитлера свести на нет проявления любой инициативы на фронтах. Войскам Восточного фронта предстояло свершить немыслимое, и без жертвоприношений было не обойтись. Посему Гитлеру требовались не мыслящие, а исполнительные командиры. В таком случае стратегическая инициатива и контроль за проведением операций автоматически становились прерогативой Верховного главнокомандующего, и даже подобие коллегиальности уходило в небытие. И в этой карикатурной

методике ведения военных действий безудержно возобладала централизация, хотя противники Германии мало-помалу начинали понимать все преимущества децентрализации — именно вермахт, а не кто-нибудь еще наглядно продемонстрировал на примере блицкрига, что военные победы напрямую зависят именно от инициативности командиров всех степеней.

Первая фаза советского наступления хоть и отбросила немцев от Москвы, однако состояние агонии, в которую оказались повергнуты войска группы армий «Центр», превзошло все, даже самые смелые ожидания Сталина. Задумав, детально спланировав и с успехом осуществив, в общем, довольно заурядную контрнаступательную операцию, русские не имели возможности придать ей более широкий масштаб без ввода в бой дополнительных сил и без соответствующего их обеспечения. Темпы советского наступления замедлялись прямо пропорционально удаленности передовых частей от баз войскового снабжения. И тут Гитлер отдает группе армий «Центр» приказ стоять насмерть. Выпавшее на долю группы армий суровое испытание было отмечено особой медалью «*In Osten 1941-42*» (Восточный фронт 1941–1942 гг.), которой награждались участники боевых действий под Москвой в указанный период. Немецкие солдаты с характерным для них мрачным юмором тут же окрестили награду «Орденом мороженой плоти».

Для уже знакомого нам фельдфебеля Готфрида Бекера из 9-го пехотного полка это означало отморожение обеих рук. На второй день Рождества, 26 декабря 1941 года, забывчивость обернулась для него трагически — Бекер, вынужденный под обстрелом советской артиллерии покинуть теплое убежище в одной из деревень, позабыл рукавицы. Руки фельдфебелю чудом не ампутировали, лечение продлилось несколько месяцев, начавшись в госпиталях Вязьмы и Смоленска, где ему оказали первую помощь, и завершившись уже в Германии.

Всю вторую половину декабря и немцы, и русские лихорадочно усиливали войска. Гитлер распорядился стянуть под Москву 17 дополнительных дивизий из оккупированной Европы, на что потребовалось время. Вдохновленный успехом Сталин разрабатывал куда более амбициозные планы новых контрударов. Вторая фаза советского наступления в первой половине января 1942 года ознаменовалась еще одной попыткой прорыва кольца окружения вокруг Ленинграда. Одновременно с этим начались операции на южном и юго-западном фронтах. Произошла высадка советских сил в Крыму. На центральном участке фронта предпринимались попытки окружить немцев ударами из

Ржева на севере и из Сухиничей на юге по сходящимся у Вязьмы направлениям. Все это вынудило Гитлера отвести свои войска туда, откуда немцы начинали операцию «Тайфун» в октябре. В ходе отступления многие немецкие части попали в окружение, однако линия фронта сократилась, что дало возможность заделать наиболее опасные бреши в ней. Вскоре русские предприняли еще одно наступление с севера, целью которого было освобождение Смоленска. Несмотря на то, что немецкую оборону удалось прорвать, вскоре стало ясно, что русские переоценили свои силы и к тому же распылили их, стремясь достичь сразу нескольких целей. Это не только избавило немцев от окружения, но и дало им возможность разделиться с отдельными, прорвавшимися в тыл группировками советских войск.

Тем временем в рейхе с большой помпой прошла кампания по сбору теплой одежды для солдат Восточного фронта. Впрочем, задуманное Министерством пропаганды мероприятие посеяло и неуверенность в массах. Скептики быстро сообразили, в чем дело. В отчетах СС о ситуации в рейхе постоянно упоминается бросающееся в глаза противоречие: солдаты Восточного фронта в теплом зимнем обмундировании на экранах кинохроники, с одной стороны, и сбор теплых вещей для фронта — с другой. Это подтвердил после войны в своих воспоминаниях и бывший министр вооружений Альберт Шпеер:

«Все мы ликовали по поводу успехов нашей армии в России, но первые сомнения возникли, когда Геббельс вдруг организовал общегерманскую «акцию» по сбору теплой одежды для солдат Восточного фронта. Тут-то мы и поняли, что произошло нечто непредвиденное».

«Непредвиденное» заключалось в том, что немецкий солдат впервые за эту войну утратил уверенность в будущих победах. Впервые грядущее рисовалось в мрачном свете. Впрочем, речь идет не только о солдатах. Вот что пишет офицер штаба Гудериана Бернд Фрейтаг фон Лорингофен:

«Поражение у ворот Москвы подействовало на нас весьма угнетающе. С одной стороны, война, похоже, была проиграна, нет, она на самом деле была проиграна, и победа теперь могла быть достигнута лишь ценой невероятных усилий. С другой, вызвала глубокое огорчение и непонимание та легкость, с которой Гитлер отправил в отставку столь многих квалифицированных командиров».

Постскриптум к плану «Барбаросса»

«Мир затаит дыхание», — заявил Гитлер 22 июня 1941 года, когда

почти три миллиона немецких солдат внезапно вторглись на территорию Советского Союза. Операция «Барбаросса» представляла собой самую крупную военную операцию за всю историю германской нации. Эта кампания, вскормленная предыдущими победами в Западной Европе, имела все шансы на успех, однако всего четыре месяца спустя боеспособность войск Восточного фронта катастрофически упала. Последнее наступление на Москву стало скорее импровизацией, азартной игрой, нежели детально спланированной, продуманной в оперативно-тактическом отношении операцией. Этому способствовал целый ряд факторов, которые следует рассмотреть по отдельности.

Главным и основополагающим фактором начального периода кампании в России был фактор внезапности. Начало войны с Советским Союзом застало врасплох не только Красную Армию, оно явилось сюрпризом и для многих солдат и офицеров вермахта.

Советский Генштаб, метавшийся между Сциллой и Харибдой наступательной и оборонительной конфигураций в приграничных районах, впал в ступор вследствие скорого, практически «молниеносного» разгрома своих основных сил. А разгром этот был сокрушительным, он ознаменовался невиданными в военной истории окружениями и пленением сотен тысяч солдат. Наступление на Москву началось поздней осенью, невзирая на приближавшуюся зиму. Немецкий Генштаб не оценил мощи Советской России, ошибочно приняв ее за «колосса на глиняных ногах». Первоначальную мощь Красной Армии в 200 дивизий вскоре пришлось пересмотреть и оценить ее в целых 360.

Скоропалительно окрещенный «раем для недочеловеков» Советский Союз оказался в состоянии обеспечить свою армию танками, неуязвимыми для снарядов немецких пушек, скоростными и маневренными истребителями, реактивными минометами «катюша». Все это как-то не вписывалось в теории о расовой неполноценности, старательно вбиваемые в головы бюргеров в рейхе и солдат на Восточном фронте.

Бескрайние просторы страны под названием Россия также придали этой войне особую специфику. Немецкий солдат оказался не готов действовать в условиях, когда тылы попадали под контроль быстро и скрытно сформированных партизанских отрядов, в условиях, когда линия фронта неумолимо и страшно растягивалась, когда войсковой подвоз уподоблялся экспедиции в неизведанное.

Операция «Барбаросса» стала самой продолжительной кампанией начиная с 1939 года. До июня 1941 года теория, стратегия и тактика «блицкрига» срабатывали. На шестой неделе войны с Советским Союзом войска Восточного фронта все еще топтались у Смоленска, увязнув в боях по разгрому окруженных частей Красной Армии. Именно этот период кампании характерен стремительным ростом немецких потерь. Следующей неожиданностью стало первое в ходе этой войны поражение. Контрудар Жукова под Москвой, по сути, примитивнейшая и по замыслу, и по способу проведения операция поставила войска Восточного фронта на колени. И это поражение вермахта лишь на первый взгляд может показаться неожиданным. Ему в немалой степени способствовала череда пирровых побед — разгромов окруженных группировок противника, съедавших и время, и массы войск.

Дело в том, что немцам до сих пор не приходилось сталкиваться с проблемой физического уничтожения войск противника, оказавшихся в кольце окружения. Как не приходилось сталкиваться с отпором, подобным тому, какой им оказали защитники Брестской крепости. В результате немцы только в ходе приграничных боев потеряли больше, чем за всю кампанию во Франции. Сражения у Минска и Смоленска отвлекли на себя до 50 % всех сил группы армий «Центр». Рассеченные на фрагменты группировки противника во Франции, Польше и других странах мирно сдавались. Русские же предпочитали сражаться до конца. Так что в России одним только окружением противника добиться решительных побед было нельзя. Его требовалось еще и разгромить, уничтожить физически. На это уходило драгоценное время. Танкисты не могли полагаться в этом исключительно на свои силы, им требовалась поддержка пехоты. А пехота, как правило, не поспевала за быстрыми танками, и ее приходилось дожидаться, отбиваясь

от беспокоящих атак скрывавшихся в лесах разрозненных групп противника. И не случайно в письмах с фронта в первые месяцы войны упоминаний о чисто оборонительных и досадных локальных схватках с русскими ничуть не меньше, чем похвалы о победоносных и скорых продвижениях вперед.

Операция «Барбаросса» отличалась от предыдущих кампаний еще и тем, что в Советском Союзе вермахту предстояло вести войну не только против регулярных частей Красной Армии, но и против гражданского населения, поскольку эта война имела ясно выраженную идеологическую окраску. Иными словами, война в России служила ярким примером «войны на уничтожение».

В ряду немаловажных причин краха плана «Барбаросса» следует упомянуть и неспособность германского Генштаба своевременно учесть и оценить уровень потерь войск Восточного фронта к сентябрю 1941 года. И по численности, и по кадровой структуре войска в этом месяце сильно отличались от тех, которые пересекали границы Советского Союза. Потери офицерского и унтер-офицерского состава тяжело отразились на боеспособности войск.

Общая неготовность вермахта к войне проявилась и по части боевой техники и тяжелых вооружений. Танки и моторизованные части, этот стальной кулак блицкрига, уже по прошествии первых месяцев нуждались в пополнении, как личным составом, так и материальной частью.

Боевую мощь войск можно сокрушить тремя способами: переиграть ее концептуально, уничтожить физически и сломить ее боевой дух. Концептуальная победа означает использование более совершенной стратегии, тактики.

Все три способа, все три составляющих боевой мощи оказались под угрозой — германские войска побеждали, но вынуждены были побеждать ценой самоуничтожения.

Примечания

Из текста неясно, где именно располагалась часть И. Гельцера, поскольку из района «севернее Бреста» она никак не могла наносить удар в район «севернее Львова». Очевидно, здесь мы имеем дело с ошибкой автора. (Прим. ред.)

Возможно, речь идет о польском городе Влодава. (Прим. ред.)

Принцип необходимого знания — стратегия защиты информации, соответственно которой пользователь получает доступ только к данным, безусловно необходимым ему для выполнения конкретной функции. (Прим. перев.)

Совещание, на котором Гальдер сформулировал эти задачи, состоялось 28 января 1941 года, о чем имеется соответствующая запись в дневнике начальника германского Генерального штаба. См. Гальдер Ф. Военный дневник. Т.2. М.: Воениздат, 1969. (Прим. ред.)

Автор ошибается. Вот что записано в дневнике у Гальдера: «У нас 33 подвижных соединения; моторизованные артиллерия, инженерные войска, войска связи и т. п. (Прим. ред.)

В момент церемонии передачи Бреста советские части уже были на улицах города, но в прохождении перед Гудерианом не участвовали. (Ред.)

28 сентября 1940 г. Гитлер издал приказ о предоставлении «производственных отпусков» военнослужащим вермахта. Планировалось временно направить в военную промышленность не менее 300 тыс. квалифицированных рабочих для увеличения производства вооружения и боевой техники. Однако в апреле 1941 г. они были возвращены в вермахт. — См. G. Thomas «Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918–1943/45). S. 271–273. (Прим. ред.)

Говоря об относительной слабости германских механизированных войск, автор несколько сгущает краски. Так, слабые танки Т-I и Т-II к началу вторжения в СССР составляли не больше трети от общего количества танков вермахта и использовались в основном только в разведке и для связи. (См. Г. Гудериан «Воспоминания солдата».: Смоленск: Русич, 1999. С 193.) Среднемесячный выпуск танков и штурмовых орудий в Германии увеличился со 180 в 1940 г. до 270 в первом полугодии 1941 г. (Прим. ред.)

26 апреля 1941 г. в своем дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер сделал такую запись, посвященную вопросу материально-технического снабжения войск: «После формирования [автотранспортных] полков за счет выделения машин из гражданского сектора и из национал-социалистского автомобильного корпуса потребность в автотранспортных средствах, кажется, полностью покрыта». (См. Ф. Гальдер. «Военный дневник». Т.2., М: Воениздат, 1969). (Прим. ред.)

В первом стратегическом эшелоне сил вторжения находилось 129 немецких дивизий и 37 дивизий стран-сателлитов. Еще 24 дивизии находились в резерве ОКХ.

В составе Прибалтийского ОВО имелось 19 стрелковых, 2 механизированных, 4 танковых дивизий и 1 стрелковая бригада, объединенных в 6 стрелковых и 2 механизированных корпуса. При этом входившая в состав Приб ОВО 27-я армия еще только формировалась западнее Пскова.

Западный ОВО насчитывал 8 стрелковых, 6 механизированных корпусов и 1 кавалерийский корпус (24 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии).

Киевский ОВО состоял из 11 стрелковых корпусов, 8 мехкорпусов и 1 кавалерийского корпуса (26 стрелковых, 6 горнострелковых, 16 танковых, 8 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии).

В состав Одесского ОВО входили 4 стрелковых, 2 механизированных и 1 кавалерийский корпус (13 стрелковых, 4 танковых, 2 моторизованные и 3 кавалерийские дивизии).

Ленинградский военный округ имел в своем составе 15 стрелковых, 4 танковых, 2 моторизованные дивизии и 1 стрелковую бригаду (5 стрелковых и 2 механизированных корпуса). (Прим. ред.)

Автор ошибается. В состав 3-й армии, штаб которой находился в Гродно, входил только один 11-й мехкорпус (204 мд, 29 тд, 33 тд). Он насчитывал 237 танков (из них 22 танка Т-34). При этом практически все танки находились на вооружении 29-й тд (командир — полк. Н.П. Студнев). В двух других дивизиях корпуса насчитывалось по 30–40 танков Т-26. Автомобилями корпус был укомплектован на 15 %. Стрелковые дивизии имели некомплект даже по штатам мирного времени до 2–3 тысяч человек. Вообще, из шести мехкорпусов, входивших в состав Зап ОВО, полностью боеготовым мог считаться только 6-й, в котором был 1021 танк, из них 352 Т-34 и КВ. 7-й и 20-й мехкорпуса находились на стадии формирования. (См. Басюк І.А. «Навагрудскі «кацёл». — Гродна: ГрДУ, 1998. С. 23–31.) — Прим. ред.

Автор приводит данные цифры, ссылаясь на материалы допросов советских военнопленных, опубликованные в западной печати. Никакими другими источниками они не подтверждаются. Командующий Зап ОВО генерал Д.Павлов на допросе сообщал, что резерв горючего для танков всего фронта составлял всего 300 тонн, а остальное горючее Западного особого военного округа по плану Генерального штаба находилось на складах в Майкопе. (См. Протокол допроса арестованного Павлова Д.Г.) — Прим. ред.

Автор ошибается. Приведенные им цифры представляют собой суммарное количество сил по пяти приграничным округам: Лен ВО, Приб ОВО, Зап ОВО, КОВО, Од ВО. В Западном особом военном округе насчитывалось 671 900 солдат и офицеров, ок. 3000 танков, 13 938 орудий и минометов и 1789 самолетов. — Прим. ред.

Автор преувеличивает. Немецкие танки по своим тактико-техническим характеристикам уступали лишь новейшим советским танкам Т-34 и КВ.

Цифры занижены. Согласно данным военного архива ФРГ в г. Фрейбурге для участия в операции «Барбаросса» люфтваффе сосредоточило 953 бомбардировщика, 1025 одномоторных истребителей, 93 двухмоторных истребителя, 306 пикирующих бомбардировщиков и около 1000 транспортных и разведывательных самолетов. Кроме того, к операции привлекались почти 1000 самолетов союзников Германии. Таким образом, силы Германии и ее союзников насчитывали почти 4700 самолетов, включая примерно 1600 истребителей. — Прим. ред.

Автор ошибается. Группу армий «Центр» поддерживала вся авиация 2-го воздушного флота, которым командовал фельдмаршал А.Кессельринг — Прим. ред.

По мнению немецкого историка О. Гроелера, для нападения на СССР немцы сосредоточили 70 % своей авиации. Союзники выставили следующие силы: Румыния — 423 самолета, включая 170 истребителей; Финляндия — 307 самолетов (230 истребителей); Венгрия и Италия — приблизительно по 100 самолетов; Хорватия — 60 машин; Словакия — 50. — Прим. ред.

В западных округах было сосредоточено 7133 самолета всех типов, в остальных — 6155 машин. — Прим. ред.

Так у автора. — Прим. ред.

Сцену в кабинете Риббентропа автор приводит по книге Кнопп G.: Der Verdammte Krieg; C. Bertelsmann Verlag, Munhen,1991.

К подсчетам потерь люфтваффе во время войны нередко прикладывали руку сотрудники аппарата Геббельса, стремившиеся показать ход боевых действий на Восточном фронте в выгодном свете. Таким образом появилась цифра, которую приводит автор. Общий список потерь немецкой авиации, по данным военного архива германской армии (Bundesarchiv-Militärarchiv. RL 2 III/1177 Flugzeugungfalle und — verluste des fliegenden Verbanden seit 30.05.1941 bis 02.08.1941), составляет 78 самолетов. При этом следует помнить, что немцы учитывали процент повреждений каждой машины и не считали уничтоженными те, где повреждений было меньше 60 %, а таких за первый день войны насчитывается еще 89. Отметим, что подобные потери люфтваффе до того понесло только однажды во время битвы за Англию 18 августа 1940 г. (70 самолетов). — Прим. ред.

Анастасия Антоновна Никитина-Аршинова 12 дней находилась в осажденной крепости. Затем сражалась в партизанском отряде Чернака, Брестского соединения. После войны жила и работала в Бресте. — Прим. ред.

Автор ошибается. Всего в состав группы армий «Север» входили 20 пехотных дивизий, 3 танковые дивизии, 3 моторизованные дивизии и 3 охранные. То, что автор называет «армейскими корпусами», на самом деле являлось полноценными полевыми армиями — 16-й и 18-й. Авиация 1-го воздушного флота насчитывала около 530 самолетов. Общая численность войск группы армий составляла св. 700 000 чел. Предполагалось, что до 4 июля 1941 года из резерва Главного командования сухопутных войск в состав группы армий придут еще две пехотные дивизии. — Прим. ред.

4-я танковая группа Эриха Гёпнера насчитывала 631 танк в составе двух моторизованных корпусов.

Возможно, автор имеет в виду Ткачеву Прасковью Леонтьевну, старшую медсестру хирургического отделения госпиталя. П.Л. Ткачева находилась на Волынском укреплении до 25 июня, а летом 1942 года стала связной в партизанском отряде имени Чернака Брестского соединения. После войны жила и работала в Бресте. — Прим. ред.

Очевидно, автор имеет в виду здание, в котором размещалась школа младших командиров. — Прим. ред.

Это мнение автора верно только в отношении новейших типов советских танков Т-34 и КВ. Остальные танки, находившиеся на вооружении Красной Армии, либо уступали немецким по тактико-техническим показателям, либо имели приблизительно такие же характеристики. — Прим. ред.

На базе танка «Кристи» в Советском Союзе был создан танк БТ. –
Прим. ред.

Цифры, приводимые автором, расходятся с теми, которые приняты в российской исторической науке. Так, по данным журнала «Бронеколлекция» (№ 1, 1998), на 1 января 1941 г. танковые войска Красной Армии располагали 9665 танками Т-26 всех модификаций. Из них в Западном особом военном округе, например, на 22 июня 1941 г. имелось 1136 танков Т-26 — 52 % всех танков округа.

В западных приграничных округах имелось 197 танков БТ-2, 507 БТ-5 и 2785 БТ-7.

На 22 июня 1941 г. было выпущено 1225 танков Т-34. К началу войны в Киевском особом военном округе находилось 694 танка этого типа, в Западном — 268 и в Прибалтийском — 108 единиц.

Танков КВ в Киевском особом военном округе было 320 машин, в Западном — 117, а в Прибалтийском — 79. — Прим. ред.

Автор ошибается. На самом деле 2-ю и 3-ю танковые группы подчинили командующему 4-й полевой армией фон Клюге и, соответственно, несколько соединений из ее состава передали во 2-ю армию Вейхса. Танковые армии в вермахте были созданы несколько позже, во время наступления на Москву. — Прим. ред.

Непонятно, о ком говорит автор. обороной Восточного форта руководил командир 44-го стрелкового полка майор П.М. Гаврилов, который попал в плен на 32-й день войны.

Ошибка автора. 45-я дивизия не могла начинать войну в составе 4-й танковой армии, поскольку сама армия была создана значительно позже. — Прим. ред.

Так у автора. Генерал танковых войск Кунтцен командовал 57-м танковым корпусом, в состав которого входили 12-я и 19-я танковые дивизии и 18-я моторизованная дивизия. — Прим. ред.

7-я танковая дивизия, которой командовал генерал-майор фон Функ, входила в состав 3-й танковой группы Гота. Вот что пишет генерал-полковник Гот о действиях этой дивизии 7 июля в своем докладе командующему 4-й танковой армией: «4. Донесение командира 39-го танкового корпуса. Перед фронтом 7-й танковой дивизии противник активности не проявляет. Один из танковых полков в районе Сенно отбил атаки танков противника, которые отошли в южном направлении. В бою подбито четыре 50-тонных танка противника».

Непонятно также, почему бои под Сенно (северо-западнее Орши) автор приводит в качестве примера действий против окруженного противника. На тот момент окруженных советских войск в этом районе не было. — Прим. ред.

В «Военном дневнике» Ф. Гальдер, упоминая события этого и следующих дней, отмечает, что немецким войскам так и не удалось окончательно окружить войска в районе Смоленска. — Прим. ред.

Автор что-то путает. Толочин находится на трассе Минск — Орша, и во время Смоленского сражения 16-я армия, которой командовал генерал М.Ф.Лукин, не могла там находиться, поскольку с 15 июля вела бои за Смоленск и в самом Смоленске. — Прим. ред.

Автор не точен. На железнодорожной линии Смоленск — Ельня нет станции с таким названием. — Прим. ред.

В это время 4-й армией командовал полковник Л.В. Сандалов. —
Прим. ред.

Следует иметь в виду, что эти слова Д. Волкогонов написал уже много позже после войны, когда в чине генерал-полковника опубликовал ряд книг, в которых резко отрицательно отзывался о роли Сталина в Великой Отечественной войне. — Прим. ред.

Автор забывает, что приказы о необходимости «окончательно решить еврейский вопрос» как раз и отдавались этими самыми «высшими инстанциями». — Прим. ред.

В состав 9-й полевой армии вермахта входили 12 пехотных дивизий, 1 охранная дивизия и 1 бригада. Кроме того, она взаимодействовала с 3-й танковой группой Гота. Всего 9-я армия насчитывала не менее 150 000 солдат и офицеров. — Прим. ред.

Автор забывает упомянуть о том, что этих «зрителей» часто специально сгоняли на площади, чтобы наглядно продемонстрировать силу и преимущества «нового порядка». — Прим. ред.

Автор ошибается. Д. Волкогонов родился 22 марта 1928 г. и службу в рядах Советской армии начал только в 1949 г. В 1941 г. ему было тринадцать лет, и по этой причине он не мог быть младшим штабным офицером. — Прим. ред.

Автор допускает неточность. В этот период времени Ставка планировала нанести контрудар по левому флангу танковой группы Гудериана частью сил Брянского фронта. Предполагалось, что командование Юго-Западного фронта сформирует ударную группу, которая должна будет действовать против конотопской группировки противника совместно с войсками Брянского фронта. 11 сентября состоялось несколько разговоров Сталина с командующим Юго-Западным направлением С. М. Буденным и командующим фронтом Кирпоносом. Так, в 8 часов утра Ворошилов отмечал, что отход Юго-Западного фронта является назревшим, если Ставка «не может сосредоточить сильной группы» для противодействия замыслу противника по охвату войск фронта. Вечером того же дня Сталин не отверг идею отвода войск, но при этом выдвинул ряд условий, при которых стала бы возможной эвакуация Киева. Одним из основных был отвод 5–6 дивизий за реку Псел и организация там нового рубежа обороны. — Прим. ред.

Непонятно, какие именно машины имеет в виду автор. Судя по дневниковым записям Ф. Гальдера, обстановка со снабжением войск и материальной частью до этого времени оставалась удовлетворительной. (См. Ф. Гальдер. «Военный дневник») — Прим. ред.

Автор ошибается. Об этой «досадной детали» знает любой, кому приходилось проезжать через пограничные советские станции, где поезда довольно долго стоят, ожидая смены колесных пар. А немецкие специалисты и дипломаты, надо полагать, не раз пользовались железнодорожным транспортом. — Прим. ред.

В воспоминаниях генерал-полковника Сандалова о месте сосредоточения танковой группы Гудериана говорится так: «Лучшего района для наступления танковой группы на Москву, чем район Глухов — Новгород-Северский — Шостка, не найти. Путь оттуда на Орел и Тулу был кратчайшим. Десну форсировать не нужно. Брянские леса остаются на севере. Однако командование и штаб Брянского фронта не смогли расшифровать этот легкий шифр». — Прим. ред.

Автор преувеличивает «слабость» ударной фашистской группировки. По архивным данным, группа армий «Центр» на 1 октября 1941 г. насчитывала 1800 тыс. человек, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков. — Прим. ред.

Автор ошибается. Ставка еще 10 сентября потребовала от командования Западного фронта перейти к обороне и создать фронтовые и армейские резервы. Ошибка советского командования заключалась в том, что оно не смогло выявить замысел противника и определить направления его главных ударов. — Прим. ред.

Автор ошибочно называет моторизованные полки, входившие в состав танковых дивизий, пехотными. — Прим. ред.

В конце сентября в группе армий «Центр» насчитывалось 74,5 дивизии. На 1 октября она имела в своем составе 1800 тыс. человек, свыше 14 тыс. орудий и минометов и 1700 танков. Это составляло 42 % людей, 33 % артиллерии и 75 % танков от общего их количества на советско-германском фронте. Советские войска уступали противнику в 1,5–2 раза как в личном составе, так и в боевой технике. — Прим. ред.

По данным советских архивов, в составе трех советских фронтов к началу операции «Тайфун» насчитывалось ок. 1250 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий и минометов и 990 танков, в основном легких. Таким образом, данные, приводимые фельдмаршалом в своем приказе, представляются завышенными. — Прим. ред.

Автор ошибается. В группе армий «Центр» для наступления на Москву немецкое командование могло использовать еще 4-ю танковую группу Гёпнера и 2-ю танковую группу Гудериана (с 6 октября 2-я танковая армия), а также несколько десятков пехотных дивизий. — Прим. ред.

Перед началом операции «Тайфун» немецкое командование довело укомплектованность пехотных дивизий до 90 % и количество танков в танковых дивизиях до 70-100 % штатной численности. — Прим. ред.

Документов, подтверждающих это утверждение автора, не найдено. —
Прим. ред.

Существует ряд сомнений в подлинности показаний, которые Лукин давал в плену (ред.).

Постановление о введении в столице с 20 октября осадного положения было принято Государственным комитетом обороны. — Прим. ред.

Имеются и другие примеры того, какое впечатление произвела речь Сталина на простых советских граждан. — Прим. ред.

Утверждение дневника ОКВ о том, что при морозе -15 градусов вода в воронках не замерзала, вызывает некоторое удивление. Существует исследование голландского историка Ф. Тен Кате, в котором он приводит метеосводки за октябрь и ноябрь 1941 года. Он установил следующее. В 1941 году количество осадков, выпавших в октябре — ноябре, было ниже средней нормы (в октябре — 51 мм при средней норме 59 мм, в ноябре — 13 мм вместо 45 мм). Средняя месячная температура октября составила плюс 2,1 градуса (норма — 3,2), в ноябре — минус 5,3° (при норме — минус 2,3°). — Прим. ред.

Ни о чем подобном в дневнике генерала Гальдера упоминаний нет. По крайней мере, в таких выражениях. — Прим. перев. См. Гальдер Ф. Военный дневник. Запись от 20 ноября 1941 г.

В составе советской 56-й отдельной армии, действовавшей непосредственно на ростовском направлении, находились 5 стрелковых, 5 кавалерийских дивизий и одна танковая бригада. — Прим. ред.

Автор допускает неточность. В 1941 году немецкие войска уже несколько раз вынуждены были переходить к обороне и оставлять захваченные города. Самый известный пример — бои на Ельнинском выступе. — Прим. ред.

Автор ошибается. Г.К. Жуков командовал Западным фронтом. Московского фронта не существовало. — Прим. ред.

С 1 декабря 1941 г. до апреля 1942 г. 28-я армия находилась в резерве Ставки ВГК. 39-я армия, сформированная в ноябре, с 22 декабря участвовала в Калининской операции. 58-я армия участия в битве за Москву не принимала, т. к. после сформирования в начале ноября была передислоцирована на территорию Архангельского военного округа, где вела работы по оборудованию оборонительного рубежа по берегу Мариинского канала от Онежского озера до озера Белое. 60-я армия, также сформированная в ноябре, в начале декабря получила задачу по оборудованию оборонительного рубежа по левому берегу р. Волга на участке от Унжи до Козьмодемьянска и Горьковского УР. Передовые отряды двух стрелковых дивизий 61-й армии вступили в бой с немецко-фашистскими войсками 6 декабря в р-не ст. Павелец. Таким образом, из упоминаемых автором пяти армий непосредственно в битве за Москву участвовали только две. Без подобного уточнения может возникнуть несколько превратное впечатление о соотношении сил в ходе Московского сражения. — Прим. ред.

В истории битвы за Москву подобные случаи не зафиксированы. —
Прим. ред.

Автор постоянно путает хронологию событий. Древний русский город Волоколамск находится в 129 км к северо-западу от Москвы, и советские войска оставили его после четырехдневных боев 28 октября 1941 г. — Прим. ред.

Еще один пример путаницы, которую допускает автор. В октябре 1941 г. М.Е. Катуков командовал 4-й танковой бригадой, которая действовала в р-не г. Мценска (49 км к северо-востоку от г. Орла). 11 ноября бригаде было присвоено звание 1-й гвардейской танковой, а в район Кубинки под Москву ее перебросили в середине ноября. — Прим. ред.

Данное утверждение автора не соответствует истине. В доказательство следует привести отрывок из дневника генерал-фельдмаршала фон Бока от 28.11.1941 г.: «Рейнхардт желает знать, стоит ли «любой ценой» удерживать эти плацдармы. Передаю ему свой ответ: «Нет, нам ни к чему бессмысленные потери!» — Прим. перев.

Чтобы быть точным, 20-я армия тоже была сформирована заново перед началом контрнаступления под Москвой. — Прим. ред.

Автор допускает неточность, рассказывая о битве под Москвой. 12-я армия не принимала участия в этих боях. После формирования в августе 1941 г. в ее состав входили две стрелковых, одна танковая дивизии и ряд отдельных частей. Во время Ростовской наступательной операции (ноябрь — декабрь 1941 г.) войска армии действовали на ворошиловградском направлении. 10-я армия до начала декабря находилась в резерве Ставки ВГК юго-западнее Рязани. 24-я армия начала формироваться только в декабре 1941 г. (2-е формирование), когда ей были переданы 385-я стрелковая дивизия и остатки других частей. Она находилась в резерве Московской зоны обороны до 1 мая 1942 г. 3-е формирование 26-й армии началось в ноябре 1941 г. 18 декабря 1941 г. она была передана в состав Волховского фронта и также не принимала участия в контрнаступлении под Москвой. Позже она была переименована во 2-ю ударную армию. 60-я армия занималась в ноябре оборудованием оборонительных рубежей по левому берегу р. Волга на участке от Унжи до Козьмодемьянска и Горького. В конце декабря 1941 г. преобразована в 3-ю ударную армию. Из всех перечисленных автором «резервных» армий в контрнаступлении под Москвой принимала участие как раз только 61-я армия. Ее передовые части 6 декабря вступили в бой с немецкими войсками в р-не ст. Павелец. — Прим. ред.

По советским источникам, к началу декабря группа армий «Центр» имела в своем составе 1708 тыс. человек, ок. 13 500 орудий и минометов, 1170 танков и 615 самолетов. Советские войска насчитывали ок. 1100 тыс. человек, 7652 орудия и минометов, 774 танка и 1000 самолетов. — Прим. ред.

Эти утверждения автора, как нетрудно заметить, находятся в противоречии с тем, что он говорит несколькими предложениями выше. — Прим. ред.

Справедливо будет оставить на совести автора утверждения о том, что с сентября «истекали кровью и страдали от недостатка всего необходимого» только солдаты вермахта. Давно известны утверждения западных историков о том, что морозы и распутица оказывали влияние на всех завоевателей, нападавших на Россию. При этом обычно они забывают упомянуть о том, что эти факторы не могут мешать только одной стороне. — Прим. ред.

Следует иметь в виду, что в состав 10-й армии 3-го формирования в ноябре — декабре входили 7 стрелковых и две кавалерийских дивизии. Никаких механизированных дивизий в то время она не имела. — Прим. ред.

Как уже упоминалось, в декабре 1941 г. «впоследствии видному историку» Д.Волкогонову исполнилось 13 лет и 9 месяцев, поэтому быть «в тот период лейтенантом» он никак не мог. — Прим. ред.

Судя по записям в дневнике фельдмаршала фон Бока, именно он неоднократно заверял ОКВ в том, что его войска способны продолжать наступление на Москву. — Прим. ред.